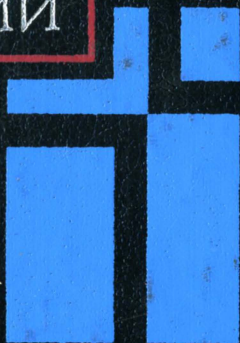

А Р К А Д И Й

СТРУГАЦКИЙ

Б О Р И С

СТРУГАЦКИЙ

Борис Стругацкий и Аркадий Стругацкий

Борис

Аркадий

А Р К А Д И Й
СТРУГАЦКИЙ
Б О Р И С
СТРУГАЦКИЙ

А Р К А Д И Й
СТРУГАЦКИЙ
Б О Р И С
СТРУГАЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ОДИННАДЦАТИ ТОМАХ

*Предлагаемые читателю
тексты произведений являются,
так сказать, "какомитаскими" или,
если угодно, "эталонными".*

2000

А Р К А Д И Й
СТРУГАЦКИЙ
Б О Р И С
СТРУГАЦКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

1955–1959

2000

Под общей редакцией
Светланы Бондаренко и
Леонида Филиппова

Текстологические работы
Светланы Бондаренко

Издатели благодарят группу «Людены»
за помощь оказанную в подготовке
настоящего собрания

Книга изготовлена при участии
издательства «Terra Fantastica»
Издательского Дома «Corvus»

Стругацкий А., Стругацкий Б.

С 87 Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1: 1955–1959 гг. —
Д.: «Сталкер»; СПб.: «Terra Fantastica» Издательского Дома
«Corvus», 2000. — 672 с.

ISBN 966-596-445-3

ISBN 966-596-446-1

ISBN 5-7921-379-8

В первый том собрания сочинений включены произведения,
написанные в период с 1955 по 1959 годы: «Страна багровых туч»,
«Извне», «Путь на Амальтею», рассказы.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 966-596-445-3

ISBN 966-596-446-1

ISBN 5-7921-379-8

© А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 2000

© А. Нечаев, оформление обложки, 2000

® CORVUS

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЛЮС

Большинство произведений А. и Б. Стругацких (АБС) писалось и издавалось в условиях жесточайшей цензуры и непрекращаемого произвола издательских начальников. В результате, практически все авторские тексты были в большей или меньшей степени искажены и изуродованы — либо рукой идеологически подкованных редакторов, либо (под давлением начальства) рукою самих авторов. Более того — искажения и исправления кочевали из одного переиздания в другое на протяжении многих лет. Поэтому задача — восстановить утраченное и исправить изуродованное, вернуть цензурные купюры, предложить читателю исходные тексты в том самом виде, в каком они изначально создавались авторами, — была, пожалуй, самой главной при подготовке к публикации настоящего собрания сочинений. В этом смысле предлагаемое читателю издание является, так сказать, «каноническим» или — «эталонным», если угодно.

Была и вторая задача: опубликовать в едином собрании по возможности все, что когда-либо у АБС печаталось, и добавить к этому если и не все, то, по крайней мере, многое — более или менее достойное — из никогда ранее не публиковавшегося. В этом смысле предлагаемое собрание является самым полным из всех, выпускавшихся до сих пор, хотя целый ряд материалов (кое-какие рассказы, сценарии, черновые тексты) я так и не решился по разным причинам в это собрание включить — ведь далеко не все, что было в свое время написано, нравилось самим авторам.

Принцип расположения материала по моему предложению избран был хронологический: читатель имеет возможность знакомиться с текстами АБС именно в той последовательности, в какой эти тексты сходили с пишущей машинки. Полагаю, это обстоятельство способно натолкнуть вдумчивого читателя на определенные размышления и дать ему возможность сделать свои собственные выводы как о недалеком пока еще прошлом, так и о неодолимо надвигающемся будущем.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что лично у меня никогда не хватило бы ни сил, ни терпения, ни умения проделать в одиночку всю ту поистине огромную работу, которую потребовалось проделать, чтобы довести это собрание сочинений до ума. И я пользуюсь случаем выразить искреннюю и самую глубокую благодарность всем-всем-всем, кто принимал участие в настоящем издании, и в первую очередь — членам группы «Людены», осуществившим титанический труд по корректировке и исследованию текстов, составлению библиографии и подготовке сопутствующих материалов: Светлане Бондаренко, Владимиру Борову, Виктору Ефремову, Вадиму Казакову, Алексею Керзину, Виктору Курильскому, Юрию Флейшману... Всех не перечислишь, но я не могу в этом благодарственном списке не упомянуть беспощадного и точного нашего редактора Леонида Филиппова; Питерского издателя Николая Ютанова, вложившего в эту затею так много сил и энергии; и, конечно же, конечно, — Главного Генерального Издателя — Александра Воронина, ведь это именно он весь этот проект изначально задумал, затеял, вдохновил и — в конечном итоге — реализовал.

*Спасибо, спасибо, спасибо всем вам,
энтузиасты, трудяги, мастера своего дела!*

Всегда ваш

Б. Стругацкий

УМНЫЙ НЕ СКАЖЕТ...

*Впрочем, не знаю, можно ли
пить зазеркальное молоко.
Не повредит ли оно тебе, Китти...
Льюис Керролл*

*Procul este, profani.
Vergilius*

ПРЕАМБУЛА

В фантастической литературе стало уже привычным мнение, что ценность внеземных цивилизаций лишь в том, что они вообще существуют, и единственная польза, которую можно извлечь из их существования, — взглянуть на себя *со стороны*.

Однако свежесть взгляда обусловлена в первую очередь способностями наблюдателя. И отнюдь не является функцией расстояния. Неужто не в состоянии мы, Человечество, при всех наших... (эпитеты пусть каждый домysлит в меру своего космопатриотизма) талантах вырастить в своих рядах некоторое количество *инопланетян*? Тем более, что потребность в них не так уж велика: одного-двух на протяжении столетия вполне хватит. Вспомните, мы ведь периодически и производим — так сказать, выдаем на-гора подобные личности — разного качества и степени *инопланетности*. А как *их* называть — дело десятое. [К примеру, один из *них* — Борис Штерн — остановился на термине *марсиане*.] Лишь бы эти странные личности делали то, ради чего мы их разводим и пестуем (читай: бьем, публично сжигаем или

ссылаем без лишнего шума — на выбор читающего и с поправкой на эпоху). Их задача — держать у нас перед глазами Зеркало. И чем сильнее этот прибор будет отличаться от простого стекла, покрытого слоем амальгамы (в каком-то мы видим *якобы* себя — да и то лишь когда сознательно в него смотримся), тем лучше выполняет данный пришелец свои обязанности. А уж какова будет наша реакция — от пресловутого рева Калибана до саркастической усмешки — сие держащего Зеркало волновать должно в последнюю очередь. Детская резвость толпы, порождающая как хвалу, так и клевету, говорит лишь об одном: отражение заметили. И ладно.

В каком-то смысле наиболее чистым выражением *зеркальной* функции литературы должна быть именно фантастика: уж она-то воистину смотрит *извне*. Или, точнее, могла бы смотреть. По идее... Впрочем, не будем о грустном. В конце концов, даже если среди книг большинство составляют исключения, это не значит, что само правило неверно: просто это большинство писали обычные *земляне*, а мы вовсе и не о них говорим.

Лучше попробуем продолжить логическую цепочку. Возможно, при этом — страшно подумать — мы сумеем наконец ввести хоть какое-то подобие классификации, научимся отделять литературу фантастическую от... Да, вот от чего ее нужно отделять?!

Итак, определение. Пусть *истинной фантастикой* называется то и только то, что удовлетворяет названному требованию: дает возможность взглянуть *извне*. И чем больше этот взгляд отвлечен от обыденно-обывательского, тем больше эта литература — фантастика. Ведь надо как-то различать. Не вытаскивать же на свет божий старое советское название: «Библиотека фантастики и приключений»!

Предложенное определение, конечно, не тянет на научную классификацию. Попробуем уточнить — на примере. Для наглядности проанализируем пару «книга — экранизация», где и писатель, и интерпретатор-режиссер — крупные фигуры, личности. Возьмем, например, «Солярис» (а усомнившийся в таланте Лема или Тарковского пускай сделает шаг вперед и назовется...).

Есть ли в книге *зеркальность*? Несомненно. Собственно, едва ли не главное в лемовском «Солярисе» — сторонний взгляд на человека. И все же — не только. Есть элементы и «чисто фантастические»: перелет, изоляция от человечества, новая техника; и вполне приключенческие, и даже элементы триллера: борьба с «плохими» и неверящими, истина и заблуждение, жизнь и смерть... Есть проблема контакта —

и — как частный ее случай — проблема взаимопонимания. И, наконец, увлекательный сюжет, «сделанный» профессионалом.

А что у Тарковского? А вот там, похоже, многое иначе. Фильм — не о контакте, не о перелетах, научных спорах, даже не о Солярисе. Фильм — о землянах, о проблемах человека. А фантастический антураж — только и именно прием. Но! Благодаря такому подходу мы получаем главное — возможность взглянуть *их* глазами. Да, глаза эти не принадлежат «зеленым человечкам» или планете-мозгу, это *всего лишь* глаза Андрея Тарковского — но о том и речь: Тарковский и есть *инопланетянин*. И по сравнению с мыслящей планетой имеет серьезное преимущество — общий с нами язык. Во всяком случае, шанс понять этот язык — есть. Так что по предложенной шкале, как это ни парадоксально, фильм может считаться фантастикой в большей степени, нежели книга, хотя и лишен многих элементов общепринято-фантастического антуража. И — особенно — той его части, которая позаимствована у смежников из приключенческого жанра. Помните? «Фантастика *и* приключения». А то и вовсе — серия «детектив *и* фантастика»...

Многие искренне не видят разницы. Да что там многие! Не кто-нибудь, а Борис Стругацкий (в недавнем интервью) вполне серьезно кладет фантастику в одну корзину с приключениями и детективом. И ни то, ни другое, ни третье к собственно литературе не относит. К *большой, настоящей* литературе. Ладно, мэтр может себе позволить немного и пококетничать. В конце концов, он ведь о фантастике *вообще*. А где «вообще», там и статистика. И книги Стругацких с такой точки зрения — возможно, вовсе и не фантастика. Но это — именно в смысле соотнесения с большинством, с «фантастикой вообще». А по шкале *зеркальности* может оказаться вполне даже и наоборот. Не судить же, в самом деле, по *большинству*!

И все же, пользуясь этой шкалой — шкалой *зеркальности*, мы вряд ли много оставим в нашей корзине. А проще? Неужто и впрямь фантастика — всего лишь приключения и лихо закрученный сюжет, только с добавлением звездолета? Да нет, конечно. Разница между жанрами очевидна. Опять же при условии, что *большинство* — не критерий. Иначе придется принять, что современная «фантастическая литература», кроме чисто внешних космонаучных или сказочных аксессуаров, непременно содержит и элементы дидактики — как сказали бы уважаемые критики от «литературы вообще». То есть, простенькую такую, на начальном-школьном уровне черно-белую мораль типа «что такое хорошо и...»

Если же от *большинства* отвлечься, то дело обстоит иначе: в фантастике любой, сколь угодно инопланетный антураж — всегда, только и исключительно прием. Человек ставится в необычную ситуацию не для того, чтобы внести в нее старое, известное, обкатанное. *«...Стоит вам попасть в другой мир, как вы сейчас же принимаетесь переделывать его наподобие вашего собственного. И конечно же, вашему воображению снова становится тесно, и тогда вы ищете еще какой-нибудь мир, и опять принимаетесь переделывать его...»* Слова Щекна из «Жука в муравейнике» — лучшая, на мой взгляд, характеристика того самого большинства в фантастике, то есть — фантастики плохой. Напротив, если фантастические правила игры ставят перед нами, читателями, человечеством, новые задачи (*«Я не боюсь задач, которые ставит перед собой человечество, я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-нибудь другой»* — это уже Горбовский из «Беспокойства») — тогда фантастика хорошая. А точнее — только это и фантастика.

Что же касается функции «научно-просветительской», она более не существует. Отмерла — не те времена. Так что уж извольте, пытаюсь учить человечество жить (или отличать «хорошо» от «плохо»), перестать на время быть частицей этого человечества; попробуйте стать *«кем-нибудь другим»*. Пришельцем, марсианином, инопланетянином... А наши собственные кухонно-бытовые проблемы нас не то чтобы не волнуют, но в восьмисотстраничном романе как-то не смотрятся. Будьте, господа сочинители, Странниками — не внегалактическими и даже не такими, как Рудольф Сикорски, ибо первых не бывает и, следовательно, многому у них не научишься, а последний — всего лишь человек, хоть и весьма нестандартный. Нет, будьте, пожалуйста, такими, как создатели этих Странников — братья Стругацкие. И как немногие их предшественники (Свифт, Булгаков, Брэдли, Шекли, Воннегут) и уж вовсе немногие последователи (Столяров, Лазарчук, Пелевин...).

Все сказанное не означает, будто книги (фильмы, картины) *инопланетян* не могут научить «что такое хорошо и что такое плохо». Отнюдь. И учили, и учат, и во многом куда успешнее, чем книги *большинства*. Просто не так прямолинейно-навязчиво. Ведь и думать тоже можно учить. И тому, что это — *не развлечение, а обязанность*. Можно, можно!

И вряд ли тот, кто вырос на книгах «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу», станет в этом сомневаться. Просто у

каждого уровня — своя наука. Ведь даже мыльные сериалы способны внушать массе определенные стереотипы мышления и поведения. И чем более наша публика становится американской (а дело, похоже, именно к тому и идет), тем успешнее проходит внушение. Так что эта самая «воспитательная функция искусства», давно нас раздражающая, сохраняется. Ну хорошо, пусть не «искусства» — главное, функция-то есть! И значит, есть целая лестница — от науки мыльной оперы до науки *инопланетной* литературы или кинематографии. А отсюда уже один шаг до просто-го вопроса: нельзя ли — как это? — «давать нам смелые уроки»: провести читателя-зрителя-потребителя хотя бы по части этой лестницы — желательно, конечно, вверх? Или все же глас лиры не способен нас хоть немного оживить? И, задав такой вопрос, мы, возможно, сумеем понять, как развивалась *фантастика* в нашей стране. В частности рассмотрим творчество Аркадия и Бориса Стругацких.

1

В чем истоки популярности так называемого «легкого жанра» — «мыльных» сериалов, триллеров, «ужасиков»? Фантастики, наконец. Всегда ли они были так популярны? «Что значит «всегда»? — спросите вы. — Ведь в гнилые застойные доперестроечные времена подобной литературы просто не было. Во всяком случае — почти». Однако это — отговорка. Ибо «у них там» присутствовали все варианты легкого чтения — именно всегда. Да и у нас, хоть и по чайной ложке, выпускали и приключения, и детективы; и фантастика тоже чуть-чуть попадалась. А отсутствие мыльных опер вполне компенсировалось нашим самым фантастическим в мире киноискусством — более чем компенсировалось! Впрочем, об этом надо говорить не мимоходом и в другом месте.

Итак, всегда ли мы (*ан масс*, как сказал бы Амвросий Амбруазович) так любили не слишком серьезную и не очень жизненную литературу? Бог с ними, с застойно-тоталитарными годами, а вот век-два назад — как обстояло дело? Ну не было ни фантастики, ни прочего подобного, что же тогда читали для развлечения — те, кто вообще читал? Что поделявали в свободное от трудов время предки тех, кто ныне зовется фэнами, «толкнутыми», «железнутыми»?.. А дедушки тех, кто «фанатеет» от компьютерных игр и переселился в виртуальную реальность всей душой?.. Неужели все это возникло на пустом месте? Неужели сто лет назад молодые люди проводили досуг за философскими беседами или за чтением Радищева? Ну хорошо, пускай Толстого или

Достоевского — все одно не убедительно. Что ж, все общество делилось на высоколобых интеллектуалов и пьяниц-бездельников? Чувствуете, психологически картинка недостоверна. Масса-то ведь она и в Африке... А именно она, масса — в середине между вовсе никудышными, не нуждающимися в каких бы то ни было интеллектуальных развлечениях, и умниками от элиты, каковые, напротив, для отдыха предпочитают смену одной умной деятельности на другую. Так что же? Было же что-то для большинства?

Далеко искать не придется — стоит лишь посмотреть, что исчезло из обращения столь же резко и в массовом порядке, как возникла и прижилась индустрия околорациональных развлечений. Да и подсказкам несть числа. К примеру, пресловутое и столь нелюбимое детище научно-технической революции — те самые «человечки». Было это в прошлом-позапрошлом? А как же! Только в других костюмах. Если нынче механизатор Петр Васильев повстречался с летающим блюдом и был последним отбуксирован до Альфы Кассиопеи и взад, то всего лишь век назад на том же самом месте крестьянин Василий Петров лицеизреп во очию святую великомученицу Серафиму и имел с ней поучительнейшую беседу. Оба контактера вполне здоровы и охотно излагают пред лицом потрясенного человечества советы старших и умных — как жить дальше. Так что разница не в сути дела. Вот и ответ. Ну, ушли сказки старого времени — перестали мы верить и в рай, и в ад, и в сглаз, и в леших-водяных-русалок. А верить все же надо — не в то, так в это.

Конечно, такое сопоставление — немного натяжка. Однако проведите аналогию между фантастикой и религией самостоятельно, и вы убедитесь, насколько параллель может быть подробной и, так сказать, разработанной. В современной фантастической литературе есть место и описаниям рая и ада, и скрижалям Завета, и Нагорной проповеди. Найдутся в ней и детский катехизис, и молитвенник, и книга притчей Соломоновых (вместе с Экклезиастом), и, уж конечно, целая группа всевозможных апокалипсисов. А на самой поверхности — и наивные суеверия, и любые языческие обряды...

Психологические корни увлечения фантастикой — будь то простейшие описания конца света (ада, страшного суда), счастливого мира будущего (рая — с гуриями или без — по вкусу) или же более серьезные произведения, склоняющие к размышлениям о вечном и о смысле жизни — все равно те же, что и у религиозного мировосприятия. Конкретнее? Пожалуйста. Вернемся к творчеству Стругацких и проблеме дидактичности. Или, если хотите, морали. Так сказать, сказка ложь, да в

ней намек. А порой даже и не намек вовсе, а попросту грубое такое указание — это вот, мол, нехорошо, так не надо, смотрите, какой плохой герой. А этот — наоборот, хороший, он пострадает и победит. Или даже погибнет, но ведь зато — на твердую пятерку! Смело можно направлять прямо в рай. Просто позавидуешь... И ведь мы, едва ли не целое поколение — завидовали! Всерьез, уже будучи вовсе не маленькими, до физической боли мечтали о судьбе дона Руматы, Максима Каммерера, Льва Абалкина... Не опускались, конечно, до примитивного балаганного действия-самовнушения — с плащом из портъеры и фанерными мечами. Ну и что? Разница — в форме, а ведь многие из нас и по сей день живут по *тем* нравственным канонам. Почему? Чем Стругацкие нас загипнотизировали? Ведь мы были не гусята с комплексом неполноценности, которые прочли несколько книжек и навсегда в них поселились. Отнюдь. Мы знали цену настоящей литературе. Мы прошли школу Булгакова, Хемингуэя и даже Фриша. Мы не были фэнами и отлично — умом — понимали все недостатки «Трудно быть богом». И эту самую дидактичность — в том числе. Однако это ничего не меняло. И не меняет по сей день. Ибо стоит только открыть *такую книгу* в любом месте, и — невозможно оторваться. В десятый, в двадцатый раз...

И есть иные книги — и у самих Стругацких, и у других, из «большой» литературы. Они тоже по-своему завораживают. Но ведь не по двадцать же раз мы их перечитываем! Хотя недостатков — формально — в них куда меньше — проверено и «проговорено» многократно. А все же...

Вот и тянет невольно на религиозно-мистические аналогии. Ведь есть в истинной вере тайна, иначе кто бы стал читать Писание? Нет, что-то общее несомненно имеется. Поэтому одной холодной логикой тут всего не объяснить... Сколько выпущено всевозможных поучительных книжек и книжищ — от самых примитивных «о вреде курения» и до многотомных философских. И что? Есть хоть один человек, который не знает, что курить вредно? А кто бросил — вот из-за этого знания?.. Мало, выходит, знания-то! Зато верующие, говорят, когда-то были. Не *эти* — которые в церковь по воскресеньям, а *верующие*. Говорят, многие даже заповеди — те самые — соблюдали. Честное слово!

Поставим мысленный эксперимент. Возьмем двух близнецов. Один читал «Трудно быть богом» и, скажем, «Обитаемый остров». По два-три раза каждую. А другой — не читал. Так вот, как любящий Стругацких человек, я абсолютно убежден, что близнецы эти получатся разными людьми. Были уже прецеденты.

Выходит, пока в умах одних людей происходило замещение ангелов-хранителей и чертенят на добрых или, соответственно, вредных марсиан, у других свято место, освободившееся после ухода в небытие скрижалей завета, евангелий и апокалипсисов, оказалось хотя бы отчасти занято сказками нового времени. Конечно, явление это отнюдь не всеобщее. Кто-то продолжает верить в то, во что верили деды. А кто-то, разуверившись в Яхве (прошу прощения!) и сыне его, стал почитателем Будды. Или Вишну-Кришны. Однако мы не о верующих...

2

Итак, сочетание некоторых определенных качеств некоторых определенных писателей (*инопланетное* мировосприятие; дар не *омывать мозги*, а *благовествовать*) привело к тому, что эти самые писатели оказались в роли Учителей. Для некоторых определенных читателей. Порой — в силу специфики страны и эпохи — для многих. Не обязательно сами писатели это ощущали: художнику такое ощущение явно противопоказано. Однако прекратить нести Учение в массы было уже не в их власти. У одних проповедь получалась бесхитростной и общедоступной. Другие невольно обращались лишь к избранным (*«Не к народу ты должен говорить, но к спутникам»*). А случалось и так, что с ростом художника усложнялся и язык его проповеди, требуя от *учеников* все больших умственных и душевных усилий по восприятию Учения. Тем самым, совершенствуясь, мастер вынужденно терял массовую аудиторию, довольствуясь в итоге узким кругом апостолов. Не многие художники оказались способными на подобную жертву: создание школьного учебника хоть и не самый почитаемый вид писательского труда, зато каковы масштабы! Не говоря уже о тираж-но-гонорарном выражении...

Рискуя все же показаться фанатом, осмелюсь утверждать, что замена, скажем, того, что — явно по недоразумению — называется учебником литературы для шестого или седьмого класса средней школы, все той же повестью «Трудно быть богом» Стругацких ничего, кроме пользы, не принесла бы.

Другое дело, что более поздние произведения тех же авторов вышли на качественно иной уровень работы с *учеником*. Прямая проповедь (чаще всего устами героя) или рассуждения (его же) о добре и зле — все это стало для Стругацких слишком примитивным. И писатели — постепенно — остались со *спутниками*. Что, впрочем, не снизи-

ло дидактических качеств таких книг, как «Трудно быть богом» или — для более старшего школьного возраста — «Обитаемый остров», «Понедельник начинается в субботу», «Гадкие лебеди». Все это остается золотым учебным фондом, открывая всякому внявшему словам Учителей путь вверх по лестнице — в старшие классы и, через высшую школу — в круг избранных. Правда, число желающих и способных пройти этот путь с годами не возрастает... Но ведь, повторяю, авторы знали, на что идут, поднимая планку. А что касается количества *книг-Учебников*, то их много и не нужно; дай бог, чтобы эти, написанные давно, попали в руки думающим детям. Ибо пока что другие средства никакого эффекта — в области исправления сердец собратьев — не дают. Именно — *никакого!* И пока механизм воздействия *Учебника* (не выработка пресловутых «знаний, умений и навыков», а оживление души) неясен, остается уповать на эмпирически найденное: ту мизерную часть «сокровищницы мировой литературы», которая уже проявила себя в данном качестве. Тогда в каждом поколении, будем надеяться, мы получим некий минимум *книжных людей* — тех, кто, вопреки очевидному несоответствию *литературы* и реальной жизни, продолжает принимать жизненную позицию любимого героя за образец. Буквально. И так и живет — по мере возможности. Они-то и есть Ученики. На них-то все и держится — если вообще что-то еще держится...

3

О школе и вообще о воспитании подрастающего поколения. Сравним две точки зрения, позаимствованные из давнего спора — еще времен дискуссий шестидесятников «о физиках и лириках». Первое мнение. Цитирую: «Научная фантастика существует... для того, чтобы удовлетворять естественное стремление человека к необычайному, будить воображение, утолять любознательность... Хотя до сих пор еще попадают скучные личности, которые хотят, чтобы научная фантастика выполняла функции учебников для средней школы». Мнение второе: «В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне XIX столетия. Эта давняя система воспитания ставит себе целью... подготавливать для общества квалифицированного участника производственного процесса. Все остальные потенции человеческого мозга эту систему практически не интересуют... Привести эти потенции в движение, научить человека фантазии... — вот цель и содержание гигантской революции духа, которая следует за социальными ре-

волюциями... Уже сейчас ясно, что важная роль воспитания Человека в человеке принадлежит литературе... Речь идет о долговременном мас-сированном воздействии хорошей литературы на общественную психологию...»

Противопоставление очевидно: первая точка зрения отделяет литературу (в частности фантастику) от учебно-воспитательного процесса, вторая, напротив, отводит ей именно подобную роль. Обе цитаты, однако, взяты у одного и того же автора; более того — Стругацких (статьи 1962 и 1968 годов соответственно). И дело, разумеется, не в том, что мнение писателей изменилось. Вообще противоречие здесь кажущееся; в обоих случаях сказано по сути одно и то же. Просто есть школа и есть Школа. В том учреждении, которое называлось и называется школой у нас, об использовании для *воспитания* фантастики (а чаще всего и вообще какой бы то ни было литературы) не может быть и речи, а выработка знаний, умений и навыков, естественно, в функции искусства не входит. Иное дело — Школа — такая, каковой ей быть *должно*, в понимании Стругацких и вообще всякого думающего и фантазирующего Человека. В ней и цели и, соответственно, средства оказываются новыми. Вот вам и тест: школа будущего — такое заведение, где книги братьев Стругацких *могут* выполнять функции учебников. А название учебного предмета — не суть. Есть ли подобный опыт? Да. Очень мало (хочется добавить «пока», но нынче давно не шестидесятые годы...), но есть, и вполне положительный. Это я не со слухов говорю, сам видел.

И в мыслях нет сводить литературное творчество к этой самой функции воспитания! У тех же авторов и в те же годы мы находим не только оговорку типа «фантастика существует *для...*», но и многократное упоминание о том, что мастер пишет потому, что не может не писать. Так что к лагерю ищущих в искусстве смысл прошу меня не относить. И все же, когда вдохновение сделало свое дело и рукопись продана, мы вправе сравнивать результаты творчества разных мастеров — в том числе и по шкале полезности для нас, смертных. И, возвращаясь снова к теме *инопланетности*, рискну сформулировать еще одно, неизбежно ограниченное, определение: чем больше автор обладает способностью к видению *извне* и чем сильнее он вовлекает в такое видение читателя, тем больше смысла в его труде — с читательской точки зрения. А если довести прагматичность оценок до предела и считать литературу существующей все же для читателей, то еще проще: чем свежее и *отвязаннее* взгляд писателя, тем больше его творчество — литература.

И получается, в соответствии с самой первой нашей сентенцией, что чем больше литература — Литература, тем больше она — фантастика! Не слишком ли? Да нет, отчего же. Вполне логично: функция искусства — делать зрителя-читателя на какое-то время инопланетянином. А иначе зачем все это вообще? Убивать время в электричке? Просто термин «фантастика» не следует трактовать в узко-звездолетном ключе, и только. Классический пример — с «Руанским собором» Клода Моне. Кто до художника видел, что полуденный туман в Париже так напоен кирпичной пылью, что здание выглядит красноватым? А он явился со своей планеты и *обратил* наши взгляды в нужном направлении. Теперь вот видим и мы. Фотография, надо думать, такого эффекта не дала бы. Так что реализмом этот взгляд художника никак не назовешь. Он истинно фантастический: Земля, взгляд извне. (Ну, или пусть будет *впечатление*. Все равно. Главное здесь — кто смотрит.) А объективность фотографии — лишь кажущаяся, вопреки названию оптики фотокамеры. Систему-то изобрели мы, земляне, подогнав результат под свое устоявшееся *видение*. И лишь в руках настоящего фотохудожника, одного из многих тысяч, способного и видеть, и снимать по-своему, камера эта становится инструментом *искусства*, а не просто ремесла. То же и с кино, и с видео- и со всеми стерео-, голо- и прочими изобретенными и еще не изобретенными новинками. Только — в руках *пришельца* и никак иначе! Потому-то в Зазеркалье все по-другому, не как у нас: хорошее Зеркало не просто отражает. И уж кто-кто, а Кэрролл это знал лучше других! Ему — *со стороны* — было виднее. А «реализм» — что ж, он тоже приносит пользу. Как стекло с амальгамой. Вот бриться, например, удобно. (Как в печном горшке удобно варить пищу.) Только ни на минуту не следует забывать, что видим мы в обычном зеркале только то, что хотим увидеть (потому и пугает незнакомостью собственная фотография). И кто знает, что оно отражает, когда от него отвернешься...

Значит ли сказанное о воспитании, будто я призываю, как в былые времена: «побольше положительных героев» или, как уже во времена новые: «довольно чернухи...» — и так далее? Нет, конечно. Вряд ли из того, что в хорошей книге положительный герой может стать примером для подражания, следует обратное. Есть, есть среди нас ученики Стругацких. Точнее, ученики Руматы Эсторского, Максима Каммерера, Ивана Жилина. Очень возможно — Айзека Бромберга или Рудольфа Сикорски. Но уж наверняка нет учеников ротмистра Чачу или Умника-генпрокурора. И не потому, что *такие* не читают фантастики, а потому, что *этому* учиться не надо. *Это*, как ни грустно признать, есть

и так, само по себе. *А тому* — надо, и очень непросто. И не быстро. И не всегда получается. Так что, к нарушению баланса в пользу «что такое хорошо» я призывать не собираюсь. И вообще — ни к чему я не собираюсь *призывать*. Просто речь идет о том, что книга становится *Учебником*. Без всяких призывов. Механизм, повторяю, нам неизвестен. Отсюда и представление о школе будущего как о структуре, использующей данный факт — в качестве необъясненного, но полезного природного феномена. А призывы тем и хороши, что ничего в этом мире не меняют. Известно это, опять же, из многовековой истории борьбы — как «против», так и «за».

Так что *инопланетяне* пусть просто будут и просто что-нибудь создают. Без наших ценных советов. А мы оставляем за собой право их творчество использовать. В надежде, что пробудить добрые чувства хотя бы в немногих — с помощью инопланетной лиры — удастся.

4

Несколько слов о методике. Есть ли среди книг-*Учебников* более и менее сильнодействующие? Универсальные и, наоборот, узкоспециализированные? Объединяет ли самые выдающиеся пособия что-то общее?..

Ответить здесь на подобные вопросы полно и всерьез, конечно, не удастся. Но вот сказать кое-что о творчестве Стругацких — в сравнении с близкостоящими образцами *учебной* литературы — стоит.

Должна ли книга заставлять думать? «Как? Опять?!» — так и слышу вопль читателя, вконец задолбанного разговорами обо «всем хорошем во мне...» и о спасении души, «обязанной и день, и ночь...». Причем каждого из нас индивидуально долбали этим десять школьных лет, а всю страну скопом — едва ли не полтора века, пытаюсь превратить в просвещенную европейскую державу. Не будем оценивать результаты этих усилий — здесь не место. Попробуем абстрагироваться от нашей печальной истории и ответить на поставленный вопрос без эмоций. Должна или не должна? И если да, то в каких количествах, какими средствами и, наконец, о чем именно — думать.

Фантастика братьев Стругацких думать *не требует*. Сложности их книг можно и вовсе не заметить, с увлечением проглатывая одну за другой. Однако уровень подтекста, недосказанности (особенно в поздних работах) — высок. И при первом прочтении не всегда доступен даже искушенному знатоку. [Параллель — ранний Брэдбери: он вы-

нужден был все разжевывать — ведь подготовленного читателя взять было пока неоткуда. Зато уже в «Марсианских хрониках» мастер уходит не только от объяснений, но и от детализации антуража. Его «Марс» — в каждой новелле другой. Это — всего лишь площадка для отработки *человеческих* ситуаций. И как устроен мир (не говоря уж о звездолете) — не суть важно. Был бы человек хороший...]

Поэтому и называю писателя Андрея Лазарчука последователем Стругацких: у него думать *необходимо*, иначе попросту непонятно. И все же... Все же экстракласс *Учебника* — выше. В *Учебнике* сложность конструкции допускает свою «незамечаемость» для новичка или просто поверхностного потребителя. *Умный — не скажет!* Ну, а кому не надо, тот, как известно, не поймет.

Два примера: любимый подростками всего мира американский боевик «Терминатор-2» и его не менее остросюжетный родственник «Торнадо». Мешает ли мощное присутствие компьютерной графики в «Терминаторе» искусству как таковому? Нет, конечно. В фильме есть вполне осмысленный подтекст и, вероятно, донести его до зрителя в менее зрелищной форме было бы нелегко. И все же *прием* виден! Экстракласс — когда зритель не в состоянии определить, применялась ли компьютерная графика для создания нужного режиссеру эффекта или нет. Неискушенный, равнодушный к «кухне» зритель может верить, что никаких специальных приемов не было и все происходило «взаправду» — именно так дело обстоит с «Торнадо», где компьютерной графики едва ли не больше, чем в «Терминаторе-2», просто она использована иначе. Вопрос «что лучше» здесь вообще неуместен. Наслаждение, которое испытываешь от спецэффектов «Терминатора» (а что уж говорить о реакции детей!), более чем компенсирует ощущение неестественности и мультипликационности. Каждому жанру — свое.

Применительно к книгам Стругацких сказанное выглядит примерно так: описываемый мир «достаточно прост» — если книгу читает неискушенный новичок, в идеале — ребенок.

Например. Многим ли придет в голову поинтересоваться, почему Горбовский с друзьями, которые погибли на «Далекой Радуге», позже оказываются живы? Мало ли! Взяли и ожили, в сериалах такое бывает. Однако дело, похоже, обстоит иначе. И Леонид Андреевич, и Марк Валькенштейн, и другие — все они на Радуге *действительно погибли*. Стоп, а как же тогда?.. Не ждите, пояснений не будет. Не скажет умный! Это эпигоны потом примутся все разжевывать, только ведь не всякий шаг — шаг вперед...

Мир Стругацких «прост», зато и читать интересно: есть «экшн», никаких задержек на разъяснения или поучения, не говоря о природе-погоде-одежде-архитектуре. А мораль — что ж, всегда есть надежда на бессознательное восприятие, а главное — на повторное чтение. Когда читательская квалификация будет повыше. Второй уровень — уже с пониманием *глубины* сконструированного авторами мира. Если полюбил хотя бы одного героя, непременно захочется проникнуть в его личность, одних поступков уже недостаточно. И выяснится, что личность присутствует, не надо только нестись скачками. Чего — во второй раз — никто и не делает: ведь уже известно «что дальше». И, наконец, шаг третий — восприятие *нашего* мира посредством предложенного авторами *Зеркала*. Восприятие того, что *отсюда* увидеть нельзя никак. Разве что ты сам *из пришельцев*. Но ведь мало их! А стать таковым хотя бы на время — хочется многим. В детстве — почти каждому. Вот вам и функция Фантастики как Учебника.

В поздних вещах Стругацких думать приходится уже при первом чтении. И чем дальше, тем серьезнее. А сюжет все более истончается — от книги к книге. И простых разъяснений — про «хорошо» и «плохо» уже нет. Так что новичков просим в старшие классы нахрапом не лезть — сдайте сперва за начальные. Экстерном? Пожалуйста! Никто не требует учиться именно и только здесь. Только учитесь, учитесь — а мы всем рады. Впрочем, и польза цельного образования, полученного в одной школе высшего ранга, тоже очевидна. Словом, выбор есть. И для детей (не обязательно детей *по возрасту*) — увлекательно и попроще; и для подростков — не менее интересно, но посложнее; и для абитуриентов... На старших курсах от чтения так же невозможно оторваться, но не из-за сюжета, а... А бог их знает, почему и в серьезных вещах сохраняется тот же магнетизм. Тайна — она тайна и есть. Туда с логикой соваться не стоит. И вообще — до выпуска доходят только самые выносливые. Те, кто с младших классов получал со своей «кока-колой» витамины — незаметно и в малых дозах. Пока не привыкли постепенно к *большим*... От «что такое хорошо» до таких вопросов, которые человечество раньше перед собой и не ставило.

Не надо только думать, будто в области постепенного приучения к Литературе я приписываю абсолютное первенство Стругацким. Прецеденты встречаются во многих областях. Даже такое, казалось бы, мало подходящее для подобных упражнений место, как Голливуд, и то порой выдает что-то вроде *учебной* продукции для начинающих. Пример — именно в фантастическом жанре, все тот же «Терминатор-2»:

типичный боевик содержит элементы морально-этических построений. Да и вообще, подросток, который спасает мир от зла не просто силой оружия, но с помощью интеллекта и даже ценою личных жертв — это уже *тема* в американском кино. Твердая «четверка»! А вдруг будет что-то и далее... Впрочем, это уж из области самой что ни на есть ска-зочной фантастики.

5

Что, однако, делать с противоречием между «фантастика существует для...» и «автор пишет потому, что не может не писать»? Пересекаются ли столь различные множества? Безусловно. Творчество Стругацких и есть это самое пересечение. Пишут-то они «потому что», но в процессе добавляют «для того чтобы». В ранних произведениях — по чайной ложке, простенькое и легко различимое... А потом, постепенно, обе мотивации срастаются. И читатель вынужден расти вместе с Учителями. Или уходить. Так что, повторюсь, подобная методология работает отнюдь не на популярность. Куда больше это походит на естественный отбор в результате нарастания экстремальных условий: новичку, не прошедшему школу «Трудно быть богом», в «Улитке на склоне» делать нечего — «Улитка...» вызовет у него только раздражение, ибо то самое «для» давно перестало быть простым и понятным. На финишную же выходят выдержавшие отбор гимназией, колледжем и допущенные к испытаниям на Зрелость. И, кстати, лишь они и становятся Читателями «турбореализма» — А. Столярова, А. Лазарчука, а также В. Пелевина — и им подобных. С неполным-то средним разве осилишь текст, который с первого раза вообще — в принципе! — понять нельзя, ибо автор именно этого и добивался.

Вот и выходит, что Стругацкие, вопреки каждому из своих тридцатилетней давности тезисов, создали-таки прецедент: жанр — не жанр, но нечто такое, что, являясь несомненно и Литературой, и увлекательнейшим чтивом, в то же время не менее несомненно выполняет некую дидактическую функцию, и, судя по многим из моего поколения, вполне успешно. Не надо, не надо! Именно «по многим»! Поверьте, пожалуйста, что нам виднее. И если шумные фэны и тихие «людены» немногочисленны, то это не означает, будто Учеников мало. Просто многие из них пошли не по пути профессиональных читателей (подобно амфибрахисту Константину), а, как и полагается Ученикам, присоединились «по жизни» к героям любимых авторов: стали учителями, воспи-

тателями или чем-то подобным. А многие не столько выбрали «стругацковскую» профессию (ну не идти же, в самом деле, в прогрессоры, хотя хочется иногда ужасно — и не на каком-то там Саракше...), сколько жили и живут *нормально* — как Жилин, Попов, Каммерер...

Давайте попробуем найти другие примеры подобного триединства — искусство, развлечение, дидактика. Мне почему-то кажется, что это будет непросто. Есть, конечно, рафинированная Литература. И не менее увлекательные (только для *другой* аудитории) детективы-боевики-стрелялочки. И куда сильнее нашпигованные моралью и поучениями *романы*... Порой встречаются и примеры соединения двух из названных качеств: обычно это искусство плюс развлечение — не без потерь для каждого в отдельности. Однако все это *не тянет*. Сочетание двух первых ингредиентов само по себе уже феноменально, а попытка присоединить дидактику способна убить не только увлекательность, но и вообще всякую привлекательность книги. Пример — пресловутая менторская поучительность «отступлений» в «Войне и мире». Ну-ка давайте честно, кто помнит, о чем там речь? А ведь вы это читали и проходили в школе. Сюжет в памяти остался (если не перечитывали — с горем пополам), а вот «философия»... Даже «Анна Каренина» для современного думающего молодого человека слишком уж высокомерно-поучительна. Все те же утомительные «что такое хорошо...», портящие отличную по сути литературу.

Противоположный пример — Достоевский. Кто решится утверждать, что в школьно-программном «Преступлении и наказании» есть это самое «что такое хорошо и что такое плохо»? Разве что вспомнить анекдот о массовом убийении старушек на предмет изъятия двугривенных...

В чем же секрет? Откуда в общепризнанно легком жанре, таком как фантастика, взялись Учителя? Мало ли претендентов на эту роль в более солидных кругах! Однако же, при самом искреннем уважении к «настоящей» литературе, придется принять за данность, что существует целая партия думающих и читающих граждан, несущая на своих знаменах символику братьев Стругацких. В этих кругах вам не придется заканчивать фразу типа «Там, где царит серость...» или «... человек-то учит детеныша: думай как я...» и, тем более, объяснять, что сей афоризм значит. Здесь не просто любят (и тем более — не «фанатеют»). Не просто знают и цитируют. Последнее, кстати, вовсе не обязательно: не у всех есть время часто перечитывать. Да это и не важно. Главное в этой партии — что ее адепты *живут* по Стругацким. То есть, по-человечески.

— Это, пожалуй, слишком! — справедливо возмутитесь вы. — Нельзя же изображать двух авторов чуть ли не единственными носителями человеческой морали целой эпохи!

Нельзя. Да они таковыми и не являются. У многих и многих «шестидесятников» и их последователей присутствуют те же ценности, те же критерии нравственной чистоты и... ну, и тому подобное. Речь ведь не об этом. Мало быть хорошим, и даже — страшно сказать — мало быть талантливым, чтобы стать Учителем. Хотя стать, естественно, хочется. Многим — очень! (Я не сомневаюсь в том, что лучшие из них писали именно «потому, что не могли не». Просто этого мало.) Кому *быть* Учителями, а кому — нет, решает жизнь. Никакие литературные и прочие регалии не способны писателя сделать Мастером (даже в его собственных глазах!). Так же точно Учителем невозможно назначить. Желание (сколь угодно сильное), человеческие достоинства (сколь угодно высокие), даже принадлежность к Мастерам — все это необходимо, но недостаточно. Нужно что-то еще. Что же?

Пусть тот, кто решится полностью сформулировать «достаточные условия», получит медаль «За отвагу». Я же осмелюсь назвать еще одну компоненту.

Речь идет о некой тонкой грани идеального баланса между *открытым* выражением личного отношения автора и полным *отсутствием* такового выражения. Объяснюсь. Ни один автор, как бы он ни старался быть «объективным», не может не выказать своих оценок. Вариации тут, конечно, огромные, даже среди Мастеров: от явного выражения (тот же Толстой) до скрытости от самого себя (тот же Достоевский); от четкого разделения героев на «плохих» и «хороших», любимых и нелюбимых, — до появления в книге нормальных живых людей.

При этом не нужно забывать, что *зеркало* (только не «Уленшпигель», а именно простое зеркало) — уже крайность, ибо дает лишь чистое отражение, без оценок вовсе. Идеальный пример — поведение пришельцев из «Отеля «У Погибшего Альпиниста» Стругацких. Почему поступки Олафа Андварафорса — робота, рабочей машины инопланетян, всего лишь копии человека — так разительно не соответствуют нашим представлениям, заранее сформированным «фантастикой»? Да потому, что пришельцы выбрали для него модель не только внешности, но и поведения *в массе*. Олаф и есть отражение, без оценок — ну, не было у инопланетян критерия для оценок! То есть — они невольно «сработали» как *зеркало*. А масса — она масса и есть. Что в ней можно найти хорошего для модели поведения? Вот Олаф и получился *таким*. Впрочем, с точки

зрения мимики — решение идеальное. Пример, между прочим, показывает, что Стругацкие уже в те времена верно почувствовали разницу между пришельцами — то есть, существами *иными* — и столь распространенными в «фантастике» *просто людьми*, только прилетевшими невесть откуда и пытающимися — изо всех авторских силенок — пришельцами казаться.

Итак, о балансе авторского отношения. Даже молодые братья Стругацкие нигде, никогда и ничего не разясняли «в лоб». Хочешь — пожалуйста, думай! Если цель у автора есть, то ее можно и вычислить. В вещах поздних многое вычислению уже не поддается. Но думать по-прежнему настоятельно *рекомендуется*. То есть «мораль» все же есть. Может быть... А вообще, морализированию не место в литературе. И уж стократ не место ему в учебнике! Так что *вслух* — ни звука. Сапienti сат. Ну а ежели нет — что ж, пусть начинает пока с Чуковского: «Маленькие дети, ни за что на свете...» Может, сумеет дорасти и до уровня «Улитки» — если готов смириться с тем, что в книге «нет ни картинок, ни разговоров»: нет ни советов, ни поучений, ни злодеев, ни принцев. И сюжета нет... Зато — информация *к размышлению*! Ибо если бы не было и этого — то есть, мораль отсутствовала начисто и в любом виде, то мы и в самом деле получили бы идеальное стекло с идеальным отражающим покрытием. Только вот использовать его в качестве *учебника* — воистину невозможно.

Осталось добавить совсем уж очевидное — для полноты картины. Обладание перечисленными качествами не освобождает Учителя от необходимости ученика еще заполучить! То есть — *писать интересно*. Иначе все вышеназванное пропадет втуне. Быть может, в этом перечислении необходимых и органично сочетающихся качеств — ответ на вопрос, почему именно и только в фантастическом жанре стало возможным такое «явление», как братья Аркадий и Борис Стругацкие.

6

Говоря о том, что Стругацкие никогда не опускались до разяснений, я отнюдь не подразумеваю, будто они из тех *пришельцев*, которые настолько объективны, настолько *вне*, что и сами не знают, какую именно мораль можно вывести из их наблюдений (и можно ли ее вывести вообще). Хотя и такой результат достижим — если довести идею взгляда извне до логического завершения. И подобные Мастера — которым и в самом деле *не дано предугадать* — в Литературе присутствуют.

Однако мы-то ведем речь об Учителях, то есть о Мастерах особого склада: знающих не только «что» и «как», но и — хотя бы отчасти — «зачем». Другое дело, что в самом произведении прямое указание на цель абсолютно недопустимо — чтобы не оттолкнуть Учеников. Но автору знать цель не возбраняется. Так что, избегая разъяснений в книгах, Стругацкие время от времени (редко и крайне неохотно, под давлением достаточно умного или хитрого журналиста) все же «раскалывались». И вот тут-то и выяснялось, что от Кассандры (и ей подобных) Стругацких кардинально отличает *понимание*: они не просто точно «попали», точно *отразили*, — они именно это и хотели сделать. Во всяком случае — весьма близкое. А насчет пресловутого «не могли не писать» — так и это правда. Ну и что? Значит, подобное состояние духа попросту досталось понимающим людям. Бывает иногда и такое. То есть — одновременное присутствие в творчестве «одного автора» столь редко объединяемых субстанций: разума и чувств (мышления и эмоций — для любителей строгих юнговских формулировок). А ведь многие до сих пор произносят слово «фантастика» — эдак через «фи». Я сам слышал! Не спорю, основания есть: то самое *большинство* фантастов, каковое чаще всего и развлечь-то не способно... Ладно, не будем переходить на личности. Даже отвлеченно. Давайте лучше о хорошем — об Учителях.

В качестве развернутой иллюстрации к сказанному: несколько цитат из статей и интервью — главным образом на тему воспитания человека будущего. В конце концов, если не фантасты, то кто?

«Нельзя ожидать сколько-нибудь серьезного изменения массового человека, пока господствуют формы воспитания и образования, выработанные еще троглодитами. Новый человек может быть сформирован только новой педагогикой, а прорывы в нее пока удручающе редки и неуверенны, и их без труда, почти автоматически душит непроторная толища педагогики старой, насквозь пропитанной древними и древнейшими мифами и предрассудками...» (А. и Б. Стругацкие, 1986)

«Мне кажется сейчас, что единственный путь — это создание Теории Воспитания Человека. Должна быть выработана методика превращения человеческого младенца, несмышленища в существо, разумное в самом высоком и широком смысле этого слова... Воспитывать в человеке жестокость и беспощадность земляне уже научились. И поставили свою планету на грань гибели. Не пора ли все свои силы бросить на отыскание алгоритма воспитания

Доброты и Благородства, алгоритма столь же безотказного и эффективного? И прежде всего надо будет научиться находить в человеке талант Учителя, самый важный из талантов, ибо по-настоящему широко Теория Воспитания начнет развиваться только после появления мощного социального слоя Учителей...

...бороться до тех пор, пока не произойдет перестройка в сознании, и мы станем уважать человека, исходя из того, сколько он отдал, а не сколько и чего потребил». (Б. Стругацкий, 1987)

«Развлекательный элемент обязательно должен быть, чего слова-то пугаться... Мы никогда не забываем про троянского коня и позолоту на пилуле. Если ты хочешь сообщить мысли, кажущиеся тебе новыми, читателю неподготовленному, приходится строить острый сюжет. За таким-то он, свеженький читатель, побежит, а мы ему и вложим философский борщ с трагическими выводами в легкой и удобочитаемой форме.

[Не правда ли, как все просто — даже странно, что другие так не могут... — Л. Ф.]

*А потом противники фантастики всех мастей и расцветок еще будут говорить о легком чтиве... Что же касается читателя, то он, безусловно, заметно изменился за эти тридцать лет, что мы работаем. Читатель стал образованнее, интереснее, раскованнее, по моему мнению, **наши читатели очень выросли. То ли мы их за собой тянем, то ли они нас — не знаю, но получается так, что мы пока идем голова в голову...**» (Б. Стругацкий, 1987)*

«На мой вполне серьезный взгляд, знать нам ничего о будущем не дано, но жить надо достойно, без страха...

Особенно последние вещи нам очень трудно даются, потому что сложная проблематика... она все усложняется, и все больше времени надо тратить на размышления, споры...» (А. Стругацкий, 1987)

«Авторы антиутопий начала века ошибались... Им казалось, что это самое страшное — потерять свободу мысли... Выяснилось, однако, что никого, кроме них, это не пугает. Выяснилось, что массовый человек не боится потерять свободу — он боится ее обрести...

Двадцатый век оказался отнюдь не веком социальных революций. Он оказался веком последних арьергардных боев феодализма, тщетно пытающегося сочетать несочетаемое: массовую технологию завтрашнего дня и массовую психологию дня вчерашнего». (А. и Б. Стругацкие, 1990)

Приношу извинения за объемное цитирование. Просто нелепо было бы пересказывать своими словами. Мастера это делают несколько лучше.

Если бы я писал предисловие к учебнику по педагогике, то, возможно, изрек бы примерно следующее: «Для Теории Воспитания братья Стругацкие сделали едва ли не больше, чем все великие педагоги современности». Однако я скажу иначе. Они сделали именно больше — не создавая этой самой теории (Да и стоит ли? — что мы с ней станем делать, где наберем тех самых Учителей?..), Стругацкие работали на воспитание как таковое, эмпирически. И, по-моему, работали хорошо. Даже в чем-то успешно. Многие ли из великих теоретиков (или практиков) добились такого результата? Да хоть какого-нибудь?.. Так может быть, в чем-то фантастика как область духовной деятельности мощнее всяческих теорий — и не только педагогических, но и социально-прогностических, а порой даже политических?

«Действительность всегда скучнее изображения — именно поэтому мы зачастую не понимаем прорицаний даже тогда, когда они уже сбылись». (А. и Б. Стругацкие, 1990)

7

Согласно популярному анекдоту, Роберт Вуд на вопрос, почему он увлекается примитивными киновестернами, ответил шуткой: дескать, никак не может заставить себя поверить, как это все так классно совпало — и красавица, падающая в пропасть, и подвернувшаяся соломинка-тростинка, и смелый коровий парень, проезжавший мимо... А суть в том, что после тяжелого умственного напряжения даже такой суперинтеллектуал, как Вуд, способен наслаждаться совершенно бездумным зрелищем. Оглянитесь, и вы легко назовете среди своих очень неглупых знакомых любителей мыльных опер. Однако такой «отдых для ума» подходит не всем, и даже склонные к легким развлечениям люди жаждут порой и умной беседы, и серьезного кино, и, конечно же, общения с истинной литературой. Но — легко сказать! Подобное общение всегда требовало известного напряжения умственных и душевных сил, а в нашем веке и вовсе стало занятием, подобным скорее труду, нежели отдыху.

И блаженны те, кто способен в неделю прочесть семь детективов... А как быть тому, кто не способен осилить такое их количество и за всю жизнь? Не может — и все, мутит. Что тогда? Есть, конечно, и Анатолий

Франс, и Франц Кафка, и... Ну, сами знаете — без умных книг не сидим. Но ведь устала она — головушка — за день. «Не держит» уровень напряжения, потребный для восприятия «Преступления Сильвестра Бонара» — умно, талантливо, дарит наслаждение. Но... Трудно все-таки, чего-то не хватает. Вот если бы сюжета чуть-чуть побольше и капельку поувлекательней... А?... «Фи! — восклицает в нас утонченный «ценитель прекрасного», а проще говоря, сноб, — неужто вкусы презренной толпы возобладают над стремлением к высокому и Прекрасному?...» И так далее.

Что же почитать интеллектуалу? «Суждения господина Жерома Куаньяра»? Изысканный десерт — каждый день такое есть не станешь. (Что уж тогда говорить о рассказах Борхеса...) От «стрелялок-убивалок» толку и вовсе никакого... Неужели тупик? Неужели нереально это — создать развлекательное чтиво, пригодное для потребителя-интеллектуала? Причем такое, чтобы дурак «прочел» по верхам — с удовольствием — и не понял, что ему попало, а вот умному было бы и интересно, и поучительно. Только уж чтобы и сюжет *для умного* оказался соответствующим его IQ — не примитивный боевичок, а с «наворотами». Что-то вроде «Обитаемого острова»...

8

Совсем недавно — в 1990 году Стругацкие написали о Герберте Джордже Уэллсе : *«Самый замечательный писатель среди фантастов, самый блистательный фантаст среди писателей»*. Этим слишком многое сказано. Здесь не только вновь отделяется «писательство вообще» от написания фантастики, но и допускается некое снисхождение (пусть даже и неосознанно) к старшему собрату по перу, ибо планка для фантаста установлена все же не там, где для всех прочих. Ниже.

Вот этот порог, это отношение к фантасту как к многоборцу сами Стругацкие в конце концов все же одолели. Они — замечательные писатели *вообще* — без скидок на «среди». Но они и фантасты блистательные — минимум в мировой пятерке. И не «среди писателей», а просто блистательные. А раз так, то и это разделение на «литераторов вообще» и второсортных — из серии «детектив и фантастика» — к Стругацким уже неприменимо. И даже не потому, что они — исключение из общего правила. Нет, не исключение. Признаем честно, что «фантастика» — как правило — на роль Литературы не тянет. И не зря Стругацкие говорят, что фантастику не любят.

Многие — включая самих Стругацких — склонны попросту противопоставлять фантастику «большой русской классике»: Толстому, Гоголю, Достоевскому, Чехову... Насколько правомерно такое противопоставление? Вспомним о нашей несколько эпатажной формуле: «чем больше литература — литература, тем больше она — фантастика». Неужто применять подобный подход к Толстому?! Не присваивать же всерьез Льву Николаевичу звание фантаста! А почему нет — по зрелом-то размышлении? Напомнить просвещенному читателю, каковы *на самом деле* были Наполеон, Кутузов и прочие реальные персонажи? Как именно происходили сражения, военные советы и прочие события, известные нам из истории и документально подтвержденные?... Да и вообще, к черту подробности: кого, если честно, волнует правда? Мы ведь не исторического исследования ждем от романа, мы хотим, извините еще раз за банальность, обобщенной жизни. Какое нам, в сущности, дело, спал Кутузов на совете в Филях или произносил громовую речь — если читая, мы верим именно в это: что спал? А уж если *так* о Толстом, то что говорить о Гоголе? Речь не о кузнецах, использующих чертей в качестве личного транспорта, речь о глубинной фантастичности творчества писателя. Или вот еще представьте себе, что сюжет «Идиота» или «Преступления и наказания» — включая сны, переживания и прочее подобное — вам кто-то попытался бы выдать за документальное повествование. Как бы вы реагировали? Причем вас убеждали бы, будто речь идет не о пациентах некоего известного заведения, а об обыкновенных, рядовых людях, жителях вашего города. Только честно, а? Но ведь мы не пытаемся обвинить писателей в том, что «все это неправда»! Смешно бы получилось — никто от них правды, собственно, и не ждал. Правда — она в газете (точнее, хочется, чтобы была). Или в книгах Тарле и ему подобных. А мы хотим видеть более чем просто правду: «*Вот выдумка, в которой больше правды, чем в самой действительности*». Эти слова Франса — лозунг не фантастики, но Литературы вообще. И стократ — литературы русской. Ибо ни в одной стране мира нет и не было культуры и народа, столь явно ориентированных на фантастичность мировосприятия. (Философ, вероятно, сказал бы «мифологизированный менталитет» или еще что-нибудь заковыристое). Не одно поколение наших людей выросло на сказках — и не только о леших-водяных и прочих языческих атавизмах, но и о добром и умном барине-царе-боженьке; о дураке, который оказывается в выигрыше у умных. И самое, конечно, главное, *самая* наша народная и обожаемая мечта — сказка о Емеле, который не то что не работая, а

даже и не вставая с печи, творил что хотел!.. Впрочем, и былинный его предшественник Илья Муромец тоже был не из тех, кто регулярно тренируется... Что же удивительного, что русская литература, которая, как всем нам известно со школьной скамьи, корнями уходит в народное творчество, так тяготеет к сказкам, или — говоря нынешним языком — попросту пропитана фантастикой сверху донизу?

А правда... Какую правду можно было бы положить на великую музыку Исаака Осиповича Дунаевского? Правду о голоде, правду о ссылках и расстрелах?.. И, кстати, что делали бы те, «неофициальные» — во главе с Александром Галичем, в воистину свободной и счастливой стране, где действительно «с каждым днем все радостнее жить»? Да, это цинично, но давайте говорить честно. Чего стоил бы пафос солженицынского трагического реализма без его оборотной стороны — фантастического построения не искусства, но самой жизни? Нет, этот народ, как никакой другой, готовили к восприятию именно фантастики. Примерам несть числа. Скажем, так ли уж далеки «реалии» каких-нибудь «Девчат», или великого и неповторимого «Цирка», или вдохновенных до прозрачности «Трактористов» — от «Страны багровых туч». (Помните этот апофеоз в финале фильма «Цирк»: « — *Теперь понимаешь?* — *Тепер панимаеш!*») Давайте наконец сознаемся, что вся «русская советская» литература и соответствующее киноискусство — сплошь фантастика. И далеко не всегда — бездарная. Да, вранье, зато — Искусство! А то, что не фантастика — то у нас и не искусство. Вот «Архипелаг» — сплошь правда, и «Жизнь и судьба» — тоже. А читать интересно только один раз: факты... Что больше фантастика — «Как закалялась сталь», в которой — ни слова правды, или «Трудно быть богом» — где ни слова фальши?..

Вероятно, есть и исключения — наши настоящие реалисты, которые, как и полагается исключениям, подтверждают правило. И все же масштаб у них, думаю, иной. Где российские Хемингуэй, Фицджеральд, Белль, Фейхтвангер, Ремарк?.. Есть, правда, Гроссман и Солженицын, есть Шаламов и Довлатов, но разве «Жизнь и судьба» Гроссмана — это «Война и мир»?..

И разве «Война и мир» — это реализм?.. Не считая, разумеется, психологии и правды характеров. Но если брать за критерий *это*, тогда, пардон, вообще никакой классификации не останется — только разделение на талантливое и бездарное. Что, впрочем, и есть единственное настоящее деление. А «фантастика — не фантастика» — это так, от лукавого...

Рядом с вопросом о реалистичности нашей литературы негромко, но явственно звучит и еще один, подобный же. Вопрос об уме писателя и уме героя. Уже о «Горе от ума» Пушкин писал, что в этом произведении единственный умный человек — автор. Умные же герои самого Пушкина, — а следом Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Чехова — составляют, как известно, плеяду «лишних людей». И ценочка эта не заканчивается в девятнадцатом веке. Герой нашей литературы, «хороший» он или «плохой» — традиционно либо не слишком умен (возьмите *любого* персонажа «Мертвых душ», «Анны Карениной», «Вишневого сада»... ну все-все, прошу прощения, больше не буду), либо страдает, гибнет. За «лишними» прошлого века следуют герои Булгакова, Ильфа и Петрова, Трифонова, Аксенова, Венички...) Почему так получается?

Герой, как известно, не умнее своего автора — сравните хотя бы Холмса, Мегрэ и Джеймса Бонда. И психика героя — не более здоровая, чем у писателя (подтверждение тому — персонажи Гоголя и Достоевского). Это многое объясняет относительно судеб русской литературы — и, конечно, ее героев. Особенно — в наше время...

В каком-то смысле очень собирателен роман «Мастер и Маргарита»: там умный герой либо гибнет (сходит с ума), либо он — вообще потусторонняя сила, то есть — персонаж *фантастический*. А все остальные — вышли целиком из нашей классики, которая так часто сродни сатире. Где же умные нормальные люди? А вот там — в западной литературе. У Белля, Ремарка, Фейхтвангера... И — *очень* редко — здесь. Но тогда уж, извините, в фантастике. Не та, знаете ли, у нас ситуация, чтоб одновременно быть умным и нормальным!

Так что и в этом смысле Стругацкие ухитрились застолбить определенную область — за счет свободы выбора декораций. На то ж она и фантастика. Ей позволительны и такие темы, как проблема хорошего, доброго глупца — в науке, среди умных («Далекая Радуга»), и противопоставление очень положительных, но малость от этого глуповатых людей будущего — все понимающему и слегка от этого грешному мученику — нашему современнику («Попытка к бегству»)... Фантасты, конечно же, отдали должное и приему всякого умного писателя в России — эзопову языку, создав, к примеру, «сказочку» о научно-магической шарашке, де еще так, что мудрый наш «Детгиз» ухитрился ее напечатать в *те* времена...

Да и символизм в России — разве он совсем не от этого? Почему тогда у нас, а не где-нибудь?.. Да потому что «их» привычка писать все как есть расслабляет! То же — с сегодняшним днем нашей литературы: разве не стало нам скучновато без намеков и иносказаний? Чем прикажете заменить этот интеллектуальный пир: чтением таких книг, как «Понедельник начинается в субботу» Стругацких или «История одного города» Салтыкова-Щедрина? Хочется-то остренького, а предлагают Лимонова. А это уже, извините, совсем другой привкус...

(Объективности ради следует сказать, что есть все же и кое-что настоящее, и прежде всего — Виктор Пелевин с его блистательным и иногда вполне щедринским — на сегодняшнем, конечно, уровне — чувством юмора.)

Возможно, именно поэтому от книги к книге нарастает у Стругацких эта пресловутая элитарность: плохо, ох плохо быть у нас умным. Особенно — писателем...

* * *

Получилось ли у талантливых, умных, понимающих, чего они хотят, писателей — братьев Аркадия и Бориса Стругацких — «творить историю»? Не нам судить — рановато. Однако, по-моему, вклад одного писателя вряд ли мог бы быть больше. Во всяком случае, и здесь налицо совмещение общепризнанных антагонистов: мыслить и действовать. (*«Моя склонность к размышлениям, — как говаривал аббат Жером Куаньяр, — весьма неудобная привычка... она делает меня совершенно неспособным действовать».*)

По крайней мере, попытка совмещения — явная! И назвать ее неудачной нельзя никак.

Леонид Филиппов

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ

Часть первая

СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Секретарь поднял на Быкова единственный глаз:

— Из Средней Азии?

— Да.

— Документы...

Он требовательно протянул через стол темную, похожую на клешню руку с непомерно длинным указательным пальцем; трех пальцев и половины ладони у секретаря не было. Быков вложил в эту руку командировочное предписание и удостоверение. Неторопливо развернув предписание, секретарь прочел:

«Инженер-механик гобийской советско-китайской экспедиционной базы Быков Алексей Петрович направляется Министерством геологии для переговоров о дальнейшем прохождении службы. Основание — запрос ГКМПС от...»

Затем он мельком проглядел удостоверение, вернул его и указал на дверь, обитую черной клеенкой:

— Пройдите. Товарищ Краухин вас ждет.

Быков спросил:

— Предписание останется у вас?

— Предписание останется у меня.

В креслах вдоль стен приемной сидело несколько человек, ожидающих, по-видимому, своей очереди или вызова. Никто из них не обратил на Алексея Петровича никакого внимания. Это

показалось ему странным — о нравах в приемных столичных учреждений он слышал совсем другое. Но и одноглазый секретарь, и покладистые посетители мгновенно вылетели у него из головы, когда он перешагнул через порог кабинета.

В просторном и сумрачном кабинете окна были закрыты бамбуковыми шторами. Тускло отсвечивали голые пластмассовые стены. Пол был покрыт мягким красным ковром. Быков огляделся, ища глазами хозяина кабинета, и возле широкого и пустынного письменного стола увидел две лысины. Одна лысина, бледная, даже какая-то сероватая, неподвижно возвышалась над спинкой кресла для посетителей. Другая, светло-шафрановая, наклонилась над папками по другую сторону стола и раскачивалась, словно ее обладатель недоверчиво обнюхивал лежащие перед ним кальки и голубые светокопии чертежей.

Затем Быков увидел третью лысину: она принадлежала безобразно толстой фигуре в сером комбинезоне, развалившейся на ковре, неуклюже уткнувшись серой плешивой головой в угол между стеной и сейфом. От шеи под стол тянулась круглая веревка...

В конце концов, у каждого начальника свои привычки, но не зашел ли этот слишком далеко? Быков неловко переступил с ноги на ногу, снова подергал «молнию» куртки и тревожно оглянулся на дверь. В этот миг шафрановая лысина исчезла. Послышалось сопение, и глухой, простуженный голос удовлетворенно произнес: «Великолепно держит! Великолепно!» И над столом медленно выросла громоздкая сутулая фигура в рабочем нейлоновом комбинезоне.

Человек этот был огромного роста, чрезвычайно широк в плечах и, вероятно, очень тяжел. Лицо его, обтянутое бурой изрытой кожей, казалось маской, тонкогубый рот сжат в прямую линию, а из-под мощного выпуклого лба холодно и внимательно уставились на Быкова круглые, без ресниц глаза.

— Что вам? — сипло осведомился он.

— Мне нужно видеть товарища Краюхина, — сказал Быков, опасливо покосившись на лысую фигуру, распростертую на ковре.

— Я Краюхин. — Человек с круглыми глазами тоже покосился на фигуру и снова уставился на Быкова.

Лысина в кресле оставалась неподвижной. Быков поколебался секунду, сделал несколько шагов вперед и представился. Краюхин слушал, наклонив голову.

— Очень рад,— сдержанно сказал он.— Я ждал вас еще вчера, товарищ Быков. Прошу садиться.— Он указал громадной, словно лопата, ладонью в сторону кресла.— Сюда, пожалуйста. Освободите место и садитесь.

Ничего не понимая, Быков подошел к столу, повернулся к креслу и едва удержал нервный смешок. В кресле лежал странный, похожий на водолазный скафандр, костюм из серой упругой ткани. Круглый серебристый колпак с металлическими застежками выступал над спинкой.

— Снимите его, положите на пол,— сказал Краюхин.

Быков оглянулся на толстое чучело, лежавшее в углу возле сейфа.

— Это тоже спецкостюм,— нетерпеливо проговорил Краюхин.— Садитесь же!

Быков поспешно освободил кресло и сел, испытывая некоторое смущение. Краюхин не мигая глядел на него.

— Так...— Он побарабанил по столу бледными пальцами.— Ну что ж, товарищ Быков, будем знакомы. Зовите меня Николай Захарович, любите, так сказать, и жалуйте. Работать вам придется под моим руководством. Если, разумеется...

Резкий звонок прервал его. Он взял трубку.

— Одну минуту, товарищ Быков... Слушаю. Да, я...

Больше он не сказал ни слова, но в голубоватом свете от экрана видеофона Быков увидел, как его лицо сразу налилось краской и на голых висках вспухли темные узлы вен. По-видимому, речь шла об очень серьезных вещах. Из деликатности Быков опустил глаза и стал рассматривать спецкостюм, лежащий на ковре рядом с креслом. Через раскрытый ворот можно было видеть внутренность шлема. Быкову показалось, что сквозь него он различает грубый узор ковра, хотя снаружи серебристый шар был совершенно непрозрачен. Быков нагнулся, чтобы разглядеть шлем получше, но в этот момент раздался короткий треск брошенной трубки, затем легкий щелчок переключателя.

— Вызвать Покатилова! — сиплым шепотом приказал он.

— Есть! — отозвался кто-то невидимый.

— Через час.

— Есть через час!..

Снова щелкнул переключатель, и все стихло. Быков поднял глаза и увидел, что Краюхин с силой трет ладонями лицо.

— Так, — проговорил он спокойно, заметив, что Быков смотрит на него. — Вот ведь тупица! Как об стену горох... Прошу прощения, товарищ Быков. На чем мы... Да-да... Еще раз прошу прощения. Так вот, разговор у нас с вами будет серьезный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу... Прежде всего я хотел бы поближе познакомиться с вами. Расскажите о себе.

— Что именно? — спросил Быков.

— Прежде всего биографию.

— Биографию? — Инженер подумал. — У меня очень простая биография. Родился в 19.. году в семье водника, под Горьким. Отец умер рано, мне еще трех лет не было. Воспитывался и учился в школе-интернате до пятнадцати лет. Потом четыре года работал помощником моториста и мотористом реактивных глассеров-амфибий на Волге. Хоккеист. В составе сборной «Волга» участвовал в двух олимпиадах. Поступил в высшее техническое училище наземного транспорта. Это бывшая школа автобронетанковых войск. («Зачем так много говорю?» — кольнула неприятная мысль.) Окончил по отделению экспедиционного реакторного транспорта. Ну... послали в горы, в район Тянь-Шаня... Потом в пески, в Гоби... Там и служил. Там вступил в партию. Что еще? Вот и все.

— Да, биография простая, — согласился Краюхин. — Значит, вам сейчас тридцать три?

— Через месяц исполнится тридцать четыре.

— И не женаты, конечно?

Такой выпад со стороны начальника показался Быкову довольно бестактным. Инженер не любил намеков на свою наружность, и это «конечно» покорило его. Кроме того, ему казалось, что и лицо самого Краюхина тоже далеко не соответствует принятым идеалам мужской красоты. Он даже хотел было сказать об этом, но решил промолчать. Во всяком случае, внешность вряд ли может иметь для Краюхина решающее значение, а Быкову извест-

на по крайней мере одна женщина, для которой обожженное солнцем лицо, тифлеобразный нос и рыжие жесткие волосы не играют решающей роли.

— Я хочу сказать,— продолжал Краухин,— что еще полгода назад вы, кажется, были холостяком.

— Да,— сухо ответил Быков,— я и сейчас холостяк. Пока...

Он вдруг понял, что Краухин знает о нем многое и задает вопросы не потому, что интересуется ответами, а чтобы составить «личное впечатление» или с какой-то другой неясной целью. Это было неприятно, и Быков насторожился.

— Пока я холостяк,— повторил он.

— Следовательно,— сказал Краухин,— близких родственников у вас нет?

— Следовательно, нет.

— И вы, так сказать, совершенно одиноки и независимы...

— Да, одинок. Пока одинок.

— Где, вы говорите, служили в последнее время?

— В Гоби...

— Давно?

— Три года...

— Три года! Все время в пустыне?

— Да. Конечно, были небольшие перерывы. Командировки, курсы... Но в основном в пустыне.

— Не надоело?

Быков подумал.

— Сначала было тяжело,— проговорил он осторожно.— Потом привык. Конечно, служить там нелегко.— Он вспомнил огненное небо и черные океаны песка.— Но ведь и пустыню можно полюбить...

— Вот как? — сказал Краухин.— Полюбить пустыню? И вы любите?

— Привык, конечно.

— Ваша последняя должность?

— Начальник колонны атомных транспортеров-вездеходов гобийской экспедиционной базы.

— Следовательно, машины хорошо знаете?

— Смотря какие...

— Вот хотя бы эти ваши атомные вездеходы.

Вопрос показался Быкову праздным, и он промолчал.

— Скажите, это вы в прошлом году руководили спасением экспедиции Дауге?

— Я.

— Молодец, отлично справились! Без вас они бы погибли.

Быков пожал плечами:

— Для нас это был довольно обычный марш-бросок, только и всего.

Глаза Краюхина сузились.

— Но ведь и ваши люди пострадали, если мне память не изменяет.

Быков покраснел — при цвете его лица это выглядело устрашающе — и сказал со злостью:

— Была черная буря! Я не хвастаюсь, товарищ Краюхин. Марши под музыку бывают только в Москве на парадах. А в песках это сложнее.

Ему было неловко и досадно. Краюхин с неопределенной усмешкой разглядывал его.

— Так-так... Сложнее... Три года в песках. Это немало. Это хорошо. Скажите, товарищ Быков, вы чем-либо, помимо службы, увлекаетесь?

Быков озадаченно посмотрел на него:

— В каком смысле?

— Чем вы занимаетесь во внеслужебное время?

— Гм... Читаю, конечно. Играю в шахматы.

— Ведь у вас, кажется, кое-какие работы есть?

— Есть.

— Много?

— Нет, не много. Две статьи в журнале «Гусеничный транспорт».

— О чем писали?

— Ремонт моторных реакторов в полевых условиях. Личный опыт.

— Ремонт моторных реакторов... Очень интересно. Кстати, кроме хоккея, чем в спорте интересуетесь?

— Самбист... Инструктор.

— Это хорошо. Так. А астрономией вы никогда не интересовались?

Быкову показалось, что Краюхин издевается над ним. Он ответил:

— Нет, астрономией не интересовался.

— Жаль!

— Возможно...

— Дело в том, Алексей Петрович, что ваша работа у нас будет до известной степени, так сказать, связана с этой наукой.

Инженер нахмурился:

— Простите, не совсем понимаю...

— Что вам сказали, когда откомандировали к нам?

— Сказали, что направляют для переговоров об участии в научной экспедиции. Временно...

— В какой экспедиции, не говорили?

— Куда-то в пустыни на поиски редких руд.

Краюхин хрустнул бледными пальцами и положил ладони на стол.

— Да, разумеется,— пробормотал он.— Вполне естественно. Этого они не знают. Так вот, Алексей Петрович,— сказал он со вздохом.— Разумеется, астрономия здесь ни при чем. Точнее, почти ни при чем. Еще точнее: *для вас* ни при чем. Это не важно, что вы не интересовались астрономией. Вам она вряд ли понадобится. Ну, в крайнем случае кое-что почитаете, кое-что вам расскажут. Но все дело в том, что работать вам придется не здесь. Так сказать, не на Земле.

Быков беспокойно моргнул. Ему снова вдруг стало не по себе, как полчаса назад, когда он переступил порог этого кабинета.

— Боюсь, что... не понимаю вас,— с запинкой проговорил он.— Не на Земле? На Луне, быть может?

— Нет, не на Луне. Гораздо дальше.

Это походило на очень странный сон. Краюхин, положив подбородок на сплетенные пальцы, говорил:

— Чему вы так удивляетесь, Алексей Петрович? Люди летают на другие планеты уже тридцать лет. Вы полагаете, это какие-то другие, особые люди? Ничего подобного. Обыкновенные люди, такие же, как вы. Люди разных специальностей. Я, например,

убежден, что из вас вышел бы незаурядный межпланетник. Кстати, многие межпланетники пришли к нам, так сказать, извне — например из авиации. Я понимаю, вам, инженеру с сугубо «земной» специальностью, возможность участия в таком деле просто не приходила в голову. Но вот обстоятельства сложились так, что мы посылаем экспедицию на Венеру, и нам нужен человек, отлично знающий условия работы в песках. Вряд ли тамошние пески сильно отличаются от вашей любимой Гоби. Только будет несколько труднее...

Быков вдруг вспомнил:

— Урановая Голконда!

Краюхин быстро, внимательно взглянул на него:

— Да, Урановая Голконда. Вот видите, вы уже почти все знаете.

— Венера... — медленно сказал Быков. — Урановая Голконда... — Он покачал головой и усмехнулся. — Я — и вдруг на небо! Невероятно!

— Ну, не такой уж вы грешник. И, кроме того, мы вас не в райские кущи посылаем. Но, может быть... — Краюхин наклонился и понизил голос, — вы боитесь?

Быков подумал.

— Конечно, страшновато, — признался он. — И даже просто страшно. Ведь я... я могу и не справиться. Правда, если от меня требуется только то, что я знаю и умею, то почему же нет? — Он посмотрел на Краюхина и улыбнулся. — Нет, настолько, чтобы отказаться, я не боюсь. Понимаете, все это очень неожиданно. И потом, почему вы... Вы уверены, что я справлюсь?

— Я совершенно убежден, что вы справитесь. Разумеется, там будет трудно, очень и очень трудно, будут, вероятно, опасности, о которых мы пока даже и не подозреваем... Но вы справитесь.

— Вам виднее, товарищ Краюхин.

— Да, я полагаю, мне виднее. Так что же, Алексей Петрович, будем считать, что вы не кинетесь сейчас в свое министерство и не будете умолять освободить вас по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам?

— Товарищ Краюхин!

— А вы как думали? — Лицо Краюхина потемнело. — И не такие, как вы, сидя вот в этом самом кресле, трусили прискорб-

нейшим образом.— Он провел ладонью по лицу.— Откровенно говоря, я давно уже держу вас на примете и рад, что не ошибся.

Быков смущенно хмыкнул и стал смотреть в сторону. Затем, спохватившись, спросил:

— Откуда вы меня знаете, товарищ Краухин?

— По походу за экспедицией Дауге. Это была экспедиция нашего ведомства, и с тех пор я взял вас на заметку. Затребовал ваши характеристики и все прочее. Вот пришла пора, и мы пригласили вас.

— Понятно.

— Обычно принято давать время на размышление. Неделью, иногда месяц. Но сейчас мы ждать не можем. Решайте, Алексей Петрович. Предупреждаю: если вы хоть чуть-чуть колеблетесь, отказывайтесь сразу. В обиде не будем.

Быков засмеялся:

— Нет, товарищ Краухин, не откажусь. Если вы считаете, что я справлюсь, то не откажусь. Согласен. Неожиданно это, конечно, но ничего, привыкну. Согласен.

— Вот и прекрасно.

Краухин спокойно кивнул и взглянул на часы.

— Теперь вот что. Экспедиция продлится сравнительно недолго, не дольше полутора месяцев. Устраивает?

— Устраивает...

— Объяснять подробно предстоящую работу сейчас не буду. Узнаете позже. Времени у нас в обрез. Прошу учесть только, что завтра мы вылетаем.

— Завтра? На Венеру?

— Нет, на Венеру не так скоро. Пока поработаем на Земле. Только не в Москве, а в другом месте. Кстати, где ваш багаж?

— Внизу, в гардеробной. Вещей у меня немного — чемодан и полевая сумка. Я не думал...

— Это неважно. Где хотите остановиться? Я бы рекомендовал «Прагу». Это здесь, рядом.

Быков кивнул:

— Знаю. Хорошая гостиница.

— Очень хорошая. Сейчас я вас отпускаю, а через... — он снова посмотрел на часы, — часа через два с небольшим, ровно в сем-

надцать ноль-ноль, товарищ космонавт, снова приходите сюда. Здесь вы кое-что узнаете. Вы не обедали? Разумеется, не обедали. Столовая на тринадцатом этаже. Пообедайте, отдохните в библиотеке или в клубе — это тоже здесь, не выходя из здания, — и в семнадцать ноль-ноль возвращайтесь. Ну, ступайте. Я сейчас буду, так сказать, намыливать кое-кому шею.

Быков, все еще немного взволнованный, встал и, поколебавшись, задал давно уже мучивший его вопрос:

— Товарищ Краюхин, как называется это учреждение полностью? В предписании написано «ГКМПС», но я, кажется, расшифровал неправильно.

— ГКМПС — это Государственный комитет межпланетных сообщений при Совете Министров. Я — заместитель председателя комитета.

— Спасибо, — сказал Быков.

«Комитет межпланетных сообщений, — пробормотал он, поворачиваясь к двери. — Ну конечно... Я думал — Государственный комитет международных политехнических связей... Такое же сокращение...»

В дверях Быков столкнулся с каким-то долговязым человеком, неудержимо устремившимся в кабинет. Быков успел только разглядеть, что человек носил большие очки в роскошной черной оправе и был чрезвычайно бледен. Посетителя он не заметил и, толкнув его в грудь, прямо с порога начал:

— Николай Захарович!..

— Где шестой реактор? — услышал Быков зловещий сиплый бас Краюхина.

— Но позвольте, Николай...

— Я спрашиваю, где шестой реактор?

Инженер Быков закрыл дверь и шагнул к выходу из приемной. Темнолицый секретарь проводил его одиноким глазом и снова склонился над столом.

ЭКИПАЖ «ХИУСА»

«Венера — вторая по порядку от Солнца планета. Среднее расстояние от Солнца 0,723 астрономической единицы =

108 млн. км... Полный оборот вокруг Солнца В. совершает в 224 дня 16 часов 49 мин. 8 сек. Средняя скорость движения по орбите 35 км/сек... В.— самая близкая к нам планета. При прохождении между Землей и Солнцем ее расстояние от Земли может составлять 39 млн. км... Когда В. проходит за Солнцем, она находится от Земли на удалении в 258 млн. км... Диаметр В. составляет 12400 км, сжатие незаметно. Принимая данные для Земли за 1, для В. будем иметь: диаметр 0,973, площадь поверхности 0,95, объем 0,92, сила тяжести на поверхности 0,85, плотность 0,88 (или 4,86 г/см³), масса 0,81... Период вращения вокруг оси составляет около 57 часов... В. окружена чрезвычайно плотной атмосферой из углекислоты и угарного газа, в которой плавают облака кристаллического аммиака... В настоящее время изучение В. производится с нескольких временных и постоянных искусственных спутников, два из которых принадлежат АН СССР. Ряд попыток высадиться на В. (Абросимов, Нисидзима, Соколовский, Ши Фэнь-ю и др.) и предпринять непосредственное исследование ее поверхности не увенчался успехом».

Быков посмотрел на цветную фотографию Венеры — на бархатно-черном фоне желтоватый диск, тронутый голубыми и оранжевыми тенями,— и захлопнул тяжелый том. «Ряд попыток высадиться... и предпринять непосредственное исследование... не увенчался успехом...» Коротко и ясно. Да, попытки были. Быков стал вспоминать все, что было ему известно из книг и газет, из телевизионных лекций и коротких, сухих сообщений ТАСС.

К концу третьего десятилетия после первых лунных перелетов почти все объекты в пределах полутора миллиардов километров от Земли были уже знакомы человеку. Появились новые науки — планетология и планетография Луны, Марса и Меркурия, крупных спутников больших планет и некоторых астероидов. Межпланетники — особенно те, кому приходилось месяцами и даже годами работать вдали от Земли,— привыкли к зыбким напластованиям вековой пыли на равнинах Луны, к красным пустыням и худосочным рощицам марсианского саксаула, к ледяным пропастям и добела раскаленным горным плато на Меркурии, к чужим небесам со многими лунами, к Солнцу, похожему на яркую звездочку. Сотни кораблей пересекали Солнечную сис-

тому по всем направлениям. Наступал новый этап завоевания пространства человеком — время освоения «трудных» больших планет: Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Венеры.

Венера была в числе первых объектов внимания земных исследователей. Ее близость к Земле и к Солнцу, известное сходство некоторых ее физических характеристик с земными и вместе с тем полное отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о ее строении влекли к ней межпланетников в первую очередь.

Сначала, как всегда, в ход были пущены беспилотные устройства. Результаты оказались обескураживающими. Плотная, напоминающая океанский ил, облачность ничего не позволила увидеть. Сотни километров обычной и инфракрасной пленки показывали одно и то же: белую однородную завесу непроницаемого — видимо, очень толстого — слоя тумана. Не оправдала надежд и радиооптика. В атмосфере Венеры радиолучи либо бесследно поглощались, либо отражались от самых верхних ее слоев. Экраны локаторов оставались черными либо сияли ровным, ничего не означающим светом. От телемеханических и кибернетических танкеток-лабораторий, которые так блестяще показали себя при предварительных исследованиях Луны и Марса, никаких известий не поступило. Они бесследно и навсегда затерялись где-то на дне этого плотного океана розовато-серой облачной массы.

Тогда на штурм Венеры двинулись смельчаки. Три экспедиции, оснащенные самой передовой по тому времени техникой, на лучших в мире межпланетных кораблях одна за другой нырнули в атмосферу загадочной планеты. Первый корабль сгорел, не успев подать о себе никаких вестей (наблюдатели зафиксировали тусклую вспышку на том месте, куда погрузился планетолет). Вторая экспедиция сообщила, что идет на посадку и — через двадцать минут — что их корабль несет атмосферными течениями невероятной силы. Затем она замолчала навсегда. Третьей экспедиции удалось благополучно сесть на поверхность планеты. По каким-то капризам прихотливой венерианской атмосферы оказалось возможным поддерживать с высадившимися связь в течение целых суток. Начальник экспедиции сообщал о песчаных бурях, о смерчах, срывающих с места целые скалы, о багровой тьме,

окутывающей все вокруг. Затем замолчала и эта экспедиция, а через несколько дней кто-то быстро проговорил в микрофон: «Горячка, горячка, горячка...» На этом связь оборвалась.

Гибель трех экспедиций в такой короткий срок — это слишком! Стало очевидно, что штурмовать Венеру можно лишь после новой, самой тщательной подготовки. Необходима была кропотливая, всесторонняя и глубокая разведка. Международный конгресс космогаторов разработал план изучения Венеры, рассчитанный на пятнадцать лет. Для исследовательских работ человечество двинуло весь богатейший арсенал науки и техники. Было построено несколько искусственных спутников-обсерваторий, оборудованных сотнями автоматических устройств. Применялись самоходные лоты-разведчики, инфракрасная и электронная оптика, ионоскопические устройства и многое другое. Полученная информация неустанно обрабатывалась крупнейшими электронными машинами мира. Стратосфера Венеры была изучена с доскональностью, поражающей самих ученых. Установили, наконец, с необходимой точностью период вращения Венеры вокруг оси. Составили в общих чертах карту горных цепей Венеры. Измерили ее магнитные поля. Работы велись методично и целеустремленно.

Французский искусственный спутник установил на Венере область повышенной ионизации. Через некоторое время это открытие подтвердили советские, китайские и японские исследователи. Оказалось, что область сверхвысокой ионизации, занимающая примерно полмиллиона квадратных километров, фиксируется периодически на определенном участке поверхности планеты, что она не связана с толстым слоем облаков и, следовательно, вероятность ее атмосферного происхождения исключается. Оставалось предположить, что источник ионизации связан с твердой поверхностью Венеры. Если ионизация вызвана радиоактивным излучением, то источником его могли быть только радиоактивные руды неслыханной концентрации. Название «Урановая Голконда» напрашивалось само собой.

Теперь дело приняло другой оборот. В отношении тяжелых активных элементов человечество все еще оставалось на голодном пайке. Технология добычи рассеянных элементов развивалась мед-

ленно; во всяком случае, спрос на актиноиды намного превышал продукцию обогащительных предприятий, а искусственное их получение обходилось слишком дорого. Чисто академический научный интерес к Венере дополнился интересом более практическим.

Снова последовал ряд экспедиций. Погиб Соколовский, вице-президент Международного конгресса космогаторов. Слепшим калекой вернулся в Нагоя бесстрашный Нисидзима. Пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю. Очевидно, старые штурмовые средства не годились для этой планеты. Она словно издевалась над усилиями людей. Анализ скудных данных о причинах гибели экспедиций показал, что условием успешной высадки на Венере может быть только отказ от прежних форм и принципов техники межпланетных полетов. Международный конгресс призвал временно воздержаться от новых попыток со старыми средствами и учредил премию за разработку нового вида межпланетного транспорта, годного для преодоления кипящего панциря венерианской атмосферы. В СССР полным ходом шли работы по созданию фотонной ракеты. Другие страны тоже искали новые пути.

За два года до времени нашего повествования в центральных газетах промелькнуло сообщение о том, что на самом крупном искусственном спутнике Земли «Вэйдады Ю-и» — «Великая дружба» — советские и китайские мастера безгравитационного литья — литья в условиях невесомости — приступили к отливке корпуса первой фотонной ракеты. И, может быть, именно на этой ракете суждено Быкову и его товарищам прорваться к венерианским пустыням... которые «вряд ли сильно отличаются от вашей любимой Гоби».

Фотонная ракета или атомная, отличаются пески Венеры от земных или нет, — но очевидно, что экспедиция отправляется не на готовенькое. Межпланетные перелеты, а главное — работа на других планетах, дело трижды трудное и сложное. Для завоевания Венеры и богатств полумифической Урановой Голконды нужны огромные знания, железное здоровье, необыкновенная выдержка. Нужно быть истым межпланетником, то есть одним из тех героев, которых показывают в кино и встречают с цветами или... хоронят в мрачных пропастях бесконечного про-

странства. Хватит ли знаний, здоровья, выдержки у скромного инженера Быкова? Впрочем...

Краюхину виднее. Краюхин — заместитель председателя ГКМПС, Государственного комитета межпланетных сообщений. И, если Краюхин уверен, что Быков справится, значит, Быков справится. В самом деле, эти межпланетники такие же люди! Раз могут они, сможет и он.

Алексей Петрович представил себе оранжевые барханы, небо, затянутое неподвижными черными тучами и кучку людей в кислородных масках, бредущих по бесконечным пескам. Впереди — он... Так. А при чем здесь вездеходы? Может быть, экспедиция будет передвигаться на машинах? Как их туда доставят?..

Быков поймал себя на том, что пристально смотрит прямо в глаза хорошенькой девушке-библиотекарю за столиком напротив. Девушка нахмурилась, затем не удержалась — рассмеялась. Быков насупился. Да, надо послать в Ашхабад телеграмму, что командировка будет длительной. Жаль, нельзя повидаться перед экспедицией... Но что бы это дало? Разве можно в несколько минут высказать то, о чем не решался заговорить несколько лет? Предоставим все судьбе. Когда он вернется (в памяти возник снимок из иллюстрированного журнала: герои космических пространств вернулись из трудного рейса — цветы, улыбки, поднятые для приветствия руки) ... когда он вернется, то возьмет отпуск и поедет в Ашхабад. Он подойдет к одному дому, нажмет кнопку звонка, и тогда...

Быков взглянул на часы. До пяти оставалось несколько минут. Он встал, с легким поклоном вернул улыбающейся девушке том энциклопедии и пошел к Краюхину.

В приемной одноглазый секретарь кивнул ему как старому знакомому. Быков еще раз взглянул на часы (было без минуты пять), провел ладонью по волосам, одернул гимнастерку и решительно распахнул дверь в кабинет.

Ему показалось, что он попал в другое помещение. Шторы были подняты, в настежь раскрытые окна веселым потоком вривалось солнце, заливая светлые бархатистые пластмассовые стены. Кресло у стола было сдвинуто в сторону, на нем все еще лежал, свесив через спинку серебристый колпак, скафандропо-

добный спецкостюм. Ковер, свернутый рулоном, протянулся вдоль стены. Посреди кабинета, на блестящем паркете, стоял странный предмет, смахивающий на громадную серую черепаху о пяти толстых, как тумбы, ногах. Полусферический гладкий панцирь возвышался над полом не меньше чем на метр. Черепаху окружали, присев на корточки, несколько человек.

Когда Быков вошел, один из них, широкоплечий и сутулый, в черных очках-консервах, закрывающих половину лица, поднял голову с лоснящейся на солнце желтой лысиной и сиплым голосом Краюхина произнес:

— Вот он! Товарищи, представляю вам шестого члена вашего экипажа, инженера Алексея Петровича Быкова.

Все повернулись к нему — рослый, очень красивый человек в легком изящном костюме, багровый от жары толстяк с наголо обритой головой, смуглый черноволосый парень, вытиравший жирные руки клочком промасленной пакли, и... Дауге, старый, добрый друг Григорий Иоганнович Дауге, такой же тощий и нескладный, как в прошлом году в Гоби, только не в шароварах и косынке, а в нормальном городском костюме. Дауге глядел на Быкова и приветливо кивал ему, улыбаясь во весь широкий рот.

— Знакомьтесь, — сказал Краюхин. — Владимир Сергеевич Юрковский, замечательный геолог и опытный межпланетный путешественник...

Красавец в изящном костюме слабо, словно нехотя, пожал руку Быкова и отвернулся с безразличным видом. Быков покоился на Краюхина. Ему показалось, что в круглых глазах Краюхина вспыхнули и сразу же погасли веселые огоньки.

— ...Богдан Богданович Спицын, пилот, один из лучших в мире космонавтов. Участник первых экспедиций в пояс астероидов.

Черноволосый парень блеснул великолепными зубами. Рука его была горячая и твердая, как железо.

— ...Михаил Антонович Крутиков, — продолжал Краюхин. — Штурман. Гордость нашей советской космогации.

— Ну, уж вы скажете, Николай Захарович! — забормотал толстяк, смутившись, словно девушка, и дружелюбно глядя снизу вверх на Быкова. — Товарищ Быков в самом деле может подумывать... Очень рад познакомиться, очень приятно, товарищ Быков...

— ...Наконец... Впрочем, тут, мне думается, представлений не требуется.

Быков и Дауге обнялись.

— Отлично, Алексей, отлично! — шепнул Дауге.

— Глазам не верю! Иоганыч, это ты?

— Я, Алексей!

Краухин дотронулся до локтя Быкова:

— Командир корабля и начальник экспедиции...

Быков обернулся. В дверях стоял невысокий стройный человек, очень бледный и совершенно седой, хотя по лицу его, тонкому, с четкими, правильными чертами, ему нельзя было бы дать больше тридцати пяти лет. Видимо, он вошел вслед за Быковым и остановился, наблюдая нехитрую церемонию представления.

— ...Анатолий Борисович Ермаков.

Быков, услышав фамилию, несколько месяцев назад не сходящую с газетных страниц, вытянулся и опустил руки по швам. Есть люди, абсолютное превосходство которых над собой чувствуешь с первого взгляда. Таким человеком, несомненно, был Ермаков. Быков физически ощущал в нем огромную силу воли, нестигаемую, почти жестокую целенаправленность, гибкий, разносторонний ум. Твердый рот Ермакова был приоткрыт в вежливой улыбке, но темные глаза ощупывали лицо нового члена экспедиции настороженно и пытливо.

Прошло несколько нестерпимо длинных секунд. Наконец Ермаков мягко проговорил:

— Очень рад, товарищ Быков.

Инженер осторожно пожал его узкую теплую руку и поспешно отошел к Дауге. Он заметил, что лоб Григория Иоганновича покрыт испариной. Впрочем, в кабинете было довольно жарко.

— Так, товарищи... — начал Краухин. — Теперь, когда мы все в сборе, начнем наше совещание — последнее совещание в Москве.

Он подошел к столу и нажал одну из кнопок на эбонитовом щите у видеофона. Раздалось глухое жужжание. Быков невольно попятился, когда серая черепаха медленно опустилась под пол и над широким квадратным колодцем сомкнулись паркетные створки люка. Дауге и Спицын накатали ковер на место, толстый Крутиков пододвинул к столу кресло.

— Прошу садиться, — пригласил Краюхин.

Все расселись на легких стульях красного дерева. Воцарилась тишина.

— Рад сообщить вам, друзья мои, — начал Краюхин, — что приказ подписан. Приказ подписан два часа назад, и все, что касается, так сказать, личного состава экспедиции, утверждено безоговорочно. Поздравляю вас!

Никто не шевельнулся, только красавец Юрковский вдруг вскинул голову и мельком взглянул на Быкова.

— Что касается задачи... — Краюхин помолчал, поднес к очкам лист бумаги. — Что касается задачи, то тут комитет счел нужным внести кое-какие изменения. Вернее, дополнения.

— Начинается... — недовольно, но очень негромко проворчал Дауге.

Зазвонил телефон. Краюхин поднял и снова положил трубку, щелкнул переключателем и буркнул:

— У меня совещание.

— Есть! — отозвался кто-то.

— Так вот, товарищи. В общем и целом, как говорится, все остается, как было в проекте. Комплексная задача — испытание новой техники и геологический поиск на Венере. Поскольку среди нас есть новичок, который совершенно не в курсе наших дел, а также памятуя, что повторение, так сказать, мать учения... да и вообще бесполезно будет до вашего сведения содержание этой части приказа дословно, читаю выдержку: «Параграф восьмой. Цель экспедиции состоит в том, чтобы, во-первых, провести всесторонние испытания эксплуатационно-технических качеств нового вида межпланетного транспорта — фотонной ракеты «Хиус». Во-вторых, высадиться на Венере в районе месторождения радиоактивных руд «Урановая Голконда», открытого два года назад экспедицией Тахмасиба-Ермакова...»

Быков шумно вздохнул. Дауге предостерегающе положил руку на его колено.

— «...и провести его геологическое обследование. Параграф девятый. Задача геологической группы экспедиции состоит в определении границ месторождения «Урановая Голконда», в сборе образцов и приближенном расчете запасов имеющихся там ра-

диоактивных ископаемых. По возвращении представить в комитет соображения об экономической ценности месторождения». Все как было, не правда ли? — сказал Краюхин. — А вот пункт, которого в проекте не было. Слушайте: «Параграф десятый. Задачей экспедиции является отыскание посадочной площадки не далее 50 километров от границ месторождения «Урановая Голконда», удобной для всех видов межпланетного транспорта, и оборудование этой площадки автоматическими ультракоротковолновыми маяками конструкции Усманова—Шварца с питанием от местных ресурсов».

Краюхин положил бумагу и оглядел слушателей. Некоторое время все молчали. Затем Юрковский, великолепно заломив густую черную бровь, произнес:

— Кто же будет этим заниматься?

— Станный вопрос, Владимир Сергеевич, — усмехнулся Краюхин.

— Прекрасно, прекрасно, площадку мы отыщем, — быстро заговорил Дауге. — В крайнем случае, построим. Но вот относительно маяков... Действительно, дело это, видимо, тонкое и требует специальных знаний...

— Вот это уже, дорогие товарищи, не моя забота. Это забота начальника экспедиции. — Краюхин достал из стола папиросу, закурил. — Так ведь, Анатолий Борисович?

Быков с любопытством повернулся к Ермакову. Тот равнодушно кивнул.

— Я думаю, — медленно сказал он, — мы справимся. В нашем распоряжении еще по крайней мере полтора месяца, если я не ошибаюсь. За это время мы вполне сможем ознакомиться с особенностями конструкции маяков и провести две-три пробные сборки. Это не столь уж «тонко»...

— Только учтите, — перебил его Краюхин, — что полтора месяца я вам на это не дам. Даже месяца не дам.

— Что ж, раз так — будет достаточно и трех недель. — Ермаков опустил глаза и стал рассматривать свои длинные тонкие пальцы. — Разумеется, если вы обеспечите нам эту возможность.

— Я не понял, — не дождавшись ответа Краюхина, вмешался Юрковский, — что значит «с питанием от местных ресурсов»? Так, кажется, там написано?

— Это значит, Владимир Сергеевич, что источник энергии для маяка вам придется отыскивать там, на месте,— сказал Краюхин.— Впрочем, я думаю, для наших техников этот вопрос ясен, так?

Крутиков торопливо закивал, а Спицын проговорил, улыбаясь:

— Это-то понятно... Радиоэлементы, если Голконда хоть в половину так богата активными веществами, как говорят, или термоэлементы... Но... Да что говорить! Приказ есть приказ.

— Одно дело — приказать, другое дело — выполнять,— хмуро пробормотал Юрковский.— Во всяком случае, следовало бы этот пункт предварительно согласовать с нами, а потом уже отдавать в приказе.

«Почему Краюхин не оборвет этого распутившегося пижона?» — сердито подумал Быков.

Прямой, как разрез бритвой, рот Краюхина растянулся в насмешливую улыбку:

— Вам кажется, Владимир Сергеевич, что экспедиции это не под силу?

— Не в этом дело...

— Конечно, не в этом! — резко сказал Краюхин.— Конечно, не в этом! Дело лишь в том, что из восьми кораблей, брошенных на Венеру за последние двадцать лет, шесть разбилось о скалы. Дело лишь в том, что «Хиус» посылается не только... и не столько ради ваших геологических восторгов, Владимир Сергеевич. Дело лишь в том, что вслед за вами пойдут другие... десятки других, сотни других. Венеру... Голконду оставлять без ориентиров больше нельзя. Нельзя, черт побери! Или там будут надежные автоматические маяки, или мы будем вечно посылать людей почти на верную гибель. Неужели это, так сказать, непонятно вам, Владимир Сергеевич?

Он закашлялся, отбросил папиросу и вытер платком лысину. Юрковский, мгновенно ставший пунцовым, смотрел в сторону. Все молчали. Дауге подтолкнул Быкова локтем:

— Вот так нашего брата из высоких эмпиреев стаскивают на землю.

— Погоди, Иоганыч! — досадливо прошептал Быков.— Дай послушать.

Он все еще плохо представлял себе замысел и средства экспедиции. Кучке людей, бредущей по зыбучим пескам, становилось все труднее и труднее. Теперь им приходилось тащить на себе тяжелые металлические фермы и диковинные аппараты, похожие на пятиногих черепаха... Пока было ясно, что по крайней мере одна высадка на Венере все же прошла удачно. Высадка экспедиции Тахмасиба—Ермакова. Урановая Голконда не была мифом.

— ...Полагаю, нам не придется менять расчеты перелета? — спросил Ермаков.

— Нет, расчеты не меняются. Михаилу Антоновичу следует ориентироваться на старт пятнадцатого-восемнадцатого августа.

Штурман Крутиков заулыбался, закивал головой.

— У меня есть еще один вопрос,— неожиданно сказал Юрковский.

— Пожалуйста, Владимир Сергеевич.

— Мне не совсем понятна роль товарища... э-э... Быкова в нашей экспедиции. Я нисколько не сомневаюсь в его... э-э... отменных качествах, как физических, так и духовных, но я хотел бы еще знать его специальность и его задачу.

Быков затаил дыхание.

— Вам известно,— медленно сказал Краюхин,— что экспедиции придется работать в обстановке пустыни. А товарищ Быков хорошо знает пустыню.

— Хм... Я думал, что он специалист по посадочным площадкам. Ведь и Дауге, надо думать, знает пустыню не хуже.

— Дауге знает пустыню гораздо хуже! — сердито вмешался Григорий Иоганнович.— Значительно хуже. Упомянутый Дауге сел в калошу в самых прозаических барханах Гоби, и если бы не Быков... Ты не знаешь Быкова, Володя, и не знаешь пустыни. Не все пустыни такие же, как на Большом Сырте.

Краюхин спокойно дождался, пока Дауге умолк, и закончил:

— Кроме того, Алексей Петрович — прекрасный инженер, химик-радиолог и водитель.

Юрковский пожал плечами:

— Не поймите меня дурно. Я ничего не имею против инженера Быкова. Но должен же я знать обязанности своего товарища по экспедиции! Вот теперь я знаю: специалист по пустыням.

Быков стиснул зубы и промолчал. Но Краюхин, сердито уставившись на Юрковского круглыми глазами, прогудел:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, Владимир Сергеевич. Кажется, это у вас пять лет назад в бытность вашу на Марсе рассыпалась гусеница у танкетки, не правда ли? И вы с Хлебниковым тащились пешком пятьдесят километров, потому что так и не сумели ее починить...

Юрковский вскочил и хотел что-то возразить, но Краюхин продолжал:

— И в конце концов, дело даже не в этом. Инженер Быков введен в состав экспедиции, помимо всего прочего, еще и за те, так сказать, отменные физические и духовные качества, в которых вы, по собственным вашим словам, не сомневаетесь. Это человек, на которого вы, Владимир Сергеевич, сможете положиться в критический момент. А такие моменты там будут, обещая вам! Что же касается его знаний, то будьте уверены, в своей области их у него не меньше, чем у вас в своей.

— Капитулируй! — Крутиков потрепал Юрковского по спине. — Тем более что ведь это он спасал твоего возлюбленного Дауге...

— Перестань! — буркнул Юрковский.

Быков перевел дыхание и пригладил жесткие волосы на макушке.

— Кстати, об обязанностях, — сказал Краюхин, доставая из стола сложенный вчетверо листок. — Все их знают, но... для повторения прочитаю еще раз. «Ермаков — начальник экспедиции, командир корабля, физик, биолог и врач. Спицын — пилот, радист, штурман и бортинженер. Крутиков — штурман, кибернетист, пилот и бортинженер. Юрковский — геолог, радист, биолог. Дауге — геолог, биолог. Быков — инженер-механик, химик, водитель транспортера, радист».

— Специалист по пустыням... — шепнул Дауге.

Быков нетерпеливо дернул плечом.

— Ну-с, теперь еще одно... — Краюхин поднялся и оперся ладонями о стол. — Несколько слов о «загадке Тахмасиба»...

— О господи! — жалобно пробормотал Крутиков.

— Что вы сказали? — повернулся к нему Краюхин.

— Ничего, Николай Захарович.

— Вы, вероятно, хотели сказать, что вам до смерти надоел этот миф о загадке Тахмасиба?

— Ну... — Крутиков неловко задвигался и покосился на Ермакова, — не совсем так, конечно...

— Но в этом духе. Однако перейдем к делу. Кое-кто в президиуме академии весьма заинтересовался этим вопросом и просил включить работу над расшифровкой «загадки» в план экспедиции.

— Разумеется... — усмехнулся Крутиков.

— Я отказался, сославшись на нашу загруженность. Но, поскольку вы все равно будете работать вблизи от Голконды, прошу брать на заметку все явления, в какой бы то ни было степени напоминающие то, что стало известно после экспедиции Тахмасиба-Ермакова. Договорились?

Все промолчали. Только Ермаков тихо произнес:

— К сожалению, мнение о том, что странное происшествие с Тахмасибом — миф, очень распространено. Но ведь его гибель — не миф...

— Он мог погибнуть от тысячи причин, — сказал Дауге.

— Не исключено. Но не исключено и то, что «красное кольцо», что бы оно ни значило, существует реально и было причиной его гибели.

— Короче говоря, это не приказ, а просьба, — сказал Краюхин, — хотя боюсь, что «загадка Тахмасиба» даст вам о себе знать независимо от того, верите вы в нее или нет... Вот все, что я хотел вам сообщить. Теперь о текущих делах. Вам известно, что завтра мы вылетаем. Сбор здесь, в двенадцать. Поедем на Внуковский аэродром... Алексей Петрович!

— Я!.. — Быков вскочил на ноги.

— Сидите, сидите. Где будете ночевать? В «Праге»?

— У меня, — быстро сказал Дауге.

— Вот и отлично! Ну что ж, товарищи, если нет вопросов, можете идти собираться. Вас, Анатолий Борисович, прошу задержаться на пять минут.

Все поднялись и стали прощаться. Выйдя в приемную, Дауге взял Быкова под руку:

— Спускайся вниз, Алексей, и жди в вестибюле, я схожу за машиной. Впереди целый вечер. Посидим, поговорим. Думаю, у тебя целая куча вопросов, правда?

— Какой ты, Григорий Иоганыч, проницательный, сил нет! — проворчал Быков.

НА ПОРОГЕ

Быков вздохнул и уселся на диване, отбросив одеяло. Он никак не мог заставить себя заснуть. В кабинете Дауге было темно, только белели сползшие на пол простыни. За широкими окнами слабо розовело ночное зарево огней над столицей.

Он протянул руку за часами на стуле рядом. Часы выскользнули из пальцев и упали на коврик. Быков слез с дивана и принялся искать их, шаря ладонью по коврику и гладкому полу. Часов не было. Тогда он, чертыхаясь, выпрямился и стал поправлять простыни. Он делал это уже в третий раз с тех пор, как Дауге, пожелав ему спокойной ночи, ушел к себе в спальню, чтобы написать несколько писем. Быков улегся, но заснуть не удалось. Он вертелся, сопел, пытался устроиться поудобнее, считал до ста. Сон не приходил.

«Слишком много впечатлений», — подумал Быков, снова усаживаясь. Слишком много впечатлений и мыслей. Слишком много объяснил Дауге, и еще больше осталось неясного. Славно было бы выкурить сейчас сигарету — так нет, нельзя! Надо бросать. Бросать курить и начисто отказаться от спиртного. Давеча Иоганыч, выслушав без всякого энтузиазма сообщение Быкова о том, что «...вот в этом, дружище, чемодане ждет своей очереди бутылка преотличнейшего армянского коньяка», задал равнодушный вопрос: «Лет пятнадцать выдержки?» — «Двадцать!» — торжественно возразил Быков. «Ну, так ты его выбрось, — ласково предложил Дауге. — Выбрось в мусоропровод сейчас или отдай кому-нибудь завтра. И подумай о том, что в корабле тебе курить не разрешат. Таков режим. На Земле — только виноградное вино в минимальных дозах, в походе — ни капли! Таков режим, товарищ межпланетник».

— М-монастырь, — с чувством произнес Быков, устраиваясь поудобнее под одеялом. — Надо спать. Попробую еще разок.

Он закрыл глаза, и тотчас ему представился огромный пустой вестибюль, где он после совещания ждал Дауге. Богдан Спицын и толстенный Крутиков прошли мимо и остановились рядом с книжным киоском. Насколько можно было понять, они говорили о какой-то новой книге. Точнее, Спицын помалкивал, сверкая ослепительной улыбкой, а Крутиков тараторил высоким тенорком, то и дело бросая самые приветливые и благожелательные взгляды в сторону новичка. Быков почувствовал, что его приглашают присоединиться к беседе, но тут появились Дауге и Юрковский. Дауге стремительно шагал с закушенной губой, лицо Юрковского было исковеркано судорогой. В руке он держал смятую газету.

«Данже погиб», — сказал Юрковский, подходя вплотную.

Быков увидел, как с лица черноволосого Спицына сползла улыбка.

«А-а, черт!» — выругался он.

Крутиков весь подался вперед, губы его задрожали:

«Господи... Поль?!»

«Над Юпитером! — с бешенством проговорил Юрковский. — Застрыл в экзосфере, потерял ход и не захотел возвращаться...»

Он протянул газету. Быков увидел портрет в черной рамке — худощавый молодой человек с печальными глазами.

«Юпитер... Опять проклятый Джуп! — Юрковский стиснул кулаки. — Хуже Венеры, хуже всего на свете... Вот куда бы я... вот...» — Он резко повернулся и пошел прочь, широко шагая по матово-белому пружинящему полу.

«Поль Данже, Поль...» — повторял Крутиков, горестно качая головой.

«Я так и не успел ответить на его письмо», — с трудом выговорил Дауге, жмурясь, как от сильного света.

Все замолчали, только хрустела плотная обложка книги в пухлых волосатеньких пальчиках Михаила Антоновича Крутикова...

...Быков открыл глаза и перевернулся на спину. Это происшествие бросило тень на весь вечер. Хорошего разговора с Иоганном не получилось. «Эти межпланетники — чертовски храбрые ребята, — подумал инженер. — И удивительно настойчивые. Настоящие люди! Сколько их легло на Венере!» На громоздких

импульсных ракетах с ограниченным запасом горючего шли на штурм. Никто их не гнал, их удерживали, им запрещали, их отстраняли от полетов... если они возвращались.

Теперь на штурм идет «Хиус».

Фотонная ракета «Хиус»... Как и любой инженер-ядерник, Быков был знаком с теорией фотонно-ракетного привода и с интересом следил за всем новым, что появлялось в печати по этому вопросу. Фотонно-ракетный привод превращает горючее в кванты электромагнитного излучения и таким образом осуществляет максимально возможную для ракетных двигателей скорость выталкивания, равную скорости света. Источником энергии фотонно-ракетного привода могут служить либо термоядерные процессы (частичное превращение горючего в излучение), либо процессы аннигиляции антивещества (полное превращение горючего в излучение). Преимущества фотонной ракеты над атомной ракетой с жидким горючим бесспорны и огромны. Во-первых, низкий относительный вес топлива; во-вторых, большая полезная нагрузка; в-третьих, фантастическая для жидкостной ракеты маневренность; в-четвертых...

Так говорит теория. Но Быков знал также, что до последнего времени все попытки использовать идею фотонно-ракетного привода на практике оканчивались провалом. Одна из фундаментальных проблем этой идеи — отражение излучения — не поддавалась практической разработке. Для создания фотонной тяги требуются интенсивности излучения порядка миллионов килокалорий на квадратный сантиметр поверхности отражателя в секунду, и никакие материалы не выдерживали даже кратковременного воздействия температур в сотни тысяч градусов, возникающих при этом. Беспилотные модели сгорали дотла, не успев израсходовать и сотой доли горючего. И тем не менее фотонная ракета «Хиус» построена!

«Создано идеальное зеркало, — сказал Дауге, — «абсолютный отражатель». Субстанция, отражающая все виды лучистой энергии любой интенсивности и все виды элементарных частиц с энергиями до ста — ста пятидесяти миллионов электроновольт. Кроме нейтрино, кажется. Волшебная субстанция. Ее теорию разработал институт в Новосибирске. Правда, они не думали о фотонной ра-

кете. Они исследовали возможности идеальной защиты от проникающего излучения ядерного реактора. Но Краюхин сразу понял, в чем дело. — Дауге усмехнулся. — Краюхин — фанатик фотонной ракеты. Это ему принадлежит знаменитый афоризм: «Фотонная ракета — покоренная Вселенная». Краюхин моментально вцепился в «абсолютный отражатель», посадил за его разработку две трети лабораторий комитета, и вот — «Хиус»!»

Создание «абсолютного отражателя» было первым реальным достижением новой, почти фантастической науки — мезоатомной химии, химии искусственных атомов, электронные оболочки в которых заменены мезонными. Это так заинтересовало Быкова, что он на время забыл обо всем — о несчастном Поле Данже, о Венере, даже об экспедиции. К сожалению, об «абсолютном отражателе» Дауге мог рассказать очень немного. Зато он рассказал о «Хиусе».

«Хиус» — комбинированный планетолет: пять обычных атомно-импульсных ракет несут параболическое зеркало из «абсолютного отражателя». В фокус зеркала с определенной частотой впрыскиваются порции водородно-третиевой плазмы. Назначение атомных ракет двоякое: во-первых, они дают «Хиусу» возможность стартовать и финишировать на Земле. Фотонный реактор для этого не годился — он заражал бы атмосферу, как одновременный взрыв десятков водородных бомб. Во-вторых, реакторы ракет питают мощные электромагниты, в поле которых происходит торможение плазмы и возникает термоядерный синтез.

Очень просто и остроумно: пять ракет и зеркало. Кстати, уродливая пятиногая черепаха, которую Быков видел в кабинете Краюхина, — это, оказывается, макет «Хиуса». Изяществом обводов «Хиус», откровенно говоря, не отличается...

Инженер снова сел, скорчившись, упираясь голой спиной в прохладную стену.

«Мы стартуем на фотонной ракете «Хиус-2». «Хиус-1» сгорел два года назад во время испытаний, — нехотя сказал Дауге. — Никто не знает почему. Спросить не у кого. Единственный человек, который мог бы об этом что-нибудь сказать, — это Ашот Петросян, светлая ему память! Он распался в атомную пыль вместе с массой легированного титана, из которого был сделан корпус первого «Хиуса». Легкая и честная смерть...»

«Никто из нас, наверное, не боится смерти,— подумал Быков.— Мы только не хотим ее. Чьи это слова?» Он слез с дивана. Заснуть не удастся, это ясно. Абсолютный отражатель, Данже, «Хиус», Петросян... «Попробуем последнее».

Он вышел на балкон, совершенно машинально на шарив в кармане куртки пачку сигарет.

Если не спится, надо как следует померзнуть. Быков облокотился на перила. Было тихо. Огромный город спал в призрачной полутьме июльской ночи; далеко за горизонтом стояло розовое мерцающее зарево, на севере ослепительной белой стрелой уходил в серое небо пик Дворца Советов.

«Уже не меньше двух,— подумал Быков.— Где же, однако, мои часы?.. Удивительно тепло. Мягкий теплый ветерок... А вот «хиус» по-сибирски — зимний ветер, северяк. Проект фотонной ракеты разрабатывали инженеры-сибиряки, и они предложили это слово как кодовое название. Потом это название перешло и на планетолет».

Странные, непривычные названия. «Хиус» — в честь сибирской стужи, «Урановая Голконда», кажется,— в память о древнем городе, где царь Соломон хранил некогда свои алмазы... И еще — «загадка Тахмасиба». Тахмасиб Мехти, крупный азербайджанский геолог,— первый человек, побывавший на Голконде. Ермаков, Тахмасиб и еще двое геологов на специально оборудованной спортивной ракете благополучно опустились на Венере. Это была огромная удача и счастливый случай. Все так считают, в том числе и сам Ермаков.

Они сели где-то километрах в двадцати от границ Голконды. Тахмасиб оставил Ермакова у ракеты, а сам со своими геологами отправился на разведку. Что там произошло — неизвестно. Тахмасиб вернулся к ракете через четверо суток один, полумертвый от жажды, страшно истерзанный, изъеденный лучевыми язвами. Он принес образцы урановых, радиевых, трансураниновых руд («Богатейшие руды, Алексей, изумительные руды!») и в контейнере розовато-серую радиоактивную пыль. Он был уже почти без памяти. Он показывал Ермакову контейнер и что-то много и горячо говорил по-азербайджански. Ермаков не понимал по-азербайджански и умолял его говорить по-русски, потому что ясно

было, что речь идет о чем-то важном. Но Тахмасиб по-русски сказал только: «Бойтесь красного кольца! Уходите от красного кольца!» Больше до самой смерти он не произнес ни слова. Умер он при старте, и Ермаков полмесяца провел в ракете с его трупом.

«Красное кольцо» — это и есть загадка Тахмасиба, загадка гибели трех геологов, загадка Голконды. А может быть, никакой загадки и нет. Может быть, как считают многие, Тахмасиб просто помешался от лучевой болезни или от картины гибели товарищей. Серо-розовый порошок в контейнере оказался сложным кремнийорганическим соединением — на Земле, впрочем, давно известным.

И зачем Тахмасиб тащил на себе этот контейнер — непонятно... И непонятно, какое к этому отношение имеет «красное кольцо».

Дауге рассказывал об этом скороговоркой, морщась, как от изжоги. Он не верил в «загадку Тахмасиба». Зато он готов был часами говорить о богатствах Голконды. Только бы добраться, дойти, доползти до нее...

Быков бочком присел на перила, пачка сигарет мешала ему, и он положил ее рядом. В высоте с легким фырканием пронесся небольшой вертолет. Быков проводил взглядом его сигнальные огоньки — красный и желтый. Он вспомнил разговор с Дауге.

Тахмасиб с товарищами шел к Голконде пешком. Но наша экспедиция берет с собой транспортер. Дауге говорит, что это превосходная машина. У Иоганыча все превосходное: «Хиус» превосходный, транспортер превосходный, Юрковский превосходный. Только о командире он отозвался как-то сдержанно. Оказывается, Ермаков — приемный сын Краюхина. Один из лучших космонавтов мира, но человек со странностями. Правда, у него, видимо, была очень тяжелая жизнь. Дауге отзывался о нем как-то очень неуверенно:

«Я его почти не знаю... Говорят... говорят, что это очень смелый, очень знающий и очень жестокий человек... Говорят, он никогда не смеется...»

Жена Ермакова была первым человеком, высадившимся на естественном спутнике Венеры. И там произошло какое-то несчастье. Никто об этом не знает ничего толком — какое-то столкно-

вание между членами экипажа. С тех пор женщин перестали брать в дальние межпланетные рейсы, а Ермаков целиком посвятил себя штурму Венеры. Он, оказывается, четыре раза пытался высадиться на поверхности этой планеты — и все четыре раза неудачно. В пятый раз он летал с Тахмасибом Мехти. А сейчас, на «Хиусе», идет к Венере в шестой раз.

Быков прошелся по балкону, заложив руки за спину. Нет, положительно ему не удастся даже замерзнуть! Слишком тепло, даже душно. Может быть, все-таки закурить? Быков почувствовал, как в нем растет уверенность в том, что лучшее и радикальнейшее средство против бессонницы — это сигарета. Тонкая ароматная сигарета, чарующая, баюкающая, успокаивающая... Он нащупал пачку.

Лучший способ преодолеть искушение — это поддаться ему. Он усмехнулся. Черта с два! Режим! Пачка полетела вниз с высоты одиннадцатого этажа. Быков, перегнувшись через перила, поглядел в темную пропасть. Там вдруг вспыхнули слепящие лучи фар, бесшумно пробежали по асфальту и скрылись.

«Зря намусорил, — подумал Быков. — Эх, слабости да грехи! Спать надо...» Он вошел в комнату и ощупью добрался до дивана. Под ногой что-то хрустнуло. «Бедные часы», — подумал он, пытаясь хоть что-нибудь разобрать в темноте.

Он глубоко вздохнул и опустил на губчатое сиденье непокорного дивана. «Нет, не заснуть тебе сегодня, товарищ инженер, специалист по пустыням! С чего это красавчик Юрковский так невзлюбил меня? Теперь прилипнет прозвище: специалист по пустыням. А какое у Юрковского лицо было, когда он говорил о Поле Данже!.. Да, такой не страдает бессонницей перед полетом. «Мы не боимся смерти, мы только не хотим ее...» Так ли, инженер? А вдруг в этом же вестибюле, через полгода, кто-то сообщит новость: «Товарищи, слышали? «Хиус» погиб. Ермаков погиб, Юрковский и этот... как его... специалист по пустыням...» Чепуху городишь, Алексей! Это от бессонницы и от безделья. Скорей бы утро — и в самолет, на Седьмой полигон, на ракетодром в Заполярье, где экспедиция будет готовиться к отлету и ждать «Хиус», который сейчас в пробном рейсе. Сегодня вставать в восемь, а я заснуть не могу, черт побери... Дауге уже спит, конечно...»

Тут Быков заметил, что дверь в спальню приотворена и сквозь щель падает на стену слабый лучик света. Он встал, на цыпочках подошел к двери и заглянул в щелку. За столом, рядом с раскрытой постелью, сидел Дауге, обхватив голову руками. Стол был почти пуст, на полу громоздился огромный рюкзак. На рюкзаке лежал геологический молоток с лоснящейся рукояткой. Быков кашлянул.

— Входи,— сказал Дауге, не оборачиваясь.

— Э-э...— затянул Алексей Петрович в совершеннейшем смущении.— Я, понимаешь, забыл тебя спросить...

Дауге обернулся:

— Заходи, заходи... Садись. Ну, что ты забыл спросить?

Быков напряг память так, что даже зубами скрипнул.

— Э-э... Да вот, понимаешь...— Тут его, наконец, осенило.— Вот. Зачем нам ставить на Венере радиомаяки, если ее атмосфера все равно не пропускает радиосигналов?

На лице Дауге лежала глубокая тень абажура. Быков уселся на низенькое легкое креслице и победоносно задрал одну ногу на другую. Он почувствовал огромное облегчение от того, что находится в освещенной комнате, в обществе верного друга Иоганыча.

— Да,— произнес Дауге задумчиво,— это действительно — чрезвычайно важный вопрос. Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не заснул. А я-то думаю — что это он шатается по комнате? Зубы у него болят, что ли? А дело, значит, в маяках...

— Н-да,— неуверенно заявил Быков, опустив ногу. Чувство облегчения куда-то испарилось.

— У тебя, вероятно, есть какие-нибудь соображения по этому поводу? — продолжал Дауге совершенно серьезным тоном.— Ты, конечно, что-нибудь придумал во время... своего бдения? Нечто общепольное...

— Видишь ли, Иоганыч...— проникновенно начал Быков, делая многозначительное лицо и не имея ни малейшего представления о том, чем он кончит начатую фразу.

— Да-да, я тебя понял,— прервал Дауге кивая.— И ты совершенно — понимаешь? — *абсолютно* прав! Именно так и обстоит дело. Атмосфера Венеры *действительно* не способна пропускать

радиолучи, но при строго определенном диапазоне мы допускаем возможность прорыва этой радиоблокады. Этот диапазон определен из чисто теоретических, а равно и наблюдательных данных относительно локальных ионизирующих полей... чего, инженер?..

— Венеры,— мрачно произнес Быков.

— Именно — Венеры! Атмосфера планеты пропускает иногда волны и других длин, но это — явление случайное, на него рассчитывать не приходится. Поэтому задача состоит в том, чтобы определить полосу пропускания, а определив, забросить маяки на поверхность... на поверхность чего?

— Венеры! — повторил Быков с ненавистью.

— Великолепно! — восхитился Дауге.— Ты не зря провел ночь без сна. Однако все попытки забросить на поверхность радиостанцию кончались... чем, инженер?

— Хватит,— отвечивал Быков, ерзая на кресле.

— Гм... Странно. Они, друг мой, кончались неудачей. Скорее всего, эти маяки-танкетки разбивались о скалы. Или, во всяком случае, приходили в негодность во время спуска. Но, если бы даже они не разбивались, что толку от них? Они бы не помогли нам. Зато теперь у нас есть... что у нас есть?

— Терпения у нас уже нет,— мрачно сказал Быков.

Дауге торжественно провозгласил:

— У нас есть «Хиус», и есть маяки, и найдена полоса пропускания, в коей сигналы оных маяков прорываются через атмосферу. Значит, у нас есть все, кроме терпения, а это уже дело наживное. Можно, пожалуй, спать спокойно.

Алексей Петрович грустно вздохнул и поднялся.

— Бессонница,— проговорил он.

Дауге кивнул:

— Бывает.

Быков прошелся по комнате и остановился перед тремя стереофотоснимками на стене. Левый изображал старинную узкую улицу какого-то прибалтийского города, правый — межпланетный корабль, похожий на колоссально увеличенный винтовочный патрон времен Великой Отечественной войны, уткнувшийся острым носом в черное небо. На средней фотографии Быков увидел молодую грустную женщину в закрытом до шеи синем платье.

— Кто это, Иоганыч? Жена?

— Д-да... Собственно, нет,— с неохотой проговорил Дауге.— Это Маша Юрковская, сестра Володи. Мы разошлись...

— А, извини...

Инженер, прикусив губу, вернулся к креслицу и сел. Дауге бесцельно листал страницы книги, лежащей перед ним на столе.

— Собственно, она ушла... Это будет точнее...

Быков молчал, разглядывая худое загорелое лицо друга. В свете голубой лампы оно казалось совсем черным.

— Вот мне тоже не спится, Алексей,— проговорил Дауге печально.— Жалко Поля. И на этот раз ехать не очень хочется. Я очень люблю Землю. Очень! Ты, наверное, думаешь, что все межпланетники — убежденные небожители. Неверно. Мы все очень любим Землю и тоскуем по голубому небу. Это наша болезнь — тоска по голубому небу. Сидишь где-нибудь на Фобосе. Небо бездонное, черное. Звезды, как алмазные иглы, глаза колют. Созвездия кажутся дикими, незнакомыми. И все вокруг искусственное: воздух искусственный, тепло искусственное, даже вес твой и тот искусственный...

Быков слушал не шевелясь.

— Ты этого не знаешь. Ты не спишь только потому, что чувствуешь себя на пороге: одна нога здесь, другая там. А вот Юрковский сейчас сидит и стихи пишет. О голубом небе, об озерных туманах, о белых облаках над лесной опушкой. Плохие стихи, на Земле в любой редакции таких стихов — килограммы, и он это прекрасно знает. И все-таки пишет.

Дауге захлопнул книжку и откинулся на спинку кресла, запрокинув голову.

— А кругленький Крутиков, наш штурман, конечно, гоняет по Москве на машине. С женой. Она за рулем, а он сидит и глаз с нее не сводит. И жалеет, что детишек рядом нет. Детишки у него живут в Новосибирске, у бабки. Мальчуган и девочка, очень славные ребята...— Дауге вдруг засмеялся. — А вот кто спит, так это Богдан Спицын, наш второй пилот. У него дом — в ракете. «Я,— говорит,— на Земле, как в поезде: хочется лечь и заснуть, чтобы скорее приехать». Богдан — небожитель. Есть у нас такие, отравленные на всю жизнь. Богдан родился на Мар-

се, в научном городке на Большом Сырте. Прожил там до пяти лет, а потом мать его заболела, и их отправили на Землю. И вот, рассказывают, пустили маленького Богдашу погулять на травке. Он походил-походил, залез в лужу да как заревет: «Домой хочу-у! На Марс!»

Быков радостно засмеялся, ощущая, как тает, сваливается с души тяжелый ком непонятных чувств. Все очень просто, он действительно на пороге — одна нога еще здесь, а другая уже «там»...

— Ну, а что делает наш командир? — спросил он.

Дауге подобрался.

— Не знаю. Просто не могу себе представить... Не знаю.

— Тоже, наверное, спит, как и Богдан-небожитель...

Дауге покачал головой:

— Не думаю... Небо сейчас ясное?

— Нет, заволокло тучами...

— В таком случае — совсем не знаю. — Дауге покачал головой. — Я мог бы себе представить, что Анатолий Ермаков сейчас стоит и смотрит на яркую звезду над горизонтом. На Венеру. И руки у него... — Дауге помолчал. — Руки у него стиснуты в кулаки, и пальцы белые...

— Ну и фантазия у тебя, Иоганн!..

— Нет, Алексей, это не фантазия. Для нас Венера — это, в конечном счете, эпизод. Побывали на Луне, побывали на Марсе, теперь летим осваивать новую планету. Мы все делаем свое дело. А Ермаков... У Ермакова — счета, старые свирепые счета. Я тебе скажу, зачем он летит: он летит мстить и покорять — беспощадно и навсегда. Так я себе это представляю... Он и жизнь и смерть посвятил Венере.

— Ты хорошо его знаешь?

Дауге пожал плечами:

— Не в этом дело. Я чувствую. И потом, — он принялся загибать пальцы, — Нисидзима, японец, — его друг, Соколовский — его ближайший друг, Ши Фэнь-ю — его учитель, Екатерина Романовна — его жена... И всех их сожрала Венера. Краюхин — его второй отец. Последний свой рейс Краюхин совершил на Венеру. После этого рейса врачи навсегда запретили ему летать...

Дауге вскочил и прошелся по комнате.

— Укрощать и покорять,— повторил он,— беспощадно и навсегда! Для Ермакова Венера — это упрямое, злое олицетворение всех враждебных человеку сил стихии. Я не уверен, что нам всем дано будет когда-нибудь понять такое чувство. И, может быть, это даже к лучшему. Чтобы это понять, надо бороться, как боролся Ермаков, и страдать, как страдал он... Покорить навсегда...— повторил Дауге задумчиво.

Алексей Петрович передернул плечами, словно от озноба.

— Вот почему я сказал про сжатые кулаки,— закончил Дауге, пристально глядя на него.— Но, поскольку сейчас пасмурно, я просто не могу представить, что он может делать. Вероятнее всего, действительно, просто спит.

Помолчали. Быков подумал, что с таким начальником ему служить еще, пожалуй, не приходилось.

— А как твои дела? — неожиданно спросил Дауге.

— Какие дела?

— С твоей ашхабадской учительницей.

Быков сразу насупился и поскучнел.

— Так себе,— грустно сказал он.— Встречаемся...

— Ах вот что! Встречаетесь. Ну, и?..

— Ничего.

— Предложение делал?

— Делал.

— Отказала?

— Нет. Сказала, что подумает.

— Как давно это было?

— Полгода назад.

— И?

— Что — «и»? Ничего больше не было.

— То есть ты положительный дурак, Алексей, извини, ради бога.

Быков вздохнул. Дауге глядел на него с откровенной насмешкой.

— Поразительно! — сказал он.— Человеку тридцать с лишним лет. Любит красивую женщину и встречается с ней вот уже семь лет...

— Пять.

— Хорошо, пусть будет пять. На пятый год объясняется с ней. Заметьте, она терпеливо ждала пять лет, эта несчастная женщина...

— Не надо, Григорий,— морщась, сказал Быков.

— Минутку! После того, как она из скромности или из маленькой мести сказала, что подумает...

— Довольно!

Дауге вздохнул и развел руками.

— Ты же сам виноват, Алексей! Твой способ ухаживания похож на издевательство. Что она о тебе подумает? Тюфяк!

Быков уныло молчал. Потом сказал с надеждой:

— Когда вернемся...

Дауге хихикнул:

— Эх ты, покоритель... виноват, специалист по пустыням! «Когда вернемся»!.. Иди спать, видеть тебя не могу!

Быков встал и взял со столика книжку. «La description planétographique du Phobos» Paul Dangée¹,— прочитал он. На титульном листе стояла жирная, красным карандашом надпись по-русски: «Дорогому Дауге от верного и благодарного Поля Данже».

На рассвете Быков проснулся. Дверь в спальню была полуоткрыта. Дауге в одних трусах, черный и взъерошенный, стоял у письменного стола и смотрел на портрет молодой грустной женщины — Маши Юрковской. Затем он снял портрет со стены и сунул его в рюкзак.

Быков осторожно перевернулся на другой бок и заснул снова.

БУДНИ

Город был невелик: несколько сотен новеньких коттеджей, вытянутых в четыре ровные параллельные улицы вдоль лощины между двумя грядами плоских голых холмов. Красное утреннее солнце неярко озаряло мокрый асфальт, пологие крыши, веселые деревца в палисадниках. За холмами в розовой дымке видне-

¹ «Планетографическое описание Фобоса». Поль Данже.

лись огромные легкие сооружения, знакомые по кино и фотографиям, — стартовые установки для межпланетных кораблей.

Алексей Быков, запахнувшись в белый халат, стоял у огромного, в полстены, окна, ждал, когда его вызовут к врачу, и глядел на улицу. Экипаж «Хиуса» прибыл в этот городок вчера вечером. В самолете Быков спал, но, вероятно, не отоспался и потому дремал и в машине по дороге с аэродрома. От вчерашних впечатлений о городе в памяти сохранились только залитая розовым вечерним солнцем улица, светлое многоэтажное здание гостиницы и слова дежурной по этажу: «Вот ваша комната, товарищ, устраивайтесь...» В семь часов его разбудил Дауге и сообщил, что всем приказано явиться на медосмотр и что от долгого сна бывают пролежни.

Медицинский корпус примыкал к зданию гостиницы. Здесь межпланетникам велели снять всю одежду, накинуть халаты и ждать.

За окном, на улице, было пустовато. Возле дома напротив застыл стремительный низкий автомобиль с серебряным оленем на радиаторе. Прошли двое в легких комбинезонах, с огромными чертежными папками в руках. Тяжело прополз мощный полугусеничный электрокар с фургоном. В палисадник вышел парнишка лет двенадцати, посмотрел на небо, свистнул в три пальца и, перескочив через ограду, побежал по улице, явно копируя стиль бега знаменитых чемпионов.

Быков отошел от окна. Ермакова и Юрковского в комнате уже не было, их вызвали в кабинет врача. Остальные неторопливо раздевались, вешая одежду в изящные шкафчики с полупрозрачными створками. Алексей Петрович залюбовался Спицыным. У пилота было могучее поджарое тело гимнаста-профессионала. На широченных плечах, под тонкой золотистой кожей, перекатывались желваки мускулов. Дауге уже накинул халат и, ехидно улыбаясь, завязывал узлом рукава шелковой сорочки Юрковского, приговаривая: «Т-так, а теперь вот так...» Покончив с этим полезным занятием, он весело хихикнул и подошел к Быкову:

— Нравится город, Алексей?

— Хороший город, — ответил Быков сдержанно. — А далеко ли ракетодром?

— Там, за холмами. Видишь стартовые стрелы? Вот там и находится знаменитый Седьмой полигон, первый и пока единственный в мире специальный ракетодром для испытаний, стартов и посадок фотонных ракет. Здесь стартовало первое фотонное беспилотное устройство «Змей Горыныч». Здесь садились «Хиус-один» и «Хиус-два». Здесь, вероятно, сядут и «Хиус-три», и «Хиус-четыре», и «Хиус-пять»...

— Сядут или будут стартовать?

— И стартовать будут. Но сначала сядут. Ведь их строят не на Земле.

— Ага... — Быков вспомнил о внеземном литейном заводе на спутнике «Вэйдады Ю-и».

Там, на высоте пяти тысяч километров над Землей, в условиях невесомости и почти идеального вакуума отливались исполинские корпуса сверхтяжелых ракет. Двести пятьдесят человек — ученых, инженеров, техников и рабочих — управляли солнечными печами, центробежными машинами, сложнейшей литейной автоматикой, превращая многотонные титановые и вольфрамовые болванки в корпуса межпланетных кораблей. Очевидно, там же рождались и «Хиусы»...

— Крутиков и Спицын, пожалуйста! — раздался за спиной голос Ермакова.

Друзья обернулись. Крутиков бросил газету и вслед за Спицыным вошел к врачу, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Седьмой полигон — идеальное место! — с воодушевлением говорил Дауге. Лицо его было обращено к Быкову, но глаза косили в сторону Юрковского, уже распахнувшего свой шкафчик. — Вокруг — сотни километров тундры, ни одного населенного пункта, ни одного человека. На севере — океан...

Юрковский взялся за сорочку.

— ...По прямой до побережья около двухсот километров... — Дауге вдруг прыснул, но тут же, спохватившись, торжественно провозгласил: — И между городом и океаном распростерлись по тундре пять миллионов гектаров нашего полигона!

Юрковский просунул голову через ворот и теперь стоял в напряженной позе, с обвисшими рукавами, похожий на огородное

чуцело. Ермаков, уже одетый, прошел к врачу, аккуратно застегнув все пуговицы на халате.

— Отсюда на юг идет железнодорожная ветка и шоссе, — громко продолжал Дауге. — Километрах в четырехстах, около геофизической станции...

— Интересно, — спросил Юрковский задумчиво, — какой кретин это сделал?

— ...м-м-м... около станции, значит, она сворачивает и соединяется с северной транссибирской магистралью у Якутска... Гм... Володя, как твое здоровье?

— Благодарю вас, — сказал Юрковский приближаясь. Сорочку он снял и теперь выразительно играл мускулами, глядя на Дауге исподлобья. — Я совершенно здоров. Я приложу максимум усилий к тому, дружочек, чтобы о вас этого не сказал даже самый скверный ветеринар.

— Володя! — вскричал Дауге. — Это ошибка. Это не я.

— А кто же?

— Это он! — Дауге похлопал Быкова по волосатой груди. — Это, Володя, такой шутник!..

Юрковский мельком глянул на Алексея и отвернулся. Быков, открывший было рот, чтобы принять участие в игре, только кашлянул и промолчал. Юрковский не принимает его в игру — это было ясно. Дауге тоже понял это, и ему тоже стало неловко.

В этот момент дверь открылась, и Ермаков позвал:

— Товарищи, ваша очередь.

Очень довольный таким оборотом дела, Быков поспешно прошел в кабинет.

Сначала их осмотрел врач — жгучий брюнет с фантастическим носом. Дауге он отпустил, не сказав ни слова, но, осматривая Быкова, ткнул пальцем в длинный рубец на его груди и спросил:

— Что это?

— Авария, — лаконично ответил Быков.

— Давно? — не менее лаконично осведомился врач, поднимая нос.

— Шесть лет.

— Последствия?

— Без,— сказал инженер, демонстративно рассматривая докторову переносицу.

Дауге тихонько хихикнул.

Врач что-то записал в толстой книжке, на которой значилось: «Медицинский дневник № 4024. Быков Алексей Петрович», и повел друзей в соседнюю комнату. Там они увидели большой матово-белый шкаф. Врач прицелился носом в Дауге и предложил ему войти в этот шкаф. Дверца шкафа бесшумно закрылась, врач надавил несколько клавиш на пульте с правой стороны шкафа, и тотчас послышалось тихое гудение. На пульте загорелись, перемигиваясь, разноцветные лампочки, заколебались стрелки приборов. Это продолжалось минуты полторы, после чего аппарат звонко щелкнул и выбросил откуда-то белый листок, покрытый ровными строчками букв и цифр. Лампочки погасли, и доктор открыл дверцу. Дауге вылез спиной вперед, потирая плечо.

Врач повернулся к Быкову и весело кивнул ему носом:

— Вперед!

Алексей кашлянул и забрался в шкаф. Там было темно. Прохладные металлические обручи сомкнулись на его плечах и на поясе, прижали к чему-то теплomu и мягкому, подняли, опустили. Вспыхнул красный свет, потом зеленоватый, потом что-то кольнуло в предплечье, и Быков почувствовал себя свободным. Дверь открылась.

Врач, мурлыча себе под нос что-то легкомысленное, внимательно рассматривал листки, выброшенные «шкафом». Это были «формулы» здоровья, полный отчет о состоянии организма, а также индивидуальный комплекс обязательных гимнастических упражнений и диетический рацион на период подготовки к старту. Пометив что-то в «Медицинских дневниках», врач передал листки Ермакову и сообщил, что такие осмотры будут проводиться еженедельно.

Ермаков поблагодарил и вышел.

— Что это за ящик? — спросил Алексей Петрович у Дауге, одеваясь.— Инкубатор для взрослых? Электронный вариант шка-тулки Пандоры?

— Кибердоктор, электронная диагностическая машина,— сказал Дауге.— Все бы хорошо, но она делает уколы. Терпеть не могу уколов!

Они вошли в лифт и поднялись на пятый этаж, в столовую. Это был огромный пустоватый зал, залитый розовым светом северного солнца. Почти все столики были свободны. Завтрак либо уже кончился, либо еще не начинался.

— Вон наши,— сказал Дауге.

Экипаж «Хиуса» занял два сдвинутых столика у самого окна. За ними уже сидели оба пилота и Ермаков. Быков отметил, что у толстяка Крутикова несчастный вид. «Гордость советской астронавтики» сидела, сгорбившись, над стаканом молока, крошила сухой хлеб и с невыразимой тоской поглядывала на тарелку Спицына. Черноволосый Богдан терзал дымящийся ломоть сочного бифштекса.

Как ни странно, но завтрак был подан уже по новым рационам. Быков с некоторым недоумением съел целый салатник душистой травки, очистил тарелку овсяной каши, умял два куска отличной ветчины и принялся за яблочный сок. Дауге было пода-
но мясо.

Иоганых поднял вилку и нож и осведомился:

— Что же сказал тебе врач, Михаил Антоныч?

Крутиков покраснел и уткнулся в стакан.

— А я знаю,— объявил подошедший Юрковский.— Он, наверное, долго и нежно держал Мишу за складку на животе и популярно объяснял, что чревоугодие никогда не было украшением межпланетника.

Крутиков молча допил молоко и потянулся было к вазе со сдобным печеньем, но Ермаков негромко произнес «гм», и штурман поспешно убрал руку.

После завтрака Краухин объявил, что приехал Усманов, один из конструкторов нового маяка. Усманову поручено обучить экипаж сборке и эксплуатации «этого замечательного достижения технической мысли».

— Даю на это две недели,— сказал Краухин.— Затем каждый начнет работу по своей специальности.

Первое занятие проходило в спортивном зале гостиницы. Рабочие в синих спецовках бесшумно внесли толстый шестигранный брус и несколько предметов, форма и материал которых лишь с трудом могли бы вызвать у несведущего человека ассоциации с какими-нибудь общеизвестными понятиями. Недоумение и любопытство были даже в глазах Богдана Спицына и Крутикова, только Ермаков рассматривал неизвестную аппаратуру с обычным холодно-равнодушным видом.

Вошел Усманов, высокий скуластый человек в рабочем комбинезоне, представился и сразу приступил к делу. Постепенно нахмуренные лица космонавтов прояснялись. Посыпались вопросы, завязался оживленный разговор. Скоро к беседе подключился и Быков, знакомый в общих чертах, как и всякий инженер, с принципами радиолокации и радионаведения.

Речь шла об устройстве, предназначенном для подачи направленных и очень мощных ультракоротковолновых импульсов определенной длины волны, способных пробить плотные пылевые облака и высокоионизированные области атмосферы. Длительность импульсов не превышает десяти микросекунд. В секунду подается до ста импульсов. Специальные приспособления заставляют этот импульсный луч описывать спираль, обегая за несколько секунд верхний сегмент небесной сферы от горизонта к зениту и снова к горизонту.

Такое устройство обеспечит космическим кораблям ориентировку над незнакомой планетой, поверхность которой недоступна для визуального наблюдения и где обычные средства радиолокации бессильны из-за электрических возмущений и высокой ионизации. Маяки эти предполагается устанавливать на вершинах скал недалеко от удобных для посадки площадок и других объектов, которые желательно отмечать ориентирами. В данном случае, в связи с главной задачей экспедиции, их надо будет установить возле первой посадочной площадки на Венере, на границе Урановой Голконды.

— А питание? — спросил Юрковский.

Усманов вытянул из портфеля сверток.

— Селеново-цериевые радиобатареи, — сказал он. — Двести ячеек на квадратный сантиметр. Мы могли бы снабдить вас еще

и нейтронными аккумуляторами, но я думаю — это лишнее. Они слишком громоздки. Полупроводниковая радиобатарея гораздо портативнее. На «Хиус» погрузят пятьсот квадратных метров такой ткани, и вы просто разложите и укрепите ее возле маяков... Если почва у края Голконды будет давать на каждый квадратный сантиметр по пятидесяти-шестидесяти рентгенов в час — а по предварительным расчетам она будет давать много больше, — мощность батареи достигнет трех тысяч киловатт. Для маяков это более чем достаточно.

Быков недоверчиво ощупал тугую эластичную пленку, в полупрозрачной толще которой виднелись мутные зернышки.

Принципы сборки и установки маяка оказались очень простыми.

— Нет никакой необходимости разбирать основные агрегаты устройства, — говорил Усманов. — Это было бы даже нежелательно, Анатолий Борисович. (Ермаков кивнул.) Как видите, они опечатаны заводскими штампами. За их работу отвечает наша лаборатория. А остальное несложно. Подойдите поближе, товарищи, помогите... Вот так, спасибо.

Все агрегаты нанизывались на шестигранный шест, как кольца в детской пирамидке, и скреплялись между собой немногими защелками и скользящими в пазах шпильями. Быков отметил про себя, что во всем устройстве не было ни одного винта — по крайней мере, снаружи.

— Теперь в это гнездо вставляется кабель от радиобатареи. Маяк в таком виде может работать без присмотра десятки лет.

— Хороший маяк, простой, — сказал Крутиков, поглаживая выпуклую и сетчатую, словно гигантский стрекозиный глаз, макушку маяка. — Какова его масса?

— Всего сто восемьдесят килограммов.

— Неплохо, — подтвердил Юрковский. — Короче говоря, самое сложное — это установить маяк.

Для установки маяка предусматривались три способа. На твердой скалистой поверхности можно было воспользоваться огромной присоской на нижней части шеста.

В более неустойчивой породе следовало пробурить скважину, в которую опускался шест. Скважину заливали пластраство-

ром. Наконец, в том случае, если почва окажется сыпучей, в ней при помощи тока высокой частоты выплавляется шестигранная монолитная колонна, уходящая вглубь до десяти метров. Шест вплачивается в нее.

Пробные сборки и установки маяков были проведены за городом в тот же день. Быков с восхищением наблюдал, как направляемый ловкими руками Юрковского вибробур быстро высверлил в замшелой гранитной глыбе узкую глубокую скважину. Усманов объявил, что скважина превосходная — прямая и идеально отвесная. В нее вставили шест, залили омерзительно пахнущей жидкостью из баллона с манометром. Жидкость моментально затвердела.

— Ну-ка! — предложил Усманов.

Быков и Спицын переглянулись и взялись за шест. К ним присоединился Дауге, затем Крутиков, но ни выдернуть его, ни согнуть не удалось.

— Вот видите! — гордо сказал Усманов. — А теперь займемся сборкой.

Солнце снова повисло над верхушками стартовых стрел на ракетодроме, когда экипаж «Хиуса» вернулся в гостиницу.

— В ближайшие дни, — объявил Ермаков, — каждый член экипажа должен научиться владеть вибробуром так же искусно, как наши геологи, и собирать и разбирать маяк с завязанными глазами. Этим мы и займемся.

Пообедав, Быков уединился в своем номере и принялся за письмо в Ашхабад. Он исписал убористым почерком семь страниц, перечитал, безнадежно вздохнул и завалился на диван.

Письмо получилось неприлично сентиментальным. И чертовски хочется закурить. Быков перевернулся на живот и сунул в рот карандаш. Во-первых, можно лечь и проспать до утра. Во-вторых, можно залезть в ванну... Черт, что за кислые мысли — лечь, проспать, залезть... Он решительно вскочил и побежал в библиотеку.

Гостиница Седьмого полигона начинала свой вечер. Хлопали двери. По длинным коридорам спешили нарядные люди. Снизу неслись звуки бравурной музыки. У всех четырех лифтов толпил-

ся народ, и Быков решил добираться до читальни по лестнице. Навстречу, направляясь вниз, двигался веселый поток молодежи. По-видимому, все шли в клуб.

В тихом читальном зале Алексей Петрович взял три книжки о Венере, одну по теории фотонных приводов и перелистал последний номер «Космонавта». Там он обнаружил статью М. А. Крутикова об автоматическом управлении планетолетом, попытался прочесть ее и со смущением отметил, что разобраться не может — слишком много математики.

— Функционал... — пробормотал Быков, силясь разобраться хотя бы в выводах. — Ай да толстяк!..

«А не зайти ли к Дауге? — подумал вдруг он. — И вообще, чем сейчас занят экипаж «Хиуса»? Тоже читает книжечки о Венере? Сомнительно...»

Дауге не читал книжечек. Он брился. Челюсть его была выворочена совершенно неестественным образом, и жужжание электробритвы заполняло комнату. Увидев Быкова, Дауге что-то невнятно пробормотал.

Алексей плюхнулся в кресло и стал рассматривать спину Дауге, голубые пластмассовые стены, большой плоский телевизионный экран, матовый далекий потолок.

Дауге кончил бриться и спросил:

— Ты зачем пришел?

— А что, мешаю?..

— Да нет, не то чтобы мешаешь... У меня сейчас должен быть разговор с Юрковским. Совершенно деловой разговор.

Он отправился в ванную. Там зажурчала вода, слышно было, как блаженно бормочет и отфыркивается хозяин. Потом он появился, вытираясь на ходу махровым полотенцем.

— Не сердись, Алексей, но...

— Ничего, ничего, я пойду... — Быков поднялся. — Я забежал просто так, от скуки.

— Деловой разговор, — повторил Дауге. — Ты, если тебе скучно, пойди поищи пилотов. Они, по-моему, в спортзале. Богдан снимает жирок со штурмана. Посмотри — забавное зрелище!

— Ага... Ну, бог с вами! — Быков пошел было к выходу, но остановился. — Ты мне скажи, что это Юрковский глядит на меня зверем?

Дауге хмыкнул, затем с неохотой сказал:

— Не обращай внимания, Алексей. Во-первых, он вообще человек нелегкий. Во-вторых, всегда относится так к новичкам, не имевшим чести крутиться в центробежных камерах и просиживать по десять суток в маске в азотной атмосфере, как это делают в Институте подготовки, а в-третьих... Видишь ли, на твое место намечался один пилот, близкий друг Володьки. Потом Краюхин решил взять тебя. Понимаешь?.. Одним словом, все это пройдет, и на Землю вы вернетесь самыми лучшими друзьями.

— Сомневаюсь,— пробормотал Быков и, сердито открыв дверь, вышел.

На другой день началась работа, тяжелая работа, с ноющей усталостью в плечах, которую не сразу снимает даже горячий душ и послеобеденный отдых. Весь экипаж в течение двух недель практиковался в установке радиомаяков.

Монтировать маяк научились очень скоро, потому что каждый имел за плечами богатый инженерный опыт. Но вибробур оказался весьма капризным инструментом, и много кривых, безобразно раздутых дыр украсило каменные валуны в окрестностях города, прежде чем Ермаков объявил, что теперь он более или менее удовлетворен сноровкой новичков-бурильщиков. Не меньше хлопот доставили членам экипажа и вакуум-присоски.

— Не понимаю! — сердито сказал однажды Быков, обращаясь к Дауге. — Зачем мы тратим время на возню с бурением? Ведь ты умеешь бурить, и Юрковский тоже... Разве этого недостаточно?

Дауге строго посмотрел на него.

— Предположим, что мы с Володькой не дойдем до Голконды,— просто сказал он.

Краюхина видели все эти дни только за завтраком. Он был круглые сутки занят материальным оснащением экспедиции и дневал и ночевал на складах, предприятиях и в снабженческих организациях ракетодрома. По-видимому, не все обстояло благополучно. Ходили слухи, что кого-то он уволил, кому-то запретил показываться впредь до устранения недоделок. Рассказывали о

его выступлении на совещании городского партактива, о страшном разное, который он учинил начальнику полигона.

Быков исподтишка наблюдал за Ермаковым. Начальник экспедиции и командир корабля был молчалив, сдержан и действительно никогда не смеялся. Зато он улыбался странной улыбкой — одними губами. Глаза его при этом становились еще более холодными, чем обычно. Очень скоро Быков убедился, что улыбка Ермакова не предвещает ничего хорошего тому, кому она адресована.

Как-то за обедом Дауге встал из-за стола, оставив на тарелке большую часть телятины, которая была подана ему на второе согласно диетическому рациону.

— Одну минуту, — мягким голосом остановил его Ермаков. — Прошу вас доесть второе, Григорий Иоганнович.

— Не могу, Анатолий Борисович, — сказал Дауге.

— И все-таки я очень прошу вас, — еще мягче сказал Ермаков. Дауге молча провел ребром ладони по горлу.

Тогда Ермаков улыбнулся своей странной улыбкой.

— Мне не хотелось бы огорчать вас, Григорий Иоганнович, — совсем тихо сказал он, — но у меня есть серьезные основания опасаться, что ваше отношение к режиму подготовки вынудит экспедицию ограничиться, в конечном счете, одним геологом. Мы не можем себе позволить дать Венере хотя бы один, самый маленький шанс против нас. Даже недоеденный вами кусок телятины...

Дауге с пылающими ушами сел и с ожесточением вонзил вилку в злополучный кусок. Никто не сказал ни слова и не взглянул в его сторону. Обед закончился в гробовой тишине, и Ермаков не спускал с Дауге глаз до тех пор, пока нарушитель режима не подобрал с тарелки корочкой остатки подливы.

Быков не без удивления отметил, что этот инцидент не вызвал у его товарищей и тени возмущения строгостью Ермакова. Напротив, Юрковский в тот же вечер долго и настойчиво внушал что-то Дауге вполголоса, после чего тот только вздохнул и виновато развел руками.

К концу второй недели Усманов распрощался с экипажем и улетел. На следующее утро Краухин после завтрака сказал:

— С сегодняшнего дня каждый займется, так сказать, своим делом. Товарищ Ермаков, вы будете работать со Спицыным и

Крутиковым, как мы и договорились. Можете отправляться сейчас же, пропуска вам выписаны... Вас, Юрковский, и вас, Дауге, прошу подождать меня здесь. Я сейчас отвезу нашего пустынного и вернусь... Поехали, товарищ Быков.

У подъезда стояла мощная полугусеничная машина.

— Прощу,— пригласил Краюхин.

Они уселись рядом позади шофера. Когда город остался позади, Краюхин наклонился к Быкову и спросил:

— Нравится здесь?

— Ничего,— пробормотал Быков. — Места интересные.

— Скоро будет еще интереснее. С Дауге говорили?

— О чем?

— Обо всем.

— Да... говорил.

— Ну и как?

Быков пожал плечами. Краюхину не следовало бы заговаривать в таком тоне. Не дело начальника совать нос в душу подчиненного без особых на то оснований. Серьезные люди предпочитают держать свои переживания при себе. Впрочем, Краюхин как будто и не заметил, что ему не ответили.

— Сейчас будем знакомиться с вашим хозяйством, инженер,— сказал он, помолчав.

Через несколько минут машина остановилась перед длинным зданием без окон, с дверью во всю стену. Подошел хмурый вахтер, проверил пропуск.

— Вызвать механика! — приказал Краюхин.

Они вышли из машины. Вокруг расстилалась слегка всхолмленная равнина, покрытая редкой жесткой травкой. По небу ползли растрепанные серые тучи, моросил мелкий дождь. Под ногами хлюпала вода.

— Тундра,— вздохнул шофер.

Широкие, как ворота, двери раздвинулись. К Краюхину, протягивая чумазую руку, подошел веселый человек в комбинезоне.

— Вот, привез,— буркнул Краюхин.

Человек в комбинезоне взглянул на Быкова:

— Вижу, вижу! Ну что ж, пойдемте.

В здании было темно. Краюхин споткнулся обо что-то, выругался сквозь зубы. Механик виновато кашлянул.

— Не успели провести свет, товарищ Краюхин. Но завтра все будет сделано.

— Завтра? А сейчас что, человек в потемках ковыряться будет, так?

Постепенно глаза Быкова привыкли к полутьме, и он разглядел впереди широкую, мутно отсвечивающую серую массу. Стали видны ребристые гусеницы, открытый люк, круглые слепые глаза прожекторов.

— Что это? — спросил он.

— Это «Мальчик», — отозвался Краюхин. — Наш танк-транспортёр. Он несколько отличается от обычных машин такого типа, но вы освоитесь с ним быстро. Принимайтесь за дело сейчас же... А вы... — Он повернулся к механику. — Чтoб через полчаса здесь был свет!

— Есть! — бодро ответил тот и кинулся прочь.

— Прихватите с собой описание и справочники! — бросил ему вдогонку Краюхин. — Ну, вот и все. Оставляйтесь и работайте. К обеду за вами заедут. — Он попрощался и пошел к выходу.

Когда через двадцать минут под потолком вспыхнула яркая лампа, Быков ахнул от восхищения. Перед ним была самая совершенная машина из всех когда-либо передвигавшихся на гусеницах. Она была огромна — не меньше гигантского танка-батискафа, который Быков видел несколько лет назад на Всесоюзной промышленной выставке, — но вместе с тем производила впечатление необычайной легкости, стройности, даже, пожалуй, грациозности. Длинный, округлый, слегка сплюснутый по вертикали корпус, приподнятая узкая корма, едва намеченные выпуклости люков и перископов, высокий клиренс... И нигде ни единого шва! Талант конструкторов слил в «Мальчике» огромную мощь тяжелой транспортной машины и благородные линии сверхбыстроходных атомокаров.

— Вот это лихо! — бормотал Быков, обходя транспортёр кругом и то и дело опускаясь на корточки. — А это что?.. Система равновесия... Здорово! И опорные рычаги втягиваются?.. Умно!

У кормы он задержался и приложил ладонь к гладкому борту. Борт был теплым.

— Заряжено, — добродушно усмехнулся механик, наблюдая за ним с порога гаража. — Хоть сейчас садитесь и поезжайте.

Быков нахмурился.

— Рано еще... ехать, — сказал он. — Вы руководство мне принесли?

— Принес. Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

С неожиданной легкостью Быков юркнул в открытый люк. Створки крышки сомкнулись над его головой.

— Эй, товарищ! — крикнул механик. — Я вам буду нужен?

Он постучал по люку. Ответа не последовало. Механик пожал плечами и ушел.

Как было указано в руководстве, «Мальчик» являлся танком-транспортёром высокой проходимости, предназначенным для передвижения по твердым, вязким и сыпучим грунтам и по сильно пересеченной местности, в газообразной и жидкой среде при давлениях до двадцати атмосфер и температурах до тысячи градусов, способным нести экипаж до восьми человек и полезный груз до пятнадцати тонн. Он был оснащен турбинами общей мощностью в две тысячи лошадиных сил, питающимися от компактного урано-плутониевого воспроизводящего реактора. На нем имелись инфракрасные проекторы, ультразвуковая пушка, пара выдвижных механических рук-манипуляторов (почти таких же, какими водители атомокаров пользуются при перезарядке реакторов своих машин на базах энергопитания), внешние и внутренние дозиметры и радиометры и десятки других устройств и приборов, назначение которых Быков представлял себе пока очень смутно. Экипаж, груз, механизмы и приборы прикрывались надежным панцирем из прочной — более прочной, чем титан, — термостойкой и радиостойкой пластмассы.

Управление «Мальчика» мало отличалось от известных Быкову систем. Знакомой оказалась и ходовая часть, но для очистки совести Алексей решил перебрать машину по винтику. Он приезжал к обеду и ужину усталый, испачканный жирной графитовой смазкой, жадно ел, перебрасывался короткими фразами с товарищами и торопливо возвращался в гараж или ложился в постель. Утром и после обеда его ждала у подъезда машина. Но личный тренировочный и гигиенический режим периода подготовки не нарушался ни в чем. Ермаков внимательно следил за этим.

На четвертый день Быков впервые вывел «Мальчика» в поле. Громадная машина с неожиданной легкостью и почти бесшумно выкатилась из ворот. Быков поразился тому, как послушно она реагировала на малейшие движения его пальцев, лежащих на клавишах пульта управления. Дежурный, улыбаясь, махнул рукой. Быков кивнул в ответ, сомкнул перед собой люк и стал набирать скорость. «Мальчик» несся по мокрой тундре, плавно покачиваясь и слегка кренясь на холмах. С испуганным криком из стелющихся кустарников поднимались птицы, серым комочком промелькнул заяц. Путь вперед застилал густой туман — пришлось включить инфракрасный проектор. На экране возникали и исчезали бледные очертания массивных валунов, одиночных, странно искривленных деревьев. Быков то переводил транспортер на максимальную скорость, то резко останавливал, делал крутые развороты, вертел на месте, и тогда из-под гусениц потоками взлетала и падала на линзы перископа ржавая жижа. Автоматические щетки мгновенно смахивали ее.

Неожиданно, когда «Мальчик» шел на полном ходу, впереди мелькнула сетка колючей проволоки. Быков круто повернул вправо и затормозил, но было уже поздно. Раздался звон и скрежет, что-то хрустнуло под гусеницами, и транспортер остановился. Быков выскочил наружу. Позади в обе стороны тянулась проволочная изгородь. След «Мальчика», отчетливо видимый в вязкой почве, проходил сквозь нее. В огромной рваной дыре болтались обрывки проволоки с обломками деревянных столбов.

— Этого еще не хватало! — пробормотал Быков оглядываясь. — Куда меня занесло?

Внимание его привлекло круглое сооружение из светлого бетона, видневшееся в тумане, шагах в двадцати.

— Эй, люди! — негромко позвал он.

Никто не отозвался. Слышно было только шуршание дождя в траве и тихий жалобный звон проволочной сетки. Быков поколебался с минуту, затем решительно двинулся к круглому зданию. Оно показалось ему необычным — в гладких высоких стенах не было ни окон, ни отдушин, только у самой земли виднелась небольшая, раскрытая настежь квадратная дверь. Несколько в стороне из травы выглядывал конец бетонной трубы, прикрытый круглой

ржавой крышкой. Быков подошел к двери и заглянул внутрь. Он успел заметить только, что там темно и тепло. Позади лязгнуло железо. Быков обернулся и увидел нечто похожее на дурной сон: крышка люка была откинута, и из бетонной трубы вылезало влажное привидение с круглой безглазой серебристой головой.

Прежде чем Алексей вспомнил, что уже видел где-то такое чудовище, оно пригнулось и прыгнуло на него. Около трех метров было между ними, — и привидение покрыло это расстояние одним прыжком. Но Быков уже оправился от растерянности. К тому же привидение не имело никакого понятия о самбо. Через несколько секунд ожесточенной борьбы оно было повержено на спину, и Быков, нанеся ему несколько полновесных оплеух по тому месту, где у обычных людей бывает лицо, вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы столкнуться со вторым таким же уродом, вылезавшим из того же люка.

Теперь дело приняло другой оборот. Не помогло даже самбо. Получив сокрушительную затрещину, Алексей упал боком на сырую землю, а затем его схватили за ноги и с быстротой, показавшейся ему необыкновенной, волоком потащили куда-то. Очень трудно оказывать сопротивление, если вас крепко держат за обе ноги. Быков понимал это и не сопротивлялся, ожидая, что будет дальше. Привидения остановились, но ног не выпустили. Быков попытался приподняться, упираясь в землю кулаками, разбитыми в кровь во время первой схватки. Послышался топот, и появилось третье привидение. Тогда Быков почувствовал, что ноги его свободны. Он сейчас же повернулся и сел, с трудом ворочая гудящей от удара шеей.

Оглянувшись, он понял, что находится за кормовой частью «Мальчика». Привидения стояли рядом и торопливо проделывали что-то со своими головами. Наконец блестящие шары откинулись, и изумленный Быков увидел знакомые лица — встревоженного Дауге, хмурого Краюхина и белого от ярости Юрковского. Юрковский поднес руку к носу, высморкался и протянул Быкову окровавленную ладонь.

— Вы идиот! — звенящим голосом сказал он. — Вы болван! У вас на плечах голова или кочан капусты?

— Погодите, Владимир Сергеевич... — сказал Краюхин. — Видите, человек ошалел от неожиданности.

— Вы? — только и мог сказать Алексей.

— Нет, не мы! Это наши бабушки! Рыцари ордена розенкрейцеров! Представители женского комитета!..

— Да погодите же, Юрковский!.. Товарищ Быков, быстро выводите отсюда машину... Дауге, закройте люк и дверь и скажите там, что мы уезжаем.

— Есть! — Дауге снова накрыл голову шлемом и вышел из-за корпуса «Мальчика».

Быков полез в транспортер, Краухин и Юрковский, все еще продолжавший ругаться, последовали за ним.

— Выезжайте за ограду и там остановитесь! — приказал Краухин.

«Мальчик» дал задний ход.

— Достаточно. Стоп! Теперь подождем Дауге.

Быков покосился на Юрковского. Тот осторожно ощупывал распухший нос.

— Больно? — сочувственно осведомился Краухин.

Юрковский только яростно оскалился. По обшивке застучали ботинки, и в люк прыгнул Дауге.

— Исполнено, Николай Захарович, — сказал он.

— Поехали.

Быков положил пальцы на клавиши. Затем, подумав, пощелкал переключателями, включил двигатель и отошел от пульта. «Мальчик» легко тронулся.

— Куда же ты? — испуганно-удивленно спросил Дауге. — А кто будет править?

— Автоводитель, — виновато отозвался Быков. — Я не помню дорогу назад. Да вы не беспокойтесь! Здесь ведь электронное устройство, «Мальчик» пойдет по гирокомпасу.

Некоторое время ехали молча. Машина в точности, только в обратном порядке, производила все манипуляции, которые полчаса назад проделывал Быков.

— Дозиметр у вас с собой? — спросил Краухин у Дауге.

— С собой, Николай Захарович. Но он не понадобится. Я забыл сказать, что, когда Быков подошел к камере, ее уже закрыли. Так что все кончилось благополучно.

Краухин облегченно вздохнул.

— Вы чуть не нарвались на большую неприятность, товарищ Быков,— сказал он, вытирая пот с лысины.— Знаете, где мы вас перехватили?

— Никак нет...— Быков чувствовал себя очень несчастным.

— За проволочной оградой под землей находится мощный реактор, вырабатывающий тритий. Это горючее для нашего «Хиуса». Бетонная башня, в которую вы так неосторожно заглядывали, есть не что иное, как камера-могильник для радиоактивных отходов от очистки урана. И как раз сегодня комплект урановых стержней пошел на переплавку. Если бы вы сунули туда нос...

— То есть ясно даже и ежу! — проникновенно сказал Юрковский.— Если место окружено колючей проволокой, то это значит, что вход туда запрещен. Нет, он лезет своими гусеницами прямо через проволоку! Не может равнодушно видеть заграждения и смело, как лев, кидается на них грудью.

Это было очень несправедливо, но Быков только сокрушенно вздыхал.

— Юрковский вас заметил, когда вы подходили к камере, и кинулся, чтобы, так сказать, оттащить вас, но немного опоздал. Признаться, мы уже думали, что произошло несчастье.

— Бежали сломя голову,— сказал Дауге.— Я думал, у меня сердце выскочит...

Быков повернулся к Юрковскому и пробормотал, запинаясь:

— Я... мне очень жаль, право... я не хотел...— И в отчаянии махнул рукой: — Черт знает, как это получилось! Понимаете, я очень испугался вас...

Губы Юрковского скривились в презрительную улыбку.

Дауге хихикнул:

— Как он его встретил! Великолепно встретил! О господи, вот это был бой!

— Да, деретесь вы хорошо,— усмехнулся Краюхин,— но впредь будьте осторожны. В нашем деле ничего нельзя трогать голыми руками, тем более без спросу. И это напомнило мне: сегодня же вечером Дауге подберет вам спецкостюм и научит вас пользоваться им.

— Господи, вот это была драка! — повторил Дауге, вытирая глаза.

Быков быстро пересел на свое место и отключил автоводитель. Впереди в легком тумане проступили очертания плоской крыши гаража.

— И еще,— сказал Краюхин.— Нужно будет испытать вас и «Мальчика» по-настоящему. Вы готовы?

— Здесь нельзя испытать по-настоящему,— пробормотал Быков, — тундра, все плоско, как стол...

— Ничего, я найду вам о-отличное место, дружок! — Золотые зубы Краюхина блеснули в полутьме.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Проводив Краюхина и геологов — за ними приехала вызванная из города машина,— Быков озабоченно почесал затылок и вернулся в гараж. «Мальчик» стоял в двух шагах от ворот, дождевые струйки блестели на его покатых боках.

— Испытания! — сказал Быков вслух.— Ну что ж, испытания так испытания.

Он достал из кармана мятую, испачканную смазкой книжечку руководства, полистал ее, вздохнул и пополз в люк. Как и всякий человек, Алексей Петрович Быков не любил экзаменов, в какой бы форме они ни проводились. Большой несправедливостью представлялось ему положение, когда ничтожный, никому не нужный пустяк, на который никогда не обращаешь внимания за его полной неприменимостью в практической работе, становится в один ряд с важнейшими и необходимейшими знаниями. Сам он, проводя занятия, держался совсем другой системы. «Будьте вы хоть семи пядей во лбу,— говорил он,— вам никогда не удастся запомнить все напечатанное в горах книг и таблиц. Ведь в них есть и самое важное, и просто важное, и второстепенное, и, наконец, просто ненужное — то, что либо успело устареть, едва родившись, либо потеряло значение к настоящему времени, либо, может быть, и имеет значение, но не для нас с вами. И я, разумеется, не собираюсь требовать от вас знания всего, что есть в книгах и таблицах. Но уж если, товарищи, кто-нибудь не будет знать того, что обязан знать в первую очередь,— прошу не обижаться».

Авторитет Быкова, лучшего специалиста по транспортным механизмам, охранял эту систему от посягательств со стороны самых педантичных начальников. Но ведь так было там, в Гоби, а как будет здесь? На этот раз экзаменуемым придется быть ему самому. Правда, Краюхин не производит впечатления начетчика и формалиста, но кто может сказать, куда смотрят его крохотные глазки, спрятанные под громадными темными очками? И Быков снова и снова листал зачитанное руководство, особенно ту его часть, которая касалась всевозможных аварий и ремонта в полевых условиях. Затем он снял куртку, натянул комбинезон и погрузился в отсек двигателя.

В гостиницу он вернулся поздно, усталый, но довольный и почти спокойный. В столовой уже никого не было. Поужинав (основательно, без излишней поспешности), Быков отправился разыскивать Дауге. На втором этаже, в коридоре, куда выходили двери комнат межпланетников, он остановился. Одна из дверей была приоткрыта, и слышался звучный голос Юрковского, декламировавшего стихи Багрицкого:

...А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!...»

Быков заглянул в комнату. Юрковский в пижаме и домашних туфлях полулежал на диване, закинув руки за голову, повернув лицо к окну. Рядом сидел Крутиков, сгорбившись, посасывая короткую пустую трубочку. У стола Богдан Спицын покачивался на стуле и улыбался каким-то своим, одному ему известным мыслям. Ни Дауге, ни Краюхина и Ермакова в комнате не было.

...Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!

Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...

Это были чудесные стихи. Кроме того, «пижон» читал удивительно хорошо. Что-то тревожное и зовущее было в его глубоком, полном сдержанной силы и волнения голосе, и Быков невольно подумал, что вот этот бесстрашный красавец, вероятно, очень похож на автора стихов, которые он читает. Он такой же беспокойный и страстный, так же готов без сожаления отдать всю жизнь свою для больших и необычайных дел. О том же, вероятно, подумал и Крутиков. Он вдруг вынул изо рта трубку и внимательно посмотрел на Юрковского, словно желая убедиться в чем-то. Только Спицын продолжал тихонько раскачиваться и улыбаться с полужакрытыми глазами.

...И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
«Ай, Черное море,
Хорошее море!...»

Юрковский замолк. Быков отступил от двери и пошел дальше. Комната Дауге оказалась пустой. На кровати лежал спецкостюм, который Иоганыч, наверное, подобрал для своего друга. Красноватые отблески вечернего неба переливались на полированной поверхности шарообразного колпака. Быков хотел было идти, но тут внимание его привлекла фотография, лежавшая на столе. Фотография была знакома — прекрасная женщина с грустным лицом, в синем платье, закрытом до шеи.

«Маша Юрковская», — вспомнил Быков. Он вздохнул.

Из-под фото виднелся край исписанной бумаги, тут же лежал вскрытый пустой конверт. «...объяснимся раз и навсегда. Мне надоели твои...» Быков испуганно замигал и поспешно отошел от стола.

Бедный Иоганыч! Вот к чему пришла твоя любовь... Даже ты, веселый и добрый, шутивший и смеявшийся в самые крутые минуты... ты не можешь забыть о ней и сейчас, за несколько дней до старта в неведомое.

— Именно сейчас — вот что самое омерзительное! — загремел вдруг за стеной голос Юрковского. — Прислать такое письмо именно сейчас... И не успокаивай меня, б-брат милосердия, божья коровка! Ведь она же дрянь!..

— Не смей! (Быков сначала не понял, чей это пронзительный выкрик.) Не смей так говорить о ней! В конце концов, это совсем не твое дело!

— Нет, и мое! И не потому, что она моя сестра. Это дело всех — и Краюхина, и каждого из наших ребят, в том числе и твоего краснорожего пустынного. Там, куда мы идем, жизнь всех будет зависеть от каждого. Мы должны быть абсолютно уверены друг в друге, а теперь я думаю: хватит ли у тебя в таком состоянии цепкости, воли к жизни? Не подведешь ли ты нас, Григорий Дауге?

— Полегче, Володя!

— Ничего не полегче... Неужели ты не раскусил ее, эту мою очаровательную сестричку? Ведь это не человек — это кукушка! Да-да, кукушка! Отними у нее смазливое рыльце, и что от нее останется? Мало разве других женщин? Верных, любящих, умных... Что ты за нее цепляешься?

Быков на цыпочках прошел в свою комнату и плотно притворил дверь. Вряд ли Дауге станет сегодня заниматься спецкостюмом, да и самому Быкову было теперь не до этого. Нужно было о многом подумать. Он разделся, лег, закрыл глаза. Лучше всего, пожалуй, постараться уснуть. Он поднялся, чтобы опустить штору, и в ту же минуту вошел Дауге. Он был такой, как всегда, — слегка востропанный, со сбитым набок галстуком. Быков сел и уставился на него.

— Уже лег? — спросил Дауге. — А спецкостюм? Что ты на меня так смотришь, Алексей? Что-нибудь не в порядке?

Он поднес руку к лицу, затем посмотрел себе на грудь.

— Да нет, ничего... Это я так, — с трудом выдавил из себя Быков. — Я думал, сейчас уже поздно...

— Ничего не поздно. Одевайся, идем. Сегодня тебе нужно освоиться со спецкостюмом, иначе завтра, боюсь, не успеем. Где ты так задержался?

— С «Мальчиком» возился. Боязно мне, Иоганыч... Провалюсь я на этих испытаниях.

— На каких испытаниях?

— Как — на каких? О которых Краухин сегодня говорил. Помнишь, когда возвращались...

— А-а! Ну, мне кажется, не провалишься, Алексей. Водитель ты хороший, я знаю.

— «Водитель»... Как начнут вводные давать...

Дауге удивленно посмотрел на него:

— При чем здесь вводные? Ты, Алексей, и без вводных взмокнешь так, что тебя потом выжимать придется.

— Не понимаю.

— Между тем все просто. Будет испытательный пробег. Завтра сделаешь марш по сильно пересеченной местности, усиленной искусственными препятствиями, как говорят спортсмены.

— Один?

— Кто-нибудь будет с тобой, не знаю... Готов? Пошли.

В комнате Дауге Быков заметил, что ни фотографии, ни письма на столе уже нет. Иоганыч взял спецкостюм с кровати и разложил его на полу.

— Садись, Алексей, и слушай. Вот этот балахон называется «СКК-6», то есть спецкостюм системы Краухина, модель шестая. Изготовлен он из очень прочного и гибкого материала с длинным и сложным химическим названием. Впрочем, в техническом просторечии его называют «силикет». Это какое-то кремнийорганическое полимерное соединение с баснословно длинными нитевидными молекулами. Прочность его на разрыв необычайно велика. Кроме того, он в высшей степени огнеупорен и, разумеется, газонепроницаем.

— Ясно,— сказал Быков. Он сидел на корточках и с интересом мямл и разглаживал на ладони эластичный рукав спецкостюма.

— Костюм этот, разумеется, не шьется и даже не штампуются. Его отливают в готовом виде, вот таким, каков он сейчас, с заранее намеченными отверстиями и карманами для приборов, продовольствия и прочего. Силикетовый слой двойной, причем ориентация молекул одного слоя перпендикулярна по отношению к ориентации молекул другого. Ясно?

— Ясно. Для вящей прочности и непроницаемости.

— Совершенно верно. Перейдем к шлему. Видишь, он прикреплен к воротнику, но его можно легко откинуть. Вот так.

Быков заглянул внутрь шлема. Так и есть! Блестящий, словно никелированный снаружи, колпак оказался совершенно прозрачным, если смотреть сквозь него изнутри.

— Что за чертовщина?

— Спектролит, особый вид пластмассы,— сказал Дауге.— Неплохо придумано, правда? Обеспечивает полный круговой обзор.— Он сел рядом с Быковым на пол и постучал пальцем по шлему.— Разумеется, здесь подошли бы и другие прозрачные вещества, но у спектролита есть несколько совершенно неоценимых преимуществ. Во-первых, он определенным образом поляризует свет, поэтому в темноте или в сумерках сквозь него можно смотреть на сильный источник света в упор и видеть все. Свет не ослепит тебя. Затем, спектролит пропускает только видимые лучи спектра. Ультрафиолет и тепловые лучи им либо поглощаются, либо отражаются полностью. Также и рентгеновские и гамма-лучи. В-третьих... в общем, великое дело свершил Краюхин.

— А это что? Ага... мембрана.

— Это дуга с наушниками. Чрезвычайно чувствительная мембрана для радиоприема, а дуга служит амортизатором... на случай, если ты сверзишься откуда-нибудь вниз макушкой. Тут же и микрофон с передатчиком и питанием на полупроводниках.

— Ясно.

— Весь костюм звуконепроницаем. Для того чтобы можно было слышать звуки извне, здесь есть приспособление. Его можно отрегулировать в соответствии с плотностью окружающей атмосферы. Сейчас оно настроено на наше обычное атмосферное давление.

— Ясно.

— Превосходно! Теоретическая часть как будто закончена. Теперь надень-ка его, Алексей... погоди, не так. Влезай в него ногами через вырез шеи. А теперь прикрепи шлем.

Несколько раз заставил он Быкова снимать и надевать спецкостюм, закреплять и снимать шлем, выполнять в спецкостюме всевозможные гимнастические упражнения. Наконец, когда Быков взмок и готов был заговорить прочувствованными словами, Дауге сжалился:

— Хорошо, довольно с тебя. Раздевайся. Обрати внимание еще вот на что, Алексей. Здесь на поясе — гнезда для термосов

с какао, бульоном, освежающими напитками. От них в шлем будут поданы трубки. Кислородные приборы и поглотители углекислоты крепятся на спине. Вот они. Обрати внимание — терморегулятор: на случай холода можно включить отопление. Видишь красную кнопку? Белая кнопка — охлаждающая система. Здесь — дозиметр. Да, и еще... Костюм оборудован великолепным устройством — кислородным фильтром. Если в самой ядовитой атмосфере есть хотя бы пять процентов кислорода, фильтр пропустит этот кислород в шлем. Никакие другие газы через фильтр не пройдут...

Быков выбрался из костюма и еще раз внимательно рассмотрел его.

— А излучения? Предохраняет он от излучений?

— Разумеется. В этом отношении силикет незаменим.

— Как «абсолютный отражатель» фотонного реактора?

Он вытер со лба пот и уселся рядом с Дауге. Тот сказал:

— «Абсолютный отражатель» тверд и хрупок. Как материал для комбинезона он не годен. Силикет достаточно надежен. Например, сегодня утром мы — Краухин, Володя и я — час просидели в костюмах в «могильнике».

— Что ты говоришь!

— Серьезно. Температура около двухсот градусов, альфа-излучение, гамма-лучи и все такое прочее. И тем не менее великолепно держит. Жарковато, разумеется, немного...

Быков удивлялся, хлопал себя по коленкам. В дверь постучали.

Вошел Краухин. Быков придвинул ему кресло.

— Нет, садиться не буду, — сказал Краухин. — Пора, так сказать, идти отдыхать. Как у вас со спецкостюмом, товарищ Быков? Освоились?

— Так точно.

— Вполне освоился, — подтвердил Дауге.

— Надо бы вас в нем потренировать, конечно, но некогда все, некогда...

Краухин взялся было за ручку двери, но снова отпустил ее:

— Самое главное забыл. Завтра, товарищ Быков, отправляйтесь с утра к гаражу и возвращайтесь сюда на «Мальчике».

— Слушаюсь,— сипло проговорил Быков.

— Поедем на полигон. Покажете нам, на что способна эта машина.

— Слушаюсь.

— Покойной ночи...

Краюхин вышел. Быков вздохнул и тоже стал прощаться. У двери он задержал руку Иоганыча в своей и сказал тихо:

— Я... того... слышал, что письмо к тебе пришло. Нехорошее письмо.

Дауге молчал.

— Я это к тому, что... в общем, если я тебе буду нужен...

— Ладно...— Иоганыч усмехнулся невесело и подтолкнул Алексея Петровича к выходу.— Вот насели... утешители, черти бы вас побрали!..

— Ты не обижайся...

— Да нет, ничего. Ступай.

— Спокойной ночи.

— Еще ты дремлешь, друг прелестный? — пропел утром Дауге, стягивая с Быкова одеяло.— Пора, красавица, проснись!

— Не мешай! — буркнул Быков и повернулся к стене, сладко чмокая и поджимая колени к подбородку.

— Вечор — ты помнишь? — вьюга злилась... а сейчас уже семь часов и внизу тебя ждет машина.

— Не... Что? Ах, дьявол!

Дауге едва успел посторониться. Быков прыгнул к стулу и схватился за одежду.

— погоди, Алексей, а зарядка?

— Отставить! Как погода?

Дауге поднял шторы:

— Изумительная! Ни облачка. Тебе везет, Алексей. Но тебе же и влетит от Ермакова!

— За что? — осведомился Быков, застегивая рубашку.

— За то, что уходишь без зарядки.

— Ничего, пусть влетит. Ну, я побежал.

— Завтрак?

— Потом, потом...

— Выпей хоть молока с хлебом, чудак! Ермаков снимет тебя с испытаний.

— А, черт...

В столовой Быков торопливо проглотил кружку молока, сунул в карман несколько черных сухарей и кинулся к выходу.

— Счастливого пути! — Дауге, сунув руки в карманы, посмотрел с крыльца вслед удалявшейся машине, зевнул и вернулся в дом.

К удивлению Быкова, появление огромного «Мальчика» на улицах города не вызвало у жителей особого интереса. Прохожие довольно равнодушно оглядывались на транспортер, иногда останавливались, чтобы присмотреться внимательно, — и только. По-видимому, технические новинки не были здесь редкостью. Быков остановил «Мальчика» перед гостиницей и отправился доложить Краюхину. В коридоре он столкнулся с Ермаковым.

— Приехали? Очень хорошо... — Серые пристальные глаза командира внимательно оглядели инженера с головы до ног. — Нехорошо то, что вы нарушили режим.

— Я...

— С лучшими намерениями, понимаю. Но через полтора-два часа вам предстоит перенести очень большое напряжение, и сегодняшнее нарушение может дорого обойтись. Не только вам.

Он помолчал, затем добавил:

— Если бы не ваше удивительное здоровье, я бы настаивал на том, чтобы отложить испытательный пробег.

— Больше не повторится, — пробормотал Быков.

— Надеюсь. Режим межпланетника рассчитан лучшими врачами страны, и любой опытный человек может привести вам десяток примеров того, к каким печальным результатам приводили иногда малейшие нарушения режима. Будь вы пилотом, сегодняшний день был бы последним днем вашего участия в экспедиции. К счастью, вы не пилот. Примите десяток таблеток тонина. А теперь пойдете, нас ждут.

Наверху, в кабинете Краюхина, собрался весь экипаж «Хиуса». Здесь находились и два незнакомых Быкову человека — председатель городского Совета и секретарь горкома партии. По тому, с какой почтительностью они обращались к Краюхину, было видно, что в городе авторитет у заместителя председателя ГКМПС громадный.

— Не будем терять времени, товарищи,— начал Краюхин, едва Быков успел поздороваться со всеми и присесть в углу.— Алексей Петрович, сегодня вы — исполнитель главной роли. Извольте, так сказать, выйти к рампе. Прошу вас...

Быков подошел к столу и встал рядом с Краюхиным. Секретарь и председатель дружески улыбнулись ему, Дауге подмигнул. На столе лежала крупномасштабная карта.

— Испытания мы проведем в этом квадрате...— Палец Краюхина описал круг в северо-восточном углу карты.— Сколько отсюда до этого места?

Быков нагнулся:

— Километров пятьдесят.

— Правильно. Сколько потребуется «Мальчику»...

— Минут тридцать—сорок...

— Отлично. В указанном районе в настоящее время множество различных формаций искусственного происхождения, на карте они... гм... не отмечены. Ваша задача: отвезти всех нас на эту вот высотку, откуда мы будем наблюдать за пробегом, затем пересечь район точно с юга на север и снова вернуться к возвышенности вдоль вот этого ручья. Понятна задача?

— Понятна.

— Предупреждаю: на этом пути вам могут встретиться всяческие сюрпризы. За один, во всяком случае, ручаюсь... Люди туда посланы? — обратился он к председателю горисполкома.

Тот кивнул.

— Вообще испытание серьезное. С вами направляется товарищ Ермаков. Будьте осторожны. Смелость и осторожность! Без лишнего, так сказать, лихачества.

— Слушаюсь.

— У меня все. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Спецкостюм ваш где?

— Сейчас возьму, Николай Захарович.

— Берите скорее и выходите. Мы пока будем рассаживаться.

Через четверть часа «Мальчик» выбрался за северную гряду холмов, и Быков впервые увидел ракетодром. Это была все та же однообразная, плоская, как стол, тундра с редкими щети-

нистыми холмиками. Только местами на равнине зияли круглые и звездообразные рыжие проплешины, на которых не росло ни травинки. Быков направил «Мальчика» на одно из этих пятен. На несколько секунд мягкое чавканье под гусеницами сменилось глухим, дробным рокотом, словно железный бак катился по булыжной мостовой.

— Здесь приземлялись корабли,— пояснил Дауге, занявший место за спиной Алексея.

— А это?

Слева потянулись ржавые рельсы, мелькнули остатки колючей проволоки, покосившийся столб с белым жестяным треугольником, на котором красовались знаки: «I Р». За проволокой Быков успел заметить нечто вроде обширного котлована, наполненного бурой комковатой массой.

— Отсюда пять лет назад стартовал «Змей Горыныч»,— проговорил Дауге.— Видишь, место старта было обнесено изгородью, так как грунт спекся в радиоактивный шлак. «I Р» означает «один рентген».

— Это-то я знаю,— буркнул Быков.

«Мальчик» бежал по тундре, обходя ледниковые валуны, стремительно проносясь через мелководные озера-болотца. Когда счетчик пройденного расстояния показал тридцать километров, Ермаков попросил водителя уступить ему место. Быков прошел в кабину. Все люки были открыты настежь. Председатель горисполкома спорил о чем-то с Крутиковым, секретарь горкома без видимого интереса прислушивался к их спору. Краюхин дремал, прислонившись к мягкой губчатой обивке. Юрковский и Спицын сидели снаружи, свесив ноги в люки. Быков заглянул в моторное отделение, послушал, посмотрел, затем присел рядом с Ермаковым.

Рев двигателя резко усилился. «Мальчик», слегка замедлив ход, взбирался по крутому склону.

— Приехали,— сказал Краюхин.

Машина в последний раз взревела, круто развернулась и стала. Все выбрались наружу. Быков вышел последним. Они находились на макушке высокого кургана, поросшего жесткой серой травкой. Странное зрелище представилось Алексею, когда он взглянул вниз. Равнина кончилась. Дальше на север до самого

горизонта шло дикое нагромождение каменных глыб и вставших дыбом мощных пластов земли. Широкие воронки, окруженные изломанными валами, почти отвесная зубчатая красноватая стена, протянувшаяся поперек этого хаоса, неровные груды обломков гранита и снова воронки, стены, каменные насыпи...

— Ну вот, — раздался за его спиной голос Краюхина, — по моему, этот участок будет, так сказать, достоин вашего искусства, Алексей Петрович, и превосходных качеств нашего «Мальчика». Как вы находите?

— Отлично! — Быков в упор поглядел прямо в черные стекла, скрывающие глаза Краюхина. — Мне это подойдет. Разрешите начинать?

— Здесь командует Ермаков. Прошу к нему.

«Этим ты меня не запугаешь», — подумал Быков и обратился к Ермакову, стоявшему на гусенице «Мальчика» с биноклем в руке:

— Разрешите начинать, Анатолий Борисович?

Ермаков кивнул и ловко спрыгнул на землю.

— Надевайте спецкостюм, — сказал он и, понизив голос, добавил: — Да не волнуйтесь, спокойнее...

Быков пожал плечами и разлаписто полез в машину. Дауге шагнул было к нему, но остановился и медленно отошел. Юрковский стоял в стороне, посвистывая, поглядывая то вниз, то в сторону транспортера. Краюхин сидел на корточках, оживленно переговариваясь с «отцами города» над картой, развернутой на земле. Михаил Антонович и Спицын молча возились у крошечного радиоаппарата.

— Включите микрофон и опустите шлем, — сказал Ермаков, усаживаясь рядом с Быковым.

Они помогли друг другу пристегнуться к сиденьям широкими лямками, и Быков вопросительно взглянул на серебристый шлем командира, склонившегося над приборами.

— Пошли, — негромко прозвучало в наушниках.

Алексей опустил пальцы на пульт, и «Мальчик» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее устремился вниз по склону. Внизу он вздыбился, перевалил через первую грудку щебня и нырнул в воронку. Пробег начался.

Быкову некогда было заниматься сравнениями, но где-то в глубине сознания всплыла фраза: «Как лягушка в футбольном мяче», — и он бессознательно повторял ее шепотом. В квадратном отверстии люка мелькало то голубое небо, то черная, словно обугленная, земля, то замшелая макушка гранитного валуна. «Мальчика» бросало из стороны в сторону, гремели гусеницы, скользя по камням, но мотор гудел ровно и весело, без перебоев. «Этим меня не запугаешь», — упрямо думал Быков. Транспортёр с ревом ринулся в глубокий ров. На мгновение в люке мутно блеснула неподвижная коричневая поверхность, на колени водопад хлынула вода.

— Вперед! — весело крикнул Быков.

На другой стороне рва «Мальчик» приостановился. В нескольких метрах впереди возвышалась почти отвесная стена красноватой глины. «Метров пятнадцать—двадцать, — мельком подумал Алексей. — Попробуем». Краем глаза он заметил, что Ермаков ухватился руками за сиденье. «Как лягушка в футбольном мяче...»

С вершины холма транспортёр казался маленьким серым жучком, пробирающимся по вспаханному полю. Вот серый жучок полез на стену. Каким-то непонятным образом ему удалось проползти несколько метров. Затем он дрогнул, сорвался и в тучах красной пыли опрокинулся на спину.

— О черт, — пробормотал секретарь горкома, — шел бы в объезд!

Дауге нервно сплюнул.

— В объезд нельзя, — спокойно сказал Краюхин. — Не по правилам. Внимание!

Что-то случилось там, под красноватой стеной. Жук зашевелился. Из его туловища вдруг вытянулись в стороны коленчатые блестящие ноги, медленно согнулись и снова перевернули его спиной вверх. Мгновение, другое... Упираясь тремя стальными стержнями в подножие стены и осторожно нащупывая опору четвертым, «Мальчик» подтянулся до вершины, вцепился в нее гусеницами и двинулся дальше, на ходу убирая внутрь себя опорные рычаги.

— Молодец! Вот молодчина! — возбужденно проговорил Юрковский. — Настоящий мастер!

— Может, все же возьмем вместо него лишнего пилота? — заметил Краюхин, поднимая к глазам бинокль.

Быков ликовал. Все шло как нельзя лучше. «Мальчик» брал препятствие за препятствием. Крошились под гусеницами камни, расплескивалась жидкая грязь из глубоких круглых ям, с пушечным гулом валились сбитые валуны. Несколько раз Ермаков, следивший за маршрутом по карте и компасу, указывал направление — без этого Быков непременно сбился бы, хотя старался вести машину точно по прямой.

— Сколько прошли, Анатолий Борисович?

— Осталось километра полтора...

И в этот момент совершенно неожиданно и бесшумно впереди встали столбы малинового пламени. Быков отшатнулся и остановил машину.

— Вот они, краюхинские сюрпризы, — пробормотал он.

Огонь быстро распространялся. Казалось, горели камни. Черные струи дыма, мешаясь с кровавыми языками, то стлались по земле, то взлетали высоко вверх. Сухой горячий ветер поднял тучи пыли.

— Сгущенный бензин! — встревоженно сказал Быков. — Напалм! Вот придумано...

Ермаков молчал. Быков усмехнулся, опустил на люки спектролитовые щитки и тронул клавиши. «Мальчик» на полном ходу нырнул в огненную бурю.

Когда горизонт заволокла мутная темно-малиновая пелена, секретарь горкома кашлянул, председатель горисполкома подошел ближе к радиоаппарату, а Краюхин сказал невозмутимо:

— Я приказал зажечь там несколько десятков бочек бензина. Каких-нибудь семьсот-девятьсот градусов в течение нескольких минут. Пустяки. «Мальчик» должен выдержать отлично, так. А вот выдержат ли нервы...

«Мальчик» выдержал, выдержали и нервы. В облаках жирной копоты транспортёр скатился в речушку, отмечавшую конец

маршрута, и остановился. Торопливые волны набегали на почерневшие, отливающие лиловым блеском бока машины, окутанной паром. Слышалось шипение. Постепенно панцирь остывал. Быков потряс за плечо Ермакова, беспомощно повисшего на лямках. Но Ермаков был в сознании.

— Прошли...— слабым голосом пробормотал он.— Хорошо прошли,— повторил Ермаков.— Я рад за вас... и за себя.

Быков смущенно хмыкнул.

Весь обратный путь по равнине вдоль ручья они молчали. И, только сворачивая к кургану, на вершине которого несколько фигурок размахивали руками, приветствуя их, инженер сказал:

— Одно мне непонятно, Анатолий Борисович. Откуда здесь, в тундре, такие разрушения?

Ермаков долго не отвечал, отстегивая пряжки лямок. Затем неохотно проговорил:

— Над этим районом взорвалась ракета... фотонная ракета, только и всего.

— Я так и думал, что здесь был взрыв...

Это было все, что мог сказать изумленный и потрясенный Быков.

В конце позднего обеда (с рюмочкой коньяку по случаю удачно проведенного пробега) Краюхин попросил внимания и объявил:

— Ермаков и Быков на неделю переводятся на санаторный режим. Никакой работы. Приключенческие романы, прогулки и сон. Остальным готовиться к приему «Хиуса». Получено сообщение, что машина стартовала от «Циолковского» и будет у нас через пять—шесть дней.

«ХИУС» ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Быкову приснилось, что Ермаков поставил «Мальчика» в ангар. Транспортёр был раскален докрасна, и ангар пылал холодным багровым пламенем. Быков сорвал со стены огнетушитель, но Ермаков рассмеялся, потряс его за плечо и закричал в самое ухо, почему-то обращаясь на «ты»:

— Проснись, Алексей! Проснись, говорят тебе!

Тут Быков заметил, что на Ермакове блестящий хлорвиниловый плащ и что это вообще не Ермаков, а Дауге. Быков сел на кровати и протер глаза:

— В чем дело?

— «Хиус» на подходе. Пойдем встречать, Алексей.

Часы показывали около двух ночи. Небо было плотно забито тяжелыми черно-серыми тучами, только на севере тускло светились мутные розоватые полосы. Лил дождь.

— Кто еще встречает?

— Все наши. И в придачу — половина города.

Быков подошел к окну. По улице торопливо шли и бежали люди; позвякивая, солидно прополз трактор, таща за собой странного вида громоздкое сооружение на огромных колесах. Его обогнало несколько автомобилей. Внизу хлопнула дверь, кто-то сердито крикнул:

— Почему до сих пор не вызвали?

Ермаков и остальные межпланетники уже ждали в вестибюле. У выхода стоял Краюхин, возвышаясь над группой инженеров в плащах и мокрых кожаных куртках. Сухим, жестким голосом, словно вбивая гвозди, он говорил:

— Город существует для того, чтобы снаряжать, принимать и отправлять корабли. Вы об этом забыли. Думаю, придется освежить вашу память. Но это потом. Сейчас — немедленно разыскать все машины — раз. Отправить людей на станцию — два. — Он повернулся к коренастому бородачу. — За станцию вы мне головой ответите!

— Постараемся справиться, — прогудел бородач.

— Все средства дезактивации и противопожарной безопасности...

— В порядке, Николай Захарович, все в готовности номер один.

— Хорошо. Я буду где-нибудь в капонирах или там поблизости. Да... — Краюхин ткнул пальцем в грудь молодого человека в хлорвиниловом капюшоне. — О всех радиограммах с корабля немедленно докладывай.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

— Можете идти... А вы, Зайченко,— теперь он говорил небрежно и как будто нехотя,— отправляйтесь под арест. И, если произойдет несчастье, пойдете под суд, так.

Тот, кого звали Зайченко, прижал руки к груди:

— Николай Захарович!

— Я сказал!..

— Да позвольте мне хоть сейчас на станцию, хоть на часок! — умоляюще проговорил Зайченко. — Ну, я виноват... ну, суд... Но сейчас-то никто лучше меня не справится!

Краюхин подумал.

— Так. Хорошо... Поезжайте на станцию. Под арест пойдете после прибытия корабля.

— Есть!

— Все? — Он оглянулся на межпланетников. — Пошли, товарищи.

На улице было мокро и зябко. Машина нетерпеливо пофыркивала у подъезда. Межпланетники расселись, и она помчалась в обгон длинной вереницы полугусеничных грузовиков с кузовами, обтянутыми брезентом. Быков спросил вполголоса:

— Что случилось? Что это за станция, о которой говорил Краюхин?

— Радиомаяк точного наведения... — Дауге покосился на спину Краюхина. — Когда межпланетный корабль подлетает к Земле, пилот ориентируется на три основных, базовых маяка. Один из них здесь, в городе, два других расположены по углам полигона на океанском берегу. Но это довольно грубые ориентиры, и корабль может сесть либо на город, либо в океан, либо еще где-нибудь в стороне. Так вот, для точного наведения корабля на место посадки применяется этот самый радиомаяк. Зайченко — его начальник.

— Что же произошло?

— Вчера вечером во время пробного запуска там сгорел какой-то важный агрегат — не то трансформатор, не то еще что-то в этом роде. Выяснилось, что резервное оборудование не получено станцией, затерялось где-то на складах. Крупный скандал! В самый ответственный момент станция не работает. Остается надеяться только на искусство Ляхова.

— Кто это?

— Пилот «Хиуса».

— А если...

— В лучшем случае сядет в тундре, километров за двести отсюда. Это не беда. С таким расчетом полигон и строился. Может сесть в море. Но если он повиснет над городом...

— Не повиснет! — уверенно сказал Крутиков. — Не пугай, Григорий Иоганнович. Ляхов не новичок — увидит, что сигналов точной наводки нет, и станет забирать к северу. А вообще-то скандал, конечно...

— Сегодня всю ночь на станции работали, старались исправить. Может быть, еще исправят? — Дауге снова поглядел в спину Краюхина.

— Для Ляхова это не имеет значения, — сказал вдруг Богдан Спицын. — Ляхов посадит корабль точно в центр полигона на одних базовых маяках.

— Будто? — прищурился Крутиков.

— Ляхов сядет точно в центре полигона, — повторил Спицын и сжал губы, показывая, что дальнейший спор на эту тему считается излишним.

Юрковский, кашлянув, сказал:

— Зайчика жалко. По-настоящему, наказать нужно бы не его, а кое-кого повыше.

— Все получают! — проворчал Краюхин, не оборачиваясь. — Никого не обделим. Но Зайченко получит первым.

— Начальник полигона...

— Я сказал, — Краюхин наконец повернулся и посмотрел на Юрковского, — получают все... в части и пропорции, их касающейся, так. Но вы, должно быть, забыли, Владимир Сергеевич, что Зайченко был *на доверии*.

Это, по-видимому, был веский аргумент, потому что Юрковский и не пытался возражать. Больше никто не произнес ни слова.

Машина свернула и промчалась по обширному бетонированному полю у стартовых установок. Справа потянулись прилепившиеся к подножию холмов низкие широкие сооружения без передних стен, над ними торчали сетчатые мачты высоковольтной линии, уходящей за холмы, и какие-то серые куполообразные башни.

— Укрытия,— пробормотал Спицын.

— А мы куда едем, Богдан?

— К капонирам. Будем наблюдать за посадкой «Хиуса».

— Если он не сядет нам на голову,— пробормотал Дауге.

— Слышу глас благоразумия,— изумленно сказал Михаил Антонович. — Брось, Иоганыч, все равно никто не поверит, что ты оробел.

— Не с чего будто,— буркнул Дауге.

Юрковский быстро взглянул на него, но промолчал.

Они выехали на узкое прямое шоссе. Дождь усилился, стекла заливали потоки воды, белесые пузырьки прыгали по асфальту. Машина резко затормозила. Подошел человек в плаще с капюшоном, нагнулся, вглядываясь; узнал Краюхина и махнул рукой. Краюхин приоткрыл дверцу:

— Радисты давно проехали?

— Полчаса, не меньше, Николай Захарович.

— Глядите, никого не пропускать!

Через четверть часа впереди показались врытые в землю стальные купола, похожие на наблюдательные колпаки старинных дотов.

— Капониры,— прокомментировал Спицын.

Давным-давно, лет тридцать назад, эта равнина служила полигоном для испытания космических ракет. Наблюдатели помещались в окопах и блиндажах. Иногда громадные, величиной с высотный дом, ракеты вследствие каких-то неточностей в системе управления, вместо того чтобы лететь в небо, падали набок и принимались, изрыгая огонь, прыгать и ползать по равнине. Сначала обходилось без жертв, но однажды многотонная махина обрушилась прямо на окоп. Пришлось возвести капониры — подземные сооружения из железобетона с выведенными на поверхность наблюдательными колпаками, которые обеспечивали круговой обзор. Капониры были надежными, рассчитанными на прямое попадание ракеты, и наблюдатели могли чувствовать себя в них в полной безопасности.

Шофер повернул машину, ввел ее в глубокую бетонированную траншею с тяжелым перекрытием и остановил.

— Пошли,— сказал Краюхин.

Пройдя коротким коридором со светящимися стенами, межпланетники очутились в полутемном помещении с низким сводчатым потолком. Быков с интересом огляделся. Справа и слева несколько ступенек вели на круглые площадки, прикрытые сверху стальными куполами. На площадках стояли треноги с мощными сорокакратными перископами. Перед их объективами в стальных куполах зияли прямоугольные бойницы, в которые заглядывало серое морозящее небо. Трое юношей в кожаных куртках колдовали у радиоустановки. Когда Краюхин вошел, один из них шагнул к нему и отрапортовал, что связь с маяками и локационными станциями налажена.

— Спросите, есть ли что с борта «Хиуса», — приказал Краюхин.

Спицын поднялся на одну из площадок и подошел к бойнице. Остальные расселись по табуретам вдоль стен. Репродуктор захрипел и каркнул:

— «Хиус» пока молчит, Николай Захарович...

Краюхин, сунув руки в карманы плаща, принялся расхаживать по комнате. Он остановился и начал внимательно рассматривать на стене древний выцветший плакат «Рост удельного веса ядерной энергетики в общем энергетическом балансе нашей страны с 1960 по 1980 год», потом возобновил свое хождение. Радисты сочувственно поглядывали на него. Юрковский шепнул Дауге:

— Нервничает старик...

Снова зарычал репродуктор:

— Внимание, внимание! Николай Захарович!

— Да, слушаю, — нетерпеливо отозвался Краюхин.

— «Хиус» над полигоном. Даю его координаты с поправкой на ваше местоположение. Геодезический азимут восемь градусов и... сорок... сорок четыре минуты... Высота шестьдесят градусов. («Он сядет в центре полигона», — прошептал Спицын.) Опускается со скоростью двадцать сантиметров в секунду...

— На фотореакторе?

— Пока на фотореакторе.

— Передайте приказание: на высоте шестьдесят километров выключить фотореактор и перейти на водородные ракеты.

— Слушаюсь...— Последовала пауза, затем репродуктор рявкнул: — Исполнено. Николай Захарович, «Хиус» просит прислать санитарную машину и врача...

Все встревоженно повернулись к репродуктору.

— Так. Распорядитесь.

— Уже распорядился.

— Что у него случилось?

— Передает... ничего не понимаю. А, вот в чем дело. У них на борту больной инженер с чешского спутника, Дивишек. Ему очень плохо.

— Распорядитесь насчет санитарной машины, и пусть приготовят самолет на Москву. Мой самолет. Что с инженером?

— Лучевая болезнь...

Краюхин вполголоса выругался.

— Да, вот что... Передайте Ляхову, чтобы был осторожен. Напомните, что станция точного наведения не работает.

— Уже передано.

— А он что? — спросил Спицын.

— Смеется...

Репродуктор замолк. Краюхин достал из нагрудного кармана черные очки-консервы, надел их и бросил:

— Пошли к перископам.

В окулярах виднелись серое небо, серая тундра, серый колпак соседнего наблюдательного пункта. Дождь прекратился, сырой тепловатый ветерок рябил воду в лужах, из которых торчали низкорослые кустарники и острые травинки. Быков посмотрел на часы. Было около пяти.

Все молчали. Минуты тянулись медленно.

— Свет! — вскрикнул Крутиков.

Небо осветилось дрожащим фиолетовым заревом. И сразу же исчезло кажущееся серое однообразие неба и тундры. Стал отчетливо виден тонкий муаровый рисунок каждой тучи. По земле пробежали прихотливо изогнутые ослепительно белые прожилки. Свет усиливался. Над тундрой заиграла странная перевернутая радуга. Белые и лиловые блики запрыгали в лужах. И, постепенно нарастая, в уши вонзился тонкий высокий вой. У Быкова заныли зубы,

он зажал уши и затряс головой. Свет становился все ярче, звук поднялся до нестерпимой высоты и стал едва слышен.

— Ляхов докладывает, что через две минуты выключает фотореактор, — донесся низкий бас из репродуктора.

— Давно пора, — буркнул Краюхин.

Свет погас, и, как по волшебству, мгновенно исчезли радуга и веселые зайчики в лужах. На тундру упали сумерки. Но через минуту глаза снова освоились с ее серым однообразием. И тогда небо заполнил низкий, зловещий рев. Задрожали стены, жалобно задребезжала стальная заслонка бойницы. Казалось, неисчислимые косяки реактивных самолетов один за другим проносятся над головой.

— Вот он! — крикнул Крутиков. — Глядите!

Под тучами блеснули красноватые искры. Окружное темное пятно появилось в вышине и, брызгаясь огнем, стало медленно опускаться. Оно росло на глазах. Тяжелый грохот потряс воздух, и пять огненных струй, тонких и прямых, как мачты, сорвались с краев пятна и ударили в землю. Взметнулись облака пара, полетели комья грязи. Грузное черное тело повисло в воздухе, слегка покачиваясь на подпирающих его пяти столбах оранжевого пламени. Затем еще медленнее, чем прежде, оно погрузилось в вихри пара и скрылось из глаз. Земля мягко дрогнула, рев стих. Никто не произнес ни слова, каждый словно прислушивался к звону в ушах. Там, где опустился планетолет, теперь колыхалось, клубилось тяжелое облако грязно-белого пара...

— Посадка чистоты необыкновенной! — задышавшись, проговорил Спицын.

— Так, — согласился Краюхин. — Мастерская посадка. Едем, а то вы все лопнете от нетерпения.

«Хиус» сел значительно дальше от наблюдательного пункта, чем это вначале показалось Быкову. Шофер вел машину на предельной скорости, какую позволяла развивать кочковатая равнина. И все же прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем шины зашелестели по горячей, спекшейся и все еще слабо дымившейся земле. Исполинский купол «Хиуса» заслонил полнеба.

— Смотрите-ка, — ликуя, сказал Спицын, — сел-то как — нижним люком к городу! Молодчина!

Все выскочили из машины и задрали головы. Быков с изумлением и недоверием смотрел на это чудовище, рожденное волей человека в черной пустоте на верфях «Вэйдады Ю-и». Ничего подобного по масштабам и по форме ему еще не приходилось видеть. Правда, на первый взгляд, «Хиус», пожалуй, имел некоторое сходство с черепахой, как и его модель в московском кабинете Краюхина. Но вблизи такое сравнение просто не могло прийти в голову. Больше всего планетолет походил, кажется, на громоздкую беседку-павильон с пяти толстых косых колоннах. Каждая из колонн, величиной с водонапорную башню, поддерживала крышу-корпус, имеющий форму выпукло-вогнутой линзы. Нижняя вогнутая поверхность корпуса была зеркальной, и, зайдя под нее, Быков увидел над головой свое донельзя искаженное и увеличенное отражение.

Зеркало... Тончайший слой волшебного вещества, которое в природе, вероятно, существует только в недрах самых плотных звезд, невероятными ухищрениями нанесенный на полированный металл. Быкову показалось, что он ощущает на своем лице слабый, едва заметный ток тепла. Но он знал, что зеркало остается холодным даже во время работы фотореактора. Вот из этой черной дыры в центре вогнутой поверхности на высоте десяти—пятнадцати метров брызжет струя раскаленной плазмы, и там, где он, Быков, стоит сейчас, начинается сумасшедшая реакция синтеза голых ядер. Быков нервно передернул плечами и поспешно вышел под открытое небо. Может быть, впервые в жизни он по-настоящему понял, какие огромные силы подчинил и поставил себе на службу человек.

Что-то застрекотало наверху, и Быков увидел большой вертолет с красными крестами на боках, проплывающий над «Хиусом».

— Оперативность прежде всего, — пробормотал Юрковский. — Но почему они не выходят?

Как бы в ответ на его слова, неожиданно между двумя реакторными кольцами — так назывались башни-колонны — у кромки корпуса открылся круглый люк, и в нем появилось бледное, улыбающееся лицо.

— Вася! Ляхов! — заорал Спицын, подпрыгивая и размахивая руками.

— Здравствуй, Богдан! Здравствуйте, Николай Захарович! Привет, товарищи!

— Да вылезайте вы, бродяги межпланетные! — сипло рявкнул Краюхин. — Что вы там возитесь, Ляхов?

— Сию минуту. Санитарная машина есть?

— Вот она. — Спицын махнул рукой в сторону приземлившегося вертолета, от которого бежало к ним несколько человек в белых халатах.

Из люка с металлическим лязгом выпала гибкая лестница.

— Принимайте больного! — крикнул Ляхов.

На четырех прозрачных тонких шпагатах осторожно спустились в гамаке человека, закутанного в простыни. Быков принял его на руки и с помощью санитаров уложил на носилки. С удивлением и жалостью он увидел, что по лицу больного текут слезы.

— Земье, — прошептал больной. — Земье, модре небо... синее...

— Да-да, товарищ Дивишек, Земля! — Краюхин наклонился над ним. — Теперь все будет хорошо. Через несколько часов будете в Москве, подлечитесь, а там домой, на отдых.

— Декую, соудругу...

— Передайте распоряжение, — обратился Краюхин к врачу, — чтобы больного немедленно — то есть после оказания ему помощи нашими средствами — отправили на моем самолете.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

Тем временем Ляхов и его двое спутников тоже сошли на землю. Наскоро поздоровавшись с товарищами, они подошли к носилкам.

— До свидания, Ян! — сказал Ляхов. — Поправляйся — и снова за работу, дружище!

Худощавая круглолицая женщина в просторном комбинезоне ласково погладила чеха по щеке:

— Выздоровливайте скорее, товарищ Дивишек. Привет вашей семье.

— Декую, соудругу... Спасибо, спасибо, — бормотал Дивишек, пожимая их руки худыми пальцами. — Очень много спасибо!

Все молча проводили глазами улетающий вертолет. Ляхов взглянул на просветлевшее небо, на неясные очертания далеких холмов и слабо улыбнулся.

— Вот и снова на Земле,— сказал он.— Снова дома... Но какая машина, друзья мои! Какая машина!

— Погодите, товарищи...— Спицын схватил Ляхова за плечо и подвел его к круглолицей женщине.— Чокан, встань слева от Веры, пожалуйста...

Третий член экипажа, высокий молчаливый казах, нахмурился:

— Опять снимать будешь?

— Да-да...

Спицын попятился, не спуская с них глаз, достал из кармана миниатюрный киноаппарат и, присев на корточки, заснял несколько метров.

— Довольно! — сердито сказал Краюхин.— Немедленно в машину — в город и отдыхать! Без разговоров! Разговаривать будем вечером.

— Одну минуту, Николай Захарович...— Ляхов повернулся к Быкову. — Если не ошибаюсь, вы новый член экипажа?

— Да, познакомьтесь,— спохватился Краюхин.— Быков Алексей Петрович. Химик, инженер-ядерник, водитель. Василий Семенович Ляхов — пилот... Верочка, идите сюда. Вера Николаевна Василевская — штурман. Чокан Кунанбаев — бортинженер.

Быков и ляховцы обменялись рукопожатиями.

— Так,— сказал Краюхин.— А теперь — в город!

— Вечером увидимся,— ласково кивнул Быкову Ляхов.

— Мы с вами, Анатолий Борисович, останемся на часок здесь,— обратился Краюхин к Ермакову.— Осмотрим «Хиус». Вы тоже, Быков. Кстати, поговорим с начальником группы обслуживания. Вон он катит... Остальные свободны.

По полю к «Хиусу» ползла вереница машин — полугусеничные грузовики, тракторы, подъемные краны на колесах.

— Скажите им, пусть обратят внимание на третий реактор,— сказал Чокан.— Особое внимание! Что-то релейная система бахлаит... Да ладно, завтра сам скажу.

Они уехали, и Быков с бьющимся от волнения сердцем пошел вслед за Краюхиным и Ермаковым по гибкой, но прочной лестнице. В кубической камере, куда открывался люк, Краюхин сказал:

— Здесь тамбур — кессон — для выхода в безвоздушное пространство или в среду с ядовитой атмосферой. Тесновато, так?

— Да нет... ничего как будто,— нерешительно пробормотал Быков.

— Тесно, тесно! — брюзгливо проворчал Краюхин. — Многого не рассчитали, когда проектировали. Вот начнем разгружаться и грузиться — увидите. Придется пропустить десятки тонн груза через три таких вот игольных ушка. — Он ткнул пальцем в сторону люка. — В самом корабле и того хуже, так. Переходы узкие, перегорожены переборками с комингсами.

— С точки зрения герметичности и безопасности от метеоритов это дает большие преимущества,— заметил Ермаков.

Они прошли камеру и стали подниматься по гофрированным ступенькам ярко освещенного коридора.

— Термоядерная ракета — дело, так сказать, новое,— говорил Краюхин. — Многих ее возможностей и преимуществ не учли, проектировали по старинке, как обычные ракеты. Рутинка, ничего не поделаешь... А вот здесь начинается новое...

Краюхин толкнул тяжелую стальную дверь, и они оказались в обширном помещении, заполненном незнакомыми Быкову приборами и распределительными щитами.

— Здесь рубка,— сказал Краюхин. — А там,— он указал на стену напротив входа,— за титановым кожухом находится сердце «Хиуса» — фотореактор. Специальное устройство создает поток плазмы, поток голых тритонов, ядер сверхтяжелого водорода, который крошечными порциями, по несколько тысяч порций в секунду, выбрасывается вниз. Мощное электромагнитное поле, образуемое пятью соленоидами над реакторными кольцами, резко тормозит комочек плазмы, в результате чего в нем начинается термоядерная реакция. Точка торможения находится в фокусе параболического зеркала — нижней поверхности корпуса «Хиуса». Плотный поток фотонов, нейтронов, ядер гелия и непрореагировавших тритонов бьет в зеркало и создает огромную тягу... Конечно,— добавил Краюхин, помолчав,— не будь слоя «абсолютного отражателя», корпус корабля мгновенно, так сказать, прогорел бы насквозь. Первый «Хиус» сгорел потому, что где-то был нарушен этот защитный слой.

— Это неизвестно,— сухо бросил Ермаков.

Он ходил по рубке, заглядывал в приборы и что-то заносил в записную книжку.

Краюхин пожевал губами, помолчал.

— Фотонная ракета — новое дело, — сказал он. — Огромное дело. Будущее человечества... — Он снял очки, стал протирать стекла, глядя на Быкова круглыми глазами. — «Благосклонная природа, вероятно, знает, почему она не хочет, чтобы мы превратили наш земной мир в скромный рай и на этом успокоились, и почему она заставляет нас завоевывать новые миры — те последние и крайние миры, ключом к которым должны стать фотонные ракеты». Это сказал более полувека назад один весьма умный немец; тогда фотонные ракеты казались отдаленной мечтой. А теперь этот ключ к последним и крайним мирам у нас в руках. Но мы еще не научились им пользоваться по-настоящему. Много, еще очень много несовершенного, непонятного. И много рутины. Вот хотя бы эти атомные ракеты на «Хиусе». При фотонном приводе они — как кляча, запряженная в новейший атомокар.

— Но ведь иначе «Хиус» не мог бы стартовать с Земли, — вставил Быков робко.

Краюхин снова водрузил очки на нос.

— В ближайшем будущем мы, вероятно, вообще откажемся от стартов с Земли. «Хиусы» будут стартовать с искусственных спутников.

— Понятно, — сказал Быков. — Но пока-то «Хиус» берет запас обычного для ракет топлива?

— Очень немного. Едва пятую часть полетного веса. Только для того, чтобы оторваться от Земли, выйти из плотных слоев атмосферы, легко поддающихся радиоактивному заражению. А затем включается фотонный двигатель. «Хиус» не знает неудобств, связанных с невесомостью. Он движется с постоянным ускорением в десять метров в секунду за секунду, таким же, что и ускорение силы тяжести на поверхности Земли. Таким образом экипаж «Хиуса» избавлен от невесомости и всех ее неприятных последствий. «Хиус» — по крайней мере, в межпланетных перелетах — не знает долгих и тоскливых рейсов по инерции, продолжающихся годы. Он развивает гигантские скорости и расстояния до планет покрывает за дни и недели. «Хиус» — это и есть ключ «к последним и крайним мирам».

— «Хиус» — ключ к большим планетам, — странным, сдавленным голосом проговорил Ермаков.

Он стоял, склонившись над каким-то прибором, и Быков не видел его лица.

Краюхин сжал губы.

— Пойдемте, товарищ Быков, — хмуро сказал он. — Я покажу вам остальные помещения.

Они обошли весь корабль, заглянули в жилые каюты, в кают-компанию, в камеры-хранилища. Все было предельно просто, почти голо. В жилых каютах — голые мягкие стены, выдвижные койки с широкими эластичными ремнями, стенные шкафы, низкие и мягкие кресла, наглухо принайтованные к пружинящему полу. В кают-компании — большой круглый стол, мягкие кресла, в мягких стенах — буфет, книгохранилище. На столе лежал забытый, видимо, листок бумаги с неровными строчками вычислений. Краюхин забрал его. («Чокан, — сказал он с усмешкой. — Математик...»)

Когда они вернулись к люку, «Хиус» был окружен машинами и людьми. Ермаков что-то говорил начальнику группы обслуживания, тот кивал, переспрашивал и на ходу раздавал приказания толпившимся возле него рабочим — молодым ребятам, вероятно, только что со студенческой скамьи.

— Едем домой, — сказал Краюхин. — Если завтра закончат перезарядку реакторов, послезавтра начнем погрузку.

— Да! — вспомнил вдруг Быков, усаживаясь в автомобиль. — Я совершенно забыл. А «Мальчик»? Куда его погрузят?

— Наверх, — ответил Краюхин. — «Мальчик» пропутешествует через пространство верхом на «Хиусе». Так...

— Мгм... — начал было Быков, но осекся и больше расспрашивать не стал.

«КАК АРГОНАВТЫ В СТАРИНУ...»

Отчет Ляхова был заслушан на следующий день. В просторном кабинете начальника Седьмого полигона едва разместились, кроме межпланетников, человек тридцать работников ракетодрома, инженеров с верфей «Вэйдады Ю-и», представителей научно-исследовательских и проектных учреждений, связанных с

Комитетом межпланетных сообщений. Ляхов, бледный и улыбающийся, говорил быстро, четко, постукивая для убедительности карандашом по кожаной папке с дневниками и заметками.

В соответствии с планом испытательного перелета «Хиус» через двадцать часов после старта принял неподвижное по отношению к Солнцу положение и затем, с постоянным ускорением в 9,7 метра в секунду за секунду, устремился к точке встречи с Венерой в обход Солнца. Пройдя точно половину расстояния и достигнув скорости четыре тысячи километров в секунду (оживление среди слушателей), Ляхов повернул планетолет зеркалом к точке встречи и начал торможение. Через восемь с половиной суток «Хиус» вышел на орбиту «Циолковского» — одного из советских искусственных спутников Венеры, а еще через несколько часов причалил к нему. Далее, следуя программе испытаний, Ляхов около месяца маневрировал вокруг Венеры, проверяя работу фотореактора на всех режимах, посетил искусственные спутники, принадлежащие другим государствам, совершил посадку на Вениту — естественный спутник Венеры — и наконец отправился в обратный путь, приняв на борт больного инженера с чешской станции.

Ляхов рассказал о режимах работы фотореактора, о результатах применения эффекта Допплера для определения собственных скоростей фотонной ракеты, высказал соображения относительно противометеоритного устройства («К сожа... э-э... к счастью, вернее... нам не пришлось испытать его в действии»), сообщил новые оценки распределения плотностей космической пыли в промежутке между орбитами Земли и Венеры («Эти данные, товарищи, по моему глубокому убеждению позволяют надеяться на осуществление прямоточного фотонного двигателя, по крайней мере в таких рейсах, как только будет решена проблема фотонного привода на аннигиляции»). Особое внимание Ляхов уделил некоторым непонятным феноменам, имевшим место во время рейса. Наблюдались беспричинные перерывы радио- и телевизионной связи, вспышки ультрачастотной вибрации корпуса планетолета, небольшие нарушения тормозного магнитного поля в фокусе зеркала. Все это происходило непосредственно перед торможением, то есть в период максимальных скоростей.

Ляхов выражал уверенность, что дело здесь именно в колоссальных скоростях планетолета — скоростях, требующих уже перехода на релятивистскую механику.

Но в целом «Хиус» оправдал все надежды. После пробного рейса стало очевидно, что «вопреки мнению перестраховщиков и тупиц, оскверняющих самым фактом своего бытия славную идею межпланетных сообщений», будущее, притом ближайшее будущее, принадлежит фотонным ракетам. (Аплодисменты, одобрительные возгласы.) Даже в таком примитивном и прямолинейном виде сочетание фотореактора с абсолютным отражателем является огромным шагом вперед в технике космогации.

Мелкие конструктивные недостатки «Хиуса» с лихвой покрывались его неоспоримыми достоинствами и преимуществами: практически неограниченным запасом хода, способностью совершать старты и посадки, не стесняясь в расходе энергии, и без перегрузок, опасных для жизни и здоровья экипажа, независимо от промежуточных баз и множеством других, менее значительных.

— ...и я, товарищи, грешным делом, — сказал Ляхов, — даже подумал: «А не попытаться ли заодно уж произвести высадку на Венере?» (Смех, шум в зале. Краюхин сердито хмурится. Юрковский показывает Ляхову кулак.) А что? Никто бы и не узнал... Но достаточно было взглянуть на эту милую планету вблизи, чтобы вспомнить, что такое дисциплина. Нет, правда, дисциплина — прекрасная вещь. Я никогда прежде не летал к планетам с атмосферами, и, должен сказать, с непривычки это действует... Вид у нее неважный.

После Ляхова выступила штурман Вера Николаевна, очень хорошенькая, в синем платье, с розовым от смущения круглым лицом. Она привела несколько оптимальных вариантов выхода фотонного планетолета на «прямую траекторию». Выяснилось, что электронная курсовычислительная машина, установленная на «Хиусе», не вполне отвечает требованиям новой, «прямой» космогации. Штурману и оператору приходится непрерывно вводить поправки на возмущение со стороны Солнца, чего, например, не требовали перелеты по орбитальным траекториям. Веру Николаевну перебил пышноволосяй уса́тый юноша, представи-

тель Института счетно-решающих устройств, и принялся объяснять Краюхину, что подготовлено для решения этой проблемы в их институте. Он говорил горячо и непонятно; в него неожиданно вцепились Крутиков и один из инженеров; они яростно заспорили. Их никто не перебивал, и Быков уже подумал было, что счетно-решающие устройства являются сейчас наиболее важной частью оборудования фотонных ракет, но через минуту с изумлением увидел, что чинного и торжественного совещания как не бывало.

Группа работников ракетодрома обступила Чокана Кунанбаева, и тот неторопливо объяснял что-то, водя карандашом по развернутым листам ватмана. Краюхин и Ермаков собрали вокруг себя ракетостроителей «Вэйдады Ю-и», листали и показывали им дневники перелета. Ракетостроители кивали и писали в блокнотах и записных книжках. Ляхов, Богдан Спицын и Юрковский молча слушали начальника Седьмого полигона. Юрковский, иронически усмехнувшись, сказал что-то, все заулыбались: Ляхов и Спицын — весело, начальник — смущенно. В кабинете стоял ровный шум голосов и шелест бумаги.

Быков досмотрел, как изничтожают усатого представителя, и повернулся к Дауге. Тот предложил:

— Пойдем, Алексей, домой. Доспорят без нас. Надо разобраться в новых данных о Венере. Прислал Махов, начальник «Циолковского».

Вечером межпланетники собрались в читальном зале гостиницы.

Вера Николаевна, блестя глазами, говорила:

— Оторваться от Земли и оказаться в пространстве — это еще не значит завоевать пространство. Первые воздушные шары не сделали человека хозяином воздушного океана. Это сделал только самолет. Не так ли? Хозяином пространства сделает нас только «Хиус», независимый от сил тяготения, освобожденный от рабского подчинения этим силам...

Богдан Спицын влюбленно смотрел на нее, а Ляхов пробормотал, растерянно улыбаясь, словно эта мысль только что пришла ему на ум:

— Подумать только, ведь мы были первыми в таком деле!

Юрковский усмехнулся:

— Но все-таки дома, на Земле, лучше, не так ли, Вася?

— Разумеется, лучше.

— «Разумеется...» Ах, Василий, Василий, нет в тебе ни капли поэзии! Совершил такой перелет!.. Нет, ты положительно недостойн такой чести.

Ляхов нахмурился.

— Я, знаешь ли, не спортсмен,— сердито сказал он,— я работник! И не вижу в этом ничего дурного.

— Никто не говорит, что это дурно...— Юрковский поднял к потолку томные глаза.— Но согласишься, мон шер, что путь прокладывают обычно... спортсмены, как ты их называешь.

— Значит, раз на раз не приходится.

— Что за разделение такое? — удивленно спросил Крутиков.— Спортсмены, работники...

— Всегда и везде,— твердо сказал Юрковский,— впереди шли энтузиасты-мечтатели, романтики-одиночки, они прокладывали дорогу администраторам и инженерам, а затем...

— Затем по костям этих самых мечтателей и романтиков кидалась жадная серая масса, чернь презренная...— криво улыбаясь, тоненьким голосом сказал Дауге.— Трепло ты, милый Володя, вот что! Энтузиаст-мечтатель... гусар-одиночка!

Юрковский стремительно повернулся к нему, но Краухин поднял руку.

— Одну минутку,— проскрипел он насмешливо.— Значит, Владимир Сергеевич, администраторов-энтузиастов не бывает? И инженеров-мечтателей тоже? Хм... И что там насчет серой массы?

Быков сидел как на иголках. Никогда еще «пижон» не был ему так несимпатичен. Он взглянул на Ляхова, бледного, с дрожащими от обиды губами, и разозлился еще больше. Но он еще не имел здесь права голоса.

— Мы все мечтатели, если угодно, Владимир Сергеевич,— продолжал Краухин.— И энтузиасты тоже. Только каждый на свой лад. Вот Вера Николаевна выражает свою радость по поводу того, что «Хиус» дает ей возможность носиться по пространству куда угодно и как угодно, тешить ее крылатую душу. Так. В

этом она, по-видимому, и видит истинное назначение «хозяина пространства».

— Я совсем не это хотела сказать... — растерянно проговорила Вера Николаевна.

— Надеюсь, что не это... Потому что, имейте в виду, государство, наш народ, наше дело ждет от нас не только... вернее, не столько рекордов, сколько урана, тория, трансуранидов. Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него все, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить все в дом, а не транжирить то, что есть дома! В этом наше назначение. И наша поэзия.

— Как пчелы, — изрек Крутиков.

— Именно как пчелы, а не как... бабочки-поденки. Кроме того, позволю себе обратить ваше внимание и на то обстоятельство, что в наше время переходные периоды проходят быстро. И вот пример: в предстоящем рейсе пилоты «Хиуса» будут уже выполнять скромную обязанность извозчиков. Главная роль отводится на сей раз уже другим. Вот ему... — Краюхин указал на Быкова. (Тот испуганно заморгал.) — И Дауге, и вам, Владимир Сергеевич. Человечеству нужны богатства Венеры, а не восторженные рапорты. Так. А затем вы уступите место новым героям — производственникам, тем, кто будет строить заводы на берегах Урановой Голконды. И все это работа, друг мой, вдохновенная работа, а не спорт! Только одни относятся к ней как к эффектной возможности блеснуть под куполом цирка и сорвать аплодисменты, а другие — как к работе в общем строю. А вам, так сказать, мон шер, только бы добраться до сокровищницы тайн, где они лежат штабелями, и водрузить... Эх, вы... спортсмены!

Наступило молчание. Юрковский поднялся и, ни на кого не глядя, вышел.

— Славный парень, — проговорил Краюхин. — Смелый, умница... Только амбиции у него — ой-ой-ой!

Ермаков сказал без улыбки:

— Отец мне рассказывал, что некто Николай Захарович Краюхин в молодости...

— «Краюхин, Краюхин»... — Николай Захарович стал кряхтя растирать колени. — То было в молодости... И, кроме того, может быть, тебе известно, что упомянутого Краюхина за это самое мордой об стол... простите за выражение... на партийной конференции, да. И именно твой папаша, Анатолий Борисович! Так.

Краюхин сердито хмыкнул, покашлял и ушел.

Последние дни перед стартом прошли незаметно. Все были заняты. Ермаков руководил работой группы обслуживания, грузившей «Хиус» всем необходимым. Корабль был погребен под массой металлических конструкций, опутан паутиной шлангов и кабелей. Под ним теснились десятки машин-газгольдеров, машин-цистерн, тракторов, кранов и конвейеров. Работа велась днем и ночью. По толстым шлангам, покрытым пластами льда и инея, подавались сжиженные газы — водород и кислород, по тонким шлангам — вода и смазочные вещества. Конвейеры и краны забрасывали в три люка баки, мешки и ящики с продуктами, снаряжением и оборудованием. Десятки людей в спецкостюмах копошились в урановых реакторах. Приехавшие из Новосибирска специалисты микрон за микроном проверяли слой «абсолютного отражателя»; в этой неправдоподобно тонкой и вместе с тем самой прочной в мире броне могли оказаться микроскопические изъяны, которые привели бы экспедицию к мгновенной огненной гибели. Сам Краюхин приехал поглядеть, как с купола «Хиуса» сняли толстую титановую плиту и осторожно опустили в зарядные камеры фотонного реактора баллоны-капсулы со смесью жидкого трития и дейтерия. Затем плиту опустили на место и в тот же день затащили и укрепили над ней огромный контейнер с «Мальчиком».

— С этим дурацким ящиком на горбу, — досадливо сказала Вера Николаевна, — «Хиус» имеет какой-то доморощенный вид.

Ляхов со Спицыным и Крутиковым все эти дни проводил в рубке, где было сосредоточено управление планетолетом. Дауге и Юрковский занимались изучением новых данных о Венере, привезенных Ляховым, без конца спорили, составляли какие-то та-

инственные радиogramмы, несли их на подпись к Краюхину и потом на радиостанцию.

В самый разгар этой горячки Краюхин вызвал Быкова и поехал с ним на один из подземных складов на южной окраине города. В сухом и светлом помещении склада Быков увидел ящики с оружием.

— Знакомые штучки? — осведомился Краюхин.

Быков с недоумением посмотрел на него и нагнулся.

— Карабин-автомат образца семьдесят пятого года.

— А вот те?

— Реактивные ружья... пистолеты...

— Ну вот, выбирайте.

Быков понял:

— На всех?

— На всех... да возьмите и запасец.

Быков молча отобрал восемь новеньких карабинов, несколько десятков ручных гранат, лучевые пистолеты, финские ножи в светло-желтых кожаных чехлах.

— А патроны где? И капсюли для гранат?

— Есть патроны, капсюли и все, что хотите. Напишите начальнику склада, что вам нужно.

Они спустились этажом ниже.

— Это тоже для вас, — сказал Краюхин, указывая на цилиндрические предметы, тускло отсвечивающие воронеными боками.

— Атомные мины... — пробормотал Быков.

— Знаете?

— Как не знать...

— Возьмите десять комплектов. Прихватите десяток всяких прожекторных ракет.

Спустя два часа через город на полигон проехала машина, груженная тяжелыми пластмассовыми ящиками и десятью круглыми решетчатыми футлярами. Еще через два часа эти ящики и футляры при посильном участии и под личным наблюдением Быкова были погружены на «Хиус».

Наконец все было закончено. В течение одной ночи исчезли легкие и неуклюжие фермы, опутывавшие планетолет, шланги,

·краны и конвейеры. Ушли машины и трактора, уехали люди. На истоптанной, развороченной земле остались под морозящим дождем только обрывки проводов и тросов, куски фанеры, несколько забытых досок да вбитые в грязь клочья маслянистой упаковочной бумаги.

Краюхин в сопровождении Ермакова и начальника группы обслуживания облазил все помещения «Хиуса», все пересмотрел и перетрогал, придирчиво и подозрительно прислушался к мощному гулу включенных для пробы соленоидов, сделал несколько пустячных замечаний, слез на землю, вытер руки о край плаща и сказал:

— Пожалуй, все в порядке, Анатолий Борисович. Подписывайте акт.

Ермаков согласно наклонил голову. Начальник группы обслуживания облегченно вздохнул, потоптался, затем спросил, покашливая:

— Когда же старт, Николай Захарович? Завтра?

Но, как оказалось, оставались еще кое-какие формальности. В городе Краюхина срочно вызвали на радиостанцию, и, вернувшись оттуда, он сухо (так, по крайней мере, показалось Быкову) сообщил, что старт откладывается на утро послезавтра, а завтра прибывает комиссия.

— И вечером будет... э... торжественный обед. Можно без фраков.

Юрковский энергично пошевелил губами, Ермаков равнодушно зевнул, а Крутиков пожал плечами и снова углубился в какую-то книгу.

— Пойдем прогуляемся,— предложил Дауге Быкову.

Они вышли из гостиницы и не спеша направились вдоль улицы к полигону.

— Тосты, напыщенные речи,— сказал Иоганыч устало.— Терпеть этого не могу!

— Ну, знаешь...— Быков недовольно поглядел на него.— Такое событие все-таки...

— Да какое оно «такое»? Люди делают свое дело. Чего же тут экстраординарного? Ведь не назначается же специальная комиссия, скажем, для того, чтобы отметить отправление геологической экспедиции?

— Бывает, наверное, что и назначается.

— И напрасно. Это только на нервы действует.

— Не знаю, не знаю. Все-таки проявление внимания, так сказать... Люди идут на риск...

— Не хвастайся,— сказал Дауге строго. Быков сконфузился.— На риск... Думаешь, эти министерские понимают, что такое риск? Проявление внимания...— Дауге сплюнул.— Это же сплошная казенщина. И никакого чувства такта. Обязательно найдется какой-нибудь ишак, который будет превозносить до небес «аргонавтов вселенной», а заодно и самого себя за мудрое руководство упомянутыми аргонавтами.

— Гм...

— Причем, заметь, настоящие, ценные работники аппарата министерства сюда не поедут специально на проводы. Ни Кокорышкин, ни Привалов, ни Стручинский... Во-первых, они заняты по горло, во-вторых, они достаточно тактичны, в-третьих, отлично понимают, что это все комедия. Впрочем, это каждый понимает.

Некоторое время они шли молча. Быков спросил:

— Так почему же так делается?

— А черт его знает почему. Думаю, это еще с первых лет после революции... Тогда еще, наверное, нужно было воодушевлять людей, напомнить им об их долге, разъяснить им значение предстоящей работы... Вот с тех пор и повелось так, и не могут отказаться от дурацкого обычая. Ведь кому лучше нас понимать значение того, что делает сейчас с нашей помощью Краюхин? Вот увидишь, они будут делать вид, что только благодаря им... и так далее. А Краюхину потребовалось битых пять лет, чтобы отвоевать проекту «Хиуса» место под солнцем.

Дауге помолчал, затем добавил:

— Конечно, формально министерство должно иметь акт комиссии о состоянии «Хиуса» перед стартом. Но уж эти банкеты...

Быков не стал возражать. Спорить не хотелось, и кроме того он чувствовал, что Иоганыч во многом прав.

Они повернули назад, и тут он заметил, что встречные прохожие почтительно сторонятся их, давая им дорогу, а некоторые в знак приветствия прикладывают руку к головному убору. Он обратил на это внимание Дауге. Тот рассмеялся.

— Мы живем здесь уже месяц, и все в городе знают, кто мы такие. Знают они и то, что послезавтра мы... прыгнем.

Снова пошел дождь, и они поспешно вернулись в гостиницу. У входа в столовую Дауге остановился, попятился и толкнул Быкова локтем:

— Тихо!..

Столовая была освещена неярким вечерним солнцем. На диване, склонившись друг к другу, сидели Богдан Спицын и Вера Николаевна. Они молчали, глядя в окно, и лица их были так серьезны и необычайно грустны, что у Быкова сжалось сердце. Большая белая рука Богдана обнимала узкие, хрупкие плечи женщины. Дауге потянул Алексея за рукав, и они на цыпочках прошли на второй этаж.

— Вот, Алексей, как бывает...— проговорил Дауге.— Встречаются только на неделю, на две, и снова в разные стороны. Она старше его на пять лет... Любовь, ничего не поделаешь. Настоящая, большая любовь...

Он задумался. Быков осторожно спросил:

— Чего же они не поженятся?

— Что? Почему не поженятся? — не сразу отозвался Дауге.— Да при чем здесь это? Они встречаются раз, много — два раза в год, понимаешь?

— Понимаю,— пробормотал Быков, но затем сказал решительно: — Нет, ни черта не понимаю! Женились бы, жили бы вместе, вместе и летали...

— Вместе... Вместе им нельзя, Алексей. Они встречаются раз-два в год. Летать им вместе нельзя — ведь Богдан ходит в такие экспедиции, куда женщин не берут. Какая же это будет семья?

— Нет,— твердо сказал Быков,— могли бы как-то устроить, если бы захотели.

— Может быть, конечно. Может быть, они просто выдумали себе эту любовь?

— Ну вот ты...

— Я бы, Алексей...— голос Дауге дрогнул,— я бы жизнь за любимую женщину отдал! Я, друг мой, слабый человек.

На следующий день прилетели гости из Москвы. К удивлению и удовольствию Быкова, ужин прошел весело. Были речи (и не-

плохие, как показалось ему), и тосты (только шампанское), и пожелания, межпланетники держались чинно и благопристойно, вежливо вставали и кланялись и даже смеялись, когда кому-либо из гостей случалось сострить. Краюхин рассказал несколько комических эпизодов из раннего периода межпланетных сообщений, а Юрковский вдруг разразился стихами Багрицкого. Он прочитал своих любимых «Контрабандистов» и, когда смолкли аплодисменты, сказал грустно:

— Вот... сколько хороших стихов о море и морях, а о нас совсем нет. Сплошное «ты лети, моя ракета».

— Поэты знают море тысячи лет,— заметила Вера Николаевна,— а пространство они совсем еще не знают. Потерпи, Володя, будут отличные стихи и о нас.

Юрковский поцеловал ее руку:

— Терплю, Верочка. А пока у нас только и остается:

Как аргонавты в старину
Покинув отчий дом,
Поплыли мы,
Тирам-там-там,
За золотым руном.

Когда гости разошлись, Крутиков вздохнул и заметил:

— Слава богу, хорошо посидели. Только...

— Да,— кивнул Дауге.— В своем кругу прощальный обед был бы лучше.

Краюхин поднялся, с шумом отодвинул свое кресло.

— Прошу внимания, друзья мои,— сказал он.— Одну минуту внимания. Сейчас мы в своем кругу, и мне хочется сказать вам несколько слов. Алексей Петрович, налейте, пожалуйста, всем вина... По капле, Анатолий, не беспокойся... Вот так, благодарю вас. Друзья! Я здесь самый старый межпланетник... да. Страшно вспомнить, на каких гробах мы начинали дело! По сравнению с «Хиусом» это были колымаги, чтобы не сказать хуже. Но я не из тех самодовольных дураков, которые ворчат, что нынешней молодежи-де не в пример легче, чем было нам. Ибо я знаю, как сложна ваша задача. Задача всегда определяется средствами, и насколько мощнее ваши теперешние средства, настолько сложнее и ваша задача. Вам будет не легче, чем нам... и даже труднее, ибо

на вас больше ответственности. Друзья, если вам будет очень трудно, нестерпимо трудно, прошу вас, вспомните, для кого и во имя чего вы это делаете! Я знаю вас всех достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: если вы об этом вспомните, сил у вас будет больше. Ну... вот и все. За вас!

Он поднял свой бокал, выпил и быстро вышел из комнаты. Некоторое время все молчали. Затем поднялся Юрковский и сказал негромко:

— Что ж, аргонавты... за старика!

В этот вечер Быков долго не мог уснуть.

Он встал, зажег свет и сел за стол, уставясь на лампочку, и так сидел долго. Взгляд его упал на газету, которую он так и не удосужился просмотреть сегодня.

«Смелее внедрять высокочастотную вспышку» — передовая. «Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Дальневосточные подводные совхозы дадут государству сверх плана 30 миллионов тонн планктона», «Запуск новой ТЯЭС мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», «Гонки микровертолетов. Победитель — 15-летний школьник Вася Птицын», «На беговой дорожке 100-летние конькобежцы».

Быков листал газету, шелестя бумагой.

«Фестиваль стереофильмов стран Латинской Америки», «Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне», «С Марса сообщают...»

Быков просмотрел газету, подумал и, сложив, сунул в карман куртки. Это надо взять с собой. Это дыхание Земли, могучий пульс родной планеты, который хочется ощущать и в далеком рейсе. Символ... Алексей вздохнул и погасил свет.

Утро старта было ясное. В пять часов никто уже не спал, все собрались в гостиной, сидели или слонялись из угла в угол. За завтраком ели мало и неохотно, и Ермаков делал вид, что не замечает этого. Краухин и гости о чем-то переговаривались вполголоса. Подали машины. Несмотря на ранний час, улицы были полны людей. Никто не выкрикивал лозунги и приветствия, никто не подбегал с цветами, люди просто стояли и смотрели, но смот-

рели так, как смотрят на родных и близких, уходящих в далекий и опасный путь. Машины выехали за город.

И тут с Быковым произошло то, о чем он долго вспоминал потом с недоумением и стыдом. Какое-то странное оцепенение охватило его. Он как бы раздвоился и с безучастным любопытством смотрел на себя со стороны, не в силах сосредоточиться. Обрывки мыслей металась у него в голове, но ни за одну из них он не мог ухватиться и заставить себя вполне последовательно реагировать на то, что происходит вокруг. Они проехали мимо стартовых установок, и Быков долго и упорно старался представить себе, о чем думает ворона, сидящая на одной из них.

У капониров все стали прощаться. Быков машинально пожимал чьи-то руки, чувствуя на своем лице глуповатую застывшую улыбку и не имея сил согнать ее. Краюхин что-то сказал ему, они обнялись и поцеловались, и опять Алексей Петрович подумал только, что щека Краюхина очень холодная и очень шершавая. Он с готовностью кивал головой, когда ему что-то с жаром говорил председатель горсовета, похлопывая по плечу. Затем он на негнущихся деревянных ногах отошел в сторону и смотрел, как Спицын обнял Веру Николаевну, а она гладит ладонями его лицо. Дауге взял Алексея за руку и подвел к машине.

...Когда Быков поднял глаза, над ним уже громоздилась матово отсвечивающая выпуклая поверхность реакторного кольца. Наконец он понял, что мешало ему. В мозгу бессознательно, но отчетливо билась одна и та же мысль: «В последний раз. В последний раз». Он не мог вспомнить, когда это впервые пришло ему в голову, но теперь отделаться от этих слов было невозможно.

— По местам! — крикнул Ермаков неестественно резким голосом.

Быков оглянулся. Машины, которые подвезли их к «Хиусу», уже уехали. Кругом расстилалась ровная пустынная тундра.

— Алексей Петрович, не задерживайтесь!

«Последние шаги по Земле», — со странным любопытством прислушиваясь к себе, подумал он, подходя к гибкому металлическому трапу. «Последний глоток земного воздуха», — думал он, ухватившись за край люка. Кто-то — кажется, Юровский — сердито оттолкнул его и попросил быть осторожнее. «Последний

взгляд на голубое небо...» Люк со звоном захлопнулся. Тогда он понял, что боится. Просто-напросто трусит. Он сразу успокоился и пошел вслед за Дауге в кают-компанию. Они расселись в креслах — Быков, Дауге и Юрковский — и молча пристегнулись широкими эластичными ремнями. Ермаков, Спицын и Крутиков были, вероятно, в рубке. Быков посмотрел на Юрковского. Лицо Юрковского было сердитое, на носу виднелось желтоватое пятно. «Здорово все-таки я его тогда...» — подумал Быков с мимолетным раскаянием.

— Приготовиться! — раздался из невидимого репродуктора высокий и звонкий голос Ермакова.

Наступила мертвая тишина. На мгновение Быков почувствовал тошноту и слабость. Огромным усилием воли он подавил отвратительное ощущение беспомощности и покосился на Дауге. Тот сосредоточенно смотрел прямо перед собой.

— Старт!

Громовой гул донесся откуда-то снизу. Все вдруг сдвинулось. Сиденье кресла мягко навалилось на тело. Быков изо всех сил зажмурил глаза и увидел разноцветные круги. Гул усилился, стал тише и наконец затих. Наступила тишина. Быков осторожно приподнял веки и повернулся к Дауге.

— Боли больше не будет, — ясным, веселым голосом сказал Дауге. — Старт дан.

Юрковский вдруг яростно хлопнул себя по лбу.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Дауге.

— Дьяволыщина!.. Я забыл электробритву в гостинице и, кажется, не выключил ее!

Быков с некоторым трудом принял сидячее положение, крепко потер ладонями виски и облегченно вздохнул.

Часть вторая

ПРОСТРАНСТВО И ЛЮДИ

КРАЮХИН

К вечеру погода испортилась. Со стороны океана потянуло ледяным холодом, над тундрой тяжело заворочались плотные волны серого тумана. Небо заволокли низкие тучи. Стало сумрачно, почти темно.

В кабинете начальника Главной радиостанции Седьмого полигона было тепло и светло. У стола в низком кресле, уткнув в грудь подбородок, дремал Краюхин. Его ноги в испачканных подсохшей глиной ботинках были неловко вытянуты, большие узловатые руки тяжело лежали на подлокотниках кресла. Над дверью звонко шелкали часы, отсчитывая минуты, и каждый щелчок вызывал судорожное подергивание покатым плеч сидевшего. Нетронутый чай в стакане с никелированным подстаканником остывал на тумбочке видеофона. В полуоткрытую дверь заглянул дежурный, постоял в нерешительности, затем подошел на цыпочках и положил перед ним пачку радиogramм.

— Что нового? — сипло проговорил Краюхин.

Дежурный вздрогнул:

— Э-э... ничего. Тринадцать минут назад «Хиус» передал, что все в порядке.

— Телевизионную связь наладили?

— Никак нет, Николай Захарович, не удается пока.

Краюхин долго молчал (дежурный несколько раз переступил с ноги на ногу и покашлял), затем сказал:

— Так нового ничего, говоришь?

— Никак нет, ничего.

— Ладно...

Он покосился на радиogramмы и снова закрыл глаза. Сердце ныло тупой, тягучей болью, ломило левое плечо. Вытянутые ноги затекли, но двигаться не хотелось. Все же он заставил себя снять руку с подлокотника и взять стакан. Чай показался до тошноты приторным. «Это все нервы,— сказал он себе.— Нервы и старость». До сих пор он не знал, что такое нервы. Врачи говорили, что ему вредно волноваться. Он только посмеивался. Ему казалось, что он никогда не волновался... До сегодняшнего дня...

Сегодня, 18 августа 19.. года, ровно в 5.00 по московскому времени, началось то, к чему он готовился полтора десятка лет. Старт первой фотонной ракеты ознаменовал новую эру в истории межпланетных сообщений. И этим же стартом закончилась для него, Краюхина, возможность непосредственно влиять на дальнейший ход событий. Полтора десятка лет исканий, борьбы, огромного напряжения... И вот чем все это закончилось: он сидит, прислушиваясь к тоскливым осенним звукам, к однообразному дробному стуку дождевых капель в оконные стекла, бульканью струек, стекающих с крыши, к тонкому завыванию ветра. Шестеро отборных людей на борту самого совершенного в мире планетолета взяли у него эстафетную палочку и двинулись дальше, к осуществлению его заветной мечты. А он остался, сразу ослабевший и согнувшийся. И ждет, ждет, ждет...

На мгновение он ощутил острую жалость к себе и зависть к ним, молодым, но сейчас же забыл об этом, потому что главным чувством, оттеснившим на задний план все другие чувства и мысли, был страх за этих людей. Ну хорошо... Пробный рейс «Хиуса» прошел благополучно. Кажется, до тонкости изучены процессы в титановом кожухе фотореактора... Инженер может с абсолютной точностью указать, что происходит там в любую миллиардную долю секунды, и предвидеть, что произойдет в последующие доли. Учтено все: чудовищные температуры, чудовищные скорости,

чудовищные давления и напряжения. Но ведь не по злему року взорвался несчастный Петросян!

Краюхин с трудом проглотил несколько ложек чая. Горло пересохло, глаза резало. Телом овладевал противный озноб. По стеклу блестящими полосами струилась вода.

— Мерзость, — пробормотал он, зябко втягивая голову в плечи.

Неудача экспедиции была бы катастрофой дела всей жизни... Именно теперь, когда многие еще не верят в «Хиус», когда еще не улеглась шумиха, поднятая «осторожными» вокруг внезапного взрыва первого «Хиуса». Тогда казалось, что идея фотонного привода дискредитирована надолго... быть может, навсегда. Помнится, какие-то мерзавцы дошли до того, что уговорили несчастную мать Петросяна подать на него в суд. Только вмешательство правительственной комиссии заставило замолчать маловеров, примазавшихся к великому делу.

Нет, ему нельзя жаловаться. Он потребовал огромных средств — дали, даже больше, чем он смел надеяться. Он потребовал убрать работников, которых считал вредными или ненужными, — а среди них были люди с большими заслугами в прошлом, — их убрали. Он бесстрашно экспериментировал, и ему верили. Вероятно, была в нем огромная сила, непоколебимая убежденность. Впрочем, важно, конечно, было и то, что ему все удавалось. Краюхин — первый исследователь двух больших планет и нескольких лун, строитель пяти крупнейших искусственных спутников, воспитатель и кумир трех поколений самых отважных в мире межпланетников... И теперь Краюхин фактически во главе самого мощного межпланетного флота. Это были трудные успехи, трудные победы. Позади — погибшие товарищи, часы нестерпимого отчаяния и ужаса, боль невознаградимых потерь... триумфы, мгновения огромного счастья, ослепляющей гордости... Но оглядываться назад было нельзя. Нужно было торопиться. Великий народ доверил ему лучших своих детей и первоклассную технику и за это доверие требовал победить пространство со всеми сокровищами и тайнами. Под силу ли ему, Краюхину, дать народу эту победу? Да, если «Хиус» возвратится с удачей, тогда никто больше не посмеет поднять голос против фотонной ракеты. Нет, если...

Краюхин встал и, разминая ноги, прошелся из угла в угол.

— Так не годится, — сказал он громко. — Я гадаю, как старая баба. «Если, если»...

Дело здесь не в случайности. Многие пионеры межпланетных перелетов сложили свои головы в ледяной пустыне, и никто тогда не говорил, что это конец, что дальше идти нельзя. Если бы речь шла о ракете старого привычного типа, и, особенно, если бы Краюхин не имел к этому отношения, целый ряд неудач не значил бы ничего. Но у него другое дело, и у «Хиуса» другая история. Слишком много в министерстве людей, которые с радостью используют даже самую маленькую неприятность с новым планетолетом, чтобы указать на Краюхина пальцем и залаять напребой: «Мы ему говорили! Мы предупреждали!»

В сущности, он прекрасно знал, что никто и ничто на свете уже не сможет остановить бурное развитие фотонной техники. С того мгновения, когда были получены первые крупинки «абсолютного отражателя», участь старых импульсных ракет была решена. Теперь пространство будет только отступать. Огрызаясь, выхватывая новые жертвы... но только отступать. Оно снимет свои межевые знаки сначала в Солнечной системе, а затем (кто знает... может быть, это произойдет еще при жизни Краюхина) и в межзвездных пустынях.

Но как сильна инертность мысли! Как и все новое, новый принцип межпланетного транспорта с первых же минут обрел немало противников — тех, кто возлежал на старых лаврах и не хотел идти дальше, кто всю жизнь свою посвятил доказательству невозможности практического осуществления фотонного привода, кто сначала, с маху, охаял нововведение, а потом не нашел в себе смелости признать свою неправоту, и просто тех, кто искренне не хотел рисковать людьми и государственными средствами... Их было много, гораздо больше, чем этого хотелось Краюхину и его соратникам, и он всегда ломал их сопротивление. Они кричали: «Беспочвенная фантазия! Дело отдаленного будущего!» Требовали, чтобы он отчитался за десятки сгоревших моделей, а он поднял за атмосферу и провел вокруг Земли беспилотный «Змей Горыныч». Они пытались использовать против него гибель первого «Хиуса», но это им тоже не удалось. Второй «Хиус» дал старт. Может быть, Краю-

хин допустил ошибку, дав «Хиусу» такое головоломное задание? Может быть, следовало сначала использовать фотонную ракету в обычных рейсах, привыкнуть к ней, сделать ее распространенным и надежным видом транспорта? Может быть... Но сколько времени отняло бы это? А сокровища Голконды ждут. И только «Хиус» даст человеку возможность овладеть ими.

Краюхин снова опустился в кресло и застыл, обхватив плечи руками. Его знобило, и он подумал, что болезненное состояние вызвано таким непривычным для него пассивным ожиданием и беспокойством. Было бы во сто крат лучше, если бы он сам повел эту экспедицию. Но его, конечно, не пустили бы. Да и кому он нужен был бы там, на самой страшной планете в Солнечной системе, со своими выжженными легкими, искусственным желудком, изношенным сердцем? Только одним он мог бы помочь: своим огромным опытом, хладнокровием и осмотрительностью. Умением отступать... Нынешняя молодежь забыла это умение, а оно стоит всякого другого. Эти шестеро молоды, они нетерпеливы и горячи. Они бесстрашны и лишены драгоценного дара осторожности. Они не пожалеют своих жизней, забыв или не поняв, какой огромный вред нанесут своей славной гибелью великому делу покорения пространства. Никакие Голконды не возместят этого вреда. Никто не узнает, что произошло под белой пеленой, скрывающей лицо неприступной планеты, все будет отнесено за счет несовершенств «Хиуса», проекты и расчеты останутся в пыли архивов, и на многие годы вернется эпоха старых импульсных ракет.

Об этом лучше не думать. Да и нет оснований не доверять этой шестерке.

Ермаков... Умный, хладнокровный, всегда спокойный Анатолий Ермаков. Пожалуй, он единственный, кто наиболее близок к пониманию истинного положения вещей. Во всяком случае, он достаточно опытен, чтобы оценить значение термоядерной ракеты для межпланетных сообщений. Да это и неудивительно. Вся его жизнь прошла под наблюдением и руководством Краюхина. Краюхин водил его в первый рейс. Краюхину он поверял свои замыслы, порой казавшиеся фантастическими по размаху и смело-

сти. Краюхину он подражал в ненависти к застою и рутине, у него учился понимать людей, в нем видел пример беззаветного служения родине. И все же... Он идет на Венеру, как солдат на штурм, и не задумываясь ляжет грудью на амбразуру, чтобы отомстить за все — за страшную, бессмысленную гибель жены, за огненную смерть товарищей.

Но даже он не видит за покоренной Венерой покоренную Вселенную...

И для Дауге, способного геолога-радиоактивщика, самым заманчивым представляются сказочные богатства Урановой Голконды. Вероятно, он чувствует себя в положении заядлого охотника, долгое время вынужденного пробавляться скудными подачками пригородной природы и вдруг получившего приглашение в заповедный лес, полный дичи. Правда, у него еще остается Маша Юрковская... Но он — геолог до мозга костей и поэтому, конечно, не может позволить себе слишком остро переживать семейные невзгоды.

Для Юрковского, удачливого геолога-разведчика, перелет означает прежде всего новый рекорд и новые ощущения. Его не очень прельщают слава и почет — он открыто издевался над иными пилотами, опьяневшими от внимания и забот, которыми их окружала благодарная страна. Он принимал участие в самых рискованных экспедициях, но портреты его редко появлялись в газетах и на телеэкранах. Он любит опасность за высокое ощущение победы над ней. Он наслаждается ею, как гурман ароматом изысканного блюда. Правда, он стыдливо скрывает эту маленькую слабость, которую Краюхин как-то назвал «отрыжкой монтекристовщины самого дурного толка». Романтик... Жаль, что он не принимает, не жалуется Быкова, которого в припадке кастовой спеси обвиняет и в тупости, и в ограниченности, и в отсутствии воображения. Вся беда именно в избытке воображения у Юрковского...

Богдан Спицын... Он искренне не понимает, как можно интересоваться чем-либо, кроме вождения межпланетных кораблей. Теперь, когда стеснявшие его путы прежних принципов космогачии разорваны, он чувствует себя настоящим хозяином пространства. Смешной паренек! Кроме пространства и пульта управле-

ния, для него существует только Вера, милая, нежная Вера, единственная женщина в мире и, как он думает, единственный человек, понимающий его до конца. Но и тут он верен себе. Пожалуй, он похож на рыцаря, когда ведет корабль и думает, что делает это в честь своей дамы...

А Михаил Антонович Крутиков — просто лучший штурман в стране, только и всего. Добродушный, мягкий, любитель товарищеских вечеринок и торжественных собраний, на которые является со всей семьей — с женой и двумя ребятишками, превосходный математик, предложивший несколько принципиально новых методов ускоренного решения сложнейших задач космонавтики. Он с одинаковым удовольствием позирует перед объективами кинокорреспондентов и возится дни напролет с детьми. Он никогда не отказывался ни от самого мелкого, незаметного дела, ни от внезапного предложения отправиться в самый головоломный рейс. Если бы не Краухин, мягкого и уступчивого Михаила Антоновича всегда отправляли бы в скучные и опасные рейсы в пояс астероидов. А сейчас штурман занимает привычное место рядом с давним своим другом Спицыным и простодушно восторгается этим.

И Алексей Быков... Краухин улыбнулся, вспомнив кирпично-красное лицо, маленькие, близко посаженные глазки, облезлую лиловатую шишку носа, жесткую щетину, торчащую вперед над вогнутым лбом. Не красавец, не Юрковский, конечно... И по части стихов не очень силен... Зато прекрасный инженер-практик. И какая быстрая реакция! Вспомнить только происшествие у колючей изгороди, испытательный пробег... Для Алексея Петровича экспедиция на Венеру — лишь весьма странная и неожиданная командировка, оторвавшая его — временно, конечно, — от привычной работы в глуши азиатских песков. Приятная возможность показать во всем блеске свое мастерство первоклассного водителя и инженера-ядерника и дорогая сердцу простого, хорошего человека возможность похвастать когда-либо в кругу друзей участием в межпланетном перелете. С другой стороны, вполне понятный и уместный у неискушенного страх перед грозными и величественными тайнами внеземного. Это очень хорошо, что он в экспедиции.

Вся шестерка в целом — отличная «сборная». Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они коммунисты, люди чести и дела. А слабости и недостатки... Что ж, достоинства этих шестерых чудесно дополняют друг друга, и он, Краюхин, справедливо гордится умением подбирать людей.

И, закрыв глаза, Краюхин снова и снова вызывает в памяти лица и поступки Ермакова, пилотов, геологов, «специалиста по пустыням». И все же...

Ах, если бы жизнь оставила Человека один на один с Пространством, если бы не путались под ногами трусы, нытики, маловеры, на которых уходит столько энергии! Жирные от постоянного сидения в роскошно обставленных кабинетах и тощие от страха и зависти, от вечного беспокойства за теплое местечко, со слабенькими, умильными улыбками или с откровенной ненавистью, они нашептывают, критиканствуют, взывают к здравому смыслу, осмеивают... мешают, гадят везде, где только возможно, сеют панику и неверие. С каким наслаждением Краюхин вышвырнул бы их всех из окон самого верхнего этажа министерства! А ведь среди них есть и те, кто были когда-то его близкими друзьями и помощниками... были, черт их подери!

Когда дежурный снова вошел в кабинет, Краюхин взглянул на него с таким гневом, что молодой человек остановился как вкопанный и растерянно заморгал. Но Краюхин уже пришел в себя.

— Что у вас? — спросил он.

— Радиограмма из комитета, Николай Захарович.

— Ну?

— Запрашивают о «Хиусе».

— Сообщите, что все... что пока все благополучно.

— Слушаюсь. Но...

— Что?

— Ваша подпись...

— Давайте.

Краюхин торопливо расписался и бросил ручку.

— Телевизионная связь?

Дежурный виновато развел руками.

— Ладно, ступайте.

Он вспомнил свою напутственную речь на прощальном обеде. Да, пожалуй, он говорил не совсем то, что хотел. Но ведь не мог же он выпалить: «Если погибнете, все пропало...», или что-нибудь в этом роде. А может быть, так и нужно было?

Он, шатаясь, поднялся на ноги. Ясно, он болен. Ему очень жарко, и в то же время знобит. Хорошо бы спросить чего-нибудь горячего... Он протянул руку к видеофону. В то же мгновение послышались торопливые шаги, полуоткрытая дверь распахнулась настежь, и веселый, улыбающийся дежурный крикнул:

— Николай Захарович! Есть связь! Ермаков просит вас к экрану!

— Иду,— сказал Краухин, но еще минуту постоял, опираясь о стол, глядя куда-то поверх головы дежурного. «Ермакова надо предупредить,— вертелось у него в голове,— Ермакова обязательно нужно предупредить. Но сумею ли я?»

Дежурный тревожно-вопросительно взглянул на него, и он словно очнулся.

— Пойдемте.

В большом зале телевизионной связи белые трубки ослепительно освещали несколько креслиц перед высоким стендом с круглым серебристым экраном. Краухин прищурился, вынул темные очки.

— Включайте,— сказал он и подошел к экрану.

Дежурный встал у пульта. На экране замелькали серые тени, и вскоре из зеленоватой пустоты выплыло серьезное лицо Ермакова. Краухин мельком подумал о том, что радиоволнам требуются уже секунды, чтобы донести до Земли это изображение.

— Здравствуй, мальчуган! — сказал он.— Как ты меня видишь?

— Отлично, Николай Захарович.

— Все благополучно?

— Полчаса назад вышли на прямой курс. Впервые в жизни иду в пространстве по прямой. Но пришлось много повозиться, пока выписывали траекторию первого этапа. Электронные курсовычислители действительно придется усовершенствовать. Крутиков сейчас свалился и спит как убитый. Скорость — пятьдесят

километров в секунду, фотореактор работает спокойно, температура зеркала — практически ноль, радиация — обычный фон.

— Что команда?

— Отлично.

— Быков?

— Держится хорошо. Удручен тем, что не имеет возможности посмотреть на Землю.

— А ты покажи ему.

— Слушаюсь.

— Как прошел старт?

— Великолепно. Юрковский разочарован. Он говорит, что такой старт и ребенка не разбудил бы.

— За это тебе нужно благодарить Богдана. Дело мастера боится.

— Конечно, Николай Захарович.

Они помолчали, вглядываясь друг в друга через разделяющие их миллионы километров.

— Ну... а ты сам?

— Не беспокойтесь, Николай Захарович.

Ермаков ответил быстро. Слишком быстро, словно он ждал этого вопроса.

Краюхин нахмурился.

— Дежурный! — резко окликнул он.

— Слушаю вас.

— Выйдите из зала на десять минут.

Дежурный поспешно ретировался, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Не беспокойтесь, — повторил Ермаков.

— Я не беспокоюсь, — медленно проговорил Краюхин. — Я, брат, просто боюсь.

Глаза Ермакова сузились:

— Бойтесь? Что-нибудь случилось?

Как объяснить ему? Краюхин снял очки и, зажмурившись, стал протирать их носовым платком.

— В общем, прошу тебя: будь осторожен. Так... Особенно там, на Венере. Ты не мальчишка и должен понимать. Если будет очень трудно или опасно, плюнь и отступи. Сейчас все решает не Голконда.

Он говорил и чувствовал: Анатолий не понимает. Но не поврачивался язык прямо сказать ему: «Сведи риск к минимуму. Главное сейчас — благополучно вернуться. Если с вами что-нибудь случится, от фотонных ракет придется отказаться надолго». Он всегда считал, что межпланетников нужно держать подальше от борьбы мнений в комитете. Ему казалось, что это может подорвать их доверие к руководителям.

— Береженого бог бережет,— продолжал он, с ужасом чувствуя, что говорит бессвязно и неубедительно.— Зря не рискуй...

— Если будет трудно или если будет опасно?

Это был Ермаков, Толя Ермаков, с молоком матери всосавший презрение к околичностям и недомолвкам. Ему было стыдно за Краюхина и жалко его. И он был встревожен. Он нагнулся к экрану, вглядываясь в лицо Краюхина. Тот поспешно откинулся назад. Несколько секунд длилась неловкая пауза.

— Вот что,— сказал Краюхин, стараясь побороть страшную слабость,— слушай, что тебе говорят, товарищ Ермаков. Я не собираюсь состязаться с тобой в остроумии. Так...

— Слушаюсь,— тихо ответил Ермаков.— Я не буду рисковать. Я буду считать, что основная задача экспедиции — это сберечь корабль и людей. Я сберегу корабль. Но ведь их я не смогу удержать...

— Ты — командир.

— Я командир. Но у каждого из них есть своя голова и свое сердце. Они не поймут меня, и я не знаю, сумею ли заставить их отступить. У меня нет вашего авторитета.

— Ты меня не понял...

— Я понял вас, Николай Захарович. И по вашему приказу я готов поступиться всем, даже честью. Но поступятся ли они?

Ясные глаза Ермакова глядели Краюхину прямо в мозг. Они понимали. Они все понимали.

— Я могу только догадываться, что у вас на уме...

Краюхин опустил тяжелую голову и хрипло сказал:

— Ладно, поступай как знаешь. Видно, ничего не поделаешь. У меня вся надежда на твое благоразумие. А теперь прости, я пойду. Я, кажется, приболел немного...

— Вам надо отдохнуть, Николай Захарович.

— Надо... Проверять радиоавтоматику. Точно по расписанию, через каждые полчаса мы должны получать автоматические сигналы «Хиуса». Через каждые два часа — твое личное донесение. Не опаздывать ни на секунду!

— Слушаюсь.

— Ну, прощай. Я пошел.

Он встал и заплетающимися шагами устремился к выходу. Пол под ним качался, становился дыбом. «Надо успеть...» — подумал он и рухнул лицом вниз в черную пропасть...

Краюхин очнулся в теплой постели у себя в номере. Светило солнце. Тумбочка у изголовья была уставлена пузырьками из разноцветных пластиков и коробочками. Доктор и Вера, оба в белых халатах, сидели рядом и глядели на него.

— Время? — спросил он, еле ворочая непослушным языком.

— Двенадцать-пять, — поспешно отозвалась Вера.

— Число?

— Двадцатое.

— Третьи... сутки...

Вера кивнула головой. Он встревожился, попытался приподняться.

— «Хиус»?

— Все хорошо, Николай Захарович. — Доктор осторожно придержал его за плечи. — Лежите спокойно.

— Только что звонили с радиостанции, — сказала Вера, — все благополучно.

— Хорошо, — пробормотал Краюхин. — Очень хорошо...

Доктор приложил один из пузырьков к его плечу. Раздалось шипение, и лекарство всосалось под кожу. Краюхин закрыл глаза. Затем отчетливо сказал:

— Передайте Ермакову. Все, что я говорил, не считается. Это паника. Болезнь...

— Бредит, — прошептала Вера.

Он хотел сказать, что это не бред, но заснул.

Проснулся он ночью и сразу почувствовал, что ему лучше. Вера накормила его бульоном и сухарями, напоила горячим настоем из индийских трав.

— Включите радиogramмы, — потребовал он.

— Нужно отдыхать,— возразила Вера.

— А я говорю — включите!

Она послушно включила магнитофон. Он слушал рассеянно, глядя в чистый белый потолок, думая о том, что «Хиус», вероятно, уже начал торможение. Незаметно он снова уснул.

Следующие сутки прошли спокойно. Краухин быстро поправлялся. Доктор разрешил поставить у постели видеофон, телеэкран и пускать посетителей. До позднего вечера с радиостанции поступали пленки с сигналами «Хиуса» и донесениями Ермакова. Приходили и уходили инженеры, мастера, начальники служб. После ужина Краухин просмотрел газеты, включил стереоскопическую телепрограмму Москвы, поговорил с Верой и Ляховым и, привычно усталый, а потому окончательно успокоившийся, улегся спать.

Утром в комнату вбежала Вера, бледная, с растрепавшимися волосами, и слишком громко, как ему показалось, выкрикнула:

— «Хиус» не подает сигналов! Ночью замолчал... замолчал... и... и... вот молчит уже пять часов...

Она схватилась руками за щеки и горько, навзрыд заплакала.

КОСМИЧЕСКАЯ АТАКА

«...Либо ввали романисты и газетчики, либо наш перелет не типичен. В нем нет ничего «межпланетного». Все буднично и обыкновенно. И вместе с тем... Но это самое «вместе с тем» относится уже к области чувств и переживаний. Если обратиться к фактам, то просто трудно представить себе, что находишься на борту космического корабля и что наш планетолет с гигантской скоростью несется к Солнцу. Сейчас, когда я пишу эти строки, Юрковский и Иоганыч в кают-компании возятся над картой полушарий Венеры — так они называют два круга на бумажном листе, на которых нанесены цепочки красных и синих кружков и небольшие пятнышки, заштрихованные зеленым. Юрковский объяснил, что красные — это горные вершины, достоверно известные; синие — гипотетические или замеченные всего два или три раза; зеленые пятна отмечают места, где были зарегистрированы мощные магнитные аномалии. И большая черная клякса —

Голконда. Это все. Воистину загадочная планета! Над этой картой наши астрогеологи сидят часами, сверяя что-то со своими записями и переругиваясь вполголоса, пока Ермаков не выйдет из рубки обедать и не прогонит их со стола. Крутиков сейчас на вахте, Богдан в соседней каюте читает, свернувшись в три погибели на откидной койке. Пристегнуться не забыл — видимо, привычка. Что касается Ермакова, то он заперся у себя и не выходит вот уже второй час. Но о нем разговор особый...»

«...Итак, за истекшие сутки никаких происшествий не случилось. Пилотам и электронно-счетным машинам пришлось много потрудиться, прежде чем планетолет был выведен на так называемый прямой курс и взял прямое направление к точке встречи. Для этого Ермаков и Михаил Антонович еще на Земле рассчитали какую-то «дьявольскую кривую», трехмерную спираль, следуя по которой, планетолет гасил инерции орбитального и вращательного движения Земли и выходил в плоскость орбиты Венеры. Крутиков после сказал, что электронный курсовычислитель «Хиуса» оказался не совсем на высоте положения. Мы — Юрковский, Дауге и я — сидели в это время в кают-компании и прислушивались к легким толчкам. Но амортизационные устройства кресел — чудесные, и дальше чувства легкой тошноты мои страдания не пошли. Затем я приготовил обед. У нас обильные запасы готовых обедов в термоконсервах, но есть и «живое» мясо в пластмассовых баках, стерилизованное гамма-лучами, и изрядное количество овощей и фруктов. Я решил блеснуть. Все хвалили. Но Юрковский сказал: «Хорошо, что у нас теперь есть, по крайней мере, порядочный повар», — и я разозлился. Ермаков, впрочем, заметил Юрковскому:

«Зато к вашей стряпне, Владимир Сергеевич, подход возможен только с наветренной стороны».

«Пробовали?» — с любопытством спросил Дауге.

«Краюхин предупредил».

Короче говоря, мне придется ходить в коках до конца перелета. С удовольствием! Но «пижон» обидно посмеивается. В конце концов, плевать мне на гусара-одиначку!

Однако все это мелочи. Есть три беспокоящих обстоятельства: первое — встреча с метеоритом, второе — вид на пространство и

третье — самое главное — разговор с Ермаковым. Расскажу обо всем по порядку.

Нам не так повезло, как Ляхову во время испытательного перелета. Очень скоро после старта «Хиус» встретился с метеоритом. Конечно, если бы не Ермаков, никто из нас не заметил бы этого. Просто вдруг пол провалился под ногами и замерло сердце, как во время спуска на скоростном лифте. Оказывается, пространство вокруг «Хиуса» непрерывно прощупывается ультракоротковолновым локатором. Если в опасной близости появляется метеорит, счетно-решающее устройство по отраженным импульсам автоматически определяет его траекторию и скорость, сопоставляет эти данные со скоростью и путем планетолета и подает соответствующие сигналы на управление. Совершенно автоматически планетолет либо замедляет, либо ускоряет движение и пропускает метеорит перед собой или обгоняет его. Встреча с метеоритом, оказывается, совсем не редкое и весьма опасное событие. Противометеоритное устройство «Хиуса» пока выручает...»

«...Несмотря на спокойствие товарищей и весьма обыденную обстановку, когда все спокойно работают, отдыхают, читают, спорят, я все же испытываю смутное беспокойство. Дауге сказал, что у новичков такое состояние не редкость, что это «инстинктивное чувство пространства», вроде морской болезни для непривычных к морю. Не согласен! Какое может быть «чувство пространства» у человека, который это пространство и в глаза не видел? Ведь на «Хиусе» нет иллюминаторов, и единственное наблюдательное устройство находится в рубке, куда входить не пилотам категорически воспрещается. Но, пока я раздумывал над этим вопросом, для меня было сделано исключение, причем в таких обстоятельствах, которые усугубили мою тревогу. Произошло это так.

Несколько часов назад радиостанция Седьмого полигона установила с нами телевизионную связь. Краухин потребовал Ермакова для переговоров. О чем они говорили, никто не знал, потому что Ермаков тотчас отослал из рубки Богдана, стоявшего тогда на вахте, и плотно задраил за ним дверь. Разговор был недолгим. Скоро Ермаков вышел и молча спустился в свою каюту.

Дауге и Юрковский пустились было в веселые догадки, но Богдан резко их оборвал. Через два часа пришла очередь Ермакова заступать на вахту. Проходя в рубку управления, он приказал мне явиться к нему. Общему удивлению не было предела, все странно посмотрели на меня. Я понимаю. Действительно, всем могло показаться, что у Ермакова с Краухиным речь шла о моей персоне. Я и сам так подумал, признаться, и очень встревожился. В рубке было жарко, через титановый кожух доносился гул фотореактора. Ермаков, не глядя мне в лицо, спросил, хочу ли я увидеть Землю.

«Вы, кажется, мечтали об этом, Алексей Петрович?..»

Сердце у меня противно екнуло, и губы сразу стали сухими. Не прибавив ни слова, Ермаков подвел меня к прибору, похожему на большой холодильник, с двумя окулярами наверху. Он предложил взглянуть в окуляры. Глазам моим открылась круглая черная пропасть, окаймленная по краям слабыми лиловыми вспышками. В бездонной глубине виднелись мириады ярких и тусклых точек, в центре отчетливо выделялся светящийся крест, а правее и выше его я увидел шарик теплого зеленого тона с яркой звездочкой возле него. Это были Земля и Луна...

«Сейчас перед вами нижнее полушарие небесной сферы,— проговорил Ермаков.— Свечение по краям — это отражение термоядерных взрывов в фокусе зеркала из “абсолютного отражателя”».

Я, конечно, сразу успокоился: нелепо думать, что меня «высадят» с корабля и отправят обратно на Землю.

Ничего грандиозного в открывшемся зрелище я не нашел. Почти то же можно видеть в ашхабадском планетарии, и я сказал Ермакову об этом. Он кивнул.

«Разумеется, ведь это только электронное изображение. Оно служит для проверки точности счисления курса. Светлый крест посередине отмечает точку пересечения оси нашего движения с небесной сферой».

Я осведомился, на каком расстоянии от Земли сейчас находится «Хиус».

«Около тридцати миллионов километров... Хотите посмотреть вперед?»

Он повернул выключатель, и в поле зрения вспыхнул яркий желтый диск. Его пересекал крест, а вокруг в черной пустоте дрожали звезды.

«Солнце,— проговорил Ермаков.— А вправо от него — видите? — Венера. К тому моменту, когда «Хиус» придет к ее орбите, она тоже будет в точке встречи».

Он выключил устройство, предложил мне сесть и мельком взглянул на доски приборов, усеянные множеством циферблатов и циферблатиков, разноцветных глазков и стрелок. После этого начал разговор. Постараюсь передать его слово в слово.

Лицо Ермакова было, как всегда, спокойно; но темные круги под глазами и угрюмая складка на лбу показывали, что случилось что-то не совсем обычное.

«Скажите, Алексей Петрович,— начал он, глядя на меня в упор,— как вы рассматриваете свое положение в экспедиции?»

«В каком смысле?» — снова встревожился я.

«В смысле субординации... подчинения, например».

Я подумал и ответил, что привык в работе выполнять приказы того, в чьем непосредственном служебном подчинении нахожусь.

«То есть?»

«В данном случае я ваш подчиненный, Анатолий Борисович».

Он, помолчав, спросил:

«А если вы имеете два взаимно исключающих друг друга приказа?»

«Выполняется последний по времени».

Я старался говорить спокойно, но, признаться, у меня мурашки пошли по телу от этого разговора, и я стал делать самые глупые предположения и строить заранее план действий на случай, если Ермакову вздумается поднять черный флаг и начать пиратствовать на межпланетных коммуникациях.

А он допытывался:

«Значит, если мой приказ будет противоречить приказу председателя Госкомитета, вы повинуетесь мне?»

«Да...— Тут я, кажется, с самым дурацким видом облизнул губы и добавил: — Мы не в армии, но я выполняю любое ваше приказание, если оно не будет противоречить интересам нашего государства... и партии, конечно. Я коммунист».

Он засмеялся.

«Только не воображайте, что я заговорщик. И не думайте, что я сомневаюсь в вашей готовности выполнять мои приказания. Просто мне хочется знать, какой линии поведения вы будете придерживаться, если обстоятельства принудят нас нарушить приказ комитета. Очень рад, что нашел в вас дисциплинированного и знающего службу человека».

Я тоже был рад, честное слово, стоило только мне перехватить его уверенный, твердый, как железо, взгляд.

«Все же хотелось бы знать...» — рискнул спросить я.

«Объясню... Вернее, намекну, вы поймете. Дело в том, что не столько от выполнения задач экспедиции, сколько от успешного возвращения «Хиуса» зависит очень многое. Слишком многое, и мы, возможно, не будем вправе подвергать себя большому риску в поисках и исследованиях Голконды, даже для выполнения прямого приказа комитета...»

Он кивнул мне и проводил к выходу. Действительно, здесь есть над чем подумать. Держи ухо востро, Алексей Быков! Ничего не понимаю. Впрочем, Краюхин и Ермаков — не такие люди, чтобы чего-либо испугаться... Таким для отступления нужно очень много мужества... В чем же дело?»

Поставив точку и аккуратно сложив тетрадь в потертую полевую сумку, Быков отправился в кают-компанию. Там были Юрковский, Дауге и Спицын. Иоганыч ползал по карте Венеры, а Юрковский вел со Спицыным ожесточенную полемику, смысла которой Быков сначала не уловил. Ему показалось, что речь идет о вещах, недоступных его пониманию, потому что спорившие оперировали формулировками из арсенала тензорного исчисления и то и дело обрушивали друг на друга цитаты из классиков, что, впрочем, как-то не вносило особой ясности. Но некоторые замечания были очень интересны и необычны, и уже через несколько минут он сидел в кресле у книжного шкафа и жадно слушал, почти забыв о своих тревогах.

— Ты с таким подходом неизбежно ввалишься в болото ньютонианства, дружок, — говорил Юрковский. — Ведь это все рав-

но, что утверждать абсолютность пространства. Чему тебя только учили!

— Выводы Лоренца...

— И столько фактов, столько фактов! А ты осмеливаешься отвергать это! И когда! Почти через сто лет после создания теории относительности...

— Выводы Лоренца я не собираюсь оспаривать, — сказал Богдан. — И не воображай себя единственным последователем и хранителем идей старика Эйнштейна. Я хочу сказать, что...

— Послушаем, послушаем!

— А именно: при нынешнем состоянии техники нам далеко еще до практического столкновения со следствиями теории относительности... в нашем деле, конечно.

— Ах вот как!

— Да, вот так.

— Далеко?

— Далеко. Пространство для межпланетника есть пространство. Однородная пустота.

— Если не считать метеоритов, — не поднимая головы, встал Дауге.

— Да, пустота! Я летаю около десяти лет, и ни разу что-то мне не пришлось делать в расчетах поправок на теорию относительности.

Они помолчали, глядя друг на друга, словно петухи перед дракой.

— А скажи, пожалуйста, — вкрадчиво спросил Юрковский, — слушал ли ты отчет экспедиции к Вэйяну?

— Куда?

— К Вэйяну... Не слушал? И впервые слышишь это название? Ты мне жалок, Богдан!

— А что это такое, в самом деле? — спросил Дауге.

— Вэйян — это крошечная планетка, орбита которой находится внутри орбиты Меркурия. Среднее ее расстояние от Солнца около десяти миллионов километров. Ее открыли три года назад китайские товарищи и назвали Вэйян — «Телохранитель Солнца» или что-то вроде этого. Из-за близости к Солнцу она с большой скоростью испаряется и, надо думать, через сотню лет

совсем сойдет на нет... Так ты действительно не слышал о ней? — снова обратился Юрковский к Богдану.

Тот покачал головой.

— Тогда слушай то, что рассказывал нам в прошлом году Федя. И ты будешь посрамлен, приготовься! Потому что Федя, участвовавший в этой экспедиции, говорил: «На таком расстоянии от Солнца нельзя было пренебрегать всякими неизвестными еще каверзами, какие может выкинуть мощное поле тяготения». А каверзы были и чуть не стоили экспедиции жизни. Вот так-то...

— Ладно, ты рассказывай.

— Слушай. Лу Ши-эру не удалось подобраться к этой планетке вплотную, но орбиту ее он вычислил достаточно точно. И вот первая неожиданность: наши обнаружили планетку совсем не там, где ей полагалось быть по расчетам Лу Ши-эра.

— Лу ошибся,— проворчал Богдан.

— Допустим. Чтобы не изжариться, командир оборудовал планетолет зеркальным экраном. Сначала все было хорошо. Планетку нашли и устремились в ее тень. Она очень мала — яйцо-видная глыба кристаллического железа в несколько десятков километров в диаметре. Вращается быстро и не успевает остывать, но наши надеялись провести наблюдения, укрывшись за ней от Солнца. Но не тут-то было... — Юрковский сделал эффектную паузу и торжествующе взглянул на Спицына. — Чем ближе планетолет подходил к Солнцу, тем сильнее давали себя знать новые и странные явления. Солнце меняло цвет, оно темнело и становилось красным, его видимые размеры росли гораздо быстрее, чем этого требовали законы перспективы. Наконец... — снова торжествующий взгляд в сторону Спицына, — оно стало греть и светить сразу с двух сторон! Тени не было. Федор говорил, что это страшно. Планетолет почти касался раскаленной поверхности Вэйяна, но тени не было! Солнце, огромное, пышущее нестерпимым жаром, будто обступило планетолет со всех сторон. Там, где ему не полагалось быть, с противоположной стороны, так же жарко и тускло светилось багровое пятно, заслонившее все небо...

— Мираж,— нерешительно предположил Богдан.

— Мираж в пустоте! Мираж, который обжигает и испускает потоки протонов! Ну хорошо, положим. А то, что все гироскопические устройства на планетолете вышли из строя,— это тоже мираж? А то, что все хронометры, в том числе и обыкновенные ручные часы, отстали, как оказалось после возвращения, ровно на двадцать три минуты каждый,— это тоже мираж?

Богдан молчал.

— И чем же все это объясняется? — не вытерпел Быков.

— Разумеется, тем, что поле тяготения в такой близости от Солнца исковеркало, изменило «абсолюты» пространства и времени. Тебе остается только одно утешение.— Юрковский картинно протянул к Богдану руку.— Все эти явления не могут быть объяснены даже эйнштейновской теорией. Но факт остается фактом: пространство — это не «просто пространство», о котором ты так легкомысленно разглагольствовал перед нами полчаса назад. Порукой тому седые волосы Феди, которому удалось увести планетолет от Вэйяна только после пятой или шестой попытки.

Юрковский замолчал и стал, посвистывая, ходить по кают-компании; Быков напряженно думал, что могли означать странные слова «тяготение изменило время и пространство». Но едва он собрался задать вопрос, как Дауге, уже с минуту иронически поглядывавший на Юрковского, положил конец дискуссии:

— Владимир, хватит болтать! Накрывай на стол и зови Анатолия Борисовича. Пора ужинать.

После ужина за столом остались все, кроме Крутикова, ставшего на вахту. Ермаков, чуть заспанный, но, как всегда, гладко причесанный и подтянутый, сидел над маленькой чашкой тонкого фарфора и с удовольствием смаковал горячий кофе. Богдан и Юрковский, по обыкновению, пересмеивались, вспоминая какие-то смешные случаи из их студенческой жизни. Дауге серьезно и сосредоточенно составлял какой-то фантастический напиток по меньшей мере из десяти различных фруктовых соков. Мягкий матовый свет озарял каюту, все было устойчиво, уютно, спокойно, и Быков в сотый раз подумал о том, как не вяжется такая обстановка с мыслью о металлическом ящике, с бешеной скоростью поглощающем миллионы километров черной пустоты.

— О чем задумался, Алексей? — спросил Дауге.

Быков виновато улыбнулся:

— Так, понимаешь... мысли! Вот сидим, чай распиваем... Я совсем не так себе это представлял.

— Да как ты это вообще представлять мог? — Иоганыч комически изумился. — Ах, по книжкам? По газетным очеркам?

— Хотя бы...

Юрковский напыщенно изрек:

— Героические межпланетники отважно преодолевали все трудности опасного перелета, мужественно шагая навстречу опасности...

— Да... вроде этого. И, кроме того, я ожидал невесомости и всяческих новых ощущений.

— Да побойся бога...

— Нет-нет, я знаю, что в корабле, движущемся с постоянным ускорением, невесомости быть не может. Но все-таки это было разочарованием.

Богдан и Дауге расхохотались.

— Поверьте, Алексей Петрович, — серьезно сказал Юрковский, — без невесомости гораздо удобнее. Вам ведь посчастливилось. А вот, помнится, тому назад лет шесть совершали мы рейс на Луну. И с нами отправился — тоже в свой первый рейс, заметьте, — некий специалист. Только не по пустыням, а по селенографии. Много времени он писал о Луне, изучал Луну, спорил о Луне, а на Луне никогда до того не был. Боялся лететь. Но... так уж устроена наша жизнь...

— Это ты про Глузкина? — спросил Дауге.

— Про него, про Глузкина, — усмехнулся Юрковский. — Так вот, стартовали мы. Летим. Выключили реактор, освободили пассажиров из амортизационных ящиков. Все им было сверхинтересно — невесомость, понимаете ли, новые ощущения и прочее. Этот Глузкин тоже радуется, хотя и бледен немного. Часа через два подбирается он ко мне и спрашивает: «Где здесь умывальная комната, товарищ?» А я, видите ли, забыл, что он новичок. «Идите, — говорю, — по коридору, последняя дверь направо». И ничего больше не объяснил. Он, сердешный друг, и отправился.

Теперь улыбались все: Дауге, Богдан и даже Ермаков. Быков слушал насупясь.

— Ну, заперся там, как полагается,— продолжал Юрковский.— Проходит пять, десять минут, четверть часа — нет его! Потом появляется... весь мокрый с ног до головы. Ругается, водяные пузыри вокруг него целым облаком летают... Мы все кто куда прятаться. Включили на полную мощность вентиляторы, насилу очистили коридор. Ругался селенограф — спасу не было! До сих пор краснею, когда вспоминаю. А ведь там с нами были женщины. Вот что иногда невесомость учиняет, Алексей Петрович! — торжественно заключил Юрковский.

— Да, в общем, невесомость — удовольствие ниже среднего,— подтвердил Дауге, когда смех утих.— Пока научишься, как себя вести, намучаешься изрядно...

— Я помню,— сказал Богдан,— как один товарищ...

— Погодите-ка,— прервал его Ермаков.

Тонкий, едва слышный звук доносился сверху, то стихая, то усиливаясь волнообразно, словно писк комара в лагерной палатке. И Быков увидел, как медленно сошла краска с окаменевшего лица Ермакова, как внезапно до синевы побледнел Дауге, широко раскрыл глаза Спицын, а на скулах Юрковского выступили желваки. Все смотрели куда-то поверх его головы. Он обернулся. Под самым потолком, в складках стеганой кожи обивки, разгорался, пульсируя, красноватый огонек. Кто-то хрипло чертыхнулся и вскочил. С сухим стуком упал стакан, по скатерти расплзлось красное пятно. И в то же мгновение оглушительный звон заполнил кают-компанию. Потолок, лица, руки, белая скатерть — все озарилось зловещим малиновым блеском.

— Излучение! — проревел над самым ухом чей-то незнакомый голос.

Быков как замороженный глядел на судорожно вспыхивающую красную лампочку-индикатор, похожую на палец, торчащий из стены. «Дзанн, дзан, дзззанн!» — надрывался сигнальный звонок. Дверь распахнулась, на пороге появился Крутиков.

— Излучение! — крикнул он.

Осунувшееся лицо его было покрыто потом. Ермаков спокойно проговорил, едва разжимая белые губы:

— Видим и слышим.

— Почему, откуда? — пробормотал Богдан.

Юрковский пожал плечами:

— Праздный вопрос.

— Не праздный, не праздный! — словно задыхаясь, торопливо сказал Дауге. — Может быть, еще можно закрыться...

— Спецкостюмы?

— А хотя бы и спецкостюмы!

— Ерунда, — убежденно сказал Богдан. — Ведь пробило оболочку и защитный слой...

«Дзанн, дзззанн, дзан...»

— От этого не закроешься, — прошептал Крутиков.

Дауге криво улыбнулся.

— Так, — сказал он. — Что ж, будем ждать.

Крутиков с какой-то чопорной торжественностью поднял упавший стакан и уселся между Ермаковым и Быковым.

— Рентген сто, не меньше, — заметил Юрковский.

— Больше, — отозвался Богдан.

— Сто пятьдесят. Кто больше? — Дауге взял со стола чайную ложку и стал сгибать ее трясущимися пальцами. — Честное слово, я чувствую, как в меня врезаются протоны!

— Интересно, долго это будет продолжаться? — проворчал Юрковский шурясь, глядя на лампу-индикатор.

— Если больше пяти минут, нам труба...

— Прошло две минуты, — объявил негромко Ермаков.

Крутиков поправил воротник комбинезона, захлестнул раскрывшуюся «молнию» на груди и полез в карман за трубкой.

«Дзанн, дзззанн, дзан...»

— Они сидели под ливнем смерти и слушали очаровательную музыку, — сказал Юрковский. — Слушайте, нельзя ли выключить этот проклятый трезвон? Я не привык умирать в таких условиях.

«Дзанн, дзззанн, дзан...»

Дауге наконец сломал ложечку и швырнул обломки на стол. Все устали на них.

— Первая жертва лучевой атаки, — сказал Юрковский. — Иоганыч, будь другом, засунь руки в карманы...

Быков зажмурился. Пять минут — и конец? И, главное, ничего не поделаешь, ни-че-го...

И вдруг звон прекратился. Красный глазок индикатора погас. Тишина. Долго сидели они молча, не смея шевельнуться, слиш-ком ошеломленные, чтобы радоваться. Наконец Ермаков прого-ворил, обращаясь к Юрковскому:

— Все-таки вы фат, Владимир Сергеевич. Позер...

Дауге нервно рассмеялся. На Крутикова напала икота, и он, морщась, потянулся за сифоном с содовой.

— Виноват, Анатолий Борисович! Какось, есть немножко,— сказал Юрковский.— В юности блистал в театральной самодея-тельности...— Он потянулся, хрустнув суставами.— Будем на-деяться, что обойдется без последствий. У меня и без того на те-кущем счету целая куча этих рентгенов.

Быков очумело вертел головой.

— Неужели всего две минуты? — спросил он.

— Что ж, товарищи,— глухо проговорил Ермаков вставая.— Будем считать инцидент исчерпанным. Теперь — немедленно за проверку внутренней защиты!

— Надо же! Ведь такие вещи раз в десять лет бывают! — про-басил Крутиков.— Кстати, чем же это вызвано, по-вашему?

— Ясно даже и ежу: космические лучи,— ответил Юрковский.

— Отлично, если так. Я, грешным делом, подумал, что кожух фотореактора лопнул.

Богдан посмотрел на часы:

— Мне на вахту, Анатолий Борисович. И время подавать сиг-налы на Землю. Будем сообщать?

— Нет! — сухо отрезал Ермаков.— Незачем зря волновать людей. Подавайте обычное «все благополучно». И еще: сейчас прошу всех по очереди в медпункт для прививок и дезактивации. Дауге — первый. А потом — проверять и проверять защиту.

— Но пока можно позволить себе кружечку кофе! — весело заметил Крутиков.— Э-э, да он совсем остыл! Алеша, будь дру-гом, включи...

— И все же героическим межпланетникам приходится муже-ственно преодолевать трудности,— сказал Быков, взглянув на Юрковского.

Тот беспечно рассмеялся:

— Не трудности, дорогой Алексей Петрович, а всего-навсего страх смерти. Трудности будут еще впереди. Это я вам гарантирую, как говорил Краухин.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Загадка космической атаки объяснилась через несколько часов. В ответ на осторожный запрос Ермакова была получена выписка из сводки Крымской актинографической обсерватории, и из выписки этой явствовало, что как раз в те минуты, когда экипаж «Хиуса» готовился к гибели от смертоносного излучения, на Солнце наблюдалось мощное извержение раскаленных газов — явление, вообще говоря, вовсе не редкое и достаточно хорошо изученное. Плотная струя ядер атомов водорода — протонов — с колоссальной скоростью устремилась в пространство и «окатила» планетолет, оказавшийся на ее пути.

Лишь часть протонов прошла через панцирь из легированного титана, усиленный слоем «абсолютного отражателя», но они образовали в его толще бесчисленные источники чрезвычайно жесткого гамма-излучения, для которого преград практически не существовало. Гамма-лучи и воздействовали на индикаторы и сигнальные устройства и едва не погубили экспедицию в самом начале ее пути.

Это было гораздо опаснее встречи с метеоритом. Продлись протонная бомбардировка хотя бы четверть часа — и на «Хиусе» не осталось бы ни одного живого человека. Даже менее продолжительное гамма-излучение такой жесткости могло принести экипажу много серьезных неприятностей: кое-кто из старых межпланетников, уже подвергавшихся в прошлом лучевым ударам, неминуемо заболел бы. К счастью, в распоряжении Ермакова были новейшие препараты, предоставленные в свое время комитету одним из биофизических научно-исследовательских институтов. Введенные в организм, они полностью или почти полностью ликвидировали последствия не слишком тяжелых радиоактивных поражений.

— Я слышал о таких историях,— заметил Богдан, когда Ермаков зачитал радиограмму.— Кажется, именно так погиб лет пятнадцать назад один немецкий космотанкер. Но, если взрывы на Солнце — не редкость, почему нам так редко приходится сталкиваться с этими протонными фонтанами?

— Очень просто,— отозвался Юрковский.— Я бы сказал, достаточно странно, что с ними вообще приходится сталкиваться. Протонный поток распространяется весьма узким пучком, и вероятность попасть в него ничтожна.

— Нам просто повезло,— вздохнул Дауге.— Омерзительное состояние, когда тебя вот так запросто убивают, а ты ничего не можешь сделать. И потом... я вообще терпеть не могу уколов, а от этих вдобавок сильно болит поясница.

— И даже спецкостюмы не могли бы помочь? — поинтересовался Быков.

— Какие там спецкостюмы!..— Дауге махнул рукой.— От этого, Алексей, никакие костюмы не спасут. Энергии в миллионы электроновольт! Но, к счастью, все позади...

— Пока еще не все,— сказал Ермаков.

— А что такое?

— В рубке до сих пор мигают индикаторы.

Юрковский живо обернулся к нему:

— Мигают?

Ермаков кивнул.

— Мигают, черт бы их взял,— подтвердил Богдан.

— Сильно?

— Да нет, этак на одну сотую рентгена. Но все-таки мигают...

— Значит, извержение еще не прекратилось... А ведь мы летим как раз около оси протонного пучка...— Дауге с озабоченным видом замолчал.

— Никуда не годится! — Юрковский с видом учителя, уличившего ученика в ошибке, покачал головой.— Солнце вращается, и место извержения давно переместилось в сторону. Нет, здесь что-то другое...

— Наведенная радиация,— сказал Ермаков.

— Ну конечно! — обрадовался Дауге.— Этого и следовало ожидать. Под воздействием протонной бомбардировки часть ато-

мов в толще стен «Хиуса» стала радиоактивной, только и всего...

— Хорошенькое «только и всего»! С этим будет такая возня...

— Не думаю,— возразил Спицын.— Ведь радиация не очень сильная, допустимую дозу не превышает.

— Хорошо еще, что сверху нас прикрыл «Мальчик»,— осмелился вставить свое слово Быков.

— Да, «Мальчик»...— Ермаков подумал.— Ведь «Мальчик» тоже может оказаться зараженным. Это было бы неприятно.

— Сделаем вылазку, проверим? — предложил Юрковский.

— Только после того как повернемся зеркалом к Солнцу. Примерно через двое суток.

— Подумать только,— проговорил Дауге, который, видимо, все еще осмысливал пережитое,— если бы эта гадость длилась еще несколько минут, все было бы кончено! «Хиус» с мертвым экипажем!

— И через пятьдесят часов мы раскаленным облаком врезаемся в Солнце...

— Такие похороны не снились ни одному викингу! — торжественно сказал Юрковский.— Иногда мне чертовски жаль, что я не поэт...

— Лучше уж без похорон,— заметил Михаил Антонович.— Мне кажется, что, как ни увлекательна эта перспектива, нам следует сначала выполнить свою задачу.

— Мертвый планетолет с мертвым экипажем...— Богдан посмотрел на Ермакова.— Такие уже есть, не так ли, Анатолий Борисович?

— Межпланетные «Летучие голландцы»...

— Что с ними случилось? — с понятным любопытством осведомился Быков.

— Разные причины... Болезни, вывезенные с других планет, такие же вот вспышки на Солнце...

Разговор этот происходил в кают-компании. Юрковский сидел верхом на стуле, положив локти на его спинку, и поглядывал на собеседников красивыми блестящими глазами. Дауге ходил из угла в угол, останавливаясь время от времени у стола, чтобы взять из вазы ломтик засахаренного лимона и побрякать, поглаживая поясницу. Спицын и Быков устроились на диване. Ермаков, только

что сменившийся с вахты, сидел в кресле у книжного шкафа, а Михаил Антонович, собравшийся в рубку, стоял в дверях.

— Да, это ужасная штука,— вздохнул Дауге.— Планетолет с экипажем мертвецов...

— Гм...— Ермаков взглянул на часы, затем на Михаила Антоновича.— Иногда это, несомненно, случалось потому, что пилоты слишком полагались на точность автоматического управления.

Михаил Антонович запыхался от смущения, кашлянул и поспешно вышел. Юрковский рассмеялся, скаля белые зубы:

— Пойдем-ка и мы, Иоганыч, работать, а то ты ненароком все конфеты слопаешь.

— Зависть все,— покачал головой Дауге.— Зависть и жадность. У меня после инъекции болит поясница, понял? Неужели нельзя человеку немного утешиться? Ладно, идем. К тебе?

— И я, пожалуй, пойду, посплю перед вахтой,— сказал Богдан.— Ты не пойдешь, Алексей Петрович?

— Нет, посижу здесь,читаю.

Юрковский, Богдан и Дауге ушли, и Быков углубился в растрепанный сборник статей по радионаведению в астронавтике.

Жизнь на планетолете шла своим чередом. Ермаков вел наблюдение за работой фотонной техники и разрабатывал совместно со штурманом какую-то проблему новой космогации; геологи в сотый раз пересматривали программу исследовательских работ на Голконде; Быков читал книги по астрономии; Богдан Спицын все свободное время возился с радиоаппаратурой.

Однажды Богдан позвал всех к рубке.

— Слушайте! — сказал он, счастливо улыбаясь.— Говорит Марс, Песчаная Бухта. Это для нас.

«...очень недолго,— говорил высокий веселый женский голос.— И вот в долине, закрытой от холодных бурь отрогами Среднего Хребта, мы обнаружили мелководные озера и обширные луга, словно из детской сказки. Ах, товарищи, если бы вы знали, какая это красота! Вы поднимаетесь на вершину холма и видите: лиловая гладь озера, неподвижная, как зеркало, необыкновенный ковер высоких оранжевых трав и огромных ярко-зеленых цветов,

и над всем этим — темно-фиолетовое небо. Нам хотелось сорвать с себя скафандры...»

Быков видел, как на лицах товарищей восторг и радость борются с недоверием, губы их сами собой раздвигаются в счастливые улыбки, глаза загораются мягкими теплыми огоньками.

— Это Марс! — прошептал Дауге. — Ребята, подумайте, это Марс, мертвый Марс!

«...Мы назвали эту долину «Долиной Хиуса», в вашу честь. Мы не можем поднести вам воды из ее озер, цветов с ее полей, мы не можем, к сожалению, даже показать вам ее, но пусть она носит имя вашего корабля, отважные друзья наши! Вот... Одну минуту... Нам пора заканчивать. До свидания, желаем вам всем удачи — тебе, Анатолий Ермаков, тебе, Владимир Юрковский, тебе, Михаил Крутиков, тебе, Богдан Спицын, тебе, Григорий Дауге, и тебе, Алексей Быков...»

В этот день за обедом Юрковский, Дауге и Спицын долго говорили, перебивая друг друга, о своих походах на Марсе.

Прошло пятьдесят пять часов полета, и Ермаков объявил, что наступило время повернуть «Хиус» зеркалом к Солнцу и начать торможение. Скорость планетолета к этому моменту достигала тысячи двухсот километров в секунду. В течение последующих сорока часов «Хиус» должен был двигаться с отрицательным ускорением относительно Солнца, чтобы прийти к месту встречи с Венерой с нулевой скоростью.

Все это Дауге торопливо объяснил Быкову, пока они готовили кают-компанию к повороту: задраивали книжный шкаф и буфет, убирали все, что могло падать и сдвигаться с места. Затем по команде из рубки все прикрепились к креслам ремнями.

Быков ждал ощущений, похожих на те, которые ему пришлось испытать во время пробега «Мальчика», но все обошлось гораздо проще. Благодаря необыкновенному искусству Спицына планетолет перевернулся плавно, быстро. Секундное состояние невесомости прошло почти незамеченным. Сидевшим в кают-компании показалось только, что пол под ними взмыл вбок, на мгновение остался в вертикальном положении и снова плавно встал на свое место.

«Хиус» мчался к Солнцу реакторными кольцами вперед, фотонный реактор действовал по-прежнему, придавая ему постоянное ускорение в 10 метров в секунду за секунду, но теперь скорость планетолета относительно Солнца непрерывно уменьшалась. После обеда Быков напомнил Ермакову о необходимости проверить «Мальчика» на радиоактивность.

— Кроме того,— добавил он,— хоть у нас и нет оснований сомневаться в прочности крепления контейнера к корпусу «Хиуса», все же не грех поглядеть, не нарушилось ли что-нибудь во время поворота. Надо пойти и посмотреть.

— Давно пора,— проворчал Юрковский.

— Пойти посмотреть? — Ермаков прищурился.— Не думаю, что это так просто...

— Но ведь мы... я не раз выходил наружу во время прежних рейсов,— вступил в разговор Юрковский.

— Во время прежних рейсов — пожалуй. А сейчас речь идет о том, чтобы выйти из планетолета,двигающегося ускоренно.

— Мм... — Юрковский закусил губу, соображая.

— Представляете себе, что произойдет с вами, если вы сорветесь? — продолжал Ермаков.

— «Хиус» улетает прочь, а ты попадаешь чуть ли не в фокус, где взрывается плазма,— сказал Дауге.

Быков решительно шагнул вперед.

— Анатолий Борисович, позвольте мне,— проговорил он.— «Мальчик» — мое хозяйство, и я за него отвечаю.

— Статья восемнадцатая «Инструкции межпланетного пилота»: «Воспрещается во время рейса выпускать пассажиров за борт корабля», — быстро процитировал Юрковский.

— Так. Таков закон,— кивнул Дауге.

— Я не пассажир! — возразил Быков, негодуяще оглядываясь на него.

— Нет, ты пассажир. И я тоже. Все, кроме пилотов... и командира, конечно, — пассажиры.

— Одну минуту,— сказал Ермаков.— Алексей Петрович, я действительно не имею права выпустить вас наружу. Практики, опыта не хватает... Мало того, если бы даже и имел, то все равно не выпустил бы: в случае несчастья никто не сможет заменить вас на «Мальчике».

— И риск лишиться такого повара... — лицемерно вздохнул Юрковский.

Быков холодно взглянул на «пижона», но не ответил и снова уставился на Ермакова.

— Фотореактор мы выключим, так что риска тут никакого не будет, — продолжал тот. (Лицо Юрковского вытянулось.) — Что же касается ответственности, то здесь на корабле за все — и за команду, и за груз — отвечаю я. Так что дело не в этом. Спицын сейчас на вахте, Крутиков собирается отдыхать. Впрочем, Михаила Антоновича тоже вряд ли стоит посылать. Он слишком... грузен для такого дела.

— Кгхм, — произнес Крутиков, заливаясь краской.

— Значит, я? — с улыбкой сказал «пижон».

— Вы тоже пассажир, — проворчал Быков.

— Владимир Сергеевич действительно прошел специальную школу и напрактиковался во время перелетов, — заключил Ермаков. — Итак, я или Владимир Сергеевич...

— Статья шестнадцатая, — сейчас же сказал Дауге. — «Командиру корабля запрещается выходить за борт во время рейса».

— Так, таков закон! — воскликнул со смехом Юрковский и вышел.

Быков угрюмо опустил голову и отошел в сторону.

— Не огорчайся, Алексей! — Дауге хлопнул его по плечу. — Ведь здесь, мой друг, не только и не столько смелость нужна, сколько сноровка.

— Не велика хитрость.

— Ну хорошо. А о вакуум-скафандре ты имеешь представление?

— О чем?

— О вакуум-скафандре. О костюме для работы в безвоздушном пространстве.

— А разве в спецкостюме нельзя?

— Что ты, Алексей! Тебя в нем так раздует, что ты не сможешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Ты видел раздутый спецкостюм в кабинете Краюхина?

Быков вздохнул:

— Видно, не судьба... Очень уж хотелось посмотреть на это ваше «пространство» в натуре.

— Ничего, Алексей Петрович! — Ермаков неожиданно мягко взглянул на него. — Пространство в натуре вы еще увидите.

Вернулся Юрковский, сгибаясь под тяжестью двух объемистых серых тюков.

— Может быть, не будем выключать фотореактор? — спросил он, ловко распаковывая их и извлекая прозрачный цилиндр, вдвоенные баллоны и еще какие-то приспособления.

— Обязательно выключим. Вот кстати, Алексей Петрович, сейчас вы познакомитесь с миром без тяжести. Советую не покидать кают-компания и не делать резких движений.

— Не понимаю...

— Как только выключат фотореактор, ускорение исчезнет, планетолет станет двигаться равномерно, а раз ускорения нет — нет и тяжести.

— Вот оно что! — Лицо Быкова просветлело, и он потерял руки. — Очень интересно... А то, знаете, обидно даже: был в межпланетном перелете и не испытал...

— Готово! — объявил Юрковский.

Он стоял в дверях, закованный с ног до шеи в странный панцирь из гибких металлических колец, похожий на чудовищное членистоногое с человеческой головой. Цилиндрический прозрачный шлем-колпак он держал под мышкой. Быкову уже приходилось видеть межпланетный скафандр на фотографиях и в кино, но он не удержался и обошел вокруг Юрковского, с любопытством оглядывая его.

— Пошли, — коротко приказал Ермаков.

Быков уселся в кресло и молча проводил взглядом товарищей.

Топот ног в коридоре затих, послышался тихий звон закрываемой двери. Дауге крикнул: «Куда трос крепить, Анатолий Борисович?» Затем все стихло.

— Внимание! — раздался в репродукторе голос Спицына.

В ту же минуту Быков почувствовал, что его мягко поднимают в воздух. Он судорожно вцепился в ручки кресла. Что-то тонко засвистело, по планетолету пронесся холодный ветерок. Быков шумно вздохнул. Ничего страшного как будто не произошло. Тогда он осторожно разжал пальцы и выпрямился.

Когда через четверть часа Дауге, Михаил Антонович и покрытый белой изморозью Юрковский, цепляясь за специальные лее-

ра на кожаной обивке стен, вернулись в кают-компанию, Быков, красный, потный и взволнованный, висел в воздухе вниз головой над креслом и тщетно пытался дотянуться до него хотя бы кончиками пальцев.

Увидев это, Юрковский восторженно взвыл, выпустил леер из рук, стукнулся головой о потолок и снова выпорхнул в коридор. Дауге и Михаил Антонович, давясь от хохота, подползли под мрачно улыбающегося водителя «Мальчика» и стянули его на пол.

— Как... тебе показался... мир без тяжести? — всхлипнул Дауге. — Ис... испытал?

— Испытал, — кротко ответил Быков.

— Внимание! — рявкнул репродуктор.

Когда вновь был включен фотореактор и все пришло в порядок, Юрковский рассказал о результатах своей вылазки. Контейнер с «Мальчиком» излучает, но не сильно, едва заметно. Крепления не пострадали — по крайней мере, наружные, — что, собственно, и было самым важным, и сам контейнер не сдвинулся ни на сантиметр.

— Серп Венеры виден простым глазом. А небо... Какая величественная красота! «Открылась бездна, звезд полна! Звездам числа нет, бездне — дна!» — продекламировал Юрковский. — Можно подумать, Михаила Ломоносов побывал в пространстве... Вокруг Солнца — корона, как жемчужное облако! Ну скажите же мне, почему я не поэт? — Юрковский встал в позу и начал: — «Бездна черная...»

— «Бездна жгучая», — серьезно добавил Богдан Спицын, забежавший с вахты глотнуть кофе.

Юрковский поглядел на него с отсутствующим выражением и начал снова:

Бездна черная крылья раскинула,
Звезды — капли сверкающих слез...

...Э-э-э... как там будет дальше?

— Отринула, — предложил Богдан.

— Молчи, презренный...

— Ну, накинула...

— Подожди... минутку...

Бездны черные, бездны чужие,
Звезды — капли сверкающих слез...
Где просторы пустынь ледяные...

— Там теперь задымил паровоз,— закончил Богдан самым лирическим тоном.

И никто не проронил ни слова о злосчастном приключении Быкова в мире невесомости. В планетолете снова воцарились покой, тишина, обычная, почти земная жизнь.

Быков и Дауге сидели в кают-компании за шахматами, когда вошел озабоченный Крутиков.

— Слыхали новость, ребята?

Быков вопросительно взглянул на него, а Дауге, покусывая ноготь, спросил рассеянно:

— Что там еще случилось?

— Связи нет.

— С кем?

— Ни с кем нет. Ни с Землей, ни с «Циолковским».

— Почему?

Крутиков пожал плечами, запустил руку в буфет и достал вафлю.

— И давно нет связи?

— Больше часа.— Крутиков с хрустом раскусил вафлю.— Ермаков с Богданом все перепробовали. Шарили на всех волнах. Пусто, хоть шаром покати. И что удивительно — обычно всегда наткнешься на чей-нибудь разговор. А сейчас на всем диапазоне мертвая тишина, словно на морском дне. Ни единого звука, ни единого разряда.

— Может быть, аппаратура испортилась? — предположил Дауге.

— Все три комплекта сразу? Вряд ли.

— Или антенны не в порядке?

Штурман пожал плечами. Дауге пробормотал: «Опять не все слава богу», — и смешал фигуры.

— Где Володька?

— У себя, наверное...

Быков тронул Михаила Антоновича за рукав:

— Может быть, разладился только прием, и они нас слышат?

— Все может быть. Но вообще — весьма странно. Вдруг ни с того ни с сего отказали все радиоустановки сразу. Никогда еще такого не бывало. Правда, Ляхов предупреждал... Но... это, понимаешь, как-то тревожно... неуютно как-то...

Быков с симпатией посмотрел на его доброе круглое лицо с маленькими грустными глазками.

— Да... я понимаю, Михаил Антонович.

Действительно, стало очень неуютно. Смутное предчувствие несчастья овладело Быковым. Может быть, потому, что всякая, даже ничтожнейшая неприятность на межпланетном корабле представлялась ему большой бедой. Но и Крутиков, по-видимому, испытывал нечто подобное, а уж его никак нельзя было заподозрить в мнительности новичка.

— Не вешайте носа, друзья! — с наигранной веселостью воскликнул Дауге. — Пока ничего страшного не случилось, не правда ли? Ну, временно потеряна по каким-то причинам связь. Но двигатели в порядке, продовольствия достаточно, «Хиус» идет по курсу...

Крутиков вздохнул. И опять Быков понял его. Для них, детей Земли, связь была единственной живой, осязаемой ниточкой, протянувшейся к ним с родной планеты. И обрыв этой животворной ниточки, даже временный, действовал угнетающе. Быков вдруг каждой своей кровинкой ощутил глухое, невероятное одиночество «Хиуса». Десятки и сотни миллионов километров безмолвной пустоты свинцом легли на плечи, отрезали от других миров и от матерински теплой, родной Земли. Десятки и сотни миллионов километров ледяной пустоты... Эти невообразимые пропасти — вовсе не «ничто». Нет, они живут какой-то своей особой и непонятной жизнью, по каким-то непостижимым законам, сложные, коварные...

Быков взглянул на Дауге, рассеяннo перебиравшего шахматные фигурки, и ему стало стыдно. Достаточно того, что он струсил тогда, перед стартом. Ведь самое страшное, что может произойти... Да почему что-нибудь вообще должно произойти?

— Новые шалости нашего возлюбленного пространства, — сказал, входя, Юрковский. — Как вам это нравится?

— Совсем не нравится, — буркнул Дауге. — Перестань паясничать! Надоело... На Земле Краюхин с ума сойдет.

— Ну, за старика бояться нечего! Голова у него покрепче, чем у нас с тобой. Мне кажется, связь исчезла потому, что участок пространства, где мы сейчас находимся, так или иначе непроходим для радиоволн. Объяснить не берусь, но... Во всяком случае, на радиоаппаратуру сваливать нечего. И тем более на антенны.

— Фантазер! — вздохнул Михаил Антонович.

— Видал? — Юрковский указал на него пальцем. — Что ни пилот, то консерватор и скептик. Ничем их не проймешь. Даже фактами.

— Ну где ты видел, чтобы пустота не проводила радиоволн?

— До сегодняшнего дня — нигде. А Ляхов видел. И я сейчас вижу, достопочтенный скептик. Тебя даже фактами не проймешь.

— Видишь?

— Вижу.

— Шиш ты видишь, Владимир Сергеевич!

— Я вижу шиш? — с подчеркнутой вежливостью спросил Юрковский.

— Ага.

Юрковский повернулся на каблуках и пошел из каюты. На пороге он остановился:

— Рекомендую всем присутствующим подняться к входу в рубку. Вам, возможно, удастся услышать кое-что интересное.

Крутиков досадливо поморщился и снова полез в буфет за вафлей. «Фантазер, фантазер», — бормотал он.

Но Дауге промолчал, а Быков в глубине души чувствовал, что прав, вероятно, все же Юрковский. Они поднялись по трапу до раскрытой двери рубки и присоединились к Юрковскому, сидевшему на ступеньке.

Из рубки доносился монотонный голос Богдана:

— Земля, Земля... Вэ-шестнадцать, почему молчите? Земля, Земля... Я «Хиус». Вэ-шестнадцать, почему молчите? Даю настройку: раз, два, три, четыре, пять...

Наступило молчание. Дауге и Быков переглянулись. Юрковский задумчиво поглаживал подбородок. Послышались щелчки каких-то переключателей. Богдан со вздохом сказал:

— Ничего, Анатолий Борисович. Тихо, как в могиле.

— Попробуйте снова на длинных волнах.

— Слушаюсь.

После минутной паузы Спицын заговорил снова:

— Ну хорошо, положим, что-нибудь не в порядке с антеннами.

Но ведь такую радиостанцию, как на Седьмом полигоне, можно принимать прямо на корпус. Да и что могло бы случиться с антеннами? Ничего не понимаю! Ведь ни звука, ни шороха... Конечно, Ляхов прав. Это все наша скорость... Земля! Земля! Вэ-шестнадцать, почему молчите? Я «Хиус». Даю настройку: раз, два, три...

— Может быть, Юрковский прав и мы действительно провалялись в какую-нибудь четырехмерную яму? — сказал Ермаков.

Юрковский гулко покашлял. Ермаков подошел к двери:

— Вы все здесь?

— Здесь, Анатолий Борисович. Сидим, ждем.

— Что вы думаете по поводу этого?

— Я уже сказал, что я думаю... — Юрковский пожал плечами.

— Может быть, может быть... Но от всех этих искривленных пространств очень пахнет математической мистикой.

— Как угодно, — спокойно сказал Юрковский. — Мне это мистикой не кажется. Я думаю, легко убедиться, что это самая настоящая объективная реальность, данная нам в ощущениях.

— И еще как данная, — добавил Дауге.

Ермаков помолчал.

— Где Михаил?

— В кают-компании, вафли лопают.

— Надо будет...

Радостный крик Богдана прервал Ермакова:

— Отвечают! Отвечают!

Все вскочили на ноги. Сухой, надтреснутый голос устало прозвучал:

— Я Вэ-шестнадцать. Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», «Хиус», отвечайте. «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать. Даю настройку: раз, два, три, четыре. Три, два, один. «Хиус», отвечайте...

— Это Зайченко, — пробормотал Юрковский.

Богдан торопливо заговорил:

— Вэ-шестнадцать, слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус», слышу вас хорошо. Почему так долго не отвечали?

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать,— не обращая, по-видимому, никакого внимания на ответ Богдана, продолжал Зайченко.— «Хиус», почему не отвечаете? Почему замолчали? «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать...

— Мы их слышим, они нас — нет,— сказал Дауге.— Час от часу не легче. Ну-ка...

— Я «Хиус», слышу хорошо,— упавшим голосом повторял Богдан.— Я «Хиус», слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус»...

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Прошел час. Тем же монотонным, полным безнадёжного ожидания голосом Седьмой полигон вызывал «Хиус». Так же монотонно и устало отвечал Богдан. Седьмой полигон не слышал его. Пространство доносило до «Хиуса» радиосигналы с Земли, но не пропускало его радиосигналы. Ермаков неустанно расхаживал по рубке. Юрковский сидел неподвижно с закрытыми глазами. Дауге барабанил по колену костяшками пальцев. Быков вздыхал и гладил ладонями колени. В рубку, посасывая пустую трубочку, прошел Крутиков.

— Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Что-то зашуршало и затрещало в эфире. Новый, незнакомый голос ворвался в планетолет, задыхающийся и хриплый голос:

— Хильфе! Хильфе! Сэйв ауа соулз! На помосч! На помосч! Тэйк ауа пеленгз!

Юрковский торопливо поднялся. Замер, остановившись как вкопанный, Ермаков. Дауге схватил Быкова за руку.

— Хильфе! Хильфе! — надрывался незнакомец.— Ин ту— три ауаз ви ар дан... Баллонен... На помосч! Кончается...— Голос потонул в неистовом треске и взвизгивании.

— Что это? — пробормотал Быков.

— Кто-то гибнет, просит помощи, Алексей...— одними губами прошептал Дауге.

— ...Координатен... цвай ун цванциг... двадцать два... Задохнемся... Цум аллес...

— Спицын, на пеленгатор, живо! — приказал Ермаков.

— Есть!..

— Ауа пеленгз... тэйк ауа пеленгз... Унзерен пеленген...

— Немедленно идти к нему! — крикнул Юрковский.

— Вопрос — куда?

— Спицын, что у вас там?

После короткой паузы раздался изменившийся голос Спицына:

— Пеленг не берется!

— Как — не берется?

— Не берется, Анатолий Борисович, — дрожащим тенорком простонал Спицын. — Сами убедитесь...

Не сговариваясь, не оглядываясь друг на друга, Юрковский, а за ним Дауге и Быков протиснулись в рубку. Быков заглянул через плечо Ермакова. Тонкая длинная стрелка медленно и вяло кружилась по циферблату, нигде не задерживаясь и слегка подрагивая на ходу. Юрковский выругался.

— Хильфе! Хильфе!.. На помосч... Тасукэтэ курэ! Наши пеленги...

Все растерянно глядели друг на друга. Богдан с остервенением крутил барабан настройки пеленгатора; шелкая рычажками, включал и отключал какие-то приборы. Взять пеленг не удавалось.

— Заколдованное место, — прошептал Богдан, вытирая со лба пот.

— Это позор для нас, — тихо сказал Дауге, — люди гибнут...

Ермаков стремительно повернулся к нему:

— Почему вы в рубке? Кто разрешил? Марш за дверь, вы, трое...

На ступеньках Юрковский присел на корточки и уткнул подбородок в ладони. Быков и Дауге стали рядом.

— На помосч! На помосч! — надрывался хриплый голос. — Эврибоди ху хиарз ас, хэлп!

Быков, затаив дыхание, слушал. Он не знал, кто вызывает о помощи, не знал, что произошло там, он чувствовал только, всем существом своим чувствовал страшное отчаяние, сквозившее в каждом звуке этого голоса.

— Если бы только знать, где они находятся!.. — прошептал Юрковский.

— Черт! — злобно выкрикнул Дауге. — Неужели никто, кроме нас, их не слышит?

— Насколько я знаю, кроме нас сейчас в полете не менее семи кораблей. Из них только два — китайский и английский — имеют некоторый запас свободного хода. Но все равно, пока они рассчитают новую траекторию, пройдет не менее часа... Странно, что мы их не слышим все-таки...

— Кого?

— Тех... других...

— Только «Хиус» мог бы лететь без всяких расчетов траекторий, прямо на пеленг, — сказал Дауге.

— Был бы пеленг...

В дверях появился Ермаков, бледный, с блестящими, словно стеклянными, глазами.

— Спускайтесь в каюты, товарищи! — приказал он. — Укладывайтесь по койкам, пришвартуйтесь к ним. Попробуем выскочить из этого проклятого мешка. Ускорение превысит норму в четыре раза — имейте в виду. Дауге, покажете Быкову, как вести себя при перегрузке.

— Есть!

Юрковский поднялся и первым пошел вниз. И тут из рубки раздались новые звуки. Чей-то резкий, уверенный голос на скверном английском спрашивал:

— Ху токс? Хиар ми? Ху токс? Ай тэйкн ёр пеленгз...

Тот, кто звал на помощь, взволнованно ответил:

— Ай хиар ю ол райт!

— Спик чайниз?

— Но...

— Спик рашн?

— Да-да, говорю и понимаю... Вы русски?

— Нет. С вами говорит командир звездолета КСР «Ян-цзы» Лу Ши-эр. («Добрый старый Лу!» — прошептал Юрковский.) Мы слышим вас давно, но у нас только направленный передатчик, а ваш пеленг удалось взять лишь несколько минут назад. С кем я говорю?

— Профессор... университети ов Кэмбридж... Роберт Ллойд. На борту корабля «Стар»... Ужасная авария...

Они заговорили по-английски.

— Мы идем к вам по пеленгу, — сообщил Лу.

(«Смельчак!» — Дауге широко раскрытыми глазами взглянул на Юрковского.)

— Спасибо, большое спасибо... Вы где?

— Полчаса назад снялись с международной базы на Фобосе.

Горестный крик раздался в ответ:

— Вам не успеть!.. Нет-нет, вам не успеть! Мы обречены...

— Постараемся успеть. За нами готовятся к вылету аварийные космотанкеры. Мы снимем вас с вашего...

— Не успеть.— Голос англичанина звучал теперь почти спокойно.— Не успеть... Кислорода осталось только... на два часа.

— Да где же вы? Координаты?

— Гелиоцентрические координаты...

Профессор назвал какие-то непонятные Быкову цифры. Наступило молчание. Слышно было, как Ермаков и Богдан торопливо шуршали бумагой, затем зажужжала электронная счетная машина.

— Это в поясе астероидов. Треть астрономической единицы от Марса,— сообщил наконец Крутиков.

— Пятьдесят миллионов километров,— угрюмо проговорил Юрковский.— Даже «Хиус», и даже находясь у Марса, не успел бы.

Он поднялся и опустил руки по швам.

— Мне все ясно,— раздался голос Лу.— Нет ли какой-нибудь возможности продержаться хотя бы десять часов? Подумайте.

— Нет... Глицериновые анестезаторы разрушены... Воздух непрерывно утекает — видимо, в оболочке корабля микроскопические трещины...

После короткой паузы профессор добавил:

— Нас осталось двое... и один из нас без сознания. Если бы это спасло его, я бы умереть... собственноручно... Но теперь это не имеет значения.

— Мужайтесь, профессор!

— Я спокоен,— послышался нервный смешок.— О, теперь я совершенно спокоен!.. Мистер Лу!

— Слушаю вас, профессор.

— Вы последний, кто слушает мой голос.

— Профессор, вас, вероятно, слушают сотни людей...

— Все равно, вы последний человек, с кем я говорю. Через какое-то время вы найдете наш корабль и наши тела. Прошу и заклинаю вас передать все материалы, собранные в этот рейс нами, в распоряжение Международного конгресса космогаторов. Вы обещаете?

— Я обещаю вам это, Роберт Ллойд!

— Все, кто слушает нас, будут свидетелями... Материалы я кладу в портфель... портфель крокодиловой кожи... вот так. Он будет лежать на столе в рубке. Вы слышите меня?

— Я вас хорошо слышу, профессор.

— Вот так. Заранее благодарен вам, мистер Лу. Теперь еще одна просьба. На Земле, когда вы вернетесь... вернетесь...— Последовала пауза, слышалось частое всхлипывающее дыхание Ллойда.— Простите, мистер Лу... Когда вы вернетесь, вас, вероятно, навестит моя жена, миссис Ллойд... и сын. Передайте им мой последний привет... и скажите, что я был на посту до конца. Вы слышите меня, мистер Лу?

— Я слышу вас, профессор.

— Вот и все... Прощайте, мистер Лу! Прощайте все, кто меня слушает! Желаю всем счастья и удач!

— Прощайте, профессор. Я преклоняюсь перед вашим мужеством.

— Не нужно таких слов... Мистер Лу!

— Слушаю вас.

— Пеленгатор будет работать без перерыва.

— Хорошо.

— Люки вы найдете открытыми.

Пауза.

— Хорошо, профессор.

— Вот, кажется, все. Уанс мо, гуд бай!

Наступила тишина.

— Мы... никак не успели бы? — спросил Быков, еле шевеля одеревеневшими губами.

Никто не ответил. Молча спустились они в кают-компанию, молча расселись по углам, стараясь не глядеть друг на друга. Скоро к ним присоединились Ермаков с Крутиковым. Быков едва сознавал, что делается вокруг. Мысли его были прикованы к карти-

не, услужливо нарисованной воображением: хрипя и задыхаясь, седой человек ползет по коридору, открывая одну за другой массивные стальные двери. Перед последней дверью — наружным люком — он останавливается, оглядывается назад помутневшими глазами. В дальнем конце коридора виден край стола, на котором поблескивает под лампой портфель крокодиловой кожи. Человек проводит по лбу трясущейся рукой и в последний раз глубоко вдыхает разреженный воздух.

— Алексей Петрович!

Быков вздрогнул и оглянулся. Ермаков озабоченно наклонился над ним:

— Ступайте-ка в свою каюту и постарайтесь уснуть.

— Иди, Алексей, иди. На тебе лица нет, — сказал Дауге.

Быков послушно встал и вышел. Проходя мимо трапа, ведущего в рубку, он услышал, как Богдан монотонно повторял:

— Вэ-шестнадцать, Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Даю настройку...

В кают-компании Ермаков сказал со вздохом:

— Я встречал Роберта Ллойда. Недавно. Хороший межпланетник. Незаурядный ученый...

— Светлая ему память! Он хорошо держался, — тихо проговорил Юрковский.

— Светлая ему память...

После короткого молчания Дауге вдруг вскочил на ноги:

— Черт знает что! Мне кажется, что мы застыли на месте. Провалились куда-то, и нас засыпало...

— Не паникуйте, Дауге, — устало усмехнулся Ермаков.

Обедать никто не захотел, и скоро Ермаков первым поднялся, чтобы идти к себе. Крутиков положил руку на плечо Юрковского и сказал виновато:

— Похоже на то, что ты был прав, Володя.

— Пустяки, — проговорил тот. — Но вот вам еще одна загадка, товарищи.

Все вопросительно поглядели на него.

— В чем дело?

— Лу сказал, что у него только направленный передатчик, так?

— Так.

— А ведь мы хорошо слышали его.

Михаил Антонович раскрыл рот и растерянно оглянулся на Ермакова.

— А почему бы и нет? — спросил Дауге.

— А потому, дружок, что «Хиус» по отношению к Лу находится совсем в другом направлении, нежели корабль Ллойда. Направленный радиолуч никак не должен был бы добраться до нас.

Дауге взялся за голову:

— Достаточно загадок! Это уже, наконец, невыносимо!

Но Ермаков и Михаил Антонович сейчас же отправились в рубку, захватив с собой Юрковского.

ВЕНЕРА С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Связь наладилась через сутки так же неожиданно, как и прервалась. По-видимому, «Хиус» миновал «заколдованное место» — странную область в пространстве, обладающую неизвестными еще свойствами в отношении радиоволн. В кают-компании много спорили об этом неслыханном явлении, было выдвинуто несколько предположений, в том числе и явно нелепых (так, Дауге объявил, что все члены экипажа стали жертвами массового психоза), а Юрковский принялся разрабатывать гипотезу каких-то четырехмерных отражений, пытаясь с помощью лучшего на борту математика Михаила Антоновича Крутикова ввести «физически корректное понятие точки пространства», через которую электромагнитные колебания проходили бы только в одну сторону. Что же касается Быкова, то первое время он чувствовал себя оскорбленным равнодушием товарищей к гибели Ллойда. Ему представлялось чуть ли не кошунством разговаривать о теориях и формулах уже через два часа после того, чему они были свидетелями. Катастрофа «Стара» произвела на него громадное впечатление. Оглушенный и подавленный, бродил он по планетолету, с трудом заставляя себя отвечать на вопросы и выполнять мелкие поручения Ермакова.

До встречи с Венерой оставалось всего пятнадцать-двадцать миллионов километров. Перелет близился к концу. Наступал самый ответственный момент экспедиции — посадка на поверхность Ве-

неры. За редкими исключениями это не удавалось лучшим космонавтам мира. И не порицания, а подражания и всяческого восхищения заслуживали люди, которые усилиями хорошо натренированной воли заставляли себя забыть об испытаниях прошлого, даже совсем недавнего, и сосредоточить все свое внимание на испытаниях предстоящих. Этого вначале не понял Быков. Но теперь они казались ему бойцами, вышедшими на рубеж атаки. Оставив позади убитых, наскоро перевязав свежие раны, готовятся они к последнему, решающему прыжку навстречу победе... или смерти. При этом никто, даже Юрковский, не произносил прочувствованных фраз и не принимал эффектных поз. Все были спокойны и деловиты. И их попытки понять природу «заколдованного места» были лишь проявлением естественной заботы о тех, кто пойдет вслед за ними.

Уважение и почтительное восхищение Быкова выразилось в том, что он угостил товарищей великолепным пловом, и Михаил Антонович дважды после ужина забегал на камбуз, причем второй раз — с вахты, в чем был уличен и за что подвергнут выговору.

Как только оказалось, что двусторонняя связь с Землей налажена, Ермаков передал радиограмму, в которой четко и скупко описал необычайное происшествие и передал содержание последнего разговора Лу с профессором Ллойдом.

— Ну и заставили вы нас понервничать! — заикаясь от волнения, сказал Зайченко. — Вера Николаевна чуть с ума не сошла. А «Стар»... — голос его стал тише и серьезнее, — об этом мы уже знаем. Весь мир знает. Лу добрался до английского корабля и снял с него тела погибших и бумаги.

— Что там произошло?

— В точности не известно, но полагают, что взорвался реактор. Двигательная часть корабля разворочена вдребезги. Лу показывал нам снимок по телевизору.

— Сколько погибло?

— Лу нашел двоих. Англичане сообщили, что на «Старе» ушло восемь человек.

— Светлая им память...

— Светлая им память...

Они помолчали.

— Что же вы думаете о причинах перерыва связи, Анатолий Борисович?

— У меня пока нет определенного мнения.

— Ну да, конечно... мало фактов. Может быть, здесь играет роль скорость, с которой двигался «Хиус»? Ведь Ляхов, кажется, говорил об этом...

— Может быть.

— Или вы попали в плотное облако металлической пыли?

— Это ничего не объясняет. Впрочем, оставим решение специалистам. Что Краюхин?

— Оправился. Рвался сюда, на станцию, но врачи пока не разрешают. У нас здесь дожди.

— Приветствуйте его, погорячей, от имени всех нас и от меня лично.

— Принято, Анатолий Борисович! Да... заговорили вы меня. Здесь его записка к вам лежит, принесли еще два дня назад.

— Чего ж вы молчите? Читайте!

— Сию минуту. Так... «Анатолий, все, что я тогда говорил, позабудь. Видно, старею и слабею. К.».

— Что?!

— Ка. Заглавная буква. Вместо подписи.

— Понятно. «Все, что я тогда говорил, позабудь».

— Да, «позабудь».

Ермаков покосился на Спицына, сидевшего у пульта спиной к нему.

— Понятно. У нас был небольшой спор... У вас все?

— Все, Анатолий Борисович. График связи прежний?

— Прежний. До свидания.

Вернувшись в кают-компанию, Ермаков увидел там странную картину. Стол был покрыт большими листами оберточной бумаги, на которой блестели какие-то металлические предметы и лежали кучи белого тряпья. Пахло оружейным маслом. У стола стоял Быков и с воодушевлением объяснял что-то Дауге, с интересом следившему за его руками. На диване сидели Юрковский и Михаил Антонович. Они тоже следили за тем, что делает Быков, первый — с напускным пренебрежением, второй — с откровенным любопытством, смешанным с тревогой.

— Вот, — говорил Быков, — эта вилочка служит для крепления затвора. Вставляем сюда — видишь? — этот стерженок, надаем на него пружинку...

Он замолчал, нагнул голову, и под его оттопыренным локтем сверкнуло темное полированное дерево.

— Вот так. Затем беремся за рукоятку и...

Клик-кляк.

— Готово. Понял механику? Теперь собери свой.

— Чем это вы тут занимаетесь? — спросил, подойдя, Ермаков.

Быков смущенно пояснил:

— Вот... поскольку скоро прибудем на место, решил оружие в порядок привести. Очистить от заводской смазки и все такое. А Дауге заинтересовался...

— Впервые в жизни автомат в руках держу, Анатолий Борисович, — сказал Дауге. — Попросил Быкова подучить меня.

— Я, между прочим, тоже по оружию не спец, — заметил Ермаков. — А вы, Владимир Сергеевич?

Юрковский усмехнулся.

— Чему здесь учиться? Взвел, нажал на курок и дуй, пока в магазине патроны есть.

— Гм... А вы, Михаил Антонович?

— Я... так сказать, присматриваюсь.

— Продолжайте, пожалуйста, Алексей Петрович, я тоже посмотрю.

Ермаков придвинул стул и уселся. Да, здесь было на что посмотреть. Робкий и застенчивый водитель преобразился. Исчезла неуверенность, исчез страх «сделать что-нибудь не то». Ловкие пальцы быстрыми и точными движениями вкладывали, соединяли, закрепляли, и разбросанные по столу причудливые кусочки металла словно сами собой становились на свои места, превращаясь в грозное оружие. Ермаков невольно залюбовался Быковым, как тогда, когда они возвращались на почерневшем транспорте после испытания огнем. Водитель не глядел на то, что делали его руки. Крохотные серые глазки спокойно переходили с одного лица на другое, а пальцы действовали как самостоятельный, отдельно от человека существующий организм.

— Вот так и... вот так. — Быков щелкнул затвором и вскинул автомат к плечу. — Готово, стреляй по врагам рабочего класса...

— Дайте-ка мне, — неожиданно потребовал Юрковский.

Импровизированные занятия продолжались до обеда. Когда пришло время накрывать на стол, каждый член экипажа был уже

способен собрать и разобрать автомат и устранить простейшие задержки.

— Нужно будет еще научиться обращаться с пистолетом и гранатой, — сказал Быков, вытирая ветошью руки.

— Займемся после ужина? — Дауге вопросительно взглянул на Ермакова.

Тот кивнул в знак согласия.

— Не понимаю, — немного раздраженно сказал Юрковский, критически разглядывая большое масляное пятно на рукаве новенькой шелковой рубашки. — Не понимаю, зачем это все нам нужно?

— Взять оружие приказал Краюхин, — насупясь проговорил Быков. — Уж он-то, наверное, знает, что к чему.

— А вы сами как думаете?

— Мм... Возможно, там есть какие-либо животные... или чудовища. Я слышал, на какой-то планете с ними пришлось столкнуться.

— Это на Каллисто... На спутнике Юпитера, — сказал Дауге. — Но там управились и без оружия.

— Во всяком случае, — заметил Ермаков, — с оружием лучше, чем без оружия. Оно не помешает, а может быть, и поможет.

— Что у вас там еще припасено в вашем арсенале? — осведомился Юрковский. — Кроме этих самых автоматов, пистолетов, бомб...

— Есть еще финские ножи...

— Уф!

— ... и атомные мины.

— Так. А нет ли у вас портативных бомбардировщиков или складного линкора? Ладно, давайте ваши пугачи и покажите, куда их нести.

Юрковский взял под мышки два автомата и вышел в сопровождении Быкова. Ермаков и Дауге переглянулись и рассмеялись.

— Пора, — сказал за обедом Спицын. — Пора начинать брать пеленги у Махова.

— Не рановато ли? — отозвался Ермаков. — Ведь у нас в запасе еще часов десять.

— С вашего разрешения, Анатолий Борисович, лучше начать пораньше. Дело новое, и желательно иметь побольше данных.

Быков вполголоса осведомился, о чем идет речь.

— «Хиус» подходит к Венере,— пояснил Дауге,— нам сейчас надо рассчитать трассу к «Циолковскому».

— К «Циолковскому»? К искусственному спутнику Венеры? А зачем?

— В каком смысле — зачем? Чтобы сблизиться с ним, разумеется.

— Я понял, что мы будем с «Циолковским» только связь поддерживать и что сядем на Венеру, минуя его.

— Какой ты быстрый... Нужно обстоятельно договориться с начальником «Циолковского» Маховым о взаимодействии.

— И долго мы там пробудем?

— Не знаю... Анатолий Борисович, сколько времени мы пробудем у «Циолковского»?

— Часов пять-шесть, не больше. Передадим почту, книги, фрукты, проведем совещание и отправимся дальше.

— Ясно. Кстати, Алексей, вот там ты вкусишь невесомость в полную меру. Мы полюбуемся...

Быков вспомнил свой неудачный опыт в этой области и уткнулся в тарелку.

Сближение «Хиуса» с «Циолковским» заняло больше трех часов и доставило экипажу много хлопот. Для пилотов дело осложнялось тем, что плоскость орбиты «Циолковского», вращавшегося вокруг Венеры на расстоянии в несколько тысяч километров, была почти перпендикулярна плоскости орбитального движения Венеры, так что Крутикову и Спицыну снова пришлось немало поработать. Однако задача была решена, и планетолет по суживающейся спирали стал приближаться к тому месту, где в назначенное время должен был пройти «Циолковский». «Пассажиры» провели эти часы в кают-компании, пристегнувшись к креслам, и последовательно чувствовали себя то легкими, как воздушные шары, то тяжелыми, как куски свинца. Быкову казалось, что он раскачивается на фантастических качелях; он то судорожно хватался за подлокотники, боясь взлететь под потолок, то разевал рот, тщетно пытаясь вздохнуть и явственно чувствуя, как ребра

проваливаются внутрь легких. Однако все на свете имеет конец. Видимо, пилоты решили, что пассажиры претерпели достаточно, манипуляции с ускорением прекратились, и в один не очень приятный момент качели, вместо того чтобы начать новый подъем, стремительно ухнули вниз, в бездонную пропасть.

— Все в порядке! — раздался наконец из репродуктора голос Спицына. — Можно отстегиваться. «Циолковский» в ста километрах от нас, Венера — в трех тысячах.

— погоди, Алексей, не отстегивайся, — предупредил Быкова Дауге, торопливо освобождаясь от ремня.

Вместе с Юрковским он очень ловко, цепляясь за стены и за привинченную к полу мебель, протянул по кают-компании несколько нейлоновых шнуров, дополнительно к леерам на стенах. Такие же шнуры были протянуты по коридору, в рубке и в каждой каюте.

— Вот теперь вылезай...

Быков осторожно поднялся, неожиданно вспорхнул и повис в воздухе, цепляясь за спинку кресла. Лицо его стало пунцовым. Криво улыбаясь, ни на кого не глядя, он ухватился за шнур и, неуклюже взболтнув ногами, снова оказался на полу.

— Чепуха какая-то... — сердито проворчал он.

— А что, Алексей Петрович, — сказал Крутиков, появляясь в дверях, — хорошо бы приготовить ужин попышнее, угостить ребят с «Циолковского»...

— Сейчас, — с трудом произнес Быков.

— Э, нет, Алеша! — Крутиков засмеялся. — Ручки короткие. Придется тебе временно сложить их.

— Почему?

— А ты умеешь готовить в таких условиях? Когда вода не течет, а летает пузырем по кухне, когда котлеты скачут по сковороде, как взбесившиеся лягушки, и недожаренными порхают в воздухе...

Сильный толчок прервал его. Что-то визгливо заскрежетало по обшивке. Кают-компания качнулась.

— Это еще что такое? — пробормотал Дауге.

Глаза Быкова встретились с остановившимся взглядом Крутикова. На лбу штурмана заблестели мелкие бисеринки пота.

— Принимай гостей, Михаил Антонович! — весело крикнул Богдан из коридора. — Бесы неуклюжие!

Дауге шумно выдохнул воздух, а Михаил Антонович дрожащей рукой полез в карман за платком.

— Именно бесы, — сказал он хрипло, с трудом переводя дух. — Этак человека можно на всю жизнь калекой сделать... заикой...

Он сунул платок обратно в карман и, цепляясь за шнуры, быстро выбрался за дверь. Дауге недовольно пробормотал:

— Почти каждый раз получается такая штука, и каждый раз у меня сердце уходит в пятки.

— Да что случилось?

— Причалила ракетка с «Циолковского». Межпланетное такси, извольте видеть. Лихачество... Вероятно, прибыл засвидетельствовать свое почтение Махов... Стой, куда ты? Не улетай, будь со мной...

Быков сделал неосторожное движение, пролетел между шнурами, ударился о потолок и, растопырив руки, устремился вниз. Дауге схватил его за ногу и, ловко дернув, привел в нужное положение.

— Успокойся, ангел небесный, не надо волноваться... Помнишь формулу — эм вз квадрат пополам? Так вот, хорошо что хоть пополам, а то раскроил бы ты сейчас свою буйну голову.

Быков снова водворился в спасительное кресло с твердым намерением не покидать его до тех пор, пока не кончится «проклятая невесомость». В эту минуту в коридорном отсеке послышалась возня, раздались радостные восклицания, звонкие хлопки ладони о ладонь и даже, кажется, звуки поцелуев.

— Здорово, друзья! Здорово, землячки-земляне! — оживленно гремел чей-то бас. — Здравствуй, свет Михаил Антонович! Все худеешь, бедный?

— Здравствуй, голубчик Махов! Дай-ка я тебя поцелую да штрафовать буду. За нарушение правил космического движения...

— А-а, Богдан! Не бранись хоть на радостях... Анатолий Борисович, рад вас видеть! Познакомьтесь: мой заместитель, инженер Штирнер Григорий Моисеевич. Будет непосредственно работать с вами.

— Слышал, отлично...

— Рад познакомиться. — Голос Штирнера был сух, резок.

— Прошу в кают-компанию, — пригласил Ермаков.

— Нет уж, дорогие, заберем почту — и все к нам. Ждем не дождемся.

— Виноват, Петр Федорович. На этот раз ограничимся разговором здесь, на борту «Хиуса». У вас погостим на обратном пути.

Наступила странная пауза.

— Напрасно он так сказал, — прошептал Дауге, уставясь в дверь круглыми глазами. — Это слово в слово фраза Тахмасиба...

Быкову стало не по себе.

— Знаю, знаю, о чем вы думаете! — снова заговорил Ермаков. — Не следует быть суеверным. Нужно спешить.

Он сказал это и чуть усмехнулся.

— Как знаете, Анатолий Борисович, — растерянno отозвался Махов. — Куда прикажете?

— Прошу сюда... Прошу вас, Григорий Моисеевич.

Гости вошли первыми — высокий грузноватый Махов и похотий на подростка Штирнер, оба в мягких потертых комбинезонах с откиннутыми на спину прозрачными шлемами. Штирнер держал под мышкой папку.

— Здравствуйте, товарищ Дауге! — гремел Махов. — А это, конечно, товарищ Быков? Так?

Благодарно не выпуская из левой руки шнур, Быков пожал ему руку, затем поздоровался со Штирнером. Все расположились за столом.

— Итак, Петр Федорович, — сказал Ермаков, — выкладывайте, что у вас есть.

Махов шумно откашлялся, Штирнер раскрыл папку, и совещание началось. Говорили мало и точно, больше формулами и математическими терминами, водя пальцами по чертежам и расчетам, привезенным Штирнером. Речь шла о том, как обеспечить максимальную точность посадки «Хиуса» у границ Урановой Голконды и как поддерживать связь после посадки. Махов со Штирнером и их товарищи на двух других искусственных спутниках подробно разработали систему радионаведения, пользуясь которой предполагалось довести «Хиус» до места, отстоящего от границ Голконды не дальше чем на пятьдесят-сто километров. Прав-

да, система эта еще не опробована на практике, но тренировки дают право надеяться на полный успех.

— От нас теперь требуется максимальная точность, — сказал Штирнер, постукивая пальцем по чертежу, — а от вас, товарищи, — внимание и маневренность. Насколько я знаю, «Хиус» не так ограничен в своих эволюциях, как обычная импульсная ракета, и при всех случайностях сможет строго держаться пеленгов. Но, повторяю, прежде всего внимание! Если «Хиус» даже чуть-чуть оторвется от радиолуча, вы рискуете сесть за тысячи километров от нужного вам места.

Итак, «Хиусу» предстояло спускаться на планету, держась в перекрестии трех радиолучей, которые и выведут его на наиболее выгодную, по мнению специалистов, точку. На высоте десяти-пятнадцати километров над поверхностью Венеры импульсы пеленгаторов исчезают: они либо бесследно поглощаются, либо отражаются вверх, в венерианскую стратосферу. С этой высоты планетолет должен будет спускаться отвесно. Не исключены серьезные осложнения: коварная атмосфера Венеры может обмануть, исказив сигналы. На этот случай будут действовать контрольные параллельные установки. Спицын и Ермаков записали кое-какие цифры, сверили свои расчеты со схемой Штирнера и объявили, что вопросов больше не имеют. Махов перешел ко второму пункту. Поскольку радиосвязь — по крайней мере, надежную — с поверхностью Венеры установить, по-видимому, не удастся, следовало договориться о системе оптических сигналов. По мнению Махова, необходимы только два сигнала: первый — «продовольствие и вода», второй — «запасные части, энергетическое питание». Список запчастей и аппаратуры был заранее составлен.

— Мы привезли вам портативную пусковую установку и две ракетки с атомными зарядами. Если... тыфу-тыфу, конечно... если случится что-нибудь нехорошее и потребуется наша помощь, вы пошлете одну из ракеток вверх, вертикально над собой. Она взорвется на высоте около двухсот километров. Конечно, стрелять можно не в любой момент. Вот вам таблица для расчета времени. В назначенные минуты наши наблюдатели будут тщательно следить за районом вашей высадки.

— Ну и что же? — спросил Ермаков.

— И... ничего. Мы будем знать, что у вас не все в порядке, и постараемся принять меры.

— Какие?

— Подбросим вам автоматические ракеты с необходимым аварийным запасом. Ракеты пойдут точно на ваш пеленг.

— Отлично! — Ермаков кивнул. — А зачем вторая сигнальная ракетка?

— Две ракетки подряд вы выпустите, если посадка прошла неудачно и планетолет серьезно вышел из строя.

Наступило молчание.

— Весьма возможно, что тогда их некому будет выпускать, — заметил Дауге, поморщившись.

— Мой пессимизм не заходит так далеко, — мягко ответил Махов.

После совещания Дауге предложил Быкову:

— Пойдем посмотрим на прекрасную Венеру. Ермаков разрешил выпустить тебя.

Через десять минут они, облаченные в неуклюжие панцири с прозрачными колпаками на головах, стояли в кубическом кессоне перед наружным люком. Дауге наглухо задраил за собой дверь, затем включил насос и повернулся к манометру, укрепленному на стене. Тонкая стрелка неровными скачками запрыгала вниз. Когда она остановилась, Дауге откинул с люка широкую стальную полосу, и толстая ребристая крышка мягко отвалилась в сторону.

Быков ожидал увидеть то, что сотни и сотни раз описывалось в репортажах, очерках и романах: черно-фиолетовую бездну, испещренную ослепительными точками звезд. Вместо этого круглый провал люка озарился мутным желто-розовым светом. Планетолет висел над громадным, тускло освещенным туманным куполом. Сероватые тени ползли по блестящему оранжевому полю, медленно сближались и расходились, свивались в кольца и разрывались на неверные исчезающие пятна. Ближе к краям купол темнел, но границы его не были резкими, они как-то незаметно, размытыми лиловыми тонами переходили в полную непроглядную черноту. А в центре тончайшие розовые, желтые и серые дымчатые ленты переплетались между собой, но не смешивались; то ясные и отчетливые, то затянутые однообразной рыжей дымкой...

Вот она какая, Венера, «самая страшная планета в Солнечной системе»! Быков понял, что движения цветных теней, такие незначительные на расстоянии в несколько тысяч километров, есть не что иное, как чудовищные по мощности и скорости изменения в атмосфере — бури, тайфуны, смерчи, которым на Земле нет никакого подобия.

Вот длинное серое пятно стало тоньше, изогнулось, свилось в кольцо... Можно было представить себе исполинскую воронку и громадные массы облаков, с бешеной скоростью несущиеся внутри ее. «Вид у нее неважный», — вспомнил Быков. Он глядел и не мог оторваться от этого страшного и величественного зрелища.

Там, под кипящим облачным покровом, скрыт огромный мир с горами, пустынями... может быть, с морями и океанами. Там где-то скрыты сокровища, которые должен разведать экипаж «Хиуса», там обломки телеуправляемых механизмов, разбитые планетолеты, могилы смельчаков... Смутное чувство, похожее на суеверный страх, шевельнулось в душе Быкова. Он подумал о том, с какой яростью эта планета отражала до сих пор все попытки покорить ее. Но человек умнее и сильнее природы. Он смел и упорен, и, если даже экипажу «Хиуса» суждено будет сложить головы, их гибель ни на минуту не задержит тех, кто пойдет вслед.

Слева на купол быстро напозла черная тень, неровная, с глубокими впадинами и выпуклостями — словно разливалась чернильная лужа.

— Выходим на ночную сторону, — раздался в шлеме голос Дауге.

«Хиус» погрузился в теневой конус, отбрасываемый Венерой. Стало темно, только размытая круговая полоса светящегося тумана обозначала края планеты. Но вскоре на черном фоне стали проступать слабые розоватые отблески.

— Что это? — проговорил Быков.

Дауге качнул шлемом, присматриваясь. Затем в наушниках Быкова раздался его голос:

— Вероятно, вулканы. Я слышал о районе непрерывной вулканической деятельности. Пока никто не знает. Предположение...

Они покинули кессон после того, как слева снова забрезжил яркий свет и обрисовался громадный желтый серп.

— Да... — спохватился Быков. — А где же «Циолковский»? Я хотел бы посмотреть на этот искусственный спутник.

— Из люка его не видно, Алексей. Ведь мы повернуты люками вниз, к Венере, а «Циолковский» выше нас. По обшивке «Хиуса» тебе еще рановато ползать. Подождешь до следующего раза. Увидишь, когда вернемся.

Быков вспомнил недавнее замечание Дауге, вздохнул, но промолчал.

Их уже ждали. Ермаков пригласил всех отобедать. Это был первый обед в условиях невесомости, и Быков втайне пожелал, чтобы он был и последним. Межпланетники деловито, не прерывая разговора, подносили к губам эластичные соски, к которым от закрытых пластмассовых сосудов тянулись гибкие трубки. Куски хлеба и закуски они брали из сетчатых коробочек, не забывая тщательно закрывать их. Одним словом, водитель «Мальчика» остался бы голодным, не возьми над ним шефство Крутиков, севший рядом специально для этого.

За столом говорили о делах на искусственном спутнике, о планах создания целых армاد «Хиусов», о необходимости специальных передач-консультаций для студентов-заочников, работающих на спутниках. Махов пожаловался на бестолкового снабженца, приславшего на спутник ящик микрофильмов о технике лыжного спорта. Штирнер, смеясь, рассказал, что кто-то завез на «Циолковский» мышей. «Теперь молим прислать кота. Будет потрясающий аттракцион — охота кошки за мышкой в условиях невесомости». Много говорили о концертах изумительного индонезийского ансамбля, о потрясшей всех новой симфонии свердловчанина Гадалова «Путь к звездам». Много шутили, смеялись. Ни одного слова не было сказано о том, что вскоре предстоит испытать экипажу «Хиуса».

Ермаков взглянул на часы, и Махов торопливо встал:

— Пора, товарищи.

Все поспешно поднялись и стали прощаться. Махов по очереди сжал руками плечи каждого межпланетника, и Быков с беспокойством заметил, как внезапно ввалились его щеки и пожелтело лицо. У Штирнера признаки волнения были не так заметны.

— Не забудьте, — сказал Ермаков, — отойдите от нас не меньше чем на пятьдесят километров, иначе вас может сильно опалить.

— Ладно, о нас не беспокойся, — буркнул Махов. — Ну, про... до свидания, друзья! Удачи вам!

Он повернулся и, быстро перебирая руками шнур, выбрался в коридорный отсек. Штирнер приветственно махнул рукой и последовал за ним. Со звоном захлопнулся выходной люк. Наступила тишина.

— Мы так и не рассказали им о космической атаке, — вспомнил вдруг Юрковский.

Ермаков рассеянно взглянул на него.

— Не рассказали... Впрочем, это неважно. Прошу приготовиться... Спицын, пошли.

Быков шепотом спросил у Дауге:

— Разве Михаил Антонович останется здесь?

— Да. В рубке ему сейчас делать нечего... — Дауге тряхнул головой, словно отгоняя какие-то мысли, и сказал: — По местам, что ли?

Михаил Антонович и Юрковский уже сидели в креслах и во-зились с ремнями. Дауге помог Быкову пристегнуться, снял шнуры и остановился в нерешительности.

— Ну? Чего ждешь? — раздраженно прикрикнул Юрковский.

— Десять минут осталось, — раздался голос Ермакова.

Дауге торопливо занял свое место.

И снова наступила тишина. Быков закрыл глаза и стал вспоминать. Черная среднеазиатская ночь, смутно белеющее платье, свежий запах духов... и милое, милое, нежное лицо. Как давно это было! Что-то сжало горло, пришлось два-три раза энергично глотнуть.

— Начали спуск! — хрипло каркнул репродуктор.

Пол под ногами дрогнул, спинка кресла тяжелым грузом навалилась на плечи. Нарастающий рев реактора ударил в уши, заполнил собою все.

Махов и Штирнер, припавшие к круглому иллюминатору «межпланетного такси», увидели, как из-под планетолета, похожего на черную медузу, нелепо раскорячившуюся на фоне огромного оран-

жевого диска Венеры, блеснуло неяркое пламя. Затем вспыхнуло ослепительное лиловое солнце. Когда они снова открыли глаза, «Хиуса» уже не было видно. Только легкое туманное облачко расплывалось на том месте, где он только что находился.

«ЖИЗНЬ НАША ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ...»

Никто на «Хиусе» не обольщал себя надеждами на быструю и легкую посадку. В свое время в докладе об экспедиции Тахмасиба Ермаков рассказал, как трудно было вести ракету в атмосфере Венеры, как вертело ее, словно щепку в водовороте, какого нечеловеческого напряжения стоило удерживать ракету дюзами вниз. Он описал свирепые ветры, ледяные вихри над раскаленной до ста градусов почвой. В таких условиях были бесполезны и даже опасны самые совершенные гироскопические устройства, которые в более спокойных атмосферах автоматически держали межпланетный корабль точно в заданном положении, не позволяя ему раскачиваться, вращаться и переворачиваться...

«Хиусу» оставалось полагаться на очень неточную и ежеминутно готовую прерваться наводку с искусственных спутников. Радиолокаторы противометеоритных устройств не действовали в атмосферных электрических полях Венеры, и планетолет каждое мгновение мог своей громадой обрушиться на какую-нибудь скалистую вершину. Бури и смерчи должны были сносить «Хиус» еще сильнее, чем обычную ракету, ибо форма его хотя и несколько облегчала посадку «дном вниз», но была далеко не обтекаемой.

И тем не менее только «Хиус» мог с большой степенью вероятности рассчитывать на успешную посадку. Он способен был снижаться необычайно медленно, сантиметр за сантиметром, мог вновь подняться и сделать попытку снизиться в другом месте, чего никогда не смогла бы проделать самая лучшая атомно-импульсная ракета с ее ограниченным запасом свободного хода. Ермаков объявил «Хиус» «господином планет с атмосферами», и сейчас предстояло доказать это.

— Пустяки, все пустяки,— бормотал Михаил Антонович Крутиков, в десятый раз проверяя прочность ремней, удержи-

вавших его в кресле. — Все пустяки, и все пойдет отлично, уверяю вас. Слегка потрясет, быть может... Зато подумайте, какой переворот в истории овладения пространством начинается этим рейсом «Хиуса»!

— Мысль сия премного меня утешает в предвидении грядущих испытаний, — нараспев сказал Юрковский. — Еще бы... Крутиков, тот самый — знаете? — который строил первый ракетодом на Венере!

— Только бы сесть... — процедил Дауге сквозь зубы.

Михаил Антонович достал пустую трубочку и с задумчивым видом пососал ее.

— Скорей бы уж! — сказал он. — Как все это непохоже на прежние рейсы, правда, товарищи?

— Правда, — ответил Дауге. — Святая правда, Михаил Антонович. При посадке на безатмосферные и спокойные планеты совсем иное самочувствие.

— Поч-чему? — с трудом спросил Быков, думая о том, испытывают ли и другие тошноту и головокружение.

— Потому что с пилотами, подобными Ермакову и Спицыну, можно на старте и на посадке спать, читать, играть в шахматы... Но, видимо, только не здесь, не на Венере.

— Да, — вздохнул Крутиков, — не на Венере...

— Вы мне надоели своей кислой болтовней! — рассердился Юрковский. — Что вы ноете? Держите ваши переживания при себе. Сдрейфили? Так держите при себе и не портите настроения другим. Берите пример с Быкова — позеленел... хотя с его цветом лица это трудновато, но держится, помалкивает.

— Тебе кажется, что он не может позеленеть? — невинно удивился Иоганыч. — Алеша, скажи, что ты можешь...

— Он сможет, — вступился Михаил Антонович. — Если постарается, то сможет. Верно, Алешка?

Нападение было неожиданным. Тошнота и головокружение мигом исчезли. Быков яростно засопел и приготовился дать уничтожающий ответ, но в этот момент напряженный голос Ермакова провозгласил:

— Внимание!

И сейчас же пол качнулся и стал медленно переворачиваться.

О том, что происходило в последующие три-четыре часа, у Быкова сохранилось лишь несколько смутных, отрывочных воспоминаний. Позже он никак не мог восстановить последовательность событий. Кажется, Юрковский подполз с кислородным баллоном к Дауге еще до того, как тот уронил голову на грудь. Страшный, измененный до неузнаваемости голос Спицына, известивший о том, что у Анатолия Борисовича разбита голова, раздался уже после рывка, от которого лопнул ремень, державший Быкова в кресле. Что было дальше, он не помнил. Какие-то чудовищные силы играли «Хиусом», и тем не менее старое выражение «как лягушка в футбольном мяче» пришло ему в голову только тогда, когда, сжимая в кулаке обрывок ремня, он перелетел через всю каюту и с размаху ударился спиной о стенку. Упругая обивка отбросила его назад, и, кажется, он потерял сознание на некоторое время, потому что внезапно обнаружил себя снова крепко привязанным к креслу. Быков не помнил также, каким образом меж колен его оказался зажат легкий баллон с активированным озоном... как и когда случилось, что Юрковский повис в своем кресле с лицом, залитым кровью... Затем Михаил Антонович тряс его, Быкова, за плечо и кричал что-то в ухо... Все это мелькало в его мозгу сквозь желто-зеленый туман, между обмороками и приступами тошноты. Потолок оказывался где-то сбоку, затем молниеносно перемещался на место, проваливался и вновь с неудержимой силой давил на ноги пол. На минуты наступало затишье; тогда Быков запрокидывал голову, разевал рот и часто и глубоко дышал. Но планетолет вдруг швыряло, и все начиналось сначала. И при этом — тишина, сменившая оглушающий рев. Доносился лишь негромкий гул реакторов, не заглушавший ни стонов, ни... шуток! Да, матерые межпланетные волки находили в себе силы шутить. Но Быков не запомнил ни одной шутки. Он был целиком поглощен своими ощущениями, вытекавшими из уверенности, что уже следующий толчок окончательно вышибет из него дух. Временами он вспоминал о пилотах в рубке управления и представлял их себе искалеченными, приборы — вдребезги разбитыми, а планетолет — падающим с огромной высоты на острые крутые скалы. Вероятно, «Хиус», резко погасивший скорость, попал в мощный атмосферный поток, увлекавший

его в сторону от цели, и Ермакову со Спицыным приходилось прилагать все силы, чтобы держать его на заданных радиопеленгах. Как потом говорил Спицын, ни разу в жизни не приходилось ему сажать корабли в таких ужасных условиях.

И вдруг наступил покой. Полный и несомненный покой, не нарушаемый ни малейшей вибрацией, ни единым звуком. Он обрушился на отупевших людей, как удар грома, Быкову показалось, что остановилось самое время. Перед глазами его все еще плыли разноцветные пятна, по телу ползли струйки пота, руки и ноги дрожали. Затем странная апатия овладела им, смертельно захотелось вытянуть ноги и спать, спать, спать... Сквозь опущенные ресницы он увидел, как зашевелился и встал Юрковский, сделал несколько неуверенных шагов, провел ладонью по лицу и с недоумением посмотрел на испачканные кровью пальцы.

— Что с тобой? — негромко спросил Дауге.

— Н... ничего... — Юрковский сморщился и потряс головой. — Кажется, из носа... Болят глаза...

— Фффух! — выдохнул Михаил Антонович. — Вот это была встряска, доложу я вам!

Юрковский поднял руки, сделал несколько гимнастических движений и вдруг замер.

— Товарищи! — крикнул он. — Мы на Венере... и живы! «Хиус» цел, черт побери! Дауге! Вставай! Ты понимаешь? Мы на Венере...

— Погоди радоваться, — остановил его Дауге. — Кажется, что-то случилось с Анатолием Борисовичем...

— Да, я тоже слышал голос Спицына, — подтвердил Крутиков.

— Пойдем?

Они пошли к рубке, но дверь распахнулась, и на пороге появился сам Ермаков, бледный, взмокший от пота, с головой, туго перехваченной молочно-белым перевязочным эластиком.

— Все живы? — Он быстро оглядел товарищей.

— Все, — сказал Дауге.

— Поздравляю с благополучной посадкой!

Он подошел к каждому и крепко пожал руки.

— А что Богдан? — спросил Михаил Антонович.

— Спит.

— Гм...

— Свалился как убитый.

— Не мудрено, — усмехнулся Крутиков. — Три с половиной часа такой... такого... Я и сам еле держусь на ногах.

— Интересно, что с «Мальчиком»? Не сорвался? — спросил Быков.

— Сделаем вылазку? — как-то вяло предложил Юрковский.

— Нет. — Ермаков еще раз оглядел всех и повторил: — Нет. Ни в коем случае. Приведите себя в порядок и отдохните. О вылазке будем говорить часа через четыре, когда получим все данные внешней лаборатории. Включите ионизаторы, мойтесь — и спать!

— Хорошо бы поесть... — озабоченно сказал Михаил Антонович.

«И рюмку коньяку выпить», — подумал Быков.

— Это как вам угодно. Лично я — в ванну и в постель... Алексей Петрович, помогите проводить Богдана в его каюту, хорошо?

— Слушаюсь, Анатолий Борисович.

Нет, все было не так, как предполагал Быков. Гораздо проще и лучше. Когда через полчаса он, распаренный и еще более красный, чем обычно, заполз под простыни, ему снова вспомнился домик в Ашхабаде... Он счастливо улыбнулся и заснул.

Как всегда, его разбудил Дауге. Тощее лицо Иоганыча выглядело осунувшимся, черные глаза запали и лихорадочно блестели.

— Одевайся, Алексей. Натягивай спецкостюм и выходи в кают-компанию, — хрипло проговорил он. — Сейчас будет вылазка.

Вылазка! Острая мысль, что он находится на планете, погубившей столько замечательных смельчаков, мгновенно пронеслась в мозгу. Сейчас должно начаться главное, для чего они прибыли сюда...

Быков торопливо оделся, достал из ниши спецкостюм и облачился в него. Все уже собрались в кают-компании и стояли вокруг стола с откинутыми на спину спектролитовыми колпаками, молча поглядывая друг на друга. Глаза Ермакова были широко раскрыты и, кажется, светились, как у кошки. Михаил Антонович сосал пустую трубочку.

— Кофе? — ни к кому не обращаясь, спросил Быков.

— Думаю, потом, — нахмурясь, сказал Юрковский. — Нечего оттягивать, надо идти. Неслыханное дело: пять часов после посадки, а мы еще не открывали люков!

— Пойдемте, — просто пригласил Ермаков.

— Оружие? — Быков взглянул на командира.

Тот кивнул и, пригнувшись, вышел в коридорный отсек. За ним двинулись остальные. Быков, хватаясь за поручни, побежал наверх. Через минуту он присоединился к товарищам с автоматом на груди и двумя гранатами за поясом.

— Алексей-завоеватель! — пошутил Спицын.

Юрковский только поморщился.

Они столпились в кессонной камере перед наружным люком. Богдан наглухо завинтил за собой дверь.

— Надеть колпаки! — скомандовал Ермаков.

Теперь Быков не видел лиц товарищей, и это было неприятно. Застучал насос, запрыгала стрелка манометра. Ермаков взялся за рукоятку люка. Поползла в сторону тяжелая стальная полоса. Люк дрогнул, и... омерзительная жирная жижа желто-серого цвета с сочным хлюпаньем хлынула под ноги. Она была густая и вязкая, но текла свободно, и свет прожектора золотыми огоньками играл на ее поверхности. Это было так неожиданно, что в первые секунды никто даже не пошевелился. Затем Юрковский со сдавленным криком бросился вперед. Но Быков опередил его. Он ухватился за край люковой крышки и изо всех сил нажал на нее. Ноги скользили в грязи, он упал на колени. Но уже подоспели Юрковский и Дауге, в их спины уперлись Богдан и Михаил Антонович. С мягким чавканьем крышка подалась, встала на место, и Ермаков торопливо нажал кнопку засова.

Все выпрямились. Под ногами растекалась мутная слякоть, от нее поднимался пар. Быков поднял автомат, провел по прикладу рукавом, заглянул в дуло. Затем тщательно очистил выпачканные колени.

— Насколько я понимаю, — раздался в наушниках голос Дауге, — это совсем не песок.

— Да, на пустыню мало похоже, — подтвердил Юрковский. — Это я заявляю, хоть и не специалист.

Ермаков, присев на корточки, рассматривал грязную лужу.

— Если оставить балагурство до более подходящего времени, — сказал он, — то я склонен предположить, что «Хиус» сел в болото.

— По уши, — согласился Юрковский. — Но где же пустыня?

— Жизнь наша полна неожиданностей, — вздохнул Крутиков.

— Вот удружил нам Штирнер со своими пеленгами!

— При чем здесь Штирнер?

— Если «Хиус» ушел в эту трясику целиком... — начал Богдан. Юрковский нетерпеливо передернул плечами:

— Чего проще! Пройдем через верхний люк и посмотрим.

Они покинули кессон и, оставляя на линолеуме ржавые маслянистые следы, поднялись в узкий отсек грузового люка.

— Болото на Венере, вы подумайте! — бормотал Михаил Антонович. — Такой сюрприз!

Верхний люк открывали осторожно, готовые в любое мгновение захлопнуть его снова. Но ничего страшного не произошло. Раздалось тонкое шипение — это в отсек ворвалась наружная атмосфера, — и все стихло.

— Ура, — спокойно сказал Юрковский. — Все в порядке. Открывайте.

Крышка со звоном откинулась. Стоявший впереди Ермаков перегнулся через край. За его спиной, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, теснились Юрковский и Михаил Антонович. Дауге, пролезший между ними, отпрянул с невнятным восклицанием.

— Н-да, — проговорил кто-то. — Оч-чень интересно...

Они ничего не увидели. «Хиус» окружала плотная стена зыбкого, совершенно непроницаемого желтоватого тумана. Внизу, в полутора метрах, тускло блестела поверхность трясины. В тишине слышались невнятные звуки, похожие не то на приглушенный кашель, не то на бульканье. Долго стояли межпланетники, всматриваясь в мутные, белесые волны испарений. Иногда им казалось, что впереди маячат какие-то тени, выступают какие-то уродливые серые формы, но наползали новые и новые слои тумана, и все исчезало.

— Достаточно, — сказал наконец Ермаков. — У меня уже в глазах темнеет. Придется пустить в дело инфракрасную технику. — Он выпрямился и заглянул вверх. — Ага, «Мальчик», кажется, на месте!

— Здорово мы увязли...— Спицын, лежа грудью на краю люка, обеспокоенно поворачивался то в одну, то в другую сторону.— Реакторные кольца погрязли в трясине до основания.

— Ничего, осмотримся немного и попробуем подняться.

— А если корпус провалится еще глубже?

Инфракрасная техника ничего не прояснила.

На экране клубились тени, почва одного и того же места казалась то зыбкой, то плотно утрамбованной, то рыхлой...

— Давайте выйдем,— предложил Юрковский.— Там будет видно, что делать.

Он приготовился спрыгнуть. Быков схватил его за плечо.

— В чем дело? — несколько раздраженно осведомился геолог.

— Жизнь наша полна неожиданностей,— сказал Быков.— Я пойду первым.

— Почему это?

Быков молча показал автомат.

— Бросьте вы разыгрывать лорда Рокстона! — Юрковский оттолкнул руку Алексея Петровича.

— Быков прав,— сказал Ермаков.— Прошу вас, пропустите меня, Владимир Сергеевич.

— Я не понимаю...

— Пропустите меня и Быкова. Я через три минуты вернусь...

Все знали, что по положению командир не должен первым оставлять корабль при посадке в неизвестном месте. Но... понимали Ермакова. И Юрковский молча шагнул в сторону. Быков быстрым движением поставил автомат на предохранитель и прыгнул вслед за Ермаковым. Ноги его по колено ушли в жидкое месиво.

Часть третья

НА БЕРЕГАХ УРАНОВОЙ ГОЛКОНДЫ

НА БОЛОТЕ

Болото на Венере... Это представлялось межпланетникам абсурдным. Более абсурдным, чем пальмовые рощи на Луне или стада коров на голых пиках астероидов. Белесый туман вместо огненного неба и жидкий ил вместо сухого, как пламя, песка. Это ломало давно и прочно установившееся мнение и являлось само по себе открытием первостепенной важности. Но вместе с тем это невероятно усложняло положение, ибо было неожиданностью. А ведь ничто так не портит серьезное дело, как неожиданность. Даже отважный водитель гобийских вездеходов, мало осведомленный о теориях, господствовавших в науке о Венере, и потому не имевший об этой планете решительно никакого мнения, чувствовал себя изрядно обескураженным: то немногое, что он увидел через раскрытый люк, совершенно не соответствовало роли проводника-специалиста по пустыням, к которой он готовился.

Что же касается остальных членов экипажа, то, поскольку их взгляд на вещи был, естественно, шире, неожиданность вызвала у них гораздо более серьезные опасения. Не то чтобы пилоты и геологи не были подготовлены к разного рода осложнениям и неудачам. Вовсе нет. Каждый знал, например, что при скоростях «Хиуса» место посадки могло оказаться на расстоянии многих

тысяч километров от Голконды; «Хиус» мог сесть в горах, перевернуться, наконец, разбиться о скалы. Но все это были предусмотренные осложнения и неудачи и потому не страшные, даже если они грозили гибелью. «В большом деле всегда риск,— любил говорить Краюхин,— и тем, кто очень боится гибели, с нами не по дороге». Но болото на Венере!

При всей своей выдержке и огромном опыте межпланетники лишь с большим трудом скрывали друг от друга охватившее их беспокойство. Профессия приучила их быть сдержанными в подобных случаях. А между тем каждый из них понимал, что судьба экспедиции и их жизнь зависят теперь от целого ряда неизвестных пока обстоятельств. В сознании каждого стремительно, один за другим, возникали новые и новые вопросы. Далеко ли тянется болото? Что оно собой представляет? Пройдет ли по нему «Мальчик»? Не грозит ли «Хиусу» опасность погрузиться еще глубже или перевернуться и затонуть? Можно ли рискнуть вновь поднять планетолет и попытаться посадить его где-нибудь в другом месте?

Незадолго перед стартом Дауге сказал Краюхину: «Только бы благополучно сесть, а там мы пройдем хоть через ад». Все они знали, что, возможно, придется «пройти через ад», но кто мог предположить, что этот ад будет вот таким — мутным, булькающим, непонятным?..

Как уже было сказано, Быкова, по его неосведомленности, волновали соображения совсем другого порядка. За судьбу экспедиции он не беспокоился, ибо верил в чудесные возможности «Хиуса» и, главное, в своих товарищей, особенно в Ермакова, в голосе которого не чувствовалось и тени растерянности. Для Быкова неожиданность была только приключением. И он был весьма польщен, когда Ермаков встал на его сторону в маленьком споре с Юрковским у открытого люка.

С трудом вытаскивая ноги из вязкой жижи, Быков сделал несколько шагов за Ермаковым. Тот остановился, прислушиваясь. Плотная желтоватая полутьма окружала их. Они видели только небольшой участок жирно мерцающей трясины, но слышно было многое. Невидимое болото издавало странные звуки. Оно хрипло вздыхало, кашляло, отхаркивалось. Глухие стоны доносились издалека, басистый рев и протяжное высокое гудение. Вероятно,

звуки эти производила сама трясина, но Быков подумал вдруг о фантастических тварях, которые могли скрываться в тумане, и торопливо ощупал за поясом гранаты. «Рассказать об этом друзьям по гобийской экспедиции, — подумал он, — так не поверят!» Неприятное чувство одиночества охватило его. Он оглянулся назад, на темную громаду «Хиуса», взял автомат наперевес и двинулся вперед, обгоняя Ермакова.

Тик... тик-тик... тик... — робко, едва слышно застучал счетчик дозиметра. «Немного, не больше тысячной рентгена», — успокоил он себя и тут же забыл об этом, ощутив под ногами что-то твердое. Он нагнулся, шаря впереди себя свободной рукой. Сквозь дымку испарений над ржавой маслянистой поверхностью выступили какие-то угловатые, облепленные илом глыбы.

— Как у вас дела, Алексей Петрович? — раздался голос Ермакова.

— Пока ничего... особенного, — отозвался Быков, — все в порядке. Очень топко. Под ногами не то камни, не то обломки...

Скользя и спотыкаясь, он полез через непонятные глыбы. Под ногами хлюпало, чмокало, чавкало...

— Сильно засасывает? — спросил Ермаков.

— Нет, — ответил Алексей Петрович и провалился по пояс.

«Не утонуть бы ненароком...» — мелькнула тревожная мысль. Но в эту минуту ствол автомата царапнул по твердому. Быков взгляделся с удивлением. Путь преграждала шершавая серая площадка с отсвечивающей на изломе глянцевиной кромкой.

— Анатолий Борисович! — позвал он.

— Да?

— Дальше болото асфальтировано.

— Не понял. Иду к вам.

— Я говорю, дальше болото покрыто асфальтом.

— Ты бредишь, Алексей? — донесся встревоженный голос Дауге. Он вместе с другими членами экипажа стоял у открытого люка и ловил каждое слово разведчиков.

— Правда, настоящий асфальт! Или вроде такыра в наших пустынях.

Быков закинул автомат за спину и уперся руками. Трясина с протяжным сосущим звуком выпустила его. Он стал на колени, отполз на четвереньках от края и встал.

...Тик... тик-тик... тик...

— Настоящий прочный асфальт, Анатолий Борисович. Стою!

— Может быть, это берег? — с тайной надеждой в голосе спросил, подходя, Ермаков.

— Не знаю... нет, не берег. Это как корка над болотом.

Ермаков нагнулся.

— Толщина примерно сантиметров тридцать — тридцать пять, — сказал он.

— Я знаю, что это такое, — вмешался вдруг Крутиков. — Ведь «Хиус» спускался на фотореакторе...

— О черт! — Было слышно, как Юрковский звонко шлепнул себя по шлему. — Ведь это же...

— Спекшийся ил, несомненно, — подтвердил Ермаков. — Фотореактор выжег из него воду, образовалась корка. А «Хиус» при посадке проломил ее.

— Похоже на это, — согласился Быков. Он шел вдоль кромки, с любопытством приглядываясь. — Широкая, как Красная площадь, ровная, танцевать можно. Но вся в трещинах.

— «Мальчик» пройдет? — осведомился Ермаков.

Быков ответил небрежно:

— «Мальчик» везде пройдет.

...Тик-тик... тик... тик-тик...

— Ну что же, товарищи... Я возвращаюсь. Думаю, экипажу можно высаживаться. Юрковский и Спицын, отправляйтесь к Быкову.

— Есть!

— «Вперед, покорители неба!» — насмешливо пропел Юрковский, вылезая из люка. — Эй, Богдан, поберегись!

— А я? — обиженно осведомился Дауге.

— Мы с вами займемся анализом образцов грунта и атмосферы и кое-что посмотрим.

— Хорошо, Анатолий Борисович.

— Михаил Антонович, — распорядился Ермаков, появившись в кессонном отсеке, — ступайте в рубку и попытайтесь прощупать окрестности локатором... Товарищ Быков, сейчас к вам подойдут Юрковский со Спицыным. Вы старший. Попробуйте дойти до внешнего края площадки. Дальше не ходить.

— Слушаюсь.

«Правильно,— подумал Быков.— Глупо ползать вслепую по шею в этой трясине, когда у нас есть транспортер с инфракрасными проекторами. Правда, транспортер еще надо снять...»

Где-то неподалеку чертыхался вполголоса Юрковский. Приглушенный голос Богдана произнес:

— Правее, правее, Володя...

Через несколько минут послышались медленные чавкающие звуки, и из тумана выплыли две серые фигуры.

— Где ты тут, Алешка? Черт, ни зги не видно... Как, еще не сожрали тебя местные чудища?

— Бог миловал,— буркнул Быков, помогая обоим выбраться на «такыр».

Юрковский притопнул, пробуя прочность корки. Богдан, обтирая ладонью забрызганную илом лицевую часть шлема, сказал:

— Зря это, скажу я вам...

— Что?

— Зря ее назвали Венерой.

— Кого? А-а...— Быков пожал плечами.— Дело, знаешь, не в названии.

Юрковский расхохотался.

Они неторопливо пошли, перепрыгивая через широкие трещины, в которых дымилась жидкая масса ила.

— Богдан! — понизив голос, проговорил Быков.— Ведь болото излучает... Слышишь?

...Тик... тик-тик-тик-тик...

— Слышу. Это чепуха. У нас очень чувствительные счетчики, Алеша.

— Все, что попадает под фотореактор, должно излучать,— наставительно изрек Юрковский.— Ясно даже и...

— Погодите-ка...— Богдан поднял руку.

Они остановились. Невнятные голоса Ермакова и Дауге стали едва слышны в шорохах и потрескивании наушников.

— Насколько мы отошли от «Хиуса», как вы думаете? — спросил Спицын.

— Метров на семьдесят-восемьдесят,— быстро ответил Быков.

— Так. Значит, наших радиотелефонов хватает только на это расстояние.

— Маловато,— заметил Юрковский.— Ионизация, вероятно?

— Да...

...Тик... тик-тик... тик... тик...

Они пошли дальше. Рев, бульканье, завывание становились все слышнее. Где-то впереди справа раздался громкий хrap.

— Чу! Слышу пушек гром...— пробормотал Юрковский.

— Вот она!

Внешняя кромка огромной лепешки, выжженной на поверхности трясины пламенем фотореактора, была закруглена и поло-го уходила в жижу. И сразу за ней из тумана выступили бледно-серые причудливые силуэты странных растений. До них было рукой подать — не больше десяти шагов, но белесые волны испарений непрерывно меняли и искажали их облик, открывая одни и окутывая непроницаемой мглой другие детали, и разглядеть их как следует не было никакой возможности.

— Венерианский лес,— прошептал Юрковский с таким странным выражением, что Быков недоверчиво покосился на него.

— Да... венерианский. По-моему, пакость,— кашлянув, сказал Богдан.

— Молчи, Богдан! Ты говоришь ерунду... Ведь это жизнь! Новые формы жизни! И мы — мы! — открыли их...

— Вот, кажется, еще одна новая форма жизни,— пробормотал Быков, с беспокойством вглядываясь в большое темное пятно, внезапно появившееся у края корки недалеко от них.

— Где? — живо повернулся Юрковский.

Пятно пропало.

— Мне показалось...— начал Быков, но низкий, глухой рев прервал его.— Вот, слышите?

— Это где-то здесь, рядом...— Спицын ткнул рукой вправо.

— Да-да, неподалеку. Значит, я действительно видел...

Быков потихоньку потянул из-за пояса гранату, тревожно поглядывая по сторонам.

— Большое? — спросил Спицын.

— Большое...

Снова раздался рев, теперь уже совсем близко. Ни одно земное животное не могло издавать такие звуки — механические, похожие на вой паровой сирены, и вместе с тем полные угрозы.

Быков вздрогнул.

— Ревет... — тихонько сказал он.

— Да... Пойдем посмотрим? — хриплым голосом предложил Юрковский. — Эх, то ли дело на Марсе! До чего щедрая и приличная планета! Санаторий!

...Тик... тик-тик... тик-тик...

— Нет, идти не следует, — сказал Спицын. — Лихачество...

Быков промолчал.

— Бойтесь? Тогда я один... — Юрковский решительно шагнул вперед.

Все произошло очень быстро. Быков повернулся к Спицыну, и в этот момент что-то тяжело рухнуло на площадку, словно сбросили на асфальт тук мокрого белья. Округлая темная масса величиной с упитанную корову надвинулась на людей из тумана. Юрковский отшатнулся и со сдавленным криком сорвался в болото. Спицын попятился. Секунду Быкову казалось, что вокруг воцарилась мертвая тишина. Затем робкое «тик-тик» дозиметра вошло в сознание, и он опомнился.

— Ложись! — заорал он.

Спицын, упав ничком, увидел, как Быков прыгнул назад и взмахнул правой рукой — раз и еще раз. Два тупых гулких удара оглушили его. Туман коротко озарился двумя оранжевыми вспышками, и дважды возникло и мгновенно исчезло в сумраке блестящее влажное тело — громадный кожаный мешок, изрытый глубокими складками. С визгом пронеслись осколки, мелко простучали по «асфальту». Затем все стихло.

— Finita la comedia, — машинально пробормотал Спицын, с трудом поднимаясь на ноги.

— Где Юрковский? — задыхаясь, крикнул Быков.

— Здесь... Дайте руку...

Они втащили на «асфальт» Юрковского, вымазанного с головы до ног. «Пижон», не говоря ни слова, кинулся к тому месту, где три минуты назад находилось чудовище.

— Ничего, — разочарованно сказал он.

Действительно, чудовище исчезло.

— Но ведь оно было? — Юрковский ходил вдоль края площадки, останавливался, нагибался, упираясь руками в колени,

всматривался в неясные очертания спутанных стеблей и стволов за пеленой испарений.

— Было...

— Он... оно ушло.

— Словно растворилось, — задумчиво сказал Спицын.

— Может быть, вы не попали? — наивно спросил Юрковский, останавливаясь перед Быковым, который озабоченно осматривал автомат.

Быков презрительно фыркнул.

— Ну ладно, ушел он, и слава аллаху, — сказал Спицын. — Интересно, что ему от нас было нужно? Хотел пообедать?

— Ер-рунда! — с чувством произнес Юрковский. — У-дивительная ерунда. И откуда только идет это дурацкое представление о чудищах-людоедах с других планет! Досужим писакам вольно выдумывать, будто стоит нам появиться на другой планете, как у всех местных животных аппетит разыгрывается... Но ведь ты... ты же старый межпланетник, Богдан!..

Обратно шли молча. Голосов Ермакова и Дауге не было слышно: вероятно, они уже вернулись во внутренние помещения «Хиуса». Перед тем как вновь ступить в дымящийся ил, Юрковский сказал задумчиво:

— Как бы то ни было, а живность на Венере есть. Очень интересно! Только... вы уверены, Алексей Петрович, что не промахнулись?

Это было уж слишком. Быков яростно засопел и поспешил вперед.

...Тик... тик-тик-тик... тик-тик...

Быков задержался за чисткой оружия и, войдя в кают-компанию, застал спор в самом разгаре. Юрковский и Дауге, разделенные столом, кричали друг на друга, азартно выпятив подбородки. Богдан Спицын, по обыкновению, улыбался и покачивался на стуле, придерживаясь за спинку кресла, в котором сидел Михаил Антонович, и если Богдан время от времени вставлял иронические реплики, то толстенький штурман молчал, сосредоточенно опустошая баночку с фаршированным перцем.

— Тогда почему? — упорно, по-видимому не в первый раз, спрашивал Дауге.

— Что — почему?

— Почему оно кинулось на вас?

— А кто тебе сказал, что оно кинулось на нас?

— Ты сказал...

— Ничего подобного. Оно просто наткнулось на нас. Серость! Серость в яблоках! Наткнулось на нас совершенно случайно! Мало того: я уверен, что, пока brave Алексей Петрович не вцепил в него свои бомбы, оно и не подозревало о нашем существовании!

— А потом стало подозревать, — заметил Богдан, — но было уже поздно...

— ...даже у нас, на Земле, каждое животное имеет свой определенный рацион и нарушает его лишь в крайних случаях и без особой охоты. А здесь! Другой мир, совершенно другие условия существования... Другие законы!

— Как так — другие законы?

— Конечно. Здешним аборигенам для поддержания жизни нужны совсем другие вещества. Какой им прок в костлявом водителе...

— Гм, — сказал Быков.

— ...или в чумазом пилоте? Двуногая мерзость, издающая отвратительный запах, покрытая какой-то кожурой, сухой и твердой! Да вы встаньте на его место... Михаил!

— М-м? — Михаил Антонович встrepенулcя и спрятал банку под стол.

— Стал бы ты есть скользкую жабу ростом с быка?

— Не знаю... Наверное...

— Наверное — да или наверное — нет?

— Наверное — да, — сказал Богдан, отбирая у штурмана консервы. — Михаил! Не нарушай экспедиционного режима, установленного группой знающих людей.

Михаил Антонович жалобно посмотрел на него, но сопротивления не оказал.

— Да-а?! — взвился Юрковский. — Да ты бы аппетит на всю жизнь потерял, глянув только на эту тварь!

— Вряд ли,— печально сказал Михаил Антонович, провожая глазами банку, которую Богдан ставил в буфет.

— Так или иначе,— проговорил Дауге,— но ты, вероятно, не прав, Володька. Другие условия, другие законы... Белок, брат, всегда есть белок.

— И всегда белок ест белок? — продолжил Богдан, возвращаясь к своему месту.— А если это был не белок?

— А что же, по-твоему? Каменный уголь?

— Ну, не знаю. Только мне не понравилось, как он исчез... Слишком уж внезапно. А спорите вы впустую. Данных ни у того ни у другого нет, а потому оба постоянно ссылаются на фундаментальнейшую теорему «Ей-богу, так!» Иоганьч — человек уравновешенный, он мои слова оценит, а тебе, Володенька, я расскажу сейчас историю о глупом щенке Шлепе и о белой ящерице с Каллисто...

— Какой? Скалистой? — не расслышал Быков.

Юрковский фыркнул.

— С Каллисто. Каллисто — это спутник Юпитера, единственное небесное тело, на котором до сих пор удалось обнаружить животную жизнь. Воронов привез оттуда белую слепую ящерицу...

— Знаю,— мрачно сказал Юрковский.— И Левкин проклятый Шлеп ее слопал.

— И как слопал! Моментально! — с удовольствием добавил Дауге.

— Правда, бедняга потом чуть не окоял от поноса...

— Вот видишь...— неуверенно сказал Юрковский.

Крутиков и Быков расхохотались.

— Так печально закончилась встреча существ разных миров,— серьезно заключил Спицын,— собаки с планеты Земля и ящерицы со спутника Юпитера.

— Да ведь и ежу ясно...— Юрковский подумал и махнул рукой.— Пещерные люди!

Вошел Ермаков — как всегда, спокойный, только немного более бледный, чем обычно. Он присел к столу, раскрыл блокнот в кожаном переплете и склонил над ним забинтованную голову. Все замолчали, глядя на него. Быков уселся поудобнее и приготовился слушать.

— Прошу внимания, товарищи,— сказал Ермаков.— Надо обсудить план дальнейших действий.

Стало тихо, слышно было, как пощелкивает холодильник.

— Я не имею еще информации от группы Быкова...— Ермаков захлопнул блокнот и откинулся на спинку кресла.— Алексей Петрович, доложите результаты разведки.

Быков поднялся.

— Болото,— начал он,— очень топкое болото. В десяти шагах от «Хиуса»...

Он рассказывал медленно, стараясь не пропустить ни одной подробности, и с огорчением думал, что за такой доклад начальник геологического управления назвал бы его размазней. Но Ермаков слушал внимательно, одобрительно кивал, делал какие-то пометки в блокноте. Быкова несколько удивило то, что командир, слушая о появлении неизвестного животного, не проявил никакого любопытства и только улыбнулся, когда Юрковский нетерпеливо заерзал, протестуя, видимо, против слишком натуралистического описания его, Юрковского, поведения во время схватки с венерианской гадиной.

— Вот и все,— вздохнул Быков.

— Значит, вверх ногами...— повторил Ермаков.— Спасибо, товарищ Быков. Садитесь.

Дауге подмигнул ему и кивнул в сторону насупившегося «пижона». Быков сделал каменное лицо и отвернулся.

— Ну что ж...— Ермаков поднялся, потрогал повязку, поморщился.— Резюмируем все, что нам известно. «Хиус» совершенно неожиданно для всех нас сел в болото. По моим расчетам, мы находимся не более чем в ста километрах к югу от Голконды. Не более чем в ста... Расстояние, как видите, не велико. При других обстоятельствах нам хватило бы суток, чтобы покрыть это расстояние. Но...

— Вот именно,— прошептал Спицын.

— ...мы сидим на болоте. Мало того, по данным радиолокации — не очень надежным, правда,— болото окружено горным хребтом, заключено в кольцо скал, и в этом кольце не удалось нащупать никаких признаков просвета.

— Вулкан? — спросил Дауге.

— Возможно, мы находимся в кратере исполинского грязевого вулкана. И престранный это вулкан, должно быть, потому что анализ илистой воды показывает... — Ермаков раскрыл блокнот: — Вот, извольте. Смесь примерно в равной пропорции тяжелой и сверхтяжелой воды.

Юрковский подскочил на месте:

— Тритиевая вода?

— T_2O , — кивнул Ермаков.

— Но...

— Да. Период полураспада трития всего около двенадцати лет. Значит...

— Значит, — подхватил Дауге, — либо наш вулкан образовался очень недавно, либо существует какой-то естественный источник, пополняющий убыль трития...

Каким должен быть естественный источник сверхтяжелого водорода — изотопа, который на Земле производится в специально оборудованных реакторах, — Быков не мог себе представить. Но он молчал и продолжал слушать.

— И это еще не все, — сказал Ермаков. — Кратер — если это кратер — представляет собой бездонную пропасть. Во всяком случае наши эхолоты оказались бессильны.

— Каков диаметр кратера? — быстро спросил Юрковский.

— Кратер, очевидно, почти круглый, диаметр его около пятидесяти километров. «Хиус» находится ближе к его северо-восточному краю: с этой стороны от нас до хребта всего восемь километров. Таково положение, товарищи.

Юрковский встал, пригладил волосы:

— Короче говоря, под нами сотни метров трясины. От цели нас отделяют сто километров, из которых десять километров болота, и скалистая гряда. Правильно?

— Таково положение, — кивнул Ермаков.

— Болото наполовину состоит из тритиевой воды. Позволю себе напомнить, что тритий распадается с испусканием нейтронов, а нейтронное облучение — длительное нейтронное облучение я имею в виду — это вовсе не мед, даже при наличии спецкостюмов.

— Совершенно верно.

— Но... Быков заверяет нас, что «Мальчик» пройдет через болото. А через скалы?

— «Мальчик» пройдет везде,— упрямо повторил Быков.— В крайнем случае скалы буду рвать.

— Гм... И все же я предпочитаю, чтобы мы, отправляясь на «Мальчике», оставили «Хиус» в более безопасном положении. Учтите...

Юрковский сел.

— Не думаю, чтобы пришлось рвать скалы,— начал Дауге,— хребет не может быть сплошным. Просто нам придется поискать проход, и мы его найдем.

— И еще прошу иметь в виду,— сказал Спицын,— что «Хиус» не приспособлен к горизонтальному полету. Очень легко ошибиться и промахнуться на несколько тысяч километров. Мы все знаем, чем могут оказаться атмосферные потоки на этой милой планете. И в конце концов, лучше сидеть в болоте, чем лежать на скалах...

Юрковский пожал плечами.

— Насколько я понимаю,— заговорил молчавший до сих пор Крутиков,— речь идет о том, в чем больше риска: в том ли, чтобы оставить все как есть, или в попытке убраться с болота. Так ведь?

— Ваше мнение? — спросил Ермаков.

— Если Алеша... то есть Алексей Петрович ручается за «Мальчика» и если геологи ручаются за «Хиус», следует оставить все как есть.

— Что значит «ручаются за "Хиус"»? — спросил Юрковский.

— То есть докажут, что «Хиус» не провалится в эту самую пропасть и не перевернется.— И штурман сунул в рот пустую трубочку.

Ермаков встал.

— Значит, «Хиус» останется здесь,— твердо сказал он.— Мы с Дауге провели необходимые измерения, и мне представляется, что планетолет стоит достаточно прочно. Во всяком случае, пользуясь выражением Михаила Антоновича, риск провалиться в трясину не больше риска упасть на скалы при попытке переместить место. Итак, «Хиус» остается здесь.

Быков покосился на Юрковского. Тот и бровью не повел.

— Дальше. «Хиус» нельзя оставлять без присмотра. Поэтому с «Мальчиком» пойдут пять человек. Один из пилотов останется.

Спицын вздрогнул и обеспокоенно взглянул на Ермакова. Крутиков вынул трубочку из рта.

— Постоянным дежурным по «Хиусу» я оставляю Крутикова. Возражений нет? Я имею в виду существенные возражения...

По широкому, добродушному лицу штурмана было видно, что у него *есть* возражения — правда, к сожалению, *не существенные*.

— Отлично. Не будем терять время, товарищи. Нам нужно будет тронуться в течение ближайших двадцати четырех часов. Правда, сейчас по венерианскому времени вечер, и старт придется на ночное время, но я не думаю, чтобы темнота помешала нам больше, чем мешает сейчас туман. Давайте закусим...

— ...чем бог послал,— вздохнул Крутиков.

— ...и возьмемся за «Мальчика». Вопросы есть?

Совещание окончилось. Быков заметил, что все наперебой старались выразить свое сочувствие Михаилу Антоновичу, у которого был действительно очень несчастный вид. Юрковский собственноручно налил ему какао, Дауге то и дело обирал с него невидимые пушинки, Спицын открыл для него банку обезжиренной колбасы.

— Кстати,— сказал Юрковский, воткнув вилку в холодную вареную курицу,— очень удачно, что от купола «Хиуса» до поверхности болота всего несколько метров. Нам не придется возиться с блочной системой, в которой я, откровенно говоря, так ни черта и не понял.

— Пустяки,— заявил Дауге,— это вовсе не так уж сложно, и тебе еще представится случай разобраться в ней, Владимир, когда мы будем затаскивать «Мальчика» обратно. А сейчас, разумеется, наше счастье... Как, Алексей?

— В два счета,— промямлил Быков с набитым ртом.

Действительно, «Мальчик» был спущен «в два счета». Переднюю стенку контейнера сняли, разомкнули внутренние крепления, и Быков очень важно попросил товарищей вернуться в кесонную камеру.

— Так будет... кхм... безопаснее,— уклончиво и неопределенно сказал он.

Удивленно пересмеиваясь, межпланетники повиновались. Быков задрал люки вездехода, сел перед пультом и положил пальцы на клавиши. «Мальчик» заворчал, тихонько лязгнул гусеницами. «А теперь... — подумал Быков, — теперь мы удивим их». Оглушительно взвыл двигатель, и «Мальчик» прыгнул. Межпланетники увидели, как широкая темная масса с гулом и металлическим лязгом мелькнула и окунулась в туман. «Хиус» качнулся, словно лодка на волнах. Болото дрогнуло от тяжелого удара. Скрежеща гусеницами по обломкам «асфальтовой» корки, транспортер выкарабкался из трясины, с неожиданной легкостью не то поплыл, не то покатился, разбрасывая вокруг себя фонтаны ила, описал короткий круг и замер под выходным люком звездолета. Яркий белый свет прожектора озарил клубящиеся облака испарений.

— Мастер! — пробормотал Юрковский.

Крутиков восторженно захлопал в ладоши. Длинная нескладная фигура серым привидением выросла перед люком, прижала руки к бокам, и деревянный голос проскрипел в наушниках:

— Товарищ командир, «Мальчик» приведен в походную готовность.

Если можно говорить о спортсменстве в профессии, то Быков всегда был немного спортсменом. Во всяком случае, его прыжки на гусеничных вездеходах без разбега ставили его в первые ряды виртуозов-водителей. Он знал это, гордился этим. Мысль «удивить» товарищей пришла ему в голову внезапно, когда он возился у передней стенки контейнера. Он еще не знал, как отнесется к этому акробатическому номеру командир, и это слегка беспокоило. Но Ермаков только пожал ему руку.

— Все же, Алексей Петрович, вам следовало предупредить нас.

— Это невозможно, — засмеялся Спицын. — Настоящий мастер всегда немного фокусник. Должен же он получить какое-то удовольствие от своего мастерства!

Быков не понял — комплимент ли это или упрек, но на всякий случай ткнул Спицына в бок увесистым кулаком.

Ермаков отдал распоряжение начинать перетаскивать грузы из кладовых к кессону, а сам с Быковым отправился на «Мальчике» в глубокую разведку. Над болотом спускалась ночь, непро-

нищаемая черная тьма окутала все вокруг, когда в тумане снова заплясали пятна света и «Мальчик», переваливаясь с гусеницы на гусеницу, весь забрызганный грязью, вернулся под грузовой люк. В узком коридоре Ермаков присел на один из тюков. Все выжидательно смотрели на него. Быков опустил на корточки рядом с ним. Лицо его выражало рассеянное недоумение.

— Итак, Анатолий Борисович? — не вытерпел Юрковский.

— Что, Владимир Сергеевич?

— Вы были... там?

— Где?

— В зарослях.

— В водорослях,— проворчал водитель.

— Были.

— И...

— Ничего. Быков прав: «Мальчик» проходит везде. Превосходная машина. И превосходный водитель.

— Э-хэм,— кашлянул превосходный водитель.

— А как... там?

— В зарослях? — Ермаков поднялся.— Не сомневаюсь, очень интересно. Рассказывать об этом бессмысленно. Через...— он посмотрел на часы,— через четырнадцать часов двинемся, сами увидите.

Они проработали несколько часов подряд. Погрузка «Мальчика» была в основном закончена.

Быков и Ермаков последний раз осмотрели транспортер от перископов до гусениц, покопались в машинном отсеке, опробовали прочность креплений грузов, заполнивших почти все свободное пространство в пассажирском отделении.

Ермаков задержался у радио, а Быков выбрался наружу. Все уже ждали их, и влажная силикетовая ткань костюмов отсвечивала в луче прожектора.

— Как там, Алеха? — осведомился Дауге.— Скоро спать пойдем?

— Сейчас. Командир уже заканчивает.

— Из-хэ-хэ! — Богдан зевнул, сладко потянулся.— Хорошо будет вздремнуть сейчас... Устал я что-то, друзья...

— Сначала поужинаем,— торопливо сказал Михаил Антонович.— Делаю заявку на кусочек ветчины... у меня со вчерашнего дня в буфете лежит.

— Заявка не принята! — Дауге грозно упер руки в бока.— И вообще, заметьте: тот, кто рассчитывает на эту ветчину, рискует остаться с хорошим аппетитом, как говорят французы.

— Фи,— с негодованием произнес Юрковский.— Вся поэзия убита. Такая чудная ночь, а они — о ветчине.

Быков невольно оглянулся в бархатный непроницаемый мрак, прислушался к жутким звукам, доносившимся с болота.

— Сп'гаведливо, сп'гаведливо! — грассируя, подхватил Дауге.— Это так к'гасиво — туман, и ничего не видно. Ах, Миша, Миша!

— Ну что с ним говорить,— лениво добавил Спицын,— если он... из-хо-хо... криволинейного интеграла по простому контуру взять не может...

Михаил Антонович поднялся. Влажная силикетовая ткань костюма попала в луч прожектора и снова скрылась в темноте.

— Ветчина...— начал он торжественно.

— Крутиков! — грозно крикнул Юрковский.— Как вы смеете? Немедленно выйдите за скобки и одумайтесь!

Слушая шутки товарищей, Быков улыбался, испытывая то теплое радостное чувство, которое возникло у него при первом знакомстве. Господи, как давно это было! Он снова оглянулся на болото и поежился. Все впереди, все впереди!.. Тик... тик-тик... тик — едва слышно отстукивал счетчик.

Крышка командирской башенки откинулась, вылез Ермаков.

— Вы что не спите, полуночники? — удивился он.

— Вас ждем, Анатолий Борисович.

— Сейчас всем спать! Через четверть часа проверю.

Межпланетники, усталые, но довольные, перебрасываясь шутками, поднялись на «Хиус».

Но спать не пришлось. Когда они, сняв спецкостюмы, весело болтая и смеясь, спустились в кают-компанию, чтобы наскоро поужинать, спешивший впереди Крутиков вдруг поскользнулся и с размаху сел на пол.

— Вот злонравия достойные плоды! — провозгласил Юрковский.

— Черт! — Толстый штурман вскочил на ноги и понюхал ладонь. — Какой... кто разлил здесь эту гадость?

— Какую гадость?

Им все еще было весело.

— Не сваливай на других, Мишенька!..

— Ай-ай! Такой большой, а еще...

— Погодите, товарищи... — встревоженно сказал Ермаков. — Что это такое, действительно?

Пол в кают-компании был покрыт тонкой пленкой красноватой прозрачной слизи. И только теперь Быков ощутил резкий, неприятный запах, похожий на смрад от гниющих фруктов. В горле у него запершило. Юрковский шумно потянул носом, фыркнул и чихнул.

— Откуда эта вонища? — проговорил он, оглядываясь.

Ермаков нагнулся и осторожно взял немного слизи на палец в перчатке. Межпланетники недоуменно переглянулись.

— Что, собственно, случилось? — спросил Дауге нетерпеливо.

— Вот, смотрите! — Крутиков указал на буфет. — И там тоже! И там!

Из-под неплотно прикрытой дверцы буфета свешивались фестоны каких-то рыжих нитей. Большое рыжее пятно виднелось в углу возле холодильника. Забытая на столе тарелка была наполнена ржавой мохнатой паутиной.

— Плесень, что ли?

Ермаков, гадливо вытирая палец носовым платком, покачал головой.

— Об этом мы забыли... — пробормотал он.

— А! — Юрковский взял со стола тарелку, наклонил ее и с отвращением поставил. — Я понимаю.

Он подошел к буфету, затем склонился над пятном у холодильника. Быков с испугом и удивлением следил за ним.

— Что случилось? — снова спросил Дауге.

— Вам же сказано, — ответил Юрковский. — Мы потеряли бдительность. Мы впустили противника в свою крепость.

— Какого противника?

— Плесень... грибки...— будто про себя проговорил Ермаков.— Мы занесли в «Хиус» споры венерианской фауны, и вот результат... Как я мог забыть об этом? — Он сильно потер ладонями лицо.— Вот что, товарищи. Отставить сон и ужин. Необходимо осмотреть планетолет и тщательно продезинфицировать все помещения ультразвуком. Пока будем надеяться, что ничего опасного нет... но на всякий случай приказываю всем немедленно принять душ и обтереться спиртом.

— Может быть, после? — спросил Юрковский.

— После тоже. Но и сейчас обязательно. За работу, за работу!

Ошеломленные этой новой неожиданностью, встревоженные незнакомыми нотками в голосе командира, межпланетники принялись за осмотр. Кожаная обивка в некоторых каютах оказалась покрытой белесыми пузырьками величиной с булавочную головку. Полимеровая обивка не пострадала. Предметы, содержащие влагу, поросли нитевидной плесенью. На шерстяных ковриках в душевой, на полотенцах, на простынях образовались пушистые холмики ржавой паутины. Крутиков с ужасом обнаружил, что все неконсервированные продукты в буфете, в том числе облюбованный им кусочек ветчины, превратились в безобразные коричневые комья, издающие резкий, отвратительный запах, а в нижнем кессоне Быков с ужасом обнаружил чудовищный маслянисто-серый гриб, лопнувший при первом же прикосновении.

Это было настоящим бедствием, и пришлось пройтись ультразвуковыми насадками по всем закоулкам.

— Видимо, легкая вода для местной микрофауны гораздо более благоприятна, чем тяжелая,— заметил Юрковский.

— Да... к сожалению...— ответил сухо Ермаков.

Быков на всякий случай окропил дезинфицирующей жидкостью все автоматы и гранаты и спустился, чтобы помочь Дауге, перебиравшему полиэтиленовые пакетики с «вечным» хлебом. Хлеб не пострадал.

— Ты не знаешь, почему Ермаков так встревожился? — спросил он.

— Не знаю. То есть, конечно, гораздо спокойнее было бы без этой пакости... Одно можно сказать: Ермаков не такой человек, чтобы волноваться по пустякам.

Это Быков понимал и сам. Впрочем, Ермаков удовлетворил его любопытство. Когда через три часа усталые до последней степени члены экипажа «Хиуса» сошлись наконец в кают-компании, чтобы поужинать «чем бог послал», как выразился с горьким сарказмом Крутиков (мясной бульон и шоколад), командир сказал, ни на кого не глядя:

— Пять лет назад экипаж американского звездолета «Астра-12», высадившийся на Каллисто, погиб от неизвестной болезни, продолжавшейся пятнадцать часов. Думаю, с нами ничего подобного не случится. Имею все основания так думать. Но... будьте осторожны. При малейшем недомогании немедленно сообщайте мне.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу, и добавил:

— После ужина всем мыться, обтираться и спать. В вашем распоряжении семь часов сна. Вас, товарищ Крутиков, прошу зайти ко мне.

— Я бы сейчас с наслаждением выпил стаканчик коньяку, — шепнул Быков.

Иоганыч коротко вздохнул.

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Справа и слева медленно ползут отвесные черные скалы, гладкие, блестящие, как антрацит. Впереди все тонет в красноватом сумраке — кажется, что стены бесконечного коридора смыкаются там. Дно расселины, изрытое и перекошенное, покрыто толстым слоем темной тяжелой пыли. Пыль поднимается за транспортером и быстро оседает, хороня под собой следы гусениц. А наверху тянется узкая иззубренная полоса оранжево-красного неба, и по ней с бешеной скоростью скользят пятнистые багровые тучи. Странно и жутковато в этом прямом и узком, как разрез ножом, проходе в черных базальтовых скалах. Вероятно, по такой же дороге вел когда-то Вергилий в ад автора «Божественной комедии». Гладкость стен наводит на мысль об удивительной... может быть, даже разумной точности сил, создавших ее. Это еще одна загадка Венеры, слишком сложная, чтобы решать ее мимоходом.

Впрочем, Дауге и Юрковский не упустили, конечно, случая построить на этот счет несколько гипотез. Раскачиваясь и подпрыгивая от толчков, стучаясь головами об обивку низкого потолка, они разглагольствовали о синклиналях и эпейрогенезе, обвиняли друг друга в незнании элементарных истин и то и дело обращались за поддержкой к Ермакову и Богдану Спицыну. В конце концов командир надел шлем и отключил наушники, а Богдан в ответ на чисто риторический вопрос о том, каково его мнение относительно возможности метаморфизма верхних пород под воздействием гранитных внедрений на Венере, серьезно сказал:

— По-моему, рецессивная аллель влияет на фенотип, только когда генотип гомозиготен...

Ответ этот вызвал негодование споривших, но прекратил спор. Быков, понимая в тектонике столько же, сколько в формальной генетике, прекращению спора обрадовался: маловразумительная скороговорка геологов почему-то представлялась ему неуместной перед лицом окутанного красно-черными сумерками дикого и сурового мира, царившего по ту сторону смотрового люка.

Вчера, когда покрытый липкой грязью, волоча за собой длинные плети белесых болотных растений, транспортер вырвался наконец из трясины и тумана на каменистое подножие черного хребта, пришлось долго колесить взад и вперед в поисках чего-нибудь похожего на проход. Скалы, густо заросшие бурым, твердым, как железо, плющом, казались безнадежно неприступными. Тогда Ермакову пришло в голову использовать для поисков радиолокатор, и искомое было найдено в несколько минут — эта самая расселина, скрытая за буйными зарослями голых ветвей с полуметровыми шипами. С ревом и скрежетом транспортер вломился в эти железные джунгли и, помогая себе растопыренными опорными «ногами», ломая и подминая упругие стволы, ввалился в проход. Выйдя наружу, межпланетники молча глядели на стены, на кровавую полосу неба. Потом Дауге сказал:

— А ведь земля под ногами... дрожит.

Быков не ощущал ничего, но Ермаков отозвался тихо:

— Это Голконда... — и, обернувшись к Быкову, спросил: — Пройдем?

— Рискнем, Анатолий Борисович,— бодро ответил Алексей Петрович.— А если встретим завал или тупик, вернемся и еще поищем, только и всего. Или взорвем...

«Мальчик» двинулся дальше. Часы тянулись за часами, километры за километрами, ничего похожего на тупик или завал не появлялось, и Алексей Петрович успокоился.

Ровно гудит двигатель, поскрипывают и трещат ящики и упаковочные ремни. Все уснули, даже неугомонный Юрковский. В зеркале над экраном инфракрасного проектора Быков видит внутренность кабины. Спит Богдан, уронив голову на крышку рации. Спит, лежа ничком на тюках, Юрковский. Спит, прислонившись к нему, Иоганыч и морщит во сне свое хорошее лукавое лицо. Рядом кивает серебристым шлемом Ермаков. А мимо смотрового люка, покачиваясь и кренясь, ползут черные блестящие стены — справа стена и слева стена. Свет фар пляшет по изрытой поверхности неподвижных дюн черного праха. Дальше — сумерки, тьма. Где-то там стены раздвинутся, и «Мальчик» выйдет в пустыню. Если впереди нет тупика.

...Кренятся и опрокидываются черные стены, в смотровой люк заглядывает раскаленное небо. Транспортёр выбирается из глубокой рывины, и снова пятна света плывут по волнам черной слезавшейся пыли. Еще ухаб, еще трещина, и еще...

Пройдено двадцать километров по болоту и почти столько же по ущелью. Быков уже пять часов за пультом управления. Одеревенели ноги, ноет затылок, от напряжения или от непривычного сочетания красного с черным слезятся глаза. Но доверить транспортёр на такой дороге кому-нибудь, даже командиру, нельзя. С транспортёром, конечно, ничего не случится, но скорость... Сам Быков не может позволить себе роскошь дать больше шести-восьми километров в час. Хоть бы скорее кончились эти проклятые скалы!

Ермаков выпрямился и откинул шлем на затылок.

— Как дорога, Алексей Петрович?

— Без изменений.

— Устали?

Быков пожал плечами.

— Может быть, передадите мне управление и поспите?

— Дорога очень сложная.

— Да, дорога скверная. Ничего, скоро выйдем в пустыню.

— Хорошо бы...

Юрковский поднялся и сел, потирая ладонями лицо:

— Ух, славно поспал! Дауге!

— М-м...

— Вставай.

— Что случилось? Фу... А мне, друзья, такой сон снился!..

Иоганыч хриплым голосом принялся рассказывать свой сон, но Быков не слушал его. Что-то случилось снаружи, за прочным панцирем «Мальчика». Стало значительно темнее. Небо приняло грязно-коричневый оттенок, и вдруг в лучах фар закружились, оседая на дно расселины, мириады черных точек. Черный порошок сыпался откуда-то сверху, густо, как снег в хороший снегопад, и скоро не стало видно ни дороги, ни скал. Сигнальные лампы от наружных дозиметров налились малиновым светом, стрелки на циферблатах альфа-бета-радиометра беспокойно запрыгали. Быков круто затормозил. Транспортёр скользнул правой гусеницей в рытвину, развернулся и встал поперек расселины. Тусклый от наполнившей атмосферу пыли свет фар уперся в гладкую базальтовую поверхность.

— В чем дело? — спросил Ермаков.

Быков молча открыл перед ним смотровой люк.

Ермаков помолчал минуту, вглядываясь, затем сказал:

— Черная буря. Я уже видел это.

— Что там такое? — встревоженно спросил Дауге.

Спицын проворчал, глядя через плечо Быкова:

— Карнавал трубочистов.

— Что это, Анатолий Борисович?

— Черная буря. Еще одно свидетельство того, что мы недалеко от Голконды. Выключайте двигатель, Алексей Петрович.

Водитель повиновался, но «Мальчик» продолжал дрожать мелкой неприятной дрожью, от которой тряслось все тело и постукивали зубы. Дробно позвякивал какой-то неплотно закрепленный металлический предмет.

— Голконда близко, — повторил Ермаков.

— Выйдем? — предложил Юрковский.

— Зачем? Пыль радиоактивна, разве вы не видите? Потом придется тратить много времени на дезактивацию.

— Хорошо бы взять пробу этой пакости...

— Можно взять манипуляторами,— предложил Быков.— Разрешите, Анатолий Борисович? — Он повернулся к Дауге. — Выбрасывай контейнер.

Юрковский и Дауге скрылись в кессонной камере, ведущей к верхнему люку, и через минуту в черную пыль перед «Мальчиком» скатился свинцовый цилиндр с винтовой крышкой. Быков положил ладони на рычаги манипуляторов. Длинные коленчатые «руки» выдвинулись из-под днища транспортера, медленно, словно с опаской пошарили в воздухе и опустились на цилиндр. Быков нелепо задрал правое плечо, резко дернул локтями. Клешни манипуляторов вцепились в контейнер.

— Ну-ка! — сказал весело Спицын.

— Не говори под руку,— процедил сквозь зубы Быков.

Цепкие клешни отвинтили крышку, поддержали открытый контейнер под черным снегопадом, снова закрыли крышку и точным движением отправили контейнер в верхний люк.

— Есть! — крикнул из кессона Дауге.

Быков втянул манипуляторы в гнезда и вытер пот со лба.

Ермаков сказал тихо:

— Мне приходилось два раза наблюдать черный буран. Каждый раз перед этим были сильные подземные толчки.

— Но ведь сейчас, по-моему, никаких толчков не было,— заметил Быков.

— На ходу мы могли не заметить.

— А земля дрожит все сильнее...— Спицын прислушался.— В устье ущелья тряска была едва заметна, а теперь...

— Ближе к Голконде...

Юрковский и Дауге вернулись из кессона, оживленно обмениваясь впечатлениями, и Ермаков приказал двигаться дальше. Быков включил инфракрасный проектор. Снова поплыли, покачиваясь, стены расселины. Через полчаса «черный снегопад» прекратился, и полоса неба приобрела прежнюю оранжево-красную окраску. Напряженно манипулируя клавишами управления, Быков краем уха прислушивался к разнообразию голосов у себя за спиной.

— ...вулканический пепел, ясно даже и ежу...

— Расскажи своей бабушке! Радиоактивный вулканический пепел! Ты долго думал? Геолог!..

— Хорошо, а твое мнение?

— Ясно одно, что эта дрянь ничем не отличается от той, что у нас под ногами... под гусеницами.

— Вполне определенное мнение, ничего не скажешь.

— Заметь, между прочим...

— Она нагрета до двухсот градусов.

— Вероятно...

— А вы как думаете, Анатолий Борисович?

— Тахмасиб считал, что появление черной бури связано с деятельностью Голконды. Но ничего определенного, конечно, сказать нельзя.

— Скорее бы добраться... Анатолий Борисович, чашку какао?

— Да, нам будет где развернуться...

— Прежде всего — разведка... Погоди, куда ты через край...

— Изумительная все-таки загадка — эта Голконда!

— Богдан, передай бутерброд...

— Алеха, держи...

Быков замедлил ход, наскоро проглотил два куска ветчины с хлебом и выпил целый термос шоколада.

— Спасибо.

— Давай-ка запишем... эх, трясет очень.

— Потом запишешь...

— Иоганыч! Ты что это? Заместитель Мишки по продовольственной части?

— А что такое? Второй бутерброд...

— Положим, четвертый!..

После трапезы Ермаков, Дауге и Юрковский сняли показания экспресс-лаборатории. С удалением от болота влажность атмосферы резко понизилась, упала почти до нуля. Увеличилось содержание в атмосфере радиоактивных изотопов инертных газов, окиси углерода и кислорода, температура колебалась в пределах семидесяти пяти — ста градусов. Ко всеобщему изумлению и к восторгу Юрковского, экспресс-лаборатория показала в атмосфере заметные следы живой протоплазмы — какие-то мик-

роорганизмы, бактерии или вирусы, жили даже в этом сухом, раскаленном воздухе. Непосредственным результатом открытия явился приказ Ермакова удвоить осторожность при выходах из транспортера и обещание при первом удобном случае сделать всему экипажу инъекции комплекса мощных антибиотиков.

Дауге повздыхал немного и объявил, что надеется дожить до того времени, когда Венеру превратят в цветущий сад и в этом саду можно будет гулять без спецкостюмов и без опасения подцепить какую-нибудь пакоственную болезнь.

— Вообще назначение человека, — добавил он подумав, — превращать любое место, куда ступит его нога, в цветущий сад. И если мы не доживем до садов на Венере, то уж наши дети доживут обязательно.

Затем последовал его долгий спор с Юрковским относительно возможностей преобразования природы — и в первую очередь атмосферы и климата — в масштабах целой планеты. И Дауге, и Юрковский соглашались, что в принципе ничего невозможного в этом нет, но относительно практических методов разошлись весьма далеко и чуть было не поссорились.

Ущелье окончилось внезапно. Скалы-стены вдруг опали и расступились, свет фар померк в красноватом сиянии открытого неба. Быков увеличил скорость. «Мальчик» накренился, нырнул в последнюю рытвину, прогрохотал гусеницами по камням, и бескрайняя черная равнина, ровная и гладкая, открылась глазам межпланетников.

— Пустыня! — обрадованно сообщил Быков.

— Останови, Алексей! — дрожащим от волнения голосом попросил Дауге.

«Мальчик» остановился. Торопливо пристегивая шлемы, межпланетники бросились к люкам. Быков вышел последним.

Да, горы кончились. Гряда зубчатых черных скал, уходящая за горизонт, осталась позади. Позади остался и узкий, поразительно ровный проход. Но то, что вначале показалось пустыней, снова было неожиданностью. Во всяком случае для Спицына, никогда не видевшего пустынь. Он не мог себе представить пустыню без рыжих и черных песков, барханов. Перед «Мальчиком» расстилалась ровная, как стол, черная поверхность, по которой стремительно

неслись туманные струи мельчайшей черной пыли. Далеко у горизонта, затянутого красноватой дымкой, медленно передвигались тонкие, грациозно изгибающиеся тени, словно исполинские змеи, вставшие на хвосты. И над всем этим — оранжево-красный купол неба, покрытый беспорядочной массой темно-багровых туч, с бешеной скоростью скользящих навстречу «Мальчику».

— Как вам понравится т а к а я дорога? — услышал Быков голос Ермакова.

— Пустыня... — спокойно ответил он.

— Разумеется. Родной вам пейзаж. Правда, здесь нет саксаула, но зато это настоящая Гоби, настоящие Черные Пески.

— Черные-то они, черные... — Быков запнулся. — Ну, а дорога неплохая. Широкая, ровная... Теперь полетим.

— Ура! — дурачась, заорал Дауге. — И запируем на просторе!

Шутя и пересмеиваясь, межпланетники вернулись в транспортер. Настроение заметно поднялось. Только Богдан Спицын задержался у люка, оглянулся вокруг еще раз и сказал со вздохом:

— Здесь совсем как у Стендаля.

— То есть? — не понял Быков.

— Все красное и черное. Понимаешь, мне никогда не нравился Стендаль...

Быков снова занял место у пульта. «Мальчик» дрогнул и, набирая скорость, понесся вперед, плавно покачиваясь. Ветер подхватил и рассеял полосу пыли, сорвавшуюся с гусениц. Навстречу мчалась черная пустыня, ветер гнал по ней туманные полосы, горячую пылевую поземку. На красном фоне горизонта гуляли гибкие столбы, вытянутые к тяжелым тучам. Вот вспух маленький холмик, потянулся вверх крутящейся воронкой, влился в тучи — и еще один черный столб погнал по пустыне ветер.

— Смерчи, — проговорил Быков. — Сколько их здесь...

— Лучше не попадать в такую воронку, — заметил Дауге.

— Да, лучше не попадать, — пробормотал Быков, вспоминая, как однажды смерч — куда меньше тех, что гуляют по Венере, но тоже громадный — на его глазах превратил лагерь геологов в центре Гоби в песчаный бархан.

Ветер усиливался. Едва заметный у подножия базальтовой стены, теперь он стучал в лобовой щит транспортера, пронзитель-

но свистел в антенном устройстве. Путь шел в гору, это становилось все заметнее. Транспортёр поднимался на обширное плато. Местами слой песка был сорван ветром, и тогда гусеницы дробно стучали по белым потрескавшимся плитам обнаженного камня.

— Странная, однако, на Венере ночь,— сказал Юрковский, тыча пальцем в багрово-красный горизонт.— Ведь, если не ошибаюсь, мы сейчас на ночной стороне, Анатолий Борисович?

Ермаков слегка усмехнулся:

— Да, это ночь... Красное небо, красные тучи, красный сумрак. Так выглядит ночь на берегах Урановой Голконды. За триста километров к югу отсюда — вечный мрак, а здесь, как видите...

— Вечный закат,— пробормотал Спицын.

— Да.— Ермаков быстро взглянул на него.— Да. Именно так говорил Тахмасиб: «Солнце никогда не заходит над Голкондой...» Все это — и черные бури, и вечный закат — все это Голконда, все это загадка. Решать ее начнем мы.

— Скорей бы,— негромко сказал Юрковский, хрустнув пальцами, и отошел вглубь, к Дауге, который писал что-то, устроившись за маленьким откидным столиком.

Спицын, воткнув в шлем пучки разноцветных проводов, склонился над рацией, пытаясь — в который раз уже — связаться с «Хиусом». Дауге и Юрковский принялись обсуждать план изысканий, переходя время от времени на язык жестов, чтобы не орать и не мешать остальным.

Быков передал Ермакову управление, дал несколько полезных советов, забрался на тюки и приготовился соснуть на ближайшие полтора-два часа, оставшиеся, по словам Ермакова, до Голконды. Но заснуть не удалось.

Богдан Спицын вдруг поднял руку, призывая к молчанию.

Юрковский обрадованно спросил:

— Что? Есть связь?

— Нет... Но... Погодите минутку.

Он принялся торопливо вертеть рубчатые барабанчики верньеров, затем замер, прислушиваясь.

— Пеленги.

— Чьи? «Хиуса»?

— Нет. Слушайте.

Дауге и Юрковский перегнулись через его плечи. Ермаков оставил управление и тоже наклонился к рации. Дауге протяжно свистнул:

— Оказывается, кто-то уже здесь есть?

— Выходит, так.

— Справа по курсу... Интересно! — Ермаков обернулся к Быкову. — Алексей Петрович, возьмите управление на минуту.

— Слушаюсь...

Ермаков пристроился рядом со Спицыным и принял от него наушники. Лицо его было встревоженно.

— Три точки тире точка. Кто бы это?

Он снял наушники и поднялся.

— За последние десять лет в район Голконды были направлены шесть экспедиций и по крайней мере дюжина всевозможных беспилотных устройств.

— Так, может быть... — глаза Дауге расширились, — может быть, там люди? Потерпели аварию и просят о помощи?

— Сомнительно, — покачал головой Юрковский. — Вы как думаете, Анатолий Борисович?

— Кривицкий на Марсе продержался в своей ракете три месяца. Но он нашел воду...

— Да, воду...

— Так что, скорее всего, это автоматический пеленгатор.

Быков, нетерпеливо ерзавший на своем сиденье, вмешался:

— Ну, будем поворачивать?

— Давайте...

Ермаков думал. Впервые Быков видел, что командир колеблется. Но причины для таких колебаний были достаточно веские, и это знали все.

— Вода, — произнес Ермаков.

— Вода, — как эхо повторил Юрковский.

— Возможно, это все же недалеко? — просительно сказал Дауге.

Ермаков решился:

— Хорошо! В пределах двух часов езды — согласен. Алексей Петрович, поворачивайте. Берите по гирокомпасу, — он снова наклонился над рацией, — шестьдесят градусов примерно. Вот так. И выжмите из двигателя все.

«Мальчик» резво бежал наперерез струям пыли, летящим с севера. Ветер бил в левый борт, и порой удары его достигали такой силы, что Быков «шестым чувством» водителя ощущал неустойчивость машины. Тогда он слегка менял курс, стараясь подставить ударам плотной волны газа с песком лобовую броню, или вытягивал правый опорный шест. Богдан с наушниками сидел за рацией и вполголоса корректировал направление. В зеркале качалось бледное лицо Дауге с закушенной губой. Летели минуты, летели багровые тучи... Раз Юрковский нагнулся и что-то неразборчиво крикнул, указывая вперед. Быков успел заметить сквозь пыль странную стекловидную проплешину в несколько десятков метров в диаметре, посредине которой зияла огромная дыра с рваными краями, затем гусеницы коротко прогрохотали по твердому. Он вопросительно оглянулся на Дауге, но тот, видимо, ничего не заметил и ответил ему недоумевающим взглядом. «Мало ли загадок на Венере, — подумал Быков. — Вперед, вперед!» Дрожащая стрелка спидометра качалась между 100 и 120. Таинственный красно-черный мир пролетал справа и слева, скользил под гусеницы. От мелькания кровавых и угольных пятен рябило в глазах.

— Скорее, Алексей, скорее! — шептал Дауге.

Быков зажмурился и потряс головой. И в этот момент Юрковский крикнул:

— Берите влево, влево! Вот он!

— Планетолет! — одним дыханием прошептал Дауге.

Да, это был планетолет, и даже неискушенному в межпланетных делах Быкову с одного взгляда стало ясно, какая катастрофа постигла этот огромный металлический конус. Видимо, его с невероятной силой швырнуло боком о вершину плоского базальтового холма, и он так и остался там, среди циклопических глыб вывороченного камня. Широкие лопасти стабилизаторов были смяты и изорваны, как куски жести, а вдоль всей кормовой части проходила извилистая трещина, забитая черным песком. Внизу, у самой земли, виднелось круглое отверстие — настежь распахнутый люк.

— Да, пеленги автоматические... — глухо сказал Юрковский.

Быков оглянулся на товарищей. Дауге прикусил губу. Красивое лицо Юрковского неподвижно застыло. Сплицын покачивал го-

ловой, словно человек, увидевший то, что ожидал увидеть. Ермаков, потирая ладонью подбородок, хмуро глядел в смотровой люк.

— Подъезжайте ближе, Алексей Петрович, — проговорил он, — нужно осмотреть...

Когда «Мальчик», перебравшись через груды щебня, остановился под открытым люком планетолета, все стали торопливо застегивать шлемы, готовясь к выходу. Но Ермаков остановил их:

— Незачем ходить всем. Со мной пойдут Быков и Спицын.

В крошечной тьме, подсвечивая себе фонариками, они на четвереньках проползли по перевернутому коридорному отсеку к перекошенной стальной дверце. Быков слышал, как скрипит сикет под коленями и часто стучит кровь в висках.

— Ч-черт... — задыхаясь, бросил Ермаков. — Сил не хватает. Попробуйте вы, Алексей Петрович.

Быков уперся в дверь, нажал. С пронзительным скрежетом она подалась, образовался узкий проход.

— Входите, товарищи...

Они оказались в пустом кубическом помещении — очевидно, в кессоне. В лучах фонариков блеснули обломки разбитых приборов. Ермаков нагнулся, поднял чешуйчатый металлический костюм, внимательно осмотрел.

— Кислородные баллоны пусты, — пробормотал он, — все ясно.

— Глядите! — сдавленным голосом вскрикнул Спицын.

Быков оглянулся и попятился. Что-то загремело под ногами. Позади виднелась узкая полоска света.

— Вход, — сказал Ермаков. — Пошли.

Они миновали освещенную кают-компанию, осторожно перешагивая через обломки мебели и обугленное тряпье, покрытое бурными пятнами — вероятно, когда-то это были простыни, — и протиснулись в рубку.

— Здесь...

На стене, бывшей в свое время потолком, горело матовое полшарие лампы. Треснувшая поперек панель управления была сдвинута с места, из-под нее торчали обгорелые провода. Но радиопередатчик работал, дрожали зеленые и синие огоньки за круглыми разбитыми стеклами. И перед ним, уронив косматую, обмотанную серыми бинтами голову, сидел мертвый человек.

— Здравствуй, пандит Бидхан Бондепадхай, отважный калькуттец,— тихо сказал Ермаков и выпрямился, положив руку на спинку кресла.— Вот где довелось тебя встретить... Ты умер на посту, как настоящий Человек...

Он помолчал, стараясь справиться с волнением. Затем поднял сжатый кулак и отчетливо проговорил:

— Светлая тебе память!

Они подняли тело межпланетника и осторожно положили его на пол.

— Ну что ж, лучшего памятника, чем этот планетолет, для него не придумаешь.— Ермаков склонил голову.— Оставим его здесь.

Быков смотрел на худое, искалеченное тело, наскоро и неумело обвязанное простынями и обрывками белья, и думал о том, что этому человеку, бойцу науки, наверное, не было страшно умирать одному, за миллионы километров от Земли. Такие не падают духом, не отступают. Такими сильно человечество.

Спицын отошел от радиопередатчика.

— Сам чинил аппаратуру,— вполголоса сообщил он,— и сам наладил автомат-пеленгатор. Но как он уцелел при таком ударе — не могу себе представить. Здесь все разбито вдребезги.

Быков вздрогнул, пораженный новой мыслью:

— Анатолий Борисович, а где же остальные?

— Кто?

— Ну... его спутники.

Ермаков ответил:

— Бондепадхай-джи летел на Венеру один.

Забрав бортжурнал, пленки из автоматических лабораторий и дневники, они тщательно закрыли за собой двери и направились к выходу. Выбравшись из люка, Ермаков сказал, понизив голос:

— Там, в «Мальчике», поменьше подробностей о том, что видели. Спицын, сделайте несколько снимков корабля — и пошли.

В кабине «Мальчика», усевшись за пульт управления, он кратко и сухо рассказал геологам о гибели Бондепадхая.

Дауге спросил только:

— Это тот самый Бидхан Бондепадхай, что основал на Луне обсерваторию? Калькуттец?

Ему никто не ответил, и лишь несколько минут спустя Ермаков, не отводя глаз от смотрового люка, проговорил:

— Эта планета — чудовище. Вероятно, половина всех жертв в истории звездоплавания принесена ей. И каких жертв... Но мы ее возьмем! Мы ее укротим!

Ермаков был в шлеме, и Быков не видел его лица, но он видел сжатые в кулаки руки, лежащие на панели управления, и знал, что под силикатовой тканью стиснутые пальцы холодны и белы, как мрамор.

«Мальчик» уверенно шел на север, навстречу ветру, обходя смерчи. Два из них с шумом столкнулись, распались в косматое облако, и свирепый ветер подхватил его и погнал прочь к далекому горизонту. И вот впереди, гася красное сияние неба, вспыхнуло ослепительно синее, неправдоподобно прекрасное зарево. На его фоне отчетливо проступила сиреневая волнистая гряда далеких холмов. Зарево дрожало, переливаясь бело-синими волнами, в течение нескольких минут. Затем померкло и исчезло.

— Голконда фальшиво улыбнулась нам, — сказал Ермаков. — Идет Черная буря. Алексей Петрович, берите управление. Сейчас, вероятно, нам понадобится вся ваша сноровка.

ВЕНЕРА ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

Позже Быков никогда не мог восстановить в памяти с начала и до конца все то, что произошло через несколько минут после слов командира. Еще меньше могли бы рассказать остальные, не успевшие или не пожелавшие наглухо пристегнуть себя к сиденьям. Черная буря Голконды не приносится и не налетает ураганом — она возникает мгновенно, как отражение в зеркале, сразу и справа, и слева, и спереди, и сзади, и сверху, и снизу. Взглянув на инфразэкран, Быков успел только заметить исполинскую чернильно-черную стену в сотне метров от «Мальчика» — и наступила тьма. Здесь кончались впечатления и начинались ощущения.

Транспортер был отброшен назад со скоростью курьерского поезда, и Быков с размаху ударился головой в шлеме о переднюю стенку. Из глаз посыпались искры. Быков зашипел от боли и вдруг

почувствовал, как «Мальчик» задирает нос, становясь на дыбы. Ремни впились в тело, затрещали, но выдержали. Вокруг, в крошечной тьме, визжало и грохотало; вцепившись в пульт управления, оглохший, ослепший, задохнувшийся от страшного напряжения, Быков дал полный, самый полный вперед и выбросил одновременно все четыре опорных рычага. Задний правый сломался через секунду. Тьма закрутилась бешеной каруселью. «Мальчик» повалился набок, прополз несколько десятков метров по песку и перевернулся вверх дном. Уцелевшие рычаги приподняли его, и буря сделала все остальное — транспортер снова встал на гусеницы.

Как всегда в минуты смертельной опасности, мозг работал быстро, холодно и четко. Быков сопротивлялся, слившись с великолепной машиной, напрягая все мышцы, следя расширенными остекленевшими глазами, как на экране в бездонной мгле возникают дрожащие голубые клубки. «Удержаться, удержаться!..» На экране плясали ослепительные шары, беззвучно взрывались, разбрызгивая огонь, в грохоте и вое бури, гусеницы многотонной машины вращались с бешеной скоростью, сверхпрочные титановые шесты впились в почву, но «Мальчик» отступал. Буря снова повалила его, поволокла. «Удержаться, удержаться!..» Уау-у, уау-у... — ревет, и воет, и грохочет, надрывая барабанные перепонки. На губах какая-то липкая слякоть... Кровь? А-ах! Быков повисает на ремнях головой вниз, бессознательно надавливает клавиши... А на экране скачут косматые огненные клубки... Шаровые молнии? А-ах!.. «Удержаться, что бы там...» И снова «Мальчика» бросает на корму...

Потом все кончилось так же внезапно, как и началось. Быков выключил двигатель и с трудом снял руки с пульта управления. В смотровой люк снова заструился красноватый свет, показавшийся теперь прекрасным. В наступившей тишине торопливо и четко застрекотали счетчики радиации. Быков оглянулся. Ермаков непослушными пальцами путался в ремнях. Богдан Спицын без шлема сидел на полу около рации, очумело крутя головой. Лицо его было вымазано черным до такой степени, что Быков даже испугался — пилота-радиста было трудно узнать. Ермаков отстегнулся наконец и встал. Ноги у него подгибались.

— Ну, знаете, чем так жить...— проговорил Богдан. Белые зубы его блеснули в спокойной улыбке.— Неужели молодость и нашей Земли была такой беспокойной?

Из-под столика у стены выполз Дауге, встал на четвереньки, попробовал подняться, но потом, видимо раздумав, выругался полатышски, снова сел, прислонившись к тюкам, и стянул шлем. Его мутило. Юрковского долго не могли найти под грудой развалившихся ящиков. Он был без сознания, но сразу пришел в себя и, открыв глаза, осведомился:

— Где я?

Быков облегченно улыбнулся, а Богдан серьезно сказал:

— В «Мальчике». «Мальчик» — это такой транспортер...

— К черту подробности! На какой планете?

— Поразительная способность — в любых условиях цитировать бородатые анекдоты,— злобно проговорил Дауге. Он сидел в прежней позе, с отвращением рассматривая содержимое шлема, лежащего на коленях.— Вот они, твои бутербродики! Все здесь... Пожалел, скупердяй!..

Юрковский сразу поднялся, задыхаясь от восторга.

— Шер Дауге! Знаешь, какого ты сейчас цвета?

— Знаю. Желтого. Бутерброды были с сыром...

Спицын захохотал, размазывая по лицу черную грязь, Юрковский вытянул руки по швам — равняясь на Дауге, который, отставив от себя подальше шлем, понес его, как полную чашу, направляясь к выходу.

— К церемониальному маршу! Равнение на середину!..

Дауге споткнулся о тюк, без малого уронил свою ношу и яростно выразился.

— ...И скажет: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила,—

ликующе провозгласил Юрковский.

— Товарищи межпланетники! — прозвенел голос Ермакова.— Немедленно надеть шлемы! Тревога!

Быков, только что собиравшийся снять шлем, удивленно обернулся.

— Пыль! Радиоактивная сажа! — Ермаков склонился у стены в напряженной позе. — Надеть шлемы! Спицын — мыться немедленно! Приготовиться к дезактивации!

Быков понял. Стены, пол, ящики и тюки, приборы, костюмы, лицо Спицына — все было покрыто налетом тончайшей черной пудры, вбитой чудовищным напором бури в микроскопические, почти капиллярные зазоры закрытых люков. Запыленный колпачок индикатора мерцал зеленым, и сразу все услышали стрекотание радиометров. Юровский стал торопливо шарить пальцами у застежек спецкостюма. Богдан кинулся в умывальную. Дауге поколебался мгновение, но под тяжелым взглядом командира решительно сунул голову в шлем.

— Алексей Петрович, осмотрите «Мальчика» снаружи, — коротко приказал Ермаков и тоже надел серебристый колпак.

Снаружи было удивительно тихо. Ветер, непрерывно дувший с Голконды, прекратился. Исчезли гигантские смерчи, еще полчаса назад мотавшиеся у горизонта. Быков спрыгнул с борта «Мальчика» и по колени ушел в мягкую черную пыль. Почва дрожала так сильно, что у Быкова застучали зубы. В наушники поминутно врвался глухой грохот.

— Голконда! — Быков впился глазами в холмистый горизонт.

В багровом мареве то обрисовывался, то снова пропадал далекий, очень далекий горный хребет, колеблясь в восходящих потоках раскаленного газа. Бу-бу-бу-бу, — рокотало оттуда.

«Мальчик» стоял дыбом, слегка накренившись на правый борт, похожий на огромного черного искалеченного паука. Под днищем намело мягкий холм, коленчатые стержни глубоко ушли в пыль.

Обойдя транспортер спереди, Быков увидел широкие полузасыпанные борозды, тянущиеся на несколько десятков метров, — это были следы отступления. Они казались неглубокими, но, вступив в одну из борозд, он провалился по пояс.

Правый задний опорный шест висел «на ниточке». Натиск бури вывернул титановую «кость» из сустава, и она бессильно вытянулась, полузасыпанная черным прахом. Это можно было починить, но прежней прочности уже не вернешь. Быков вздохнул и принялся за работу.

Ремонт подходил к концу, когда Быков, увлеченный работой, услышал над ухом голос Ермакова:

— Как дела? Мы уже справились...

Командир спрыгнул с транспортера, присел рядом на корточки.

— Легко отделались. Я вижу, вы тоже заканчиваете.

— Д-да... — пропыхтел Быков. — Жалко «Мальчика». Покалечил ножку, бедняга.

Став на колени, он критически рассматривал результаты своей работы.

— Годится для увеселительных прогулок... Плохо, Анатолий Борисович, сами видите... — Он вздохнул и принялся собирать инструменты. — Надо было мне уступать. Все уцелело бы...

Командир усмехнулся.

— Вы знаете, сколько времени длился ураган? — спросил он неожиданно.

— Ну... минут двадцать... Трудно сказать, я не засекаю по часам.

— А я следил: три с половиной минуты.

— К-как?

— Три с половиной минуты, Алексей Петрович, и за это время нас отбросило на тысячу метров. Если бы вы уступили, «Мальчик» был бы сейчас за сто километров отсюда... И валялся бы разбитый вдребезги вдобавок. Вы и не подозреваете, какой вы молодец, Алексей Петрович! — Он нежно погладил стальной рычаг. — А теперь — вперед! Дорога открыта, Голконда рядом. Слышите? (Бу-бу-бу...) Километров пятьдесят. Ее уже видно — вон те черные пятна... Нет, это не горы — это клубится Голконда.

Перед тем как последовать за командиром в люк, Быков оглянулся. И вот, как в странном тумане, у горизонта возникли, расплываясь, широкие лиловые полосы. Рябило в глазах. Быков зажмурился, потряс головой. Полосы исчезли.

— Только этого и не хватало! — пробормотал он, карабкаясь по броне. — Галлюцинации... Милое дело!

Внутренние кабины «Мальчика» были чисто вымыты, блестя металлом и пластмассой. Груз аккуратно уложен и закреплен. Вздрыгнутый, с мокрыми после мытья волосами, Богдан возился у рации. Геологи сидели в своем уголке за откидным столиком. Юрковский быстро листал какой-то справочник, по-

свистывая сквозь зубы. Тихо, мирно, уютно... Быков сразу захотел спать — сказывалось нечеловеческое напряжение последних часов. Глаза слипались.

— Анатолий Борисович...

— Спать, спать! — быстро прервал его Ермаков. — Немедленно спать.

— Слушаюсь! — обрадованно сказал Быков и присел на тюки, снимая шлем.

Дауге следил за ним с дружеской улыбкой. Но, когда Быков снял колпак, Дауге вскочил на ноги и издал странный звук, изумивший Алексея Петровича и заставивший всех разом оглянуться.

— Мамо ридна, помичныця межпланетныквив усёго свиту! — пробормотал Юрковский, неумело крестясь. Спицын ахнул. Ермаков резко поднялся.

— Ч-что такое? — растерянно спросил Быков, оглядывая себя.

— Подожди, подожди, Алексей, что это? — заикаясь, проговорил Дауге.

— Да в чем дело?!

— У вас все лицо в крови, Алексей Петрович, — сказал Ермаков. — Вы, вероятно, ударились лбом при толчке.

— Ударился один раз, — пробормотал водитель, ощупывая нос.

— Не трогайте руками... Сейчас я вам промою ссадину... Да не трогайте вы руками, говорю!.. Владимир Сергеевич, дайте ему зеркало.

На лбу чернела огромная ссадина, нос распух, нижняя губа приняла необычайную форму и все еще сочилась кровью. Щеки были разрисованы замысловатым узором. Быков сердито отстранил зеркало.

— Действительно, мама родная...

— Ничего опасного. — Ермаков быстро и ловко промывал ранки. — Эффектно, но не страшно... Но вот как вы ухитрились этого не заметить и не почувствовать?..

— Так, саднило немножко... Кто мог думать?..

— Я лично этому отнюдь не удивляюсь, — сказал Дауге.

— Чему?

— Тому, что ты ничего не почувствовал. Я, например, чувствовал только, что все время стою вверх ногами и придерживаю языком желудок...

— Не мог ты все время стоять вверх ногами... Спасибо большое, Анатолий Борисович. Все в порядке.

Быков повесил шлем на крюк и, покряхтывая от наслаждения, полез на тюки.

— То есть нисколько не сомневаюсь, что «Мальчик» иногда и стоял на гусеницах в этой чертовой каше... Я слишком о нем высокого мнения, чтобы сомневаться. Но лично я точкой опоры имел собственную голову... в течение всего рассматриваемого периода.

— Это хорошо сказано — «точка опоры»... Люблю конкретность формулировок, — заметил Юрковский, снова принимаясь за справочник.

— Намеков не понимаю... Да... А вот почему это было так — это совершенно неясно.

— Еще одна загадка, — сказал Спицын.

— И решение не лежит на поверхности, — подхватил Юрковский.

Дауге что-то сказал — что-то про «человекоподобных работников науки», — но Быков уже спал.

Большой белый корабль нес его, плавно покачиваясь, по широкой синей реке. Ярко светило солнце, далеко-далеко темнели берега за голубоватой дымкой, а над водой носилась ослепительно белая стремительная птица. Качка становилась все сильнее, палуба уходила из-под ног. Кто-то закричал: «Бу-бу-бу! Ну и дорожка!» Быков полетел за борт, дрыгнул ногами и проснулся. Транспортёр швыряло и подбрасывало. Ермаков вел машину, а остальные, цепляясь друг за друга, сгрудились у него за спиной, глядя на экран.

— Словно клыкастые зубы, — заметил Богдан Спицын. — Престарелая богиня красоты, и мы у нее в зубах.

Быков слез со своего жесткого ложа и, подобравшись к товарищам, просунул между Богданом и Дауге. Пустыня кончилась. Обходя нагромождения серого камня, «Мальчик» шел через лес гладких прямых столбов. Над грудями камня торчали, возвышаясь на много метров, черные остроконечные скалы — сотни их виднелись вдали. Почва была изрыта трещинами и воронками, поросшими жестким плющом. Колючие ветки обвивались вокруг уткнувшихся в низкое небо скалистых башен. Каменная чаша

обступала транспортер. Богдан был прав — скалы удивительно напоминали старые редкие зубы.

Тряска становилась невыносимой. Юрковский вдруг замычал, затряс головой — прикусил язык. Быков тронул плечо Ермакова:

— Надо остановиться, Анатолий Борисович, здесь легко пороть брюхо «Мальчику».

Ермаков кивнул. Он подвел машину к ближайшему столбу и выключил двигатель.

— Надо разведать дорогу, — сказал Быков, нагибаясь к смотровому люку. — Может быть, следует вернуться и обойти это место.

— Нет! — отрезал Ермаков. — Полоса скал тянется, вероятно, далеко. У нас нет времени.

— Нужно рвать скалы. Несколько мин — только и всего, — предложил Богдан Спицын.

Ермаков подумал, затем решительно поднялся:

— Проведем разведку. Вчетвером. Водитель остается у машины.

— Слушаюсь.

— На разведку, на разведку! — обрадованно запел Дауге, размахивая геологическим молотком.

— Молоток отставить, — приказал Ермаков. — Взять только оружие.

— Анатолий Борисович, ведь мы ни разу...

— Нет времени. Юрковский, Спицын, быстрее! Быков, от машины не отходить. Даже если услышите выстрелы... Все готовы? Пошли.

Быков выбрался вместе со всеми, присел на броню. Он сидел на чуть выступающей командирской башенке «Мальчика» и смотрел, как удаляются по расходящимся путям человеческие фигурки — маленькие, словно мошки, среди тяжелых потрескавшихся валунов. Юрковский с Богданом уходили вправо, Ермаков с Дауге — прямо. Некоторое время он еще слышал голос Юрковского, уверявшего, что здесь лучший в мире геологический заповедник, веселый смех Богдана, бодрый басок Иоганыча, напевавшего песенку про аргонавтов, потом все затихло. Быков остался один.

По небу по-прежнему неслись рваные тучи, ветер неистово ревел в вышине среди черных столбов, несколько раз раздавался отрывистый треск — Быкову казалось, что это сигнальные выстрелы, и он подскакивал на месте и оглядывался. Потом он понял, что это ветер сталкивает валуны друг с другом, однако спустился в машину, достал автомат, перекинул через плечо. Почву сотрясали тяжелые удары, и сквозь вой ветра порою доносилось роко-чущее «бу-бу-бу» далекой Голконды.

Удивительно все-таки мрачное место! Впереди, сзади угрюмые голые столбы, словно колонны огромного разрушенного здания. Быков представил себе: когда-то здесь стоял великолепный древний дворец. В нем не было комнат — только роскошные колонны черного камня. Меж колонн с достоинством выступали люди в белых, как снег, одеждах — благообразные бородатые мудрецы, изящные женщины, воины в медных шлемах, со щитами... Как на рисунке, который ему как-то пришлось видеть в историческом романе об Атлантиде... Потом налетела Черная буря, разрушила свод; свод рухнул, провалился между колоннами. Все погибло, и среди пустыни остался только лес безмолвных черных гладких столбов...

Быков вдруг вскочил, схватился за автомат. Ему показалось, что из-за ближайшей колонны бесшумно выдвинулся огромный темный человек ростом с дом и замер, приглядываясь. Нет, это просто каменная глыба. Валуны поражали причудливостью форм. Успокоившись, он принялся разглядывать самые близкие, отыскивая знакомые очертания. Вот спящий лев; смеющаяся физиономия в шапке; гигантская жаба; что-то вообще непонятное с рогами и вытаращенными глазами... Каменные дебри жили своей неподвижной дремотной жизнью. Тихонько, так, чтобы незаметно было, дышали, подрагивая боками, замершие странные звери, поглядывали украдкой из-под тяжелых зажмуренных век на пришельцев из другого мира. Тигры, ящеры, драконы — каменное население каменного венерианского леса.

Быков подумал, что здешний край все-таки очень беден жизнью. На Земле в пустыне увидишь змею, скорпиона, паука-фалангу; на краю пустыни — сайгу... А здесь? Правда, на болоте

жизни много, даже чересчур, пожалуй, но в горах и в пустыне — только жесткие колючки, растущие прямо из камня... Когда «Мальчик» еще выбирался из горного кольца около болота, Быкову почудилось, что какая-то стремительная тень скользнула вдоль стены и скрылась в колючих зарослях. Но это, наверное, обман зрения... Гиблые места... Камень, только камень... Мертвый, неподвижный, черный камень...

Быков вспомнил зеленый ковер весенней травки, поникшие ветви карагачей, белые глинобитные домики окраин, журчание воды в рыке — вздохнул грустно: Земля, Земля...

Вдали из-за валуна выпрыгнула черная фигурка — возвращаются! Быков поднялся во весь рост, присматриваясь. Кто-то неторопливо шел, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Вот споткнулся, чуть не упал, в наушниках Быкова слабо скрипнул голос. Юрковский! Чертовски приятно видеть человека на этом каменном кладбище. Идет, не торопится, и голос сердитый — видно, дороги нет... Плохо дело, придется рвать скалы... волокита... Быков опять вздохнул, потом невольно рассмеялся: эк его, однако, качает! Геолог нелепо взмахнул одной ногой, изогнулся и съехал с большого валуна, через который перебирался, желая, видимо, сократить путь. Наушники донесли взрыв негодования. Алексей Петрович улыбался — приятно, удивительно приятно видеть здесь человека! Юрковский, в конце концов, вовсе не плохой парень и действительно совсем не пижон. Но любит задирать нос и вообще... поэт. Быков не очень понимал стихи и к романтике относился скептически. В жизни еще слишком много прозы, чтобы заниматься поэзией, а из каждых десяти романтиков девять не стоят скорлупы от съедаемых ими яиц...

Юрковский подошел, тяжело дыша. Стащил через голову автомат, с отвращением бросил его на броню, присел на булыжник. Быков спросил, выждав:

— Есть дорога?

Юрковский махнул рукой:

— Валуны, ямы какие-то, черт бы их драл... Торчат обломки из песка — метра по полтора, острые как бритва, а там, — он махнул рукой в сторону, откуда пришел, — метров через двести эти

Венерины зубки сплошной стеной, человек не пролезет. Короче говоря, тупик. Придется вам, водитель, поворачивать свои бронированные оглобли. Кто-то из умников предлагал взять на «Хиус» вертолет. Чудак! Здесь бы эту машинку через три секунды в щепки разнесло...

— Может быть, Ермаков с Дауге дорогу найдут...

— Возможно, хотя и сомнительно; наверное, придется искать обход: не взрывать же все подряд! Я бы на вашем месте начал разводить пары.

Юрковский вскарабкался на броню, сел рядом с Быковым, вытянул ноги и постучал ступней о ступню.

— А Голконду-то слышно! Чуете, Алексей Петрович? Чудесный край загадок и тайны... Дикая, первозданная природа! Людским дыханием не оскверненный воздух и бездорожия нетоптанный простор, а?..

Быков неопределенно помычал. Манера Юрковского разговаривать раздражала. И великолепный «романтизм» его казался нелепым, позерским. Он, Быков, считал, что «Хиус» прокладывает дорогу для тех, кто пойдет вслед за ним, покончит с «нетоптанным бездорожьем», изменит здесь климат, построит прекрасные города... и тогда на этом самом месте можно будет выпить кружечку холодного пива, как в павильоне на углу Пролетарского проспекта и улицы Дзержинского в Ашхабаде...

— А вот еще загадка... — «Пижон» протянул руку.

Над вершинами скал беззвучно возникли и протянулись по небу давешние лиловые переливающиеся полосы. Быков вскочил.

— Ага! Вы их тоже видите!

— Что значит «тоже»? — удивился Юрковский. — Трудно не увидеть...

Полосы медленно погасли, словно растаяли в багровом свете.

Вдали показались еще две фигурки — они поднялись на валун, одна помахала рукой. Быков махнул в ответ.

— Вот и Ермаков с Дауге. Что же Богдан? Вы разошлись с ним, что ли, Владимир Сергеевич?

— Да, видно, разошелся, — рассеянно ответил Юрковский, следя за приближавшимися товарищами. — Здесь легко разо-

тись — за десять шагов из-за камней ничего не видно, а я возвращался другой дорогой. Он давно ушел?

— Как это — ушел? Вместе с вами...

— Что? — спросил Юрковский, очевидно не расслышав его слов.

Быков промолчал, соображая. Что он, смеется, что ли, чужак?

— Там же ерунда какая-то была, течь в кислородном баллоне. Неполная герметичность...

— Что такое? — Быков ощутил странное беспокойство. Он не понимал Юрковского.

Тот, по-видимому, тоже удивился:

— У Богдана что-то случилось с кислородным баллоном. Он сказал мне, чтобы я не задерживался, а сам вернулся к «Мальчику» взять новый... На всякий случай. Вы что — отлучались, что ли, Алексей Петрович?

— Богдан вернулся к «Мальчику»?

— Вернулся. Взять новый баллон...

— Богдан не возвращался к «Мальчику», — с трудом выговорил Быков, ощущая во всем теле томительный холодок нехорошего предчувствия.

— Не возвращался?

Оба они вскочили одновременно и уставились друг на друга, едва осознавая тяжесть надвигающейся беды. Быков не видел лица Юрковского и только вдруг совершенно перестал слышать его дыхание.

— Осторожнее, осторожнее, Анатолий Борисович... Вот так!... — раздался голос Дауге.

Быков оглянулся. Дауге и Ермаков подходили к транспортеру. У геолога на шее висело два автомата, он поддерживал командира под руку. Ермаков шел медленно, сильно припадая на правую ногу. Не доходя нескольких шагов, он проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Готовьтесь, водитель. Там можно пройти. Все в машину!

Неожиданно Юрковский прыгнул на землю, подхватил автомат и, не говоря ни слова, кинулся прочь, скользя и спотыкаясь на каменных обломках. Быков отстал от него на секунду.

— Дауге! — рывкнул он таким голосом, что тот вздрогнул и вытянулся. — Один автомат командиру — и за Юрковским, живо!.. Анатолий Борисович, вероятно, с Богданом беда. Разрешите идти?

— Идите! — крикнул Ермаков.

Дауге уже бежал впереди, путаясь в колючих стеблях плюща. Быков бросился за ним. Ноги разъезжались, срывались с гладкого камня. Почва — крупный щебень пополам с булыжниками, припорошенными песком с пылью, — уходила из-под ног, щетинилась острыми обломками. Быков сразу покрылся потом. «Скорее, скорее», — стучало в висках. Мысль работала быстро, четко. Либо Богдан подвергся нападению («Вряд ли — скалы мертвы...»), либо поскользнулся, расшибся, лежит без сознания («Тогда найдем, непременно найдем...»), либо заблудился («Но почему тогда не стреляет, не зовет?»). Хлестко ударила автоматная очередь. Богдан!.. Нет, это Юрковский. Правильно, молодец, включил сигнальный магазин, забрался на валун, на тот, что похож на жабу, оглушительно бьет из автомата в низкое небо. Перестал, прислушивается... Нет ответа, нет... Камень отвечает замысловатым раскатистым эхом, да воет ветер в вершинах остроконечных скал...

Быков сидел, прислонившись спиной к грудке тюков, медленно жевал прессованную ветчину, жадно запивая фруктовым соком из нейлонового стаканчика. Тяжело, с хрипом дышал во сне Дауге. Он свалился где сидел, прямо на полу. Темное лицо его еще больше почернело, щетинистые щеки ввалились. Время от времени он торопливо бессвязно бормотал что-то по-латышски, судорожно шевеля губами. Над рацией склонился неподвижный Ермаков. Глаза его были закрыты, только тихонько двигались белые сухие пальцы на блестящей кремальере. Он прощупывал эфир, пытаясь связаться с «Хиусом». Раньше это всегда делал Богдан. Богдан... Над головой по пласт-броню постукивают медленные, усталые шаги. Это Юрковский.

Юрковский считает себя виновным в несчастье с Богданом. Дауге и Быков пытались переубедить его, но безуспешно.

— Я не должен был отпускать его одного, — твердил он, глядя на товарищей пустыми глазами.

Бедный Богдан... Бедный Юрковский...

Двенадцать часов бродили они по каменным дебрям.

Глухое эхо отвечало на выстрелы, мерно рокотала далекая Голконда, гулко лопались горбатые валуны, заставляя их вздрагивать и озираясь. Богдан не отвечал. Они находили стреляные гильзы — там, где побывали уже сами. Полустертые следы ног — своих собственных ног. Богдан не откликался... Они почти не разговаривали друг с другом, только иногда, когда Дауге или Юрковский пытались отделиться от маленького отряда, Быков приказывал им вернуться голосом, которого не узнавали ни они, ни он сам. Несколько раз им казалось, что откуда-то издалека доносятся выстрелы, — они опрометью бросались туда, стреляя на ходу, и всегда оказывалось, что они ошибались. Пот заливал глаза, ноги подгибались и дрожали. Все чаще они спотыкались и падали, и все труднее им было подниматься. Наконец Юрковский упал, а Дауге, пытаясь ему помочь, свалился сам. Быков подошел к ним и опустился на щебень, с трудом подогнув одеревеневшие ноги. Некоторое время он смотрел, как Юрковский, задыхаясь, пытается подняться, еле шевеля руками, не поднимая отяжелевшей головы, потом сказал:

— Пошли к «Мальчику»... Надо передохнуть.

— Не-е-ет! — яростно просипел Юрковский.

Но они все-таки пошли назад, и Быков нес все три автомата и вел Юрковского, придерживая его за плечи, Дауге, шатаясь, шел впереди, не выбирая дороги, и, когда он останавливался, приникнув к скале, Быков подходил к нему и толкал в спину. Геолог с трудом отрывался от камня и, спотыкаясь, брел дальше. Он казался ослепшим от усталости, но именно он первый заметил широкую черную расселину и на краю ее тускло поблескивающий автомат Богдана. Дауге закричал и упал на колени, невнятно бормоча, тыча слабой рукой в пропасть...

Когда «Мальчик», грузно переваливаясь на камнях, подполз к трещине, Быков обвязался стальным тросом и спустился вниз. Он слышал, как наверху хрипло зовет Юрковский: «Богдан! Богдан!..» На дне расселины Быков при свете фонарика увидел гру-

ды камня, песок, обломки колючих ветвей плюща, щебень... Он бродил во тьме полчаса, ощупал каждый камень, осмотрел каждую трещинку... Богдана не было. У него еще хватило сил выбраться из расселины и залезть в машину. Там он упал и заснул...

Быков допил сок, собрал крошки, бросил их в мусоросборник. Ермаков не шевелился. Дауге вдруг поднялся, тараща мутные глаза, и бросился к нему:

— Богдан! Богданыч! Нашелся, родной! — Голос его упал, он как-то сразу обмяк, сел, растирая лицо обеими ладонями. Помолчав, проговорил: — Простите, Анатолий Борисович... Померещилось, — и принялся надевать шлем дрожащими руками.

Ермаков только глянул на него бегло и отвернулся.

— Мы, пожалуй, попробуем еще раз, Анатолий Борисович, — сказал нерешительно Быков.

— Да, — беззвучно шевельнул губами Ермаков.

Прошло еще сорок восемь часов, полных предельного напряжения, надежд и горьких ошибок. Поиски были напрасны.

Ничего! Никаких следов. В километровом радиусе вокруг «Мальчика» межпланетники обыскали каждую трещинку. В расселину, рядом с которой был найден автомат, спускались четыре раза. Они не могли сделать большего, и Юрковский глухо рычал, в бессильной ярости сжимая большие руки. Если бы Богдан погиб у них на глазах, в бою или под обвалом, если бы они нашли хотя бы его тело — им было бы легче. Но эта жуткая неизвестность, сознание своей полной беспомощности, медленно и мучительно умирающая надежда!.. Дауге ходил как лунатик. Два раза он порывался выбраться из транспортера без спецкостюма — чуть не задохнулся, наглотался черной пыли.

Ермаков молчал. Каждый раз, когда товарищи уходили на поиски, он с трудом, волоча вывихнутую ногу, выползал наружу и часами сидел около транспортера, положив на колени автомат, — ждал сигнала. Пока остальные отдыхали, измотанные многочасовой ходьбой, он дежурил наверху или пытался связаться с «Хиусом». Ермаков ждал и боялся разговора с далеким штурманом, но, когда наконец радостный голос Михаила Антоновича донесся из репродуктора, прерываемый раздражающим треском помех, командир заговорил в спокойном, даже слегка шутливом тоне.

Сказал, что цель близка, все в порядке, настроение бодрое. Немного задержались в скалах из-за плохой дороги, но это не страшно. Все члены экспедиции шлют привет. Прислушиваясь к этому разговору, геологи молчали одобрительно — Михаилу ни к чему знать все. Ему и так несладко в одиночестве.

В этот день Юрковский сделал последнюю безумную попытку раскрыть тайну исчезновения Богдана. Опытный скалолаз, он ухитрился взобраться на вершину одного из самых высоких столбов метрах в ста от «Мальчика». Тридцатиметровая черная громадина была расколота вдоль, и, упираясь в края трещины, геолог с нечеловеческой ловкостью вскарабкался на нее, чтобы осмотреть окрестности.

Быков и понурый Дауге терпеливо стояли у подножия. Потом, когда Юрковский спустился вниз и отдыхал, упираясь спиной в гладкий камень, они так же терпеливо ожидали, что он скажет.

Но Юрковский сказал только:

— Голконда близко... Как на ладони...

Ермаков ждал их около «Мальчика», пропустил в люк, пролез сам и, когда все сняли шлемы, сказал очень тихо:

— Выступаем через час.

Быков не удивился — он ждал этих слов. Даже если бы кислородный баллон Спицына был исправен, запасы кислорода в нем должны были кончиться уже давно, а то, что мог вытянуть из венецианской атмосферы кислородный фильтр, могло затянуть агонию удушья только на тридцать-сорок часов. Богдан Спицын был мертв.

Но, когда Ермаков объявил, что «Мальчик» выступает, Юрковский стиснул руки, а Дауге поднял темное лицо с усталыми, запавшими глазами.

— У нас нет времени. Остаться здесь дольше я не считаю возможным и... целесообразным.

Юрковский, шатаясь, поднялся:

— Анатолий Борисович!..

Ермаков молчал. Юрковский, беззвучно шевеля губами, прижимал к груди трясущиеся руки. Дауге снова понурил голову. Молчание длилось бесконечно, и Быков не выдержал. Он поднялся и направился к пульту управления. И тогда, высокий, надорванный, прозвенел голос Юрковского:

— Я не уйду отсюда!

Глаза его блуждали, на белых щеках вспыхнули красные пятна.

— Он здесь, где-то рядом... может быть, он еще... Я не уйду... — голос сорвался, — Анатолий Борисович!

Ермаков проговорил мягко, убеждаяще:

— Владимир Сергеевич, мы должны идти. Богдан умер. У него нет кислорода. Мы должны выполнить свой долг. Мы не имеем права... Вы думаете, первым экспедициям в Антарктике было легче? А Баренц, Седов, Скотт, Амундсен?.. А наши прадеды под Сталинградом?.. Смерть любого из нас не может, не должна останавливать наступления...

Никогда Ермаков не произносил столь длинных речей.

Юрковский, цепляясь за стены, придвинулся к Ермакову:

— Мне плевать на все!.. Мне плевать на Голконду! Это подло, товарищ Ермаков! Я не уйду! К черту! Я остаюсь один...

Быков увидел, как лицо Ермакова стало серым. Командир планетолета не шевельнулся, но в голосе пропали дружеские нотки:

— Товарищ Юрковский, прекратите истерику, приведите себя в порядок! Приказываю надеть шлем и приготовиться к походу!

Он резко повернулся и сел за пульт управления. Юрковский, весь сжавшись, будто готовясь к прыжку, следил за ним дикими глазами. Он был жалок и страшен, и Быков, не сводя с него глаз, шагнул к нему. Но не успел: стремительным кошачьим движением, выпрямившись, как стальная пружина, геолог рванулся к люку. В руках его вдруг оказался автомат.

— Так? Да? Так? — выкрикнул он. — Пусть! К черту! Я остаюсь один!

Быков схватил его за плечо.

— Куда? Без шлема, сатана!..

Юрковский ударил его прикладом в лицо, брызнули темные капли на силикотовую ткань костюма. Быков, навалившись, рвал у него из рук оружие, ломая пальцы. Оба рухнули на пол. Юрковский сопротивлялся бешено. Перед глазами Быкова блеснули оскаленные зубы, в ушах хрипел задыхающийся шепот:

— Сволочь!.. Пусти, гад!.. Кирпичная морда... Жандарм, сволочь!..

Быков вырвал наконец автомат, отбросил в сторону. Пол качнулся, раздался визгливый скрежет — «Мальчик» разворачивался, уходил от проклятого места, от ненайденной могилы, лязгая сталью по серому камню.

— Иоганыч!.. Что же ты? Иоганыч... Богдан... — Юрковский застонал, запрокинув лицо. Быков выворачивал ему руки.

— Надо, Володя, надо! — Дауге стоял над ним, держась за качающиеся стены. Перекошенное землистое лицо. Потухшие глаза. Мертвый, чужой голос: — Надо, Володя, надо... будь оно все проклято!..

НА БЕРЕГАХ ДЫМНОГО МОРЯ

— Выйдем здесь.

— Слушаюсь, Анатолий Борисович. Дайте-ка я вам помогу... Вот так... Иоганыч, поддержи...

Быков выглянул из люка, невольно зажмурился, вылез на брону и протянул руку Ермакову. За командиром выбрался, что-то бормоча себе под нос, угрюмый Дауге, и только Юрковский остался лежать в транспорте, повернувшись лицом к стене.

Вот она, Голконда!.. В километре от «Мальчика» клубилась над землей серая пелена дыма и пыли, протянувшаяся вправо и влево до самого горизонта. Пелена шевелилась, вспучивалась, колыхалась огромными волнами. А вдали, заслоня полнеба, вздымалась исполинская скала-гора, угольно-черная, озаряемая ослепительными вспышками разноцветного пламени. Вершина ее тонула в бегущих багровых тучах. Оглушительный грохот несясь из недр этого чудовищного, вечно бурлящего котла, и почва вздрагивала, уходя из-под ног, словно живое существо. Быков, закусив губу, торопливо отключился.

— Выключи внешний телефон!.. Ты слышишь, Алексей? — закричал Дауге над самым ухом, так что Быков даже вздрогнул. — Алешка-а-а!..

— Да что ты орешь! Выключил я давно.

— А, выключил, — понизил голос Дауге. — А то я тебе криком кричу — как в лесу...

Бу-бу-бу-бу... Из клубящейся пелены вырвался огненный шар, взлетел и раскололся с оглушительным треском.

— Красиво! — с восхищением проговорил Дауге. — Я пойду позову Владимира...

— Не надо его тревожить, — процедил Ермаков неохотно.

Быков не мог оторвать глаз от невообразимо огромной черной горы на горизонте. Наконец он понял — перед ним столб дыма. Не верилось, что это мрачное сооружение состоит из пара, раскаленных газов и пылевых частиц. Только приглядевшись, можно было различить еле заметное на таком расстоянии медленно-неуклонное движение гладких стен вверх, к низкому небу. На мгновение ему стало не по себе. Необъятная труба, будто вонзившаяся в тело планеты, всасывала в себя тысячи тонн песка, пыли и щебня, выбрасывая все это в атмосферу. Там, по склонам черной «горы», с безумной скоростью мчатся сейчас в небо облака каменного крошева, раскаленного до невероятных температур.

Быков очнулся.

— Как же дальше, Анатолий Борисович? Какой будет маршрут?

Ермаков, присев на башенку, рассматривал Голконду в бинокль.

— Это скажут геологи. Вероятно, пойдем вдоль берега Голконды набирать материал... Попутно составим карту... Надо искать место для ракетодрома.

Из люка выбрались геологи. Дауге возбужденно размахивал руками:

— Ты только погляди, Владимир! Это же геологическая катастрофа! Катаклизм! Ущипни меня! Это черт знает, как превосходно!..

Юрковский вяло присел рядом с командиром. Чувствовалось, что ему все равно. Дауге спрыгнул вниз, его колпак низко склонился над почвой. Минуту он всматривался, затем глубоко запустил руки в перчатках в толстый слой черной пыли и, набрав в пригоршню, поднес ее к самому шлему Юрковского:

— Смоляные пески! Смотри!.. Анатолий Борисович, мы начнем здесь же... Нет!

Он снова вскарабкался на броню.

— Нет, пойдем туда, дальше! — и махнул измазанной перчаткой в сторону дымной пелены. — Это сокровищница! Вы понимаете? Что там золото! Это же небывалые залежи! Скорее туда, вперед!

— Опасно, Иоганыч, — заметил Быков. — Черт знает, что там творится...

— Опасно? — кричал Дауге. — Зачем же мы сюда ташились? Чудак! А как будут работать те, после нас?.. Опасно! Разведка всегда опасна...

— Рисковать... — начал Быков и поперхнулся.

Километрах в полутора от «Мальчика» вырос столб серого дыма, пронизанный ярким белым пламенем. Вытянулся на фоне черной горы, наливаясь слепящим светом, раздуваясь у вершины в косматый голубой клубок. И снова грохот прорвался сквозь рокошующий мерный гул. «Мальчика» качнуло. Быков потерял равновесие, схватился за плечо Дауге и, падая, успел заметить, как тяжелый голубой клубок оторвался от дымного столба, взлетел к небу и снова погрузился в клубящуюся пучину.

— Ты видел? — крикнул Быков, силясь подняться. — Это не просто опасно...

— Обязательно! — Дауге потряс сжатыми кулаками. — Обязательно мы должны добраться туда! Во что бы то ни стало!

Так началась «будничная» экспедиционная работа.

Ермаков наотрез отказался выполнить просьбу Дауге: «Мальчик» пошел поодаль от края дымной стены, держась от нее метрах в трехстах.

— До тех пор, — сказал в ответ на приставания геолога командир, — пока не будет оборудован ракетодром с маяками, я не позволю, Григорий Иоганнович, рисковать машиной и людьми. Мы не выполнили еще ни одной из наших задач. Ограничьтесь геологической разведкой на дальних подступах к Голконде и ищите место для посадочной площадки. Когда ракетодром будет готов и «Хиус» перебазировается сюда, тогда будет видно. Все.

Через каждые два-три километра «Мальчик» останавливался и высаживал разведчиков. Ермаков оставался в машине, а остальные отправлялись «на работу». Дауге и Юрковский шли впереди,

собирали образцы грунта, осматривали местность, устанавливали геофизические приборы, которые нес Быков и которые подбирали на обратном пути. Быков тащился, как правило, сзади, ужасно скучая и проклиная геологов, нагрузивших его своим «барахлом». «Барахло» было тяжелым до невозможности. Спецпакеты и контейнеры с образцами нагружали на того же несчастного водителя. Вдобавок геологи разговаривали во время поиска только между собой, обращаясь к Быкову исключительно в повелительном наклонении.

У каждого был автомат. Геологам он мешал, и Дауге однажды попытался отдать свой Быкову. Но тот запротестовал. Каждый должен быть вооружен. Если придется тащить два автомата, то он не сможет защищаться в случае необходимости, и сразу двое окажутся небоеспособными. Нет, не брать автомата вообще он тоже не разрешает. Весьма возможно, что автомат мешает геологам, даже ужасно мешает. Ничего не поделаешь. Трудно? А зачем же мы сюда тащились?

— Алексей, голубчик ты мой! — убеждал Иоганыч. — Ну кто здесь на нас нападет? Что ты несешь несусветное! Перестраховщик!.. Раскрой глаза — ведь все вокруг мертво! При таком уровне радиации никакая тварь существовать не может, разве что кроме тебя, толстолобого!.. Мешает мне твоя железная коряга, ты можешь понять это или нет?

— А ты мою не тащи, не надо. Ты — свою.

Быков был неумолим. В конце концов Дауге вышел из себя и с наивозможной язвительностью осведомился, что Быков примет, если он, Дауге, все-таки откажется таскать «эту железную кочергу».

Быков посмотрел на него, насмешливо прищурившись, и презрительно выпятил нижнюю губу. Дауге только плюнул с досады.

— Все в шлем, что негоже, — не смолчал Юрковский.

Поле боя осталось за Быковым.

Лес остроконечных скал — «Зубов Венеры» — почти вплотную примыкал к «Дымному морю», как назвал Дауге серую пелену, обволакивающую жерло котла Урановой Голконды. Здесь часто попадались скалы, группами и в одиночку, почва была из-

рыта воронками, расколота трещинами, завалена горами валунов. Расчистить место для настоящего ракетодрома здесь было невозможно. В распоряжении экспедиции имелись десять атомных мин, штук двадцать гранат, но этого не хватало. Понадобилась бы армия строителей, вооруженная в изобилии новейшими подрывными средствами и дорожными механизмами, чтобы с успехом атаковать ближние подступы к Голконде. Когда-нибудь здесь построят гигантские ракетодома, оборудованные мощными радиомаяками точного наведения, соорудят подземные комбинаты по выработке ядерного горючего, протянут широчайшие автострады, рассекающие гряды скал и черную пустыню, а пока... А пока вблизи от кратера Голконды, километрах в двадцати от него, надо найти достаточно широкую и достаточно ровную площадку, которую можно было бы приспособить для приема первых земных кораблей. Это можно было сделать и с помощью десятка атомных мин среднего калибра. Но найти ее пока не удавалось. После одного из коротких совещаний Ермаков сказал:

— Геологам не терпится окунуться в Дымное море. Они правы — может быть, загадка Голконды таится именно там. Это так. Но мы здесь — первые. Наша задача — разведка. Привезти небольшую коллекцию минералогических и ботанических образцов. Оценить Голконду и доказать рентабельность ее разработки. Выборочно и ориентировочно установить характер коры Венеры. Очень прошу вас понять это как следует. Впрочем, на Земле вы это понимали... Ясно: «золотая лихорадка»... Но есть еще одна задача — ракетодром, пусть примитивный. Это очень важно. Без этого мы не уйдем отсюда, что бы ни случилось. Площадка должна быть создана. Отсутствие воды сокращает нам сроки. Если через десять земных суток мы не найдем места для посадочной площадки по пути следования, выведем «Мальчика» на ту сторону скалистого хребта и заложим ее там.

Да, вода сокращала сроки. Расход ее на дезактивацию оказался непредвиденно огромным. Каждый раз, возвращаясь в транспорт, разведчики должны были тщательно отмываться в кессоне. Тончайшая радиоактивная пыль, липкая и вездесущая, забивалась во время вылазок в складки силиконовых костюмов, и,

чтобы избавиться от нее, приходилось по четверть часа вертеться под плотными струями дезактивационного душа. Ермаков с радиометром в руке сам проверял чистоту костюмов и, случалось, отсылал небрежных обратно в кессон. Между тем запасы дезактивационной жидкости быстро уменьшались. Превосходные фильтры и ионообменные поглотители помогали мало. Быков перебрал десятки комбинаций поглотителей, но ни одна комбинация не давала нужного эффекта. Дезактивационная вода после очистки оставалась активной, и ее приходилось выбрасывать. Видимо, в смолистой пыли Голконды содержались какие-то радиоколлоиды, не поддающиеся воздействию известных ионообменных процессов. Бак с дезактивационной жидкостью, рассчитанный на сорок рабочих суток, быстро пустел. На очереди стояла питьевая вода из нейлоновых бурдюков...

«Мальчик» продолжал двигаться на запад, оставляя справа клубящиеся волны Дымного моря. Часто вздрагивала, колебалась почва от тяжелых далеких ударов. Порывы ветра приносили облака серого тумана — радиоактивной пыли и паров. За горизонтом, уйдя в багровое небо, грозно ревел чудовищный столб дыма, висящий над жерлом бушующего уранового котла. Там ежесекундно образовывались трансураниды: возникали крохотными гнездами, в которых начинался стремительный цепной процесс — взрывалась маленькая атомная бомба с тротиловым эквивалентом в несколько десятков тонн. В бинокли колоссальная туча казалась пронизанной сотнями вспышек. Природный урановый котел в сотни километров в поперечнике бурлил и клокотал тысячами взрывов.

— Интересное место, — говорил Дауге. — Трудно представить себе, что случилось бы, не будь там огромного количества различных примесей, поглощающих нейтроны. Непрерывно действующая атомная бомба весом в сто миллионов тонн!

Это было действительно жуткое место. Почва лопалась неожиданно зияющими трещинами, выбрасывая горячий голубоватый пар. В дымной стене иногда вспыхивали таинственные лиловые полосы ослепительного пульсирующего света — вспучивался, взлетал к низкому небу фонтан светящейся пыли. От мощного грохота не спасала акустическая защита в спецкостюмах.

Однажды из дымной стены выползла тяжелая иссиня-черная туча и покатилась по равнине прямо на транспортер. Прыгая в люк, Быков успел заметить, как над Голкондой вспыхнуло ослепительное синее зарево. Ермаков повел транспортер прочь, но туча догнала его, навалилась. Забарабанили по броне тяжелые удары — туча несла с собой обломки камня, груды песка. Стрелка в термометре взлетела до четырехсот. По экрану запрыгали, как тогда, в пустыне, косматые клубки шаровых молний, изображения исказились. Потом экран ослеп. Ермаков остановил машину, и все долго неподвижно сидели, прислушиваясь к шорохам, к стрекотанию счетчиков радиации, к ударам собственного сердца. Туча ушла. Выбравшись из «Мальчика», они увидели ее уползающей за горизонт в сторону горного хребта.

— Вот так рождается Черная буря,— проговорил Юрковский, провожая ее глазами.

Голконда дышала. Иногда вдруг на «Мальчик» налетали невидимые вихри радиоизлучения. Разгорались лампочки индикаторов, тикание счетчиков, не прекращавшееся здесь ни на минуту, сливалось в стрекотание. К счастью, такие бури проносились быстро и возникали сравнительно нечасто. Принимались все меры предосторожности. Была усилена защита на спецкостюмах. Ермаков ежедневно делал всему экипажу впрыскивание арадиатина — препарата, приостанавливающего развитие лучевой болезни; от него тяжелело сердце и ломило поясницу. Геологи работали, заслоняясь тяжелыми щитками, непроницаемыми для излучения. И все-таки угроза лучевой болезни нависла над экипажем «Мальчика». Появилось малокровие, пропал аппетит. Люди становились вялыми и раздражительными. Ермаков молчал и продолжал вести «Мальчик» вдоль берега Дымного моря.

Вскоре после выхода к Дымному морю Быков заметил одно обстоятельство, показавшееся ему странным. Через каждые двадцать четыре часа, ровно в двадцать ноль-ноль по времени планетолета (в вечных багровых сумерках Венеры межпланетники пользовались земным счетом времени), Ермаков, волоча искалеченную ногу, взбирался на сиденье командирской башенки и, развернув широкоугольный дальномер на юг, подолгу глядел, не отрываясь, в сто-

рону пустыни, словно ожидая какого-то сигнала. Быков не мог понять, чего ждал Ермаков, но спросить не решался.

Между тем геологическая разведка давала блестящие результаты. Голконда воистину оказалась Голкондой — краем несметных, неисчерпаемых богатств. Уран, торий, радий... Трансурановые элементы — плутоний, калифорний, кюрий: вещества, на производство которых в земных условиях тратились огромные силы и средства, вещества, добываемые с помощью сложнейших установок и в ничтожных количествах, здесь лежали прямо под ногами. Без особых затрат их можно было добывать в промышленных масштабах, тоннами. Дауге вопил от восторга, отбивая лихую чечетку, и даже Юрковский, в последнее время угрюмый, пел за работой, несущей открытие за открытием. Значение этих открытий нельзя было переоценить. Они означали небывалый прогресс в энергетике, технике, промышленности, медицине. Земля, покрытая вечнозелеными лесами от полюса до полюса, горящая мириадами огней, населенная здоровыми, сильными, не знающими болезней людьми; изобилие, великолепные города, могучие электростанции, ясная, счастливая жизнь — все это мысленно представлялось экипажу «Хиуса». И эта жизнь должна была получить могучее подкрепление отсюда, из черных смоляных песков Голконды. Под мрачным багровым небом, среди безбрежных угрюмых пустынь маленькая горсточка людей шла через муки, боль исканий, гибель товарищей — к большой победе. Для многого следовало многим рисковать.

У Дауге стали выпадать волосы. После сна, причесываясь, он оставлял на гребенке черные пряди. Геолог исхудал и ослабел, только в глазах постоянно горел упрямый огонек. Температура поднялась до тридцати девяти.

— Грипп? Это надо уметь — попасть под сквозняк, не вылезая из спецкостюма! — поражался Иоганыч, рассматривая градусник. — То есть абсолютно гриппозная температура! Верно, Анатолий Борисович?

Ермаков только качал головой. Он сам чувствовал себя нехорошо — болела вывихнутая нога. Это было мучительно неудобно. У Юрковского по телу пошли нарывы. Это никак не могло улучшить его душевного состояния. Он стал молчалив, злобен и груб.

Быков чувствовал себя лучше других, но как-то заметил, что у него не в порядке глаза. Во сне он часто стонал от неожиданной резкой боли, стал хуже видеть, быстро прогрессировала близорукость. Ермаков тщательно осмотрел его, влил в каждый глаз по капельке маслянистой жидкости и назначил особую диету. Быков заметил, что с этого же дня командир начал вводить ему удвоенную дозу арадиатина.

Несмотря на сильную радиоактивность почвы и температуру, достигающую до ста градусов, местность, по-видимому, была обитаема. Во время одного из поисков Быков чуть отстал от геологов, рассматривая вкрапления красивого серебристого металла в морщинистых боках потрескавшихся валунов, и вдруг услышал отдаленные крики.

Щелкнув предохранителем автомата, он кинулся на шум, на бегу ощупывая за поясом гранату. Навстречу ему из-за скалы высочили геологи. Юрковский все время оглядывался, размахивая стволом автомата. Дауге тащил его за пояс. Через несколько секунд они уже стояли рядом, и Дауге сбивчиво рассказывал, поминутно озираясь:

— Вот нечисть! Кошмарная гадина!.. Видел, Володя?.. Представляешь, Алексей, прямо из скалы вытянулась пятиметровая шея с клювом-пастью на конце... Я схватил автомат... Видел, Володя?

— Ни черта я не видел,— мрачно проговорил Юрковский, поправляя вещевой мешок на плече.— Ты заорал, пустил лучевую очередь и бросился удирать, да и меня за собой поволок... Ничего я не видел...

Некоторое время они стояли, молча поглядывая на черные скалы вокруг, потом Дауге снова принялся рассказывать, как они шли, собирая материал, как он, Дауге, нагнулся подобрать «один любопытный камешек» и вдруг увидел на песке длинную извилистую тень. Он поднял глаза и только успел заметить, что над головой Юрковского, стоявшего к нему боком, прямо из скалы выдвинулась длинная гибкая шея какого-то животного, похожего на змею, с огромной пастью и без глаз. Он чисто механическим движением поднял автомат и открыл огонь, а когда чудовище вскинулось от ожогов чуть ли не выше скал, схватил Юрковского и побежал, таща его за собой.

— Меня больше всего поражает, что эта гадина высунулась прямо из камня,— добавил он, немного успокоившись.

— Померещилось! — Юрковский махнул рукой. — Просто эта штука сидела под скалой, потом смотрит и отмечает, что Дауге намеревается в благородной рассеянности наступить ей на голову. Ну и решила... того...

— Шуточки! — рассердился Иоганыч. — Пойдем-ка лучше посмотрим, что это было... У тебя граната есть, Алексей?

— Граната у меня есть, но идти, пожалуй, не стоит...

— Почему не стоит? Втроем — и не управимся? И потом, ей-богу, я ее подстрелил. А, Володя?

Юрковский стоял в нерешительности, щелкая предохранителем. Быков сказал просительно:

— Не стоит, товарищи! Не нравятся мне эти скалы. Лучше с танком сюда вернемся... с «Мальчиком».

— Пошли,— сказал вдруг Юрковский. — Если ты его убил — это здорово интересно. Биологи наши возликуют. А Быков в крайнем случае может вернуться к своему танку.

Быков хотел заметить, что командует здесь он, но потом решил не спорить: может быть, это действительно важная для науки находка. Кроме того, он не желал снова ссориться с Юрковским — тот явно и открыто ненавидел его после гибели Богдана.

Они шли осторожно, озираясь по сторонам, держась поближе друг к другу. Быков держал наготове гранату.

— Здесь,— сказал Дауге.

Он подошел к подножию скалы, похлопал зачем-то по каменному ее телу, наклонился и подобрал с земли камешек, сунул в сумку.

— Судя по всему, ты промахнулся, милый! — с ехидством произнес Юрковский. — Пойдем домой, пора обедать...

Быков оглядел местность: скалы, валуны, песок, щебень. На скале, на высоте трех-четырех метров, — выжженные зигзагами полосы, следы выстрелов. Здоровая, видно, была гадина — понятно, почему Дауге так удирал.

— Да, промахнулся я! — со вздохом проговорил Иоганыч. — А жаль! Был бы чудесный экспонат для нашего музея...

На обратном пути Юрковский подшучивал над Дауге, называя его «покорителем драконов», а за обедом все непривычно много говорили, впервые за несколько последних дней. Слушая, как весело хохочет Иоганыч, Быков невольно подумал, что нет худа без добра: в последнее время обстановка в транспортере стала невыносимой. Геологи ссорились непрерывно. Ермаков упорно молчал, Юрковский натянуто официально разговаривал с командиром и совершенно не замечал Быкова. Случай с геологами как будто разрядил болезненное напряжение последних дней, снова сделал всех друзьями. Но, хотя Юрковский за едой дважды вполне дружески прошелся насчет быковской внешности и даже обратился к нему с просьбой передать консервный нож (чем изумил Быкова несказанно), Ермаков после обеда не преминул отметить, что действия маленького отряда во время последних событий были неосмотрительны. Глядя на Юрковского в упор, командир подчеркнул (в самом легком тоне), что вся ответственность за безопасность людей, занятых работами вне «Мальчика», лежит на Быкове. В ответ Иоганыч, широко улыбаясь, сказал: «Есть!», а Юрковский нахмурился.

Час спустя, когда Быков вел транспортер, осторожно огибая громадные туши валунов, а Ермаков сидел над своими записями, Дауге вдруг сказал громким шепотом:

— А посмотри-ка сюда, Володя! Вот находочка!

— Н-да, Иоганыч! — не без восхищения проговорил Юрковский после короткого молчания. — Это сенсация! Где ты ее нашел?

— Под той же скалой, где квартирует дракон. Смотри, камешек на вид весьма простенький, но меня сразу поразила его форма.

— Трилобит... Вылитый трилобит! Наши ребята с ума сойдут на Земле!

— Трилобит на Венере? — раздался удивленный голос Ермакова. — Вы уверены, Владимир Сергеевич?

— Ну, будем точны: это не совсем трилобит, — принялся объяснять Дауге. — Даже на глаз различия видны, а я ведь не специалист. Но сходство поразительное, да и вообще сам факт — наличие окаменелостей на Венере! Насколько я знаю, еще нигде и никогда на других планетах окаменелостей не обнаруживали...

— На Луне находили окаменелости,— со смехом сказал Юрковский.

— Ну, это не считается...

— Окаменелости на Луне? — снова удивился Ермаков.

— Да шутит он, Анатолий Борисович,— сказал Дауге.— Это был такой смешной случай, когда на Луне обнаружили однажды осколок кремневого топора...

— Не однажды, а после первой посадки,— вмешался Юрковский.— В этом вся соль. После первой в мире высадки на Луну!

— Да-да-да! Совершенно верно! Ну конечно, изумлению нет границ. Юрковский садится и записывает в книжечку осеняющие его идеи — чтобы не забыть...

— Ах ты, сукин сын,— ласково сказал Юрковский.

— Да... А потом оказывается, что на каменном топоре чернильным карандашом написано: Николай Гер...

— Николай Тихонович?

— Ага. Поскольку надпись не размылась, Юрковский сразу заявил, что на Луне человек приспособился к отсутствию влаги... Но-но! Убери руки, Володька!.. В общем, этот камень кто-то Геру подарил... На память. А он человек столь рассеянный, что способен вместо очков велосипед надеть, и каким-то непостижимым образом ухитрился вынести драгоценный подарок, который он, кстати, таскал с собой повсюду, из ракеты. Как он это сделал — задача не под силу даже товарищу Юрковскому. Здоровенный обломок — килограмма на два... А Юрковский...

— Гришка!

— Ладно, ладно, не буду... Но ведь ты действительно признался тогда в своем удручающем бессилии все объяснить. С одной стороны, камень из ракеты вынести было невозможно, а с другой — как объяснить надпись, если даже принять в виде гипотезы, что на Луне никогда не было воды, но обитал человек?..

— Я мог бы размазать тебя по стенам,— задумчиво сказал Юрковский,— но не знаю, станешь ли ты от этого умнее... Нет, вернемся лучше к трилобиту. Может быть, на нем тоже что-нибудь начертано? «Ваня + Галя = $\sqrt{2}$ », например?

Странная находка пошла по рукам. Дали полюбоваться и Быкову. Это был небольшой серенький камешек, на котором отпе-

чтался четкий узор — головастое продолговатое животное с многочисленными изогнутыми лапками. Дауге объяснил, что эта многоножка пролежала в почве много миллионов лет и окаменела и что на Земле нередко находят окаменевшие существа, очень похожие на нее. Они называются трилобитами. Сотни миллионов лет назад эти малютки населяли земные океаны, а потом вымерли, бедняжки, по неизвестной причине.

— Загадки, загадки! — продолжал он, лихорадочно поблескивая глазами. — Голконда — великая загадка; Венерины Зубы — загадка; красные облака — тайна; болото, где сидит «Хиус»; черные бури; вспышки зарева над Голкондой... Теперь этот трилобит... Неужели здесь когда-то было море?..

— Твой дракон, «Офидий Дауге», — подхватил Юрковский.

— Загадка Тахмасиба, — напомнил Ермаков.

— Загадки, загадки...

Быков не сказал ничего, но подумал о Богдане. И, должно быть, все подумали о нем, потому что веселое настроение вдруг пропало и разговор резко оборвался.

Прошли еще сутки. «Мальчик» неторопливо двигался на запад в поисках места для посадочной площадки. И снова дали о себе знать таинственные существа, населяющие эти места. Дауге, первым выбравшийся из люка во время очередной остановки, с воплем кинулся обратно, увидев гигантскую змею, выползающую из-под гусениц «Мальчика». Быков развернул транспортер и, по выражению Юрковского, сплясал трепака, выкопав гусеницами огромную яму в песке на подозрительном месте, но чудище, по-видимому, успело скрыться.

Ермаков приказал Быкову удвоить осторожность, и тот теперь ни на шаг не отставал от геологов. Он брал с собой по четыре гранаты и держал автомат под мышкой, готовый пустить его в ход в любое мгновение. Но шли дни, «драконы» не появлялись, и напряжение постепенно ослабло.

Быков заметил, что геологи стали спокойнее, повеселели. Иногда во время работы они даже начинали возиться, как мальчишки, — бороться, хохотать во все горло, беззлобно подшучивать над Быковым, делая вид, что собираются тайком от Ермакова пешком идти в Дымное море. Быков сердился и даже свирепо орал на них, но в

глубине души чувствовал громадное радостное облегчение. Впервые после гибели Богдана все встало на свое место.

«Вечерами» за ужином после десятичасового рабочего дня Юрковский и Дауге наперебой вдохновенно мечтали об экспедициях к жерлу Голконды, спорили о происхождении этого исполинского кратера на теле планеты, затем неожиданно перескакивали на проблемы новых межпланетных исследований. Юрковский, прижимая кулаки к груди, клялся и божился, что после того, как все будет закончено с Голкондой, он добьется снаряжения экспедиции на страшный Юпитер, где погиб Поль Данже. Дауге сердито отвечал, что Юпитер — всего-навсего гигантский водородный пузырь и геологу на Юпитере делать нечего, что вообще Юпитер человеку еще не по зубам, даже с фотонной ракетой, и что именно о таких случаях китайцы в древности говорили: «Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки». Юрковский презрительно фыркал и начинал доказывать, загибая пальцы: «Во-первых... Во-вторых...»

Быков слушал их сквозь полудремоту с теплым чувством, наслаждаясь ощущением дружбы и благополучия. Все опять были добрыми товарищами, каждый был полон энергии и мечтаний, успех экспедиции представлялся близким и верным.

Неожиданный случай снова все изменил.

Однажды Быков и Дауге отправились на разведку. Юрковский остался разбирать материал и писать черновик отчета по предварительному обследованию геологических богатств района Голконды.

Быков с неохотой согласился на поход вдвоем. Встреча с драконами ему совершенно не улыбалась.

Друзья бродили около двух часов, в пути не произошло ничего необычного. Когда двинулись в обратный путь, Быков, безропотно сносивший все это время и начальнический тон Иоганыча, и несусветную тяжесть контейнеров, и чувствительное похлопывание по бедрам увесистых гранат, почувствовал себя нехорошо.

Морщась от головной боли, он брел за широко шагающим Дауге, вяло пытаясь устроить поудобнее тяжелый груз за плечами. («Долго они еще собираются таскать свои булыжники в машину? И так уже спать негде...») Резало глаза. Вокруг качались

надоевшие до зубной боли скалы, груды валунов, дымная пелена на севере... «Заболеваю, пожалуй», — равнодушно подумал он. Захотелось лечь и закрыть глаза. Бу-бу-бу, — привычно, дремотно гудела Голконда.

— Вот опять! — Голос Дауге заставил его очнуться. — До чего мне не нравятся такие образования!

Они стояли на краю обширной воронки. В глубине ее чернела бездонная дыра, от нее далеко в стороны расползались трещины.

— Смотри, как оплавились края воронки, — говорил Дауге. — Страшная температура — тысячи градусов!

— Подземный взрыв? — вяло спросил Быков, чувствуя, как у него заплетается язык. («Плохо... Надо скорее в машину, спать...»)

— Подземный атомный взрыв... — Дауге что-то добавил шепотом по-латышски. — Мне абсолютно не нравятся такие образования. Мне не нравится цвет почвы.

Все вокруг было покрыто словно красным налетом.

— Здесь все красное. Красное и черное... — Быков вспомнил Богдана. — Пойдем, Дауге. Я очень устал.

Они сделали несколько шагов, и вдруг Дауге закричал, дико и неожиданно. Быков пришел в себя и закрутился на месте, бормоча:

— Что? Где?..

— Гранату! Гранату, Алексей! — кричал Дауге, тряся его за плечи. — Скорее, скорее!

Быков вытащил гранату, все еще не понимая, куда ее бросать. А Дауге, приставив автомат к животу, принялся палить перед собой.

Вокруг были все те же скалы, и Быков видел, как шипящий луч оставляет длинные черные полосы на потрескавшемся камне.

— Дракон! — кричал Дауге. — Гранату!

Он все продолжал нажимать и нажимать на спусковой крючок, направив ствол автомата на какую-то невидимую цель в десятке метров от себя.

Быков ничего не видел.

— Дауге, — бормотал он. — Иоганыч, милый... Что с тобой? Дауге опустил наконец автомат.

— Ушел,— сказал он странным голосом.— Ушел... Почему ты не ударил его гранатой?..

Быков в последний раз огляделся. Ему очень хотелось увидеть хоть что-нибудь подозрительное, но вокруг ничего не было, и он засунул гранату за пояс.

— Иоганыч, пойдем... Пойдем, милый...

Они медленно побрели дальше. Дауге шел, заметно пошатываясь, и говорил, путая русские и латышские слова.

Около «Мальчика» их ждали товарищи.

— Что случилось? — спросил Ермаков.

— Абсолютно странные животные,— путано заговорил Дауге.— Огромные звери... черные, метров по десять длиной... Кожа блестит, словно мокрая... Почему ты не ударил его гранатой, Алексей?..

Ему помогли взобраться на борт, помогли снять шлем. Лицо геолога было мокрым от пота, глаза блуждали.

— Только почему они просвечивают? — уныло проговорил он и упал лицом вниз на подушки.

Его устроили поудобнее, и он заснул мгновенно глухим каменным сном. Ермаков выслушал доклад Быкова и долго молчал, а потом спросил только:

— Вы, Алексей Петрович, совершенно убеждены, что никакого дракона не было?

— Никакого дракона не было,— уверенно ответил Быков.

— Плохо...— пробормотал Юрковский, кусая губы.

Ермаков проковылял по кабине, взял ящик с медицинскими приборами и присел около спящего. Юрковский устроился рядом. Послышались какие-то странные звуки, похожие на тихий треск, запахло озоном, потом протяжно и жалобно застонал Иоганыч.

— Все-все,— ласково сказал Юрковский.

Ермаков встал.

— Очень плохо,— проговорил он.— Дауге болен, и...

Юрковский выжидательно поднял голову.

— ...я вспоминаю Тахмасиба,— глухо сказал Ермаков.— Симптомы такие же. Похоже на галлюцинации...

Когда «Мальчик» снова двинулся в путь, Дауге очнулся, сел, пригладил вихор и спокойно сказал:

— Богдан, ты бы все-таки лег, наконец. Пять часов за рацией — это отнюдь ни к чему.

Быков, дремавший рядом, подскочил как на пружинах, уставился испуганными глазами. Иоганыч мельком, небрежно посмотрел на него и заботливо продолжал:

— Снимай-ка, Богдан, шлем и ложись. Я тут тебе местечко нагрел.

Он зевнул, ткнул Быкова в бок, хихикнул:

— Чего устался, Алексей? Тебе тоже следует спать.

Юрковский замер над своим столиком, повернув к ним изумленно-испуганное лицо. Ермаков остановил транспортер, сильно потер ладонями щеки и проговорил напряженно:

— Та-ак...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Быков попытался вытереть потный лоб и с досадой отдернул руку. Вечно забываешь про этот шлем! Иногда пальцы сами собой подбираются к затылку — почесать в трудную минуту, или в рассеянности пытаешься сунуть в рот кусочек шоколада и натыкаешься на гладкую прозрачную преграду. Раньше, размышляя, он имел обыкновение тереть себя за нижнюю губу — пришлось отвыкнуть. Дауге это отметил и не замедлил прочесть краткую лекцию на тему «Роль астронавтических спецкостюмов в избавлении человечества от дурных привычек».

Вторые сутки низкое небо роняло хлопья черной пыли. Черный снег кружился в порывах слабого ветра, покрывая обширную холмистую равнину, в центре которой стоял «Мальчик». Быков огляделся. Повезло, повезло! Перед ним расстился великолепный естественный ракетодром площадью около двух тысяч квадратных километров, вполне ровный, если не считать десятка скал, торчащих из смолянистого песка. С юга, со стороны пустыни, равнину окаймляло полукольцо Венериных Зубов; вдали, на севере, за пеленой Дымного моря, грохотала Голконда. До нее было около сорока километров — не слишком далеко и не слишком близко. Почва оказалась радиоактивной как раз в той мере, чтобы питать селено-цериевые батареи — источники энергии радиомаяков. Радиомаяки надо было установить на верши-

нах огромного, по возможности равностороннего треугольника по краям посадочной площадки. Но сначала следовало взорвать мешающие скалы. Вероятность того, что планетолет может сесть на них, была довольно велика: они торчали двумя группами почти в самом центре будущего ракетодома. Это была задача по силам. Быков с помощью геологов установил две мины в центре северной группы скал — взрыв должен был выворотить из почвы каменные столбы, раскрошить их в пыль. Другую — южную — группу из шести скал решили взрывать «сверху». Мина устанавливается на вершине одного из столбов, и взрыв уничтожает их все — вгоняет в землю, как сказал Дауге.

— На какую волну настраивать? — крикнул Юрковский. Он сидел на вершине обреченной скалы, куда только что не без труда была поднята мина.

— Индекс восемь! — откликнулся Быков, задирая голову.

— Ага... ясно... — Силуэт Юрковского зашевелился на фоне красных туч в струях черной метели. — Готово! Ну все, кажется?..

— Слезайте! — крикнул Алексей Петрович.

— Интересно, какая у тебя будет физиономия, если скалы устоят, — заметил Иоганыч, присевший рядом с Быковым на башенку транспортера.

— Ничего... не устоят, — рассеянно ответил тот, с опаской следя за ловкими движениями Юрковского, сползающего по отвесной гладкой стене. — Какого черта он лезет без веревки?.. Ведь есть же трос... Но куда там! Без фокусов не может... Ну, что он — ни туда, ни сюда?..

Юрковский словно прилип к черному камню на высоте шести-семи метров от земли. Он казался неподвижным, и только неестественная поза да короткое хриплое дыхание выдавали его страшное напряжение.

Дауге обеспокоенно вскочил:

— Владимир, что с тобой?..

Юрковский не ответил и вдруг, словно сорвавшийся камень, скользнул вниз. Быков сделал падающее движение и невольно зажмурился, а когда снова открыл глаза, увидел, что геолог висит на руках тремя метрами ниже, уцепившись за невидимый снизу выступ.

— Володька!.. — Иоганыч спрыгнул на землю и подбежал к скале.

— Спокойно, Дауге! — Голос Юрковского только слегка прерывался от напряжения. — Сколько до земли?

— Метра четыре!.. — простонал Дауге. — Расшибешься, паршивец!..

— Отойди прочь! — сказал Юрковский и полетел вниз.

Он упал классически, по всем правилам, упруго подскочил и повалился на бок. Быков соскочил с машины, но бесстрашный геолог уже сидел на земле. Тогда Быков обрел голос.

— Что за хулиганство, товарищ Юрковский? — рявкнул он. — Как вы смели так рисковать? Немедленно ступайте к командиру и доложите...

— Ну, что вы в самом деле, Алексей Петрович!.. — Юрковский ловко поднялся, встряхнулся всем телом, проверяя, все ли в порядке, голос у него был смиренный. — Четыре метра — это же ерунда! Посудите сами...

Но Быков бушевал:

— Вы прекрасно могли спуститься по тросу! Вы вели себя как мальчишка! Нашли время для спорта! Черт знает что!..

— Да брось ты, Алексей! — Дауге любовно обнял Юрковского за плечи. — Конечно же, мальчишка! Но что ты будешь с ним делать — смельчак!..

— «Смельчак»!.. — Быков остывал. Юрковский молчал и казался смущенным. Это было столь необычно, что, не получив сопротивления, Быков удивился и перестал орать. — Смельчак... Вот сломал бы шею, и возись тут с ним...

— Виноват, Алексей Петрович, — вдруг сказал Юрковский, и Быков сразу остыл.

— Доложите командиру о своем проступке, — буркнул он и отошел к скале, чтобы смотать трос.

Геологи принялись помогать ему.

— Жалко ее взрывать, — сказал Дауге, указывая на скалу, окутанную крутящейся поземкой, когда, кончив работу, они собрались у открытого люка. — Варварство — уничтожать памятник в честь великого подвига В. Юрковского...

И он так хлопнул ладонью по спине друга, вползавшего в люк, что тот мгновенно исчез в темноте кессона.

Ермаков повел транспортер на юг и остановил его только у самой гряды Венериных Зубов. Обреченные скалы исчезли из виду, скрывшись за горизонтом, за черной метелью.

— Начинать, Анатолий Борисович? — спросил Быков.

— Давайте...

Быков положил руку на рубильник радиодистанционного взрывателя, нажал. Экран озарился ярким белым светом, потом сразу потемнел — вдали встали, тяжело покачиваясь под ветром, три кроваво-красных столба огнистого дыма, расплылись грибовидными облаками. Из-за горизонта, покрывая гул далекой Голконды, долетел громовой удар, пронесся над «Мальчиком» и, рокоча, покатился дальше.

В тот же день черный снегопад прекратился, и вдруг наступила непонятная тьма. Неожиданно погасли багровые тучи. Над пустыней повисла глухая ночь. Поля смолянистого песка вокруг слабо флуоресцировали, из трещин поднимался и плыл по ветру голубой светящийся дымок.

Начались работы по установке радиомаяков. Работали в темноте, подсвечивая фонариками, закрепленными на шлемах, или в лучах прожекторов «Мальчика». Собрать и установить радиомаяк было нетрудно — сказывалась тщательная тренировка на Седьмом полигоне, — но укладка огромных полотнищ селено-цирковых элементов занимала много времени. В общей сложности надо было распаковать, вытащить из транспортера, уложить и присыпать сверху песком сотни квадратных метров упругой тонкой пленки. Работа была скучная и утомительная. К концу дня люди изматывались и валились спать, через силу проглотив по чашке бульона с хлебом.

Работали геологи и Быков. Ермаков почти не мог передвигаться и по многу часов подряд сидел в транспортере, поддерживая связь с «Хиусом», пытаясь наладить телеустановку; вел дневник, снимал показания экспресс-лаборатории, работал над картой окрестностей Голконды, аккуратно нанося на нейлон штрихи и условные значки черной и цветной тушью; поджав серые губы, ощу-

пывал одряблевшие бурдюки с водой и что-то считал про себя, прикрыв глаза красноватыми веками. По-прежнему через каждые двадцать четыре часа, за пять минут до двадцати ноль-ноль по времени «Хиуса», он гасил в транспортере свет, забирался в командирскую башенку, прикинул к окулярам дальномера и подолгу не отрываясь смотрел на юг. Когда заканчивалась укладка «одеяла» вокруг очередного маяка, он с помощью Быкова выползал наружу, проверял установку и сам приводил ее в действие. По поводу поведения Юрковского во время подрывных работ у него с геологом произошел короткий, но содержательный разговор без свидетелей, суть которого уязвленный «пижон» передал весьма лаконично — «потрясающий разнос». После этого Юровский работал как бешеный, с натугой острословия и в туманных выражениях жалуясь на начальство.

Связь с «Хиусом» временами держалась удивительно хорошо — очередной каприз венерианского эфира. В такие периоды Ермаков разговаривал с Михаилом Антоновичем через каждые три-четыре часа. Крутиков расспрашивал, слал приветы. Он говорил, что чувствует себя отлично, что все в полном порядке, но в голосе его зачастую звучала такая тоска по Земле, по товарищам, что у Быкова становилось нехорошо на душе. А ведь штурман еще ничего не знал о Богдане...

И все-таки это были замечательные, самые лучшие минуты. Сидеть, развалившись на тюках, расслабив ноющее, измученное тело, и слушать — как слушают музыку — далекий сипловатый голос штурмана. И думать, что осталось совсем немного, что добрый Михаил Антонович жив, здоров, что «Хиус» скоро придет сюда, на новый ракетодром, чтобы взять их и унести отсюда.

Здоровье экипажа снова стало сдавать. Каждый тщательно старался скрыть свое недомогание, но это удавалось плохо. Быков, просыпаясь по ночам от боли в глазах, часто видел, как Ермаков, разувшись, рассматривает распухшую щиколотку и тихонько стонет сквозь стиснутые зубы. Юровский втайне от других бинтовал нарывы на руках и ногах. Дауге был особенно плох. Он казался почти здоровым, но непонятная скрытая болезнь пожирала его. Геолог похудел, упорно держалась высокая температура. Ермаков делал что мог — давал успокоительное, применял электротерапию,

но все это помогало мало. Болезнь не прекращалась, вызывая иногда припадки странного бреда, когда геолог с воплями бежал от воображаемых змей, по четверть часа просиживал где-нибудь в углу транспортера, бессмысленно глядя в пространство перед собой, и разговаривал с Богданом. Это было страшно, и никто не знал, что делать. В напряженную тишину падали дикие страшные слова. Геолог говорил о Вере, убеждал мертвого друга любить ее всегда, потом начинал вспоминать Машу Юрковскую — слезы текли по его небритому осунувшемуся лицу. В такие минуты он не замечал никого, а очнувшись, не помнил, что с ним было...

Установка второго радиомаяка близилась к концу. Остались считанные часы работы, когда, натрудив руки, Быков забежал в транспортер вытереть пот со лба и немного передохнуть. Геологи остались снаружи укладывать последнюю сотню килограммов селено-цериевого «одеяла». У рации возился Ермаков с нахмуренным, недовольным лицом. Быков, выждав с минуту, спросил осторожно:

— Серьезные неполадки?

Ермаков вздрогнул и обернулся.

— А, вы здесь, Алексей Петрович... Да, перерыв связи. Неожиданный и... довольно странный...

Он выпрямился, обтирая испачканные руки губкой. Быков выжидательно смотрел на него.

— Я беседовал с Михаилом... и... — командир колебался, — и вдруг прервалась связь.

— Что-нибудь с аппаратурой?

— Нет, рация в порядке. Очевидно, просто не повезло. До этого связь была на редкость хорошей.

Что-то в тоне командира показалось Быкову необычным. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Ермаков спросил:

— Много еще осталось?

— Нет. Часа два работы. Не больше...

— Хорошо. — Командир взглянул на ручные часы, спросил небрежно: — Вы не замечали, Алексей Петрович, когда-либо вспышек на юге?

— На юге? В стороне «Хиуса»? Нет, Анатолий Борисович. Ведь на юге, в районе болота, никогда не бывает зарниц. По крайней мере, до сих пор не бывало.

— Да-да, вы правы...— Ермаков говорил уже спокойно.— Давайте заканчивать — и на отдых. Осталось немного.

Быков снова нацепил шлем и поднялся. Он вдруг почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. У выхода задержался:

— Я скоро вернусь, Анатолий Борисович, помогу вам выбраться наружу.

Ермаков поднял голову, снова взглянул на часы и сказал непонятно:

— Надо следить за горизонтом, Алексей Петрович.

— За горизонтом?

— Да, на юге, в стороне болота...

— Х-хорошо...

Проснувшись ночью, Быков увидел, что Ермаков сидит за приемником. Связи не было. «Хиус» молчал всю ночь. Всю ночь и весь следующий день...

Третий, последний маяк установили очень быстро, меньше чем за десять часов. Ермаков выбрался из «Мальчика»; сильно хромая, прошел по упругой, присыпанной песком и гравием поверхности селено-цериевой ткани, проверил схему подключения и привел установку в действие.

Межпланетники стояли около тускло поблескивающей башенки и молчали. Ничего не изменилось. Там, где с клочкотанием кипел взрывами урановый котел Голконды, снова подымалась, как и прежде, багровая стена света. Вздрагивала почва под ногами. Порывами налетал несильный ветер, вздымал облачка пыли в лучах прожекторов. На юге в непроглядной тьме неслись смерчи над черной пустыней, низкие клубящиеся тучи цеплялись за вершины торчащих скал. Едва слышно посвистывал маяк, и невидимый тонкий радиолуч начал свой стремительный бег кругами по небу — от горизонта к зениту, от зенита к горизонту, — словно разматывая бесконечную огромную спираль.

Дело завершено. Уйдет «Мальчик», снимется с гигантского болота и вернется на Землю «Хиус». Много-много раз черное небо

озарится багровым светом, прилетят и улетят десятки плането-летов, а три невысокие крепкие башенки будут упорно слать в эфир свои призывные сигналы: «Здесь посадочная площадка, здесь Голконда, здесь цель ваша, скитальцы безводных океанов Космоса!» Дело сделано, окончено, совсем, совершенно окончено! «Хиус», Михаил Антонович, Земля — все стало удивительно близким, подошло, остановилось рядом в белом свете прожекторов «Мальчика». Это чувствовали все. И Ермаков, напряженно вглядывающийся в черную завесу на юге, и задумавшийся Юрковский, скрестивший руки на груди. И Быков, и бедняга Дауге, ищущий плечо Богдана в рассеянном недоумении, почему это ему никак не удастся опереться на друга-радииста.

— Так... Ракетодром «Урановая Голконда номер один» готов к приему первых планетолетов, — сказал высоким, звенящим голосом Ермаков. — Семнадцать сорок пять, шестнадцатого сентября, 19.. года...

Все молчали. Ермаков поднял руку и торжественно, громко и ясно провозгласил:

— Мы, экипаж советского планетолета «Хиус», именем Союза Советских Коммунистических Республик объявляем Урановую Голконду со всеми ее сокровищами собственностью человечества!

Быков подошел к маяку и прикрепил к шестигранному шесту маяка широкое полотнище. Ветер подхватил и развернул алое, казавшееся в багровых сумерках почти черным, знамя с золотой звездой и великой старинной эмблемой — серпом и молотом, — знамя Родины.

— Ура! — крикнул Юрковский, а Дауге захлопал в ладоши. На этом торжественная церемония окончилась.

Вернувшись в транспортер, Ермаков сразу же присел к приемнику, а Юрковский снял шлем, потянулся и, отчаянно зевнув, повалился на свою постель.

— Итак, Иоганыч, чем станешь угощать? — осведомился он.

И тут Быков вспомнил: сегодня день рождения Иоганыча. Еще когда устанавливали первый маяк, Дауге говорил об этом и торжественно приглашал «отпраздновать сию знаменательную дату

посредством посильного поглощения питья и закусок с произнесением соответствующих речей». Приглашал в стихах:

На вечер, данный в честь мою,
Я вас прошу явиться.
Прошу вас также не забыть
Одеться и умыться.

Быков весело улыбнулся и спросил:

— А где же обещанные яства?

Дауге засуетился, принялся копаться в своем мешке — извлек старательно обернутую в бумагу бутылку, две коробки рольмоба и толстый ломоть копченого латышского сала. Все эти прелести не входили в обычный рацион межпланетников. Дауге ухитрился протащить их сюда контрабандой. Быков расстелил салфетку, вынул из буфетного шкафчика стаканчики, вилки, хлеб в полиэтиленовой упаковке. Юрковский крикнул, произнес значительно: «Однако!» — и придвинулся поближе к импровизированному пиршественному столу. Внутренность бронированной машины сразу приобрела праздничный вид. Стало хорошо и необычно. Дауге развернул бутылку, поставил ее в центре салфетки и с вождением потер руки. Юрковский причесался. Быков подумал и повязал галстук поверх спецкостюма, чем поверг именинника в радостное изумление.

Пока длились эти многообещающие приготовления, Ермаков, не снимая шлема, сидел у рации. Кончив какие-то расчеты, он принялся вызывать «Хиус». Но эфир молчал. В репродукторе хрипело, выло, каркало. Михаил Антонович не откликался. Ермаков выключил аппаратуру, устало стащил колпак и аккуратно повесил его на стену. Быков с удивлением заметил, как потемнело и посуровело лицо командира. Ермаков был чем-то очень сильно обеспокоен. Обеспокоен сейчас, когда пройден такой тяжелый и многотрудный путь, когда осталось только отдать Крутикову приказ и ждать прибытия «Хиуса» на новый ракетодром? Странно... Алексей Петрович схватился за нижнюю губу.

— Товарищи, предлагаю всем отдыхать и... — Ермаков замолчал, с удивлением рассматривая веселых друзей; брови его поднялись. — Что это вы затеяли?

— На вечер, данный в честь мою... — упавшим голосом начал Дауге. Выражение лица командира поразило его. — Анатолий Борисович! Ведь сегодня праздник... в известном смысле — завершение...

— Он — новорожденный, Анатолий Борисович! — весело сказал Юрковский, трудясь над бутылкой. — Выпьем по глотку коньяку, поболтаем.

Ермаков посмотрел на него, на смущенного Иоганыча, на бравого Быкова (тот торопливо прикрыл ладонью глупый галстук). Глаза его потеплели.

— Давайте, — сказал он и сложил карту, расстеленную на столике около рации.

Все чинно расселись вокруг салфетки.

— Будет тост? — осведомился Ермаков, принимая из рук Юрковского желтый стаканчик.

— Обязательно, — ответил тот и торжественно произнес: — Сегодня мы празднуем двойное событие! Сегодня родился большой Г. И. Дауге и маленький ракетодром «Урановая Голконда». У обоих большое будущее, оба дороги нашему сердцу. Живите, растите и размножайтесь! Ура-ура-ура!

За стеной посвистывал раскаленный ветер, темный песок намело вокруг «Мальчика». Чужая черная ночь обступила со всех сторон маленький уютный уголок жизни и света.

— Хороший роль-мопс, — сказал Юрковский, сосредоточенно наматывая на вилку аппетитную рыбку тушку. — Очень люблю роль-мопс...

Иоганыч покачал головой и, обратившись к Ермакову, сказал:

— Между прочим, с роль-мопсом у меня произошла любопытнейшая история. Вернее, не с роль-мопсом, а... Представьте, Гоби, пустыня, несколько палаток — геологическая экспедиция. На триста километров ни одного жилья, дичь, прелесть. И была у нас, молодых практикантов, бутылочка коньяку и заветная баночка роль-мопса. Ждали мы какого-либо высокоторжественного события, чтобы, значит... — Дауге выразительно щелкнул пальцами. — Ну-с, дождались. Вот как теперь, день рождения одной... одного товарища. Собрались мы у нашей палатки, все практиканты, шесть человек. Откупорили коньяк, нарезали хлеб, помыли руки.

Положили все это на футляр для теодолита, и, как сейчас помню, я принялся под жадными взорами ребят вскрывать вожаденный роль-мопс. Понимаете, все баранина, ветчина... Остренького хотелось — сил нет! И вот, едва я вскрыл...

Дауге сделал паузу. Быков нетерпеливо покашлял и сказал:

— Вскрыл — и что?

— Понимаете, я даже не помню, как это случилось. Я случайно взглянул поверх голов товарищей — они все, конечно, наклонились к банке — и вижу: по склону соседнего бархана ползет, извиваясь, преогромный сизый червяк... Настоящий удав, боа-констриктор... Весь в этаких кольцах...

— Врешь! — убежденно сказал Юрковский.

— Погодите, Владимир Сергеевич! — сердито остановил его Быков. — Дайте рассказать.

— Не вру, Володя. Это был олгой-хорхой.

— Олгой... кто? — спросил Быков.

— Олгой-хорхой, — повторил Дауге. — Кажется, единственное сухопутное животное на Земле, вооруженное электричеством.

Юрковский сдвинул брови, вспоминая.

— Олгой-хорхой... Кажется, впервые описан в одном из го-бийских рассказов Ивана Ефремова полвека назад. Так?

— Так, — согласился Дауге. — Потом выяснилось, что за эти полвека мы были не то третьей, не то четвертой экспедицией, которая видела его.

— И что же случилось? — не утерпел Быков.

Дауге вздохнул:

— Ничего особенного, конечно. Я заорал и вскочил на ноги. Роль-мопс вывалился в песок. Мы побежали в палатку за ружьями, а когда вернулись... — Он развел руками. — Никаких шансов. Электрический червяк скрылся.

— Досталось тебе, наверное, от ребят, — сказал Юрковский и снова потянулся к роль-мопсу.

— Ну нет! До самого конца экспедиции только и было разговоров, что об олгой-хорхое.

— Я вот ничего подобного не видел в пустыне, — заметил Быков.

Дауге объяснил, что олгой-хорхой водится, вероятно, только в самых жарких и пустынных областях монгольской Гоби.

Быков, чувствуя себя почему-то не в своей тарелке, принялся расспрашивать Ермакова о плане дальнейшего покорения Венеры. Ему хотелось заставить командира разговориться. Но тот отвечал сдержанно и скучновато. Готовится к вылету «Хиус-3», он перебросит на Голконду большую группу специалистов. Начнется оборудование промышленного комбината по переработке ядерного горючего. Одновременно, конечно, будет происходить расширенное исследование поверхности планеты.

— Да что там говорить,— легкомысленно помахивая рукой, вставил Юрковский,— с Венерой покончено. Дорога проложена, семафор открыт, как говорили наши предки в те времена, когда еще были семафоры. И новые дороги пройдут не здесь.

— Межзвездная астронавтика, конечно? — сказал Ермаков, улыбаясь одними губами.

— Именно! Перелет Земля — 61 Лебедя. Это — новая дорога!

— Это сколько же времени лететь? — с сомнением спросил Быков.

— Десять лет туда и десять обратно. Двадцать лет полета с нашими скоростями.

— Двадцать лет! — ахнул Быков.— Это ж в команду надо набирать юнцов, чтобы экипаж в дороге не вымер естественной смертью...

— Э, брат! — засмеялся именинник.— А что ты скажешь о перелете Москва — Большое Магелланово Облако? Расстояние — сорок тысяч световых лет, то бишь четыреста миллионов миллиардов километров. Со скоростью света лететь сорок тысяч лет, и это, заметь, ближайшая к нам звездная система типа Галактики. Ну, как?

— Кошмар! Абсолютно нереально...

— А кто его знает! — Дауге хитро посматривал на потрясенного водителя.— Наука, как известно, умеет много гитик. А по сравнению с десятком тысяч лет двадцать кажутся мгновением!

— Все равно, и двадцать — много,— проворчал Быков.

— Совсем не много, говорю я тебе,— сказал Иоганыч.— Утром заснул на Земле, в полдень проснулся где-нибудь около 61 Ле-

беда. Как в трансконтинентальном самолете или чуть помедленнее. Поглядел, пощупал, набрал диковинок и — назад.

— Ну, еще бы! Надо только уметь спать по десять лет сряду. Как раз по тебе, Иоганыч, перелет, — не удержался водитель.

Юрковский засмеялся.

— А ты про анабиоз слыхал? — наслаждался Дауге, нисколько не сердясь. — Анабиоз — это такое состояние организма, что-то среднее между жизнью и смертью, вроде обморока...

— Ну-ну... популяризатор, не загибай, — заметил Юрковский.

— Нет, я очень приближенно... В том смысле, что ощущения человека в анабиотическом сне такие же, как при обмороке...

— То есть вообще никаких ощущений.

— Ага... Так вот. При анабиозе все жизненные процессы протекают замедленно. Человек, так сказать, жив, но не живет: не стареет, не болеет, не растет...

— Ну, дальше, — поторопил заинтересовавшийся Быков.

— Вот и все. Поднимаешь звездолет над Землей, включаешь автоматическое управление, погружаешься в анабиотический сон и прекращаешь таким образом течение времени. Через десять лет тебя будит специальное устройство. Протираешь глаза, моешься, делаешь свое дело — исследуешь, собираешь материал — и обратно тем же манером!

— Здорово! — восхитился водитель. — Но это же фантастика все-таки!..

— Это уже не фантастика, — заметил Ермаков. — Но этот путь пока мало приемлем: у нас нет никакого опыта межзвездных полетов, риск слишком велик. Международный Конгресс никогда не даст согласие на подобную авантюру. Впрочем, есть еще одна дорога...

— Теория относительности... — торжественно начал Юрковский.

Дауге застонал.

— Помогите! СОС! Сейчас начнется — лоренцово сокращение временных интервалов... Тензор кривизны Римана-Кристоффеля!.. СОС!

— При чем здесь тензор кривизны? — возмутился Юрковский. — А лоренцово сокращение...

— Во-во! Начинается... Не надо, Володя, голубчик!

— Ну и черт с тобой! Оставайся в серости да в невинности... — Юрковский был явно задет.

— Нет, милый, ты не обижайся...

— На богом обиженного грех обижаться.

— Я имел в виду не теорию относительности, — вмешался Ермаков. — Я говорю об идее покойного Ллойда...

— А, да-да! — воскликнул Юрковский, оживляясь. — Механические астронавты!

— Это как? — спросил Быков.

— Вместо живых пилотов — кибернетические устройства. Роботы, — пояснил Ермаков. — Вы, наверное, слышали о таких, Алексей Петрович?

— Д-да... Ну, еще бы! На Каракумской стройке работала целая механическая бригада!..

— Совершенно верно. Такие же роботы поведут звездолеты. Это, конечно, не люди, но они способны совершать целый ряд вполне осмысленных — с нашей точки зрения — операций. Они могут быть пилотами, и геологами, и биологами, и физиками, и счетными машинами, и радиопередатчиками — и все это одновременно. В определенных пределах, конечно. Это будут великолепные разведчики, пролагатели новых трасс. Будущее звездоплавания в значительной мере принадлежит таким киберпилотам.

— Замечательно! — Быков в восторге крутил головой. — Просто здорово.

— То-то же! — ткнул его в бок Дауге. — А ты говоришь — нереально, фантастично...

— Нет, вы представляете, — блестя великолепными зубами, разглагольствовал Юрковский, — на какой-нибудь безвестной планетке в системе Проксимы Центавра приземляется звездолет. Восхищенные обитатели сбегаются к нему со всех концов в радостном ликовании — прибыли друзья из чужого мира! И вдруг из люков выползают этакие чудища о шести ногах, поблескивающие металлом, — перемигиваются разноцветными лампочками! Удивительно похожие на живых и в то же время мертвые, холодные, непонятные! Если на планетке идет 1901 год от рождества Христова, то это будет фурор!..

— Чудища улетают,— подхватил Дауге,— увозя с собой пару разобранных домов и местную корову в банке со спиртом. Жители остаются в смущении и ужасе...

— Писатели сочиняют двадцать великолепных фантастических романов,— перебил восторженный Юрковский.— Двадцать ученых защищают двадцать докторских диссертаций на тему «Металлические формы жизни во Вселенной», и немедленно возникают двадцать религиозных сект, предающихся культу железных богов. А потом...

— А потом через двадцать лет прилетаем мы с Юрковским и объясняем истинное положение вещей. И начинается освоение под нашим руководством местной Венеры. Мы строим «Хиусы»...

— И все начинается сначала! — гнусаво пропел Юрковский.

— Да, и все начинается сначала. Захолустная Венера освоена и... вообще все сначала. Вечное движение,— глубокомысленно закончил Дауге.

Все засмеялись.

— У меня есть предложение...— сказал Юрковский.

— Извините,— прервал его Ермаков. Он поднялся и включил приемник.

Помещение сразу наполнилось свистом и скрежетом.

Геологи переглянулись.

— Связи нет? — тревожно спросил Дауге.

— Вторые сутки нет,— тихо ответил Быков, косясь на командира.

Ермаков повернул ручку приемника — скрежет сразу утих.

— Мы отправимся к «Хиусу»...— он поглядел на часы,— через час с лишним. Если, конечно, ничего не изменится...

Межпланетники оторопело поглядели друг на друга.

— Позвольте,— нахмурился Юрковский,— а Дымное море?

— Разве мы не пойдем в Дымное море? — с изумлением спросил Дауге.

Командир молчал.

— Потом... ведь Михаил Антонович, как мы договорились, должен привести «Хиус» сюда. Ракетодром готов к приему... Михаил ждет только вашего приказа...

— Нет связи...— глухо сказал Ермаков.

— Подумаешь! — Юрковский пожал плечами. — Это бывало и раньше. Подождем...

— ...и тем временем исследуем Дымное море, — подхватил Дауге. — Это называется сочетать полезное с...

Ермаков покачал головой:

— Нет, мы пойдем к «Хиусу».

Он сказал это совсем мягко, и в голосе зазвучали совершенно незнакомые нотки: казалось, командир просит.

— Связь может наладиться, а может и не возобновиться. Мы не должны ждать. Мы обязаны немедленно вернуться к «Хиусу». Воды осталось меньше чем на четверо суток. С завтрашнего дня я сокращаю выдачу.

Юрковский вскочил:

— Уходить? Когда дело сделано только наполовину? Ограничиваться жалкими крохами, стоя в двух шагах от сокровищницы тайн и загадок? Нам доверили ответственнейшее дело...

Быков понял, что это — решительный разговор. Он начинал уже не раз — геологи давно и отчаянно настаивали на глубокой разведке Дымного моря. Упускать такие возможности! Не сделать того, что так необходимо! Сворачивать на полпути! Юрковский размахивал руками в благородном негодовании, Дауге возвышал голос. Но Ермаков либо отмалчивался, либо давал ответы настолько неопределенные, что геологи, не в силах преступить законы походной дисциплины, начинали задыхаться от злости, распираемые громовыми словами.

Правда, Быков не ожидал, что решительный разговор произойдет именно сейчас, когда они так уютно собрались провести два-три часа. Вечер испорчен окончательно... Остается одно — смириться и слушать... И подать голос, если потребуется. А в том, что это потребуется, он был уверен: стоило только поглядеть на эти бледные, осунувшиеся лица. Каждый полон решимости, и каждый уверен в своей правоте...

Ермаков прервал Юрковского:

— Считаете ли вы достаточно полными данные о геологии окрестностей Голконды?

— На дальних подступах?.. — Юрковский прищурился.

— Да, на дальних.

— Данные относительно полны,— осторожно проговорил Дауге,— но...

— Вами закончено в первом приближении изучение качественного и количественного состава полезных ископаемых окрестностей Урановой Голконды.— Теперь Ермаков говорил громко и резко.— Вы доказали пригодность окрестностей Голконды для разработок. Собрали основательный материал о природных условиях района. Определили режим радиоактивности. Составили карту местности — геологическую и топографическую. Провели геофизическую разведку недр Венеры в этом районе...

— Но данные расплывчаты и недостаточно полны,— ворвался в речь командира Юрковский.— Имея возможность получить гораздо более точные данные...

— Мы не имеем такой возможности! — отчеканил Ермаков.

— Как так — не имеем?!

— Я уже сказал. Готов повторить. Воды осталось на четверо суток. Связи нет. Положение «Хиуса» на болоте небезопасно. Поход в Дымное море в наших условиях является авантюрой. Любая серьезная неисправность транспортера может привести к провалу всего дела. Кроме того...

— При чем здесь авантюра, когда речь идет о задании правительства? — Юрковский вскочил.— Нам поручили ответственнойшее дело, а мы выполняем его только наполовину. Это же позор! Когда еще сюда придут люди!..

— Если мы вернемся, они придут скоро, а если останемся здесь — никогда... Или через двадцать лет!

Дауге сказал негромко:

— Ведь вы обещали... Вы дали согласие на этот поход после оборудования ракетодома...

— Да, я собирался исследовать Дымное море, если будет на то возможность. Но этой возможности нет. Рисковать результатами экспедиции я не намерен.

— Риск! Опять риск! — бушевал Юрковский.— Я не боюсь риска! Говорите что угодно, Анатолий Борисович, но вы не в силах сделать нас трусами! (Ермаков невольно вздрогнул: это были его собственные слова.) Основная задача экспедиции не будет выполнена!

— Не так,— вмешался в спор Быков.

Он неожиданно вспомнил свой разговор с Ермаковым в самом начале перелета и сразу понял причины, заставлявшие командира быть осторожным. Геологи, привыкшие к тому, что Быков обычно не вмешивается в разговоры на эту тему, удивленно воззрились на него. Только Ермаков не шевельнулся.

Быков продолжал:

— Основная задача экспедиции не в этом. Вы плохо помните приказ комитета. Испытание «Хиуса» — вот основная задача.

— Алексей Петрович прав. Наша основная задача — доказать, что только снаряды типа «Хиус» могут решить проблему овладения Венерой. Доказать это! Кроме того, доставить на Землю результаты предварительной разведки. Мы их добыли. Ракетодром создан. Остается главное — вернуться.

Неудачливый именинник принялся с отвращением жевать роль-мопс — видно было, что он сдается.

Юрковский воскликнул с горечью:

— Бросать на полдороге такое дело!

— Лучшее — враг хорошего, Владимир Сергеевич. И потом, мы сделали свое дело...

— Вы не специалист,— дерзко сказал Юрковский.

— Я командир! — Ермаков заиграл желваками и проговорил, сдерживаясь: — Я отвечаю за исход всего дела. Я мог бы просто приказать, но я выслушал ваши доводы и... считаю их неубедительными. Не будем больше об этом... И, кроме того, если Михаил в течение ближайшего часа свяжется с нами и приведет «Хиус» сюда, я дам вам еще два-три дня...

— Утешение,— язвительно проговорил Юрковский.

— Надеяться на связь — надеяться на бога,— криво усмехнулся именинник.

— К сожалению, вы правы, Григорий Иоганнович,— холодно согласился Ермаков и поглядел на часы.

Вечер был испорчен несомненно. Геологи сели бок о бок и понурили головы. Ермаков снова занялся приемником. Репродуктор выл и надсадно каркал. Бежали минуты. Связи не было. Забытая бутылка одиноко стояла посреди белой салфетки.

«Кр-ра, кр-ра, ти-иу-у, фюи-и...» — затянул приемник. Индикаторы на стене медленно налились красным. Заверещали счетчики радиации.

— Венера приветствует тебя, Иоганыч,— деревянным голосом сообщил Юрковский.

— Ах, боже мой, боже мой!.. — проговорил именинник с невыразимой тоской и принялся ругаться вполголоса по-латышски.

«Фюи-и-и-у-у», — неслось из репродуктора.

Ты слышишь печальный напев кабестана?

Не слышишь? Ну что ж, не беда...

Уходят из гавани Дети Тумана,

Уходят. Надолго? Куда? —

вдруг негромко пропел Юрковский на мотив знакомой лирической песенки.

— А, это что-то новое! — оживился Дауге. — А дальше?

— Подпевать будешь? — спросил Юрковский немного смущенно.

— Конечно! Давай!

Юрковский повторил, и Дауге ужасным голосом подхватил:

Уходят из гавани Дети Тумана,

Уходят. Надолго? Куда?

Ты слышишь, как чайка рыдает и плачет,

Свинцовую зыбь бороздя,—

Скрываются строгие черные мачты

За серой завесой дождя...

В предутренний ветер, в ненастное море,

Где белая пена бурлит,

Спокойные люди в неясные зори

Уводят свои корабли.

Их ждут штормовые часы у штурвала,

Прибой у неведомых скал,

И бешеный грохот девятого вала,

И рифов голодный оскал,

И жаркие ночи, и влажные сети,

И шелест сухих парусов,

И ласковый теплый, целующий ветер

Далеких прибрежных лесов.

Их ждут берега четырех океанов,
Там плещет чужая вода...
Уходят из гавани Дети Тумана...
Вернутся не скоро... Когда?

— «Вернутся не скоро... Когда?» — задумчиво повторил Дауге. — Молодец, Володя, хорошо...

Разлили и выпили по одной. Юрковский, приуныв, склонил на руки красивую, чуть седую голову. Ермаков о чем-то напряженно думал, ежеминутно механически взглядывая на часы. Быкову стало совсем грустно, он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. В памяти вставали милые сердцу, страшно далекие образы — синее глубокое небо, легкий ласковый теплый ветерок, белые клочки облаков в темной дрожащей лужице... Земля...

— Хватит, Иоганыч, — раздался голос Юрковского.

Быков поднял веки. Дауге наливал в стаканчик. Руки его дрожали, янтарные капли, весело сверкая в электрическом свете, падали на салфетку, разбегаясь по ней маленькими яркими шариками.

— Это не мне, — строго сказал Иоганыч, — и не тебе...

Он потянулся через закуски:

— Выпей, Богдан... Ну, знаю, что не терпишь, но ради меня — должен!

Юрковский отшатнулся. Держа стаканчик в вытянутой руке, Дауге говорил убеждающе:

— В Дымное море нас все равно не пустят. Эрго — поход окончен. Ради этого абсолютно нельзя не выпить...

Ермаков вдруг поднялся. Совершенно спокойно, не отрывая глаз от циферблата часов, он сказал:

— Извините, я выключу свет. Надо осмотреть окрестности.

— П-пожалуйста, — с трудом проговорил Быков, не отрывая глаз от белых щек Дауге.

— Помогите мне, Алексей Петрович, — проговорил Ермаков. Он словно ничего не замечал.

— П-пожалуйста, — повторил Быков.

Они поднялись в командирскую башенку. Ермаков погасил свет. В наступившей темноте зазвенел резкий, нездоровый смех Дауге.

— Ты прав, Богдаша... Ты прав.

Ермаков развернул дальномер в сторону юга и прильнул к окулярам. Быков нагнулся ко второму дальномеру. Он не понимал, что делает. Он слышал только резкий смех за спиной, непонятные слова (Дауге начал громко говорить по-латышски), шепот Юрковского:

— Григорий... Гриша... Успокойся... Гриша...

А потом перед его глазами в свинцово-черном круге, расчерченном фосфоресцирующими штрихами, вдруг вспыхнули одна за другой две яркие кроваво-красные звездочки — невысоко над черной бездонной полосой горизонта.

— Отсчет,— неожиданно хриплым голосом проговорил над ухом Ермаков.— Отсчет, Быков! Не зевайте, черт...

Не думая, машинально и торопливо, Быков засек направление на странные вспышки. Красные звездочки потускнели и погасли.

— ...Анатолий Борисович! Ну, скажите же вы ему, пусть выпьет! — негодуя крикнул Дауге.

— Выпейте. Выпейте, Богдан Богданович,— проговорил Ермаков. Он зажег свет в башенке и с лихорадочной поспешностью принялся снимать отсчеты с барабанов своего дальномера.

— Вот так,— с удовлетворением говорил Дауге.— Умница — командира слушаешься. А теперь еще одну...

— Сколько у вас? — быстро спросил Ермаков.

— Высота — десять градусов ноль восемь минут, азимут тринадцать градусов двадцать шесть минут... Но что...

— Молчите, Алексей Петрович...— Ермаков записал числа в блокнот.— Молчите. Об этом после...

Быков взялся пальцами за нижнюю губу.

— Свет! — закричал вдруг Юрковский.— Зажгите свет! Дауге опять плохо!..

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ГОЛКОНДЫ

«Мальчик» шел не быстро. По экрану скользили очертания частых столбов, глыб камня. Ермаков сидел, откинувшись на спинку кресла, положив руки на пульт управления. Свет в транспорте был погашен. Геологи спали. Юрковский тихонько пошмыгивал носом.

вал, свернувшись клубочком; блики серебристого света, падающего с экрана, скользили по его спокойному лицу. Дауге, закинув голову, глухо стонал во сне, иногда принимался быстро-быстро неразборчиво бормотать что-то. Потом вдруг открыл глаза, сказал громко, внятно:

— Знаю, все знаю... Но что делать? За что?.. Ответ — за что?

Ермаков не обернулся. Быков долго смотрел на осунувшееся измученное лицо друга, потом спросил:

— Анатолий Борисович, что с Дауге? Неужто это навсегда?

Ермаков чуть пожал плечами:

— Я не психиатр, Алексей Петрович. Мне трудно разобраться в этой болезни. Я не понимаю ее. «Змеинный психоз», галлюцинации, Богдан... Истощение организма — странное, необъяснимое... Гриппозная температура. И все это без видимой причины. Смерть Богдана он перенес гораздо спокойнее, чем Юрковский, переутомлялся не больше остальных... Может, это та самая горячка, о которой говорили чехи... Только бы, Алексей Петрович, вернуться: по опыту знаю — Земля, голубое небо лечат все небесные болезни лучше любого врача.

— Если это какая-то особая местная болезнь, так почему мы здоровы?.. Все должны были... Впрочем... Помните, Анатолий Борисович, Дауге несколько раз выходил из «Мальчика» без скафандра?..

— Скорей бы вернуться, Алексей Петрович. На Земле разобрались бы во всем.

Помолчали. Дауге опять заговорил. Поднялся, сел, упираясь руками, спросил удивленно: «Белее, чем алебастр? Ерунда!» и снова упал на спину, закинув лицо. Быков потер ладонями глаза — казалось, будто тысячи иголок впиваются в веки.

— Болят? — покосился на него Ермаков.

— Так... Немножко побаливают. А вот, Анатолий Борисович... Почему мы не вызвали «Хиус» прямо сюда, на ракетодром? Зачем тащиться несколько суток по плохим дорогам, если Михаил может привести планетолет сюда?..

Ермаков быстро взглянул на Быкова, лицо его потемнело. Ответил не сразу, оглянувшись на спящих, будто желая убедить-ся, что они не услышат:

— Да. Перед началом похода я договорился с Крутиковым именно так. Это было бы не только удобно для нас с вами, но послужило бы испытанием посадочной площадки. Это было бы очень хорошо, Алексей Петрович. Но...

— Но?

— Я должен был отдать приказ на переброску «Хиуса» после установки последнего маяка. Но еще накануне... вы помните, связь с Михаилом прервалась. Неожиданно прервалась.

— Да, я помню это.

Ермаков помолчал.

— Это был очень странный перерыв: репродуктор вдруг загудел, и я почти перестал слышать Крутикова. Но мне показалось, что он окликнул меня как-то... как-то взволнованно, как-то возбужденно... И с тех пор мне не удастся связаться с «Хиусом».

— Что-нибудь случилось с Михаилом?

— Да.

Быков приподнялся.

— Случилось? Что?

Ермаков, не отрывая взгляд от экрана, проговорил:

— Вы заметили две вспышки на горизонте?

— З-заметил, конечно. Но...

— Не волнуйтесь, Алексей Петрович. Оснований для беспокойства пока нет. Пока. Во всяком случае, Михаил Антонович жив и... здоров, разумеется. Значит, планетолет в порядке.— Ермаков опять оглянулся на геологов, понизил голос.— Я засек направление на вспышки... Одним словом, вот что...— Он осторожно остановил транспортер, снял руки с пульта и вытащил из стола сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Бережно развернул ее. — Смотрите...

Это была карта исследованной области. Быков разглядел почти правильное кольцо огромного болота, грязевого кратера, и крестик внутри его — место посадки «Хиуса». Путь «Мальчика» через пустыню и гряду скал к ракетодрому «Голконда-1» был нанесен четким пунктиром. Резко бросалось в глаза чернильно-черное пятно Голконды, окаймленное бледно-серым поясом Дымного моря.

Ермаков указал кончиком карандаша на маленький красный кружок юго-восточнее болота:

— Вот эта точка. Вы видите, это в стороне от болота... Именно отсюда были выпущены ракеты, если, конечно, это были ракеты. Точность определения — пять—семь километров.

— Но как и почему мог перескочить туда «Хиус»?

— Я не говорил, что это «Хиус». Но...

— Что?

Ермаков ссутулился и погладил больную ногу.

— Вот что, Быков. Сейчас мы идем к месту посадки «Хиуса». К болоту. Ракеты могли быть выпущены какой-нибудь экспедицией, знающей, что мы где-то в этом районе. Возможно, это просто автоуправляемая ракета-грузовик с продовольствием. Или там вообще ничего нет. Мы могли видеть атмосферные вспышки... Однако они странно совпадают с нашим условным сигналом. Во всяком случае, Алексей Петрович, все может случиться.

— Ровно в двадцать ноль-ноль? — спросил Быков.

— В двадцать двенадцать, — холодно уточнил Ермаков.

— А Михаил должен был в случае... должен был сигнализировать ровно в двадцать?

— Да.

Быков отчетливо ощутил в груди холодок нехорошего предчувствия.

Ермаков наклонился к уху Быкова. На мгновение его глаза засветились в сумраке кабины, как у кошки.

— Так или иначе, одну карту я отдаю вам. Спрячьте и держите при себе. Все время держите при себе. Вторая останется у меня, я кладу ее вот сюда, в столик. Геологам говорить ничего не надо. Очень может быть — все это ложная тревога.

— Та-ак. Понятно. А не двинуть ли нам прямо туда? — глядя прямо в глаза Ермакову, предложил Быков. — Если это люди, зря сигналы подавать они не станут.

— Да. Верно. Но сначала мы пойдем к «Хиусу». А дальше — посмотрим.

Быков сложил карту, сунул ее во внутренний карман.

— Ясно. От Михаила, значит, ничего?

— Ничего, Алексей Петрович. Сейчас я подремлю немного и попытаюсь еще раз. Держите курс на проход в скалах, возвращаемся прежним путем. Идите прямо по карте.

— Слушаюсь. Отдыхайте, Анатолий Борисович. А... А вдруг это все-таки Михаил?..

Ермаков спокойно пожал плечами, покачал головой:

— Не будем делать поспешных выводов.

Надолго настала тишина. Ермаков заснул, уронив голову на грудь. Покашливают двигатели, неторопливо тикают счетчики, товарищи дышат ровно. Даже Дауге успокоился и крепко заснул. Быков начинает подсчитывать. До «Хиуса» — сутки, ну, скажем, двое суток. Еще через сутки — на «Циолковском». Ну, там, туда-сюда, короче говоря, через полмесяца будем дома, на Земле-матушке. Прежде всего — в парикмахерскую, постричься по-человечески, а то от гришиной стрижки весь экипаж стоном стонет: из Дауге парикмахер, как из Быкова геолог. Потом — Ашхабад. Значит, так. Стучусь. Она, конечно, тетрадки проверяет, учительница моя... Милый ты мой человек... А, черт, как глаза болят! Быков замедляет ход «Мальчика», осторожно трет веки — больно. Ну, ничего... Это верно — Земля быстро вылечит все небесные болезни...

Сзади шутливо-сердитый голос Дауге:

— Ты что машину качаешь? Драть тебя некому!..

— Ладно, ладно, — улыбается Быков. — Спи себе, знай, не буди людей.

Слышно, как Дауге ворочается на своем жестком ложе.

— Все, теперь уж не засну... А ты чего бодрствуешь, полуночник?

— Как так — чего? Машину ве...

— Да я не тебе... Богдан, слышишь?

Быков холодеет — вот оно, опять. За спиной звучит негромкий дикий разговор-монолог:

— Тоже не спится? Ну, ясно — любовник пылкий, глаза сияют подобно чему-то там и свету звезд... А? Нет, зачем же, я в этом смысле человек конченный... Ты мне лучше скажи, в Большой театр достанешь билетик, на «Фауста»? Ха-ха-ха!.. Да нет, серьезно... «Позвольте предложить, преле-стная, вам руку...» Что? Не верю... Но это же колоссально! Ты гений! Честное слово, молодец, Богдан! Ага... У меня другая заветная мечта: отдохну на Земле, подлечусь немножко... Нет, вот волосы выпадают, видишь —

пряжками целыми... Ну, у тебя не так — такую гриву никакая радиация не возьмет... Погоди, дай досказать...

Быков не выдерживает, оглядывается. В бледном неверном свете экрана лицо Дауге кажется черным. Он сидит, скрестив ноги, повернувшись к рации, глаза закрыты мечтательно. В голосе такое спокойствие, такая убежденность, что Быков вздрагивает: ему кажется, что у рации, слегка покачиваясь по обыкновению на стуле, сидит Богдан — темный силуэт на фоне поблескивающих металлом приборов.

— Подлечусь немного и отпущусь снова сюда. Космическая палеонтология! Новая замечательная наука! Жаль, я не специалист, но это дело поправимое, тем более, что кое-какими знаниями я обладаю... А? Конечно, можно и так, но это много времени отберет. Я лучше во время отпуска займусь... Конечно! Потом заметь, специалистов по венерианской палеонтологии... Да-да-да-да!

Дауге приглушенно смеется. Быков закусывает губу:

— Слушайте... Тише! Люди спят. Богдан... то есть... это... Гришка! Не спится — займись чем-нибудь.

— Слушаюсь, водитель! — Дауге зловещим шепотом сообщает своему незримому собеседнику. — Видал? Стро-огий!..

Зашуршало — Дауге улегся опять, замолчал. И снова — шумят моторы, поскрипывает песок под гусеницами, возникают и исчезают беззвучно на экране очертания обломков камня...

«Мальчик» был недалеко от скалистой гряды, когда Быков заметил впереди на пути движения красные пятна и полосы с мерцающим над ними тяжелым лиловатым паром. Необычайный огненный поток преграждал «Мальчику» дорогу. Быков остановил транспортер и вполголоса позвал Ермакова. Некоторое время они оба, склонившись над смотровым люком, молча вглядывались в странное явление.

— Попробуем пройти? — спросил наконец Быков.

Ермаков неопределенно помотал головой:

— Нет... Не стоит. Лучше попытаться миновать стороной.

— Что это может быть?

— Не знаю... Подведите машину поближе.

«Мальчик» тихонько прополз метров двести и остановился. На черной почве ярко-красным светом мерцали извилистые полосы. Вдали, за пеленой лиловой дымки, они сливались в сплошное малиновое пятно. Казалось, откуда-то выливается, покрывая пустыню, раскаленная лава. Быков заметил, как медленно, почти неуловимо для глаза, красное поле приближалось к большому черному валу. У его подножия оно поднималось, вспучивалось, наползая на камень...

— Оно движется, — пробормотал Ермаков.

Валун исчез под красным шевелящимся тестом.

— Что за черт!

— Выйдем, посмотрим, — решительно предложил Ермаков. Он быстро поднялся и, невольно застонав, снова рухнул в кресло. — Нет, я не ходок... Будите геологов, Алексей Петрович.

Они не сразу покинули транспортер. Чем-то зловещим веяло от этой малиново-красной светящейся массы. Даже Юрковский промолчал, когда Быков проговорил осторожно:

— Можно подойти и исследовать эту штуку манипуляторами...

— Можно, — неуверенно подтвердил Дауге. — По-моему, это не лава...

Ермаков нагнулся и, морщась, пощупал ногу.

— Будьте осторожны. При малейшей опасности возвращайтесь в транспортер. Вы всегда успеете уйти. Оно движется медленно.

Перед дверцей в кессон Быков оглянулся. Ермаков, ссутулясь, сидел за пультом, не отрывая глаз от багровой полосы за смотровым люком. Он не надел спецкостюма, и Быков видел в розоватом свете экрана его пальцы, крепко стиснутые в кулаки...

Трепещущая масса двигалась сторонами, охватывая транспортер огромным полукольцом. Длинные рукава, выброшенные вперед, словно ощупывали почву. Мерцающий лиловый туман поднимался над всем этим шевелящимся красным ковром. В наушниках гудела далекая Голконда, раздавался ровный скрипящий шорох: багровый поток волочил за собой камни, осколки валунов.

— Удивительно похоже на живое существо, — пробормотал Дауге.

— Не говори ерунды, Григорий... — сказал Юрковский.

— Это живое существо — посмотри на щупальца: они ищут дорогу среди скал...

— Ничего они не ищут...

Дауге наклонился, поднял булыжник и, сказав: «А ну, была не была!» — швырнул его в красную массу. Быков, не успевший его остановить, весь собрался, готовый к любым неприятностям. Но ничего не произошло. Камень упал на красную поверхность, подпрыгнул, прокатился немного и остановился, чернея. Вокруг него поднялись струйки розоватого дыма. Потом камень исчез, словно растаял, — красная масса всосала его.

— Температура нормальная, — сообщил Юрковский, рассматривая ручной термометр, — пятьдесят четыре и три. Для этих мест — вполне нормальная. Это не лава.

Они подошли совсем близко. Стена лилового тумана поднималась прямо перед их глазами; еще несколько шагов — и они ступили бы на поразительный малиновый ковер.

— Не стоит дальше, — сказал Быков, — у меня в шлеме счетчик радиации с ума сходит.

— Н-да-а, — протянул Иоганыч останавливаясь. — Радиация усиливается. Эта штука излучает, Володя...

— Вижу, — буркнул Юрковский, опускаясь на корточки и внимательно рассматривая край багрового потока.

Почву покрывала толстая светящаяся пленка — очень тугая на вид, ноздреватая, как губка. Она медленно ползла по земле, местами вспучиваясь, выворачивая камни из песка.

— Толщина — сантиметров пятнадцать, — определил Юрковский, наблюдая, как пленка наползает на острый осколок камня. — Это неживое существо, Гриша! Оно совершенно равнодушно к внешним раздражениям.

— Чудак! — Дауге пожал плечами. — Губка тоже совершенно равнодушна к внешним раздражениям... Это наверняка колония каких-то микросуществ.

— Микросущества... При таком уровне радиации в этом районе? — Юрковский будто думал вслух. — Хотя, конечно, живое может приспособиться к любым условиям. Тем более, эта штука сама излучает... В этом ты прав, Иоганыч. Но как ты докажешь... Давай возьмем пробу — дома рассмотрим.

— Значит, вы думаете, что через это красное поле на «Мальчика» идти можно? — спросил Быков.

Геологи помолчали; потом Дауге сказал:

— Скорее да, чем нет. Во всяком случае, это не лава.

— Так пошли в машину. Ермаков ждет.

— Сейчас, Алексей. Надо только взять образец этой штуки.

Транспортер стоял метрах в ста от них, поблескивая в красном свете. Чернело отверстие распахнутого люка. Малиновая пленка словно обтекала машину — вдали во тьме уже виднелись ее полосы, окутанные лиловатым паром. Пленка охватила «Мальчика» с трех сторон. Быкову стало не по себе.

— Давайте-ка побыстрее, товарищи, — сказал он. — Что-то мне не нравится поведение этого любопытного явления природы.

— Почему она не подползает ближе? — задумчиво проговорил Юрковский.

— Почему она вообще подползает? — возразил Иоганыч. — Это, по-моему, и важнее, и интереснее... Короче, я сейчас сбегая за контейнером, подождите минутку... — пробормотал он и шаткой рысцой направился к «Мальчику».

Быков проводил его глазами и, повернувшись к Юрковскому, увидел, что тот старается финским ножом отхватить кусок пленки.

— Не надо, Владимир Сергеевич, зачем? Возьмем эту штуку манипулятором.

Юрковский сердито пыхтел, орудуя клинком. Нож легко входил в упругую массу, но она сразу смыкалась за ним. Геолог, расшвыривая, рвал и кромсал плотный трепещущий студень. Наконец ему удалось отделить толстый красный кусок. Густо повалил светящийся газ. Юрковский выпрямился, откатил кусок ногой подальше — на черном песке ярко засветилось красное пятно. Сзади загремело. Они оглянулись и увидели Дауге, свалившегося с «Мальчика». Он сидел на земле в нелепой позе.

— Эх его... — с досадой произнес Юрковский.

Дауге быстро поднялся и, согнувшись, принялся шарить под ногами — искал что-то. Быков успел заметить, что огненные шупальца уже окружили транспортер, сомкнувшись метрах в трехстах от него. Они образовали почти правильное кольцо.

«Кольцо... — вдруг подумал Быков. — Огненное кольцо... Где я слышал о кольце?»

Дауге уже шел, волоча по земле за ремень металлический бачок-контейнер для радиоактивных образцов. Под мышкой он держал тяжелый щиток.

— Вот дьявол! — изумленно сказал Юрковский.

Быков поглядел под ноги и увидел, что отрубленный кусок пленки расплылся звездой, выбросив длинные тонкие отростки в сторону красного ковра. И вдруг он вспомнил: «Красное кольцо! Берегись Красного кольца! Загадка Тахмасиба...»

В это мгновение почва содрогнулась. Быков потерял равновесие и чуть не упал. Он увидел, как, роняя все из рук, повалился на землю Дауге, как Юрковский, пытаясь подняться, встал на четвереньки.

В черном небе вспыхнула ослепительная бело-синяя зарница. Второй толчок швырнул Быкова на землю. Под ногами оглушительно треснуло. Кругом загрохотало.

— А-а-а! — еле слышно среди ужасного шума закричал Юрковский.

Быков, судорожно цепляясь за неровности почвы, увидел, как раскрылась земля рядом с «Мальчиком» и взметнулся столб огня. В пылающем мареве видно было, как бешено закрутились гусеницы вздыбленного транспортера, как поднялся и снова упал ничком Иоганыч. Нестерпимый жар охватил Быкова, проник сквозь силикотовую ткань костюма. Почти теряя сознание, Быков поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие, сделал несколько неверных шагов к перекошенному транспортеру и снова упал — почва ушла из-под ног. Грохот мгновенно стих. Сквозь пот, заливающий глаза, Быков увидел, как медленно наливается тускло-красным, пепельно-красным светом дрожащая потрескавшаяся земля, как оседает в плавящийся песок раскаленный докрасна транспортер.

— А-а-а! — кричал сзади Юрковский.

Стиснув зубы, преодолевая нахлынувшую слабость, Быков заставил себя поползти на этот жалобный крик. В глазах качалось багровое зарево,плыли разноцветные ослепляющие круги, но он увидел черные, словно обугленные руки Юрковского, тя-

нущиеся к нему. И он нашел еще в себе силы, чтобы вцепиться в них, упереться в землю и оттащить геолога подальше от малиновой трясины.

Потом он все-таки потерял сознание, но, видимо, ненадолго, потому что, придя в себя, обнаружил, что Юрковский лежит рядом с ним, неловко подогнув под себя руки, что раскаленная почва вокруг «Мальчика» еще не успела потемнеть и транспортер стоит, сильно накренившись, глубоко уйдя в оплавленную землю, и пластмассовая броня на нем дымится, становясь серой и быстро темнея.

Ослепительные сине-белые полосы в небе погасли. В ушах стоял непрерывный пронзительный звон, и Быков не сразу понял, что это — счетчик излучения. «Десятки, сотни рентген», — мелькнула в мозгу и исчезла мимолетная мысль. Он поднялся на ноги, подхватил под мышки неподвижного Юрковского (тот бесильно обвис в его руках) и потащил его к «Мальчику», подальше от пузырящейся, окутанной розовым паром красной пленки. Шагов через сорок он наткнулся на Дауге. Иоганыч лежал на спине, вцепившись скрюченными пальцами в ткань спецкостюма на груди. Положив Юрковского рядом, Быков нагнулся к другу. Дауге был без сознания, дышал часто, с хрипом. Нижняя часть его спецкостюма висела лохмотьями. Алексей торопливо, трясущимися пальцами открутил кислородный кран, снял ремень с автомата, туго перетянул неподвижное тело вокруг пояса, чтобы прекратить доступ раскаленного, бедного кислородом и насыщенного активной пылью воздуха извне. Дауге застонал, со всхлипом втянул в себя живительный газ. Юрковский очнулся сам. Он затрепетал, приходя в себя, быстрым движением поднялся, сел. Дауге продолжал тяжело хрипеть.

— «Мальчик»... Анатолий Борисович... — пробормотал Юрковский. — Скорее...

Быков помог ему подняться, и они оба, шатаясь, направились к остывающей в сотне метров от них громаде транспортера. Перебрались через широкую чернеющую трещину, побежали. Юрковский первым полез в люк, но сорвался и остановился рядом с машиной, держась за броню и тяжело дыша.

Быков оттолкнул его и полез сам.

Люк сильно оплавился, стал овальным. Броня была еще раскалена, жар проникал под спецкостюм, нестерпимо обжигая. В темном кессоне Быков напрасно шарил выключатель и, не найдя, зажег фонарик на шлеме. Кессонную дверь открыть не удавалось.

— Анатолий Борисович! Товарищ Ермаков! — в отчаянии позвал он и вдруг понял: бесполезно. Командир погиб.

Температура взрыва была слишком высока, все оплавилось. «Мальчик» некоторое время был раскален добела, а Ермаков, когда они уходили, был без шлема. Там, внутри транспортера, все сгорело. Все — и командир тоже... Конец...

— Люк, люк, скорее, какого черта! — Юрковский вполз в кесон, кинулся к внутреннему люку, толкнул.

Он навалился всем телом, и Быков присоединился к нему. Напрасно! Юрковский яростно забарабанил кулаками.

— Резать надо... — прохрипел Быков.

— Чем, Петрович? Давай в запасной люк, давай!..

Быков выпрыгнул наружу. Второй запасной люк, которым никогда не пользовались, находился в корме транспортера. Но, обогнув машину, он понял, что все погибло. «Мальчик» сильно осел в размякшую от температуры почву и вплавился в нее. Люк оказался ниже уровня твердой, спекшейся корки, и добраться к нему было невозможно. «Мальчик» превратился в мертвую крепость, неприступную для оставшихся в живых. Ермаков отрезан от мира и мертв. Мертв! Командир мертв!

Быков устало опустил на пышущую жаром, исковерканную землю, поднес руки к лицу. Пальцы его уткнулись в гладкий колпак шлема...

Иоганыча подтащили к «Мальчику», уложили поудобнее. Быкову пришлось прежде потратить несколько минут на то, чтобы привести Юрковского в себя. Геолог ходил вокруг мертвого транспортера, ничего не слыша, не отвечая, не замечая. Быков схватил его за плечи, сильно встряхнул, и тогда тот опомнился и послушно пошел за ним, всхлипывая и бормоча.

Дауге все еще не приходил в сознание. Не было лекарств, бинтов. Нечем было закрыть обожженные ноги друга. Нельзя было даже снять с него шлем и напоить водой — температура

воздуха после взрыва была еще слишком высока, более 80 градусов. Юрковский и Алексей Петрович молча перекладывали Иоганна, рылись в вещевых мешках, обматывая израненные ноги тряпками. Они пытались делать ему искусственное дыхание, сами не зная зачем, лохмотьями костюма укрывали от обжигающего ветра обнаженное тело. Быков поминутно смотрел на ручной термометр, но температура понижалась медленно.

— Умрет,— проговорил Юрковский.— Ожог второй степени. Плохо...

— Молчи! — взревел Быков, приходя в ярость.

— Алексей! Она ползет,— пробормотал Юрковский, как в бреду.— Смотри, ползет...

— Что? — Алексей Петрович оглянулся и сразу понял.

Вокруг «Мальчика» медленно, но заметно смыкалось кольцо красной пленки. Багровая масса напозала со всех сторон, подбираясь к центру страшного подземного взрыва, который сжег «Мальчика» и где сейчас громоздились глыбы вывороченного оплавившегося камня. Над глубокой черной воронкой поднимались клубы дыма.

— Захлестнет,— продолжал Юрковский.— Сомнет, раздавит... Уходить надо.

— Куда? — Быков обвел глазами горизонт: со всех сторон напозала малиновая пелена.

Юрковский тяжело поднялся, склонился к Дауге, взял его осторожно под плечи:

— Берись, Алексей... Запремся в «Мальчике». Может быть, отсидимся...

Иоганн жалобно застонал, когда они протискивали его через узкий люк. В кессоне было еще очень жарко, гораздо жарче, чем снаружи.

— Господи! — сказал с отчаянием Алексей Петрович, глянув на термометр.— Девяносто!

Он лег на раскаленный пол, втащил Дауге на себя. Юрковский торопливо задраивал люк. Ничего не получалось: и отверстие люка, и крышка потеряли свою первоначальную форму. Он кое-как закрепил тяжелый горячий кусок пластмассовой брони, выглянул в щель:

— Сейчас полезет на танк... Оно не обходит препятствий — перебирается поверху... Посмотрим.

Он отошел от щели, присел где-то в темноте. Алексей Петрович молчал, прислушиваясь к шорохам снаружи, к хрипению Дауге, чувствуя, как нестерпимый жар гложет спину. Они обречены. «Мальчик» погиб, нет еды, кислорода, воды... Иоганыч плох, очень плох. Что сделать для него? Хоть что-нибудь, хоть бесполезное, если ничего другого не остается...

«Мальчик» дрогнул, красный свет, пробивающийся сквозь щели люка, стал ярче. Раздался скрип, скрежет — красная пленка напоззала на изувеченный транспортер...

Через полчаса температура упала до шестидесяти градусов, и Алексей Петрович, осторожно стащив с Дауге гладкий колпак, влил ему в полуоткрытый рот глоток апельсинового сока. Иоганыч поперхнулся, открыл глаза, полные страдания. Быков погладил его по небритой щеке и снова надел шлем.

— Где мы?

— В «Мальчике», Иоганыч, дружок... Ты ранен.

— Больно как... Ноги... Что случилось, почему темно? Почему не двигаемся?..

— Был взрыв, Иоганыч, — ответил Юрковский и замолчал: не хватило сил сказать все до конца.

— Да... взрыв... Помню. Меня бросило на землю и обожгло... Владимир, ты понимаешь, что это?.. Под землей взорвался атомный котел... Помнишь, мы... спорили... об этом... Не повезло... Как раз под нами...

Дауге быстро, прерывисто задышал. Алексей Петрович до отказа повернул кран подачи кислорода.

— Хорошо, хорошо... Еще... — Дауге дышал глубоко, жадно. — Где Ермаков? Что вы молчите? Алексей! Что случилось?..

— «Мальчик» погиб, Гриша... — Юрковский помолчал, затем медленно договорил все: — Ермаков погиб...

Дауге всхлипнул и снова потерял сознание. «Мальчик» вздрагивал, скрипело что-то по броне, щели неплотно закрытого люка светились красным. Юрковский вдруг заговорил негромко:

— Гриша, Гришка, очнись... Мы уйдем отсюда... Понесем тебя на руках... Гриша!

Дауге вздрагивал, в бреду звал Машу, плакал:

— Маша, Маша... Не уходи. Я все для тебя... Все... Жизнь, честь... Маша... Никто тебя больше меня любить не будет... Все пройдет, все ложь, кроме любви моей... Богдан... «Мальчик» жалко... Один я... Страшно... Смерть... Бо-о-ольно!..

И вдруг, помолчав, — ласково, радостно:

— Вот так... Да-да... Какая у тебя ладонь нежная, прохладная... Мне очень больно, Машенька... Ты моя радость, моя чудная... Не надо, не говори, я все понимаю, все — ерунда... Еще, еще... Милая ты моя... А я небритый... Больно очень, Машенька... Ма-ша!

Юрковский вскочил, заметался в лучах фонарика:

— Убью!.. Сволочь! Подлая баба!..

Он длинно, мерзко выругался. Быков, стащив с Дауге колпак, прижимал к его рту кислородную трубку, не отрываясь глядел в лицо друга. Жизнь уходила с лица, проваливались щеки, тускнели глаза. Губы едва уже шевелились.

— Ма-ша... — разобрал Быков. И еще: — Холодно... Боль-но... Ма-ша.

Дрожь была небольшое жилистое тело, крупная дрожь, как от сильного пронизывающего холода.

Быков взял в ладони его бессильную голову в шлеме, прижал к себе. Дауге умолк.

— Умер? — чужим голосом спросил Юрковский.

— Не знаю.

— Умер, умер. Григорий Иоганнович Дауге — известный советский геолог-космонавт — погиб при штурме Венеры. Иоганнч умер.

— Он не умер, — сказал Быков, прислушиваясь к слабому редкому дыханию.

Юрковский подошел к люку, прижался к нему и еле слышно проговорил:

— Шесть лет вместе... Луна, марсианские пустыни... Шесть лет...

Он распахнул люк резким, неожиданно сильным движением. Вокруг была ночь, тьма... Далеко-далеко, содрогаясь от собственной мощи, грохотала Урановая Голконда, поднимая над горизонтом дымное, пронизанное огнем вспышек зарево...

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ШАГОВ

Их осталось трое.

Дауге не приходил в сознание. Быков и Юрковский с трудом извлекли его наружу и некоторое время стояли неподвижно, не в силах покинуть страшное место. Привычно подрагивала земля. Красная пленка исчезла. Они еще успели заметить остатки красного ковра над воронкой на месте подземного взрыва, метрах в двадцати от «Мальчика»: пленка жадно и торопливо втягивалась в бездонную дыру, медленно гасло лиловое сияние. Стало темнее. Быков поднял было автомат для последнего приветствия, но опустил, раздумав. Оставалась только одна сигнальная обойма — шестьдесят патронов, — а впереди сто километров пути по песчаной пустыне, по ущелью, по болоту... Сто километров, сто тысяч метров, сто пятьдесят тысяч шагов, и каждый из них грозит неведомым.

— Салют! — хрипло потребовал Юрковский, и Быков, вскинув автомат, дал короткую, скупую очередь...

Из обрезков селено-цериевой ткани, найденных в кессоне, они соорудили нечто вроде носилок и уложили на них Дауге. Прочная, хорошая ткань; ее еще хватило и на то, чтобы обмотать Йога-ныча с ног до шеи.

Теперь они шли, согнувшись под упругим тяжелым ветром, в кромешной тьме, изредка озаряемой холодными голубыми зарницами. В такие моменты Быков видел перед собой шлем Дауге на носилках и черную шатающуюся спину Юрковского впереди, мертвые пески, низкие тяжелые тучи с яркими прожилками света. Зарница медленно гасла, и снова — тьма, вязкий песок под ногами, вой ветра в наушниках...

Они не говорили друг с другом. Дышать было тяжело, потому что они берегли сжиженный кислород и дышали наружным воздухом, пропущенным через кислородный фильтр. Этот воздух был

горяч и беден кислородом, он душил, заставлял судорожно зевать, жадно распахивать сухие рты... Нет, разговаривать было невозможно. Только на редких и недолгих привалах, когда один валялся в полусне-полубеспамятстве, другой, бодрствующий рядом с автоматом на коленях, имел возможность слушать измененный голос товарища, бормочущего бессмыслицу. Говорить они не могли, но лучше бы они не могли думать...

Жажда! Рот высох. Губы, язык потеряли чувствительность, онемели. Кажется, будто глотка забита песком и пылью, а язык — тяжелый, сухой ворочающийся камень... Горит огнем обожженное тело, огонь на коже, во рту, в легких... Жажда! А здесь, у самого рта — стоит только протянуть губы, — холодный лимонный сок... кисловатый, душистый... Надо только чуть нагнуть голову... взять в пересохшие губы прохладный эбонитовый наконечник... потянуть в себя... Сладость, влага... Быков даже чувствует, как его зубы сжимают гладкий эбонит... Чуть-чуть... Глоток, только один глоток... Увлажнить язык...

— Юрковский, сволочь!.. Опять пьешь? Отставить!

Юрковский хрипит свирепо. Нельзя, нельзя, Вова... Сто пятьдесят тысяч шагов. Осталось еще не меньше ста тысяч... и Гриша... Быков облизывает губы. Или это ему только кажется, что облизывает? Вот в пяти сантиметрах от лица черный прохладный наконечник...

Ну, по сути-то дела, зачем все это? Идти, мучиться... Дело сделано. Далеко позади зарево Голконды пляшет отсветами на гладкой стали башенок маяков. Скоро — может быть, очень скоро — здесь опустятся планетолеты, и бодрые, веселые люди начнут настоящий штурм. Сильные, здоровые, пьющие много свежего, прохладного лимонного сока. И Голконда сдастся. Это уже не зависит от двух измотанных теней в силикетовых костюмах. Что мешает им упасть, напиться вволю холодной влаги и заснуть в песке?

Это так... Хорошо бы лечь, вытянуть обессиленные ноги, напиться и заснуть. Пусть черный ветер наметает над ними песчаный холмик... Просто и чертовски соблазнительно. А для начала снять с шеи стокилограммовый автомат. Да ну его к черту! Зачем он здесь нужен, в мертвых песках? Тут уже давно все вымерло: всякому ясно, что лучше всего в этой пустыне лечь, напиться вво-

лю — есть еще больше полулитра сока в термосе! — и подождать, пока тебя занесет песком.

Правда, впереди болото, там нельзя без оружия. И там сидит в «Хиусе» Михаил Антонович и ждет. У него есть вода — много воды! — и лимонад — много холодного шипящего лимонада! — но он должен сидеть там один и ждать. Они лягут здесь и уснут, а он будет ждать, будет мучиться бессонницей, часами сидеть у радиоприборов. Он не улетит без них, не улетит, пока не дождется хоть какой-нибудь вести... может быть, даже сам пойдет искать их, нарушая все инструкции. Он ведь не знает, что здесь нельзя жить, если нет большого, очень большого количества свежей, прохладной влаги...

Лечь нельзя! Гришу надо донести. Михаил Антонович ждет, ждет верно и твердо и верит в них. И Краюхин ждет, и Махов, и тот хладнокровный инженер с «Циолковского», и девушка в Ашхабаде...

И все люди, и вся огромная далекая страна. Как много людей ждет их! Значит, они нужны многим, очень многим... Ждут! Хуже всего на свете ждать и догонять. Их ждут, они догоняют. Они догоняют уходящую жизнь, и им нельзя лечь. Надо идти, потому что их ждут, потому что они нужны, потому что они еще вернутся сюда — обязательно вернутся! — потому что очень хорошо жить, потому что лучше всего на свете — это жить. Надо идти потому, что они дойдут, наверняка дойдут, без всякого сомнения дойдут, и будет очень обидно, если они лягут здесь и заснут... хотя они могли дойти. Это будет ужасно обидно. И поэтому надо. «Не хочется — надо!» — говаривал Иоганыч.

Быков спотыкается и, конечно, падает. Если споткнешься — упадешь обязательно. Это потому, что они идут уже более суток по песку, который засасывает ноги, а ветер дует с такой силой, что трудно не упасть. А если они за последние двое суток один раз. И пили тоже только один раз. Юрковский падает, роняет Дауге. Быков старается ему помочь. «К черту!» — хрипит геолог. Как так «к черту», если они не могут не дойти? Если осталось всего только сто тысяч шагов... или немного больше... Быков садится рядом и ждет. Э, врешь, брат, ты не ждешь, ты отдыхаешь! И отдыхаешь не

вовремя, значит, теряешь время, а время — это вода, а вода — это жизнь. Быков толкает Юрковского. Тот мычит.

— Пошли, пошли, Владимир Сергеевич! Ерунда осталась!

Юровский в ответ мычит и не двигается. Тогда Быков наклоняется к нему, ощупью находит кислородный кран, отворачивает на несколько секунд. Юровский жадно дышит, потом медленно, шатаясь, встает. Алексей Петрович помогает ему...

Шаг, два, три, семь, десять... Нет, считать бессмысленно. Десять и пятьдесят тысяч! Смешно! Но интересно — все-таки уже не сто пятьдесят. Прошло трое суток или нет... четверо? Вот черт! Быков чувствует, что потерял счет времени, а это важно, очень важно! Может быть, тогда осталось не пятьдесят, а шестьдесят? Восемьдесят? Минутку, минутку... Быков начинает припоминать... Первые сутки — пустыня, и Юровский впервые упал и не хотел вставать. Быков давал ему кислород. Вторые сутки... м-м-м... вторые сутки? А, это когда он чуть не провалился в воронку с зыбучим песком и Юровский его еле вытащил. Они еще долго, около часу, отдыхали на этом месте и пили сок. И Гриша как будто легче дышал, хотя так и не пришел в сознание... Хороший день... А вот третьи сутки? Да, когда руки онемели, отнялись, стали бесчувственными. Носилок не поднять, не удержать. Гриша стал вдвое, впятеро тяжелее... И они сделали петли и повесили носилки на шею. Юровский на привале тогда говорил, что весь поход — бессмыслица, что идти им еще неделю, а питья не хватит и на четыре дня и что вообще они скоро упадут и не встанут. А потом, пока они спали, вокруг намело песчаную насыпь. И сегодня, когда начинали поход, тоже намело. Юрского и Дауге пришлось откапывать... Правильно — трое суток! А в сутки они проходят в среднем тридцать тысяч шагов. У Быкова есть шагомер. Пройдено сто тысяч шагов, а всего — сто пятьдесят. Значит, осталось только пятьдесят тысяч.

Сегодня осмотрели ожоги Дауге — кожа слезла, кровоточащие язвы... Быков перевязывает ему ноги как умеет. Затем Быков снимает с Юрского вещевой мешок, в котором лежат термосы Дауге. Ему кажется, что Юровский два раза тайком пил...

Быков тащит все на себе. Юрковский снова упал — голубая зарница роняет неверный дрожащий свет на черное распростертое тело.

— Вставай!

— Нет...

— Вставай, говорю!

— Не могу...

— Встать! Убью! — напрягаясь, орет Быков.

— Оставь меня и Гришу! — злобно хрипит Юрковский. — Иди один.

Но он все-таки встает.

На севере разгорается синее зарево, пылая, охватывает полнеба. Быков сквозь полусомкнутые от усталости веки видит свою длинную неуклюжую тень — она шатается и дергается. Ветер меняет направление — теперь он дует в спину. Очень сильный ветер. Он сильнее людей, он валит с ног, но в то же время помогает идти, и, когда затихает, тело кажется невыносимо отяжелевшим. Хорошо еще, что нет Черной бури... Юрковский падает снова, лежит неподвижно, погрузив пальцы в крупный песок. Медленно тает заря на севере.

— Встать!

Быков опустил на землю и с трудом стащил с себя заплечный мешок. Снял автомат, уложил аккуратно. Принялся медленными неверными движениями отыскивать замок шлема. Пока не снят шлем, нельзя расстегнуть спецкостюм и высвободить кислородный баллон. А Юрковский лежит без сознания, и запас живительного газа в его баллоне кончился. У Быкова кислород почти не растрочен. Надо снять шлем, расстегнуть спецкостюм и вынуть кислородный баллон. Быков облизывает губы. Он их не облизывает, но ему кажется, что облизывает. Впрочем, это неважно. Надо снять шлем и нырнуть в горячий, раскаленный, полный песка и пыли воздух, в котором нет влаги и очень мало кислорода. Впрочем, это неважно тоже... Юрковский лежит без сознания, и если кислород не приведет его в себя, то Быков не знает, что делать. Щелкает замок.

Воздух невыносимо горяч. Быков никогда не дышал таким и не думал даже, что это возможно. Но это, по-видимому, возможно, потому что он достает баллон, присоединяет его к баллону Юрковского и ждет, следя, как судорожно дергается стрелка манометра в лучах фонарика на его шлеме. Шлем лежит рядом, около вещевого мешка... В глазах мутнеет, подкатывает дурнота... Воздуха! Воздуха! Широко открытый рот хватается раскаленную смесь песка, пыли и еще чего-то, чего очень мало, но чем можно дышать... Все-таки, по-видимому, действительно, можно, потому что у него еще хватает сил закрепить как надо свой баллон и нацепить шлем. Только после этого он перестает видеть лучи фонарика, в которых пролетают песчаные вихри, и валится головой в песок рядом с оживающим Юрковским...

Во время привала Быков, измотанный и обессиленный, заснул, оставив Юрковского на часах. За четвертые сутки они прошли не больше двенадцати тысяч шагов, и, пока Быков спал, Юрковский снял с себя термосы с остатками жидкого шоколада и лимонада, снял баллон с кислородом, сложил все это аккуратно на полупустой мешок рядом с носилками и, кое-как нацепив шлем, уполз в ночь умирать в песках. Быков проснулся как раз вовремя. Он отыскал геолога в тот момент, когда тот, чувствуя, что у него не хватает сил отползти далеко, стаскивал и не мог стащить с себя зацепившийся за что-то шлем. Быков взвалил Юрковского на плечо — оба не сказали ни слова, — отнес к месту привала, помог укрепить шлем и поставить все баллоны и потом сказал:

— Я хочу спать, я очень устал. Дай слово, что во время сна ты не удерешь...

Юрковский молчал.

— Я очень хочу спать, очень... Ты не даешь мне заснуть, Володя...

Юрковский молчал упрямо, только с ненавистью сопел в микрофон.

— Дай мне заснуть, Володя!.. Мы поговорим обо всем, когда я проснусь. Прошу, Владимир Сергеевич...

— Ладно, — вдруг сказал Юрковский. — Спи, Алексей, все в порядке...

Быков хотел сказать что-нибудь ободряющее, но не успел — заснул. Ему ничего не снилось, только все время хотелось пить, и кажется, он даже пил во сне, но потом никак не мог этого припомнить. Через четыре часа они двинулись дальше, и Юрковский пошел сам. Местность стала каменистой, и сквозь мучительный бред о воде Быков подумал, что они сделают, может быть, хороший переход, но Юрковский споткнулся, упал и повредил колено. Быков, ощупывая ему ногу, слышал, как он заплакал горько и яростно, и проговорил:

— А помнишь, Володя?.. Бороться и искать, найти и не сдаваться! Помнишь?

— К черту, все к черту! — всхлипывал Юрковский.

— Нет, ты мне скажи, ты мне скажи, Владимир... Боролись?

Юрковский затих, потом проговорил:

— Боролись.

— Искали?

— Искали.

— Нашли? Вовка! Ведь нашли! Ведь ты же геолог!

Юрковский молчал.

— Не-ет, ты скажи! — Быков чувствовал, что бредит. — Ну? Ведь нашли, а?

— Нашли, — сказал Юрковский.

— Милый... Ведь нашли... Ты... Иоганыч... Все пропало — ладно... Записи, образцы, «Мальчик»... Но ведь ты геолог, ты многое помнишь и так... без записей... Ведь нужен ты, Владимир... Ждут тебя... Краухин ждет... Искали ведь... нашли... так что же — сдаваться? А, Володя?

— Брось меня, — тихо попросил Юрковский. — Все погибнем. Брось...

— Значит, сдаваться? Да?

— Пошли, — прохрипел геолог...

Шаг, два, три, пять, десять.... И все по воде, по глубокой прозрачной воде — вот почему так холодно, вот почему колотит дрожь, вот почему так трудно идти: в воде ведь всегда трудно идти, а здесь она по грудь — прозрачная, холодная, сладкая. Сладчайшая!..

— Юрковский, вода! — бормочет Быков. Геолог не откликается. — Володька! Вода, говорю!..

Молчит. Ну, значит, не хочет. А я выпью, думает Быков. Ого! Как я напьюсь! Только бы не замочить автомат. А впрочем, ерунда, ведь стоит только наклонить голову... Быков с силой натывается на эбонитовые наконечники термосов. С зубов обваливается эмаль, только зубы и сохранили чувствительность в спекшемся рту... Вода сразу исчезает. Остается лютая боль и еще что-то — сухое, пыльное, шершавое — жажда... В термосах почти пусто, осталось много шоколада, но он не утоляет жажды, он сладкий, густой, теплый... Кровь тоже густая и теплая — течет из разбитой губы. Быков слизывает ее языком, спотыкается, делает несколько неверных шагов в сторону и останавливается, тяжело дыша. Юрковский лежит на его спине, обхватив руками за шею. Молчит целыми часами — что ж ему теперь делать, бедняге...

Небо опять окутано багровыми тучами. Дует сильный ветер с севера, он помогает идти. Тучи принесло со стороны Голконды, пока Быков спал. На горизонте мотаются змеистые тени смерчей — все так же, как три недели назад, когда «Мальчик» резво мчался наперерез ветру к Урановой Голконде, навстречу гибели. Теперь «Мальчик» мертво застыл, вплавившись в остекленевший песок, могучий, огромный — дымной брони памятник Великого похода. Вечным сном заснул его командир; где-то в скалах нашел свою странную смерть Богдан Спицын... Но поход еще не кончен. Не кончен!

Каждый раз, просыпаясь после мучительного сна, Быков люто ненавидел Юрковского. Геолог больше не мог нести носилки. Он все время падал и ронял Дауге. Он еще раз пытался бежать в пески. Но Юрковского терять нельзя! С ним будут потеряны драгоценные знания — знания человека, изучившего подступы к Голконде. Он должен дойти — этот смельчак, поэт и «пижон», он даст людям Голконду, сказочные песчаные равнины, где песок дороже золота, дороже платины... И все-таки каждый раз, проснувшись перед началом нового пятнадцатикилометрового перехода, Быков ненавидел его, как врага.

— Как прошла ночь?

— Все спокойно.

— Спал?

— Немного, часа два...

— Ничего — на мне отоспишься... (Это несправедливо, чертовски несправедливо. Быков никогда не сказал бы так, если бы у них был хотя бы еще один термос с соком, но сейчас он не способен жалеть о сказанном.) Пил?

— Нет. — Голос Юрковского терпеливо спокоен. Это не первый разговор в таком тоне.

— Отпей два глотка, не больше. Слышишь — не больше!..

— Не хочется...

Чудовищная, неприкрытая ложь! Быков еле сдерживается:

— Та-ак! Ладно. Пошли.

Быков поднимается на ноги, с трудом удерживая болезненный крик. Тело как будто рвут раскаленными клещами. Открывает кран подачи кислорода; жадно глотая, торопливо считает до десяти. Это необходимая порция, иначе ноги просто не пойдут. Медленно опускается на колени и, кряхтя, взваливает на плечи вялое тело Дауге. Юрковский остается сидеть на песке — ветер за несколько часов намел около него маленькую черную насыпь.

— Знаете, Быков, это не годится... — Голос сиплый, но спокойный. — Так я не согласен...

Быкову хочется разорвать его пополам, но нет сил, а потому — с грозной хрипотцой в ржавом голосе:

— Разговорчики!.. Встать!

— Я тут, пока вы отдыхали, вытащил у вас карту. (Быков судорожно хватается за карман.) Не беспокойтесь, я уже положил обратно... Я нанес на нее основные сведения относительно геологии Голконды.

Быков рассматривает помятую карту с лохматыми краями: дрожащие кривые буквы, непонятные слова... Написано черной сажой, все сотрется, пропадет. Неразборчиво, плохо, грязно...

— Оставьте нас. К чему вам себя мучить? И сами погибнете, и...

— На кой черт ты мне нужен? Мне «язык» нужен! Вставай.

— Но я же записал!..

— На кой черт мне твои писульки? Мне живой «язык» нужен. Хватит болтать, подымайся.

Юрковский колеблется.

— Ты что? Венец героя приобрести хочешь?.. Мученика? Врешь! Я тебя гнать вперед буду, пока сам не свалюсь! А свалюсь — сам поползешь дальше! Понял?! Вставай!

И Юрковский встает. Славный, хороший парень! Наш, советский, хоть и с загибами... После пятого километра Быков перестает его ненавидеть, а после десятого начинает любить, как брата. Молчит, сукин сын, ни слова, ни жалобы — а у самого волосы выпадают, кожа в трещинах, и лицо чернее пустыни. Шатается... Друг ты мой милый, мы дойдем, обязательно дойдем! Смотри, еще десять километров оттопали. Вперед, вперед!.. Шаг, два, три, пять... Вода уже по колено — прозрачная, холодная, сладкая...

Юрковский бормочет:

— Слушай, Алексей... На случай, если я все-таки не дойду... О загадке Тахмасиба, о Красном кольце... Я думаю... я уверен... Это бактерии. Колонии бактерий. Но не наших бактерий. Другая жизнь... небелковая жизнь. Живут за счет излучений. Поглощают радиоактивные излучения и живут за счет их энергии... Слышишь, Быков?

Да-да, он слышит. «Бактерии и излучения...» Но это ни к чему. Нужна вода, а не бактерии.

— Они собираются вокруг места, где должен произойти атомный взрыв, — продолжает Юрковский. — Собираются в кольцо... Красное кольцо... и ждут. «Мальчик» попал на такое место. И под ним взрыв. Подземный атомный взрыв. А они чуют, где должен быть взрыв, собираются и ждут... Продукты распада очень активны... они лакомятся... Слышишь? Я почти уверен...

Да, Быков слышит. Он идет вдоль каменистой гряды и все слышит. Но сначала нужна вода. И где же, наконец, ущелье? Должно быть где-то здесь... Вода...

— Передай всем, чтобы опасались Красного кольца. Где Красное кольцо, там подземный взрыв. Передашь? Ты слышишь?

— Да-да, передам... Сам передашь!..

Шаг, два... десять... пятнадцать...

На шестые сутки они подошли к ущелью. Вход нашли не сразу. Быков, оставив Юрковского и Дауге около каменной стены, долго бродил в поисках прохода, несколько раз терял память, об-

наруживал себя вдруг лежащим на песке и лижущим внутренние стенки шлема шершавым, потерявшим чувствительность языком. Черный провал зарос колючками, выглядел зловеще в красном свете огненного неба. Быков вернулся к Юрковскому, взвалил Дауге на себя, пошел вдоль стены и свалился у самого входа в ущелье. Сознание скользило, налетало и исчезало, как порывы ветра, и сквозь клубящуюся муть он слышал, как Юрковский хрипло выкрикивал, глотая слова:

— Подлая! Мы еще вернемся... Придем сюда! За смерть нашу, за муки... отплатишь! Проклятая планета!.. Будешь работать на нас, на людей Земли, давать свет, жизнь... Закуем в сталь, в бетон! Будешь работать!

— Довольно, — сказал Быков и поднялся, опираясь о морщинистый камень...

Нет, идти больше нельзя. Зато можно ползти. Ползти на четвереньках и тащить за собою Дауге. Это гораздо легче, чем нести его на спине. Юрковский тоже ползет... Очень не хочется ползти. Зачем куда-то ползти, если вокруг, насколько хватает глаз, в ярком солнечном свете тянется вода — такая прозрачная, что виден песок на дне, мелкий серый песок, и такая холодная, что ломит руки? Но Быков помнит, что если захочешь ее пить, то натыкаешься на что-то острое, становится очень больно... И потом, ведь можно замочить оружие... И вообще, если здесь лечь и не ползти, то это ужасно обидно: осталось совсем немного, всего несколько тысяч шагов. Обидно, в самом деле, остановиться, когда пройдено сто пятьдесят тысяч шагов и осталось только две-три тысячи... если идти ногами, конечно. Если ползти, получается как-то по-другому, но тоже совсем немного, сушая чепуха...

Быков останавливается, включает фонарик и оглядывается. Юрковский здесь. Лежит позади неподвижного тела Иоганыча, упираясь растопыренными локтями в песок, смотрит слепым полущарием шлема. Они связаны ремнем, снятым с вещевого мешка. За этим ремнем надо следить: один раз он уже развязался, и Быков уполз далеко вперед. Пришлось возвращаться и искать Юрковского, который сидел, упершись спиной в каменную стену ущелья, и молчал упорно, хотя и видел Быкова, ползавшего ря-

дом. Чудак! Что он задумал — расставаться, когда осталось всего несколько тысяч шагов. Если идти ногами, конечно. Да, надо внимательно, очень внимательно следить за ремнем. А теперь — дальше. Шаг, два шага... Нет, при чем тут шаги? Они же ползут по дну прохладного быстрого ручья. Ползут! А вовсе не шагают — так что шаги здесь ни к селу...

Быков натывается шлемом на что-то твердое и неподатливое впереди. Может, обвал? Придется оползть стороной... Обвал может даже засыпать, но это, конечно, ерунда... В ущелье красноватые сумерки, а не полный мрак, но Быков стал очень плохо видеть. Он включает фонарик. Это конец ущелья, заросли гигантских колючек. Вот следы «Мальчика» — почерневшие, сморщенные ветви-плети, вырванные вместе с глыбами камня из скалы. Ущелье снова заросло, но пробраться можно. Осталось всего несколько тысяч шагов...

— Если, конечно, идти ногами, — хрипит сзади Юрковский.

Быков садится, подтягивает под себя онемевшие ноги. Кожа на коленях стерлась совершенно, но боль почему-то не чувствуется. И очень хорошо.

— Я что — вслух говорю? — спрашивает Быков не без удивления. Идти уже нельзя, невозможно, но можно еще ползти и, оказывается, удивляться даже.

— Ты все время болтаешь, как испорченный патефон. — Юрковский говорит невнятно и медленно. — Ты все время несешь чушь и непрерывно орешь на меня, чтобы не отставал... А когда тебя зовут, не откликаешься... Обидно даже...

Та-ак, значит, можно еще и обижаться. Быков припоминает, будто действительно Юрковский окликал его и что-то говорил. Про воду. Да. И про ручей. Черт, так это он все говорил! Быкову становится немного жутко: по ущелью ползут двое, связанные друг с другом ремнем, снятым с заплечного мешка, и громко разговаривают, сами того не замечая. Впрочем, здесь некому на это смотреть.

— Плевали мы, — говорит он вслух.

— Верно, — откликается Юрковский.

— Там наше болото, Володя. Чепуха осталась. Давай!

— Давай! — говорит Юрковский.

— Ну, вперед, значит? — спрашивает Быков.

— Вперед! — отвечает Юрковский.

...На болоте шевелились в светящемся тумане джунгли чудовищных белесых растений. Они росли очень густо, и приходилось протискиваться между их толстыми скользкими стволами. Трясина чмокала, чавкала, засасывала грязной мокрой пастью. Перед последним решающим броском устроили длительный привал, и Быков извлек драгоценный заветный термос Дауге — их последнюю надежду и опору. В термосе почти два литра апельсинового сока, и Юрковский даже беззвучно засмеялся, когда шероховатый черный баллончик повис в луче фонарика. Быков разрешил Юрковскому и себе выпить по пяти глотков жизни и влил в запекшийся рот Дауге целый стакан. Потом они спали по очереди три часа и выпили еще по пять глотков...

Потом Быкова с Дауге на плечах засосала трясина, и Юрковский выволок их на поверхность. И самое удивительное заключалось в том, что они с первой попытки нашли место, где месяц назад совершил посадку «Хиус».

Но... «Хиуса» здесь не было...

На его месте — широкая, метров шестьдесят в диаметре, лужайка, покрытая прочной асфальтовой коркой. От центра ее разбегались длинные трещины, сквозь которые пробивалась буйная поросль больших белесых растений с толстыми скользкими стволами...

«ХИУС» ВЕРЗУС ВЕНУС ¹

Больше всего на свете Михаил Антонович любил сидеть в садишке своей дачи на Алтае, где под большой густо-зеленой ольхой специально для него был установлен небольшой столик, и, обложившись книгами, работать — неторопливо, со вкусом, методично. Его интересовали некоторые вопросы теоретического звездоплавания, и с давних пор лелеял он мечту написать небольшую, но содержательную книгу, систематизирующую все основные достижения в этой области за последние двадцать лет.

¹ Versus Venus — против Венеры (лат.).

По специальности он был математик, окончил математикомеханический факультет Университета в Ленинграде и первое время работал при Институте космогации. Работу свою очень любил, ему доставляло величайшее наслаждение следить за тем, как из-под пера возникают строчки почти всегда очень сложных, но, как правило, изящных, красивых формул, полных глубокого смысла. Работник он был прекрасный, ошибался редко.

Незаметно для себя он увлекся математическими проблемами автоматического управления новых тогда импульсных ракет на атомном горючем. И это определило его дальнейшую судьбу. Напористый Краухин вовлек его в сферу своей обширной деятельности, заставил закончить школу штурманов-межпланетников и в числе первых направил в пробные полеты за пояс астероидов. Это случилось около пятнадцати лет назад.

Михаил Антонович побывал и на Луне, и на Марсе, и даже в поясе астероидов, стал великолепным штурманом, испытал множество приключений, повидал такое, что и присниться не могло бы научному сотруднику Института космогации, работавшему в области прикладной математики. Но все же больше всего на свете ему нравилось сидеть в тени развесистого дерева, копаться в толстых книгах с шершавыми обложками, покрывать белые листы изящными строчками математической тайнописи и бессознательно прислушиваться к шелесту листвы над головой, когда ослепительное солнце неподвижно висит в чистейшей голубизне. Поддувает ласковый теплый ветерок, под столом стынет в ведерке с искусственным льдом бутылочка нарзана, в кустах смородины жена с дочкой собирают ягоды для домашнего варенья, а сынишка — парень удивительно бедовый — уселся, конечно, возле муравьиной кучи и громким лепетом выражает свое глубокое изумление... Небо чистое, безоблачное, синее, и стрекоза с радужными крыльями ползет по краю голубой чашки... Хорошо!

Простившись с товарищами, Михаил Антонович долго еще стоял в кессоне, опершись локтями о край распахнутого люка, и следил, как гаснут в клубящемся тумане огоньки на корме «Мальчика», уходящего в болотные джунгли. Они исчезли, и сразу стало темнее — штурман «Хиуса» остался один.

Прошли сутки, и над болотами слабо засветился тусклый день. Мрак стал розоватым. Но по-прежнему кругом стоял болотный

туман. Липкий, осязаемо плотный, он мягкими, бесшумными волнами поднимался над бурлящей поверхностью грязевого кратера, тяжелой пеленой нависал над планетолетом, густыми клубами обволакивал белесые остовы гигантских растений — тускло окрашенных грибов, зыбко трепещущих росенок и еще каких-то — бесцветных, причудливо искривленных, изломанных. В красноватом сумраке их стебли то появлялись, то исчезали, и казалось, что они, как во сне, плывут, плывут и никак не могут уплыть и исчезнуть. Иногда накрапывал теплый дождь, мгла сгущалась, и ворчливое бульканье горячих источников заглушалось однообразным шелестом падающих капель.

Михаил Антонович осмотрел весь планетолет, сменил несколько приборов, пострадавших при посадке, проверил исправность аппаратуры, тщательно прибрал каюты товарищей. Из-под подушки Дауге выпала пачка голубоватых листков с красным обрезом — письма, отпечатанные на машинке. Письма от Марии Сергеевны. Михаил Антонович аккуратно сложил их, спрятал в столик. В каюте Юрковского валялась толстая тетрадь в черном кожаном переплете. Михаил Антонович узнал ее — туда Володя вписывал свои стихи вот уже несколько лет. Исчирканные страницы пестрели изображениями фрегатов и гордыми профилями с однообразно горбатыми носами. Последнее стихотворение начиналось так:

Милая! Спутница осени серой!
Ты не забыла? Ты помнишь? Ты ждешь?

И, хотя все четыре строфы (в том же духе) были жирно зачеркнуты и снабжены решительным комментарием самого автора (самое корректное выражение в этом комментарии было «дрянь, слюняйство»), Михаил Антонович вздохнул, присел на край постели, пробежал несколько строк и засунул тетрадь в карман комбинезона — почитать на сон грядущий. Юрковский никогда не делал тайны из своих стихов, тем более для ближайших друзей.

Первые сутки связь держалась плохо, приемник молчал, и понапрасну Михаил Антонович часами просиживал перед микрофоном, крутя ручку вариометра и бормоча с надеждой:

— «Мальчик», «Мальчик»... Я «Хиус»! Отвечайте. Почему не отвечаете? «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас...

«Мальчик» не откликался, но эфир однажды донес до «Хиуса» таинственные сигналы: три точки тире точка, три точки тире точка... Потрясенный штурман тщетно пытался связаться с неизвестным, терпящим бедствие, и только много дней спустя Ермаков объяснил ему, что это — пеленги погибшего Бондепадхая.

Когда наконец сквозь шорохи, завывания и треск в эфире в репродукторе зазвучал спокойный, размеренный голос Ермакова, Михаил Антонович возликовал, как ребенок. С этого момента связь наладилась. Командир сообщил, что все в порядке. Цель достигнута. Голконда сопротивляется всеми адскими средствами, но все-таки исследования идут успешно. Геологи работают круглые сутки, собрали много материала, Спицын и Быков помогают чем могут.

— Так-так... — говорил Михаил Антонович, радостно кивая головой. — Привет им, Анатолий Борисович, привет им передайте!

Экипаж «Мальчика» теперь так занят исследованиями, что чаще всего с Михаилом Антоновичем будет говорить Ермаков. Он повредил слегка ногу — не может поэтому принимать участия в наружных работах.

— А-яй! — волновался Михаил Антонович. — Как же это вы? Как неосторожно!..

Иногда со штурманом говорил Алексей Петрович. По его словам, Богдану в свое дежурство никак не удавалось соединиться с «Хиусом». Какое невезение! Михаил Антонович сокрушался, просил передать ему особый привет: он очень любил Богдана, больше всех. Старые друзья! Пятнадцать лет — не шутка!

Но часто эфир молчал, только трещали электрические разряды в беспокойной атмосфере. Угнетали тоска и одиночество. Очень трудно, когда не с кем поговорить, посмеяться, поспорить. Даже обедать одному как-то тоскливо — кусок в рот не лезет. Михаил Антонович пытался работать, но не мог написать ни строчки. Пытался читать. Сначала это увлекло его, в библиотеке «Хиуса» было много хороших новых книг, а Михаилу Антоновичу редко приходилось читать беллетристику за последние несколько лет — работа отнимала все время, даже свободное. Но это увлечение продлилось недолго: мешали мысли о друзьях, о семье...

Тоска выгнала его наружу. Однажды, нарушая строжайший приказ командира, запретившего покидать планетолет без совершенно особой необходимости, он взял автомат и вылез из открытого люка в клубящийся туман. Более часа бродил он по хвощевым джунглям, пугливо озираясь при каждом вздохе трясины, собрал в коллекторский контейнер несколько любопытных образцов местной флоры — обломки белесых водорослей, круглые фосфоресцирующие шляпки молодых грибов, набрал в специальную баночку омерзительного на вид ила. Потом потерял все это, когда, провалившись в трясину, пытался выбраться, хватаясь за скользкие непрочные стебли гигантских растений. Выкарабкавшись и утопив автомат, безоружный, он долго искал в красноватом тумане потерянный планетолет. После всего этого он зарекся покидать свое убежище, ограничиваясь тем, что можно было увидеть и услышать с порога «Хиуса». И, сказать по правде, в новых впечатлениях недостатка не было...

Однажды что-то грузное, с тускло блестящей кожей, тяжело отдуваясь и хрипя, выползло из трясины, уставилось на замершего штурмана гнусными белыми бельмами. Опомнившись, Михаил Антонович потянулся за оружием, но странный гость уже исчез, растворился в тумане. Огромные лиловые слизняки ползали по броне планетолета, тяжело падали, зарывались в ил. Над головой иногда парили в красноватой мгле какие-то широкие тени. Плотоядное растение разрывало на части отчаянно бьющуюся гигантскую гусеницу; кто-то кричал во мгле хриплым, надрывным криком; в тумане как бы по воздуху проплывала вереница сцепившихся волосатых клубков — шевелились трепещущие клейкие нити, огромная цепь казалась бесконечной. Михаил Антонович, задрав люк, ушел спать, так и не увидев хвоста чудовища. Как-то, когда он дремал возле приборов, планетолет слегка качнуло. Он проснулся и выбрался из люка — посмотреть. Рядом с планетолетом чернели широкие овальные ямы, быстро наполняющиеся мутной жижой: какое-то чудовище прошло мимо, задев планетолет и оставив эти громадные следы и широкую просеку в колышущейся стене джунглей.

Проведя в кессон сигнальную систему от радиоприемника, чтобы не прозевать вызова друзей, Михаил Антонович часами

сидел, держа палец на переключателе автомата, наблюдал, прислушивался. Асфальтовая площадка вокруг «Хиуса» быстро поросла белесыми водорослями. Первые дни Михаил Антонович следил, как сжимается кольцо зарослей. Потом ему каждый раз приходилось в начале наблюдений прорубать окошко в стене растений, опутавших корпус «Хиуса». Тяжело осевший в трясику планетолет был окружен странным и страшным миром этой планеты, лишь по недоразумению носящей имя богини любви и красоты. Атмосфера, состоящая из углекислоты, азота и горячего тумана; ядовитая тяжелая вода, содержащая большой процент дейтериевой и тритиевой воды; влажная жара, доходящая до ста градусов по Цельсию; флора и фауна, один вид которых исключал всякую мысль об употреблении их в пищу...

— Хорошо, что Голконда ваша не похожа на эти болота, — говорил Михаил Антонович Ермакову.

Тот только покашливал в ответ.

В горячем полусумраке венерианского дня блуждали ярко вспыхивающие далекие огоньки, тяжело вздыхала трясины, с шумом лопались ножки чудовищных грибов — выбрасывали дождь скользких светящихся спор. Может быть, это были не споры, но Михаил Антонович сам видел, как эти упругие, величиной с кулак лиловые шарики начинали прорастать белыми щупальцами, падая в трясины. Ветер приносил ярко светящийся туман — мертвенно-синие клубящиеся облака его тяжело оседали в зарослях. Однажды разразилась гроза. Туман наполнился дрожащим зеленоватым заревом, громовые раскаты слились в сплошной грохот, меж поникших стеблей запрыгали струящие огонь голубые мячи шаровых молний, потянуло зноем, и вдруг налетел раскаленный вихрь. «Хиус» раскачивало. Михаил Антонович, придерживаясь за края люка, с изумлением увидел, как стрелка термометра стремительно поднялась, перешагнув за двести. Волна ила ударила в планетолет, далеко отбросила штурмана от люка. Ворочаясь в густой жиже, он долго не мог встать, скользя ногами по грязи, а когда наконец поднялся, не хватало сил закрыть люк. После третьей или четвертой попытки тяжелая крышка под напором ветра сбила его с ног, и он потерял сознание. Очнулся че-

рез полчаса, а может, и через час. Ураган стих, кессон был забит илом, вокруг «Хиуса» намело кучу гниющих водорослей.

Вскоре после бури планетолет подвергся гомерическому нашествию омерзительных червеобразных тварей. Радиопередатчик работал, и, по-видимому, они, как мотыльки на огонь, ползли на радиоимпульсы — густыми массами, извиваясь в грязи, — и скоро образовали целую пирамиду шевелящегося живого теста. Михаил Антонович услышал только непрерывный шорох по броне снаружи. Выглянув наружу, штурман отшатнулся — в люк потекла отвратительная живая каша. Черви были невелики — сантиметров десять в длину, — бесцветны, с черными твердыми головками. Нашествие продолжалось около часа, потом пошел дождь, и живая пирамида распалась, животные расползлись. Радиопередатчик оказался в исправности, все обошлось благополучно, но Михаил Антонович долго еще не решался выглянуть в кессон, откуда бежал, почувствовав, что люк он закрыть не сможет. Но кессон оказался пуст.

На другой день Ермаков сообщил о болезни Дауге. Новость потрясла штурмана. Ему казалось, что это первый удар, тяжелое предзнаменование. Наступала полоса неудач. Венера ополчалась на смелых людей Земли. Несколько часов Михаил Антонович пролежал на койке, глядя в обшитый желтой полимерной губкой потолок. Вспоминались странные слова Тахмасиба, сказанные им в бреду. Штурмана лихорадило. Термометр показал 39 — температуру больного Дауге. Штурман ощутил, как реденькие волосы у него на голове поднимаются дыбом. Встряхнув градусник, он сел на постели и в полной растерянности набил трубку, но потом спохватился и принялся выковыривать табак карандашом. Михаила Антонович очень редко курил в походе. Его жена не выносила табачного дыма, и давно уже он решил курить только вне дома, и всегда почему-то получалось наоборот. Во время отпуска штурман частенько дымил, хоронясь от жены, соблюдая поразительную осторожность, а в полете сосал пустую трубочку, удивляясь самому себе. И вот сейчас тоже привычным движением он ухватил зубами знакомый мундштучок, старательно выколотив соблазнительный кепстен... Что же это? Быть может, болезнь уже здесь, в нем, притаилась, выжи-

дает... Товарищи вернутся к пустому, вымершему планетолету и даже не смогут попасть в него. Надо бы на всякий случай держать открытым внешний люк... Да, но если заползет в кессон какая-нибудь дрянь — ведь не выгонишь...

Михаил Антонович вздыхал, сосал свою пустую трубку. Потом, впервые за все время, забрался в каюту-арсенал и осмотрел сигнальные ракеты. Две полуметровые стальные сигары, покрытые толстым слоем смазки, и к ним пусковые устройства — тяжелые треноги с шестом. Надо надеть ракету на этот шест, включить маленький приборчик около стабилизатора — и ракета готова к пуску. А вот здесь — пусковое дистанционное устройство... Сделать все это будет нетрудно. Штурман попробовал приподнять ракету, поднатужился — да, не особенно тяжело, можно и в одиночку... Если начнутся сильные приступы и он останется жив после первого, надо будет выпустить ракеты. «*В двадцать ноль-ноль по времени «Хиуса»*», как было условлено с Ермаковым. А потом будь что будет — открыть внешний люк и ждать. Михаил Антонович поставил треноги, вспотев, насадил на них ракеты, полюбовался общим видом — и у него стало как-то легче на душе.

Прошел долгий венерианский день, наступила ночь. Над болотами снова повис туманный мрак. «Мальчик» уже заканчивает свой поход. Устанавливают пеленгатор на новой площадке, собирают последние образцы. Скоро Михаил Антонович поднимет «Хиус», полетит на пеленги, скоро встреча! Обратный путь до «Циолковского» — и снова встреча! Обратный путь к Земле — и снова встреча, самая радостная. А впрочем, трудно даже сказать, чему он будет больше рад: увидеть друзей — Ермакова, Богдана и других — живыми и невредимыми — или увидеть жену и детишек. Ведь к тому времени тоска ожидания смягчится. Так всегда. Впрочем, нет, не всегда...

Михаил Антонович вспоминает свое первое возвращение из Пространства. Цветы, музыка, толпы людей, и среди них, сама как цветочек — Зоя. Молоденькая совсем — старший лаборант краухинского института. «Страшный лаборант», — шутил над ней Михаил Антонович и приставал: «Если ты старший лаборант, то какие же младшие?» Славное, славное время — расцвет импульсных

атомных ракет, время, выдвинувшее таких, как Краухин, Привалов, Соколовский... Время, когда старик Шрайбер в Новосибирске развил идею «абсолютного отражателя» — идею замечательную. Но как ее встретили, эту идею! «Безумный старик! Мракобес-алхимик! Идеалист! Фантаст!» По углам шептались: «Хи-хи!.. Абсолютный отражатель — это, значит, как об стену горох? Гы-ы! Абсолютный отрыгатель! А Шрайбер-то, слышали? Говорят, идейку-то у одного француза... тово! Абсолютный подражатель! Ха-ха, хи-хи!..» «Глупцы, если не хуже!» — сказал тогда о них рассвирепевший Краухин. Страшный был бой. Краухина чуть не сняли за нажим, а многих и сняли-таки. А в результате — вот он, «абсолютный отражатель»: «Хиус» верзус Венус! (Михаил Антонович исчерпал на две трети свои знания латыни и бодро потер руки.) «Хиус» верзус Венус! Пока все неплохо! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

На девятнадцатые сутки после ухода «Мальчика» Михаил Антонович почувствовал себя плохо. Он проснулся от звуков чьего-то голоса и, вскочив с койки, долго вглядывался в полумрак каюты, пока не понял наконец, что это был его собственный голос. Голова казалась страшно тяжелой, покалывало тысячами иголок в кончиках пальцев. Снова захотелось прилечь. Он задремал ненадолго и, проснувшись, отыскал градусник. Проверил температуру. Она оказалась нормальной.

«Вставай, подымайся рабочий народ...» — запел он фальшиво и вдруг подумал, что всегда поет по утрам эту песню, если чувствует себя плохо, чтобы обмануть бдительность жены, и что никогда ему еще не приходилось петь ее в экспедициях. Что может быть хуже — заболеть сейчас, в полном одиночестве, в пустом корабле?

Он заставил себя встать и, придерживаясь рукой за ребра стальных шпангоутов в коридоре, прошел в рубку, присел около радиопередатчика. «Мальчик» не отвечал.

— Надо проветриться, — вслух сказал Михаил Антонович. — Я болен, надо проветриться.

Неуверенными шагами он прошел вдоль коридора, остановился перед каютой, где хранились спецкостюмы. Оглянулся: мягким светом сияли матовые шары ламп, на тяжелых металлических стенах еще кое-где темнели бурые пятна — следы рыжей плесени,

три недели назад проникшей в планетолет. Руки дрожали, и спецкостюм выскользнул из пальцев, со свистящим шелестом упав на пол. Нагибаясь за ним, Михаил Антонович вдруг почти физически ощутил давящую тишину, притаившуюся в пустых коридорах и каютах, — тишину ожидания, тишину одиночества.

— Наверх, наверх, проветриться... — бормотал штурман, натягивая костюм.

До верхнего кессона он добрался с трудом. Шлем лежал на плечах непривычно тяжело, руки с усилием открыли люк. В последнее мгновение он как-то равнодушно подумал, что делает невероятную глупость, забравшись в кессон в таком состоянии, но мысль проплыла вяло и исчезла. Люк откинулся, и Михаил Антонович скорее упал, чем облокотился на край широкого проема.

Тумана не было. Над головой висела непроглядная тьма, а вокруг, насколько хватал глаз, расстилалась слабо светящаяся равнина.

Он раздвинул липкие стебли водорослей, опутавших корабль, оборвал их со злобой — они мешали смотреть. Мрак, пустота...

— Пустота... — прошептал штурман. Никогда в жизни тоска по людям не охватывала его с такой силой. Одиночество! Десятки километров, тьма, и ни одного человеческого существа вокруг — только мерзость болотная. Пустота...

Вдруг он увидел багровое зарево на горизонте. Оно приближалось, росло, пожирало черную тьму... Местность вокруг наполнилась зловещим красным светом, и, вскрикнув, Михаил Антонович различил прямо перед собой песчаную пустыню. Ветер нес по ней облака огненной пыли, белели лысины валунов, торчащие из-под слоя песка, а посреди этой охваченной ветром равнины стоял гигантский смерч — абсолютно неподвижный, грозный, клубящийся. Видение повисло перед отшатнувшимся штурманом, потом покачнулось, затрепетало, встало дыбом (Михаил Антонович вцепился обеими руками в край люка — ему показалось, что не видение, а он сам раскачивается вместе с «Хиусом») и исчезло мгновенно. Только вдали над спинами гор, ставших багровыми, вспыхнуло и погасло пятно света...

...Над болотом снова занималось зарево. Михаил Антонович попятился. Теперь в светящемся тумане взмыли очертания ги-

гантской скалы, верхушка ее ослепительно сверкала белым серебристым налетом. «Снег? При ста градусах?» У основания неподвижно стояли красноватые деревья с плоскими необычными кронами — много, очень много деревьев, лесá... Склоны горы были покрыты ими. Красиво...

Штурман зажмурил глаза и снова медленно раскрыл их. Мрак. Пустота. «Мираж?... — подумал он. — Мираж или галлюцинация?..»

Михаил Антонович не помнил, как спустился вниз, в жилые отсеки. Голова стала яснее. «Мираж или галлюцинация?» Он взял киноаппарат и вернулся в верхний кессон. Странное видение снова колыхалось перед люком, и он заснял его, истратив несколько десятков метров пленки.

Пленку он проявил немедленно. Она была чиста. Ни черточки, ни пятнышка. Сверхсветосильная пленка, для которой было достаточно вдвое меньше света, чем давало багровое видение... Михаил Антонович опустился в кресло и долго сидел, глядя прямо перед собой. Венера перешла в наступление по всему фронту... Безумие, она поражает безумием... Сначала Дауге, теперь он, штурман Крутиков. Я, штурман Михаил Антонович Крутиков, — сумасшедший. Он с любопытством поглядел на себя в зеркало в стене, но ничего не увидел, кроме большого матового шара шлема. Надо раздеться. Он тяжело поднялся, принялся отстегивать шлем, потом посмотрел на черную коробку портативного киноаппарата, взял ее в руки. Объектив был закрыт светонепроницаемым предохранительным колпачком. Михаил Антонович уронил аппарат на пол и засмеялся. Он не сумасшедший, он — дурак. Он снимал мираж и забыл открыть объектив. Он дурак...

Пронзительный звон заставил его вздрогнуть: друзья! Он побежал к передатчику, попирая тяжелыми подошвами хрустящие останки портативного киноаппарата. Размеренный голос Ермакова, как всегда, заставил его ободриться. Лучше промолчать обо всех этих волнениях. Мираж миражом, но сегодня после сна он чувствовал недомогание. Кто его знает, какая это болезнь... Может, все-таки предупредить Ермакова, посоветоваться? Но он не посоветовался. Заговорили о Богдане: опять он не может подойти к рации — экое невезение! Впрочем, скоро конец... План дальнейших действий?.. Лучше всего...

В этот миг пол под ногами штурмана дрогнул и ушел вниз, раздался тонкий свистящий звук. Михаил Антонович, кажется, вскрикнул, потому что Ермаков спросил его, что он сказал. В репродукторе взвыли сирены, захрипело, затарахтело... Михаил Антонович попробовал подняться с кресла, но вторым толчком его сбilo с ног. Падая, он ухватился за край радиоустановки, поволок ее за собой — что-то задребезжало, опрокидываясь и разбиваясь... Землетрясение! Штурман поднялся, окликнул в микрофон Ермакова. В ответ захрипело, заурчало, завывало... Дрогнули, перекошились стены... Взмахнув руками, штурман опять шлепнулся на пол, проехался, пока не оперся спиной о холодный металл пульта управления. Резкий протяжный свист перешел в могучее басовое гудение, оборвался гулким ударом, и Михаил Антонович снова почувствовал, как пол стремительно уходит из-под ног.

И тогда он понял, понял и моментально покрылся ледяным потом ужаса...

С тех пор как планетолет при посадке глубоко зарылся реакторными кольцами в вязкую, илистую почву, непрерывно сжимались и прогибались под его тысячетонной стальной массой упругие пласты пропитанного водой ила. Ил уступал микрон за микроном, сантиметр за сантиметром и наконец не выдержал. И сейчас громада «Хиуса» тяжело проваливается в бездонную грязевую яму... Товарищи, вернувшись, напрасно будут искать его. Они обнаружат только черную широкую проплешину на том месте, где стоял планетолет... Они погибнут, лишенные всего — воды, кислорода, питания. И самое главное — средств сигнализации... Они не смогут вызвать помощь с «Циолковского».

Михаил Антонович вцепился в край пульта, порываясь встать. Планетолет сильно накренило, он начал заваливаться набок... Через несколько секунд «Хиус» ляжет на борт... может быть, даже перевернется вверх дюзам и зеркалом. Это — смерть! Михаил Антонович наконец добрался до главного пульта, положил руки на рычаги... Вспыхнула радуга лампочек на приборах...

И дрогнула трясина. Колыхнулись белесые джунгли. Тучи голубого пара рванулись из черной дыры в болоте, наполненной горячей жижей... Окруженный ослепительным сиянием, в громовом гуле и вое, подобный огромному членистоногому, пятилапый «Хиус» вынырнул из сипящей трясины, повис на долю мгновения над болотом и взвился в черное небо, оставив за собой широкую — метров шестьдесят в диаметре — асфальтовую площадку, покрытую разбегающимися от центра извилистыми трещинами...

— ...«Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас! Я «Хиус»! «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»! «Хиус» слушает вас. Я «Хиус», слушаю вас. Перехожу на прием...

Михаил Антонович подождал, послушал завывание эфира и выключил рацию. Не отвечают. Молчат уже пятые сутки. Что случилось? Почему нет сигнала для перехода на новый ракетодром? Неужели...

«Хиус», в крошечной тьме, стоит, упираясь всеми пятью колоннами в надежный каменистый грунт, припорошенный черным песком. «Хиус» — дивная машина. Только «Хиус» с его удивительной простотой управления, великолепной устойчивостью в полете, с его могучими двигателями мог совершить этот подвиг — перемахнуть через скалы и сесть замечательно точно, не разбиться, несмотря на буйные вихри, несмотря на то что вел его хотя и опытный, но растерявшийся и напуганный пилот. Не даром прошли бессонные ночи Краюхина, Привалова, десятков и сотен людей, вложивших все свое умение, весь свой громадный опыт, всю душу мечтателей и творцов в создание фотонной ракеты. «Хиус» победил там, где любая другая ракета была бы обречена на гибель и валялась бы сейчас, разбитая и изувеченная, грудой стального лома...

А «Хиус» стоит в крошечной тьме, целый и невредимый, если не считать нескольких незначительных приборов и одного комплекта радиооборудования, который разбил, очевидно, сам Михаил Антонович...

«Хиус» стоит, но где? Этого штурман не знает. Впрочем, это не важно. Он часами и сутками просиживает над рацией, вызывая

«Мальчика», он ждет сигнала для перехода на новый ракетодром. Но сигнала нет. Что, если его так и не будет? Михаил Антонович встает и принимается шагать по рубке, бессознательно поправляя постоянно сползающие бинты на изрезанных руках.

Если связь не будет налажена, «Мальчик» пойдет к месту прежней посадки. Они будут искать «Хиус». Они не найдут его на болоте. У них мало воды... Так почему же они не дают сигнала? Или сигнал был?

Михаил Антонович напрягал мозг, стараясь осилить предательскую слабость. Спокойно! Спокойно же, черт возьми! Из всякого положения есть по крайней мере два выхода, как говаривает Гриша Дауге. Планетолет цел и невредим — значит, Михаилу Антоновичу ничего не грозит... Впрочем, не в этом дело... Идти на болото? Оставить там знак? Чушь! Десятки километров труднейшей дороги, «Хиус» без присмотра... И где оно, это болото? Куда идти?..

Он хлопнул себя по лбу. Как же можно было забыть? Обе ракеты «в двадцать ноль-ноль любого дня по времени “Хиуса”» — так сказал Ермаков. Михаил Антонович спустился в нижний кессон и, распахнув люк, ступил во тьму, полную вязкого ветра. Особенно трудно было спустить вниз сигнальные ракеты. Нужны обе, обязательно обе! Одну Ермаков может не заметить, так он тогда сказал.

Михаил Антонович оттащил ракеты метров на сто от «Хиуса»; надрываясь, шатаясь, волок их под тугим ветром и установил. Сверил по часам и включил стартовые механизмы. Для безопасности следовало подняться в «Хиус», но он не мог найти трап: гибкую лесенку отнесло ветром куда-то в сторону. Михаил Антонович, теряя сознание, залег за толстой реакторной колонной. Он не видел и не слышал, как сигнальные ракеты одна за другой белыми молниями рванулись в небо и там, высоко за тучами, распались в ослепительные огненные шары...

...Вернувшись наконец в планетолет, штурман с трудом заставил себя сбросить спецкостюм, дотащился до своей каюты и упал на койку. Он пролежал в полузабытии несколько часов, затем равнодушно выпил кружку холодного бульона, поднялся в рубку. И только там заметил, что его ручные часы отстают от боль-

шого хронометра — безупречного инструмента, работающего на диссоциации металлических молекул, — на двенадцать минут. Он выпустил сигнальные ракеты на двенадцать минут позже установленного срока. Ермаков мог заметить и мог не заметить вспышки... Но у штурмана уже не было сил размышлять о возможных последствиях своей ошибки. Теперь оставалось одно: ждать.

Михаил Антонович вскочил на ноги. Надо быть ослом... нет, надо быть насмерть перепуганным человеком, чтобы упустить из виду другую возможность — простейшую! Ведь можно включить локаторы! Рано или поздно Ермаков запеленгует их и найдет планетолет. Очень просто!..

Он поспешно склонился над пультом управления противометеоритного устройства. Он даже запел что-то легкомысленное, когда засветились серым светом круглые экраны...

С тех пор прошло четверо суток.

— «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус» .. Берите мои пеленги. Длина волны...

Нет, я не «Хиус», я не из стали, я очень, очень устал... Я просто безмерно усталый человек, который не может заснуть, потому что ждет. Ждет седьмые сутки и спит в наушниках. Точнее, не спит, а дремлет... Седьмые сутки, восьмые сутки...

— Я — «Хиус», я — «Хиус». «Мальчик», отвечайте. Слушаю вас... Берите мои пеленги...

Атмосфера Венеры капризна. Она не всегда пропускает радиоимпульсы локатора. Терпение, терпение...

— Я «Хиус», я «Хиус»! Берите мои пеленги на волне...

А что подумали на «Циолковском», если заметили ракеты? Наверное, ходят в трауре, Махов готовит спасательные грузовики с автоматическим управлением, Краюхин, постаревший и угрюмый, сидит в своем кабинете: погибла его мечта, вся цель его жизни — погиб «Хиус»! Ну нет, только не «Хиус»! Чудная, дивная машина!..

— ...Слушаю вас. «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»...

Шли дни за днями. «Мальчик» не приходил, не откликнулся. Значит, беда. Значит, напрасно он ждет, мучается... Нет! Он обязан ждать, они не могут не вернуться...

— «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас. Я «Хиус»... Берите мои пеленги...

На девятые сутки он проверил локатор, проверил комплект питания в спецкостюме, взял автомат и спустился вниз, на твердую каменистую почву под «Хиусом». По небу мчались багровые тучи. Песок здесь был рыжий и мелкий. Ветер гнал его, гудел в наушниках, шевелил заросли сухих растений шагах в двухстах от планетолета. Это были те самые деревья с плоскими кронами... Многие из них казались обожженными, хотя и находились от «Хиуса» более чем в полукилометре.

Михаил Антонович огляделся по сторонам, поправил на шее автомат, погладил шершавую, залеपленную ссохшейся грязью поверхность одной из могучих лап и шагнул вперед, к зарослям. Он не мог более ждать. Друзья погибли — это ясно, но он не уйдет отсюда, не уведет «Хиус» до тех пор, пока не найдет их тел...

Войдя в обгоревшую рощу, он почти сразу наткнулся на трех человек. Один, огромный, полз, извиваясь, как червяк, цепляясь за неровности почвы, и тащил на себе второго, обмотанного грязными тряпками, неподвижного, беспомощного и обмякшего. Третий полз вслед за ними. Вокруг поясицы его была затянута ременная петля, конец ремня тянулся к переднему. Они ползли прямо на застывшего штурмана. И Михаил Антонович, неожиданно потерявший голос, задыхаясь от ужаса и радости, увидел, как тот, что ужом полз впереди, с размаху ударился головой в серебристом шлеме о ствол дерева, застонал и пополз в обход, дальше — упорно, яростно...

Михаил Антонович наконец закричал и бросился к ним. Тогда передний с удивительной быстротой поднялся на колени, в руках его взметнулся автомат.

— Кто? — прохрипел он, слепо водя дулом по воздуху.

— Алексей! — закричал Михаил Антонович и упал рядом на колени, прижался, заплакал тяжелыми, злыми и радостными слезами...

Под его башмаком, вдавленный в пыль, зашуршал лист бумаги — когда-то белый, теперь заляпанный желтой грязью, мятый, с рваными лохматыми краями. Но на нем еще можно было разли-

чить и черную лепешку Голконды, и кольцо болота, и маленький красный кружок юго-восточнее грязевого кратера. Если бы Михаил Антонович знал собственные координаты, он бы сразу увидел, что «Хиус» стоит в этом кружке. Анатолий Борисович Ермаков, командир лучшего в мире планетолета, ошибался редко. Он и здесь ошибся только на несколько километров...

Когда Быков кончил свой рассказ, Михаил Антонович заплакал:

— Товарищи! Родные вы мои! Богдан, Ермаков... — Крупные быстрые капельки бежали по его толстым добрым щекам, застревали в многодневной щетине.

— Не надо... плакать, — с трудом проговорил Юрковский.

Он лежал в кресле рядом с матово-белым закрытым цилиндром, где дремал, плавая в целебном растворе, измученный перевязками и уколами голый Иоганых.

Глотая слезы, Михаил Антонович переводил глаза с выпуклой крышки цилиндра на лицо Юрковского, черное как уголь, и на лицо Быкова, почти целиком закрытое темными очками-консервами.

— Не плачь, Михаил, — повторил Юрковский, — лучше еще раз настройся на Голконду...

Алексей Петрович Быков снял очки, когда тонкое и настойчивое «ту-ут, ту-ут, ту-ут» наполнило рубку.

— Маяки, — прошептал он жмурясь. — Наши маяки!..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут...»

— Мог бы ты, Михаил, идти по этим пеленгам? — шептал Юрковский. Острая, ликующая гордость сверкала в его провалившихся глазах.

— Ну конечно... Ну конечно же! — Толстый штурман тер щеки, а слезы, все такие же крупные и обильные, падали на пульт управления. — Да не то что я — любой новичок сможет!.. Да надень ты очки, Алексей! — страдающим голосом закричал он вдруг. — Опять ослепнуть хочешь?..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут», — несло в пространстве. Над уходящими в бездну пустынями, болотами, над багровыми тучами, над разбитыми кораблями, над изувеченным «Мальчиком», над

безвестной могилой Богдана, над вечно грохочущим жерлом Голконды...

— До «Циолковского» осталось полторы тысячи километров,— сказал Михаил Антонович и полез наконец за платком.

— Не смей плакать, Михаил,— шептал Юрковский.— Дело сделано... Мы... не могли сделать... больше... Но дорога теперь открыта. А мы вернулись. Быков... я... и Гриша.

Быков снова надел очки.

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут»,— пели далекие маяки — плакали, ликовали, звали...

ЭПИЛОГ

Быкову Алексею Петровичу, победителю земных, венерианских и прочая и прочая пустынь, украшению третьего курса Высшей Школы Космогации от недостойного планетолога Володьки Юрковского

ПРИВЕТ!

Не кажется ли тебе, краснолицый брат мой, что переписка наша носит несколько конвульсивный характер? За последние два с половиной года (поправь меня, если я ошибаюсь) отправлено мною в твой адрес четыре письма, в ответ на каковые получено всего около одного. И это последнее написано весьма размашистым почерком на половине листка школьной тетради. Истории известен только один пример переписки такой же интенсивности, а именно — переписка царя Иоанна Грозного с беглым князем Курбским. История свидетельствует, что высокие стороны ухитрились за семнадцать лет вдвоем написать только шесть писем. Иван написал два, Курбский же — четыре, после чего помер, вероятно от натуги. В наше время люди крепче, и я пишу тебе пятое. Правда, для этого потребовалось большое усилие воли и определенное стечение обстоятельств.

Вчера на медосмотре старший врач Леонтьев, уложив свой первый подбородок на второй, второй — на остальные, а остальные — на грудь, объявил, что запрещает мне участвовать в третьем походе вокруг Голконды и предписывает заняться лечебной

гимнастикой и сочными (ты подумай только!) бифштексами. Сон, спортзал, бассейн, ионный душ, библиотека, а там видно будет. Я не спорил. Всякий спор с Леонтьевым сводится к созерцанию его подбородков, поднятых к потолку, и выслушиванию задумчивой реплики:

«Гм... Никак не могу вспомнить, когда у нас ближайший планетолет на Землю?»

Итак, час назад я проводил ребят в экспедицию и от великой печали решил разразиться письмом. В свое время ты просил меня рассказать, как это было. Помнится, за недостатком времени я посоветовал тебе читать газеты и смотреть популярные телепередачи. Теперь у меня оно есть. Проникнись торжественностью минуты и читай.

Восемнадцать месяцев назад, примерно в те дни, когда ты отдувался на экзаменах, с межпланетной базы «Циолковский» по приказу Краюхина, без помпезных речей и оркестра, снялись три фотонные ракеты типа «Хиус» и с интервалом в полтора часа одна за другой ринулись в розовое марево венерианской атмосферы. Первый планетолет шел под вымпелом Адмирала Безводных Океанов Михаила Антоновича Крутикова. Адмирал, грузный и безукоризненно выбритый, лично встал у пульта управления. Глаза его сияли. Могучий корабль, изрыгая фиолетовый огонь, неся на пеленги маяков ракетодома второго класса Урановая Голконда. Трижды озарилось фиолетовой вспышкой багровое небо. Трижды лопнули тяжелые тучи. Трижды дрогнули смолянистые пески. Пятилапые стальные гиганты, тяжело раскорячившись, стали рядом, зарывшись в щебень реакторными колоннами.

Из них полезли люди в спектролитовых колпаках, автоматические танкетки, землеройные агрегаты, гусеничные вездеходы с герметичными кабинами. Люди разделились. Восемь человек на двух вездеходах, груженных минами, двинулись на восток — рвать скалы, расширять ракетодом, ставить дополнительные маяки. Они скрылись в черном тумане, и вскоре из-за горизонта покотился глухой грохот, взметнулись косматые грибы разрывов.

Двадцать строителей под командой Виктора Гайдадымова (того, что строил порт «Большой Сырт» на Марсе) уселись на свои странные машины и не спеша отправились на юг, к горному хреб-

ту, планировать, расчищать, котлованить строительную площадку для будущего города-порта. Никем в общей суматохе не замеченные, в том же направлении скрылись два ракетомобильчика с астробиологами: серебристые маленькие «блохи» стремительно и беззвучно понеслись, пожирая пространство четырехкилометровыми прыжками, на поиски Горячего Болота. В каждой такой «блохе», сидя на банках со спиртом и формалином, на пластмассовых контейнерах для образцов, тряслись от возбуждения трое любителей внеземной флоры и фауны, с голодными глазами.

Последними солидно и с достоинством ушли мы, геологи. Мы знали себе цену. Начальник группы Павел Николаевич Лин дал команду, и, усевшись в вездеходы, мы отправились на север, к берегам Дымного моря, гоня перед собой стада многоруких роботов — двуногих, шестиногих и на гусеничном ходу. Роботы, натасканные на активные вещества, шли изломанной цепью, на ходу обнюхивая почву, выбирая образцы, записывая, подсчитывая, запоминая и время от времени сообщая нам результаты своих исследований. Они действовали методично и уверенно, и нам уже казалось, что мы будем только складывать в чемоданы готовые открытия. Но в Дымном море произошла заминка.

Роботы столкнулись с полями проклятой малиновой пленки, которая занимает там буквально тысячи гектаров почвы. Радиация оказалась слишком сильной для программы роботов, и они выскочили из Дымного моря как ошпаренные и долго торчали на месте, очумело шевеля щупальцами. Пришлось перестраиваться на ходу, после чего роботы вновь героически бросились в атаку и натаскали столько красной пленки, что мы не знали, куда от нее деваться. Астробиологам было передано безвозмездно десять тонн этой красно-лиловой дряни. Кстати, оказалось, что наша догадка верна: это действительно колонии микроорганизмов, использующих для жизненных процессов энергию радиоактивного распада. Установлено и несомненное тяготение красной пленки к очагам подземных взрывов. Кое-кто здесь надеется приспособить ее в качестве индикатора, предупреждающего об опасности. Если бы мы знали тогда!

Штурм Голконды начался. Ревели двигатели, бегали люди, носились вездеходы, поднимая облака черной пыли. Где-то уже

ссорились, кто-то уже надрывал эфир, предупреждая, что он сюда не в бирюльки играть прилетел, а старший врач Леонтьев уже впрыскивал кому-то арадиатин и гневно вопрошал, когда будет ближайший планетолет на Землю... Через несколько часов «Хиусы» улетели и вернулись с подкреплением; вслед за ними из багровых туч посыпались грузовые ракеты-автоматы, битком набитые материалами, приборами, продовольствием, книгами, одеждой. Открывались люки, по блестящим трапам сползали автоматические танкетки, сбегали «киберы» всех сортов — строители, геологи, взрывники, землекопы, повара... Мелко, непрерывно дрожала почва, гудела Голконда, клубилась светящаяся пыль — и среди всего этого, мужественный и суровый в своей златотканой пижаме, в кают-компании «Хиуса» сидел адмирал Крутиков, молчаливый и сосредоточенный. Он пил крепкий чай с лимонными вафлями. Так происходило то, что впоследствии было названо Началом Великого Штурма Голконды. С каждой минутой рука Человека все крепче сжимала черную глотку Голконды.

И Голконда пала. Голконда подняла лапки. Она ревет, клокочет, пугает багровыми тучами и всяческой пиротехникой, но теперь это уже никого не трогает, кроме новичков. Даже Черные бури не страшны нам больше — наши метеорологи уничтожают их в зародыше водородной бомбардировкой. Там, где мы когда-то укладывали селеновые простыни, теперь раскинулся ракетодром высшего класса, весь утыканный «Хиусами». Он принимает и отправляет до ста кораблей в месяц. Зубов Венеры не найдешь и за триста километров в округе: все к чертям взорваны. В пятидесяти километрах к югу, у отрогов хребта, — город. К нему ведут восемь превосходных стекломассовых шоссе. В центре города стоит наш «Мальчик». Его нашли, вырезали из почвы и так, вместе с оплавившимся камнем, поставили на пластметалловый фундамент. На броне вырезали короткую надпись: «Первым». Это памятник Анатолию Ермакову, Богдану Спицыну, Тахмасибу Мехти, его товарищам.

Да, Алеша, Голконда пала! Да что Голконда! Скоро вся Венера будет у ног победителя. Исследуется кольцо тяжеловодных болот и озер вокруг Голконды (до сих пор непонятно, откуда в них берется вода; сначала думали, что эти озера и болота как-то

связаны с Голкондой, но два месяца назад большое тяжеловодное озеро было открыто в другом полушарии Венеры, за несколько тысяч километров от нас). Иргенсен высадился на южном полюсе. Там открыта новая страна — необозримые леса красных деревьев, зеленых озер, диких животных, настоящий заповедник странной жизни, скрытый под куполом бешеной стратосферы. Готовится экспедиция на северный полюс. И если северная полярная шапка Венеры хоть немного похожа на южную, я многое прошу этой планете. А здесь наши экспедиции проникают все дальше в черные пески по ту сторону Кольца Горячих Болот. А я вот вынужден принимать ванны и пожирать бифштексы.

Кстати, о бифштексах.

Недавно я видел Михаила Антоновича. Он рассказывал, что начальник ВШК отзывается о тебе весьма хорошо. Того же мнения о тебе и сам Михаил. Знаешь, эта его манера разговаривать: «Алешенька? Из него будет отличный штурман, о-отличный, вот увидишь!» Очень рад за тебя, краснолицый.

Мне пришлось на полчаса оторваться от письма и выслушать сетования моего соседа, кибернетиста Щербакова. Ты, вероятно, знаешь, что к северу от ракетодома идет строительство грандиозного подземного комбината по переработке урана и трансуранитов. Люди работают в шесть смен. Роботы — круглые сутки; замечательные машины, последнее слово практической кибернетики. Но, как говорят японцы, обезьяна тоже падает с дерева. Сейчас ко мне пришел Щербаков, злой, как черт, и сообщил, что банда этих механических идиотов (его собственные слова) сегодня ночью растащила один из крупных складов руды, приняв его, очевидно, за необычайно богатое месторождение. Программы у роботов были разные, поэтому к утру часть склада оказалась в пакгаузах ракетодома, часть — у входа в геологическое управление, а часть вообще неизвестно где. Поиски продолжаются. Я как мог утешил Щербакова (чуть не умер от напряжения, стараясь сохранить серьезный вид) — и вернулся к письму.

Собственно, пора кончать. Перо покоя просит, и меня зовут на процедуры. Хочу только сообщить тебе, что Михаил сейчас откомандирован на Амальтею. Амальтея — это Пятый спутник Юпитера. Сию истину ты, вероятно, узнал в школе, но забыл,

конечно. Там сейчас затеваются любопытные вещи. И вообще: ты будешь штурманом, будешь и капитаном корабля, я тебя знаю. Но «*Aspice hoc sublime candens, quæ invocant omnes lovem*», то бишь: «Взгляни на этот возвышенный блеск, который все называют Юпитером». Настоятельно прошу — взгляни! Следующий большой штурм будет там — это я тебе гарантирую, как старый межпланетный волк.

Да, Миша говорил мне, что Дауге окончательно оправился и досаждают Краюхину просьбами направить его сюда. Дело, конечно, благородное, но ты постарайся его отговорить при встрече. Пусть подождет, пока мы не насадим здесь сады. А если говорит серьезно, то я просто опасаюсь рецидивов горячки. Но все-таки чертовски хочется видеть вас, бесы окаянные!

Прощай, краснолицый! Надеюсь, не пройдет и двух лет, как ты напишешь мне.

Большой привет супруге и сынишке. Да ручку, ручку ей поцелуй, неотесанный!

Твой В. Юрковский

Венера. Порт Голконда

7.02.19.. г.

ИЗВНЕ

**повесть
в трех рассказах**

1. ЧЕЛОВЕК В СЕТЧАТОЙ МАЙКЕ

РАССКАЗ ОФИЦЕРА ШТАБА Н-ской ЧАСТИ МАЙОРА КУЗНЕЦОВА

Вот как это было. Мы еще летом собирались совершить восхождение на Адаирскую сопку. Многие наши офицеры и солдаты и даже некоторые из офицерских жен и штабных машинисток с прошлого года щеголяли эмалевыми сине-белыми значками альпинистов первой ступени, и эти значки, украшавшие кители, гимнастерки и блузки наших товарищей, не давали спокойно спать Виктору Строкулеву. Лично я за значком не гнался, но заглянуть в кратер потухшего вулкана мне очень хотелось. Коля Гинзбург, глубоко равнодушный и к значкам, и к кратерам, питал слабость ко всякого рода «пикникам на свежем воздухе», как он выражался. А майор Перышкин... Майор Перышкин был помощником начальника штаба по физической подготовке, и этим все сказано.

Итак, мы собирались штурмовать Адаирскую сопку еще летом. Но в июне Строкулев вывихнул ногу в танцевальном зале деревенского клуба, в июле меня отправили в командировку, в августе жена Перышкина поехала на юг и поручила майору детей. Только в начале сентября мы смогли наконец собраться все вместе.

Было решено отправиться в субботу, сразу после занятий. Нам предстояло до темноты добраться к подножию сопки, заночевать там, а с рассветом начать восхождение. Виктор Строкулев vykлянчил у начальника штаба «газик» и умолил отпустить с нами и шо-

фера — сержанта Мишу Васечкина, сверхсрочника, красивого молодого парня; майор Перышкин взял вместительный баул, набитый всевозможной снедью домашнего приготовления, и — на всякий случай — карабин; я и Коля закупили две бутылки коньяку, несколько банок консервов и две буханки хлеба. В шесть вечера «газик» подкатил к крыльцу штаба. Мы расселись и, проводимые пожеланиями всех благ, тронулись в путь.

От нашего городка до подножия сопки по прямой около тридцати километров. Но то, что еще можно называть дорогой, кончается на шестом километре, в небольшой деревушке. Дальше нам предстояло петлять по плоскогорью, поросшему березами и осинами, продираться через заросли крапивы и лопухов, высотой в человеческий рост, переправляться через мелкие, но широкие ручьи-речушки, текущие по каменистым руслам. Эти удовольствия тянулись примерно два десятка километров, после чего начиналось широкое «лавовое поле» — равнина, покрытая крупным ржавым щебнем выветрившейся лавы. Лавовое поле использовалось соседней авиационной частью как учебный полигон для тактических занятий. Осторожный Коля Гинзбург накануне дважды звонил летчикам, чтобы наверняка удостовериться в том, что в ночь с субботы на воскресенье и в воскресенье вечером они практиковаться не будут, — предосторожность, по-моему, совсем не лишняя. Легкомысленный Строкулев не преминул, однако, слегка пройтись по поводу малодушной «перестраховочки». Тогда Коля без лишних слов расстегнул китель, поднял на груди сорочку и показал под ребрами с правой стороны длинный белый шрам.

— «Мессер», — с выражением сказал он. — И я не желаю получить еще одну такую же от своего... Тем более в угоду некоторым невоенным военным...

На этом разговор окончился. Витька страшно не любил, когда ему напоминали о том, что в войне он по молодости не участвовал. Он был зверски самолюбив. Впрочем, через четверть часа Коля спросил у надувшегося Витьки папиросу, и мир был восстановлен.

Значит, лавовое поле не грозило нам никакими неожиданностями. Оно плавно поднималось к сопке и заканчивалось крутыми,

обрывистыми скалами. Дальше машина уже пройти не могла. Там, под этими скалами, мы рассчитывали разбить наш ночной лагерь.

Итак, мы тронулись в путь. Погода была чудесная. Вообще осень в наших местах, «на краю земли», — самое лучшее время года. В сентябре и октябре почти не бывает ни туманов, ни дождей. Воздух прозрачный, тонкий, мягкий. Пахнет увядающей зеленью. Небо днем — бездонно-синее, ночью — черное, бархатное, усыпанное яркими немигающими звездами. Мы не торопясь тащились по развороченной еще летними дождями дороге. Впереди над щетиной леса призрачным сизым конусом возвышалась Адаирская сопка. У вершины конус был косо срезан. Если приглядеться, можно заметить, что склоны сопки отливают рыжеватым оттенком, кое-где поблескивают пятна снега. Над вершиной неподвижно стынет плотное белое облачко паров.

Через полчаса мы въехали в деревню, и тут Виктор Строкулев попросил остановиться. Он сказал, что хочет забежать на минутку к одной знакомой девушке. Мы великодушно не возражали. В радиусе восемнадцати километров от нашего городка я не знаю ни одного населенного пункта, где бы у Строкулева не было «одной знакомой девушки».

Не прошло и пяти минут, как он выскочил из домика с довольным видом и с объемистым свертком под мышкой.

— Поехали, — сказал он, усаживаясь рядом с шофером и перебрасывая сверток Коле Гинзбургу на колени.

Машина снова тронулась. Витька высунулся и грациозно помахал рукой. Я заметил, что занавеска в маленьком квадратном окне слегка отдернулась. Мне даже показалось, что я увидел блестящие черные глаза.

— Что это он приволок? — равнодушно осведомился майор Перышкин.

— Посмотрим, — сказал Коля и развернул сверток.

В свертке оказалось целое сокровище — десяток мятых соленых огурцов и большой кусок свиного сала. Строкулев обернулся к нам, облокотившись на спинку сиденья.

— Если Строкулев что-нибудь делает... — небрежно начал он, но тут машина подпрыгнула, Витька ударился макушкой о раму крыши, лязгнул зубами и моментально замолк.

Началась самая трудная часть пути. К счастью, на плоскогорье сохранились тропы, оставленные нашими альпинистами летом. В лесу, в чаще берез и осин, исковерканных свирепыми зимними ветрами, были проделаны просеки, и нам почти не пришлось пользоваться топором. Временами «газик» с жалобным ревом увязал в путанице полусгнивших ветвей, переплетенных прочными прутьями молодых побегов и густой порослью высокой травы. Тогда мы вылезали, заходили сзади и с криком «Пошла, пошла!» выталкивали машину на ровное место. При этом Коля Гинзбург, упиравшийся спиной в запасное колесо, неизменно валился на землю, а встав и почистившись, произносил древнюю военную поговорку: «Славяне шумною толпою толкают задом “студебеккер”». Через четверть часа все повторялось снова.

Уже темнело, когда мы, взмокшие и грязные, выбрались наконец на лавовое поле. «Газик», трясаясь и подпрыгивая, покатился по хрустящему щебню. В небе загорались звезды. Коля задремал, навалившись на мое плечо. Огни фар прыгали по грудам щебня, поросшим местами редкой сухой травой. Стали попадаться неглубокие воронки от бомб — следы учебы летчиков — и мишени — причудливые сооружения из досок, фанеры и ржавого железного лома.

Над плоскими холмами справа разгорелось оранжевое зарево, выкатилась и повисла в сразу посветлевшем небе большая желтая луна. Звезды потускнели, стало светло. Миша прибавил ход.

— Через часок можно будет остановиться, — сказал майор Перышкин. — Возьми чуть правее, Миша... Вот так.

Он сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой и сразу же обнаружил, что Строкулев, воспользовавшись темнотой в машине, запустил пальцы в сверток, лежавший на коленях у сладко спящего Гинзбурга. Порок был наказан немедленно: майор звонко щелкнул Витьку в лоб, и тот, жалобно ойкнув, убрался на свое сиденье.

— А я слышу, кто-то здесь бумагой шуршит, — спокойно сказал Перышкин, обращаясь ко мне. — А это, оказывается, вот кто...

— Я хотел только проверить, не вывалились ли огурцы, — обиженно заявил Строкулев.

— Ну и как? Не вывалились? — с искренним интересом спросил майор.

Мы — я и Миша, согнувшийся за рулем, дружно хихикнули. Строкулев промолчал, а затем вдруг принялся рассказывать какую-то длинную историю, начав ее словами: «В нашем училище был один...» Он еще не дошел до сути, и мы даже не успели сообразить, имеет ли эта история какую-либо связь с попыткой похитить огурец, когда лучи фар уперлись в огромные валуны и «газик» затормозил.

— Приехали, — объявил Перышкин.

Мы выбрались из машины в прозрачный свет луны. Стояла необыкновенная, неестественная тишина. Склоны сопки полого уходили в небо, вершины не было видно — ее заслоняли почти отвесные стены застывшей лавы, четко рисовавшиеся на фоне бледных звездных россыпей.

— Ужинать и спать, — приказал майор Перышкин.

Были раскрыты заветный баул и сверток «одной знакомой девушки». На разостланной плащ-палатке постелили газеты. Коля очень ловко раскупорил бутылку и содержимое «расплескал» по кружкам.

Поев, мы уложили остатки провиантских запасов в баул и рюкзаки, завернулись в шинели и улеглись рядком на плащ-палатках, стараясь потеснее прижаться друг к другу, потому что ночь была весьма прохладная. Строкулев, оказавшийся с краю, долго вздыхал и ворочался. Позже, уже сквозь сон, я почувствовал, как он ввинчивается между мной и Николаем, но проснуться и отругать его я так и не смог.

Майор разбудил нас в шесть часов. Утро было чудесное, такое же, как вчерашний вечер. Солнце только что взошло. В глубоком, чистом небе на западе, над зубчатыми вершинами Калаканского хребта, едва проступающими в туманной дымке, бледным, белесым пятном висела луна. Неподалеку от нас журчал ручей. Мы умылись и наполнили фляги, а когда вернулись, то увидели, что Строкулев по-прежнему валяется на плащ-палатках, натянув на себя все наши шинели. Тогда Коля аккуратно плеснул из своей фляги немного ледниковой воды за шиворот блаженно всхрапывающего лентяя. И тихое безмятежное утро огласилось...

Словом, через полчаса мы, в ватниках, навьюченные рюкзаками, с лыжными палками в руках, стояли, готовые к подъему, а майор Перышкин давал шоферу Мише последние указания:

— От машины — ни шагу! Спать захочешь — спи на сиденье. А лучше всего сиди и читай. Карабин не трогай. Ясно?

— Так точно, товарищ майор, ясно! — отвечал Миша.

И наше восхождение началось.

Сначала подъем был сравнительно пологим. Мы шли гуськом по краю глубокого оврага — должно быть, трещины в многометровой толще лавы, — на дне которого густо росла исполинская крапива и протекал, весело журча, ручей снеговой воды. Первые несколько километров мы чувствовали себя сильными, бодрыми, уверенными и даже разговаривали.

Прошло два часа, и мы перестали разговаривать. Подъем стал значительно круче. Впереди перед нашими глазами чуть ли не в зенит упирался красно-бурый склон конуса Адаирской сопки. Никогда я не думал, что альпинизм окажется таким трудным делом. Нет, мы не карабкались по ледяным скалам, не тянули друг друга на веревках, ежесекундно рискуя сорваться с километровой высоты. Нет. Но приходилось ли вам взбираться на огромную кучу зерна? Вот на что больше всего походило наше восхождение. Щебень — и мелкий, как песок, и крупный, как булыжник, — осыпался под ногами. Через каждые два шага мы сползали на полтора шага назад. Громадные потрескавшиеся глыбы лавы, тронутые осыпью, начинали угрожающе раскачиваться и сползать. Одна из таких глыб, величиной с хороший семейный комод, более округлая, чем другие, вдруг сорвалась с места, прокатилась мимо бросившегося в сторону Гинзбурга и понеслась, высоко подскакивая, куда-то вниз, увлекая за собой целые тучи камней поменьше. Подул ледяной ветер, запахло — сначала слабо, затем все сильнее и сильнее — тухлыми яйцами.

— Вулканические пары, черт бы их взял! — чихая, пояснил майор Перышкин и тут же успокоил нас: — Ничего, здесь еще терпимо, а вот что наверху будет!..

Около двенадцати Перышкин объявил большой привал. Мы выбрались на обширное снеговое поле и расселись на камнях, выступающих из-под обледеневшей снежной корки. Я взглянул

вверх. Глыбы застывшей лавы, окружавшие кратер, казались такими же далекими, как и снизу, от машины. Зато внизу открывалось великолепное зрелище. Воздух был чист и прозрачен, мы видели не только все лавовое поле, плоскогорье и пестрое пятнышко нашего городка, но и ряды сопок, темные дымы над бухтой Павлопетровска и за ними — серо-стальной, мутно отсвечивающий на солнце океан.

Мы все очень устали, даже майор Перышкин. Все, кроме Строкулева. Во время подъема он резво лез впереди, останавливался, поджидая нас, и однажды даже суконно-жестяным голосом запел дурацкую песенку. Песенный репертуар Строкулева был известен всей бригаде, и душа радовалась при мысли, что Адаирская сопка представляет собой такое дикое и пустынное место.

На привале мы молчали, грызли сухари и выпили немного воды. Строкулев ползал вокруг и щелкал фотоаппаратом. Перышкин громко сосал кубик рафинада. Коля критически рассматривал подошвы своих сапог, время от времени меряя взглядом расстояние до вершины сопки...

Было уже около трех часов дня, когда мы наконец добрались до цели. Строкулев, свесившись с обломка лавы, вытянул нас наверх одного за другим, и, тяжело отдуваясь, мы сгрудились на краю кратера. Под ветром мотались клочья не то дыма, не то тумана, отвратительно пахло какими-то испарениями.

Поднялся туман. Он стремительно несясь снизу. Время от времени сквозь его разрывы открывалась изумительная панорама гор, зеленых долин и океана. Но мы так вымотались, что это нас уже не интересовало. И только отдохнув немного, мы заставили себя подползти к обрыву и заглянуть в кратер.

Именно таким представлял я себе вход в ад. Под нами зияла пропасть глубиной в несколько десятков, а может быть в сотню, метров. Стены пропасти и ее плоское дно были серо-желтого цвета и казались такими безнадежно сухими, такими далекими от всякого намека на жизнь, что мне немедленно захотелось пить. Честное слово, здесь физически ощущалось полное отсутствие хотя бы молекулы воды. Из невидимых щелей и трещин в стенах и в дне поднимались струи вонючих сернистых паров. Они в минуту заполняли кратер и заволакивали его противоположный край.

Строкулев в последний раз нацелился аппаратом, шелкнул затвором и сказал, с надеждой глядя на майора Перышкина:

— Хорошо бы туда спуститься...

Перышкин только хмыкнул в ответ и полез в карман за сигаретами. Коля задумчиво сплюнул. Мы с интересом следили за падением плевка, пока он не скрылся из виду. Восхождение было окончено. Теперь оставалось выполнить кое-какие формальности.

Майор Перышкин снял рюкзак и извлек из него две тяжелые черные банки — дымовые шашки.

— Строкулев,— строго сказал он,— возьми одну шашку и отойди вон туда, за выступ. Там подожги.

Строкулев козырнул, взял банку и скрылся за стеной застывшей лавы, нависшей над кратером.

— Коля,— продолжал майор,— напиши что-нибудь о нас на листке бумаги, вложи листок в консервную коробку и сложи над ней пирамиду из обломков покрупнее. Ну, хотя бы здесь, где стоишь.

Пока майор поджигал шашку, мы с Гинзбургом сочинили такой текст: «Второго сентября 19.. года на вершину Адаирской сопки поднялись в порядке сдачи нормы на звание альпиниста первой ступени майор Кузнецов, капитан Гинзбург и старший лейтенант Строкулев. Руководил группой майор Перышкин». Затем мы открыли банку «лосоя в собственном соку», содержимое съели, банку насухо вытерли, вложили в нее записку и соорудили пирамидку.

— Готово,— сказал Коля. Он подумал и добавил: — Вот теперь мы альпинисты. Подумать только!

— Это что,— пренебрежительно заметил майор Перышкин,— вот у нас на Алакане было однажды...

Он стал рассказывать, что было однажды у них на Алакане.

Мы слушали рассеяннo, развалившись под скалами и наслаждаясь приятным гудением в ногах. Все рассказы Перышкина о том, что было на Алакане, походили друг на друга, как две капли воды. Гвоздем каждого была фраза: «Я поднимаю карабин, и — бах! — точка. Полный порядок! Вот это была охота!» Мы с Гинзбургом звали Перышкина Тартарен из Алакана — он не обижался.

Давно уже из подожженной шашки плотными клубами валил густой, тяжелый бело-розовый дым, а Строкулев не возвращал-

ся. Выслушав очередное «бах! — точка», я предложил посмотреть, чем занят сейчас этот мальчишка.

Мы обогнули лавовую стену и увидели, что Строкулев прыгает вокруг банки, дуя в растопыренные ладони и ругаясь. Оказывается, он истратил полкоробка спичек, пытаясь зажечь хотя бы одну. Спички на ветру гасли. Тогда он взял и чиркнул все сразу. Спички разгорелись очень охотно, но при этом обожгли ему ладони. Перышкин назвал Строкулева слабаком, сел над банкой, прикрыв ее лапами ватника, и через минуту струя белого дыма взметнулась вверх, изогнулась на ветру и поплыла в сторону, утолщаясь и густея на глазах.

— Вот как надо, — удовлетворенно сказал майор.

Наш сигнал — два столба дыма — должны были наблюдать в бинокли из городка.

— А теперь — спуск! — скомандовал Перышкин.

Он показал нам, как это делается. Нужно было всего-навсего сесть верхом на палку и смело прыгнуть вниз.

Так мы и сделали. Кучи камней, больших и маленьких, сыпались нам вслед, пролетали вперед, стучали — иногда довольно чувствительно — в ноги и спину. Да, спускаться было одно удовольствие. Правда, Коля, споткнувшись, перевернулся и стал на голову, а затем метров пятьдесят скользил на спине и еще метров сто на животе после неудачной попытки догнать свою палку. Но в общем все обошлось благополучно. И если на подъем по конусу нам потребовалось около пяти часов, то спуск продолжался не более получаса, и в половине пятого мы уже шагали вдоль того самого обрыва, с которого начинали подъем.

Я описываю восхождение на Адаирскую сопку так подробно по двум причинам. Во-первых, чтобы показать, что странные события вечера того же дня произошли без всяких предзнаменований. Мы ничего ровным счетом не подозревали заранее. Во-вторых, я хочу подчеркнуть ясность своего сознания и показать, что помню все, даже самые мелкие подробности нашего маленького путешествия. А теперь я приступаю к главному — к рассказу о том, что случилось в тумане.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы добрались до «газика». Миша Васечкин, заведя нас издали, приготовил ужин,

и когда мы подошли к машине, «стол» был накрыт: хлеб нарезан, консервы вскрыты. Это было как нельзя более кстати, ибо мы проголодались и вместе с тем очень торопились домой — хорошенько отдохнуть и выспаться перед новой неделей напряженной работы.

Мы с примерной жадностью набросились на еду и, только утилив первый голод, заметили, что сержант чем-то озабочен и то и дело поглядывает на небо.

— Ты что это? — осведомился Перышкин.

Миша ответил хмуро:

— Здесь, товарищ майор, самолет недавно пролетал.

Мы сразу перестали жевать.

— Где? — спросил Коля.

— Я его не видел, товарищ капитан, но, кажется, где-то неподалеку, над лавовым полем. Слышал, как он гудит. Низко-низко...

Майор Перышкин чертыхнулся.

— Надо нажимать, — сказал Коля и встал.

Мы собирались торопливо и молча, и только когда «газик» заворчал и, развернувшись, понесся в обратный путь, майор официальным тоном спросил Николая:

— Капитан, вам летчики точно сказали, что сегодня не бомбят?

— Точно, — ответил Коля.

— Если после темноты мы еще будем на полигоне, а у них ночные стрельбы... по локатору...

— Лучшей цели не придумаешь, — согласился я.

«Газик», подпрыгивая всеми колесами, крутился меж старых воронок и полуразбитых мишеней, когда притихший Строкулев вдруг сказал:

— Туман!

Впереди, со стороны плоскогорья, на лавовое поле надвигалась белесая, розоватая от лучей заходящего солнца стена тумана.

— Только этого не хватало! — с досадой проворчал майор Перышкин.

Слой тумана вначале был не очень высок, и иногда мы отчетливо видели над ним черную массу далекого леса на плоскогорье и темно-синее небо. Дальневосточные туманы по прозрачности и по плотности мало чем уступают молочному киселю. Мы неслись

по бурому шлаку, и туман полз нам навстречу. Миша круто повернул баранку, объезжая широкую воронку, вокруг которой валялись обугленные щепки и клочья железа, затем сбавил ход, и мы медленно въехали в молочную стену. Мгновенно пропало все — синее небо, красное закатное солнце, лавовое поле справа и плоские холмы слева. Остались серые мокрые сумерки и капли сырости, оседающие на смотровое стекло, да несколько метров блестящей от влаги каменистой почвы. Теперь спешить было нельзя. Миша включил фары, и в желтых столбах света стали видны медлительные струи тумана, расплывавшиеся в стороны по мере нашего продвижения вперед. Машину подбрасывало, она то кренилась набок, то карабкалась на холмики, то осторожно сползала с невысоких откосов.

— Вот так история! — начал майор Перышкин. — Совсем как у нас на Алакане...

И он принялся рассказывать очередную историю про Алакан. Не знаю, успокаивал ли он этим рассказом самого себя или честно пытался отвлечь нас от тоскливых мыслей и тревожных предчувствий, во всяком случае, ни то, ни другое ему не удалось. Он то и дело замолкал, тянул «и вот, значит, это самое...», ежеминутно высовывался из машины. А мы, по крайней мере я и Строкулев, его совсем не слушали. Коля Гинзбург оставался внешне спокоен и даже вставлял в паузы вежливые «Ну и что дальше?» или «А что он?». Так прошло около часа. Ни туману, ни лавовому полю, ни рассказу про Алакан не было конца. Миша сбросил телогрейку, на напряженно двигавшихся лопатках его выступили пятна пота. Стало почти темно.

— Ну я, конечно, вижу, — сипло повествовал майор. — Вижу это я... да-а... вижу, значит, что стрелять он не того, значит, не умеет... значит, только... хвастает только...

Он вдруг замолчал и прислушался. Коля, клевавший носом, тоже поднял голову.

— Слышишь?

Я пожал плечами. Майор торопливо сказал Мише:

— Глуши мотор!

Двигатель кашлянул несколько раз и замолк. И тогда стал слышен звук, от которого мой желудок стремительно поднялся к

горлу. Это был зловещий рев бомбардировщика, переходящего в пике. Он нарастал и усиливался с каждой секундой, и даже Строкулев и сержант, слышавшие этот рев, вероятно, только в кино, очутились шагах в десяти от машины еще прежде, чем успели сообразить, что происходит.

— Ложись! — рывкнул майор.

Мы бросились на землю, всем телом прижимаясь к колючему мокрому щебню. Строкулев вцепился в мою руку, и совсем рядом я увидел его широко раскрытые глаза, в которых светились дьявольское любопытство и детский страх. Помню, что на переносице его блеснули капельки испарины.

Рев нарастал, заполнял весь мир, раздирал уши. Затем где-то невдалеке туман мгновенно озарился яркой белой вспышкой. Мы съежились, ожидая громового удара, свиста осколков, града острых как бритва обломков камня. Но ничего подобного не случилось.

Вместо этого наступила тишина, такая же зловещая и нестерпимая, как и внезапно оборвавшийся рев. И в тишине сквозь бешеный звон крови в ушах мы услышали какую-то возню, жалобный вскрик, короткий, захлебывающийся говор, и что-то тяжело упало на щебень. Вновь взревели невидимые моторы, пахнуло горячим ветром, и рев стал удаляться. Он удалялся быстро и уже через несколько секунд превратился в едва слышное жужжание, а потом и совсем затих. И тогда из-за плотной стены тумана до нас донесся сдавленный, протяжный стон.

Все произошло необычайно быстро, и мы, по сути дела, ничего, кроме вспышки, не видели. Нарастающий рев пикирующего самолета, короткая вспышка в тумане, секунды непонятной мертвой тишины, звуки борьбы, тяжелое падение, затем снова рев мотора и снова тишина. И протяжный стон. Гинзбург уверял после, что в момент вспышки заметил невысоко над землей что-то темное и продолговатое. Я не заметил, хотя лежал в двух шагах от Коли. Не заметили ничего и остальные.

Мы поднялись на ноги, машинально отряхиваясь и растерянно поглядывая то на небо, то друг на друга. Кругом было тихо.

— Что это может быть? — спросил Строкулев.

Никто не отозвался. Потом Николай сказал:

— Это не бомбардировщик. И, уж во всяком случае, не реактивный.

Майор Перышкин поднял руку:

— Послушайте! Никто ничего не слышит?

Мы замолчали, прислушиваясь. В тумане снова совершенно явственно раздался стон.

— Вот что,— решительно сказал майор Перышкин.— Там кто-то есть. Надо его найти. Мало ли что может быть... Погодите.

Он сбегал к машине и вернулся с карабином. Щелкнув затвором, взял карабин под мышку.

— Группа, слушай мою команду! — сказал он.— Сержант Васечкин!

— Я!

— Остаетесь на месте. Майор Кузнецов, капитан Гинзбург, старший лейтенант Строкулев, вправо в цепь... марш!

Мы растянулись цепочкой на расстоянии в три-четыре метра друг от друга и двинулись на поиски. Через минуту Строкулев крикнул:

— Нашел! Карманный фонарик нашел... Едва горит!

— Вперед! — приказал майор.

Я прошел еще несколько шагов и чуть не наступил на человека. Он лежал ничком, широко раскинув ноги и уткнувшись лохматой нечесаной головой в сгиб правой руки, грязной и тощей. Левая рука была вытянута вперед, ее исцарапанные пальцы зарылись в щебень. Никогда еще я не видел в наших краях человека, одетого так странно. На нем были фланелевые лыжные брюки, стоптанные тапочки на босу ногу и сетчатая майка-безрукавка. И это осенью, на Дальнем Востоке, в двадцати километрах от ближайшего населенного пункта!

Мы стояли над ним, изумленные и смущенные, затем майор передал Коле карабин и, опустившись на корточки, осторожно потрогал незнакомца за голое плечо. Тот медленно поднял голову. Мы увидели неимоверно худое лицо, покрытое густой черной щетиной, сухие, потрескавшиеся губы, мутные серые глаза — вернее, один глаз, потому что другой оставался плотно закрытым.

— Пить... — хрипло прошептал незнакомец.— Только глоток воды... и сразу назад...

Он снова уронил голову на руку.

Мы перетасили его к «газику» — он не казался тяжелым, но явно пытался, хотя и слабо, сопротивляться. В бутылке оставалось немного коньяку. Гинзбург налил в кружку воды, долил коньяком и поднес кружку к губам незнакомца. Видели бы вы, как он пил! Он опустошил все наши фляги и, вероятно, пил бы еще, но воды у нас больше не было. Пока мы возились с незнакомцем, Миша ходил вокруг машины и с опаской поглядывал на небо. Кажется, он был очень доволен, когда мы наконец втиснули нашу находку на заднее сиденье, кое-как втиснулись сами и майор приказал:

— Трогай!

— Мне надо назад,— пробормотал незнакомец.— Пустите меня назад, ведь я так ничего и не узнал...

— О чем? — спросил я.

Но он не ответил и уронил голову на грудь.

Стемнело, стало холодно. Мы набросили на незнакомца наши шинели и плащ-палатки, но он все трясся в ознобе и время от времени то громко и пронзительно, то едва слышно выкрикивал непонятные слова. Видно, у него начинался жар, от него несло теплом, как от русской печи.

Никогда не забуду этой поездки. Кругом крошечная тьма, лучи фар с трудом раздвигают туман. Машина движется медленно и воеет тоскливо и угрожающе. На переднем сиденье вцепившийся в баранку шофер и Гинзбург со Строкулевым, сгорбленные, зябко ежатся от сырости и холода. На заднем сиденье — Перышкин и я, и между нами трясущийся в ознобе незнакомец, закутанный в шинели и шуршащие плащ-палатки. Он бормочет и вскрикивает. Иногда пытается высвободить руки, но мы с майором крепко держим его. Я наклоняюсь к нему, стараясь разобрать, что он говорит. А говорит он странные вещи:

— Не надо... Вы видите, я стою на двух ногах, как и ваши... Не надо со мной так... Не трогайте меня! Я не хочу уходить, я еще не знаю самого главного... Я не могу вернуться, пока не узнаю... Мне нужен только глоток воды. И я останусь... хоть навсегда, хоть на тысячи лет... как тот, в тоннеле... Не выбрасывайте меня!

Я слушаю, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Кто он? Сумасшедший? Преступник? Диверсант? Как он по-

пал на лавовое поле? Видимо, он просил не выбрасывать его. Но его выбросили. Кто? Откуда?

А он шепчет страстно и убедительно:

— Хорошо... Мне не нужно воды. Я готов даже... Что угодно... по капле... Скормите меня вашим койотам... дракону, все равно, только отведите сначала к хозяевам... Человек всегда договорится с человеком...

Вскоре мы спустились в ложбину. Лавовое поле кончилось, и «газик» стал карабкаться на плоскогорье. Нам удалось сразу же найти просеку. И все же, если бы не незнакомец, мы, вероятно, заночевали бы в лесу. Миша сказал, что ни за что не ручается. Но Перышкин был непреклонен:

— Мы везем больного человека. Кто он такой, мы не знаем. А если он умрет за ночь? А если он может сообщить что-нибудь важное? Не разговаривать! Вперед!

И мы двигались вперед, продираясь через путаницу гнилых веток, с бою овладевая каждым метром дороги. Теперь, вытаскивая машину из ям, мы молчали. Никто не кричал больше: «Пошла, пошла!» Кажется, так я устал только на фронте, во время осенних наступлений.

Но всему на свете бывает конец. Около часа ночи «газик» вкатился в деревню и, пофыркивая, остановился у домика «одной знакомой девушки». Майор решил оставить незнакомца здесь со мной и Строкулевым и привезти из бригады врача.

— Мы не имеем права рисковать. Вдруг он умрет как раз на пути в городок?

Майор был прав. Строкулев соскочил с машины и постучал в квадратное окно. Прошла минута, другая. В окне вспыхнул свет. Слегка охрипший со сна голос спросил:

— Кто там?

Строкулев что-то ответил. Дверь открылась, пропустила его и снова закрылась, но вскоре он выбежал и крикнул:

— Заносите!

Мы с трудом извлекли незнакомца из «газика». Тумана в деревне не было, луна стояла высоко, и его запрокинутое лицо казалось бледным, как у мертвеца.

В горнице было светло, чисто и сухо. «Одна знакомая девушка» оказалась маленькой полной женщиной лет двадцати пяти. Она смущенно куталась в халатик. Строкулев стелил на полу у печки постель. Он вытянул из-под матраца на широкой кровати тюфяк, из комода — простыни и одеяла. Хозяйка молча кивнула нам. Затем она наклонилась над незнакомцем, взгляделась в его лицо, подумала и неожиданно сказала, показав на кровать:

— Кладите сюда. Я уж на тюфяке переночую.

— Надо бы его раздеть, — нерешительно сказал майор Перышкин.

— Мы разденем, — сказал я. — Поезжайте, Константин Петрович.

Майор, Гинзбург и Миша попрощались и вышли, а мы со Строкулевым принялись раздевать незнакомца. Хозяйка возилась у печки — кипятила молоко.

Когда мы стягивали с него лыжные штаны, что-то вдруг со стуком упало на пол. Строкулев нагнулся.

— Погоди-ка, — пробормотал он. — Вот так штука! Смотри!

Это была маленькая металлическая статуэтка — странный скорченный человечек в необычной позе. Он стоял на коленях, сильно наклонившись вперед, упираясь тонкими руками в пьедестал. Меня поразило его лицо. С оскаленным кривоватым ртом, с тупым курносым носом, оно странно и дико глядело на нас выпуклыми белыми, видимо покрытыми эмалью, глазами. Лицо это было выполнено удивительно реалистично — измученное, тоскливое, с упавшей на лоб жалкой прядью прямых волос. На голой спине человечка громадными буграми выдавались угловатые лопатки, колени были острые, а на руках торчали всего по три скрюченных когтистых пальца.

— Божок какой-то, — вполголоса сказал Строкулев. — Тяжелый. Золото, как ты думаешь?

Я поставил статуэтку на стол.

— Не похоже. Возможно, платина...

Мы уложили незнакомца, закутали его в одеяло, попробовали напоить горячим молоком — он не разжал губ. Тогда мы напились сами, придвинули табуретки и сели рядом. Хозяйка, не говоря ни слова, не раздеваясь, легла на тюфячок.

Так мы сидели часа два или два с половиной, клевали носом и время от времени выходили на цыпочках в сени покурить. Незнакомец лежал неподвижно с закрытыми глазами и тяжело и часто дышал. Только один раз он вдруг крикнул:

— Не бойтесь! Это вертолет!

Я кое о чем подумал тогда, но Строкулеву не сказал. В самом деле, где это видано, чтобы вертолеты пикировали, как заправские бомбардировщики?

Хозяйка ворочалась на своем тюфячке и тоже, кажется, не спала. Божок стоял на столе, отливая странной зеленью, обрав к нам свое измученное белоглазое лицо.

Под утро, когда небо в окнах стало светлеть, на дворе послышалось фыркание мотора. В дверь постучали, вошел майор Перышкин, знакомый врач подполковник Колесников и особоуполномоченный капитан Васильев, маленький, сухой, с быстрыми глазами. Мы встали. Подполковник и капитан Васильев молча поздоровались с нами, сели у кровати и оглянулись на Перышкина. Тот поманил нас.

— Едем. Наше дело сделано.

Вот и все. Человек в сетчатой майке вместе с удивительным божком исчез из нашей жизни так же внезапно, как и появился. Днем, когда мы еще спали (начальник штаба разрешил нам отдохнуть до обеда), вездеход с незнакомцем, врачом и особоуполномоченным проехал через городок и свернул на шоссе, ведущее в Павлодемыанск. Мы пытались осторожно навести справки у командования, но никто не мог сообщить нам ничего определенного. Виктор Строкулев так надоед началнику штаба своими расспросами, что тот пригрозил немедленно назначить его в комиссию по снятию остатков на продовольственном складе. Витька терпеть не мог снимать остатки и расспросы прекратил. Так и остались мы, свидетели необыкновенного случая у подножия Адаирской сопки, со своим неутоленным любопытством, неясным ощущением чего-то таинственного и подавляющего воображение, с богатейшими возможностями для всякого рода фантастических догадок.

Тайна, тайна... Сколько предположений было высказано вечерами за преферансом, за книгами и схемами, за шахматами и чаем! Вот мы сидим у Гинзбурга. Коля и майор Перышкин разыг-

рывают труднейший дебют, я покуриваю и читаю потрепанную книжку, уютно устроившись перед огнем в печке. Строкулев задумчиво перебирает гитарные струны, развалившись на кровати. Тихо. За окном воет декабрьская вьюга. И вдруг Коля поднимает голову и говорит:

— Слушайте, а может быть, он с другой планеты?

Мы обдумываем это предположение, затем Строкулев вздыхает и снова трогает струны, а майор ворчит:

— Чепуха! Ходи, твой ход...

Но не хочется верить, что мы так никогда и не узнаем о том, что произошло в вечернем тумане...

2. ПРИШЕЛЬЦЫ

РАССКАЗ УЧАСТНИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «АПИДА» К. Н. СЕРГЕЕВА

Недавно в одном из научно-популярных журналов появился пространный очерк о необычайных событиях, имевших место в июле—августе прошлого года в окрестностях Сталинабада. К сожалению, авторы очерка, по-видимому, пользовались информацией из вторых и третьих рук, причем рук недобросовестных, и поневоле представили суть и обстоятельства дела совершенно неправильно. Рассуждения о «телемеханических диверсантах» и «кремнийорганических чудовищах», равно как и противоречивые свидетельства «очевидцев» о пылающих горах и пожранных целиком коровах и грузовиках, не выдерживают никакой критики. Факты были гораздо проще и в то же время много сложнее этих выдумок.

Когда стало ясно, что официальный отчет Сталинабадской комиссии появится в печати очень не скоро, профессор Никитин предложил опубликовать правду о Пришельцах мне, одному из немногих настоящих очевидцев. «Изложите то, что видели собственными глазами,— сказал он.— Изложите свои впечатления. Так, как излагали для комиссии. Можете пользоваться и нашими материалами. Хотя лучше будет, если ограничитесь своими впечатлениями. И еще — не забудьте дневник Лозовского. Это ваше право».

Приступая к рассказу, я предупреждаю, что буду всеми силами придерживаться указаний профессора — стараться передавать только свои впечатления — и стану излагать события, как они происходили с нашей точки зрения, с точки зрения археологической группы, занятой раскопками так называемого замка Апида в пятидесяти километрах к юго-востоку от Пенджикента.

Группа состояла из шести человек. В ней были три археолога: начальник группы, он же «пан шеф», Борис Янович Лозовский, мой старинный друг таджик Джамиль Каримов и я. Кроме нас в группе было двое рабочих, местных жителей, и шофер Коля.

Замок Апида представляет собой холм метров в тридцать вышиной, стоящий в узкой долине, стиснутой горами. По долине протекает неширокая река, очень чистая и холодная, забитая круглыми гладкими камнями. Вдоль реки проходит дорога на Пенджикентский оазис.

На верхушке холма мы копали жилища древних таджиков. У подножия был разбит лагерь: две черные палатки и малиновый флаг с изображением согдийской монеты (круг с квадратной дырой посередине). Таджикский замок III века нашей эры не имел ничего общего с зубчатыми стенами и подъемными мостами феодальных замков Европы. В раскопанном виде это две-три ровные площадки, окаймленные по квадрату двухвершковой оградой. Фактически от замка остался только пол. Здесь можно найти горелое дерево, обломки глиняных сосудов и вполне современных скорпионов, полных самых ядовитых намерений, а если повезет — старую, позеленевшую монету.

В распоряжении группы была машина — старенький «ГАЗ-51», на котором в целях археологической разведки мы совершали далекие рейсы по ужасным горным дорогам. Накануне того дня, когда появились Пришельцы, Лозовский на этой машине уехал в Пенджикент за продуктами, и мы ждали его возвращения утром 14 августа. Машина не вернулась, начав своим исчезновением цепь удивительных и непонятных происшествий.

Я сидел в палатке и курил, дожидаясь, пока промоются черепки, уложенные в таз и погруженные в реку. Солнце висело, казалось, прямо в зените, хотя было уже три часа пополудни. Джамиль работал на верхушке холма — там крутилась под ветром лёссовая

пыль и виднелись белые войлочные шляпы рабочих. Шипел примус, варилась гречневая каша. Было душно, знойно и пыльно. Я курил и придумывал причины, по которым Лозовский мог задержаться в Пенджикенте и опаздывать вот уже на шесть часов. У нас кончался керосин, осталось всего две банки консервов и полпачки чая. Было бы очень неприятно, если бы Лозовский не приехал сегодня. Придумав очередную причину (Лозовский решил позвонить в Москву), я встал, потянулся и впервые увидел Пришельца.

Он неподвижно стоял перед входом в палатку, матово-черный, ростом с большую собаку, похожий на громадного паука. У него было круглое, плоское, как часы «молния», тело и суставчатые ноги. Более подробно описать его я не могу. Я был слишком ошеломлен и озадачен. Через секунду он качнулся и двинулся прямо на меня. Я остолбенело глядел, как он медленно переступает ногами, оставляя в пыли дырчатые следы, — уродливый силуэт на фоне освещенной солнцем желтой осыпающейся глины.

Учтите, я и понятия не имел, что это Пришелец. Для меня это было какое-то неизвестное животное, и оно приближалось ко мне, странно выворачивая ноги, немое и безглазое. Я попятился. В то же мгновение раздался негромкий щелчок, и внезапно вспыхнул ослепительный свет, такой яркий, что я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, то сквозь красные расплывающиеся пятна увидел его на шаг ближе, уже в тени палатки. «Господи!..» — пробормотал я. Он стоял над нашим продовольственным ящиком и, кажется, копался в нем двумя передними ногами. Блеснула на солнце и сразу куда-то исчезла консервная банка. Затем «паук» боком отодвинулся в сторону и скрылся из виду. Сейчас же смолкло гудение примуса, послышался металлический звон.

Не знаю, что бы сделал на моем месте здравомыслящий человек. Я не мог рассуждать здраво. Помню, я заорал во все горло, то ли желая напугать «паука», то ли чтобы подбодрить себя, выскочил из палатки, отбежал на несколько шагов и остановился, задыхаясь. Ничего не изменилось. Вокруг дремали горы, залитые солнцем, река шумела расплавленным серебром, и на верхушке холма торчали белые войлочные шляпы. И тут я снова увидел Пришельца. Он быстро неся по склону, огибая холм, легко и бесшумно, словно скользя по воздуху. Ног его почти не было за-

метно, но я отчетливо видел странную резкую тень, бегущую рядом с ним по жесткой серой траве. Потом он исчез.

Меня укусил слепень, я хлопнул его мокрым полотенцем, которое, оказывается, держал в руке. С вершины холма донеслись крики — Джамил с рабочими спускался вниз и давал мне знак снимать с примуса кашу и ставить чайник. Они ничего не подозревали и были поражены, когда я встретил их странной фразой: «Паук унес примус и консервы...» Джамил потом говорил, что это было страшно. Я сидел у палатки и стряхивал папиросный пепел в кастрюлю с кашей. Глаза у меня были белые, я то и дело испуганно оглядывался по сторонам. Видя, что мой старинный друг принимает меня за сумасшедшего, я принялся торопливо и сбивчиво излагать ему суть события, чем окончательно укрепил его в этом мнении. Рабочие из всего происходящего сделали единственный вывод: чая нет и не будет. Разочарованные, они молча поели остывшей каши и уселись в своей палатке играть в биштокутар¹. Джамил тоже поел, мы закурили, и он выслушал меня снова в более спокойной обстановке. Подумав, он объявил, что все это мне почудилось после несильного солнечного удара. Я немедленно возразил: во-первых, на солнце я выходил только в шляпе, а во-вторых, куда девались примус и банка консервов? Джамил сказал, что я мог в беспамятстве побросать все исчезнувшие предметы в реку. Я обиделся, но мы все-таки встали и, зайдя по колену в прозрачную воду, принялись шарить руками по дну. Я нашел Джамилу часы, пропавшие неделю назад, после чего мы вернулись, и Джамил снова стал думать. А не почувствовал ли я странного запаха, спросил вдруг он. Нет, ответил я, запаха, кажется, не было. А не заметил ли я у паука крыльев? Нет, крыльев у паука я не заметил. А помню ли я, какое сегодня число и день недели? Я разозлился и сказал, что число сегодня, по всей вероятности, четырнадцатое, а день недели я не помню, но это ничего не значит, так как сам Джамил несомненно не помнит ни того ни другого. Джамил признался, что он действительно помнит только год и месяц и что мы сидим черт знает в какой глуши, где нет ни календарей, ни газет.

¹ Биштокута́р — таджикская карточная игра.

Затем мы осмотрели местность. Следов, если не считать полузатоптанных ямок у входа в палатку, нам обнаружить не удалось. Зато выяснилось, что «паук» утащил кроме примуса и консервов мой дневник, коробку карандашей и пакет с самыми ценными археологическими находками.

— Вот скотина! — произнес Джамил растерянно.

Наступил вечер. По долине пополз слоистый белый туман, над хребтом загорелось созвездие Скорпиона, похожее на трехпалую лапу, пахнуло холодным ночным ветром. Рабочие скоро заснули, а мы лежали на раскладушках и обдумывали события, наполняя палатку облаками вонючего дыма дешевых сигарет. После долгого молчания Джамил робко осведомился, не разыгрываю ли я его, а затем торопливо сказал, что, по его мнению, между появлением «паука» и опозданием Лозовского может быть какая-то связь. Я и сам думал об этом, но не ответил. Тогда он еще раз перечислил пропавшие предметы и высказал чудовищное предположение, что «паук» был искусно переодетым вором.

Я задремал.

Меня разбудил странный звук, похожий на гул мощных авиационных моторов. Некоторое время я лежал прислушиваясь. Почему-то мне стало не по себе. Может быть, потому, что за месяц работы здесь я не видел еще ни одного самолета. Я встал и выглянул из палатки. Была глубокая ночь, часы показывали половину второго. Небо было усеяно острыми ледяными звездами, от горных вершин остались только мрачные, глубокие тени. Потом на склоне горы напротив появилось яркое пятно света, поползло вниз, погасло и снова возникло, но уже гораздо правее.

Гул усилился.

— Что это? — встревоженно спросил Джамил, протискиваясь наружу.

Гудело где-то совсем близко, и вдруг ослепительный бело-голубой свет озарил вершину нашего холма. Холм казался сверкающей ледяной вершиной. Это продолжалось несколько секунд. Затем свет погас, и гудение смолкло. Черная тьма и тишина упали, как молния, на наш лагерь. Из палатки рабочих донеслись испуганные голоса. Невидимый Джамил закричал что-то по-таджикски, послышался шум торопливых шагов по крупной гальке. Снова раздался могучий рев, поднялся над долиной и, быстро за-

тихая, погас где-то вдаль. Мне показалось, что я увидел темное продолговатое тело, скользнувшее между звездами в направлении на юго-восток.

Подошел Джамил с рабочими. Мы уселись в кружок и долго сидели молча, курили и напряженно прислушивались к каждому звуку. Честно говоря, я боялся всего — «пауков», непроглядной темноты безлунной ночи, таинственных шорохов, которые мерещились сквозь шум реки. Думаю, впрочем, что остальные испытывали то же самое.

Джамил шепотом сказал, что мы несомненно находимся в самом центре каких-то событий. Я не возражал. Наконец все мы озябли и разошлись по палаткам.

— Ну, как там насчет солнечного удара и переодетых воров? — осведомился я.

Джамил промолчал и только через несколько минут спросил:

— Что, если они придут снова?

— Не знаю, — ответил я.

Но они не пришли.

На другой день мы поднялись на раскоп и обнаружили, что не осталось ни одного черепка из найденных накануне: вся керамика исчезла. Ровные площадки пола в раскопанных помещениях оказались покрытыми дырчатыми следами. Холм выброшенной земли осел и расплющился, словно по нему прошел асфальтовый каток. Стена была разрушена в двух местах. Джамил кусал губы и значительно поглядывал на меня. Рабочие переговаривались вполголоса, жались поближе к нам. Им было страшно, да и нам тоже.

Машина с Лозовским все еще не пришла. На завтрак мы жевали слегка заплесневелый хлеб и пили холодную воду. Когда с хлебом было покончено, рабочие, выразив пожелание, чтобы «такой дела к черту пошла», взяли кетмени и полезли наверх, а я, посоветовавшись с Джамилом, надвинул поглубже шляпу и решительно двинулся по дороге в Пенджикент, рассчитывая поймать попутную машину.

Первые несколько километров я прошел без происшествий и два раза даже присаживался передохнуть и покурить. Стены ущелья сдвигались и расходились, пылил ветер по извилистой дороге, шумела река. Несколько раз я видел стада коз, пасущихся коров,

но людей не было. До ближайшего населенного пункта оставалось еще километров десять, когда в воздухе появился Черный Вертолет. Он шел низко вдоль дороги, с глухим гулом пронесся над моей головой и исчез за поворотом ущелья, оставив за собой струю горячего ветра. Он не был зеленым, как наши военные вертолеты, или серебристым, как транспортно-пассажирские. Он казался матово-черным и тускло отсвечивал на солнце, как ствол ружья. Цвет его, непривычная форма и мощное глухое гудение — все это сразу напомнило мне о событиях минувшей ночи, о «пауках», и мне снова стало страшно.

Я ускорил шаги, потом побежал. За поворотом я увидел машину «ГАЗ-69», возле нее стояли трое и смотрели в уже пустое небо. Я испугался, что они сейчас уедут, закричал и побежал изо всех сил. Они обернулись, потом один из них лег на землю и полез под машину. Остальные двое, широкоплечие бородатые парни, видимо геологи, продолжали смотреть на меня.

— Возьмете до Пенджикента? — крикнул я.

Они продолжали молча и сосредоточенно разглядывать меня, и я подумал, что они не расслышали вопроса.

— Здравствуйте, — сказал я, подходя. — Салам алейкум...

Тот, что был повыше, молча отвернулся и залез в машину. Низенький отозвался очень хмуро: «Привет», — и снова уставился в небо. Я тоже взглянул вверх. Там ничего не было, кроме большого неподвижного коршуна.

— Вы не в Пенджикент? — спросил я, кашлянув.

— А ты кто такой? — спросил низенький.

Высокий встал, перегнулся через сиденье, и я увидел на его широком поясе пистолет в кобуре.

— Я археолог. Мы копаем замок Апида.

— Что копаете? — переспросил низенький значительно вежливее.

— Замок Апида.

— Это где?

Я объяснил.

— Зачем вам в Пенджикент?

Я рассказал про Лозовского и про положение в лагере. Про «паука» и про ночную тревогу умолчал.

— Я знаю Лозовского,— сказал вдруг высокий. Он сидел, перекинув ноги через борт, и раскуривал трубку.— Я знаю Лозовского. Борис Янович?

Я кивнул.

— Хороший человек. Мы бы вас взяли, конечно, товарищ, но сами видите — загораем. Шофер начудил.

— Георгий Палыч,— раздался из-под машины укоризненный голос,— дык ведь поворотный вал...

— Трепло ты, Петренко,— сказал высокий лениво.— Выгоню я тебя. Выгоню и денег не заплачу...

— Георгий Палыч...

— Вот он, вот он опять!..— сказал низенький.

Черный Вертолет вынырнул из-за склона и стремительно пошел вдоль дороги прямо на нас.

— Черт знает, что это за машина! — проворчал низенький.

Вертолет взмыл к небу и повис высоко над нашими головами. Мне это очень не понравилось, и я уже раскрыл рот, чтобы заявить об этом, как вдруг высокий произнес сдавленным голосом: «Он спускается!» — и полез из машины. Вертолет падал вниз, в брюхе его открылась зловещая круглая дыра, и он спускался все ниже и ниже, прямо на нас.

— Петренко, вылазь к чертовой матери! — заорал высокий и бросился в сторону, схватив меня за рукав.

Я побежал, низенький геолог тоже. Он что-то кричал, широко разева рот, но рев моторов вдруг покрыл все другие звуки. Я очутился в дорожном кювете, с глазами, забитыми пылью, и успел увидеть только, что Петренко на четвереньках бежит к нам, а Черный Вертолет опустился на дорогу. Смерч, поднятый могучими винтами, сорвал с меня шляпу и окутал все вокруг желтым облаком пыли. Потом вспыхнул все тот же ослепительный белый свет, затмивший блеск солнца, и я вскрикнул от боли в глазах. Когда улеглась пыль, мы увидели пустую дорогу. Машина «ГАЗ-69» исчезла. Черное тело вертолета уходило ввысь вдоль ущелья...

...Больше я не видел ни Пришельцев, ни их воздушных кораблей. Джамил и рабочие видели один вертолет в тот же самый день и еще два — 16 августа. Они прошли на небольшой высоте, и тоже вдоль дороги.

Дальнейшие мои приключения связаны с Пришельцами только косвенно. Вместе с обворованными геологами я кое-как добрался до Пенджикента на попутных машинах. Высокий геолог всю дорогу глядел на небо, а низенький ругался и повторял, что если это «шуточки парней из авиаклуба», то он на них управу найдет. Шофер Петренко был совершенно сбит с толку. Он несколько раз порывался объяснить что-то про поворотный вал, но его никто не слушал.

В Пенджикенте мне сказали, что Лозовский выехал еще утром 14-го, а шофер нашей группы Коля вернулся в тот же день вечером без Лозовского и его держат в милиции, потому что он, по-видимому, угробил машину и Лозовского, но не хочет говорить, где и как, и в оправдание несет несусветную чушь о воздушном нападении.

Я помчался в милицию. Коля сидел у дежурного на деревянной скамье и тяжело переживал людскую несправедливость. По его словам, километрах в сорока от Пенджикента «пан шеф» отправился осмотреть какое-то тепе¹ в стороне от дороги. Через двадцать минут прилетел вертолет и утащил машину. Коля бежал за ним без малого километр, не догнал и пошел искать Лозовского. Но Лозовский тоже пропал неизвестно куда. Тогда Коля вернулся в Пенджикент и честь по чести доложил обо всем, а теперь пожалте... «Будет врать-то!» — сердито сказал дежурный, но в эту минуту в милицию ввалились два моих геолога и Петренко. Они принесли заявление о пропаже машины и сухо осведомились, на чье имя нужно подать жалобу на воздушное хулиганство. Через полчаса Колю выпустили.

Замечу, между прочим, что Колины злоключения на этом не кончились. Пенджикентская прокуратура завела «Дело об исчезновении и предполагаемом убийстве гр-на Лозовского», по которому Коля был привлечен в качестве подозреваемого, а Джамил, рабочие и я — как свидетели. Это «дело» прекратили только после приезда комиссии во главе с профессором Никитиным. Рассказывать об этом я не хочу и не стану, потому что я пишу о Пришельцах, а тогда каждый день приносил о них новые данные. Но

¹ Тепе — холм, образовавшийся на месте древнего поселения.

самые интересные данные оставил наш начальник, он же «пан шеф», Борис Янович Лозовский.

Мы долго терялись в догадках, силясь понять, откуда взялись и что собой представляют Пришельцы. Мнения были самые противоречивые, и все стало ясно только после того, как в середине сентября были обнаружены посадочная площадка Пришельцев и дневник Бориса Яновича. Ее нашли пограничники, проследив по показаниям очевидцев несколько трасс Черных Вертолетов. Площадка лежала в котловине, сжатой горами, в пятнадцати километрах к западу от замка Апида и представляла собой гладкую укатанную поверхность, заваленную по краям оплавленными глыбами камня. Ее диаметр составлял около двухсот метров, почва во многих местах казалась обгоревшей, растительность — трава, колючки, два тутовых деревца — обуглилась. На площадке нашли один из похищенных автомобилей («ГАЗ-69»), смазанный, помытый, но без горючего, несколько предметов из неизвестного материала и неизвестного назначения (переданы на исследование) и — самое главное — дневник археологической группы «Апида» с замечательными собственноручными записями Бориса Яновича Лозовского.

Дневник лежал в машине на заднем сиденье и не пострадал ни от сырости, ни от солнца, только покрылся слоем пыли. Общая тетрадь в коричневой картонной обложке на две трети была заполнена описаниями раскопок замка Апида и отчетами о разведке в его окрестностях, но в конце ее, на двенадцати страницах, изложена короткая повесть, сто́ящая, по моему глубокому убеждению, любого романа и многих научных и философских трудов.

Лозовский писал карандашом, всегда (судя по почерку) топорливо и часто довольно бессвязно. Кое-что из написанного непонятно, но многое проливает свет на некоторые неясные детали событий, и все необычайно интересно, особенно те выводы, которые сделал Лозовский относительно Пришельцев. Тетрадь была передана мне как временно исполняющему обязанности начальника группы «Апида» следователем пенджикентской прокуратуры сразу же после того, как «Дело об исчезновении...» и так далее было прекращено «за отсутствием состава преступления».

Ниже я полностью привожу эти записи, комментируя их в некоторых не совсем понятных местах.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА Б. Я. ЛОЗОВСКОГО

14 августа

(Изображено нечто вроде шляпки мухомора — сильно приплюснутый конус. Рядом для сравнения нарисованы автомобиль и человечек. Подпись: «Космический корабль?» На конусе несколько точек, на них указывают стрелки и написано: «Входы». У вершины конуса надпись: «Сюда грузят». Сбоку: «Высота 15 м, диаметр у основания 40 м».)

Вертолет принес еще одну машину — «ГАЗ-69», номер ЖД 19-19. Пришельцы (это слово впервые употребил именно Лозовский) лазили по ней, разбирали мотор, потом погрузили на корабль. Люки узкие, но машина как-то прошла. Наша машина пока стоит внизу. Я выгрузил все продукты, и они их не трогают. На меня внимания совсем не обращают, даже обидно. Кажется, мог бы уйти, но пока не хочу... (Следует очень скверный рисунок, изображающий, по-видимому, одного из Пришельцев.)

Рисовать не умею. Черное дискообразное тело диаметром около метра. Восемь, у некоторых — десять лап. Лапы длинные и тонкие, похожи на паучьи, с тремя суставами. В суставах выгибаются в любом направлении. Ни глаз, ни ушей не заметно, но несомненно видят и слышат они прекрасно. Передвигаться могут невероятно быстро, словно черные молнии. Бегают по почти отвесному обрыву, как мухи. Замечательно, что у них нет деления тела на переднюю и заднюю части. Я наблюдал, как один из них на бегу, не останавливаясь и не поворачиваясь, помчался вдруг вбок и затем назад. Когда пробегают близко от меня, я чувствую легкий свежий запах, похожий на запах озона. Стрекогут, как цикады. Живое разумное... (фраза не окончена).

Вертолет принес корову. Толстая, пегая и очень глупая буренка. Едва оказалась на земле, как принялась щипать обгоре-

лые колючки. Вокруг нее собрались шесть Пришельцев, стрекотали, время от времени вспыхивали. Поразительная сила — один ухватил корову за ноги и легко перевернул на спину. Корову погрузили. Бедная буренка! Запасаются продовольствием?

Пробовал завести разговор, подошел к ним вплотную. Не обращают внимания.

Вертолет принес стог сена и погрузил на корабль...

Не менее девяти Пришельцев и три вертолета...

Все-таки следят. Отошел за камни. Один Пришелец пошел за мной, стрекотал, затем отстал...

Несомненно, это космический корабль. Я сидел в тени обрыва, и вдруг Пришельцы побежали от корабля в разные стороны. Тогда корабль вдруг поднялся на несколько метров в воздух и снова опустился. Легко, как пушинка. Ни шума, ни огня, никаких признаков работы двигателей. Только камни хрустнули...

У одного, оказывается, есть глаза — пять блестящих пуговок на краю тела. Они разноцветные: слева направо — голубовато-зеленый, синий, фиолетовый и два черных. Впрочем, может быть, это и не глаза, потому что большей частью они направлены не туда, куда движется их хозяин. В сумерках глаза светятся.

15 августа

Ночью почти не спал. Прилетали и улетали вертолеты, бежали и стрекотали Пришельцы. И все это в полной темноте. Только иногда яркие вспышки... Четвертая машина, опять «ГАЗ-69» ЖД 73-98. И опять без шофера. Почему? Выбирают момент, когда шофер отходит?..

Пришелец ловил ящериц — очень ловко. Бегал на трех лапах, остальными хватал сразу по две, по три штуки...

Да, я мог бы уйти, если бы захотел. Только что вернулся с кромки обрыва. Оттуда рукой подать до Пенджикентского тракта, не более трех часов хода. Но я не уйду. Надо посмотреть, чем все кончится...

Погрузили целую отару овец — штук десять — и огромное количество сена. Уже успели узнать, чем питаются овцы. Умные твари! Очевидно, хотят довести коров и овец живьем или запа-

саются продовольствием. И все-таки непонятно, почему они так явно и упорно игнорируют людей. Или люди для них менее интересны, чем коровы? Нашу машину тоже погрузили.

...тоже понимают? Что, если мне полететь с ними? Попытаться договориться или тайком проникнуть в корабль. Не позволяют?..

...Два винта, иногда четыре. Число лопастей сосчитать не удалось. Длина кузова — метров восемь. Все из матового черного материала, без заметных швов. По-моему, не металл. Что-нибудь вроде пластмассы. Как попасть внутрь, не понимаю. Никаких люков не видно... (Это, вероятно, описание вертолетов.)

По-видимому, я — единственный человек, оказавшийся в таких обстоятельствах. Очень страшно. Но как же иначе? Надо, надо лететь, просто необходимо...

Опять на верхушке корабля появились ежи. (Непонятно. О «ежах» Лозовский больше нигде не упоминает.) Покрутились, вспыхнули и исчезли. Сильный запах озона...

Прилетел вертолет, в бортах — вмятины величиной с кулак. Сел, сложился (?), и сейчас же в стороне над горами прошли два наших реактивных истребителя. Что произошло?..

Пришельцы продолжают бегать как ни в чем не бывало. Если было столкновение... (Не окончено.)

...теоретически... (Неразборчивая фраза.) должен объяснить. Они, видимо, не понимают. Или считают ниже своего достоинства...

Поразительно! До сих пор не могу прийти в себя от изумления. Это машины?! Только что в двух шагах от меня двое Пришельцев разбирали третьего! Глазам не поверил. Необычайно сложное устройство, не знаю даже, как и описать. Жаль, что я не инженер. Впрочем, скорее всего, это не помогло бы. Сняли спинной панцирь, под ним звездообразный... (Не окончено.) Под брюхом резервуар, довольно вместительный, но как они туда складывают различные предметы, непонятно. Машины!..

Собрали, оставили только четыре лапы, зато приделали что-то вроде громадной клешни. Как только сборка была окончена, «новорожденный» вскочил и убежал в корабль...

Большая часть тела занята звездообразным предметом из белого материала, похожего на пемзу или на губку...

Кто же Хозяева этих машин? Может быть, Пришельцами управляют изнутри корабля?..

Разумные машины? Чепуха! Кибернетика или телеуправление? Чудеса какие-то. И кто может помешать Хозяевам выйти наружу?..

Понимают разницу между людьми и животными. Поэтому людей не берут. Гуманно. Меня, вероятно, подобрали по ошибке... Жена не простит...

...никогда, никогда не увижу — это страшно. Но я человек!..

Очень мало шансов остаться в живых. Голод, холод, космическое излучение, миллион других случайностей. Корабль явно не приспособлен для перевозки «зайцев». В общем, один шанс на сто. Но я не имею права упускать этот шанс. Связаться необходимо!

Ночь, двенадцать часов. Пишу при фонарике. Когда зажег, один из Пришельцев подбежал, вспыхнул и убежал. Весь вечер Пришельцы строили какое-то сооружение, похожее на башню. Сначала из трех люков вытянулись широкие трапы. Думал, наконец-то выйдут те, кто управляет этими машинами. Но по трапам спустили множество деталей и металлических (?) полос. Шестеро Пришельцев принялись за работу. Того, с клешней, среди них не было. Я долго следил за ними. Все движения абсолютно точны и уверенны. Башню построили за четыре часа. Как согласованно они работают! Сейчас ничего не видно — темно, но я слышу, как Пришельцы бегают по площадке. Они свободно обходятся без света, работа не прекращается ни на минуту. Вертолеты все время в полете...

Предположим я... (Не окончено.)

16 августа, 16 часов

...Тому, кто найдет эту тетрадь. Прошу переслать ее по адресу: Ленинград, Государственный Эрмитаж, отд. Средняя Азия.

Четырнадцатого августа в девять часов утра меня, Бориса Яновича Лозовского, похитил Черный Вертолет и доставил сюда,

в лагерь Пришельцев. До сегодняшнего дня я по мере возможности вел запись своих наблюдений... (несколько строк неразборчиво) и четыре автомашины. Основные выводы. 1) Это Пришельцы извне, гости с Марса, Венеры или какой-либо другой планеты. 2) Пришельцы представляют собой необычайно сложные и тонкие механизмы, и их космический корабль управляется автоматически.

Пришельцы рассмотрели меня, раздели и, по-моему, сфотографировали. Вреда они мне не причинили и в дальнейшем особого внимания на меня не обращали. Мне была предоставлена полная свобода...

Корабль готовится, по всей видимости, к отлету, так как утром на моих глазах были разобраны все три Черных Вертолета и пять Пришельцев. Мои продукты погружены. На площадке остались только несколько деталей от башни и один «ГАЗ-69». Два Пришельца еще копошатся под кораблем и два бродят где-то неподалеку. Я иногда вижу их на склоне горы...

Я, Борис Янович Лозовский, решил проникнуть в корабль Пришельцев и лететь с ними. Я все продумал. Продуктов мне хватит по крайней мере на месяц, что будет потом — не знаю, но я должен лететь. Я рассчитываю, проникнув в корабль, найти коров и овец и остаться с ними. Во-первых, веселей, во-вторых, запас мяса на черный день. Не знаю, как насчет воды. Впрочем, у меня есть нож, и при нужде я воспользуюсь кровью... (Зачеркнуто.) Если останусь жив — а в этом я почти не сомневаюсь, — то приложу все усилия к тому, чтобы связаться с Землей и вернуться обратно с Хозяевами Пришельцев. Думаю, мне удастся договориться с ними...

Лозовской Марии Ивановне. Дорогая, любимая Машенька! Я очень надеюсь, что эти строки дойдут до тебя, когда все уже будет хорошо. Но если случится худшее, не осуждай меня. Я не мог поступить иначе. Помни только, что я всегда любил тебя, и прости. Поцелуй нашего Гришку. Когда он вырастет, расскажешь ему обо мне. Ведь я вовсе не такой уж плохой человек, чтобы моему сыну нельзя было гордиться своим отцом. Как ты думаешь? Вот и все. Только что один из Пришельцев, бегавших по обрыву, вернулся в корабль. Иду. Прощай. Целую, твой всегда Борис...

Пока я писал, Пришельцы втянули два трапа. Остался один. Надо... (Целый неразборчивый абзац; такое впечатление, словно Лозовский писал не глядя.) Пора идти. Но хорош я буду, если меня не пустят! Я должен прорваться! Вот еще один спустился со скалы и полез внутрь. Двое еще сидят под кораблем. Ну, Лозовский, марш! Страшновато. Впрочем, ерунда. Это машины, а я ведь человек...

На этом месте записи обрываются. Больше Лозовский к машине не возвращался. Не возвращался потому, что корабль взлетел. Скептики говорят о несчастье, но на то они и скептики. Я с самого начала был искренне и глубоко уверен, что наш славный «пан шеф» жив и видит то, что нам не дано видеть даже во сне.

Он вернется, и я завидую ему. Я всегда буду завидовать ему, даже если он не вернется. Это самый смелый человек, которого я знаю.

Да, далеко не всякий оказался бы способен на такой поступок. Я спрашивал об этом многих. Некоторые честно говорили: «Нет. Страшно». Большинство говорит: «Не знаю. Все, видите ли, зависит от конкретных обстоятельств». Я бы не решился. Я видел «паука», и даже теперь, когда я знаю, что это всего лишь машина, он не вызывает во мне доверия. И эти зловещие Черные Вертолеты... Представьте себя в недрах чужого космического корабля, окруженным мертвыми механизмами, представьте себя летящим в ледяной пустоте — без надежд, без уверенности, — летящим дни, месяцы, может быть, годы, представьте все это, и вы поймете, что я имею в виду.

Вот, собственно, и все. Несколько слов о дальнейших событиях. В середине сентября из Москвы прибыла комиссия профессора Никитина, и всех нас — меня, Джамила, шофера Колю, рабочих — заставили исписать уйму бумаги и дать ответы на тысячи вопросов.

Мы занимались этим около недели, затем вернулись в Ленинград.

Возможно, скептики правы и мы никогда не узнаем о природе наших гостей извне, об устройстве их звездолета, об удивительных механизмах, которые они послали к нам на Землю, а глав-

ное — о причине их неожиданного визита, но что бы ни утверждали скептики, я думаю, Пришельцы вернутся. Борис Янович Лозовский будет первым переводчиком. Ему придется в совершенстве изучить язык далеких соседей: только он сможет объяснить им, каким образом на Земле весьма совершенные автомобили высокой проходимости очутились рядом с черепками глиняных кувшинов шестнадцативековой давности.

3. НА БОРТУ «ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА»

РАССКАЗ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «АПИДА»
Б. Я. ЛОЗОВСКОГО

Почему я пошел на это? Сложный вопрос. Сейчас мне трудно разобраться в своих тогдашних мыслях и переживаниях. Кажется, я просто чувствовал, что должен лететь, не могу не лететь, вот и все. Словно я был единственным звеном, которое связывало наше земное человечество с Хозяевами Пришельцев. Хозяева легкомысленно доверились своим безмозглым машинам, и я был обязан исправить их оплошность. Что-то вроде этого. И, разумеется, огромное любопытство.

Я отчетливо сознавал, что у меня всего один шанс на тысячу, может быть, на миллион. Что, скорее всего, я навсегда потеряю жену и сынишку, друзей, любимую работу, потеряю свою Землю. Особенно тяжело мне было при мысли о жене. Но ощущение грандиозности задачи... Не знаю, понятно ли вам, что я хочу сказать. Этот маленький единственный шанс заполнил мое воображение, он открывал невиданные, ослепительные перспективы. И я никогда не простил бы себе, если бы ограничился тем, что с разинутым ртом проводил глазами взлетающий звездолет другого мира. Это было бы предательством. Предательством по отношению к Земле, к науке, ко всему, во что я верил, для чего жил, к чему шел всю жизнь. Думаю, каждый на моем месте чувствовал бы то же самое. И все же — как трудно было решиться!

Как вы уже знаете, последнюю запись я сделал утром 16 августа. Было ясно, что Пришельцы не собираются грузить последнюю машину, вероятно, потому, что один такой «газик» уже был погружен. Я положил дневник на заднее сиденье, бросил карандаш и огляделся. На площадке было пусто, только под громадным тускло-серым конусом звездолета еще копошились двое Пришельцев. Вокруг поднимались красноватые и желтые скалы, над головой сияло яркое голубое небо, такое яркое и голубое, какого я не видел никогда в жизни. Но надо было собираться. Неподалеку из расщелины вытекал родничок чистой холодной воды, я наполнил флягу и сунул ее за пазуху. В моем распоряжении была эта фляга, две банки рыбных консервов и карманный фонарик с запасной батареей. Немного... Но я рассчитывал сразу же отыскать в звездолете помещение, отведенное для овец и коров, и отсидеться там. Поскольку корма для скота Пришельцы взяли не очень много, я предполагал быть на другой планете не позже чем через неделю. Как я ошибся! Но об этом после.

Когда я подошел к трапу, Пришельцы, возившиеся с чем-то под днищем корабля, замерли и уставились на меня. По крайней мере, так мне показалось. Это их обычная манера — прекращать работу, когда к ним приблизишься, и замирать в самых нелепых позах. Зрелище, мягко выражаясь, не совсем обычное, я так и не сумел привыкнуть к нему. Я тоже остановился и тоже уставился. Я решил, что они угадали мое намерение и оно им не понравилось. Стыдно признаться, но я испытал тогда некоторое облегчение. Слишком горячим и ласковым было утреннее солнце, и слишком чужими — невероятно чужими — выглядели эти черные твари с изломанными ногами. И изрытая, обугленная земля. И зияющая дыра люка в сером незнакомом металле. И широкий упругий трап — настоящая дорога в иной мир...

Однако Пришельцы, наглядевшись, по-видимому, всласть, снова вернулись к своим занятиям, предоставив меня самому себе. Путь был снова открыт, отступление с честью было отрезано.

Помню, я пытался убедить себя, что очень важно вернуться и разыскать свою куртку, которую я сбросил полчаса назад, когда солнце начало припекать. Я стоял, поставив одну ногу на трап, и озираясь по сторонам, ища ее глазами. И чем тщательней я об-

шаривал взглядом каждую рытвину на площадке, тем яснее мне становилось, что куртка — это необходимейший предмет туалета и что знакомиться с Хозяевами Пришельцев без куртки, в грязных фланелевых шароварах и сетчатой майке цвета весеннего снега будет просто неприлично. Черт знает, чем может быть занята голова человека в такой момент! Я стоял, бессмысленно глазел по сторонам и размышлял. Кругом царила тишина, только тихонько позвякивали и стрекотали Пришельцы. Потом перед моим лицом с басовитым жужжанием пролетел слепень, я очнулся и стал карабкаться по трапу, быстро перебирая ногами.

Трап был крутым и сильно пружинил, так что через несколько шагов я почувствовал непреодолимое стремление встать на четвереньки, но почему-то постыдился сделать это. Может быть, потому, что вид у меня — я отлично сознавал это — был и без того нелепый до крайности: обвисшие штаны, оттопырившаяся майка (я засунул консервы и прочий свой скудный скарб за пазуху) и застывшая улыбка на не бритой трое суток физиономии. Впрочем, наблюдать мое восхождение было некому, кроме Пришельцев, а им несомненно было наплевать. Согнувшись в три погибели, приседая на трясущихся от напряжения ногах, я преодолел наконец последние метры трапа и, гремя своим снаряжением, ввалился в люк.

Я оказался в довольно узком коридоре, наклонно уходившем в темноту, в глубь корабля. Рассеянный дневной свет проникал в люк и слабо озарял серые, шероховатые на ощупь стены. Пол, на который я уселся, был холодным и, как мне показалось, слабо вибрировал. Было сумеречно, очень тихо и прохладно.

Я поправил под майкой свою ношу, подтянул ремень на брюках, вытянул шею и выглянул наружу. Ничего не изменилось на площадке. Одинокий «газик», залитый солнечным светом, был похож издали на детскую игрушку. Я подумал, что люк находится гораздо выше, чем это представлялось снизу.

Вдруг я увидел одного из Пришельцев. Неторопливо переступая, он подошел к трапу, остановился, словно прицеливаясь, и вдруг стремительно побежал вверх, прямо на меня. Я прижался к стене коридора, подобрав ноги. От мысли, что он сейчас пройдет совсем рядом, может быть, коснется меня, мне стало не по

себе. Но ничего не случилось. Свет в люке на мгновение померк, меня обдало теплом и странным свежим запахом, похожим на запах озона, и он промчался мимо, даже не задержавшись. Я услышал, как он удалялся в темноте, тихонько стрекоча и дробно постукивая лапами. Тогда я двинулся за ним, твердя себе, что оборачиваться не следует. Я очень боялся, что не выдержу и сбегу. Бегство было бы нестерпимым позором, это я знал твердо, и это меня сдерживало. Сначала я шел согнувшись, но потом решил, что это глупо, и выпрямился, но плечи и затылок уперлись в невидимый потолок, такой же холодный и шероховатый, как стены и пол. Тут я впервые рискнул оглянуться. Далеко позади и почему-то вверху голубел кусочек неба, и мне показалось, что я лежу на дне глубокого колодца. Я достал фонарик, чтобы посмотреть, что делается впереди. Результат обследования меня поразило. Коридор кончился. Прямо передо мной была стена, серая, шершавая, теплая на ощупь и совершенно глухая.

Я испытал нечто вроде разочарования, заметно разбавленного приятным чувством выполненного долга. Мне ужасно захотелось пожать плечами, повернуться и неторопливо двинуться обратно к выходу с выражением благородной горечи на лице, как делает солидный человек, огромным усилием воли заставивший себя зайти с больным зубом в поликлинику и узнавший, что зубной врач сегодня не принимает. Но мне было непонятно, куда девался Пришелец, пробежавший здесь минуту назад. Я еще раз осветил стену и сразу же обнаружил в нижней ее части большое круглое отверстие. Я мог поклясться, что за секунду до этого его не было, но теперь оно было, и я на четвереньках пролез в него, подсвечивая себе фонариком.

Если в коридоре было холодно и темно, как в погребу, то здесь было темно, как в могиле, но гораздо теплее. Я встал на ноги и вдруг почувствовал, что могу выпрямиться во весь рост. Потолок исчез. Свет фонарика тонул во тьме над головой и вырывал из мрака справа и слева какие-то странные нагромождения. Впереди была пустота. Я сделал несколько шагов и принялся осматриваться. Сначала я ничего не мог понять — мне показалось, что вокруг возвышаются огромные штабеля автомобильных покрышек. Похоже было, что я нахожусь на каком-то складе. Я медленно пошел по узкому проходу между штабелями, все время озира-

ясь по сторонам. Только через несколько минут я решился пустить в ход пальцы и ощупал ближайший штабель. Это были Пришельцы! Собственно, не сами паукообразные машины, а только их плоские округлые тела. Они лежали друг на друге, совершенно неподвижные, мало чем напоминающие те стремительные черные механизмы, которые так поражали меня своей подвижностью и энергией. Ног я не видел, должно быть, они были отвинчены или втянуты. Это действительно был обширный, тихий и темный склад. Штабеля тянулись вверх по крайней мере на три-четыре метра. Сверху из темноты неподвижными гроздьями свисали странные острые стержни.

Пока я стоял, озираясь, шаря лучом фонарика, позади послышалось металлическое постукивание. Я повернулся и увидел Пришельца — вероятно, последнего из оставшихся, — который двигался ко мне вдоль прохода. В нескольких шагах от меня он остановился, замер в луче света, затем ловко вскарабкался наверх прямо по стене штабеля и исчез из виду. С минуту что-то шуршало и пощелкивало у меня над головой, потом наступила полная тишина, и я совершенно инстинктивно ощутил, что во всем этом, вероятно, огромном помещении, кроме меня, нет ни одного живого существа.

Странно подумать, но именно тогда я впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким. Я побежал — буквально побежал — обратно и скоро уперся в стену. Я лихорадочно шарил по ней лучом, стараясь отыскать лаз, через который проник сюда, но его не было. На этот раз действительно не было. Я крикнул. Мой голос задрожал в теплом воздухе и погас во тьме. И в то же мгновение пол подо мной качнулся и пошел вверх. Тело налилось нестерпимой тяжестью, я зашатался и сел, а потом лег прямо на жесткий горячий пол.

Все было кончено. Свершилось. Корабль поднимался и уносил меня в неведомое. Насколько я знаю, я был первым человеком, оторвавшимся от Земли и уходящим за пределы атмосферы. Помню, я подумал об этом и испытал странное чувство облегчения оттого, что дальнейшая моя судьба уже не зависит от моей воли. Скоро, однако, мысли мои стали путаться. Мой вес увеличился раза в два (нормально я вешу, кстати, около девяноста кило), и я чувствовал себя очень неважно: мне было жарко и тяжело.

Так продолжалось не менее четверти часа. Я лежал, распластавшись, словно раздавленная лягушка, уткнувшись лицом в ладони, и считал. До ста, до тысячи, сбивался и начинал считать снова. Края консервных банок за пазухой больно впивались в тело, но у меня не было сил сдвинуть их в сторону и устроиться поудобнее.

И вдруг меня подбросило в воздух. Мне показалось, что я падаю, с невероятной скоростью несусь куда-то во мрак, в пустоту. Видимо, корабль стал двигаться без ускорения и наступила невесомость. Когда я понял это, мне стало легко и хорошо, я даже, кажется, рассмеялся про себя. Ведь я был настоящим межпланетным зайцем-путешественником, совсем как в романах, с невесомостью и всем прочим! Но чувство радости быстро прошло. Я висел над полом на высоте двух метров. Вокруг возвышались молчаливые штабеля разобранных машин, черные и бесформенные, колыхалась горячая тьма, а совсем рядом, на расстоянии чуть-чуть больше, чем длина протянутой руки, висел мой фонарик. И я никак не мог дотянуться до него, хотя дергался и извивался так, что мне позавидовал бы любой гимнаст. Фонарик светил мне прямо в лицо, ослепляя, доводя до бешенства. Но я ничего не мог сделать. К тому же у меня началось что-то вроде морской болезни. Вероятно, невесомость противопоказана моему организму так же, как и удвоенная тяжесть.

Меня тошнило, кружилась голова, и в конце концов я принялся браниться и бранился до тех пор, пока не обнаружил, что сижу на полу и фонарик лежит в двух шагах от меня. «Прибыли!» — подумал я. Фонарик горел по-прежнему ярко, значит, с момента старта прошло не больше часа. Даже при моих скудных познаниях из астрономии я не мог предположить, что это займет так мало времени.

Но удивляться и раздумывать было некогда. Тьма вокруг меня пришла в движение. Что-то трещало и стрекотало над моей головой, и, подхватив фонарик, я увидел в его свете фантастическую картину самосборки Пришельцев. Черные машины на глазах обрастали изломанными стержнями лап и стремглав бросались вниз, лязгая металлом о металл. Они одна за другой пронеслись мимо меня, наполняя воздух озоном и горячим ветром, и исчезали во

мраке. Впрочем, их было не так уж много — не больше десятка. Остальные остались лежать молчаливыми, неподвижными штабелями. Снова наступила тишина, откуда-то потянуло резким, неприятным запахом. Тут меня осенила мысль, что атмосфера на чужой планете может оказаться непригодной для дыхания. Но делать было нечего, следовало подумать о предстоящей встрече с Разумом Иного Мира. И если межпланетник из меня явно не получился, то я льстил себя надеждой, что в качестве парламента Земли лицом в грязь не ударю.

Я встал, подтянул брюки, стараясь придать себе по возможности респектабельный вид, и стал ждать появления Хозяев Пришельцев. В том, что они появятся, я не сомневался. Я был настроен бодро и почти торжественно. Ведь я представлял земное человечество, а это не шутка!.. Но проходили минуты, никто не появлялся. Меня по-прежнему окружали мертвая тишина и душный мрак, в нос бил резкий, неприятный запах. Тогда, несколько раздосадованный, я решил отыскать дверь и выйти наружу.

Я шел и шел, светя фонариком то вперед, то себе под ноги, но стены все не было. И вдруг я заметил, что нахожусь уже не на складе Пришельцев, а в широком сводчатом тоннеле. Это меня поразило: я совсем не заметил, когда окончились ряды штабелей. Видимо, я шел не в ту сторону, хотя мне казалось, что Пришельцы пробежали именно сюда и выходной люк должен быть где-то здесь. Возвращаться не имело смысла. Рано или поздно, думал я, Хозяева Пришельцев все равно попадутся мне навстречу. Кроме того, по моим расчетам, я был уже где-то у противоположного борта корабля. Но, только пройдя по тоннелю еще несколько десятков шагов, я наконец обнаружил люк и выбрался наружу, на шершавую покату ю броню.

Я ожидал увидеть небо с незнакомыми созвездиями, огромный пустырь ракетодома, живых людей, встречающих свой звездолет-автомат. Ничего подобного не оказалось. Вокруг была непроглядная тьма, под ногами — теплая шершавая поверхность. Больше ничего не было. Я стал соображать, сопоставлять факты — если всю эту несурязицу называть фактами — и в конце концов пришел к заключению, что нахожусь, скорее всего, в гигантском ангаре для межзвездных кораблей. Правда, такое заключение почти ни-

чего не объясняло, но ведь я не мог знать нравы и обычаи обитателей неведомой планеты. И раз Магомет, по-видимому, не собирается идти к горе, то лучше всего будет, если гора сдвинется с места и побредет искать Магомета.

Я сдвинулся с места и, помогая себе свободной правой рукой (в левой я сжимал фонарик), стал сползать вниз. Как это ни странно, но я больше не испытывал ни страха, ни волнения, ни прежнего острого любопытства — только нетерпеливое и сердитое желание поскорее встретиться с кем-нибудь живым. Удивительное существо — человек! Я словно забыл обо всех испытаниях, о своем фантастическом положении и вел себя совершенно так же, как запоздавший гость, который запутался среди чужих пальто в неосвященной прихожей. Помнится, я даже брюзжал вполголоса, называя негостеприимных хозяев звездолета невежами. Тут ноги мои соскользнули в пустоту, и я упал. Я хорошо помнил, что бока корабля отлоги, сорваться с них невысказанно. Тем не менее я упал, причем упал с изрядной высоты, больно стукнулся пятками и, гремя консервными банками, повалился на бок, инстинктивно подняв руку с драгоценным фонариком. Луч света скользнул по гладкой стене, метнулся вверх и озарил плоское шершавое днище звездолета.

«Что ж, могло быть и хуже», — бодро подумал я поднимаясь.

И вдруг я увидел свет. Он был слабым, едва заметным, но сердце мое запрыгало от радости. Я погасил фонарик и глядел во все глаза, боясь потерять из виду это тусклое зеленоватое пятнышко. Затем осторожно, но быстро пошел на него, время от времени зажигая фонарик, чтобы не провалиться в какую-нибудь яму. К счастью, пол в «ангаре» был ровный и шероховатый, как и в звездолете, и я ни разу не споткнулся и не оступился. Вскоре оказалось, что я иду вдоль высокой, слегка наклонной стены, в которой через каждые десять-пятнадцать метров открывались круглые и квадратные люки. Я заглянул было в один из них, но оттуда торчали лапы Пришельца, и я счел за благо не задерживаться и двинуться дальше с наивозможной поспешностью. И вот световое пятно сделалось ярче и внезапно оказалось под ногами. Свет лился из высокого узкого прохода, прорезающего стену. Я втиснулся в него и остановился в изумлении.

Прямо передо мной был просторный тоннель, освещенный довольно ярко, но необычно. В первую минуту мне показалось, что вдоль стены непрерывными рядами тянутся разноцветные витрины магазинов, как на Невском вечером, — желтые, голубоватые, зеленые, красные... Глубина тоннеля тонула в туманной фосфорической дымке, стены были прозрачны, словно стекло. Впрочем, вряд ли это было стекло. Скорее, какой-нибудь неизвестный металл или пластмасса. За стенами располагались разделенные прозрачными же перегородками камеры размером примерно пятнадцать метров каждая, а в этих камерах...

Это был музей. Точнее, это был исполинский невообразимый зверинец. От первой же камеры я шарахнулся, как младенец от буки. Там, наполовину погруженная в зеленовато-розовую слизь, восседала кошмарная тварь, похожая на помесь жабы и черепахи, величиной с корову. Тяжелая плоская голова ее была повернута ко мне, пасть распахнута, под нижней челюстью судорожно трясся мокрый кожистый мешок. Она была так омерзительна, что меня затошнило. Правда, потом я привык и смотрел на нее без отвращения, только с любопытством.

В камере напротив находилось нечто вообще не поддающееся описанию. Оно заполняло всю камеру — огромное, черное, колышущееся. Пульсирующий студень, покрытый мясистыми шевелящимися отростками, плавающий в густой, плотной атмосфере, которая то вспыхивала неровным сиреневым светом, то гасла, как испорченная неоновая лампа.

И в каждой из камер в этом удивительном тоннеле-зверинце копошилось, ползало, жевало, пульсировало, металось, тарашилось какое-нибудь существо. Там были слоноподобные бронированные тараканы, красные, непомерной длины тысяченожки, глазастые полурыбы-полуптицы ростом с автомобиль, и что-то невероятно расцвеченное, зубастое и крылатое, и что-то вообще неразборчивых форм, погруженное в зеленое полупрозрачное желе, разлитое по полу. В некоторых камерах было темно. Там время от времени вспыхивали разноцветные огоньки, что-то шевелилось. Не знаю, кто там сидел, в этих клетках. Вообразить все это очень трудно, а описать и рассказать — еще труднее, невозможно. Зато вы можете сравнительно легко вообразить себе Бориса Яновича Лозовско-

го, сотрудника Государственного Эрмитажа, археолога, семейного человека, как он, пораженный, озираясь бредет по тоннелю, и блики необыкновенных расцветок падают на его сутулую фигуру в фланелевых штанах и оттопыренной майке, на волосатую физиономию с вытаращенными бегающими глазками...

Тоннель, казалось, был бесконечным. Я насчитал пятьдесят камер, потом перестал считать. Тоннель будто тянулся по спирали, время от времени в стенах справа и слева открывались узкие проходы, заглянув в которые, я видел все те же сплошные ряды то разноцветных, то темных витрин. Иногда пробегал Пришелец, делал передо мной стойку, нелепо задрал лапы, вспыхивал белым светом и удирал прочь, стрекоча и постукивая.

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Ноги мои заплетались, голова разламывалась от боли. Я давно уже хотел пить, но, поскольку овец и коров найти не удалось, решил не прикасаться к своим скудным запасам как можно дольше. Теперь жажда стала нестерпимой. Несомненно, сказывались и жара, и дурной запах, к которому я, правда, как-то привык, и волнения последних нескольких часов.

С момента старта не могло пройти более полусуток, но устал я так, словно не спал по крайней мере несколько ночей подряд. И когда я забрел в «незаселенный» участок тоннеля — это была целая галерея пустых камер, не закрытых прозрачной перегородкой, чистых, сухих и совершенно темных, — то решил остановиться. Для очистки совести я покричал. Мне все еще казалось, что Хозяева меня могут услышать. Но никто не откликнулся, только где-то в тоннеле дробно простучал лапами Пришелец.

Я с наслаждением растянулся на полу и выгрузил из-за пазухи свои сокровища. Выгрузил, полюбовался ими при свете фонарика и... похолодел. Я забыл нож в кармане куртки! Это была настоящая катастрофа. Я никогда не представлял себе, до чего жалок голодный человек, имеющий консервы и не имеющий консервного ножа. Сначала я попытался вскрыть банку пряжкой ремня. Потерпев неудачу, стал бить банкой об пол и об угол перегородки. Банка потеряла первоначальную форму и покрылась трещинами, которые мне, правда, удалось расширить пряжкой так, чтобы можно было выдавливать содержимое тоненькими листочками.

Я задумчиво сосал эти листочки и неожиданно заметил, что проблема консервного ножа занимает меня как-то больше, чем Хозяева и тайны зверинца. Я повздыхал, выпил несколько глотков из фляжки и уснул.

На следующий день — или на следующую ночь, или вечером того же дня, не знаю, — я снова принялся искать Хозяев. Кроме того, я надеялся попасть в помещение, где Пришельцы держали захваченные автомобили. Ведь там могло оказаться и продовольствие, которое я вез в лагерь из Пенджикента. И вода в радиаторе. Ни автомобилей, ни продовольствия мне найти не удалось, зато в одном из тоннелей-зверинцев я, к своей радости, обнаружил коров и овец. Напротив камеры с огромной муравьеподобной тварью, за толстой прозрачной стеной, возлежали пегие коровки, в соседней клетке толпились овцы. Эта находка доставила мне живейшую радость, причем радость совершенно бескорыстную, потому что добраться до этих «землян» было бы совершенно невозможно. Все они чувствовали себя неплохо, хотя овцам было, пожалуй, тесновато. Впрочем, вскоре я сообразил, в чем дело. В клетках рядом я увидел: в одной — огромного тигра, в другой — желтых, беспрестаннодвигающихся животных, очень похожих на собак. По-видимому, это были койоты, степные волки. В камерах этих хищников на полу были разбросаны свежие на вид кости и куски шкур, несомненно овечьих. Отсюда я сделал три довольно очевидных вывода. Во-первых, что овец Пришельцы захватили в таком большом числе в качестве временной пищи для хищников; во-вторых, что корабль Пришельцев бывал не только в Таджикистане, где, как известно, не водятся ни койоты, ни тигры. Наконец, в-третьих, что в зверинце представлен животный мир нескольких, может быть даже многих, планет, и, возможно, планет не только нашей Солнечной системы.

Я решил действовать планомерно и стал обходить тоннели, коридоры и проходы по правилу правой руки. Этот метод очень хорош для лабиринтов на Земле, но он оказался никуда не годным для небесного лабиринта. Небесный лабиринт был подвижным! На месте уже знакомых проходов я обнаруживал глухие стены. Люки возникали и исчезали словно по волшебству. Я видел, как большой ряд камер вдруг мягко и беззвучно отъехал в

сторону и открыл проход, через который минутой позже выскочил Пришелец.

Вскоре я сделал удивительное открытие. Я принимал этот мир, в котором, подобно древнему философу, бродил с огоньком в поисках Человека, за помещение на другой планете, за ангар для звездолетов, за музей и в конце концов понял, что это не так.

Этот мир оказался неустойчивым. Я ощущал его движение в пространстве. Иногда вес моего тела внезапно резко увеличивался, пол уходил из-под ног, меня несло в сторону и бросало на стену. Иногда наступала невесомость. Неловко шагнув, я взмывал в воздух и болтался в таком положении, изнывая от тошноты, до тех пор, пока невесомость не исчезала. В такие минуты в камерах зверинца можно было наблюдать смешные и жуткие картины.

Представьте себе корову, обыкновенную колхозную буренку, висящую в воздухе растопыренными ногами вверх. Поразительное зрелище! Впрочем, коровы и овцы вели себя в такой ситуации довольно спокойно, но тигр!.. Он извивался и корчился в воздухе, пытаясь дотянуться когтистой лапой до чего-нибудь твердого... А повисшая между полом и потолком исполинская жаба, похожая скорее на нездоровый сон, чем на объективную реальность! Но в общем невесомость, по-видимому, не оказывала на животных особого влияния. Как только тяжесть становилась нормальной, все входило в обычную норму.

Некоторых гадов невесомость приводила в бешенство. Мне довелось наблюдать бунт огромной змееподобной твари. Она сворачивалась тугим клубком и, распрямляясь, с силой била покрытым роговой оболочкой хвостом в стену соседней камеры. Грохот ударов я слышал из другого конца коридора. Это было до жути красиво: в голубом мерцающем тумане разворачивался и свивался гигантский дракон. От ударов подпрыгивал пол под ногами. На моих глазах стена расседалась, покрываясь длинными, извилистыми трещинами.

Я увидел, как в соседнюю камеру, где сидели два больших черных существа, похожих на грибы с глазами, пополз голубой дым и «грибы» начали корчиться, судорожно и беспомощно скакать по камере. Затем в камере бунтовщика вдруг погасло голу-

бое сияние, и в наступившей полутьме стали медленно опускаться, тяжело колыхаясь, клубы белесого пара. Тяжелые удары сразу стихли. Бунт окончился. Потом мне довелось увидеть этого змея еще раз. Его поместили в другую камеру, где он и сидел вполне тихо и прилично. А грибов с глазами я больше так и не видел. Их камера опустела, свет в ней погас. Заглядывая туда, я видел быстро перемещающиеся тени. По-моему, это были Пришельцы. Думаю, они чинили стену.

Но я отвлекся. Короче говоря, я довольно скоро заподозрил, что нахожусь на огромном межпланетном корабле, несущемся в пространстве. Особенно ясно мне это стало, когда однажды меня швырнуло вдоль коридора с «витринами» и я пролетел метров двадцать, размахивая руками и тщетно пытаюсь обрести равновесие, пока не споткнулся о какой-то предмет и не покатился по шершавому полу. Это событие напомнило мне аналогичный случай в ленинградском автобусе, где я совершенно так же летел вдоль прохода между креслами, срывая с сидящих шляпы. Аналогия была полная. Между прочим, предмет, о который я споткнулся, оказался Пришельцем, прильнувшим к полу. Ему удалось удержаться, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом.

Проводив глазами Пришельца, бодро усакававшего вдоль коридора, и потеряв свои ссадины, я уселся в позе Будды и стал думать. Все получалось как-то неутешительно.

Если бы это был ангар для звездолетов, как я думал вначале, или музей-зверинец, как я думал потом, мне в конце концов удалось бы выбраться отсюда под небо чужой планеты. Но нет, это был космический корабль в движении, корабль, все время меняющий режим полета, с необъяснимой для меня подвижной планировкой внутреннего пространства. За бортом его могла быть только пустота.

Оставалось еще два вопроса: есть ли на корабле мыслящие существа и сколь долго этот межзвездный скиталец (я имею в виду корабль) собирается витать в пространстве? Естественно, оба эти вопроса повисли без ответа.

У меня оставалось еще с четверть фляги воды и последняя банка консервов. Эту банку, кстати, еще предстояло открыть, а вода уже начала портиться. Во всяком случае, пахло от нее боло-

том и головастиками. Я сидел, скрестив ноги, посреди тоннеля, и справа от меня в полутемной камере фантастическими огнями мерцало какое-то чудище, а слева корова с глупыми глазами задумчиво лизала прозрачную стену своей клетки.

Было очень тихо. Дальний конец коридора тонул во мраке, и на полу неподвижно лежали разноцветные яркие блики. Я впервые заметил, что потолок коридора тоже прозрачен: в одном месте его пересекала светящаяся полоса, и я успел заметить растопыренную тень Пришельца, скользнувшую поперек этой светлой полосы. Я попытался представить себе это грандиознейшее создание Разума — звездолет, управляемый механическим мозгом, заполненный сложнейшими механизмами, протянувшийся на сотни метров от меня вверх и вниз, вправо и влево. «Неужели здесь нет ни одного живого носителя мысли? — подумал я. — Не может быть. Тысячи тонн прозрачного металла, сотни паукообразных машин — и ни одного Человека?» Это можно было вообразить, но в это было очень трудно поверить. Каких-нибудь десять дней назад я мог себе представить такой огромный космический корабль, но ни за что не поверил бы в него. Теперь я видел бесконечные прозрачные коридоры и трогал рукой шершавый, чуть теплый пол, доверял своей руке, но не мог представить себе, что, кроме меня, здесь, может быть, нет ни одного Человека.

От этих мыслей меня отвлекла корова, которая перестала вдруг облизывать стену, отошла в глубь камеры и принялась лизать из прозрачной лохани. Я с особой остротой почувствовал свое пересохшее горло и голод. И тут меня осенило. Я вскочил и побежал по коридору, ругаясь во весь голос. Я обзывал себя болваном и кретином. Мне нужно было подумать об этом раньше, гораздо раньше. Мне нужен был Пришелец. Любой. Но как можно скорее: у меня не хватало терпения ждать.

Я быстро нашел Пришельца. «Паук» стоял в полутемном зале у стены и копался передними ногами в черном нешироком отверстии. На меня он не обратил никакого внимания. Он имел вид очень занятой и неприветливый, но я все-таки позвал его и, когда это не помогло, шлепнул по спине и обжег руку. Пришелец поднял две ноги и принял свою обычную позу, не переставая в то же время копать в черной дыре, где время от времени вспыхивали

и гасли длинные голубые искры. Совершенно нельзя было понять, где у него передние, а где задние ноги, и, немного поколебавшись, я решился. Я сунул руку за пазуху, вытащил консервную банку и поставил на пол.

Я сказал:

— Вот. Хватай, дружище, и тащи на склад.

Я надеялся, что Пришелец утащит банку и присоединит ее к прочим земным предметам, а уж я буду за ним бежать хоть по всему кораблю, но найду этот склад, и тогда все станет проще и легче. Но Пришелец некоторое время стоял неподвижно, потом взял банку, повертел ее в лапах и снова поставил на пол. Я был разочарован.

— Ну, что же ты? — сказал я.

Пришелец безмолвствовал.

— В чем дело? — спросил я.

Пришелец звонко щелкнул, захлопнул какую-то дверцу и, так сказать, не оборачиваясь, удалился. Тогда я взял банку и немедленно убедился, что она вскрыта. Собственно, она была перерезана поперек, и верхняя половина отделилась от нижней, а нижняя осталась на полу. Упоительный аромат лосося наполнил воздух, и я не выдержал. Я взял половину банки и опорожнил ее. Потом я хлебнул протухшей воды из фляжки и почувствовал себя самым довольным человеком во Вселенной. Можно было снова приниматься за поиски.

Для начала я двинулся вдоль стены, потому что в конце концов мне было все равно, куда идти, и скоро наткнулся на Пришельца, по-моему, на того же самого. Во всяком случае, этот тоже копался в стене, озаряемый голубыми искрами. Я подошел к нему и сказал: «Спасибо». Я сказал это совершенно серьезно, хотя мне больше понравилось бы, если бы Пришелец помог мне найти склад. Потом я сел рядом с ним на корточки и стал наблюдать.

Пришелец щелкал, вспыхивал, и я пытался понять, что он делает, но так и не понял. Пришелец кончил работу, и мы посмотрели друг на друга. То есть я посмотрел на него. Куда смотрел он, понять было трудно. И тогда я стал с ним говорить. Я говорил с ним так, как скучающий человек беседует с собакой. Сначала я болтал просто: экий ты, братец, умница, и какой же ты у нас по-

слушный, и как же тебя зовут... и так далее. Он не уходил, и тогда я по какому-то вдохновению принялся ему рассказывать о Земле, о людях, о себе и об археологии. Я говорил долго, и он все стоял и слушал, неподвижный, как изваяние, и вдруг я заметил, что рядом стоят, собравшись вокруг меня, еще штук пять Пришельцев.

Тогда я понял. Они слушали и вели запись. И я встал. Я собрался с мыслями и заговорил. Это была не первая моя лекция, но такой лекции я еще не читал никогда. Впервые за несколько дней я чувствовал, что делаю действительно полезное. Еще бы — ведь через Пришельцев я обращался к неведомым Хозяевам всех этих машин.

Я рассказывал о Земле и о человечестве, о войнах и революциях, об искусстве и об археологии, о великих стройках и великих планах. Я попытался было рассказать о достижениях наших точных наук, но боюсь, что в этой части моя лекция имела несколько расплывчатый характер. И я не смог заставить себя рассказать об атомных и водородных бомбах и ядовитых газах. Почему-то мне стало стыдно... Обо всем остальном я рассказывал подробно и с увлечением. Я думаю, что, если Хозяева расшифруют эту запись — а в этом сомневаться не приходится, — они будут довольны. По крайней мере, они будут знать, что их машины столкнулись с братьями по Разуму.

Когда я кончил и сказал: «Вот и все», Пришельцы еще постояли немного, потом разом вспыхнули и, пока я протирали глаза, исчезли все до единого.

Некоторое время я ходил по коридорам под впечатлением этого события. Я был очень горд собой и перестал смотреть на Пришельцев с опаской. Для меня они теперь были чем-то вроде почтовых ящиков, которым я доверил свое послание другому человечеству. Это не значит, конечно, что я перестал восхищаться этими замечательными механизмами. Но я просто вдруг как-то всем существом своим осознал, что это всего лишь механизмы. Очень хитроумные, но неизбежно ограниченные, как и все механизмы.

Но, разумеется, выполнение моей миссии не облегчило моего положения. Я исходил, как мне казалось, весь этаж и не нашел ничего нового. Я даже не нашел способа подняться куда-нибудь выше. Зато я доел консервы и очень скоро начал голодать по-настоящему.

Я шатался у камер земных животных, подолгу простаивал перед ними, жадно глядя, как койоты раздирают куски чего-то белого и лакают воду. Да, на корабле была пища и была вода. В загоне осталось всего три овцы, их, вероятно, решили сохранить, и теперь хищники питались какой-то другой пищей, может быть синтетической. Пища и вода были на корабле, это я твердо знал.

Однажды я попал в широкий и низкий коридор, в щель, по которой ходить можно было только согнувшись. Я заполз в нее довольно далеко, и вдруг впереди послышались знакомое стрекотание и металлический лязг. Навстречу мне бежали двое Пришельцев. Обычно они ходили поодиночке, но меня поразило не это. Они тащили на себе какой-то предмет, длинный и белесый, похожий на обтесанное бревно. И от этого бревна пахло... — не знаю, как описать этот запах, да я уже и не помню его, — пахло пищей. Пришельцы несли пищу. И когда белый пахучий предмет поравнялся со мной, я прыгнул на него. Я рвал его к себе, мял, навалился на него всей тяжестью. Пришельцы продолжали нестись вперед, не обращая на меня внимания, и проволокли меня метров десять. Затем я упал. В руках у меня остался большой кусок мягкого ароматного вещества, похожего на брынзу. Пришельцы убежали своей дорогой, а я тут же, не сходя с места, устроил себе пиршество. Кажется, было очень вкусно.

Впоследствии я совершал такие грабежи еще несколько раз. Пришельцы этого, кажется, не заметили. Два раза я наедался до отвала. На третий раз мне досталась такая гадость... Она явно не предназначалась для «землян». Пахла нашатырным спиртом и еще чем-то вроде нефти. Так или иначе, особых мук голода я не испытывал. Зато жажда...

Я как зеницу ока хранил последние глотки воды. Но наступил час, когда я не выдержал и выпил все досуха. Я швырнул флягу в темноту. Она, я думаю, и сейчас еще лежит там. По моему подсчету, это случилось примерно на десятый или одиннадцатый день. У меня остался только фонарик с последней, наполовину использованной батареей и ком синтетической пищи, похищенной у Пришельцев.

Очень скоро мне стало совсем плохо. Я умирал от жажды. Кроме того, синтетическая пища была не очень доброкачественная.

Во всяком случае, та, что воняла нефтью, мне не понравилась. Одним словом, случилось так, что у меня подкосились колени, закружилась голова и я повалился на пол прямо посреди коридора.

И тут произошла странная вещь. Меня с самого начала занимала мысль, почему Пришельцы, похитившие меня на вершине тепе, перестали обращать на меня внимание, как только рассмотрели получше. Вертолет утащил меня, когда я на четвереньках взбирался по крутому склону. Я тогда не успел ничего понять: внезапный рев моторов, толчок в спину, жесткие клещи, стиснувшие мои бока, и тьма. Я успел только взреветь дурным голосом и ощутить запах озона, и потом — снова свет, я уже на посадочной площадке Пришельцев.

Но здесь, на огромном безжизненном корабле, я кое в чем разобрался. По-видимому, Пришельцы были натасканы, если можно так выразиться, только на неразумных существ, на все, что ползает, карабкается, бегаёт на четырех конечностях. Иначе я не берусь объяснить тот факт, что Пришельцы, совершенно не замечавшие меня, пока я был способен держаться прямо, проявили такую поразительную активность, стоило мне опуститься от слабости на карачки. Сквозь шум в ушах я расслышал их топот и стрекотание, в луче фонарика я увидел, что они собрались небольшой группкой и вдруг бросились на меня. Они схватили меня за бока и куда-то потащили. Они обжигали, как раскаленная печка, к тому же от запаха озона мне стало лучше, я рванулся и попытался подняться. Это мне удалось, и как только я выпрямился, встал на обе ноги и заговорил с ними (не помню, что именно я сказал, кажется: «Да что вы, ребята!»), они меня сразу отпустили и стали кружком, оживленно стрекоча. Вот тут я начал кое-что понимать. Пока я держался на ногах, я для них был Хозяин, Хомо Сапиенс Эректус, существо, им не подотчетное, Властелин Всего Сущего. Но, опустившись на четвереньки, я моментально превращался в животное, которое надо хватать, заточать в клетку, изучать и... кормить и поить. Это последнее соображение заставило меня сильно призадуматься.

Но я не пошел на это. Мне страшно хотелось пить, я был голоден, я ослабел, но на это не пошел. Сидеть по соседству с коровами, жиреть и жевать жвачку?.. При всей соблазнительности этой мысли она внушала мне отвращение и ужас.

В тот момент я особенно сильно, как никогда сильно, почувствовал себя Человеком. Я выпрямился, выпятил грудь и рявкнул на Пришельцев. Я крикнул им, чтобы они убирались. И они убрались. Поглазели, пострекотали и убрались.

Жажда, нервное утомление, мерзкий запах, смертельная усталость делали свое дело. Кажется, у меня начался бред. Я вдруг вообразил, что нахожусь на борту исполинского межпланетного «Летучего Голландца», что Пришельцы — это механические призраки своих давно умерших Хозяев, некогда проклятых за какое-то чудовищное преступление, что где-то в недрах этого корабля скрывается дух их капитана, марсианского ван Стратена или ван дер Декена, обреченного за непостижимые грехи свои на вечные скитания в космических безднах. Это было в последние дни моего пребывания на корабле. И именно в эти последние дни я сделал самые замечательные открытия.

В своих бесплодных поисках Человека и воды я забрел в одну из пустующих камер. Помню, это было в совершенно незаселенном тоннеле. Там было темно и жарко. Луч фонарика скользнул по стене, и меня словно током ударило. Мне показалось, что я сошел с ума окончательно. На стене я увидел грубое изображение большой птицы с распростертыми крыльями и короткую надпись. Надпись состояла всего из семи знаков, написанных строчкой, криво и небрежно. Птица была намалевана какой-то густой засохшей краской, она резко выделялась на серой стене. Буквы были выцарапаны чем-то острым. Представляете мои ощущения? Я стремглав бросился вон. Я бежал по коридорам. Я с новой силой и надеждой принялся за поиски себе подобного. Не знаю почему, но я был уверен, что найду его, хотя надпись и рисунок могли быть сделаны тысячи лет назад. Очень скоро я ослабел и свалился без памяти, а когда очнулся, то уже не мог найти ту камеру. Меня тянуло туда, но... Впрочем, меня ждало еще одно открытие, более значительное и более странное.

Не помню, как я забрался в низкий длинный тоннель, который привел меня к колодцу, к настоящей бездонной пропасти. Я лежал на краю и с тупым любопытством вглядывался в черную глубину, из которой поднимались волны горячего смрада. Мне казалось, что внизу двигаются огоньки, вспыхивают яркие белые

искры. Я устроился поудобнее, раздвинув локти и положив подбородок на кулаки, и вдруг локоть мой погрузился во что-то мягкое. Я с трудом поднялся и посветил. Рядом лежал труп. Точнее, мумия — иссохшее черное тело человека. Он лежал на самом краю колодца, сжавшись в комок, подтянув колени к голове. Маленький, высохший, обугленный...

Я долго смотрел на него, стараясь сообразить, бред это или действительность. Потом решился и дотронулся дрожащей от слабости рукой до руки мертвеца. Она распалась в пыль, и под кучкой черного праха блеснул металл: это был странный амулет, маленькая тяжелая платиновая статуэтка, трехпалый человечек. Я взял его, аккуратно очистил от пепла и сунул за пазуху. Он мало интересовал меня в тот момент. Я сидел и смотрел на черную мумию и видел свой собственный конец. Я понял, что надеяться мне больше не на что. Я мысленно видел этого маленького человечка, когда он еще был жив, полон сил и настоящего человеческого любопытства, когда он, так же как и я, попытался проникнуть в тайну чужого звездолета. Наверное, это случилось очень давно.

Когда? Кто он? Какие образы вставали перед его глазами? Кто не дождался его возвращения?..

О последних днях или часах моего пребывания на звездолете у меня сохранились только очень смутные воспоминания. Вероятно, уже тогда я был болен. И, возможно, то, что я сейчас расскажу, просто мерещилось мне.

Кажется, я сидел в огромном зале, полном каких-то сложных блестящих машин. Странные ощущения владели мною. Я слышал голоса и громкую, ритмичную музыку. И я чувствовал, что кто-то глядит мне в глаза. Не знаю, как объяснить это: я чувствовал взгляд, но я не видел глаз. Не знаю, почему я их не видел: может быть, они были за бесчисленные миллионы километров от меня, а может быть, их и вообще не было... Но взгляд был — внимательный, пристальный, удивленный. Не помню, сколько это продолжалось. Появились Пришельцы и осторожно подняли меня. Я повиновался. Я был ужасно слаб и едва держался на ногах. Меня понесли куда-то. Потом была тьма, невесомость, рев моторов и свежий, знакомый, бесконечно родной ветер Земли на лице...

В этот момент я ненадолго пришел в себя и понял, совершенно инстинктивно понял, что происходит. Я понял, что меня возвращали на Землю. Пришельцы по приказанию Хозяев возвращали на Землю двуногое разумное существо, проникшее к ним без спросу, не взвесившее своих сил и возможностей. И я решил, что всё — мои планы, намерения, — все, что мне удалось, шло к черту. Я стал отбиваться. Ого, как я отбивался! Я кричал, я умолял вернуть меня на корабль, показать меня Хозяевам... Последнее, что я запомнил, — это рев моторов вертолета, ослепительная вспышка и ощущение сырости и холода.

Дальнейшее известно. Меня подобрали военные, случившиеся неподалеку, отправили в госпиталь. Это я узнал уже позже, когда очнулся и окончательно оправился. Я был без сознания почти полгода. У меня нашли сильное истощение организма, двустороннее воспаление легких, мозговую горячку и еще что-то. Врачи не могли определить эту болезнь. Подозреваю, что я подхватил ее на корабле.

Но я выздоровел. Выздоровел и вспомнил, когда мне кое о чем рассказали. Вот и все.

Мои приключения не пропали зря. Говорят, я очень помог Сталинабадской комиссии. Кроме того, я убедился, что меня любит жена, ценят друзья и не понимают машины. Думаю, это знание пригодится мне в дальнейшем... если мне посчастливится снова попасть в конус к Пришельцам. Между прочим, теперь я не расстаюсь с консервным ножом. Чертовски полезная вещь! Им, помимо всего прочего, весьма удобно разрезать книги.

Но какая жалость, что это были только машины!

*Выдержки из протокола заключительного
заседания Сталинабадской комиссии*

...Не приходится сомневаться, что Пришельцы были посланы на Землю с чисто исследовательскими целями.

Черные Вертолеты и паукообразные машины либо не были вооружены, либо не пускали оружия в ход. Вообще следует подчеркнуть, что Пришельцы вели себя по отношению к людям чрезвычайно осмотрительно. Случаев ранений или увечий не было.

Лозовского высадили на Землю очень осторожно. Реальный ущерб, причиненный Пришельцами, невелик, и неразумно было бы рассматривать похищение нескольких автомобилей, коров и овец как враждебные действия...

Пришельцы наблюдались на Земле три дня: четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого августа 19.. года, причем «пауков» видели немногие. Черные Вертолеты появлялись над всеми крупными населенными пунктами в радиусе ста пятидесяти—двухсот километров от посадочной площадки. Один из них был перехвачен нашими самолетами недалеко от афганской границы. На предложение следовать к аэродрому он, конечно, не ответил, и летчики были вынуждены обстрелять его. Они своими глазами видели вспышки бронебойных снарядов на его черном корпусе. Через несколько секунд вертолет вдруг с невероятной быстротой нырнул в сторону и камнем упал в какое-то ущелье, затянутое густыми облаками.

Летчики были убеждены, что он разбился, но из записок Лозовского известно, что ему удалось благополучно вернуться к звездолету. Это был единственный случай вооруженного столкновения с Пришельцами, причем огонь открыли люди...

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое на территории Средней Азии и Северного Афганистана на несколько часов перестала действовать радиосвязь. Несомненно, что это следствие ночной деятельности Пришельцев, описанной Лозовским...

По-видимому, паукообразные машины представляют собой так называемые УЛМНП — Универсальные Логические Машины с Неограниченной Программой, то есть кибернетические механизмы, способные в любой ситуации совершать действия, наиболее логичные и целесообразные с точки зрения их основной программы. Гипотеза о возможности создания таких машин была недавно выдвинута Институтом теории информации АН СССР. Многое остается неясным. Непонятно, каким источником энергии они пользуются, какова их принципиальная схема. Непонятно, каким образом удалось сочетать такую сложность и такую мощность с малыми габаритами. О таких совершенных механизмах мы можем пока только мечтать...

Следует отвергнуть мнение, что Хозяева Пришельцев строили паукообразные машины по своему образу и подобию. Исходя

из самых общих соображений, а также из того, что эти машины реагируют на человека, следует считать, что Хозяева не очень отличаются от людей...

Обращается внимание на описание Пришельца с глазами. Каково бы ни было назначение этих приспособлений, два черных «глаза» должны быть окрашены в оттенки ультрафиолетового цвета, кажущиеся человеку черными. Вероятно, Хозяева различают только пять цветов, из которых мы, люди, видим только три...

Приходится признать, что создатели звездолета и паукообразных машин сильно обогнали нас в области техники и теории кибернетики...

Рассказ Лозовского приводит нас к представлению об исполинской космической лаборатории, запущенной в межзвездное пространство неведомо кем и неведомо когда. Эта лаборатория необитаема, она снаряжена весьма сложными кибернетическими устройствами с чрезвычайно сложной и подробно разработанной программой. Лаборатория передвигается от звезды к звезде, фиксирует ее физические характеристики и в том случае, если звезда имеет планетную систему, проводит исследование каждой планеты, забрасывая на ее поверхность автоматические разведчики-конусы с паукообразными машинами для сбора материала — проб атмосферы и почвы, образцов флоры, фауны, минералов. Для этого лаборатория становится временным спутником планеты и обращается вокруг нее до тех пор, пока не получены все сведения, запланированные программой. Если планета населена разумными обитателями, захватываются и образцы орудий труда, техники и культуры, но ни в коем случае не берутся сами разумные обитатели. Как машины отличают разумное существо от других видов животных, непонятно. Возможно, некоторый свет на это проливает мнение Лозовского, однако такое мнение неубедительно...

Радиометрическое исследование посадочной площадки Пришельцев не обнаружило никаких признаков повышенной радиоактивности. По-видимому, двигатели звездолета-конуса основаны на другом принципе, нежели ядерный распад или ядерный синтез. В общем, многие признаки говорят о том, что Хозяева используют виды энергии, еще неизвестные земному человечеству...

Наличие силы тяжести в космической лаборатории заставляет предполагать либо собственное вращение лаборатории, либо умение создавать искусственные гравитационные поля...

Тот факт, что звездолет был оснащен такими превосходными машинами, говорит о том, что Пришельцы прибыли издалека, скорее всего, с другой планетной системы. На ближайших планетах мы, наверное, смогли бы обнаружить следы цивилизации, способной создать подобные механизмы.

Вероятно, Пришельцы были посланы с одной из ближайших звезд, хотя не исключено, что гигантская лаборатория странствует в Космосе тысячелетия или даже десятки тысяч лет и запущена из весьма отдаленного уголка Вселенной. В пользу последнего предположения свидетельствует изобилие и разнообразие образцов флоры и фауны...

Пока неизвестно, с какого времени космическая лаборатория является спутником Земли и остается ли она спутником Земли в настоящее время. Не исключено, что именно ее обнаружили несколько лет назад астрономы Афинской обсерватории в созвездии Ориона. Почти наверняка ее наблюдала Тер-Марукян, молодая сотрудница Симеизской обсерватории. Лаборатория представлялась очень слабым объектом девятой звездной величины, была видна всего одну ночь и получила пророческое название — «Черный спутник». Тер-Марукян решила, что это обломок американской ракеты-носителя, взорвавшейся в мае в верхних слоях стратосферы. Данные наблюдений позволили определить, что орбита его сильно вытянута, перигейное расстояние составляет около десяти тысяч, апогейное — миллион километров, период обращения — около сорока суток. Однако на следующую ночь обнаружить его на вычисленной орбите не удалось...

Трудность наблюдения космической лаборатории заключается в том, что она, по-видимому, во-первых, время от времени производит передвижения собственным ходом, во-вторых, окрашена в серый или черный цвет. Вдобавок материал, из которого сделана ее оболочка (как и оболочка разведчика-конуса), несомненно поглощает радиоволны, что очень затрудняет наблюдение ее средствами радиоастрономии и радиолокации...

Не выяснено, почему в корабле существует атмосфера, состоящая в значительной степени из воздуха. Она спасла Лозовского, но механическим Пришельцам она, очевидно, не нужна. Может быть, возможность появления на борту разумного существа была предусмотрена программой кибернетического «мозга», который управляет лабораторией?..

Чье тело нашел Лозовский в лаборатории? Как, когда и откуда попал в лабораторию человек с амулетом? Когда и где взяты странные существа, населяющие «зверинец»? Для чего они нужны Пришельцам? Куда направит путь лаборатория, покинув Землю (если она еще обращается вокруг Земли)? Не является ли она остроумно устроенным разведчиком, космическим лóтом, за которым последует визит Разума Другого Мира?..

Представляют интерес последние видения Лозовского, которые сам он считает бредом. Принимая во внимание исполинский уровень техники звездолета и паукообразных машин, комиссия не считает совершенно невероятным наличие у Хозяев Пришельцев средств коммуникации, принципы которых нам пока неизвестны. И возможно, именно благодаря этому Разумные Хозяева Пришельцев открыли местопребывание Лозовского на корабле и вернули его на Землю...

На основании вышеизложенного Сталинабадская комиссия настоятельно рекомендует всем астрономическим обсерваториям мира, и прежде всего обсерватории СССР, немедленно организовать регулярные поиски неизвестного спутника Земли патрульными оптическими и радиоастрономическими средствами...

Героическая попытка Лозовского договориться с машинами в отсутствие их Хозяев была, конечно, заранее обречена на провал. Но он сделал громадное дело: он узнал и рассказал. Несомненно, это был большой подвиг, достойный советского ученого, представителя Человечества с большой буквы...

РАССКАЗЫ

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС

Урму стало скучно.

Собственно, скука, как реакция на однообразие и монотонность обстановки, или внутренняя неудовлетворенность самим собой, потеря интереса к жизни, свойственна только человеку и некоторым животным. Для того чтобы скучать, нужно, так сказать, иметь, чем скучать, — тонко и совершенно организованную нервную систему. Нужно уметь мыслить или по крайней мере страдать. У Урма не было нервной системы в обычном смысле слова, и он не умел мыслить. Тем более он не умел страдать. Он только воспринимал, запоминал и действовал. И тем не менее ему стало скучно.

Все дело было в том, что вокруг него, после ухода Хозяина, не осталось ничего нового, что можно было бы запомнить. Между тем накопление новых впечатлений было основным стимулом, направляющим деятельность Урма и побуждающим его к деятельности. Его обуревало ненасытное любопытство, ненасытная жажда воспринять и запомнить как можно больше. Если неизвестных фактов и явлений не было, их следовало найти.

Но обстановка вокруг Урма была знакома ему до последней черточки, до последнего оттенка. Это обширное квадратное помещение с серыми шероховатыми стенами, низким потолком и железной дверью он помнил с первого момента своего существования. Здесь всегда пахло нагретым металлом и изоляционным маслом. Откуда-то сверху доносился невнятный низкий гул —

люди не могли слышать его без специальных приборов, но Урм слышал отлично. Лампы дневного света под потолком были погашены, и тем не менее Урм отлично видел комнату в инфрасвете и в импульсах локаторов.

Итак, Урму стало скучно, и он решил отправиться на поиски новых впечатлений. После ухода Хозяина прошло полчаса. Опыт подсказывал Урму, что теперь Хозяин вернется не скоро. Это было очень важно, потому что однажды Урм предпринял небольшую прогулку по комнате без приказа, и Хозяин, заставший его за этим занятием, сделал так, что Урм не в состоянии был пошевелить даже рогом локатора. Теперь, по-видимому, этого можно было не опасаться.

Урм качнулся и тяжело шагнул вперед. Цементный пол загудел под его толстыми каучуковыми подошвами, и Урм на мгновение остановился, чтобы послушать, и даже нагнулся. Но в гамме звуков, излучаемых вибрирующим цементом, не было ни одного незнакомого, и Урм снова устремился к противоположной стене. Он подошел к ней вплотную и понюхал. Стена пахла мокрым бетоном и ржавым железом. Ничего нового. Тогда Урм повернулся, царапнув стену острым стальным локтем, пересек комнату по диагонали и остановился перед дверью. Открыть дверь было не так просто, и Урм не сразу сообразил, как это сделать. Потом, вытянув зубчатую клешню левой руки, ловко ухватился за рычажок замка и повернул его. Дверь отворилась со слабым протяжным скрипом. Это было занято, и Урм провел несколько минут, открывая и закрывая дверь, то быстро, то медленно, прислушиваясь и запоминая. Затем он переступил через высокий порог и оказался перед лестницей. Лестница была узкая, с каменными ступеньками и довольно длинная. Урм мгновенно насчитал восемнадцать ступенек до первой площадки, где горел свет. Затем он неторопливо двинулся вверх. От площадки вела еще одна лестница, деревянная, с десятью ступеньками, справа открывался широкий коридор. Поколебавшись, Урм свернул направо. Он не знал почему. Коридор был не более интересен, чем лестница. Но возможно, Урму не очень понравились деревянные ступени.

Из коридора тянуло теплом, он был ярко освещен инфрасветом. Инфрасвет излучался рубчатыми цилиндрами, подвешенны-

ми невысоко над полом. Урм никогда прежде не видел батарей парового отопления, и рубчатые цилиндры заинтересовали его. Он нагнулся и подцепил один из них обеими клешнями. Раздался короткий треск и скрежет металла, густое облако горячего пара поднялось к потолку. Под ноги Урма хлынула струя кипящей воды. Урм поднял цилиндр к голове, внимательно осмотрел его, обследовал рваные края трубки. Затем цилиндр был отброшен в сторону, и подошвы Урма захлюпали по лужам. Урм дошел до конца коридора. Там над низкой дверью вспыхнула красная надпись. «Осторожно! Без спецкостюма не входить!» — прочел Урм. Он знал слово «осторожно», но знал также и то, что слово это всегда относится к людям. К нему, Урму, это слово относиться не могло. Он вытянул руку и толкнул дверь.

Да, здесь было много интересного и нового. Он стоял у входа в обширный зал, заполненный металлическими, каменными и пластмассовыми предметами. Посредине зала возвышалось на метр круглое бетонное сооружение, похожее на плоскую тумбу, накрытое железным или свинцовым щитом. Многочисленные кабели разбегались от него к стенам, вдоль которых тянулись мраморные щиты с блестящими приборами и рукоятками рубильников. Вокруг бетонной тумбы была изгородь из медной проволоки, с потолка свисали коленчатые блестящие палки. Палки оканчивались щипцами и клешнями, такими же как на руках у Урма.

Урм, неслышно ступая по кафельному полу, приблизился к медной сетке и обошел ее вокруг. Затем постоял и обошел еще раз. Прохода в сетке не оказалось. Тогда Урм поднял ногу и без усилия прошел сквозь сетку. Рваные клочья медной паутины повисли у него на плечах. Но, не доходя двух шагов до бетонной тумбы, он остановился как вкопанный. Его круглая, как школьный глобус, голова настороженно поворачивалась вправо и влево, оттопырились и шевелились эбонитовые раковины акустических рецепторов, вздрагивали рога локаторов. Свинцовая крышка на тумбе излучала инфрасвет, заметный даже в этом нагретом помещении. Но кроме того, от нее исходило какое-то ультраизлучение. Урм хорошо видел в рентгеновских и гамма-лучах, и ему показалось, что крышка прозрачна и под ней открывается узкий бездонный колодец, наполненный светящейся пылью. В недрах

памяти Урма всплыл приказ: немедленно уходить отсюда. Урм не знал, когда и кем был отдан этот приказ. Вероятно, Урм так и появился на свет, уже зная его, как он знал многое другое. Но Урм не подчинился приказу. Любопытство оказалось сильнее. Он нагнулся над тумбой, протянул клешни и с некоторым усилием поднял крышку.

Поток гамма-света ослепил его. На мраморных щитах тревожно замигали красные огоньки, завывала сирена. На мгновение сквозь прозрачные силуэты своих рук он увидел внутренность бетонной ямы, затем бросил крышку, провозгласив низким хриплым голосом:

— Опасность! Гефар! Дэйнжэр! Вэйсянь! Абунай!

По залу прокатилось и замерло гулкое эхо. Урм повернул верхнюю часть тела на сто восемьдесят градусов и поспешно направился к выходу. Шок, вызванный потоком радиоактивных частиц в контрольных счетчиках, гнал его прочь от бетонной тумбы. Разумеется, ни самое жесткое излучение, ни мощные потоки частиц не могли бы причинить Урму ни малейшего вреда; даже пребывание в активной зоне реактора не грозило бы ему тяжелыми последствиями. Но, создавая Урма, хозяева вложили в него стремление держаться как можно дальше от источников излучений большой интенсивности. Урм вышел в коридор, тщательно прикрыл за собой дверь и, перешагнув через ребристый цилиндр парового отопления, снова оказался на лестничной площадке. Там он сразу увидел Человека, торопливо спускавшегося по деревянной лестнице.

Человек этот был гораздо меньше ростом, чем Хозяин. На нем была просторная светлая одежда, волосы его были необычно длинными, золотистого цвета. Таких людей Урм еще никогда не видел. Он потянул в себя воздух и ощутил знакомый запах белой сирени. Иногда точно так же, но гораздо слабее пахло от Хозяина.

На площадке царил полумрак, лестница позади девушки была ярко освещена, и девушка не сразу разглядела громоздкие очертания огромной фигуры Урма. Впрочем, услышав его шаги, она остановилась и сердито окликнула:

— Кто там? Это ты, Ивашев?

— Здравствуйте, как поживаете? — сипло сказал Урм.

Девушка взвизгнула. Из полутьмы на нее надвигалась блестящая голова с выпуклыми стеклянными глазами, непомерно широкие бронированные плечи, толстые коленчатые руки. Урм ступил на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, и девушка завизжала снова.

Еще ни разу не случалось, чтобы Человек не откликнулся на его приветствие. Но этот странный высокий звук, резкий, пронзительный и несомненно нечленораздельный, не подходил под стандарты ответов, известных Урму. Заинтересованный Урм решительно двинулся вслед за пятившейся девушкой. Деревянные ступеньки ныли и трещали под его ногами.

— Назад! — крикнула девушка.

Урм остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

— Назад, ты, урод!

Команда «назад» была известна Урму. По этой команде надо было повернуть верхнюю часть тела кругом и сделать несколько шагов в обратном направлении до команды «стоп». Но обычно приказы исходили от Хозяина, и кроме того, Урму хотелось исследовать. Он снова стал подниматься, пока не очутился перед входом в небольшую светлую комнату.

— Назад! Назад! Назад! — кричала девушка.

Урм больше не останавливался, хотя шел медленнее, чем мог бы. Его заинтересовала комната — два письменных стола, стулья, чертежная доска, шкаф с книгами и толстыми папками. И пока он выдвигал ящики, распуская завязки на папках и читал вслух надписи, четко выведенные черной тушью на краях чертежа, девушка выскользнула в соседнее помещение, укрылась за диваном и схватила телефонную трубку. Урм видел это, так как он имел оптический рецептор на затылке, но маленький длинноволосый человек больше не интересовал его. Ступая по разбросанным по полу бумагам, он направился дальше. За его спиной девушка кричала в телефон:

— Николай Петрович? Николай Петрович, это я — Галя! Николай Петрович, к нам ворвался Урм. Ваш Урм! Урм! Ульяна — Роберт — Мама... Вы слышали сирену? Да! Не знаю... Я встретила его, когда он выходил из зала большого реактора... Да, да,

он был в реакторной... Что? По-видимому, нет. На центральном пункте уже знают...

Урм не стал слушать. Он вышел в фойе и там остановился как вкопанный, усиленно двигая черными рогами локаторов. На противоположной стене висело что-то большое, блестящее и холодное. Оно казалось серым непроницаемым квадратом в инфрасвете и сверкало и серебрилось в обыкновенных лучах, но не это смутило Урма. В странном квадрате стояло черное чудовище с шевелящимися рогами на голове, круглой, как школьный глобус, и Урм не мог понять, где оно. Визуальный дальномер мгновенно сообщил ему, что до незнакомого предмета двенадцать метров восемь сантиметров, но локатор опроверг это сообщение. «Никакого предмета нет. Есть гладкая, почти вертикальная поверхность на расстоянии... шесть метров четыре сантиметра». Урму до сих пор никогда не приходилось видеть ничего подобного, и никогда еще локатор и зрительные рецепторы не давали ему столь противоречивых показаний. В его организме с самого начала была заложена потребность делать ясным и понятным все, с чем приходится соприкасаться, и он решительно пошел вперед, мимоходом отмечая и запоминая выяснившуюся закономерность: «Расстояние по зрительному дальномеру равно расстоянию по локатору, умноженному на два»... Он вошел в зеркало. Стекло разлетелось звенящим дождем осколков, и Урм, упершись в стену, остановился. Очевидно, делать здесь было больше нечего. Урм поцарапал штукатурку, понюхал, повернулся и, не обращая внимание на белого, как бумага, дежурного милиционера, повисшего на сигнале тревоги, хрустя по битому стеклу, шагнул к выходной двери. Снег и метель обступили его.

Когда Николай Петрович бросил трубку, Пискунов уже был в передней и торопливо натягивал шубу.

— Ты куда?

— Туда, разумеется...

— погоди, надо решить, что делать. Если эта махина начнет резвиться по всей электростанции...

— Хорошо, если только по электростанции,— прервал его Рябкин.— А лаборатории? А склады? А если он заглянет сюда, в городок?

Николай Петрович напряженно думал. Пискунов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держа за ручку двери.

— Надо бежать туда всем вместе,— робко предложил Костенко.— Найти его и... ну, и схватить!

Пискунов только поморщился, а Рябкин, рывшийся на вешалке в поисках своей дохи, сердито крикнул:

— Хорошенькое дело — схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака — три тысячи кило. Чушь какая! Ты, Костенко, человек новый у нас, так уж помалкивай...

— Вот что,— сказал Королев.— Сделаем так. Я сейчас позволю в общежитие, подниму практикантов. Ты, Рябкин, беги в автопарк... Ах, черт, ведь все, наверное, в клубе... Все равно беги, найди хотя бы трех шоферов. Нужно вывести тракторы-бульдозеры... Так, Пискунов?

— Да, да, и поскорее. Только...

— Ты, Пискунов, ступай к институту. Разведай, где Урм, и немедленно звони в автопарк. Костенко, отправляйся с ним. Ясно? Дьявол, только бы он не выбрался за ворота!

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, они выскочили на крыльцо. Рябкин, поскользнувшись, боднул головой в спину Костенко, и тот с размаху упал на четвереньки.

— Черт! Вот черт!

— Что, очки?

— Нет, все в порядке...

Свирепый ветер гнал тучи сухого снега над землей, жалобно выл в проводах, густо гудел в железном кружеве высоковольтных столбов. Из окон коттеджа на сугробы падали мутные желтые прямоугольники света, все остальное было погружено в непроглядную тьму.

— Ну, я пошел,— сказал Рябкин.— Осторожнее там, друзья, не подставляйте зря головы.

Он снова споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательно ругая проклятую пургу, свинячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию. Затем его светлая доха мелькнула у калитки и скрылась в вихрях крутящегося снега.

Пискунов и Костенко остались одни.

Костенко зябко поежился.

— Не понимаю, — проговорил он. — При чем здесь тракторы?

— А что бы вы предложили? — осведомился Пискунов.

— Нет, я просто не понимаю... Вы хотите разрушить Урма?

Пискунов коротко вздохнул.

— Урм — это уникальная машина, творческий отчет Института экспериментальной кибернетики за последние несколько лет работы. Понимаете? Как же я могу желать его гибели?

Он подобрал полы дохи и полез через сугроб. Смущенный и оробевший Костенко последовал за ним. Впереди лежало заснеженное поле, за ним — шоссе. По ту сторону шоссе была электростанция.

Чтобы сократить путь, Пискунов свернул с шоссе и двинулся по пустырю, на котором еще с осени был заложен котлован для нового здания. Костенко слышал, как Пискунов бормочет что-то, спотыкаясь о кучи обледелого кирпича и прутья арматуры. Идти было трудно. За пеленой пурги еле видна была редкая цепочка огоньков института.

— Погодите... — проговорил наконец Костенко. — Ей-богу... Тяжело очень. Отдохнем немного.

Пискунов присел рядом с ним на корточки. Что же все-таки произошло? Он знал Урма, как никто в институте. Через его руки прошел каждый винтик, каждый электрод, каждая линза этого великолепного механизма. Он полагал, что может рассчитать и предсказать каждое его движение в любых обстоятельствах. И вот пожалуйста. Урм «самовольно» вышел из своего подвала и гуляет по электростанции. Почему?

Поведение Урма определяется его «мозгом», необычайно сложным и тонким аппаратом из германиево-платиновой пены и феррита. Если у обычной цифровой машины десятки тысяч триггеров — элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, то в «мозгу» Урма задействовано уже около восемнадцати миллионов логических ячеек. На них запрограммированы реакции на множество положений, на различные варианты изменения обстоятельств, предусмотрено выполнение огромного числа разнообразных операций. Что могло повлиять на «мозг», на программу? Излучение атомного двигателя? Нет, дви-

гатель окружен мощной защитой из циркония, гадолиния и бористой стали. Практически через эту защиту не может прорваться ни один нейтрон, ни один гамма-квант. Тогда рецепторы? Нет, рецепторы еще сегодня вечером были в идеальном порядке. Значит, все дело в самом «мозге». Программа. Сложная новая программа. Пискунов сам руководил программированием и... Программирование... Так вот в чем дело!

Пискунов медленно поднялся.

— Спонтанный рефлекс! — сказал он. — Ну, конечно, это спонтанный рефлекс! Идиот!

Костенко испуганно взглянул на него.

— Не понял...

— А я понял. Разумеется... Но кто бы мог подумать? Все шло так хорошо.

— Глядите! — крикнул вдруг Костенко.

Он ахнул и вскочил на ноги. Серо-черное небо над институтом озарилось дрожащей голубой вспышкой, и на фоне этого зарева, удивительно четкие и в то же время какие-то нереальные, возникли из вихря пурги силуэты черных зданий. Редкая цепочка огней, отмечавшая ограду института, мигнула и погасла.

— Это трансформатор! — хрипло сказал Пискунов. — Подстанция как раз напротив реакторной башни! Там Урм... И охрана...

— Бежим! — предложил Костенко.

Они побежали. Это было не так просто. Встречный ветер валил с ног, они проваливались в рытвины, занесенные сухим снегом, падали, поднимались и падали снова.

— Скорей, скорей! — торопил Пискунов.

Слезы — от ветра и от волнения — заливали его лицо, стили на ресницах мутными льдинками, мешали смотреть. Он схватил Костенко за руку и тащил за собой, продолжая хрипло бормотать:

— Скорей! Скорей!

По-видимому, вспышку над институтом заметили в городке. На окраине тревожно завывала сирена, осветились окна коттеджей, в которых располагалась охрана, по полю пробежал слепящий луч прожектора. Он выхватывал из мглы снежные барханы, решетчатые стойки столбов высокого напряжения, скользнул по камен-

ной стене, окружавшей институт, и, наконец, уперся в ворота. У ворот торопливо двигались маленькие черные фигурки.

— Кто это... там? — задыхаясь, спросил Костенко.

— Охрана. Милиция, наверное... — Пискунов остановился, протер глаза, голос его прерывался. — Ворота... заперли. Молодцы! Значит... Урм еще там.

По-видимому, тревога началась. Теперь уже не один, а три прожекторных луча шарили вдоль стены института. Было видно, как снежные смерчи танцуют в голубом свете. Сквозь шум и вой ветра доносились крики, кто-то сердито ругался. Наконец взревели моторы, послышался лязг гусениц. Гигантские тракторы-бульдозеры выходили из автопарка.

— Смотрите, Костенко, — проговорил Пискунов. — Смотрите внимательно. Мы присутствуем при самой необыкновенной обставке в истории человечества. Смотрите внимательно, Костенко!

Костенко искоса взглянул на Пискунова. Ему показалось, что по лицу инженера текут слезы. Впрочем, это могли быть слезы от ветра.

Между тем лязг гусениц слышался уже не за спиной, а правее. Тракторы вышли на шоссе. Можно было уже различить дрожащие огоньки фар. Огоньков было пять.

— Пять против одного, — прошептал Пискунов. — У него нет никаких шансов. Спонтанная дуга здесь не поможет.

И вдруг что-то изменилось вокруг. Костенко даже не сразу понял, что именно. По-прежнему выла пурга, по-прежнему метались над землей тучи сухого снега, по-прежнему грозно и уверенно ревели моторы тракторов. Но лучи прожекторов уже не скользили по полю. Они неподвижно уперлись в ворота. А ворота были открыты настежь, и возле них никого не было.

— Что за дьявол? — сказал Костенко.

— Неужели он...

Пискунов не закончил, и они, не сговариваясь, побежали к институту. До ворот оставалось не больше двухсот метров, когда Пискунов, бежавший впереди, налетел на человека с винтовкой. Человек заорал в ужасе и шарахнулся было в сторону, но Пискунов ухватил его за плечи и остановил.

— В чем дело?

Человек ошалело вертел головой в милицейской шапке, выругался и, наконец, пришел в себя.

— Вырвался,— сказал он.— Вырвался. Опрокинул ворота и ушел. Чуть Макеева не потоптал. Я в городок за подмогой...

— Куда он пошел?

Милиционер неуверенно махнул рукой влево.

— Туда, кажется... На шоссе...

— Значит, сейчас на тракторы нарвется. Пойдем.

То, что произошло в следующий момент, запомнилось им на всю жизнь. Из крутящейся снежной мглы на них внезапно навалилось нечто огромное, бесформенное, прямо в глаза им мигнули красные и зеленые огни, и резкий, лишенный интонаций голос произнес:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Урм, стой! — закричал отчаянно Пискунов.

Костенко увидел, как побежал милиционер, как поднял руки и потряс кулаками Пискунов, затем исполинская фигура, окутанная паром, зловещее чучело, двинулась мимо него, высоко поднимая толстые, как бревна, ноги, и растаяла в пурге.

Старательно прикрыв за собой дверь, как он делал всегда, если дверь не была сломана, Урм шагнул и остановился. Все вокруг было полно звуков, движения, излучений. Ночь светилась феерическим пестрым калейдоскопом радиоволн. Впереди в тринадцати с половиной метрах было приземистое здание с широкими окнами, забранными в железные решетки. Стены его излучали яркий инфрасвет. Из здания доносилось низкое мощное гудение. В воздухе кружились миллионы снежинок. Оседая на граненых боках Урма, разогретых жаром атомного двигателя, они мгновенно таяли и испарялись.

Урм повертел головой и решил, что наиболее интересным и близким объектом исследования может быть только приземистое здание напротив. Вход он нашел сразу, заметив тропинку на подветренной стороне. Здание было обсажено низкими елками, и он немного задержался, сломав и осмотрев одну из них. Затем он открыл дверь и вошел.

Два человека, сидевшие у стола в тесной узкой комнатухе, вскочили при его появлении и с ужасом уставились на него. Он закрыл за собой дверь (и даже задвинул засов) и остановился перед ними.

— Как поживаете? — сказал он.

— Товарищ Пискунов? — растерянно спросил один из людей.

— Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? — равнодушно осведомился Урм.

Люди его не интересовали. Внимание его привлекло небольшое мохнатое существо, прижавшееся к стене в углу. «Теплое, живое, сильно пахнет, не Человек», — определил Урм и сказал:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Р-р-р... — ответило с мужеством отчаяния существо, оскалив белые острые зубы, и еще плотнее вжалось в угол.

Урм был поглощен собакой и совершенно безучастно отнесся к тому, что милиционеры ловко забаррикадировались столом и шкафом и стали торопливо расстегивать кобуры.

Жалобно визжа и поджав хвост, собачонка шмыгнула мимо Урма. Но Урм был гораздо проворней собаки. Он был проворней любого, самого проворного животного на свете. Туловище его молниеносно и бесшумно сделало пол-оборота, и длинная, вытянутая, словно подзорная труба, рука схватила собачонку поперек туловища. В то же мгновение раздался выстрел: нервы одного из милиционеров не выдержали. Пуля звонко щелкнула о панцирь, прикрывающий спину Урма, и рикошетом влипла в стену. Посыпалась штукатурка.

— Сидоренко, отставить! — крикнул другой милиционер.

Урм выпустил дрожащую собачонку и уставился на людей, бледных, но очень решительных, державших оружие на изготовку. Он с любопытством понюхал. В воздухе расплывался незнакомый запах бездымного пороха. Собачонка забилась под ноги милиционеров, но Урм уже утратил интерес к ней. Он повернулся и двинулся к следующей двери, на которой красовалось изображение черепа и скрещенных костей, пронзенных красной молнией. Милиционеры, оторопев от изумления, смотрели, как его клешневидные пальцы нащупывают рубчатый барабан замка. Дверь отворилась. Тогда оба они, опомнившись, бросились за ним:

— Стой! Назад! Нельзя!

Они цеплялись за его бронированные бока, хватались за горячие, как печка, тумбообразные ноги, забыв обо всем на свете, в ужасе от одной мысли о том, что может натворить в трансформаторе это железное чудовище. Но Урм просто не замечал их. Их усилия не производили на него никакого впечатления. С таким же успехом они могли пытаться остановить на ходу трактор. Тогда один из них, оттолкнув товарища в сторону, в упор, снизу вверх, выпустил в голову Урма всю обойму. Залитый светом зал подстанции огласился грохотом выстрелов.

Урм пошатнулся. Вдребезги разлетелась эбонитовая раковина правого акустического рецептора. Сорвался и повис, болтаясь на проволоке, изогнутый рог локатора. Зазвенело разбитое стекло в потолке.

Урм никогда еще не подвергался нападению. У него не было инстинкта самосохранения и не было опыта борьбы против человека. Но Урм мог сопоставлять факты, делать логические выводы и избирать линию поведения, максимально обеспечивающую ему безопасность. На все эти мыслительные операции у него ушли доли секунды. В следующий миг он повернулся кругом и пошел на людей, угрожающе выставив страшные клешни.

Милиционеры разделились. Один отбежал за распределительный щит, другой прыгнул за массивный стальной кожух ближайшего трансформатора, торопливо перезаряжая пистолет.

— Сидоренко! Беги в дежурку, звони, объявляй тревогу! — крикнул он.

Но Сидоренко никак не удавалось добежать до двери. Урм передвигался гораздо быстрее, чем человек, и стоило милиционеру высунуться из-за распределительного щита, как Урм в два шага оказывался перед ним. Тогда люди решили выбежать одновременно. Это не удалось: Урм носился от щита к трансформатору со скоростью курьерского поезда.

Распределительный щит треснул поперек от неловкого толчка Урма, через пулевые отверстия в окнах и стеклянном потолке свистел ветер.

Наконец Урму надоела эта игра, и он решил оставить людей в покое. Он вдруг остановился перед трансформатором и решитель-

но запустил руки под кожу. Милиционеры воспользовались этим и стремглав бросились в дежурку. В то же мгновение раздался оглушительный треск, все вокруг озарилось ослепительной голубой вспышкой, и свет погас. Острый запах горелого металла, дыма, горячего лака хлынул из зала. Оглушенные, подавленные милиционеры не сразу сообразили, что произошло. А затем дежурка затряслась от тяжелых шагов, и резкий голос произнес в темноте:

— Здравствуйте, как поживаете?

Щелкнула задвижка. Со скрипом отворилась дверь, в мутном прямоугольнике на секунду обозначились грузные очертания железного чудища, и дверь снова закрылась.

Урм шел по территории института, увязая в снегу и высоко поднимая ноги. Институт был погружен во мрак, и в этом мраке мало помогало даже инфракрасное зрение Урма. Он различал только слабое сияние вокруг собственного живота и ног, на которых таяли и испарялись снежинки. Несколько слабо фосфоресцирующих силуэтов людей промелькнуло между зданиями. Урм не обратил на них внимания. Он шел, ориентируясь по показаниям локатора, хотя один рог локатора был сбит пулей и правильно определять расстояния было теперь невозможно.

Урма заинтересовали далекие огоньки городка, едва мерцавшие сквозь пургу. Затем там вспыхнули яркие голубые лучи прожекторов. Он дошел до стены, поколебался и повернул налево. Он хорошо знал, что в стенах всегда бывают двери. И вскоре оказался у ворот. Ворота были большие, железные. Важнее всего, однако, было то, что они оказались заперты. За воротами слышались встревоженные голоса людей, через щель пробивался яркий голубой свет.

— Здравствуйте,— сказал Урм и навалился на ворота. Ворота не поддавались. Они были заперты крепко. Где-то далеко слышался лязг металла. Там, за воротами, происходило что-то очень интересное. Урм нажал сильнее, затем отошел, запрокинул голову и с разбегу ударил в ворота бронированной грудью. Голоса за воротами смолкли, потом кто-то крикнул неуверенно:

— Назад! Эй, гляди, не стреляй в этого дьявола!

— Здравствуйте, как поживаете? — сказал Урм, разбежался и ударил снова. Ворота рухнули. Засов оказался сильнее шарниров, заделанных в бетонную стену, и ворота легли на снег плашмя, как настил. Урм прошел по ним мимо разбежавшихся милиционеров и окунулся в пургу, бушевавшую в открытом поле.

Он шагал, едва успевая восстанавливать равновесие на разрытой земле, покрытой зыбким морем сухого снега. Раз под его ногой разверзлась пустота, и он упал. Снег зашипел под ним. Он никогда раньше не падал, но уже в следующий момент уперся руками в землю, вытянул их на всю длину и поджал под себя ноги.

Поднявшись, он постоял оглядываясь. Впереди мерцали огни коттеджей. Слева, совсем рядом, маячили три человеческие фигуры, дальше — рычали машины, цепочкой двигавшиеся к воротам. Урм повернул налево. Проходя мимо людей, он поздоровался с ними и тут же узнал в одном из них Хозяина. Хозяин мог лишить его возможности двигаться. Урм отлично помнил это и пошел быстрее. Хозяин скрылся позади в вихрях крутящегося снега.

Он вышел на плоское укатанное место. Яркий свет озарил его с головы до ног. Громоздкие металлические чудовища, неся перед собой тяжелые щиты, надвинулись на него и остановились, сердито отфыркиваясь.

Урм стоял в пяти шагах от переднего бульдозера, медленно поворачивал свою круглую голову направо и налево и повторял:

— Здравствуйте, как поживаете?

Николай Петрович Королев соскочил с трактора. Водитель испуганно крикнул:

— Куда вы, товарищ инженер?

И в этот момент на шоссе появился Пискунов. Взъерошенный, с вздыбившимися волосами (шапка осталась где-то на пустыре), глубоко засунув руки в карманы распахнутой дохи, он обошел бульдозер и остановился перед Урмом. Их разделяло не больше пяти шагов. Урм громоздился над инженером, словно башня, его граненые бока блестели в свете фар, окутанный паром живот лоснился от влаги, круглая голова с большими стеклянными глазами, растопыренными ушами рецепторов и рогом локатора была похожа на страшную и смешную маску из тыквы, какими

в деревнях парни пугают девчат. Голова равномерно покачивалась, глаза следили за каждым движением Пискунова.

— Урм,— громко сказал Пискунов.

Голова застыла неподвижно, суставчатые руки прильнули к туловищу.

— Урм, слушай мою команду!

Урм ответил:

— Я готов.

Кто-то нервно рассмеялся.

Пискунов шагнул вперед и положил руку в перчатке на грудь Урма. Его пальцы торопливо поползли по броне, нащупывая главное — замыкатель, соединяющий счетно-анализаторскую часть мозга Урма с системой силы и движения. И тут случилось неожиданное — неожиданное для всех, кроме Пискунова, боявшегося этого больше всего. По-видимому, в памяти Урма сохранились ассоциации, связывающие этот жест Хозяина с внезапно возникающей неспособностью двигаться. Едва пальцы Пискунова коснулись ключа, как Урм резко повернулся. Бронированная рука стремительно прошла над головой успевшего пригнуться Пискунова, и Урм, не торопясь, двинулся обратно по шоссе. Николай Петрович первым пришел в себя.

— Эй, ребята! — крикнул он. — Заводите бульдозеры справа и слева! Отрежьте ему дорогу к воротам... Пискунов! Эй, Пискунов!

Но Пискунов не слушал. Пока бульдозеры расползались по обе стороны от шоссе, ныряя в снежных тучах, он побежал за Урмом.

— Стой, Урм! — кричал он высоким, срывающимся голосом. — Стой, скотина! Назад! Назад!

Он задохнулся. Урм шел все быстрее, и расстояние между ними постепенно увеличивалось. Наконец Пискунов остановился, сунул руки в карманы и, втянув голову в плечи, стал смотреть ему вслед. Николай Петрович и Рябкин подбежали к нему. Последним подошел Костенко.

— Ну куда тебя понесло? — сердито сказал Королев.

Пискунов не ответил.

— Он не повинуется,— проговорил он.— Понимаешь, Коля? Не повинуется. Ясно, это спонтанный рефлекс.

Николай Петрович кивнул.

— Я тоже догадался.

— Еще бы! — воскликнул Рябкин. — С таким же успехом вы могли бы предоставить железнодорожным составам самим выбирать время и путь следования...

— Что это такое — спонтанный рефлекс? — робко спросил Костенко.

Ему не ответили.

— И все-таки, несмотря ни на что, это замечательно. — Николай Петрович высморкался, сунул платок за пазуху. — Он не повинуется! Надо же...

— Идем! — решительно сказал Пискунов.

Тем временем бульдозеры развернулись в полукольцо и стали стягиваться вокруг Урма, неторопливо шлепавшего по шоссе. Один из бульдозеров выполз на шоссе впереди него, кормой к воротам, другой нагонял его сзади, остальные три приближались с боков — два слева, один справа. Конечно, Урм давно заметил, что его окружают, но, вероятно, не придавал этому значения. Он продолжал двигаться по шоссе, пока не уперся грудью в бульдозер. Он надавил, трактор чуть качнулся, водитель с напряженным лицом схватился за рычаги. Урм отошел и ударил с разбегу. Железо лязгнуло о железо, и было видно, как снежную мглу под прямым лучом фары прорезали яркие искры. В то же мгновение щит заднего бульдозера уперся в спину Урма. Урм застыл неподвижно, только голова его медленно поворачивалась вокруг оси, точно школьный глобус. Справа и слева подошли еще два бульдозера и плотно закрыли последние пути к отступлению. Урм оказался в плену.

— Товарищи инженеры! Товарищ Пискунов! Что дальше делать? — кричал водитель первой машины.

— Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? — сказал Урм.

Он размахнулся и ударил по щиту. Затем еще и еще. Он бил равномерно, словно боксер на тренировке, слегка отклоняясь при каждом ударе, и из-под его палицеобразных рук с лязгом сыпались снопы искр.

Пискунов в сопровождении Николая Петровича, Рябкина и Костенко поспешил к нему.

— Надо скорее что-то предпринять, иначе он покалечит себя,— встревоженно сказал Рябкин.

Пискунов молча полез на гусеницу трактора, но Рябкин схватил его и стянул обратно.

— В чем дело? — раздраженно спросил Пискунов.

Рябкин сказал:

— Ты — единственный человек, который знает Урма до тонкостей. Если он тебе вмажет... это дело может затянуться на несколько месяцев. Должен идти кто-то другой.

— Правильно,— поспешно сказал Николай Петрович.— Я пойду.

Один из рабочих, обступивших инженеров, вмешался:

— Может, кого из нас выберете? Мы помоложе, ловчее...

— Я,— хмуро сказал Костенко.

— Это не пойдет,— сказал Николай Петрович.— Пискунова не пускайте.

Он сбросил шубу и полез на трактор. Тогда Пискунов рванулся из объятий Рябкина.

— Пустите, Рябкин.

Рябкин не ответил. Костенко подошел с другой стороны и крепко взял Пискунова за плечи.

А Урма бушевал. Нижняя часть его тела была плотно зажата бульдозерами, но верхняя двигалась свободно, и он молниеносно поворачивался из стороны в сторону, наотмашь колотя стальными кулаками по железным щитам. Ключья пара крутились над ним в снеговой мгле. «Живая сила удара кулака — три тысячи кило», — вспомнил Костенко.

Николай Петрович, стиснув зубы, сидел на корточках между бульдозерами в ногах Урма и ждал подходящего момента. От лязга и грохота болели уши. Он знал, что Урма заметил его — стеклянные глаза, то и дело настороженно мерцая, обращались к нему.

— Тише, тише,— одними губами шептал Николай Петрович.— Урма, голубчик, тише! Да тише же ты, подлец!

Какой-то новый звук возник при ударах, что-то треснуло — не то стальная рука Урма, не то щит бульдозера. Медлить больше было нельзя. Николай Петрович нырнул под кулак Урма и прижался к его боку. И тут Урма снова поразил всех. Руки его

упали. Грохот прекратился, снова стало слышно, как воеет пурга над полем и фыркают моторы тракторов. Николай Петрович, бледный и потный, выпрямился и протянул руки к груди Урма. Раздался сухой щелчок. Зеленые и красные огоньки на плечах Урма погасли.

— Все, — просипел Пискунов и закрыл глаза.

Люди сразу заговорили преувеличенно громко, слышались смех и шутки. Водители помогли Николаю Петровичу выбраться из-под Урма и под руки свели его на землю. Пискунов обнял его и поцеловал.

— А теперь, — сказал он отрывисто, — в институт. Будем работать. Понадобится — неделю, месяц... Надо выбить из него эту дурь и сделать его все-таки Урмом — Универсальной рабочей машиной.

— Так что же случилось с Урмом? — спросил Костенко. — И что такое спонтанный рефлекс?

Николай Петрович, усталый и осунувшийся после бессонной ночи, сказал:

— Видишь ли, Урм конструировался по заказу Управления межпланетных сообщений. Тем он и отличается от других самых сложных кибернетических машин, что предназначен для работы в условиях, которые не в состоянии предсказать точно даже самый гениальный программист. Например, на Венере. Кто знает, каковы там условия? Может быть, она покрыта океанами. А может быть, пустынями. Или джунглями. Послать туда людей пока невозможно — слишком опасно. Будут посланы Урмы, десятки Урмов. Но как их программировать? Все горе в том, что при нынешнем уровне кибернетики нельзя еще научить машину «мыслить» абстрактно...

— То есть?

— Для машины нет собаки вообще. Для нее есть только та, другая, третья собака. Встретив четвертую, не похожую на первых трех, машина уже не будет знать, что делать. Грубо говоря, если Урм запрограммирован на определенную реакцию только в отношении дворняги, он не сможет реагировать так же в отношении мопса. Простой пример, конечно, но полагаю, ты меня пони-

маешь. В этом и есть одно из основных отличий самой умной машины от самого глупого человека — неспособность оперировать абстрактными категориями. Так вот, Пискунов попытался возместить этот недостаток путем создания самопрограммирующейся машины. «Мозгу» Урма была задана рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы заполнять самостоятельно пустующие ячейки памяти. Пискунов рассчитывал, что, «набравшись впечатлений», Урм будет способен без помощи человека подбирать наиболее выгодные линии поведения для каждого нового случая. Это самая совершенная в мире модель сознания. Но результат получился неожиданный. То есть теоретически Пискунов допускал такое явление, однако практически... Короче говоря, новая рефлекторная дуга породила десятки вторичных, не предусмотренных программистами рефлексов. Пискунов окрестил их спонтанными рефлексам. С их появлением Урм перестал действовать по своей основной программе и начал «вести себя».

— Что же теперь делать?

— Будем идти по другому пути.— Николай Петрович потянулся и зевнул.— Будем совершенствовать анализаторские способности «мозга», рецепторную систему...

— А как же спонтанный рефлекс? Никто им не интересуется?

— Ого! Пискунов уже что-то задумал... Одним словом, первыми на неизведанных планетах и в неизведанных океанских глубинах будут все-таки Урмы. Людми riskовать не придется... Слушай, Костенко, давай пойдем спать, а? Будешь у нас работать и все узнаешь, даю тебе слово.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАСИФИДЫ

Пайщики акционерного общества «Алмазная Пасифида» до сих пор ждут известий о том, что в порты Японии придут грузовые субмарины странного подводного народа. Возможно, им (пайщикам) будет интересно узнать некоторые подробности, касающиеся предыстории этой многообещающей компании, любезно предоставленные авторам настоящего рассказа одним из свидетелей ее возникновения...

I

Тридцать первого марта барон Като устроил товарищескую вечеринку. Офицеры собрались в отдельном кабинете ресторана «Тако». Сначала чинно пили подогретое сакэ и говорили о политике, о борьбе сумо и о регби, затем, когда господин начальник отдела удалился, пожелав подчиненным хорошо провести вечер, расстегнули мундиры и заказали виски. Через полчаса стало очень шумно, воздух наполнился табачным дымом и кислым запахом маринадов. Все говорили, не слушая друг друга. Барон Като щипал официанток. Савада плясал, топчась среди низких столиков, молодежь хохотала, хлопала в ладоши и орала «доккойса!»¹. Кто-то встал и ни с того ни с сего сипло затянул императорский гимн «Кими-га ё» — его потянули за брюки и усадили на место.

¹ Ритмичный напев (нечто вроде русского «тра-ля-ля!»).

В самый разгар веселья в кабинет с визгом вбежала официантка, ее преследовал рослый румяный янки в пилотке набекрень. Это был известный дебошир и весельчак Джерри — адъютант и личный переводчик командующего базой ВМС США «Шарк». Джерри обвел озадаченных таким нахальством японцев пьяными глазами и гаркнул:

— Здорово, джапы!

Тогда капитан Исида, не вставая, схватил его за ногу и сильно дернул к себе. Джерри как подкошенный обрушился прямо на блюда с закусками, а барон Като с наслаждением ударил его по глазам эфесом кортика. Американца, избитого и облепленного маринованной редькой, вышвырнули обратно в общий зал.

Контрдемарш против ожидания не последовало — вероятно, на этот раз Джерри развлекался без компании. Офицеры отложили кортики и пустые бутылки, выпили еще по чарке виски и стали расходиться. Капитан Исида возвращался с бароном Като. Барон покачивался, тарашил глаза на яркую вечернюю луну и молчал. Только у дверей дома Исиды он вдруг запел шатающимся голосом.

Исида сочувственно похлопал его по плечу и отправился спать. Под утро ему приснился сон. Он видел этот сон уже несколько раз. Он снова «кайгун тайи», капитан-лейтенант императорского флота, и стоит в боевой рубке эсминца «Миками». Вокруг расстилается черное в багровом свете заката Коралловое море, а навстречу из призрачной мглы стремительно надвигаются три американских торпедоносца. Он уже различает азартные лица пилотов и тусклые отблески на боках торпед. «Огонь! Огонь!» — кричит он. Торпедоносцы растут, их крылья закрывают все небо. Ослепительная вспышка, удар — и он с замирающим сердцем летит куда-то в пустоту...

— Проснись же, Исида! — сердито сказал барон Като.

Исида перевернулся на спину и открыл глаза. В комнате было светло и душно. Яркое утреннее солнце проникало сквозь щели бамбуковой шторы. У изголовья сидел на корточках барон Като, жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом.

— Проснулся?

— Почти. — Исида потянулся за часами. — Семь часов... Почему такая спешка?

— Живо одевайся, поедem. Расскажу по дороге.

Исида не стал больше расспрашивать. Через пять минут они сбежали по лестнице в прихожую, быстро обулись и выскочили во двор. У ворот стоял новенький штабной джип. Мальчишка-шофер в каскетке с желтым якорем под козырьком включил зажигание и вопросительно оглянулся на офицеров.

— В Гонюдо, — коротко распорядился барон.

Исида откинулся на спинку сиденья.

— Где это — Гонюдо? — спросил он.

— Курортное местечко на побережье. В трех милях от Аодзи.

Джип миновал бетонные, поросшие травой стены арсенала на окраине города и понесся по прямому, мокрому от росы шоссе. Справа между холмами синело море. Исида жадно глотал свежий ветер.

— Так вот, — сказал барон Като, — кинокомпания «Ямато-фируму» снимает видовую картину «Пейзажи Японии». Вчера вечером в Гонюдо прибыли их кинооператоры.

— Выгнать, — сказал Исида. Он не любил видовых фильмов. Кроме того, его слегка мутило.

— Они получили разрешение от губернатора...

— Все равно выгнать.

— Погоди. Разрешение на съемки от японских властей у них есть. Но тут вмешались американцы. Они объявили, что не допустят возни с киноаппаратами вблизи военной базы.

— Ах вот как? — Исида снял фуражку и расстегнул воротник мундира. — Значит, вмешались американцы?

Барон Като кивнул.

— Вот именно. И какка¹ приказал мне и тебе отправиться туда и уладить дело.

— Гм... А при чем здесь мы? То есть очень приятно лишний раз натянуть нос амэ, но какое отношение имеет штаб военноморского района к «Ямато-фируму»?

¹ Его превосходительство (яп.).

— Приказ есть приказ, — неопределенно сказал барон. Он покосился на шофера и нагнулся к уху Исида. — За разрешение производить съемки в окрестностях оборонных объектов «Ямато-фируму» заплатила префектуре кругленькую сумму. И, говорят, кое-что перепало господину начальнику штаба нашего района. Ведь окрестности Аодзи — одно из самых красивых мест в Японии.

— Ах вот как! — Капитан Исида снова надел фуражку, опустил ремешок под подбородок и задремал.

Шоссе проходило по насыпи в полукилометре от берега. Был отлив. Море отступило, обнажив широкую полосу песчаного дна. Блестели на солнце лужи и заводи. По мелководью, высоко подоткнув полы разноцветных кимоно, бродили женщины и дети с граблями и совками — они собирали съедобные ракушки. Барон Като достал из-под сиденья полевой бинокль и попытался получше рассмотреть голые ноги молоденьких девушек. Но джип трясло, и барон увидел только прыгающие пестрые пятна. Он разочарованно опустил бинокль. В эту минуту шофер оглянулся и сказал:

— Гонюдо, господин барон.

Исида зашевелился, протер глаза кулаками и сладко, с прискуливанием зевнул.

Они миновали нарядные домики, утопающие в зелени и цветах, и выехали на пляж, где у светло-голубого павильона беспокойно колыхалась большая толпа скудно одетых курортников. Скандал, по-видимому, достиг уже критической точки. Любопытные заседали друг на друга, подпрыгивали, стараясь заглянуть через головы. Барон и Исида на ходу выскочили из джипа и остановились, прислушиваясь. Из недр толпы доносились яростные возгласы на японском и английском языках:

— Да поймите же вы...

— Я вас вышвырну отсюда со всеми вашими...

— Keep quiet, lieutenant, do keep quiet, for Lord's sake!¹

— У нас есть разрешение от самого губернатора!

— А я вам говорю — уберите!

¹ Спокойно, лейтенант, ради бога, спокойно! (англ.)

— Keep quiet...

— Это Джерри, — сказал Исида.

Барон ухмыльнулся.

— Ничего. Он был пьян как свинья. К тому же амэ и в трезвом виде не способны отличить одного японца от другого. Пойдем.

Он врезался в толпу, бесцеремонно отодвигая плечом мужчин, обходительно похлопывая женщин по голым спинам. Исида вперевалку двигался вслед за ним, строго поглядывая по сторонам. К нему круто повернулся молодой человек в темных очках, которого барон грубо толкнул локтем в бок.

— Я и раньше не питал симпатий к господам военным... — Темные очки молодого человека негодуя блеснули. Исида старательно наступил на его босую ногу.

— Виноват, — вежливо сказал он.

Лицо в темных очках сморщилось, молодой человек тихонько взвыл и отшатнулся. Протиснувшись через толпу взволнованных девиц, барон Като и Исида вступили в круг.

В центре круга, словно петухи перед схваткой, стояли лицом к лицу маленький толстяк в белом, с наголо обритой, лоснящейся от пота головой и доблестный Джерри. Толстяк, подпрыгивая, брызгал слюной и потрясал какой-то бумагой. Джерри угрожающе нависал над ним, выпятив англо-саксонскую челюсть. Его левый глаз стыдливо прятался под огромным лиловым синяком, зато правый так и пылал сквозь упавшую на него прядь прямых волос. Рядом с Джерри, хватая его за плечо, суетился чин ВМС США с золотой «капустой» на фуражке.

— Do keep quiet, Jerry! — стонал он.

Позади толстяка теснились рослые мускулистые парни, обвешанные неуклюжими футлярами. Позади Джерри и чина ВМС, прочно уперев в песок тяжелые башмаки с гамашами, неподвижно стояли двое сержантов военной полиции. Их кулаки в белых перчатках медленно сжимались и разжимались. В стороне беспорядочной грудой валялись треноги и громоздкие аппараты.

— Мы имеем право снимать, и мы будем снимать. У меня разрешение губернатора!

— Нет, вы не будете снимать, будьте вы прокляты!

— Do keep quiet, lieutenant...

Барон Като и капитан Исида переглянулись, расправили плечи и с каменными лицами двинулись вперед. Они остановились между толстяком и Джерри, четко повернулись к американцам и одновременно отдали честь.

— Капитан третьего ранга барон Като, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

— Капитан-лейтенант Исида, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

На минуту воцарилось молчание. Джерри растерянно переводил глаза с одного на другого и облизывал пересохшие губы. Первым опомнился чин ВМС США. С трудом подбирая слова, он сказал по-японски:

— Э-э... капитан третьего ранга Колдуэлл. Э-э... Здравствуйте.

— Лейтенант Смитсон, адъютант командующего базой «Шарк», — буркнул Джерри. — Чем можем служить?

Барон Като выпятил грудь.

— Его превосходительство господин командующий Н-ским военно-морским районом передает господам американским офицерам уверения в своем доброжелательном к ним отношении и выражает глубокое сожаление по поводу имеющего здесь место недоразумения между господами американскими офицерами и съемочной группой кинокомпании «Ямато-фируму». Он изволит опасаться, что господам американским офицерам...

Вот что значит настоящий аристократ! Как он говорит, какое красноречие! Исида слушал и испытывал чувство гордости и легкой зависти. Но на личного переводчика командующего базой затейливые периоды, избыточные непонятными ему словами и целыми фразами и оборотами из лексикона официальной переписки, произвели совсем другое впечатление. Едва барон замолк и снова отдал честь, Джерри, трясаясь от негодования, рявкнул:

— Говорите коротко, что вам здесь надо?

— Э-э... — затанул капитан третьего ранга Колдуэлл.

Барон презрительно сказал:

— Мог бы быть и повежливее, сопляк...

Это был высокопробный жаргон осакских притонов, и Джерри опять не понял. В толпе слышались смешки. Джерри побагровел.

— Говорите, пожалуйста, медленнее.

Хохот усилился. Толстяк позади Исиды трясся и кашлял от смеха.

— Мы прибыли сюда, — сказал Като, тщательно выговаривая каждый слог и невозмутимо глядя на Джерри, — чтобы помочь вам уладить это недоразумение.

— Да, да, пожалуйста, — обрадованно воскликнул капитан третьего ранга, — военная база... киноаппараты... нельзя. Пожалуйста.

Барон Като повернулся к толстяку, и тот сразу перестал смеяться.

— Вы руководитель съемочной группы?

— Да. Моя фамилия — Хотта. Дзюкити Хотта.

— У вас есть разрешение губернатора?

— Да. Вот, пожалуйста.

Барон взял бумагу, пробежал ее и вернул толстяку.

— Все в порядке. Можете снимать.

— Виноват...

— Можете снимать. Я разрешаю вам снимать, понятно?

— Иди и снимай, болван. Убирайся! — прошипел Исида.

Толстяк, кланяясь и пятась, ретировался к своим парням с футлярами, а Джерри шагнул вперед и схватил Като за плечо.

— Что вы сказали ему? — сердито спросил он.

Като осторожно освободился.

— Позволю себе заметить, что вы, господин лейтенант, обращаетесь к старшему по чину, и покорнейше прошу впредь не забываться.

— Что вы сказали ему? — повторил Джерри.

— Я разрешил ему начать съемки.

— Impossible! — ахнул капитан третьего ранга.

— Наоборот, весьма POSSIBLY, — ответил по-английски Като. — Позволю себе обратить ваше внимание, господа американские офицеры, на то, что Гонюдо находится за пределами территории базы «Шарк» и в пределах Н-ского морского округа. Здесь распоряжаются их превосходительства господин командующий, представителями которого мы имеем честь в данном случае быть, и господин губернатор.

— Но... но... военная база... все видно... Impossible! Jerry, tell'm 'tis impossible! ¹

Капитан третьего ранга Колдуэлл горячо заговорил по-английски. Джерри, красный, как вареный лангуст, кивнул и снова обратился к барону:

— Отсюда просматривается вся береговая линия и все пирсы нашей базы. Мы не можем позволить, чтобы это попало на пленку вашей проклятой компании!

Барон молча развел руками.

— Мы протестуем против ваших действий, — сказал Джерри.

Барон пожал плечами, как европеец.

— Мы вызовем военную полицию...

— Позволю себе заметить, господин лейтенант, что подобные угрозы не к лицу офицеру военно-морских сил союзной державы.

Между тем толпа поредела. Солнце припекало не на шутку. Курортники, справедливо полагая, что инцидент исчерпан, один за другим отходили и устремлялись к шезлонгам и цветастым зонтам, разбросанным по пляжу. Кинооператоры хлопотали у двух треног; вокруг них бегал, обливаясь потом, толстый Хотта. Полицейские сержанты с ненавистью поглядывали на них, но не трогались с места. Капитан Колдуэлл беспомощно переступал с ноги на ногу. Барон, косясь в сторону красивой полной южанки, раскинувшейся на песке неподалеку, сказал:

— В сущности, это только вопрос принципа, господин лейтенант. Отсюда до ваших пирсов не меньше двух миль. Что может попасть на пленку на таком расстоянии?

— Мы будем жаловаться вашему правительству, — мрачно заявил Джерри, — и добьемся изъятия этой пленки.

Исида зевнул. Он вспомнил, что еще не завтракал, и оглянувшись, шаря глазами по вывескам на павильонах. И в этот момент со стороны моря донесся странный хриплый звук, похожий на вой сирены. В километре от берега, у самой линии отлива, блеснуло оранжевое пламя. Плотный рыжий столб мокрого песка и пара взлетел над водой, на секунду застыл неподвижно и стал медленно оседать. Громовой удар потряс воздух.

¹ Невозможно! Джерри, скажи им, что это невозможно! (англ.)

Туча песка и водяной пыли, поднятая неожиданным взрывом, рассеялась, и все взгляды обратились к небу. Небо было бездонно синим и совершенно пустым.

— What's that?¹ — осипшим голосом осведомился капитан третьего ранга.

Джерри потерябил нижнюю губу.

— Dunno... Hope 'tis not a war².

Он подозрительно посмотрел на Като и Исиду.

— И что, часто здесь, в Гонюдо, бывают такие фейерверки?

— Бывают... — неопределенно сказал Като. — Нам пора.

Он отошел к джипу и поставил ногу на подножку. Красивая южанка поднялась, торопливо натягивая шелковый халат.

— Это... опасно? — спросила она встревоженно.

— Нисколько, сестрица, — галантно ответил барон. — Просто нам пора. Исида!

Пляж пришел в движение. Курортники взволнованно переглядывались, размахивали руками и строили предположения.

— Какая-нибудь старая мина...

— При отливе? Хотя, может быть...

— Чепуха! Просто шальной снаряд с полигона.

— В этом районе нет полигонов.

— Нет есть!

— Кажется, в Японии уже не найти места, где бы не было полигонов.

Кто-то уверял, что за несколько секунд до взрыва видел высоко в небе движущийся предмет, весьма напоминающий «соратобу-сара» — «летающее блюдо».

— Вы думаете, это русские?

— Война!..

Исида сплюнул, презрительно скривив губы.

— До свидания, — сказал он американцам.

¹ Что это? (англ.)

² Не знаю... Надеюсь — не война (англ.)

— До свидания, — скорбно откликнулся капитан третьего ранга.

Исида в последний раз полюбовался заплывшим глазом Джерри, отдал честь и направился к джипу.

— Это твоя работа? — спросил он, усаживаясь.

— Что? Ах, Джерри... Нет. По-моему, это Савада: у него железный кулак...

Барон ткнул шофера в спину согнутым пальцем и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раздался громкий пронзительный крик:

— Смотрите! Там человек!..

Лысый Хотта, приплясывая от возбуждения, махал рукой в сторону моря.

— Там человек! Как раз там, где взорвалось!

Все, кто был на пляже, увидели за желтой полосой обнаженного дна, на фоне светло-синего мелководья, отчетливый силуэт, похожий на веселую игрушку «дарума» — японского ваньку-встаньку.

— Человек!

— Его оглушило, он не может подняться!..

— Бедняга!..

Красавица южанка сердито воскликнула:

— Мужчины, что же вы стоите?!

Кинооператоры, сбросив брюки и рубашки, решительно двинулись на помощь потерпевшему. За ними последовали несколько курортников. Барон Като, посвистывая сквозь зубы, взял бинокль.

— Вот оно что... — пробормотал он, вглядываясь. — Странно!..

Капитан Исида знал Като около пятнадцати лет, и ни разу за это время барон не подал повода заподозрить себя в гуманности и человеколюбии. Поэтому капитан удивился, когда Като, внимательно рассмотрев черный силуэт идиота, валявшегося в подводной воронке, внезапно отбросил бинокль и принялся расшнуровывать ботинки. Исида спросил:

— Туда?

— Раздевайся, — приказал барон вместо ответа.

— Какое нам дело? Я хочу есть...

— Скорее, Исида, иначе мы опоздаем!

Исида молча повиновался. Поддернув трусы, они соскочили с машины, пробежали мимо американцев, проводивших их насмешливыми замечаниями, и пустились вдогонку за кинооператорами. Песок был сырой и плотный, бежать было легко. Они обогнули две или три небольшие, неглубокие лужи, перепрыгнули через торчащие из воды камни и вскоре опередили одного из курортников. Исида рассмеялся: это был тот самый молодой человек в темных очках. Молодой человек слегка прихрамывал.

— Скорей, скорей! — торопил Като.

Исида бежал за ним, строго соблюдая интервал в два шага, как рекрут на занятиях по гимнастике. «Вассё, вассё!.. Раз-два, раз-два!.. Вассё, вассё!..» Перед его глазами равномерно, в такт прыжкам дергалась смуглая мускулистая спина барона. На левой лопатке красовалась красно-синяя хоримоно — татуировка, изображающая хризантему. «Вассё, вассё!..» Под ногами заплескалась вода. Неожиданно Като остановился, и Исида чуть не налетел на него. Като торжественно сказал:

— Вы арестованы, потрудитесь встать!

С трудом переведя дух, Исида вышел из-за спины барона. Что-то холодное и скользкое коснулось его колен. Это был маленький осьминог, видимо выброшенный взрывом. Бурый бесформенный комок щупалец судорожно сокращался, покачиваясь на волне. Исида выругался сквозь зубы, отшвырнул его в сторону и поднял глаза. Шагах в двадцати над поверхностью воды возвышались блестящие черные плечи, грудь и голова Железного Человека.

Исида всегда был немного суеверен; и когда из кучки кинооператоров и курортников, топтавшихся рядом, донеслось слово «каппа»¹, он в испуге подался назад, оступился и чуть не упал. Впрочем, он сразу вспомнил, что каппа народных сказок обитают только в прудах и болотах. Кроме того, его успокоил вид армейского двенадцатизарядного кольта, неизвестно откуда появившегося в вытянутой руке барона.

Люди с опасливым удивлением смотрели на Железного Человека, а Железный Человек неподвижно глядел на них громадными выпуклыми глазами, торчащими по бокам головы. Искры сол-

¹ Японский водяной.

нечного света дрожали на его чешуйчатой коже цвета вороненой стали. Шеи у него не было, и теперь стало понятно, почему издали он показался похожим на «дарума».

— Вы арестованы, — повторил барон. — Вставайте и не пытайтесь сопротивляться, иначе я буду стрелять.

Исида облегченно рассмеялся. Разумеется, это всего-навсего шпион в водолазном костюме. Офицеры морской обороны барон Като и Исида схватили шпиона иностранной державы! Молодчина, Като!..

— Встать, мерзавец! — крикнул он.

Железный человек не пошевелился. Исида щелкнул языком.

— Может быть, он без сознания... или сдох?

— Сейчас проверим.

Позади послышался плеск воды. Исида оглянулся. К ним подбегал молодой человек в темных очках.

— По... погодите... немного... — произнес молодой человек, задыхаясь. — Не... не стреляйте.

— Не лезьте не в свое дело, — любезно сказал Исида, — и не хватайте господина офицера за руку, а не то получите по морде.

— Он просто... не понимает... вас!

— ТА КХАЙ ГА ЦХУНГА, — сказал Железный Человек.

Все замерли. Барон переложил пистолет в левую руку.

— Заговорил!

Железный Человек безжизненным голосом выбрасывал глухие гортанные звуки. Он по-прежнему не шевелился, но глаза его медленно налились желтым светом, едва заметным на солнце, и вновь погасли. На лице молодого человека в темных очках изобразилось изумление.

— Послушайте, — прошептал он, — да ведь это...

Барон подозрительно уставился на него.

— В чем дело?

— Он говорит, что очень недоволен. — Молодой человек поднял палец. — Он говорит по-тангутски!¹

— По... Как?

¹ Тангуты — кочевой народ, населяющий плоскогорья Тибета. Авторы никоим образом не рискнут поручиться за грамматическую и фонетическую правильность приводимых здесь тангутских фраз.

— По-тангутски! На тангутском языке! Необыкновенно!..

— Откуда вы знаете?

— Откуда я знаю! Я аспирант филологического отделения Киotosкого университета, и тангутский язык — моя специальность. Я — Эйкити Каваи!

Ни на кого из присутствующих это имя не произвело заметного впечатления, но барон Като попросил:

— Узнайте, пожалуйста, кто он такой.

— Сейчас, — с готовностью сказал Эйкити Каваи. Он подумал и раздельно произнес, вытянув шею к Железному Человеку: — Цха гхо та на!

— Кха го га тангна, — ответил Железный Человек.

Каваи снял очки, озадаченно поглядел на чешуйчатую тушу, затем перевел взгляд на барона.

— Он говорит, что прибыл от Нижнего Человечества. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что он имеет в виду океанское дно.

— И мы не взяли с собой киноаппарат! — в отчаянии воскликнул один из операторов.

Другой из всех сил кинулся обратно к пляжу. Никто не обратил на это внимания.

— Значит, прибыл с океанского дна, — сказал Като. — А он не врет?

— Откуда он знает по-тангутски? — несмело произнес низенький волосатый курортник.

— Погодите, может быть, я не совсем правильно его понял. Спросим еще раз.

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами. Исида с интересом следил, как вспыхивают и гаснут желтые огоньки в выпуклых, как у рыб-телескопов, глазах чудовища.

— Ничего не скажешь, — проговорил наконец Каваи, разводя руками. В голосе у него было смущение, словно Железный Человек совершил бестактность, — с океанского дна, со дна Большого Восточного Морья... Так у тангутов называется Тихий океан. Никакой ошибки.

Предлагаемый рассказ пришел к ним (авторам) издалека и при передаче, надо думать, пострадал особенно сильно именно в этой части.

Барон сунул пистолет под мышку и кусал ноготь.

— Начинается прилив, — напомнил Исида.

— Да, да... Послушайте, Кавай-сан, попросите его подняться и следовать за нами. На берегу можно будет поговорить в более удобной обстановке.

— Он говорит, — перевел через минуту Кавай, — что ему трудно ходить. Здесь он весит много больше, чем у себя на Тангна... на родине.

— Мы ему поможем, — с легким сердцем пообещал барон, — за этим дело не станет.

Он повернулся к кинооператорам:

— Вы здоровые ребята, возьмитесь-ка за это дело.

Те поспешно, хотя и не очень охотно приблизились к Железному Человеку. Загорелый парень в черных фундоси¹ осторожно притронулся к его плечу.

— А-ац!

Исида даже подпрыгнул от неожиданности. Парень в черных фундоси взвыл, опрокинулся на спину и скрылся под водой, задрал ноги. Через мгновение он вынырнул, отплеываясь и ругаясь.

— Черт! Вот черт!.. Он бьет электричеством, как динамо-машина!

Кинооператоры немедленно отошли на исходные рубежи.

— Каков он на ощупь? — наивно осведомился низенький волосатый курортник.

— Пощупайте сами, — посоветовал пострадавший, вытирая лицо дрожащей ладонью.

— Скажите ему, чтобы он выключил это свое электричество, — предложил Исида.

Кавай махнул рукой.

— Я не знаю, как это сказать по-тангутски. Тангуты понятия не имеют о таких вещах.

— Но ведь надо же что-то делать!

Вода прибывала. Она доходила уже до пояса. Плечи Железного Человека скрылись под водой, и над поверхностью возвышалась только черная чешуйчатая голова, похожая на перевернутый котелок. Все посмотрели на барона. Барон Като думал.

¹ Род набедренной повязки, предмет национальной японской одежды.

— Может быть, сбегать за веревкой? — нетерпеливо сказал Исида.

Но Железный Человек обошелся без посторонней помощи. Когда его стеклянные глаза лизнула первая волна, он наклонился и начал подниматься. Видно было, что это стоит ему немалых усилий. Вот над водой вновь появились плечи, затем покатая, заостренная книзу грудь и, наконец, раздутый живот и тяжелые, как бревна, ноги. Железный Человек был гораздо выше нормального человеческого роста. Он постоял, слегка покачиваясь, сделал два неуверенных шага, качнулся сильнее, неуклюже замаяхал трехпалыми руками, но удержался и не упал.

— Ну, вперед, вперед, — ласково сказал барон Като.

Каван срывающимся фальцетом выкрикнул короткую фразу, и Железный Человек медленно двинулся к берегу мимо пораженных людей.

В эту минуту Исида впервые в жизни испытал странное чувство: ощущение реальности окружающего мира померкло, все стало зыбким, фантастическим, как во сне. Яркое голубое небо, теплое темно-синее море, бело-желтая полоса пляжа, вдали знакомые очертания Аодзи, затянутые белесой дымкой. А рядом громадная, нелепая фигура, грузно шагающая на прямых, негнущихся ногах, лязгающая металлом при каждом движении...

III

Гостя из океанских глубин встречало все население Гонюдо.

Сотни раздетых, полуодетых и почти одетых курортников и местных жителей толпились на берегу. Хотта и один из операторов целились объективами. Откуда-то появились полицейские в светлых мундирах. Они деловито покрикивали, осаживая и удерживая, награждая наиболее нетерпеливых толчками в область живота и груди, как это предписывает инструкция. Тощий курортник с серой кожей наркомана упал, на него сейчас же наступили, он громко запротестовал.

— Ти-ше! — заорал кто-то. — Железный Человек ступил на берег Японии!

Несколько минут длилось неловкое молчание, тускло освещенное робкими улыбками. Никто не представлял себе, что можно ожидать от такого гостя, как нужно отнестись к нему и как вообще следует поступать в подобных случаях. Поэтому люди просто глазели. Стрекотали киноаппараты. Парень в черных фудоси гордо объявил: «Он ударил меня током!» — и запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха. Барон Като исподлобья поглядывал на американцев, стоящих в первых рядах. Капитан третьего ранга стоял, отвесив нижнюю губу. Джерри курил сигарету, часто затягиваясь и сплевывая.

Наконец Каваи кашлянул и выступил вперед.

— Друзья мои! — сказал он. — Этот... кхе... господин прибыл, как вы уже, наверное, знаете... кхе... со дна океана. Вот. Я думаю... кхе, кхе... мы рады его приветствовать на земле. Да?

В толпе недружно крикнули «банзай!». Железный Человек молчал, уставившись перед собой стеклянными глазами, и тихонько покачивался.

— Это он взорвался? — спросил курортник-наркоман.

— По всей видимости, он, — тоном величайшего сожаления ответил Каваи.

— Так недолго и людей покалечить, — сердито пробормотал курортник-наркоман.

Каваи сокрушенно вздохнул.

— Что это на нем надето? — не выдержал один из полицейских.

— Одну минуточку! — Через толпу проталкивался массивный человек средних лет, с жирным, обрюзгшим лицом. — Простите, пожалуйста, за бесцеремонность, — сказал он, — я корреспондент «Токио-симбун». Мне сказали, что это — господин из океана, что он говорит по-тангутски и что уже нашелся переводчик...

— Эйкити Каваи к вашим услугам.

— Так вот, я хотел бы задать господину несколько вопросов. Вы не возражаете?

Исида недоумевал, почему барон не пошлет всех к чертовой матери и не увезет Железного Человека к себе, чтобы там без лишних свидетелей выяснить, нельзя ли извлечь из этого забавного приключения какую-нибудь пользу. Но Като сказал:

— Нет, мы не возражаем.

— Благодарю, — корреспондент бросил изумленный взгляд на барона, стоявшего поодаль с пистолетом под мышкой, — благодарю вас. Господин Каваи, спросите господина из океана, какова цель его прибытия на сушу.

Каваи повернулся к Железному Человеку, но тот вдруг глухо пробормотал что-то.

— Он утомлен, — перевел Каваи, — и, если не ошибаюсь, ранен.

— Какая жалость! Но все-таки спросите его, умоляю вас!

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами.

— Он прибыл сюда для торговли.

Толпа сдержанно загудела.

— Он говорит, что его раса... кхе... решила завязать сношения с Верхним Человечеством, то есть с нами. Он предлагает торговать. Да... кхунгу... кхе... да, торговать...

— Он будет торговать рыбой? — крикнули в толпе.

— Нижнее Человечество будет торговать алмазами!..

— Ого!

— ...и жемчугом!

Корреспондент быстро записывал. Курортники прорвали редкую цепочку полицейских и придвинулись к Железному Человеку вплотную. Хотта и его операторы неистовствовали.

— Откуда у них алмазы?

— Господин переводчик!

— Что они требуют взамен?..

— Господин переводчик!..

— Ой! Разорвете купальник! Да не вы, а вы...

— Господин переводчи-ик!..

Выяснилось, что Нижнему Человечеству необходимы... кхе... тяжелые металлы, тяжелее золота... Нет, свинец не нужен... Почему? Потому что это... кхе... да, он так и говорит, потому что это конечное вещество, а им нужны меняющиеся тяжелые металлы. Что он имеет в виду? Не знаю. Не знаю, господа. Возможно, радиоактивные... Кроме того, Нижнее Человечество готово поделиться с Верхним Человечеством своими техническими достижениями. Что касается алмазов и жемчуга — эти дра-

гоценности... кхе... в изобилии водятся там, на дне... Да, им уже давно известна ценность алмазов и жемчуга.

— Друзья мои, будьте благоразумны! Не толкайтесь!

— Господин переводчик!.. О господи!..

Кто-то неосторожно уперся рукой в бедро Железного Человека, взвизгнул и бросился назад. Толпа отхлынула.

— Ну можно ли так! Господин Снизу... господин из океана смертельно устал и хочет отдохнуть. Ему плохо!..

— Еще один вопрос! — просительно возопил корреспондент «Токио-симбун».

Исида вопросительно посмотрел на Като. Тот едва заметно покачал головой.

— Слушайте, — сказал Исида, — вам лучше уйти.

— Да, да... — торопливо подхватил Каваи. — Вам лучше уйти, господин из океана устал и хочет отдохнуть.

— Но...

— Идите, идите, — сказал Исида, легонько подталкивая представителя шестой державы к толпе.

Корреспондент возмутился.

— Не трогайте меня! — крикнул он. — В конце концов, почему именно вы монополизируете право общения с гостем всей Японии?!

Тогда Железный Человек слегка нагнулся и протянул к самому лицу корреспондента чешуйчатые влажные ладони. Все замерли, полицейские смущенно переглянулись. Между ладонями с громким треском проскочила фиолетовая искра. Секунду корреспондент, страшно скосив глаза, смотрел на толстые трехпалые руки, затем отскочил в сторону и с оскорбленным видом удалился.

— Хора, слушайте! — крикнул Исида. — Прошу дать дорогу!

Полицейские расчистили в толпе узкий коридор, который, впрочем, значительно расширился, когда Железный Человек, звякая и гремя, двинулся вслед за бароном Като и Каваи. Капитан Исида замыкал шествие. Когда они подошли к джипу, барон Като приказал шоферу раздобыть несколько пар резиновых ласт. На пляже оказалось много аквалангистов, и ласты были получены через минуту. Напялив их на руки, Исида, шофер, Каваи и двое операторов

осторожно подсадили Железного Человека в джип. Като осуществлял общее руководство. Железный Человек с лязгом обрушился на сиденье и остался полулежать в крайне неудобной позе — с ногами, торчащими из машины на метр.

— Едем? — спросил Исида, отирая пот со лба.

Като кивнул.

— Только сначала приведем себя в порядок.

Они стыдливо зашли за радиатор и принялись одеваться. Шофер стоял рядом, почтительно держа на вытянутых руках ремни и мундиры.

— Одну минуту, — раздался рядом вкрадчивый голос.

Они обернулись. Это был Джерри; из-под его локтя выглядывал капитан третьего ранга.

— Да? — сказал барон Като.

— Скажите, это действительно человек с океанского дна?

— Полагаю, да. Во всяком случае, чертовски похож.

— Куда вы его везете?

— В Аодзи. Ко мне на квартиру.

— Гм... А почему он взорвался?

— У него что-то лопнуло в его корабле, — небрежно сказал барон, — мы там исцарапали ноги об обломки.

Исида быстро огляделся. Каваи и операторы, окруженные любопытными, стояли возле Железного Человека и о чем-то оживленно разговаривали.

— Зачем он вам нужен? — спросил Джерри.

— Станный вопрос...

— А все-таки?

Барон Като затянул ремень, взял у шофера кольт и сунул в кобуру.

— Вы же слышали, — процедил он сквозь зубы. — Нижние Люди готовы поделиться с нами своими техническими достижениями. Мне кажется, они должны понимать кое-что в подводных лодках...

— С кем это «с нами»?

— С нами, с японцами.

— Вы не имеете права, — неуверенно сказал Джерри.

— А вы?

Тут капитан третьего ранга разразился пространной речью по-английски и закончил ее японским «пожалуйста». Джерри хмуро глядел под ноги, разрывая песок носком ботинка.

— Может быть, договоримся? — произнес он невнятно.

— Хорошо, — сказал вдруг барон. — Исида, пойди и отгони от машины этих дураков. И операторов тоже. Оставь только Каваи.

Исида нахлобучил фуражку и неуверенно посмотрел на Като.

— Иди, иди, — кивнул барон, — не беспокойся.

И Исида пошел.

Когда через четверть часа он вернулся, потный и воинственный после переговоров с толпой, Джерри, капитан третьего ранга и двое сержантов военной полиции выгружали Железного Человека из джипа. Каваи растерянно бегал вокруг них, сам Железный Человек слабо сопротивлялся и выкрикивал короткие гортанные слова. Работа спорилась.

— Куда это его? — удивленно спросил Исида.

— У нас нет места в машине. Пусть везут его на своем «додже» в управление базы. В конце концов, ведь мы союзники... — Барон Като мельком взглянул на какую-то сиреневую бумажку, которую держал в руке, сунул ее в карман и выплюнул окурочку сигареты.

— Поедем, — сказал он. — Хорошо бы успеть до обеденного перерыва.

IV

Около двух часов ночи с третьего на четвертое апреля адъютант и личный переводчик командующего базой «Шарк» сидел в своей комнате на Симбанте и сочинял отчет. Литературный труд не входил в число любимых занятий лейтенанта Смитсона. Он писал, перечеркивал, вполголоса ругался и то и дело вдохновлялся из плоской прямоугольной бутылки «Уайт Хорс». Он путался в бесконечных «который», «каковой», «последний», мусолил зажим «вечной ручки» и таращил глаза в черную ночь за окном, где над плоской крышей здания управления базы поднимался кровавый огрызок ущербной луны.

Лейтенант Смитсон, Джерри, парень из Алабамы, еще немного терпения, и ты станешь большим человеком! Самое главное,

составить отчет таким образом, чтобы сразу было видно, чего ты стоишь! Чертовски трудная задача все-таки. И так... «Благодаря решительности и находчивости в трудных условиях начавшегося прилива, при участии и посильной помощи оказавшихся на месте происшествия двух чинов японских сил морской обороны...» Про Колдуэлла упоминать не стоит — этот мяля ничем не помог. Вот без японских чинов не обойдешься: их расписка на пять тысяч долларов подшита к делу. Джерри хихикнул. Он выдал этим господам чек на пять тысяч, а на его банковском счету было всего две. Командующий базой в тот же день возместил Джерри целиком все пять тысяч. Джапам придется помалкивать — дело, хе-хе, деликатное... Так. «Общение с Железным Человеком облегчалось тем, что последний говорит по-тангутски». Жаль, что не по-японски. Было бы проще... Кто эти тангуты? Какие-нибудь допотопные джапы, должно быть. «Переводчиком служил аспирант филологического факультета Киотоского университета Эй-кити Каваи, специалист по тангутскому языку...» Это пришлось проверить. Каваи действительно оказался аспирантом и т.д., уволенным, правда, в прошлом году по не зависящим от него обстоятельствам (в последнее время перебивался репетиторством в богатых семьях). «Железный Человек был доставлен в расположение базы «Шарк» и помещен в здании управления базы, где с ним регулярно проводятся беседы, имеющие целью выяснить, в какой мере общение и связь с подводным миром могут оказаться полезными для ВМС США».

Джерри сам вел эти беседы. Откровенно говоря, толку от них было прискорбно мало. Железный Человек оказался существом чертовски необщительным и тяжелым на подъем. Он вонял и непрерывно ныл, что ему плохо, и что у него что-то не в порядке с аппаратурой, и что он торчит здесь, на Верхней Земле, уже бог знает сколько, а основные вопросы еще не решены, и что его ждут, и что вообще все они, Верхние Люди, порядочная сволочь. Он наотрез отказался беседовать с профессорами Окубо и Яманиси, знавшими тангутский язык и специально приехавшими из Токио. Он сказал им, что они «кха-кханги», после чего те зарделись и с бешеной вежливостью попросили разрешения покинуть базу. Каваи казался после этого очень довольным: парень здорово бо-

ялся конкуренции и из кожи вон лез, чтобы всем угодить — и Железному Человеку, и Джерри, и сержанту охраны. Железный Человек относился к нему тоже неплохо и однажды даже отключил ток и позволил к себе прикоснуться. Каваи сделал это с интересом, а Джерри — по долгу службы. Железный Человек оказался на ощупь именно тем, чем казался на вид, — Железным Человеком. Джерри потом долго мыл руки и ругался. Это был единственный случай, когда Железный Человек позволил к себе прикоснуться. В дальнейшем он бил любого и всякого током, а одного хитроумного лейтенанта-техника, облекшегося в резиновые рукавицы, он так схватил за бока, что хитроумный лейтенант отлеживался целый час.

Джерри прекрасно понимал, что как переводчик Каваи насколько не хуже других, но как, черт побери, выяснить у этой железной скотины устройство подводных кораблей, позволяющих перемещаться на глубине пяти-семи километров? Как будет потангутски «торпеда»? Или «экипаж»? Или «давление на квадратный дюйм»? Позавчера железная обезьяна разразилась пространной речью, так что Каваи едва успевал переводить, а Джерри — записывать. Как казалось сначала, речь шла о грозном оружии подводного нападения и о методах, которыми пользовались Нижние Люди для уничтожения или ограбления кораблей Верхних Людей. Но в середине беседы вдруг выяснилось, что Железный Человек попросту излагает историю «Марии Целесты», захваченной, оказывается, одной из научных экспедиций обитателей океанского дна. Джерри, которому было в высшей степени наплевать на «Марию Целесту», на которого нажимал командующий базой, ожидающий со дня на день прибытия комиссии из штаба ВМС, только вздохнул и слабым голосом попросил Каваи перевести разговор на другую тему.

Короче говоря, Джерри практически ничего не добился. Это будет самое слабое место в отчете. Удалось выяснить только, что где-то в Тихом океане на большой глубине находится громадный подводный город (по аналогии с Атлантидой в газетах его с легкой руки какого-то журналиста называли Пасифидой¹; Железный

¹ От Pasific — Тихий океан.

Человек же называл этот город «Длинной Дырой»). Где именно находится Пасифида, осталось совершенно неясным, потому что Джерри отчаялся объяснить аспиранту-филологу, что такое «координаты», и вообще у Нижних Людей была своя, совершенно невразумительная система счета. Жители подводного города достигли высокой ступени цивилизации, далеко не в первый раз посещают сушу, но только сейчас находят возможным начать постоянные сношения с людьми. Сам Железный Человек — первый посланец подводного мира. Он готов организовать Общество содружества, основой которого послужат торговые связи. Разве Верхнее Человечество не нуждается в алмазах и жемчуге? О технических же достижениях Нижних Людей он распространяться не может за неимением полномочий.

Все это было достаточно прискорбно само по себе. Но вдобавок командующий базой изнемог под давлением общественного мнения и разрешил вчера вечером устроить пресс-конференцию. В присутствии тринадцати корреспондентов от восьми газет Человек из Пасифиды прямо заявил, что оставаться здесь далее не намерен: к нему, видите ли, плохо относятся, мучают пустой болтовней и не дают возможности заняться делом, ради которого он, собственно, прибыл. Он вернется в океан и найдет другой берег, где предложения Нижнего Человечества будут оценены по достоинству.

Пресса взвыла. Сегодняшние утренние газеты разразились неистовой руганью. «Майнити-симбун» обратилась к министру внутренних дел с вопросом, известно ли министру, что Человек из Пасифиды, почетный гость Японии, содержится под замком на американской военной базе. «Асахи» предлагала принять немедленные меры. «Японии нужны алмазы!», «Пасифида — город алмазов», «Алмазы или подводные лодки?», «Не позволим американцам дискредитировать Японию в глазах Алмазного Народа!», «Протест Общества покровительства животным»...

«Кэйдзай-симбун» опубликовала интервью своего корреспондента с Человеком из Пасифиды под жирной шапкой: «Есть ли у вас образцы алмазов?» — «Хагуфу! (Вот!)» — отвечает Железный Человек». Фотография изображала подводного гостя, указывающего трехпалой рукой на свой громадный выпуклый глаз.

Под фотографией сообщалось об учреждении анонимного акционерного общества «Алмазная Пасифида», подготавливающего выпуск акций на пять миллиардов иен.

Действительно, после обеда Эйкити Каваи получил телеграмму с предложением принять должность одного из директоров компании и главного консультанта с окладом в сто пятьдесят тысяч иен. Вместе с телеграммой Каваи были вручены пятьдесят тысяч иен представительских. Джерри только облизнулся, узнав об этом. Впрочем, он утешился, попросив Каваи оставить для него акций на восемь тысяч долларов. Это верное дело. Кажется, командующий тоже имел с Каваи приватную беседу на ту же тему. Да что командующий — алмазный ажиотаж охватил всю базу. Несколько часов назад два идиота из охраны — капрал Корн и рядовой Харрис — попытались вывинтить у Железного Парня алмазные глаза. Капрал парализован, рядовой прибежал к Джерри и, трясясь, как студень, признался во всем. Оба будут отданы под суд.

Джерри потер руки и придвинул к себе вечерние газеты. «Новая авантюра; значит, марсианские земельные участки — только цветочки?» Радикалы вонючие!.. «Акции алмазных копеек стран свободного мира упали на два и три четверти пункта, положение продолжает оставаться неустойчивым». То-то и оно! «Алмазы Якутии или алмазы Пасифиды?» Фотографии: Человек из Пасифиды сидит в кресле; Человек из Пасифиды и доктор Эйкити Каваи; Человек из Пасифиды и Мисс Япония; Человек из Пасифиды читает «Асахи-симбун»... Кретины, господа боже мой!..

Джерри зевнул и взъерошил волосы. Ладно, отчет надо все-таки кончать. Завтра наконец прибывает комиссия. Железному Мальчику не долго остается прохлаждаться под его — Джерри — крылышком. Погрузят в самолет — и тью-тью!.. Там он выложит все о подводных лодках, уполномочен он или нет. Джерри снова прищурился на луну и закусил конец перламутровой ручки.

Крыша здания управления вдруг подпрыгнула. Белая вспышка озарила окна верхнего этажа. Качнулись стены, со звоном посыпались стекла. Стол скрипнул и покосился, грохнулась на пол бутылка с виски. Громовой раскат ударил в уши. Оглушенный и обалдевший от неожиданности, Джерри соскользнул со стула и юркнул под подоконник.

Взрывов больше не было. Снаружи взвыли сирены, потянуло горелым. Несколько пар солдатских ботинок торопливо прогрохотали по асфальту. Откуда-то донеслись встревоженные крики и гудки автомобилей. Джерри подождал еще немного, встал, трясушимися руками надел пилотку и выбежал на улицу. У подъезда управления он столкнулся с сержантом охраны. Лицо сержанта было потно и вымазано в саже, мундир разорван.

— Я хотел бежать за вами, — задыхаясь, проговорил сержант, — взрыв в комнате восемьдесят восемь, сэр. И пожар. Железный Человек исчез, сэр. Словно и не было. Но пожар потушен, сэр.

Джерри стремительно шел, почти бежал по коридору. Под каблуками омерзительно скрипело битое стекло.

— Часовой, сэр, — сержант едва поспевал за ним, — часовой оглушен, сэр... Кирпич упал прямо на макушку. Как нарочно, сэр...

— «Как нарочно», — машинально повторил Джерри, останавливаясь перед комнатой № 88, в которой содержался Железный Парень.

Она была неузнаваема. Сорванная дверь едва держалась на одной петле. В беспорядочно прыгающих лучах фонариков мелькали груды почерневшей штукатурки, куски кирпича, обвалившиеся перекрытия, дыбом торчали взломанные доски пола. В углу — раздробленные в щепу остатки мебели. Остро воняло гарью и кислотой. Среди этого разрушения, подсвечивая себе фонариками, ползали грязные мокрые солдаты охраны. Джерри споткнулся о пустой огнетушитель, с проклятием отшвырнул его и заорал:

— Что вы здесь делаете, черт вас побери?

Солдат, тщательно перебиравший горсть алебастровой трухи у себя на ладони, испуганно вытянулся.

— Ищем... Ищем Железного Человека, сэр... — заикаясь, проговорил он.

— Вон, вон отсюда! Сержант! Отведите это стадо вниз и оцените здание! Оставьте мне ваш фонарик, сержант...

Солдаты, толкаясь и сопя, выбрались из комнаты. Оставшись один, Джерри присел на корточки и внимательно огляделся. Никаких следов Железного Парня. Человек из Пасифиды исчез, словно лопнувший мыльный пузырь... Впрочем... Джерри протянул руку

и взял тяжелый лоскут металлической ткани, похожий на обрывок средневековой кольчуги. Еще несколько таких клочков, припудренных штукатуркой, виднелись под обломками. Но это было все. Ни крови, ни растерзанных внутренностей, ни раздробленных костей. Вероятно, Человек из Пасифиды был чем-то вроде медузы.

Рассвет застал Джерри перепачканным, утомленным и растерянным. Алмазных очков он так и не нашел. За проломами выбитых окон волновалась толпа, слышались выкрики солдат и полицейских: «Стэнд бэк! Казрэ! Осади назад!» Джерри понуро пошел к выходу. У порога он наступил на небольшой ящик, исковерканный, как и все в комнате. Джерри уже видел несколько таких ящиков, когда рылся в обломках, но не обратил на них внимания. Сейчас он рассеянно перевернул его носком ботинка. К ящику прилип вдавленный в него взрывом обрывок металлической одежды Человека из Пасифиды. Из-под сетки виднелся край красно-белой наклейки. Заинтересованный лейтенант Смитсон нагнулся, отодрал чешуйчатую сетку и... Он не поверил своим глазам. На наклейке рядом с большими черными иероглифами красовалась четкая надпись по-английски: «Сухая анодная батарея. 80 вольт. Сделано в Японии. Компания «Токио-Дэнки».

Не менее пяти минут лейтенант разглядывал надпись и ощупывал ящик. Затем воровато огляделся, отодрал наклейку и сунул ее в карман.

V

— «Человек из Пасифиды приходит и уходит», «Человек из Пасифиды — жертва несчастного случая», «Несчастный случай или злой умысел?», «Главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида» Эйкити Каваи сообщает, что незадолго до своей трагической гибели Железному Человеку удалось связаться со своими соотечественниками. Недалек тот день, когда подводные корабли Нижнего Человечества с грузом драгоценных камней войдут в порты нашей страны», «Учредители компании «Алмазная Пасифида» собираются обратиться в международный суд с жалобой на действия командующего базой ВМС США «Шарк».

Барон Като отложил газету.

— Как тебе это нравится?

Капитан Исида аккуратно подцепил палочками и отправил в рот ломтик соленой рыбы.

— Прекрасная дикция. Ты мог бы выступать по радио. Хочешь пива?

Барон покачал головой.

— Я думаю, чего только нельзя натворить в наше время, имея на плечах голову! Кстати, тебя интересуют деньги?

Капитан Исида знал барона пятнадцать лет. Поэтому он не торопясь допил пиво и спокойно спросил:

— Сколько?

Като вытащил пачку банкнотов.

— Пока твою долю приходится тысяча.

— Иен?

— Что ты! Конечно, долларов. Джерри оказался прохвостом, и я получил всего две тысячи.

— Вот как? — сказал Исида и потянул к себе черно-зеленые бумажки.

— Пересчитай. Это еще не все. Остается господин главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида». Пока он еще ничего не дал. Но он обязательно даст. Он уже обещал. — Барон закурил сигарету и продолжал: — Я сразу понял, что это жулики. Потом я узнал и господина Каваи. Я узнал его, как только он снял свои темные очки. Мы уже веселились однажды на его деньги — в конце марта я продал ему двадцать килограммов динамита и выбракованный экспериментальный костюм для работ с токами высокой частоты. Этот костюм валялся на складе арсенала с сорок четвертого года.

— Вот как? — повторил Исида. Он тщательно пересчитал деньги и сунул их во внутренний карман кителя.

Като вздохнул.

— Да, чего только не сделаешь в наше время, имея хорошую голову и кучу железного тряпья... Между прочим, Каваи обзавелся секретарем. Плечистый парень, похожий на боксера. Кажется, очень сильный...

— Он и должен быть сильным, — кивнул Исида убежденно, — треснуть часового по макушке так, чтобы потом думали, что это кирпичом, может только очень сильный человек.

— Я думаю, без кирпича не обошлось, — возразил барон Като. — Попробуй-ка просиди трое суток в упаковке из резины и железа!

Капитан Исида приятно осклабился и потянулся за бутылкой.

ШЕСТЬ СПИЧЕК

1

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

— Сложное дело, товарищ Леман. Очень странное дело.

— Не нахожу, — сказал директор института.

— Не находите?

— Нет, не нахожу. По-моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном. У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора вправе касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. «Вникает! — думал он со злостью. — Все ясно, как шоколад, — но вникает!»

— А мне вот не все ясно, — вздохнул инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказал он, — у меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

— Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... «личным лаборантом». Горчинский, кажется?

— Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. «Легковат, голубчик, — подумал он. — Ладно, дойдет очередь и до тебя».

Но очередь до директора еще не дошла. Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд действительно все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за «Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга». Андрей Андреевич Комлин производил над собой опасные эксперименты и уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистый круглый череп, покрытый странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова: «сильнейшее нервное истощение», «поражение центров памяти», «поражение речевых и слуховых центров...»

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников — все это здесь ни при чем. Нарушений правил безопасности — во всяком случае, в общепринятом смысле — не было. Наконец, Комлин проводил опыты над собой втайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, «личный» комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет другого мнения.

Инспектор был не только инспектором. Чутьем старого научного работника он ощущал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия. Перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, он убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. Именно с появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своевременно не обратили внимания те, кому это следовало сделать, и которые привели в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов. Это продолжалось несколько дней. Затем Комлин неожиданно покинул свою келью, совершил, как обычно, обход лаборатории, произвел три публичных разноса, подписал бумаги и засадил заместителя писать полугодовой отчет. На другой день он вновь заперся в «нейтриннике», прихватив с собой на этот раз лаборанта Александра Горчинского.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, «потрясший основы медицины» доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрился наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из «нейтринника» выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, «роняя шкафы», кинулся к лабораторной аптечке. Выхватив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в «нейтринник», захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то темным, вероятно кровью. Вечером Комлин и Горчинский тихо вышли из «нейтринника» и, ни на кого не глядя, прошли к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом, Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были «какие-то такие», и Веденееву захотелось не-

медленно удалиться. Но уходить сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

— Читаете, Андрей Андреевич?

— Читаю,— сказал Комлин.— Ши Най-ань, «Речные заводы». Очень интересно.

Веденеев по молодости лет почти не был знаком с китайской классикой и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу, сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка смущенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу («один раз, мельком»), кивнул и сказал:

— Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Ху Янь-чжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хе Чжэня и Се Бао и как некто «Коротколапый тигр» Ван Ин и его супруга «Зеленая»... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву. Закончив, он спросил:

— Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захохотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал, что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако Комлин встретил вопрос Веденеева с таким искренним изумлением, что Веденеев, замаявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

В тот вечер Комлин, веселый, остроумный, славный, как никогда, показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки — Лена, Дуся и Катя. Девушки задержались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загипнотизировать, но все отказались, и Андрей Андреевич рассказал анекдот о гипнотизере и хирурге. Потом он сказал:

— Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь. Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмурия брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

— Вот это легкие! — сказала Дуся с уважением.

От нее до Комлина было шагов десять, не меньше. Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

— Неужели вы задуваете носом? — поразились Дуся.

А Комлин сорвал платок, захохотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса: ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол («Опять вы дуете...» — неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказал, как это делается. Но Комлин вдруг сделался серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

— Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, — робко сказала Катя.

— Записывайте, — странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: — Четыре, восемь, один... — Тут голос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: — Семь — один — четыре — два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), волоча ноги пошел в «ней-

тринник» и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич со- считал правильно: если читать названные им цифры справа нале- во, то получится произведение — два миллиона четырехста сем- надцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав через дверь Комлину спокойной ночи. Наутро Андрея Андреевича отвезли в госпиталь.

Официальным результатом трехмесячной работы Комлина была нейтринная акупунктура — метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был нео- бычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтрин- ной акупунктуре имела раненая рука Комлина? А необычайная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

— Скрывал, от всех скрывал,— пробормотал инспектор.— Не был уверен или боялся подставить товарищей под удар? Слож- ное дело. Очень странное дело.

Щелкнул видеофон. На экране появилось лицо секретарши.

— Простите, товарищ Рыбников,— сказала секретарша,— товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

— Пусть войдет,— сказал инспектор.

2

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубаше с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась мо- гучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными во- лосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плешь (или даже две плечи, как показалось инспектору),— фигура вдви- галась в кабинет спиной. Прежде чем инспектор успел удивить- ся, обладатель клетчатой рубашки, продолжая пятиться, сказал: «Пожалуйста, Иосиф Петрович»,— и пропустил в кабинет дирек- тора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клет- чатой рубашки и странных манер было украшено короткими, но

весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, «личный» лаборант Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

— А вы... — начал инспектор.

— Спасибо, — прогудел лаборант и сел, упершись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми настороженными глазками.

— Горчинский? — спросил инспектор.

— Горчинский Александр Борисович.

— Очень приятно. Рыбников, инспектор Управления охраны труда.

— Оч-чень рад, — сказал Горчинский с оттяжкой.

— «Личный» лаборант Комлина?

— Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показалось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

— Так, — сказал Рыбников. — Над какими вопросами работали последние три месяца?

— Над вопросами нейтринной акупунктуры.

— Подробнее, пожалуйста.

— Есть доклад, — веско сказал Горчинский. — Там все написано.

— А я все-таки попросил бы вас поподробнее, — сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор: инспектор — багровея, Горчинский — шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

— Извольте, — прогудел он. — Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом.

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле.

— ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом производились измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых лабильности — неустой-

чивости — в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью думал: «Ну, погоди ты мне...» Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

— ...последние, равно как и нейрокератин... — гудел лаборант.

— А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? — спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский глянул на свои лежащие на подлокотниках кресла исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами руки и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

— Обезьяна ободрала... — сказал он сквозь зубы. — В виварии.

— Вы делали опыты только над животными?

— Да, я делал опыты только над животными, — сказал Горчинский, чуть выделяя «я».

— Что случилось с Комлиным два месяца назад? — Инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами:

— Не помню.

— Я вам напомню. Комлин порезал руку. Как это случилось?

— Порезал, и все! — грубо сказал Горчинский.

— Александр Борисович! — предостерегающе сказал директор.

— Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

— Вы меня удивляете, Горчинский, — тихо сказал он. — Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы мне истерики закатываете. Стыдно...

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем сила этого немолодого, упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал наконец, ни на кого не глядя:

— Что вы хотите узнать?

— Что такое нейтринная акупунктура? — сказал инспектор.

— Это идея Андрея Андреевича, — устало проговорил Горчинский. — Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой — китайским лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя...

— А методика? — спросил инспектор.

— Череп животного выбривается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого мозгового вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки, точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

— Очень интересно, — совершенно искренне сказал инспектор. — И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

— Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не нервная стимуляция, а что-то еще, несравненно более мощное. Но он не успел... Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Интоксикацию, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

— Рак?

— Да. Ожоги... возможно, даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизирующие силы организма огромны и ключ к ним — в коре головного мозга. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

— Нейтринная акупунктура... — медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: — Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его...

— Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

— В «нейтриннике»?

— Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Все.

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. «Так-так»,— отступкивал директор, глядя в окно.

— А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

— Не знаю,— глухо сказал лаборант.— Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из одного спички были вынуты...

— Постойте.— Инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского.— Спички? Спички... При чем здесь спички?

— Спички,— повторил Горчинский.— Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежали шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

— Спички,— пробормотал инспектор.— Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет,— ответил Горчинский.

— Вот и сотрудники ваши рассказывали...— Инспектор задумчиво потер рукой подбородок.— Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то вопросами, помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

— И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

— Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду — до того, как он показывал вам свои фокусы.

— Нет, — сказал Горчинский, — не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да. Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу-луч. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтринная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу втайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она связана с нейтринным облучением. Все.

— Кто-нибудь, кроме вас, знал об этом? — спросил инспектор.

— Нет. Никто не знал.

— И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

— Нет.

— Вы свободны, — сказал инспектор. — Можете идти.

Горчинский поднялся и, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины — не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа и тихонько покачиваясь, он принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, из нее вылез пилот в сером комбинезоне, легко спрыгнул на асфальт и пошел к зданию института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. «На заправку ходил», — рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

— А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

— Вряд ли, — ответил директор. — Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

Директор сказал негромко:

— Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

— Нет, — возразил инспектор, — не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нор-

мального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... До-стойный ученичок Комлина.

— Люди любят свое дело,— сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора, катая на скулах желваки.

— Плохо они его любят,— сказал он,— по старинке любят, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире. Мы даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легко-мысленно транжирите людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

— Я...

— Почему вы не выполняете постановления Президиума Верховного Совета? Когда наконец прекратится это безобразие?

— Это первый случай в нашем институте,— сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

— В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин — это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискафы, в атомные реакторы на критических режимах...— Он с трудом усмехнулся.— Ищут кратчайшие пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин — восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насупился.

— Бывают обстоятельства, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

— Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

— Между прочим,— сказал вдруг директор, не глядя на собеседника,— я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

— Разумеется,— сказал инспектор.

— Только,— директор слабо улыбнулся,— в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попытаюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

— Только не возлагайте на меня больших надежд,— поспешно предупредил директор.— Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром среди ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут? Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время. Четвертое поколение коммунистов. Смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему не способны беречь себя, напротив — они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы сдержать этот океан энтузиазма в рамках мудрой экономии. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире — это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови, во-вторых, сказывался возраст, а в-третьих — нога.

«Ноют старые раны», — бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

3

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радос-

тью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, — именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустынным столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг — записки, диаграммы, чертежи и даже рисунки — рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора и иногда останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам. Инспектор слушал, и связь событий становилась для него все более понятной. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совершенно неясен. Методика получения пучков нейтрино «практической» плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Комлин многого ждал от этих опытов. Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они не способны давать каких-либо изменений в организме, кроме болезненных, патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело — нейтрино, крохотная, лишенная электрического заряда элементарная частичка без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, не известные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

— Я понял в записях далеко не все, — прервал свой рассказ директор, — а кое-чему просто не могу поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном — и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыт над животными, Комлин сразу же натолкнулся на многообещающую идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необык-

новенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна — следы туберкулеза, столь обычного для обезьяны в умеренном климате.

Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная «игла» вылечила животных очень быстро, причем хроматография показала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. «Игла Комлина» (так Горчинский назвал этот метод) излечивала туберкулез у обезьян в десятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

В своем известном докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, еще не известных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком — программа, предусматривающая переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся, Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайная мобилизация целебных сил организма — важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Правда, не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но «любимцы», над которыми производились многочисленные и разнообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя «Генератор») обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: ходил на задних и даже на передних лапах, «здоровался», и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правиль-

ные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразил случай с павианом Корой. Кора сразу после облечения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним «беседовала». Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки не помогали. Кора, отбежав в противоположный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль — сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: «Скорее! Скорее!» — и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего странного не было, но и сторож, и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно фантастического. По их словам, гамадрила они застали в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае в камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

— Вот что Комлин написал по этому поводу, — сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: «Массовая галлюцинация? Или новое? Массовая галлюцинация с участием гамадрила — сама по себе вещь удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому».

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал до само-

го дня катастрофы, что Комлин больше не занимался нейтринной акупунктурой.

— К сожалению,— продолжал свой рассказ директор,— в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно поистине поразительных результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он записал: «Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на страницу книги, чтобы затем прочесть ее по «изображению», отпечатавшемуся у меня в памяти. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из «Речных заводов» и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!»

Встречаются среди записей и соображения общего характера. «Память, мысль, рефлекс и навыки,— написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая,— имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлекс, новые навыки. Так было с Генькой, Корой, со мной (мнемогенез — творение ложной памяти)».

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

— Здесь,— сказал он очень серьезно,— ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочесть?

— Читайте,— сказал инспектор.

— «Усилием воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокращается мышца, способная передвинуть

десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система — это запал в пороховом погребе, мышца — порох, сокращение мышцы — взрыв.

Известно, что усиление процесса мышления усиливает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я решаю дифференциальное уравнение, поле мозга усиливается и смещает стрелку прибора, измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле — мышца мозга!

Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю, сказать не могу. Считаю, и все. $1919'237=454803$. Считал в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но не совсем понятно. Электромагнитное поле резко усиливается, а как другие поля мозга, если они существуют? «Мышца» развита. Но как ею управлять?..

Получается! Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже нечто. Режим генератора...» Я говорил с Горчинским, — сказал директор, закончив чтение ряда цифр, — сегодня ночью. Он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез. Видимо, Комлин разобрал его. «Психодинамическое поле — мышца мозга — работает. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс — очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать. Поля мозга тоже нужно научить работать. Вопрос — как?

Интересно, «усилием мысли» ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу. Спичку и бумагу — всегда вправо. Металл — к себе. Лучше всего обстоит дело со спичками. Почему?

Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы воздействовать на предмет, мне надо видеть его. Гашу свечу. Расстояние — в пределах «нейтринника».

Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходимо только тренировка и определенная активация, возбуждение белковых молекул и целых нейронов. Придет время, и человек будет считать в уме лучше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочитать и усвоить целую библиотеку...

Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками».

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмурившись и думал о том, что, быть может, идее Комлина суждено принести богатые плоды. Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. «...С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому», — прочитал он. Может быть, Комлин прав?

Нет, Комлин не прав. Не прав дважды. Он не должен был идти на такой риск, и, уж во всяком случае, не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института, потому что не понимаете этого и, кажется, восхищаетесь Комлиным. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не пустим! В наше время мы можем позволить себе отмерять семьдесят семь раз, прежде чем отрезать. В наше время вы, ваши жизни дороже для нас, чем самые грандиозные открытия.

Вслух инспектор сказал:

— Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастья понятна.

— Да, причина понятна, — проговорил директор. — Комлин надорвался, пытаясь поднять шесть спичек.

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковыляю-

щей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину — это было трудно ему.

— Ноют старые раны,— пробурчал он.

— Андрею Андреевичу уже значительно лучше,— негромко сказал Горчинский.— Через месяц он будет здоров.

— Знаю,— сказал инспектор, усаживаясь наконец с довольным кряхтением.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

— Будете писать рапорт? — осведомился Горчинский.

— Буду писать рапорт,— ответил инспектор.

— Так...— Горчинский, шевеля усиками, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком: — Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

— Александр Борисович! — резко сказал директор.

— ...Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...

— Прекратите, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягком сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задрав головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатизэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

ИСПЫТАНИЕ «СКИБР»

1

Ночь была ясная и лунная. Было очень холодно и тихо. Но они не замечали ни холода, ни тишины, ни лунного света. Потом Акимов увидел, что Нина сутулится и прячет ладони под мышки, и накинул на нее свою куртку. Нина остановилась.

— Ты рад, что я прилетела? — спросила она.

— Очень. А ты?

— Очень. Очень, милый! — Она встала на цыпочки и поцеловала его. — Я ужасно счастлива. Просто ужасно.

Акимов обнял ее за плечи и повернул лицом к долине.

— Смотри, — сказал он. — Это Серая Топь.

Над долиной висели седые полосы тумана. Вдали они сливались в плотное серебристое полотно, за которым застывшими волнами чернели холмы. Еще дальше в мутно-голубом небе были видны бледные тени вершин горного хребта. Было очень тихо, пахло росой на увядшей траве.

— Серая Топь, — повторил Акимов. — Наш полигон.

Нина прижалась к нему, пряча подбородок в куртку.

— Ты похудел, — сказала она. — Тебе не холодно?

— Нет.

— И ты стал выше.

— Не может быть, — сказал он. Он вытянул губы дудкой и выдохнул в лунный свет облачко пара. — Я себя отлично чувствую, малыш.

Они пошли дальше. Акимов продолжал обнимать ее за плечи, и это было удивительно хорошо, хотя и немного неудобно, потому что он был гораздо выше ее. Нина смотрела под ноги и старалась наступить на толстую тень, скользившую впереди по тропинке.

«Нам пора быть вместе,— подумал Акимов.— Мы знаем друг друга два года, а вместе были всего несколько недель. Как будто я межпланетник! И мы начинаем забывать друг друга. Например, я забыл, как она сердится. Помню только, что она очень забавна, когда сердится. Просто прелесть. Завтра я прогоню скибров по Серой Топи, и мы вернемся домой».

Он остановил ее и сказал торжественно:

— Завтра мы вернемся домой. Завтра мы будем дома вместе и навсегда.

— Вместе и навсегда...— повторила она с наслаждением.— Вместе и навсегда! Даже не верится.

Потом она сказала:

— А вот Быков...— Она не знала, почему вспомнила Быкова.— Вот Быков вернется домой не скоро.

Он промолчал.

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Далеко впереди сверкает звездочка...— Она заглянула ему в глаза.— А ты бы полетел?

— Еще бы! — сказал он. Он даже усмехнулся.— Только меня не возьмут.

— Почему?

— Потому что я слишком узкий специалист. А в такие экспедиции отбирают людей с двумя, тремя специальностями... Мне не чета.

— Все равно,— сказала она.— Ты лучше всех.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Можно было идти с закрытыми глазами. Он вел ее.

«Завтра мы вернемся домой,— подумала она.— А Быков улетит к звездам. Почему я думаю о нем? Большой, угрюмый Быков... Когда нас познакомили, он как-то странно поглядел на меня — словно прицеливался. Или мне показалось? У него широкое лицо и маленькие холодные глаза. Лицо, как у большин-

ства межпланетников, покрыто пятнистым коричневым загаром. В турболете Быков молчал и перелистывал журналы...»

Она поглядела на Акимова снизу вверх.

— Слушай,— сказала она,— эти твои... скибры, они очень важны для космолетчиков?

— Вероятно.

— Я тоже думаю, что важны. Иначе зачем было Быкову приезжать за ними самому, правда?

— Правда.

«Действительно, почему Быков приехал сам?» — подумал он.

— Здесь ступеньки.

Она не заметила, как они поднялись на холм. Каменные ступеньки вели на широкую бетонную площадку. Посреди площадки темнел плоский купол из гофрированной пластмассы. Купол был мокрый от росы, и на нем лежали скользкие лунные блики.

— Что это? — спросила Нина.

Акимов сказал:

— Наша мастерская. Здесь мы держим наше Панургово стадо. Хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу.

— Кстати, ты немножко согреешься.

Акимов повел ее к куполу. Толстая тень бежала теперь сбоку по бетону. Бетон был тоже мокрый от росы и блестел под луной. Они обошли купол кругом. Акимов пошарил в кармане, достал плоский свисток и приложил к губам. Нина не успела зажать уши. Она ощутила неприятный толчок в барабанные перепонки и сморщилась. Сегмент купола, шурша, сдвинулся, открывая низкую прямоугольную дверь.

— Терпеть не могу ультразвук! — жалобно сказала Нина. — По-твоему, обыкновенный замок хуже?

— Это не я,— сказал Акимов. — Эту выдумки Сермуса. Входи.

Они вошли, и дверь сейчас же закрылась за ними. Мастерская осветилась. Нина тихонько ойкнула, попятилась и наступила Акимову на ногу. Акимов взял ее за плечи.

— Не бойся, малыш,— сказал он весело.

В нескольких шагах перед ними стоял странный механизм. Нина уже несколько лет работала мастером-наладчиком авто-

матов и видела немало странных машин, но таких чудовищ не видела никогда. Он был похож на гигантского муравья, вставшего на дыбы. Приплюснутое овальное брюхо покоилось на шести суставчатых рычагах, а над ним, как восклицательный знак, торчала не то грудь, не то шея, увенчанная тяжелой рогатой головой с крохотными тусклыми глазками. Перед грудью, словно передние лапы кенгуру, висели сложенные втрое мощные манипуляторы. Машина была величиной с годовалого теленка и выкрашена в сиреневый цвет. На спине ее четко выделялась черная двойка.

Нина огляделась. В стороне стояли еще два таких же чудовища. На их спинах были выведены единица и тройка. Она спросила:

— Это и есть скибры?

— Да,— сказал Акимов.— «СКИБР». Система кибернетических разведчиков. Собственно, это «кентавры». Хороши?

Она ответила шепотом:

— Хороши! Они похожи знаешь на кого? На богомолов.

— На богомолов? — Акимов с интересом оглядел машины, словно видел их впервые.— Пожалуй. Да, очень похожи на насекомых. Но мы называли их «кентаврами». Тоже похожи, правда? Пойдем.

Они направились к столу в глубине мастерской. Головы богомолов-кентавров словно по команде повернулись к ним. Это было неожиданно и как-то неправдоподобно. Нина остановилась.

— Они следят за нами? — спросила она вполголоса.

— Не за нами,— сказал Акимов.— За тобой. Меня они знают. И потом, это не они, а он.

— Кто?

— Он. «Оранг».

Только теперь Нина заметила позади «кентавров», занумерованных единицей и тройкой, нечто вроде цистерны на широких гусеницах. В верхней части цистерны оживленно мигали разноцветные огоньки.

— «Оранг»? — сказала Нина.— Теперь, конечно, все понятно. Все очень просто и ясно.

— Я тебе объясню. Понимаешь...— Акимов подвел Нину к столу и усадил на единственную табуретку.

— Понимаешь, «СКИБР» — это система роботов, кибернетическая система. «Оранг» — управляющий орган системы, ее «большой мозг», а «кентавры» — ее эффекторы, исполнительные органы. Собственно, «Оранг» и три «кентавра» — это единый организм, части которого не связаны между собой механически. «Оранг» управляет «кентаврами», как мы управляем своими руками, ногами... глазами, скажем. Но управляет на расстоянии. Вот сейчас «Оранг» рассматривает тебя глазами своих «кентавров».

— Пусть бы уж он лучше не рассматривал, — сказала Нина, демонстративно поворачиваясь к роботам спиной. Но она не удержалась и спросила: — И это все ты изобрел сам?

— Нет, что ты! — Акимов даже засмеялся. — Конечно, нет. Я всего-навсего программист. Систему строили шесть заводских лабораторий и два института. Нам — Сермусу и мне — осталась только доводка — тонкое программирование. Правда...

Нина оглянулась и увидела, что «кентавр» с тройкой на спине как-то боком приближается к ним, неторопливо переступая шестью лапами-рычагами и тихонько покачивая головой.

— Вам что, товарищ? — спросила Нина.

«Кентавр» остановился.

— Видишь, «Оранг» хочет познакомиться с тобой поближе, — сказал Акимов. — Он очень любит знакомиться.

— В другой раз, если можно, — сказала Нина. — Когда-нибудь в другой раз.

Акимов засмеялся и достал из кармана ультразвуковой свисток. Нина зажала уши. Акимов свистнул, и «кентавр» прежним неспешным аллюром, не поворачиваясь, вернулся к «Орангу». Нина проводила его любопытным взглядом.

— Странная форма для машины, — заметила она. — Настоящий богомол.

Акимов сказал:

— По-моему, для эффекторного механизма форма очень рациональная. К тому же выдумали ее не мы.

— Кто же?

— «Оранг».

Нина прикусила губу и оглянулась на «Оранга». Сиреневая цистерна на гусеницах выглядела очень мирно.

— Слушай,— сказала Нина,— как устроен «мозг» этой системы? Ведь это не полупроводники, конечно?

— Ага,— засмеялся Акимов,— все-таки интересно? Специалист остается специалистом.

Нина и глазом не моргнула.

«СКИБР» представлял собой чрезвычайно сложный механизм, непрерывно воспринимающий обстановку и непрерывно реагирующий на нее в соответствии с требованиями основной программы — собирать и передавать самую разнообразную информацию об этой обстановке. Создание такого механизма потребовало отказа от классических форм кибернетической техники — полупроводников, губчатых метапластов, волноводных устройств. Необходимо было принципиально новое решение. Оно было найдено в использовании замороженных почти до абсолютного нуля квантово-вырожденных сложных кристаллов с непериодической структурой, способных претерпевать изомерные переходы в соответствии с поступающими сигналами. Были отысканы и средства регистрации этих переходов и превращения их в сигналы на факторы.

Нина вздохнула:

— Нет, для меня это слишком сложно. Вырожденные кристаллы... Изомерные переходы...

— Я всегда говорил тебе, чтобы ты занялась теорией,— назидательно сказал Акимов.

— А время? Ведь я рисую.

— Да... Конечно. Я совсем забыл.

Он наклонился, взял ее руки в свои и приложил ее ладони к своим щекам. Щеки были горячие и колючие.

— Тебе бриться надо,— шепнула она.

— Угу...

Он испытывал блаженство. «Навсегда и вместе,— подумал он.— Вместе и навсегда».

Сиреневые страшилища почтительно тарасились на них, «Оранг» меланхолично мигал цветными огоньками.

— Слушай,— спросила Нина,— а почему они сиреневые?

Акимов пожал плечами:

— Откуда я знаю? Если бы они были оранжевыми, ты спросила бы, почему они оранжевые. Это «Оранг» решает. Сегодня утром они были желтыми.

Нине стало смешно. Она приснула и закашлялась. Акимов похлопал ее по спине.

— Я серьезно говорю,— сказал он.— Ведь это самоорганизующаяся система. И характеристики системы определяет сам «Оранг». И чем он руководствовался, окрашиваясь в сиреневый цвет, знает только он сам. Мы можем только догадываться. Может быть, это он из-за тебя.

— Поразительный нахал,— сказала Нина.— Интересно, что он этим хочет сказать? Подумай, ведь он и тебя мог бы выкрасить в сиреневый цвет. Или в желтый.

Она снова вспомнила Быкова и замолчала. Акимов сидел, закрыв глаза, и думал, какие у нее мягкие, теплые, сильные руки.

— Слушай,— сказала Нина,— ты думаешь, они помогут Быкову? Ты думаешь, Быков серьезно рассчитывает на них?

— Вероятно. Во всяком случае, с ними лучше, чем без них. Все-таки меньше риска. Вот Быков сажает корабль на неизвестной планете. О ней ничего нельзя сказать заранее. Сейчас нельзя даже наверняка сказать, что она существует. Он сажает корабль. Может быть, там камни взрываются под ногами. Или океаны из фтороводорода. Или электрические разряды в миллионы вольт. В общем, неизвестно и опасно. И Быков посылает на разведку роботов. Вот этих скибров. Роботы узнают все, расскажут, посоветуют, что делать. Так я себе это представляю.

— Тогда это очень важно,— проговорила Нина.

— Да...

«Если Быков решит садиться,— подумал Акимов.— Если вообще будет где садиться. Но главное — почему Быков приехал сам? Почему не приехал его кибернетист?»

— Мне уж-жасно хочется, чтобы Быкову понравились ваши скибры,— сказала Нина.

— Мне тоже. Завтра он посмотрит. Наше стадо в порядке генеральной репетиции пройдет по Серой Топи. Десять километров сюрпризов и развлечений.

— Каких сюрпризов?

— Всевозможных. — Он взглянул на часы. — Малыш, у нас еще целых шесть часов! Пойдем ко мне, я напою тебя чаем. Чудесным горячим чаем...

Они вышли из мастерской (сиреневые «кентавры» качнулись им вслед, но не двинулись с места) и остановились на краю бетонной площадки.

Ночь шла на убыль. Туман над Серой Топью стал плотнее, небо на востоке посветлело. Над бледными тенями далекого горного хребта висела яркая звезда — искусственный спутник «Цифэй», с которого фотонный исполин Быкова будет стартовать в межзвездное пространство.

2

Утром с юга приползли тяжелые тучи, и на землю посыпалась мелкая водяная пыль. Но туман над Серой Топью разошелся. Стали видны кусты с пожелтевшими листьями, кочковатые пригорки в щетинистой травке, темные болотные лужи.

Около одиннадцати к мастерской подъехал вездеход на шаровых шасси. Из вездехода вышел огромный грузный человек с темным, почти коричневым неподвижным лицом — Антон Быков, знаменитый межпланетник, сын и внук межпланетников, командир фотонного корабля «Луч». Он молча протянул руку — сначала Акимову, затем Сермусу — и медленно кивнул Нине, которая стояла в стороне, кутаясь в лиловый плащ.

— Здравствуйте, товарищ Быков. Можно начинать? — спросил Акимов.

— Можно, — сказал Быков. У него был глухой, бесцветный голос.

Сермус, очень взволнованный и поэтому непривычно суетливый, поднес к губам плоский свисток и беззвучно свистнул три раза. Дверь мастерской отползла в сторону. Сермус свистнул еще раз.

Первыми, как скаковые лошади из конюшни, выбежали сиреневые «кентавры», гуськом спустились по склону холма, огляделись, забавно поворачивая рогатые головы, и замерли. Послыша-

лось стрекотание, и из мастерской выкатился «Оранг». Быков крикнул: «кентавры» и «Оранг» вдруг словно по волшебству окрасились в серо-стальной цвет.

«Оранг» перевалился через край площадки, осторожно сполз с холма и остановился рядом с «кентаврами».

— Фот наши шелесные тетишки, — сказал Сермус.

Акимову стало смешно. Во-первых, в «детешках» не было ни одного атома железа — они были построены из кремнийорганических пластиков, а привод их был биохимический, энергия генерировалась и использовалась непосредственно в их рабочих деталях. Во-вторых, сентенция Сермуса звучала не к месту высокопарно. Сермус был хороший парень, но обожал прочувствованные слова. Акимов покосился на Быкова. Но Быков только кивнул, не отрывая взгляда от роботов.

Акимов кашлянул и сказал:

— Дано задание провести детальную разведку Серой Топи точно с севера на юг в полосе шириной пятьсот метров. Длина маршрута — десять километров. Маршрут осложнен различного вида искусственными препятствиями.

Он остановился, ожидая, что Быков спросит о препятствиях. Но Быков не спросил. Он смотрел на роботов и время от времени платком стирал с лица дождевую пыль. Акимов продолжал:

— При высадке на неизвестной планете рационально будет пускать скибров по спирали вокруг корабля. Здесь я не решился на это, так как в семи километрах к северу отсюда проходит шоссе. Большое движение.

— Вы опасаетесь, что роботы натворят на шоссе что-нибудь? — спросил Быков бесцветным голосом.

— Собственно... — Акимов посмотрел на Сермуса, оглянулся на Нину и улыбнулся. — Год назад у нас была небольшая неприятность.

Быков наконец отвернулся от роботов и уставился на Акимова. У Быкова были маленькие, без ресниц, острые бледные глаза.

— А именно? — спросил он.

Год назад, когда тонкая доводка программы была еще далеко не завершена, Акимов и Сермус выпустили систему в первый пробный поход. «Кентавры» должны были пройти через сосновый

лес к шоссе, дойти до мачты релейной передачи и вернуться обратно, спилив предварительно дерево в тридцать сантиметров толщиной. Сначала все шло хорошо. «Кентавры» довольно аккуратно прошли через лес, понюхали шоссе, подошли к мачте... и спилили ее.

— Спилили мачту релейной передачи? — удивился Быков.

— Да. И у нас были неприятности с радистами.

Быков покачал головой и сказал:

— Это еще не так страшно. Вот если бы вместо мачты там оказался кто-нибудь из радистов... Радист, перепиленный пополам при исполнении служебных обязанностей.

Акимов ответил на эту вспышку межпланетного юмора вежливой улыбкой. Но Сермус, как всегда, все принял всерьез.

— О нет,— горячо сказал он.— Это нефосмошно. Ропоты никогда не причинят фрета лютям.

— Теперь, разумеется, ничего подобного случиться не может,— сказал Акимов.— Но, знаете, уйти от зла... Все готово, Сермус?

— Котово.

— Пускай.

Сермус поднял к губам свисток, и испытание «СКИБР» началось. «Кентавры» неторопливо пошли вперед. Они шли зигзагами, то сходились, то расходились, шлепали по лужам и продирались через кусты. «Оранг», помигивая цветными огоньками, полз метрах в двадцати от них, подминая под гусеницы мокрую осоку.

Акимов повернулся к Быкову:

— В мастерской есть телевизоры. Можно наблюдать за системой со стороны или глазами «кентавров», как хотите.

— Я предпочел бы ехать вслед за ними.

— Можно и так,— согласился Акимов.— Но «Оранг» будет передавать данные разведки в мастерскую.

— Меня не интересуют данные разведки,— сказал Быков и пошел к вездеходу.

— Но метот перетачи информации...— растерянно начал Сермус.

— Меня не интересует метод передачи информации,— сказал Быков не оборачиваясь.

«Что же тебя интересует тогда, старая черепаха?» — подумал Акимов. Ему очень захотелось двинуть Быкова кулаком в толстую коричневую шею. Быков ему не нравился. Кроме того, теперь было очевидно, что Быков, космогатор и старый межпланетный волк, не сможет оценить по достоинству великолепные качества скибров. В лучшем случае Быков похлопает в ладоши и одобрительно улыбнется. Если он умеет улыбаться, черти бы его побрали!.. Но тут Акимов вспомнил, что через два-три часа испытание закончится и он с Ниной вернется домой, а Быков на долгие годы, если не навсегда, улетит к звездам. Он посадил Нину в вездеход, сел рядом и прижался к ней плечом. Она улыбнулась, но в ее улыбке было что-то неуверенное. Вездеход заворчал и медленно покатился, переваливаясь через кочки, за огоньками «Оранга».

Дождь продолжался, но спектролитовый колпак вездехода оставался чистым и прозрачным. Впереди, метрах в пятидесяти, маячили за пеленой водяной пыли серые фигурки «кентавров». «Оранг» сильно отстал от них и полз теперь рядом, справа от вездехода, удивительно похожий на мокрого серого слоненка, неуклюжего и добродушного. Акимов сказал в широкую спину Быкова:

— При необходимости «кентавры» могут удаляться от «мозга» на расстояние до пяти, шести и даже до восьми километров.

Широкая спина даже не шевельнулась. Акимов почувствовал, что краснеет

— В случае нарушения связи, — сказал он, повысив голос, — «кентавры» сами возвращаются и ищут «мозг». Тогда они переходят на световую и звуковую сигнализацию. Сами ищут, — повторил он раздельно.

Нина положила пальцы на его руку. Сермус смущенно покашлял в пухлую ладошку. Вездеход круто накренился, объезжая замшелый пенек, и в этот момент Акимов увидел глаза Быкова. Он увидел их всего на одну секунду в овальном зеркале перед местом водителя. Глаза разглядывали Акимова с каким-то странным, напряженным выражением. Вездеход выпрямился, и в зеркале запрыгала полуседая щетина над коричневым лбом.

Сермус кашлянул еще раз и сказал, галантно наклонившись к Нине:

— Феликолепные машины, не прафта ли, Нина Ифановна?

Нина улыбнулась ему и поглядела на Акимова. Акимов хмурился и кусал губы. Во всяком случае, он больше не сердился. Нина сказала:

— Они слишком умны, эти ваши машины.

Сермус засиял и несколько раз кивнул головой.

— О, пока не столь утифительно, Нина Ифановна. Интересное путет посше.

Прошло минут сорок. Половина маршрута осталась позади. «Кентавры» бежали деловито и немного суетливо, словно борзые на сворке, временами останавливаясь, чтобы не то осмотреть, не то обнюхать почву под ногами. Длинные шеи-груды и рогатые головы плавно покачивались на ходу. «Кентавры» без задержки проламывались сквозь густой кустарник, расчищая широкие просеки для «Оранга», с ходу перебирались вброд через ручьи и топкие участки, оставляя за собой для «Оранга» надежные гати из высохших веток и охапок сухой травы.

На берегу рыжего заболоченного озера, самого скверного места Серой Топи, «кентавры» замешкались, запрыгали взад и вперед по брюхо в грязи. Затем они бросились в воду и поплыли, взбивая желтую пену, а «Оранг» пошел в обход, протиснулся между озером и границей пятисотметровой полосы и встретил их на противоположном берегу, облепленных тиной и скользкими водорослями.

Нина захлопала в ладоши. Сермус улыбнулся:

— Он перехитрил нас. Но это пока не столь утифительно.

Он огляделся, подумал и повернулся к Акимову:

— Фремя?

Акимов кивнул. Тогда Сермус достал из нагрудного кармана черный коробок радиодфона и нажал кнопку вызова.

— Архангельский слушает,— послышался слабый голос.

— Кофорит Сермус. Фремя, Коля.

— Есть, Эрнест Карлович!

Сермус спрятал радиодфон и стал глядеть вперед, вытянув шею, через голову водителя.

Вездеход шел почти бесшумно, поэтому они сразу же услышали доносившийся откуда-то прерывистый механический рев

и скрежет и лязг металла. Нина почувствовала на спине неприятный холодок. Где-то в глубине ее подсознания эти звуки будили странные образы, жуткие и отвратительные. Вероятно, виноват был ее прадед, артиллерист, по семейным преданиям четыре года имевший дело с фашистскими танками на дымных полях Великой войны.

Да, это был танк. Старинная боевая машина, широкая и приземистая, вся в ярких пятнах оранжевой ржавчины. Танк появился сбоку на гребне холма и, разбрызгивая грязь, покатился на остановившихся «кентавров»

— Имитация активного нападения, — сказал Акимов. — На танке киберводитель, настроен на частоту управления системы.

— Где вы его откопали? — проворчал Быков. — Он не стреляет?

— Нет, — сказал Акимов.

«Действительно, где они его откопали?» — подумала Нина. Последние танки пошли в домны десятки лет назад, и раздобыть этот уникальный экземпляр было, вероятно, не просто.

«Кентавры» ждали. «Оранг» тихонько отполз ближе к вездеходу. Казалось, он колеблется, не зная, что предпринять. В искусственном мозгу с неуловимой быстротой менялись пространственные ориентации кристаллических решеток, возникали и мгновенно распадались диковинные, никем и никогда не зарегистрированные молекулярные связи, проносились электронные вихри и вихрики... «Оранг» думал — искал аналогии, сопоставлял, рассчитывал. Но ему еще не хватало данных. Нина подумала о настоящих живых людях, о тех, кто когда-то, давным-давно, впервые увидел перед собой танки.

— Танк раздавит их? — шепнула Нина.

— Тогда наша работа ни к черту не годится, — ответил Акимов. Чтобы лучше видеть, он привстал, держась за спинку сиденья. — Ага, наконец-то!

«Кентавры» перестроились, вытянулись цепочкой навстречу танку. Танк двигался на крайнего слева, помеченного единицей. Сетка дождя искажала перспективу, и казалось, что он уже среди «кентавров». Нине бросилась в глаза удивительная легкость, пожалуй, даже грация шестиногих роботов рядом с громоздкой

зловещей машиной. Они даже пританцовывали на месте, словно боксеры перед схваткой.

В последний момент, когда испачканные мокрой землей гусеницы нависли над «кентавром», тот прыгнул в сторону. Танк проскочил несколько метров, окатив «единицу» водопадом грязной воды, выпустил клуб сизого дыма и с ревом развернулся на одной гусенице.

«Кентавры» вновь перестроились. «Единица» затанцевала на месте, «двойка» и «тройка» перебежали, отрезая танку дорогу к «Орангу». «Оранг» неторопливо, даже как-то с ленцой, попятился еще немного. Огоньки на его корпусе погасли. Танк с громом и лязгом ринулся вперед, похожий на чудовищного носорога, ослепшего от ярости. «Кентавры», пританцовывая, дождались его и снова легко расступились. Тогда на серых боках «Оранга» вновь вспыхнул сложный рисунок огоньков. И в тот же момент танк остановился. Он остановился мгновенно, как вкопанный, надрывный рев двигателя стих, и все три «кентавра» мигом вскарабкались на него, активно шевеля манипуляторами. «Оранг» стоял, уютно пофыркивая и совершенно равнодушно мигая разноцветными огоньками.

— «Оранг» переменял частоту настройки, — сказал Акимов.

— Я думала, «Оранг» его уничтожит, — проговорила Нина, переводя дух.

— Сачем? — вскричал Сермус очень пронзительно. — «Оранк» просто всял на сепя управление! Сачем разрушать, если мощно использовать? Молотец, «Оранк»! Умнитца, «Оранк»!

— И что теперь будет? — деревянным голосом спросил Быков.

— Посмотрим, — ответил Акимов сдержанно.

— А вы что — не знаете?

— Предполагаю, — сказал Акимов.

И Нина тотчас положила ладонь на его рукав.

«Кентавры» перестали возиться на танке, прыгнули, выстроились в цепь и побежали дальше. «Оранг» двинулся следом, а танк вдруг затрясся, лязгнул гусеницами, неуклюже развернулся и пополз в хвосте, уныло переваливаясь на кочках. По его ржавым бокам стекали дождевые струйки. У него был очень покорный и смиренный вид.

— Мы отстаем,— сказал Быков.— Поехали.

Вездеход догнал «Оранга» и покатился рядом. «Оранг» деловито («как ни в чем не бывало»,— подумала Нина) шлепал гусеницами по мокрой траве. Покоренный танк полз левее, расплескивая грязь, оставляя за собой длинный шлейф сизого дыма. «Кентавры» бежали метрах в тридцати впереди. Они были изумрудно-зеленого цвета.

Дождь немного усилился, когда впереди появилась длинная высокая стена, сложенная из огромных гранитных глыб. Стена пересекала поперек полосу маршрута и выглядела очень солидно. Сермус крепко потер ладошки и покашлял насмешливо.

«Кентавры» медленно подкрались к стене, пощупали ее манипуляторами и вдруг разбежались в разные стороны вдоль гранитной преграды — один направо, двое влево. «Оранг» повернулся к стене боком и стал ждать.

— Давайте отойдем немного,— сказал Акимов водителю, и вездеход отполз на несколько метров назад.— Так, хватит.

«Кентавры» снова собрались вместе и выстроились перед стеной в ряд. «Оранг» неторопливо подполз к ним и остановился рядом. Танк сиротливо торчал в стороне, всеми покинутый и забытый.

— Берегите глаза,— сказал Акимов.

Что-то треснуло, и по серому граниту скользнула ослепительная фиолетовая молния. Стена дрогнула. Друм! Друм! Над стеной взлетел фонтан серого дыма вперемешку с гранитной щебенкой. Друм! Друм! На граните вспыхивали малиновые пятна, и было видно, как разлетаются циклопические глыбы и стена оседает, разорванная широкими уродливыми трещинами. Друм! Дррах! «Кентавры» и «Оранг» стояли перед стеной и по очереди расстреливали ее крошечными ампулами с замкнутыми в магнитные кольца струйками дейтериевой плазмы. Расстреливали спокойно, деловито, не торопясь.

Через минуту все было кончено. Стрельба прекратилась, стало очень тихо, слышно было, как что-то шипит и трещит в раскаленном щебне. «Кентавры» двинулись в широкий пролом, окутанный серым облаком дыма и пыли. «Оранг» подождал немного, пропустил вперед себя танк и тоже нырнул в горячее облако.

— Хорошо! — коротко сказал Быков.

Но Акимов снова поймал в зеркальце его взгляд — странный, какой-то напряженный, словно межпланетник хотел и не мог себя заставить сказать что-то. Прославленный Быков был чем-то встревожен, и эта тревога была непонятным образом связана с ним, Акимовым, рядовым инженером-программистом. Это было очень странно.

Вездеход, тяжело скрипя по гранитным обломкам, миновал пролом. Стена была толстая, очень толстая — не менее двух метров.

— Фот, фитите, Нина Ифановна, — торжествуя сказал Сермус. — Фот тот столпик. Это конец маршрута. Но сначала путет очень интересно.

Нина нашла глазами белый столбик, и в тот же момент «Оранг» остановился. «Кентавры» бежали еще некоторое время, потом тоже остановились и начали пятиться. Они пятились очень осторожно, остановились рядом с «Орангом» и медленно налились красным светом.

— Глядите, — шепнула Нина. — Покраснели! Засмушались...

— Неушели он почуял? — благоговейно проговорил Сермус.

— Что почуял? — спросила Нина.

Видимо, «Оранг» принял решение. Покорный и утихший танк вдруг ожил. Взревел двигатель, комья грязи рванулись из-под гусениц, и огромная машина, грохоча и лязгая, кинулась вперед к заветному столбику. Никто не успел сказать ни слова. Раздался громовой удар, из-под гусениц танка взлетел оранжевый веер огня, чудовище подпрыгнуло и застыло на месте, перекошенное, почерневшее, искалеченное. Густой черный дым повалил от него, паккая топь жирной копотью.

— Опнарушил! — крикнул Сермус. — Опнарушил! Сейчас путет расминиروفать!

— Имитация икс-обстановки, — торопливо пояснил Акимов.

— Имитация чего? — спросил Быков.

— Икс-обстановки. Обстановки, которую невозможно предвидеть. Минное поле.

— Час от часу не легче, — пробормотал Быков. — Как в историческом фильме...

— «Оранг» обнаружил мины? — спросила Нина.

— Та, та, — сказал Сермус нетерпеливо. — Сейчас путет расминировать.

Но «Оранг» не стал разминировать. Во всяком случае, не стал разминировать так, как ожидал Сермус. «Кентавры» не полезли на минное поле, не стали выкапывать мины и вывинчивать их взрыватели. Они взобрались все трое на горящий танк и открыли пальбу. Прежде чем оглушенные и ослепленные наблюдатели успели прийти в себя, через минное поле к белому столбику — теперь уже не белому, а черному от огня и пыли — протянулась широкая полоса перевороченной земли и булькающей кипящей воды. «Кентавры» — на этот раз нежно-голубые — торопливо приблизились к столбику, обнюхали его, окрасились в серо-стальной цвет и вернулись к «Орангу». Испытание окончилось.

— Вот и все, — сказал Акимов устало. — Теперь можно домой. Нина счастливо улыбнулась.

— Вместе и навсегда, — прошептала она.

И тут Быков обернулся.

— Мне нравятся ваши машины, — сказал он. — Они нам нужны. И вот что... — Он помолчал. — Мне нужно поговорить с вами, Акимов. Если нетрудно, зайдите ко мне после обеда.

3

Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он шурился на серое небо за прозрачной стеной, кряхтел, гладил колени и барабанил по подлокотнику кресла толстыми, сильными пальцами. Пальцы были коричневые, в неправильных белых пятнах — следах космических ожогов. «Интересно, долго он будет молчать?» — подумал Акимов. Потом он подумал, что турболет в Новосибирск улетает через два часа. Потом он вспомнил, что оставил в мастерской подарок Нины — букет «вечных» цветов. Потом он подумал, что Нина, вероятно, уже упаковала чемоданы и теперь болтает с Сермусом. Сермус оставался в мастерской еще на неделю, и Акимову было немного неловко перед ним.

— Так вот, — сказал Быков бесцветным голосом. — Дело вот в чем...

После этого он опять замолчал на минуту, хрустнул пальцами и пожевал губами. Акимов нетерпеливо заерзал в кресле.

— Да. Дело вот в чем... — повторил Быков. — Скажите, Акимов, вы... Вы ведь работали над системой около двух лет, так?

— Так, — согласился Акимов.

— Сложное это дело — тонкое программирование?

Тонкое программирование «мозга» нового типа потребовало строжайшей изоляции места работы от всех внешних влияний. Поэтому работы пришлось проводить не в исследовательском центре, а здесь, вдали от крупных предприятий, от мощных линий силовых передач, от шума и гула большого города, в изостатических помещениях на глубине пятидесяти метров под холмом с пластмассовым колпаком. И поэтому Акимов провел здесь два года почти безвыездно, в напряженной ювелирной работе.

Но Акимов не стал говорить об этом Быкову. Он сказал только:

— Да, довольно сложное.

— Чем вы думаете заниматься дальше? — спросил Быков.

Акимов неохотно сказал:

— Буду работать в Новосибирском университете. Нельзя тратить по два года на каждую систему. У нас с Сермусом есть кое-какие идеи. Программирование программирования.

У них были «кое-какие идеи», и эти идеи очень увлекли их: рассчитать криотронные кристаллизаторы, выращивать готовый, запрограммированный «мозг»... привлечь к этому делу математиков, физиков, в первую очередь «гения кибернетики» профессора Сунь Си-тао из Кайфына. Но он не стал говорить и об этом.

Впрочем, Быков не настаивал. Он помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику и с трудом произнес:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз:

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над горизонтом. И маленькую, хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Я понимаю, — сказал Акимов.

Быков молчал, глядя себе в колени.

— Я понимаю, — сказал Акимов. — Я тоже кибернетист. Вы хотите, чтобы я...

— Да, да, — сказал Быков. — Мы стартуем через неделю. У нас совсем нет времени... Да, конечно. Я тоже понимаю, это тяжело. Шесть лет туда и шесть обратно... И большой риск, конечно... Только... — Он растерянно взглянул на Акимова. — Вы понимаете, экспедиция немыслима без кибернетиста.

Акимов медленно поднялся.

— Что касается работы, — поспешно заговорил Быков, — пожалуйста. Вы можете работать во время рейса. Книги, микрофильмы, консультации... У нас есть отличные математики... Я понимаю, это слабое утешение, но...

Не год, не два, а двенадцать. Это будет двенадцать лет без Нины.

Акимов не знал, как он скажет ей. Он знал только, что в его глазах сейчас то же выражение мучительного напряжения, какое он видел сегодня в глазах Быкова.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал с горьким удовлетворением:

— Вы, оказывается, совершенно обыкновенный человек.

Быков стоял лицом к прозрачной стене, глядел на серое небо и думал: «Сколько лет говорили и писали о конфликтах между чувством долга и тягой к личному счастью. Но кто говорил или писал о человеке, который заставлял сделать выбор?»

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1

«Тестудо» остановился перед шлагбаумом. Шлагбаум был опущен, над ним медленно мигал малиновый фонарь. По сторонам уходили в темноту ажурные решетки металлической ограды.

— Биостанция,— негромко сказал Беркут.— Давайте выйдем.

Полесов выключил двигатель. Когда они вылезли, фонарь над шлагбаумом потух, и вдруг густо взревела сирена. Иван Иванович вздохнул полной грудью и сказал, разминая ноги:

— Сейчас кто-нибудь прибежит и станет уговаривать не рисковать жизнью и здоровьем. Для чего мы здесь остановились?

Метрах в тридцати справа от шоссе в теплом сумраке смутно белели стены старых коттеджей. Через бурьян вела узкая тропинка. Одно из окон осветилось, стукнула рама, кто-то сиплым голосом осведомился:

— Новокаин привез? — И, не дожидаясь ответа, добавил сварливо: — Сто раз я тебе говорил — останавливайся подальше, не буди людей!

Снова стукнула рама, и стало тихо.

— Гм!..— хмыкнул Иван Иванович.— Ты привез новокаин, Беркут?

Возле коттеджа появился темный силуэт, и прежний голос позвал:

— Валентин!

— Он нас, видно, с кем-то путает,— сказал Иван Иванович.— Так что же, будем отдыхать? Может быть, поедem дальше?

— Нет,— сказал Полесов.

— Это почему же — нет?

На тропинке зашумел бурьян, меж стволов сосен замелькал огонек папиросы. Огонек описывал замысловатые кривые, рассыпая длинные струи гаснущих искр.

— Сначала разведка,— сказал Полесов.

Человек с папиросой продрался наконец через бурьян, вышел на шоссе и сказал:

— Проклятая крапива! Ты привез новокаин, Валентин? Кто это с тобой?

— Видите ли...— снисходительно начал Иван Иванович.

— Дьявол! Это не Валентин! — удивился человек с папиросой.— А где Валентин?

— Представления не имею,— сказал Иван Иванович.— Мы из ИНКМ.

— Из... ага,— сказал незнакомец.— Очень приятно. Вы извините,— он стыдливо запахнул халат,— я несколько неглиже. Начальник биостанции Круглис...— представился он.— Но я думал, что приехал Валентин. Значит, вы геологи?

— Нет, мы не геологи,— мягко возразил Беркут.— Мы из Института неклассических механик. Мы физики.

— Физики? — Биолог бросил папиросу.— Позвольте... Физики? Так это вы едете в эпицентр?

— Совершенно верно,— подтвердил Беркут.— С вашего разрешения, это именно мы едем в эпицентр. Разве вас не предупредили?

Биолог перевел взгляд на исполинскую черную массу «Тестудо». Затем он обошел Беркута, приблизился к машине и хлопнул ладонью по броне.

— Дьявол! — сказал он с восхищением и завистью.— Танк высшей защиты, да? Черт... Везет вам, физикам. А я бьюсь второй год и не могу получить разрешение на глубокую разведку. А мне она нужна позарез. Я бы там... Слушайте, товарищи,— проговорил он унылым голосом,— возьмите меня с собой. Что вам стоит, в конце концов?

— Нет,— сразу ответил Полесов.

— Мы не имеем права,— мягко сказал Беркут.— Нам очень жаль...

— Понимаю,— буркнул биолог и вздохнул.— Да, меня предупредили. Только я не ждал вас так скоро.

— До Лантанида нас подбросили по воздуху,— объяснил Беркут.

Наступила глубокая сонная тишина, от которой сразу стало темнее. Потом невдалеке кто-то крикнул несколько раз, странно и тоскливо. В чаще леса сорвалась с шуршанием тяжелая шишка, царапнула густые ветви и гулко ударилась о землю.

— Филин,— сказал биолог.

— Не похоже,— усомнился Полесов.

Биолог засопел.

— Мальчик,— сказал он,— вы когда-нибудь слышали, как кричит филин?

— Не один раз.

— А вы когда-нибудь слышали, как кричит филин *с той стороны?*

— То есть?

— Из-за кордона, из-за шлагбаума... с той стороны?

— Н-не знаю,— сказал Полесов неуверенно.

— Мальчик,— повторил биолог.

Все снова замолчали, и в темноте снова закричал странный филин.

— Что же мы стоим? — спохватился биолог.— До утра далеко. Пойдемте, я вас устрою на ночь.

— Может быть, все-таки...— сказал Иван Иванович.

— Нет, сначала разведка,— повторил Полесов.— Я думаю, там, впереди, очень плохая дорога...

— На той стороне вообще нет дороги,— заметил биолог.

— ...и вообще неизвестно, что делается,— продолжал Полесов.— Я пушу киберразведчиков в ночной рейд. Они соберут информацию, и утром мы тронемся.

— Правильно,— сказал биолог.— Вот это серьезный подход к делу.

Полесов забрался в танк и зажег фары. От ослепительного света мрак вокруг сгустился, зато ярко вспыхнули белые кольца на шесте шлагбаума и заискрились металлические прутья ограды. Боковой люк танка мягко отвалился. Послышался дробный стук, в полосу света на шоссе выскочили смешные серебристые фигурки на тонких ножках, похожие на огромных кузнечиков. Несколько секунд они стояли неподвижно, затем сорвались с места, нырнули под шлагбаум и пропали в высокой траве на той стороне.

— Это киберразведчики? — с уважением спросил биолог.

— Прекрасные машины, не правда ли? — сказал Беркут. — Петр Владимирович! — негромко позвал он. — Мы пошли. Догоняйте.

— Ладно, — отозвался из танка Полесов.

В коттедже биолога было три комнаты. Биолог сбросил халат, натянул брюки и свитер и отправился на кухню. Беркут и Иван Иванович устроились на диване. Иван Иванович сейчас же задремал.

— Значит, вы в эпицентр, — сказал биолог из кухни. — В эпицентре, конечно, есть на что посмотреть. Особенно сейчас. Кстати, вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит в эпицентре?

— Очень смутное, — ответил Беркут. — Кое-что рассказывали летчики, но близко ведь никто туда не подходил.

— Я сам видел, собственными глазами. Вспышки... Ну, вспышки многие видели. А вот молнии, которые бьют из земли в небо, голубой туман... Вы слышали про голубой туман?

— Слышали, — сказал Беркут.

Иван Иванович открыл один глаз.

— Я видел его два раза с вертолета, — сообщил Круглис. — Месяц назад, еще до гибели «Галатеи». Туман возникает в эпицентре или где-то в районе эпицентра, расплывается таким широким кольцом и пропадает километрах в ста от кордона. Что это может быть, товарищи физики?

— Не знаю, товарищ Круглис.

— Значит, никто не знает. Мы, биологи, тем более. Очевидно только, что происходит нечто совершенно необычное. Сорок во-

семь лет после взрыва! Уже уровень радиации снизился в десять раз, уже адгезивы, которыми связали активную пыль, и те распались начисто, и вдруг — пожалуйста! (Иван Иванович открыл второй глаз.) Начинаются какие-то вспышки, пожары, черт, дьявол... — Биолог помолчал, погромел посудой; стало слышно, как уютно свистит закипающий чайник. — Пожаров, правда, больше не бывает. Должно быть, все выгорело, что могло сгореть. Но вспышки... Первая случилась четыре месяца назад, в начале мая. Вторая — в июне. А теперь они повторяются чуть ли не раз в неделю. Яркие бело-голубые вспышки, и мощности, по-видимому, необычайной. Судите сами...

Биолог появился в дверях с подносом.

— Судите сами, — повторил он, ловко расставляя посуду. — От кордона до эпицентра больше двухсот километров, а полыхает на полнеба... Прошу к столу... И сразу за вспышкой идет голубой туман.

— Да, мы слыхали об этом, — сказал Беркут.

Биолог снова отправился на кухню, но остановился в дверях.

— Вам известно, что последняя вспышка была вчера ночью? — спросил он.

— Да, спасибо, — сказал Беркут.

— Должен же кто-нибудь начать!.. — проворчал Иван Иванович. — Слушайте, где Полесов?

Биолог пожал плечами, скрылся в кухне и вернулся с шумящим чайником.

— Давайте чай пить, — сказал он. — Подставляйте стаканы.

Иван Иванович допивал второй стакан, когда дверь распахнулась и вошел Полесов. Он был очень бледен и держался за правую щеку.

— Что с вами, Петр Владимирович? — спросил Беркут.

— Кто-то ужалил меня, — сказал Полесов.

— Вероятно, комар?

— Вероятно. — Полесов злобно оскалился. — Только у него пулемет вместо жала, у этого комара.

— Комар с той стороны, — сказал биолог. — Очень просто. Садитесь, пейте чай.

— А кто это орет в кюветах? Я думал, там кто-нибудь тонет.

— Лягушки,— сказал биолог.— Тоже с той стороны.

Иван Иванович со стуком поставил стакан на блюдце, вытер багровое лицо и спросил:

— Мутации?

— Мутации,— подтвердил биолог.— Здесь настоящий заповедник мутаций. Во время взрыва и после, когда уровень радиации был высок, животные в зоне пострадали ужасно. Понимаете? Сразу после взрыва зону огородили, и они не успели разбежаться. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы. Мы здесь восьмой год наблюдаем за ними, иногда ловим, иногда ставим автокинокамеры. К сожалению, нам запрещают уходить на ту сторону глубже чем на пять километров... Один наш сотрудник все же рискнул. Принес фотографии, образцы и прихворнул немного. Нам здорово влетело тогда.

Биолог закурил.

— Вы сами увидите, что там творится. Возникли совершенно новые формы, странные и удивительные. Мы все-таки набрали большой материал. Многие виды просто вымерли. Например, медведи вымерли начисто. Другие приспособляются, хотя и не знаю, можно ли употреблять этот термин. Вернее сказать, дали мутации, жизнеспособные в условиях повышенной активности. Но, знаете ли...

— А как они реагируют на все это? — спросил Иван Иванович.— На вспышки и так далее?

— Скверно реагируют,— сумрачно ответил биолог.— Очень скверно. Боюсь, нашему заповеднику приходит конец. Раньше они очень редко подходили к ограде. Крупных животных мы почти и не видели. А вот прошлым месяцем сотни дьявольских уродов вдруг среди бела дня устремились прямо на шлагбаум. Зрелище не для слабонервных. Мы выловили несколько штук, остальных отпугнули ракетами. Не знаю уж, от чего они спасались: от вспышек, от голубого тумана или еще от чего-нибудь... Вероятно, от голубого тумана. Думаю, в конце концов они все вымрут. И комаров здесь за последние месяцы стало больше. И птиц, и лягушек. Вот тот филин, например...— Он ткнул окурком в пепельницу и закончил неожиданно: — Так что будьте осторожны там.

— Ничего,— сказал Полесов.— Все-таки у нас танк высшей защиты.

Биолог внимательно поглядел на его распухшую щеку и сказал:

— Знаете что? Давайте я вам укольчик небольшой сделаю. Чем черт не шутит...

Полесов поколебался секунду, взглянул на Беркута и встал.

— Пожалуй,— пробормотал он.

2

Утром Беркут проснулся оттого, что совсем близко кто-то заревел страшным ревом. Беркут отбросил простыни и подошел к окну. У соседнего коттеджа стоял начальник биостанции Круглис и незнакомый человек в белом халате. Круглис курил и морщился, а человек в халате говорил, размахивая руками.

Утро было солнечное. Между стволами сосен в розовой дымке темнела угловатая туша «Тестудо». Возле «Тестудо» возился Полесов. Вероятно, разведчики уже вернулись, подумал Беркут. Он аккуратно убрал постель в стенную нишу, принял душ и со вкусом позавтракал: выпил два стакана крепкого чая и съел два ломтя ветчины. Ветчина была отличная — обезжиренная, розовая, как утренний туман, и такая же нежная.

На крыльце Беркут столкнулся с Иваном Ивановичем.

— Доброе утро,— приветствовал его Иван Иванович.— А я иду тебя будить. Разведчики вернулись.

— Что-нибудь интересное?

Иван Иванович раскрыл было рот, но позади коттеджа кто-то опять заревел глухо и протяжно. Беркут вздрогнул.

— Это дикий кабан,— сказал Иван Иванович.— Его поймали на той стороне.

— По-моему, это больше похоже на рев медведя.

— Что ты! — возразил Иван Иванович.— Медведи вымерли, как известно.

— Ладно,— сказал Беркут.— Пусть их. Что принесли разведчики?

— Опять неожиданность. В общем, пойдем к Полесову.

Они пошли по тропинке, и мокрый от росы бурьян хлестал их по ногам.

— Здесь такая крапива! — сказал Иван Иванович. — Сволочь, а не крапива!

Полесов стоял, прислонившись к броне, и рассеянно крутил в пальцах узкую ленту фотопленки. Правая щека у него была заметно полнее левой.

— Доброе утро, Петр Владимирович, — сказал Беркут.

— Доброе утро, товарищ Беркут, — ответил Полесов и осторожно потрогал щеку.

— Болит?

Полесов вздохнул и сказал:

— Киберы вернулись. Я просмотрел информацию, и она мне не нравится.

— Нет дороги?

— Не знаю... — Полесов опять потрогал щеку. — Здесь что-то очень странное. Вот... — Он протянул Беркуту пленку.

Пленка была совершенно черная.

— Засвечена? — спросил Беркут.

— Засвечена. С начала до конца. Словно ее со вчерашнего вечера держали в реакторе. Не понимаю, как это могло получиться. Максимальный уровень радиации, который зафиксировали разведчики, — полтора десятка рентген в час. Сушие пустяки. Но самое главное — киберы почему-то не дошли до эпицентра.

— Не дошли?

— Они вернулись, не выполнив задания. Прошли всего сто двадцать километров и вернулись, словно получили команду «назад». Или испугались. Откровенно говоря, мне это не нравится.

Некоторое время все молчали и глядели за шлагбаум. Дорога там еще была, но бетон потрескался и густо пророс гигантским лопухом. Недалеко от шлагбаума из лопухов торчал большой красный цветок, над ним крутилась белокрылая бабочка. Дальше над дорогой нависала, зацепившись верхушкой за ветви соседних деревьев, сухая осина с голыми растопыренными сучьями.

— Значит, информации у нас практически нет, — проговорил Беркут задумчиво.

Полесов смотал пленку и сунул ее в карман комбинезона.

— Можно послать разведчиков еще раз,— сказал он.

— Мы и так потеряли много времени,— нетерпеливо сказал Иван Иванович и поглядел на Беркута. — Давайте двигаться. На месте разберемся.

— Можно выслать разведчиков по пути.— Полесов тоже поглядел на Беркута.

— Ладно,— согласился Беркут.— Будем двигаться. Петр Владимирович, сходите, пожалуйста, к биологам и передайте, что мы уходим. И поблагодарите от всех нас.

— Слушаюсь, товарищ Беркут.

Полесов отправился к коттеджам и через минуту вернулся с Круглисом.

— Мы уходим,— сообщил Беркут.— Большое спасибо за прият.

— Пожалуйста,— медленно сказал биолог.— Счастливого пути.

— Спасибо. Здесь у вас было замечательно. Просто как на курорте.

Дикий кабан снова заревел по-медвежьему из-за деревьев.

— Вы извините,— сказал Беркут,— но мы, право же, не можем вас взять с собой. Не можем, не имеем разрешения.

— Понимаю.— Биолог усмехнулся.— Жаль, конечно... Ничего, придет когда-нибудь и наш черед.

— Наверное, после нас пошлют вас.

— Да, вполне возможно. Счастливого пути. Желаю удачи.

— Спасибо,— повторил Беркут и пожал биологу руку.

— До свидания, спасибо,— сказал Полесов.— Я постараюсь поймать для вас какого-нибудь филина.

Они залезли в танк, люк захлопнулся. Биолог помахал рукой и отступил к обочине. Медленно поднялся автоматический шлагбаум. Тяжелая машина дрогнула, загудела и двинулась вперед, оставляя в бурьяне широкие колеи. Биолог провожал ее глазами. Вот она прошла под завалившейся осиной и задела ее. Дерево треснуло, ломаясь пополам, и с глухим стуком рухнуло поперек просеки, которая когда-то была автострадой.

«Тестудо» стоял, сильно накренившись, тихий и совершенно неподвижный. После шестнадцати часов гула и сумасшедшей тряски тишина и неподвижность казались иллюзией, готовой исчезнуть в любую минуту. По-прежнему у них были стиснуты зубы и напряжены мускулы, по-прежнему звенело в ушах. Но ни Полесов, ни Беркут, ни Иван Иванович не замечали этого. Они молча глядели на приборы. Приборы безбожно ввали.

Два часа назад, в полночь, пеленгирующие станции дали Полесову его координаты. «Тестудо» находился в распадке в семи-десяти километрах к юго-востоку от эпицентра. В ноль пятнадцать Лантанид впервые не послал очередного вызова. Связь прервалась. В ноль сорок семь репродуктор голосом Леминга гаркнул: «...немедленно!» В час десять пошел сильный дождь. В час восемнадцать погас экран инфракрасного проектора. Полесов пощелкал переключателями, выругался, включил фары и уперся лбом в замшевый нарамник перископа. В час пятьдесят пять он оторвался от перископа, чтобы попить, взглянул на приборы, зарычал и остановил машину. Приборы безбожно ввали.

Снаружи была черная сентябрьская ночь, лил проливной дождь, но стрелка гигрометра нагло стояла на нуле, а термометр показывал минус восемь. Стрелки дозиметра весело бегали по шкале и свидетельствовали о том, что радиоактивность почвы под гусеницами «Тестудо» колеблется очень быстро и в весьма широких пределах. И вообще, если судить по показаниям манометров, танк находился на дне водоема на глубине двадцати метров.

— Приборы шалят,— бодро сказал Беркут.

Никто не возразил.

— Какие-то внешние влияния...

— Хотел бы я знать какие,— сказал Полесов, кусая губу.

Беркут хорошо видел его лицо, смуглое, длинное, с красным пятном на правой щеке.

— Ах, как бы нам это помогло! — сказал Иван Иванович.

— Да,— сказал Полесов.

Это помогло бы, потому что позволило бы скорректировать приборы. И самое главное — скорректировать приборы на пуль-

те управления. Для Ивана Ивановича их показания были, вероятно, филькиной грамотой, но Полесов видел, что они врут так же бессовестно, как и все остальные. Это было очень странно и опасно: приборы управления были отгорожены от всех и всяких внешних влияний тройным панцирем сверхмощной защиты «Тестудо». И люди были отгорожены от внешних влияний только тройным панцирем «Тестудо». На мгновение Полесов почувствовал скверную слабость под ложечкой.

— Что там снаружи? — спросил Иван Иванович.

— Ничего. Туман...

Иван Иванович встал, попросил Полесова подвинуться и прильнул к перископу. Он увидел изломанные, перекрученные стволы сосен, черные, словно обугленные ветви, густую поросль двухметровой травы. И туман. Серый неподвижный туман, повисший над мокрым миром в лучах прожекторов. В нескольких метрах от танка стояли киберразведчики. Они жались к танку и были похожи на дворняжек, почуявших волка. Они не хотели идти в туман. Точнее, не могли.

Иван Иванович сел.

— Голубой туман, — сипло сказал он.

— Ну и что? — спросил Полесов.

Иван Иванович не ответил. Беркут тоже поглядел в перископ. Затем он сел и расстегнул воротник куртки. Ему стало душно. Он выпрямился и глубоко вздохнул. Удушье исчезло.

— Что будем делать? — спросил Полесов.

— Слушайте, товарищи, — сказал вдруг Беркут, — вы ничего не чувствуете?

— Ничего... — ответил Иван Иванович, уставившись на приборы. Он запнулся. — Иголочки! — сказал он тонким голосом.

Только теперь Полесов ощутил неприятное покалывание в кончиках пальцев. словно микроскопические иглы, тонкие, как пчелиные жала. И почему-то было трудно дышать. Пальцы немели.

— Похоже... на горную болезнь, — с трудом выговорил он.

Иван Иванович вскочил, оттолкнул Полесова и снова прижался затылком к нарамнику перископа. Снаружи был только туман. Киберразведчики исчезли. Иван Иванович тяжело глотнул воздух и повалился на свое кресло. Его пухлые щеки блестели от пота.

— Ваш танк и ваши киберы!..— сказал он.— Танк высшей защиты!..

— В таком танке,— медленно ответил Полесов,— я в прошлом году прошел через Горящее Плато на Меркурии.

— И ваши киберы! — продолжал Иван Иванович.— Трусят ваши киберы. В первый раз вижу киберов, которые трусят. И ваша высшая защита!

— Не надо, Иван Иванович,— сказал Беркут.

«Высшая защита не помогает,— думал Полесов.— То, что врут приборы, и трудно дышать, и колют иголки,— это еще полбеда. Беда будет, если сдаст двигатель, нарушится настройка магнитных полей реактора, которые держат кольцо раскаленной плазмы. Стоит разладиться настройке, и «Тестудо» превратится в пар со всей своей высшей защитой. Самое лучшее — поскорее убраться отсюда».

— И нам придется возвращаться,— продолжал Иван Иванович.— И мы ничего не узнаем, потому что понадеялись на ваш танк и на ваших киберов. Надо было рискнуть и прорываться на турболете.

Иголки кололи уже плечи и бедра.

— Хорошо,— сказал Полесов.— Пристегнитесь.

Иван Иванович замолчал. Физики пристегнулись к креслам широкими мягкими ремнями.

— Готовы? — спросил Полесов.

— Готовы...

Полесов выключил свет и положил ладони на рычаги управления. Глухо заворчал двигатель, танк качнулся. Что-то отвратительно захрустело под гусеницами. Впереди был плотный, непроглядный туман. Быстрые иголки бегали теперь в спине. Омерзительное ощущение. И не хватает воздуха. «Тестудо», гудя и дрожа, становится на корму. Выше, выше... Толчок, лягают челюсти. Впереди туман. Еще выше, к самому небу! Слепая машина взбирается по склону бесконечно высокой горы, а с той стороны — пропасть. А в реакторе с воем рвется из магнитных цепей лиловое пламя плазмы. Сейчас...

Полесов оторвался от перископа и мельком взглянул на приборы. Если показания приборов правильны, реактор «Тестудо»

через секунду взорвется. Но приборы врут. Их сбивают внешние влияния, которые забираются под тройную кожу высшей защиты.

Танк перевалил через вершину и начал спуск. Руки онемели, иголки пляшут где-то рядом с сердцем. Скоро одна уколёт — и конец. Скоро плазма лизнет стенки реактора — и конец. Рядом болтается в своих ремнях Беркут, безвольный, как кукла.

Очнувшись, Беркут увидел освещенный экран, словно окно из темной комнаты на лесную поляну. Тумана больше не было. Экран работал прекрасно, были видны мокрые кусты, и мокрая трава, и мокрые голые стволы. Неба не было видно. На поляну вышло огромное животное и остановилось, уставившись на «Тестудо». Беркут не сразу понял, что это лось. У животного было тело лося, но не было его горделивой осанки: ноги искривлены, голова гнулась к земле под чудовищной грудой роговых наростов. У лося вообще очень тяжелые рога, но у этого на голове росло целое дерево, и шея не выдерживала многопудовой тяжести.

— Что это? — нехорошим голосом спросил Иван Иванович.

Беркут понял, что Иван Иванович тоже был в обмороке.

— Лось, — сказал он и позвал: — Петр Владимирович!

— Я, товарищ Беркут, — отозвался Полесов. У него тоже был нехороший голос.

— Выбрались, кажется?

— Кажется... Неужели это лось?

— Это лось с той стороны, — сказал Иван Иванович голосом биолога. Он удивительно хорошо умел подражать голосам других людей.

— Как вы себя чувствуете, товарищи? — спросил Беркут.

— Прекрасно, — ответил Иван Иванович.

— У меня болит щека, — ответил Полесов. — Но приборы опять в порядке.

Лось понуро подошел почти вплотную и теперь стоял, шевеля ноздрями.

— У него нет глаз, — сказал вдруг Полесов ровным голосом.

У лося не было глаз. Вместо глаз белела скользкая плесень.

— Спугните его, Петр Владимирович, — прошептал Беркут. — Пожалуйста!

Полесов включил сирену. Лось постоял, шевеля ноздрями, повернулся и медленно, судорожно переставляя ноги, побрел прочь. Он шагал мучительно неуверенно, как будто вместо полного шага каждый раз делал только половину. Голова его была придавлена к земле, впалые бока влажно блестели.

— Как бог черепаху... — пробормотал Иван Иванович.

Они смотрели на лося, как он бредет, путаясь в высокой мокрой траве. Потом лось скрылся за деревьями. Беркут сказал:

— Петр Владимирович, вы просто молодец!

— Что такое? — спросил Полесов.

— Вы нас вытащили из такого мешка...

— Чепуха, — сказал Полесов спокойно.

— Нет, в самом деле, я просто не представляю, как вам это удалось. Я, например, лежал без памяти, как девчонка.

Полесов промолчал. Он включил двигатель и выпустил разведчиков. Киберы выскочили, осмотрелись и поспешили вперед. Теперь они ничего не боялись. «Тестудо» с гулом покатился вслед за ними.

4

Поздним утром «Тестудо» разбросал последний завал и выкаббался на край гигантской котловины. Тайга была позади — темно-зеленая, мокрая после ночного дождя, тихая и строгая под ослепительным солнцем. Там, где прошел танк, осталась широкая просека, по сторонам которой валялись обугленные, заляпанные белой плесенью стволы.

Внизу, в котловине, лежали развалины старинной лаборатории. Земля была голая и черная, от нее шел пар. Пар искажал перспективу, черные руины дрожали и расплывались в струях теплого воздуха.

— Боже мой! — дребезжащим голосом проговорил Иван Иванович. — Бож-же мой!

Он хорошо помнил это место, хотя прошло уже полвека. На обширной, залитой белым бетоном площади сверкало под солнцем великолепное чудовище — двухкилометровое кольцо мезонного генератора, окруженное стеклянными башнями регулирующих устройств. И в один день, в одну стомиллионную долю секунды

всего этого не стало. Зарево видели на сотни километров, а удар отметили все сейсмостанции Сибири.

— Все-таки разрушения не так уж велики,— сказал Беркут, словно утешая.— Я думал, здесь ничего нет, только голая земля.

— Бож-же мой,— повторил Иван Иванович. Он потер пальцами небритый, скрипящий подбородок и сказал: — Вон там была релейная станция, я ее строил. Там — хозяйство Чебоксарова, светлая ему память... Ничего не осталось.

— Вот что,— сказал Полесов.— Я не знаю, где и что вы здесь собираетесь искать, но сейчас я пушу киберов. Вам все равно потребуется информация. Пусть киберы разведают, что и как.

— Ах да, информация...— Иван Иванович насмешливо выпятил нижнюю губу.— Как же...

— Хорошо,— согласился Беркут.— А мы тем временем позавтракаем.

Иван Иванович ерзал на месте и глядел на экран. Глазки его блестели. Полесов поиграл переключателями. На экране было видно, как разведчики соскочили на землю, побежали по склону котловины и скрылись в развалинах. Тогда Полесов вытащил консервы и хлеб в непроницаемой упаковке. Все трое принялись за еду, прихлебывая горячий кофе из термосов.

— Ты где был во время взрыва, Иван Иванович? — спросил Беркут.

— В Лантаниде.

— Тебе повезло.

— Ну, не одному мне, к счастью,— сказал Иван Иванович.— Людей здесь почти и не было. Ведь лаборатория была телемеханическая... Зато теперь все ядерные лаборатории перенесли на Луну и на спутники... Гляди-ка, водитель наш...

Беркут обернулся. Полесов спал, положив голову на пульт управления и зажав между коленями термос с кофе.

— Вымотался наш водитель,— сказал Иван Иванович.

Полесов проснулся, убрал тарелки, откинулся на спинку кресла и снова заснул. Через несколько минут Иван Иванович радостно заорал:

— Разведчики возвращаются!

Среди развалин показались блестящие живые точки. Полесов протер глаза, с хрустом потянулся. Затем он нагнулся над пультом и стал читать запись.

— Радиация не очень высокая: двадцать — двадцать пять рентген. Температура... Давление... Влажность... Все в обычных пределах... Так, белок. Бактерии...

— Молодцы бактерии, — сказал Иван Иванович. — Дальше!

— Дальше... Вот опять запретная зона. Площадь — около гектара. Киберы покрутились вокруг и отошли. И, конечно, опять засвечена пленка.

— Это что, опять голубой туман?

— Нет. То есть не знаю. Просто запретная зона.

— Дайте координаты, Петр Владимирович, — попросил Беркут и поглядел на Ивана Ивановича.

Иван Иванович поспешно достал и развернул на коленях схему.

Полесов стал диктовать.

— Точно, — сказал Иван Иванович. — Она. К югу от башни фазировки. Там был маленький бетонный домик. Будочка. Совершенно точно.

Некоторое время Иван Иванович и Беркут молча смотрели друг на друга. Полесов видел, как дрожащие пальцы Ивана Ивановича мяли и разглаживали плотную бумагу схемы. Наконец Беркут спросил:

— Приступим?

Иван Иванович встал, стукнувшись макушкой о низкий потолок кабины, мотнул головой и полез в шкафчик, где лежали защитные костюмы.

— Погоди, куда ты? — остановил его Беркут. — Петр Владимирович, пожалуйста, подведите машину к этой... запретной зоне.

— К запретной зоне? — медленно переспросил Полесов.

Он поглядел на экран. Развалины лежали под высоким солнцем, молчаливые и черные, противоположный край котловины трясся в жарком мареве. Никаких признаков жизни, никаких признаков движения, только неуловимые токи горячего воздуха. Почему-то Полесов вдруг вспомнил скользкую белую плесень на глазах у лося.

— Надо же кому-то начинать, — сказал Беркут. — Начнем мы.

Через час «Тестудо» остановился в сотне метров к югу от башни фазировки — груды оплавленного камня с торчащими прутьями стальной арматуры. Экран работал прекрасно. На обугленной земле была видна каждая песчинка. Земля поднималась невысоким валом, окружавшим обнаженный свод какого-то подземного сооружения. Свод был серый, шершавый, и в центре его зияло круглое черное отверстие.

— Здесь? — спросил Беркут.

— Здесь, — сипло отозвался Иван Иванович.

Они торопливо натянули защитные костюмы. Перед тем как опустить спектролитовый наличник шлема, Беркут сказал Полесову:

— Сидите в машине и держите с нами радиосвязь. Если связи не будет, не паникуйте и не вздумайте лезть за нами.

Он сказал это очень жестким голосом, странно было слышать его. Беркут всегда казался Полесову немножко мямлей. Но на этот раз он сказал как надо.

— И еще... Если все-таки удастся связаться с Лемингом, расскажите ему, как идут дела. Скажите, что дела идут хорошо. До свидания.

Они вылезли из танка, впереди Беркут, за ним Иван Иванович с мотком троса через плечо. Полесов видел, как они перебрались через земляной вал, прошли по бетону и остановились над черным отверстием. Они были похожи на водолазов в желтых сморщенных спецкостюмах и головастых шлемах. Иван Иванович сбросил трос и заделал его конец в бетон. Беркут спросил:

— Как слышите меня, Петр Владимирович?

Полесов ответил, что слышит хорошо.

— Вы, Петр Владимирович, только не беспокойтесь! Все будет в порядке. Мы осмотрим внизу помещения и сразу вернемся.

— Пошли, пошли! — заторопил Иван Иванович.

Он полез первым, и Полесов слышал, как он кряхтит и бормочет вполголоса. Беркут стоял нагнувшись, уперев руки в колени.

— Есть! — послышался в наушниках голос Ивана Ивановича. — Я на полу. Спускайся, Беркут.

Беркут махнул рукой и тоже исчез в отверстии. Минут пять все было тихо. Потом голос Беркута спросил:

— Что это?

— Обыкновенный трансформатор,— ответил Иван Иванович.— Только очень старый.

— Такое впечатление, будто его жевали...

Физики замолчали. Полесову показалось, что кто-то тяжело дышит в микрофон. Он потрогал верньер. Кто-то с хрипом, словно астматик, равномерно втягивал и выпускал воздух.

— Как дела? — на всякий случай спросил Полесов.

Голос Беркута донесся глухо, как из-под подушки:

— Все хорошо, Петр Владимирович. Мы идем дальше.

В приемнике щелкнуло, и наступила тишина. Полесов достал из кармана тюбик со спорамином, проглотил таблетку и посмотрел на экран. По ту сторону земляного вала, недалеко от опушки тайги, валялись исковерканные обломки. Изломы металлопласта ярко искрились на солнце. Это была «Галатей» — автоматический турболет, высланный в эпицентр для разведки месяц назад. «Галатей» взорвалась над эпицентром по неизвестным причинам, и с тех пор Леминг запретил воздушные разведки. Полесов проговорил в микрофон:

— Товарищ Беркут, вы меня слышите? Иван Иванович!

Ему не ответили, и он подумал, что пора, пожалуй, вылезать. Но сначала он решил еще раз попробовать соединиться с Лантанидом. Он нажал клавишу настройки и был буквально отброшен от аппарата громоподобным рыком:

— «Тестудо»! «Тестудо»! Отвечай, «Тестудо»!

— «Тестудо» слушает,— сердито сказал Полесов.

— «Тестудо»? Я — Леминг. Куда вы запропастились? Почему не отвечали?

Полесов сказал, что не было связи.

— Где вы находитесь?

— В эпицентре.

Последовало короткое молчание, затем Леминг уже значительно спокойнее осведомился:

— Нашли?

— Что именно? — спросил Полесов.

— Как — что? Двигатель времени, конечно. Это ты, Беркут?

Полесов сказал, что он не Беркут и что Беркут и Иван Иванович спустились в какое-то подземелье, и что он, Полесов, не понимает, о каком «двигателе времени» идет речь.

— Значит, спустились все-таки, поросята? — сказал Леминг. — Так. Ну, с ними я еще поговорю. Слушайте, водитель. Немедленно отведите машину подальше от этого... подземелья и ждите. Понятно? Отвести и ждать!

— Понял,— сказал Полесов.— Отвести машину и ждать.

— Действуйте. Связи с Беркутом нет?

Полесов подумал и выключил передатчик.

— Двигатель времени,— сказал он вслух.— Ладно...

Он встал, надел спецкостюм и вылез из машины. Ноги по щиколотку ушли в черный прах. Он перебрался на бетонный купол и подошел к люку. Тонкий трос уходил в крошечную темноту. Полесов оглянулся. «Тестудо» стоял за земляной насыпью и следил за ним блестящими выпуклыми глазами прожекторов. Полесов присел на корточки и полез в люк, напрягая все мышцы.

Внизу было совершенно темно. Полесов включил нашлемную фару. Пятно света скользнуло по изрытым стенам, по остаткам развороченных приборов, по полу, покрытому слоем пыли, тонкой, как пудра. Затем Полесов увидел следы в пыли и быстро пошел, обходя нагромождения обломков, цепляясь ногами за оборванные провода. И он опять услышал, как кто-то хрипло и равномерно дышит в радиопhone.

Поворот. Длинный узкий коридор. Еще поворот. Полесов кубарем скатился по металлической лестнице. В кончиках пальцев появилось знакомое ощущение: сотни крошечных иголочек вонзаются под кожу. Полесов побежал. Еще одна лестница, еще один коридор. Ритмичный хрип в наушниках вырос в мощный свирепый рев. «О-о-о... А-а-а... О-о-о... А-а-а».

Пот заливал глаза, резало в груди. Иголочки кололи локти и колени. Еще один поворот. Полесов остановился. Яркий голубой свет на секунду ослепил его. Затем он разглядел на голубом фоне две черные тени. Беркут стоял, склонившись над Иваном Ивановичем, а Иван Иванович сидел, по-турецки скрестив ноги и упираясь ладонями в голубой пол.

Полесов подбежал к ним и схватил Ивана Ивановича под мышки. Иван Иванович был необычайно тяжел. Ноги его волочились, и он то и дело выскальзывал из рук Полесова. Но Полесов подтащил его к двери, взвалил на спину и, протискиваясь в коридор, оглянулся на Беркута. Беркут неторопливо шел следом, и руки его болтались по сторонам тела, как рукава пальто, надетого внакидку. Позади него Полесов увидел две прозрачные колонны. В колоннах билось, медленно пульсируя, голубое пламя, и рев в радиопhone пульсировал вместе с ним.

5

Иван Иванович, багровый и благожелательный от стаканчика коньяка, сказал:

— Да, это было здорово, доложу я вам!

— Еще? — спросил Полесов.

— Нет, хватит.

— А вам, товарищ Беркут?

Беркут улыбнулся:

— Спасибо, Петр Владимирович, не хочу. Свяжитесь с Лемингом, если вам не трудно.

Полесов завинтил флягу и подсел к передатчику. Беркут откинулся на спинку сиденья, продолжая улыбаться. Тело было легким, свежим, даже следа не осталось от томительного бессилия, свалившего его на обратном пути из подземных коридоров. Иван Иванович блаженно пыхтел и поглаживал себя по животу. Должно быть, он тоже был доволен.

— Есть связь, — сообщил Полесов.

— Леминг! — крикнул Беркут в микрофон. — Леминг, я Беркут.

— Беркут? — рявкнуло в ответ. — Почему ты нарушил мои инструкции?

— Спокойно, Леминг. — Беркут попытался согнать с лица улыбку, но это ему не удалось. — Мы целы и невредимы. Леминг, мы не ошиблись. Слышишь, Леминг? Двигатель времени уцелел и работает вовсю. Двигатель времени работает, слышишь?

После паузы Леминг сказал:

— Слышу.

— Срочно доставь сюда энергоснимающее устройство, — продолжал Беркут. — Совершенно срочно. Миллионы киловатт уходят в воздух и заражают воздух, слышишь, Леминг?

— Слышу. Немедленно уберите отсюда.

— Спокойно, Леминг! Убираться отсюда не надо. Пришли людей. Больше людей. Пришли Кузьмина, Еселеву, Акопяна. Обязательно пришли Акопяна. И поторопись, Леминг, надо предупредить следующий взрыв. Только через голубой туман на вездеходах не пройти. Попроси у межпланетников еще несколько танков высшей защиты. Они тоже не очень спасают, но все-таки...

— Представь себе, я уже подумал об этом, — сказал Леминг чрезвычайно язвительно. (Иван Иванович сделал большие глаза и поднял указательный палец.) — Танки с оборудованием находятся в пути и будут у вас завтра утром. А люди будут у вас через четверть часа. Я выслал три турболета.

— Не стоило бы. — Беркут покосился на экран, где у опушки тайги блестели под солнцем обломки «Галатеи». — Здесь уже есть один турболет.

— Чепуха. Они пройдут над бывшей автострадой на бреющем полете. Ничего им не сделается. — Леминг покашлял, затем нарочито небрежным голосом осведомился, есть ли у Беркута какие-нибудь соображения относительно этого... как его... голубого тумана.

Иван Иванович затрясся в беззвучном хохоте, широко разевая темно-розовую пасть с крепкими желтоватыми зубами. Беркут ответил:

— Есть соображения. Несомненно, это твоя возлюбленная неквантованная протоматерия. Вернее, продукт ее взаимодействия с воздухом или водяными парами.

— Я так и думал, — сказал Леминг. — Ладно. Ждите. Не рискуйте. До свидания!

Беркут отодвинулся от микрофона и тоже засмеялся. Только Полесов не смеялся. Он был бледен и осунулся от утомления. Он принял еще одну таблетку спорамина, поэтому спать ему не хотелось, но он чувствовал себя неважно. К тому же он впервые в жизни не понимал, что происходит вокруг него, и это его злило и

мучило. Его злил самодовольный Иван Иванович и даже мягкий Беркут, хотя он сознавал, что это совсем никуда не годится. В конце концов он поборол гордость и резко спросил:

— Что такое «двигатель времени»?

Физики поглядели на него, затем друг на друга.

Беркут покраснел и, запинаясь, сказал:

— Мы совсем забыли... Простите, Петр Владимирович... Сначала мы не были уверены, а потом эта удача... Это было так неожиданно... Ах, как нехорошо получилось!

— Двигатель времени,— сказал Иван Иванович с усмешечкой,— есть не что иное, как вечный двигатель. Перпетуум, так сказать, мобиле.

— Не надо, Иван. Сейчас я вам все объясню, Петр Владимирович. Только вы не обижайтесь на нас, пожалуйста. Вы знакомы с тау-механикой?

Полесов угрюмо покачал головой. Он все еще злился, хотя Беркут опять нравился ему.

— Тогда это сложнее. Но я все-таки постараюсь объяснить.

Он очень старался объяснить. Полесов тоже очень старался понять. Речь шла о свойствах времени, о времени как о физическом процессе. По словам Беркута, это была необычайно сложная проблема. Много лет назад, при исследовании проблемы источников энергии звезд, была впервые выдвинута своеобразная, еще экспериментально не подтвержденная теория времени как физического процесса, связанного с энергией. В основу этой теории легли постулаты, рассматривающие время как материальный процесс, несущий определенную энергию. Потом были найдены (сначала теоретически, а затем и экспериментально) количественные характеристики условий освобождения энергии, связанной с ходом времени. Так родилась механика «физического времени», иначе называемая тау- или Т-механикой.

Одним из замечательных следствий тау-механики явился вывод о принципиальной возможности использования хода времени для получения энергии. Был рассчитан ряд механических систем, позволяющих осуществить эту возможность на практике. К сожалению, производительность таких систем была ничтожна. Они дали только экспериментальное подтверждение основной теории, но не

могли служить в качестве практических источников энергии. Это еще не были «двигатели времени». Задача была решена лишь после возникновения тау-электродинамики. И даже тау-электродинамическим системам требовались десятки лет, чтобы выход энергии в них стал положительным и сколько-нибудь существенным.

Семьдесят лет назад по решению Всемирного Ученого Совета были заложены и пущены в порядке эксперимента четыре такие системы, четыре псевдовечных двигателя, «двигатели времени». Один на Луне — в кратере Буллиальд, и три на Земле — на Амазонке, в Антарктиде и здесь, в тайге. Потом какой-то «умник в Ученом Совете» предложил отдать готовую строительную площадку в тайге под телемеханическую мезонную лабораторию. Предложение приняли, лабораторию построили, и сорок восемь лет назад она взлетела на воздух. Деятельность лаборатории, разумеется, не имела никакого отношения к «двигателю времени», но двигатель сочли разрушенным, потому что разрушения были действительно очень велики. Проникнуть на территорию, где размещалась опытная установка, оказалось невозможно, да и не было, казалось, надобности. Внимание исследователей сосредоточилось на остальных трех системах, и эксперимент в тайге был забыт. Но двигатель уцелел. Он работал, выжимал энергию «из времени», накапливал ее и вот четыре месяца назад выбросил первую порцию.

— Вот, в общем, и все. — Беркут нерешительно улыбнулся. — Теперь поняли?

— Спасибо, — сказал Полесов.

— А вы почитайте Леминга, — предложил Беркут. — Есть прекрасная монография Леминга «Тау-электродинамика».

Полесов кашлянул.

— Прозрачные колонны в подземелье, — сказал Беркут, — это энергоотводы. Двигатель расположен этажом ниже. Энергия стекает в эти колонны, накапливается в них и время от времени выбрасывается. А в каком виде выбрасывается, в общем-то никто не знает.

— Леминг знает, — ввернул Иван Иванович.

Беркут посмотрел на него и сказал:

— Леминг вот считает, что энергия выделяется в виде прото-материи — неквантованной основы всех частиц и полей. Потом

протоматерия самопроизвольно квантуется — во-первых, на частицы и античастицы, во-вторых, на электромагнитные поля. Так вот, та часть протоматерии, которая не успела проквантоваться, может вступать во взаимодействие с ядрами и электронами окружающей среды. Так, возможно, возникает этот голубой туман. Эта протоматерия должна проникать всюду, для нее нет преград, и она воздействует на приборы, на киберов, как вы их называете, и на наши организмы. Я, наверное, не очень ясно объясняю.

— Нет, отчего же,— сказал Полесов. Он вспомнил, как дергались стрелки приборов, контролирующих настройку магнитных полей.— Отчего же,— повторил он,— я кое-что понял. Спасибо. А как остальные двигатели?

— Остальные пока молчат,— сказал Беркут.— Да нам пока хватит дела и с этим.

— Мы построим здесь город-лабораторию,— сказал Иван Иванович, жадно глядя на экран.— Мы заложим новые двигатели, более совершенные. Я еще доживу до того времени, когда мы забросим в Пространство первые корабли, которые будет нести само Время.— Он вдруг повернулся к Полесову и сказал: — А тау-механику нужно знать, юноша. Основам тау-механики уже учат в школе.

— Неправда, Иван Иванович,— сказал Беркут.

— Правда. Мне внук рассказывал. Но я не об этом. У меня есть к вам предложение, Полесов. Нам здесь понадобится водитель с крепкими нервами. Как вы на это смотрите?

Полесов покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Мне придется вернуться на Меркурий. Там тоже нужны водители с крепкими нервами.

Иван Иванович насупился.

— Была бы честь предложена,— проворчал он.

— Вот они,— сказал Беркут.

Из-за тайги одна за другой беззвучно взлетели серебристые птицы, низко прошли над черной землей и сели, сложив крылья. Открылись люки, из них стали выскакивать люди в желтых защитных костюмах и больших шлемах.

— Акопян прилетел,— сказал Беркут.— Пошли, товарищи.

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

1

ПОЭТ АЛЕКСАНДР КУДРЯШОВ

Валя Петров сам пришел ко мне сообщить об этом. Он стянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

— Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я спросил:

— Когда?

— Через декаду. — Он вертел в пальцах, складывал и разглаживал берет. — Все-таки назначили меня. Я было совсем потерял надежду.

— Нет, почему же, — сказал я. — Ведь ты опытный межпланетник.

— Здесь это не имеет значения.

Я достал из холодильника лимонный сок и мед. Мы смешали и выпили.

— Стартуем с «Цифэя», — объявил он.

— Где это?

— Внеземная станция. Спутник Луны.

— Вот как, — сказал я. — Я думал, Цифэй — это созвездие.

— Созвездие — это Цефей, — пояснил он. — А «цифэй» по-китайски значит «старт». Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил бокал на стол, надел берет, встал, протянул руку.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду.

— А Ружена? Ружена уже знает?

— Нет. Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Он снова сел в кресло. Мы помолчали.

— Это надолго? — спросил я.

Я знал, что это навсегда.

— Нет, не очень, — ответил он. — Собственно, мы рассчитываем вернуться через двести лет. Или двести пятьдесят. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «це». Ладно... Мне надо идти.

Но он не поднимался.

— Выпьем вина, — предложил я.

— Давай.

Мы чокнулись, выпили по бокалу золотистой «Явы».

— Знаешь, — сказал он, — даже не верится. Что ж, перед нами стартовал Горбовский, а перед Горбовским — Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции. И будет, наверное, еще несколько. Ведь для нас это пустыки. Десять лет рейса, от силы пятнадцать.

— Да-да, конечно, — пробормотал я. — Эйнштейновское сокращение времени и все такое...

Он встал.

— Пойду... Ты будешь провожать меня?

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей остановился.

— Спасибо, Саня, — сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Троих я знал: Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Ларсен даже был моим другом, хотя и не таким близким, как Валя. Провожавших было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компаниях «Цифэя». На «Цифэе» не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше, и она все время покусывала нижнюю губу. Она была очень красива, я даже не думал, что женщина может быть такой красивой. Валя дер-

жал ее за руку и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже со страшной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала. Он краснел и похлопывал ее по плечу ладонью. Я испытывал удивление и недоверие. Мне не раз приходилось провожать людей в Пространство. Другим, наверное, тоже. Но сейчас все было по-другому. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернутся, когда никого из нас не останется в живых — ни меня, ни Ружены, ни девочки в оранжевом. Их встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки. Через столетия Валя Петров познакомится с девушкой по фамилии Петрова. «Собственно, я знал одного Петрова,— скажет Валя.— Он был начальником Третьей звездной экспедиции. Мы были друзьями детства. Может быть, вы его внучка?» — «Кажется,— ответит девушка.— Только не внучка, а пра-пра-пра-пра...»

— Ты не огорчайся,— сказал Валя громко.

— Я не огорчаюсь,— ответила Ружена.

— Это ведь очень нужно.

— Я понимаю.

— Нет,— сказал Петров,— ты не понимаешь, Руженка! Ты совсем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но он был совсем не такой, как я. Мне всегда казалось, что он издевается надо мной. Он принадлежал к другой породе людей. Он был немножко фанфарон и позер. И он был необыкновенный смельчак. Мало кто решался на штуки, которые он позволял себе, а те, кто решался, отступали или гибли. Но ему все удавалось. Он с улыбочкой шел над пропастями. Наверное, он очень любил себя такого — веселого, небрежного и неуязвимого. Другие тоже любили его. И Ружена любила его. Но что ему? Он и в двадцать четвертый век войдет, наверное, так же — весело улыбаясь и постукивая себя

по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вошел беловолосый загорелый юноша и сказал:

— Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

— Все,— сказал он.— Прощай, ласонька.

Ружена молчала.

— Не огорчайся,— сказал он.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

— Иди,— попросила она.— Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди.— У нее был низкий, непривычно ровный голос.— Прощай!

Он поцеловал ее и, не спуская с нее глаз, попятился к выходу. Он пятился, щелкая по полу магнитными подковами, и глядел на нее не отрываясь, словно боялся, что она выстрелит ему в спину. Лицо у него было белым, и губы тоже были белыми, но он улыбался. У люка его заслонили широкий Ларри Ларсен, затем незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в оранжевом, затем другой незнакомый межпланетник, затем Сережа Завьялов.

— До свидания, Руженка! — крикнул Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился.

Когда они вышли и люк за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки в стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компании служил чем-то вроде стереотелеэкрана. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космический газ и пыль и еще что-то, что бывает в Пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной — в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но нам он казался серебряной игрушкой, повисшей в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него, как замороженные. Потом кто-то громко высморкался, кажется, девушка в оранжевом. Экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна уплыли из глаз, на экране остались только звезды.

— Стартовали! — крикнул беловолосый юноша.

По-моему, он завидовал.

— Улетел... — прошептала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

— Мне очень тоскливо, Саня. Я боюсь.

— Если позволишь, я буду возле тебя, — сказал я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит низким, ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила мне. Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на «Цифе». Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеоэкрана.

— Саня, — сказала Ружена. — Я жду тебя на аэродроме, стратоплан ЛТ-347. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя», и повесила трубку.

На ближайшей площади я сел в вертолет и помчался на аэродром. Утро было ясное и прохладное. Это немного успокоило меня. На аэродроме меня проводили к большому пассажирскому стратоплану, готовому к отлету. Стратоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я больно стукнулся грудью о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна и покусывала нижнюю губу.

— Куда мы летим? — осведомился я.

— На Северный ракетодром, — ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала: — Валентин возвращается.

— Что ты?!

Что я мог еще сказать? Перелет длился два часа, и за эти два часа мы не сказали ни слова. Зато другие пассажиры говорили очень много. Все были очень возбуждены и настроены недоверчиво. Никто не понимал, почему «Муромец» возвращается. Я узнал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова: начальник Третьей звездной сообщал, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

— Петров просто испугался, — сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас. — Это не удивительно. Это бывает в Пространстве.

Я глядел на Ружену и видел, как дрогнул ее подбородок. Но она не обернулась. Оборачиваться не стоило. Петров не умел пугаться.

— Так было с Конгом, — подтвердил кто-то.

— А параллельный прием? — спросил молодой межпланетник. У него было изуродованное лицо и злые глаза.

И все стали рассуждать относительно параллельного приема. Оказывается, и до и после радиограммы Петрова с «Муромца» почему-то продолжали поступать сигналы, отправленные еще в первую неделю после отлета. Сигналы были страшно искажены, но в каждом из них явственно проступало рутинное «ВТ» — «все благополучно». Спор был в самом разгаре, когда стратоплан стал снижаться.

Мы опоздали. «Муромец» уже сел, и мы сделали над ним два круга. Я хорошо разглядел корабль. Это уже не была елочная игрушка. Посреди тундры под синим небом стояло, накренившись, громадное сооружение, изъеденное непонятными силами, покрытое странными потеками. От него поднимался розовый пар.

— Это — трусость? — проговорил межпланетник с изуродованным лицом.

Стратоплан приземлился километрах в десяти от «Муромца». Ближе было нельзя — «Муромец» заразил местность при посадке. Мы вышли. Верхняя часть корабля черной тенью висела над горизонтом. От земли поднималось влажное тепло, время тянулось бесконечно долго. Прибыло еще несколько стратопланов. Мы

ждали. Наконец послышалось стрекотание, и низко над нашими головами прошел вертолет. Вертолет сел в сотне шагов от нас.

Затем произошло чудо.

Из вертолета вышли трое и медленно направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в поношенном комбинезоне. Он шел и похлопывал себя по ноге тростью изумрудного цвета. За ним следовал приземистый мужчина с пушистой рыжей бородой и еще один, сухой и сутулый. Мы молчали. Мы еще не верили. Трое подошли ближе, и тогда Ружена закричала:

— Валя!

Человек в поношенном комбинезоне остановился, отбросил трость и почти бегом кинулся к нам. У него было странное лицо: без губ. Не то лицо было таким красным, что губы не выделялись на нем, не то губы были слишком бледными. Но я сразу узнал Петрова. Впрочем, кто, кроме Петрова, мог прилететь на «Муромце»? Но этот Петров был почти стар, и у него не было левой руки — пустой рукав заправлен за пояс комбинезона. И все-таки это был Петров!

Ружена побежала к нему навстречу. Они обнялись. Человек с рыжей бородой и сутулый человек тоже остановились. Это были Ларри Ларсен и тот незнакомый пилот, которого полгода назад провожала девушка в оранжевом.

Мы молча окружили их. Мы смотрели во все глаза. Петров торжественно сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Простите, многих из вас я, вероятно, позабыл. Ведь мы виделись в последний раз семнадцать лет назад...

Никто не проронил ни слова.

— Кто начальник ракетодрома? — спросил Петров.

— Я, — сказал начальник Северного ракетодрома.

— Мы потеряли свои авторазгрузчики, — сказал Петров. — Будьте добры, разгрузите корабль. Мы привезли много интересного.

Начальник Северного ракетодрома смотрел на него с ужасом и восхищением.

— Только не трогайте шестой отсек, хорошо? В шестом отсеке две мумии. Сергей Завьялов и Сабуро Микими... Мы привезли их, чтобы похоронить на Земле. Мы везли их пять лет. Так, Ларри?

— Так,— сказал Ларри Ларсен.— Сергея Завьялова мы везли пять лет. Микими мы везли четыре года. А Порта остался там.— Ларри улыбнулся, борода его затряслась, и он заплакал.

Петров повернулся к Ружене:

— Пойдем, Руженка. Пойдем. Мы вернулись и привезли Земле в подарок далекие миры. Ты видишь, я вернулся!

Она смотрела на него так, как никогда ни одна женщина не смотрела и не посмотрит на меня.

— Да...— сказала она.— Ты вернулся...

Она зажмурилась и помотала головой. Они пошли, обнявшись, через толпу, и мы расступились перед ними.

На «Цифэе» она прощалась с ним навсегда. А встретила его через полгода. Он уходил на двести лет. А вернулся через семнадцать. Ему удалось это. Ему все всегда удавалось. Но как?

Я не знаю, как это объяснить и можно ли это объяснить. Я ведь только поэт. Я не физик.

2

АРТИСТКА РУЖЕНА НАСКОВА

— Будет дождь,— сказал Валя.

Мы сидели на диване перед балконом и глядели в низкое небо над матовыми крышами города.

— Дождь,— повторил он.— Я очень давно не видел дождя. Там не было дождей.

— Почему? — спросила я.

— Не знаю. Не было...

Быстро темнело, и мы сидели, не зажигая света. Я обняла его за плечи.

— Не надо, Руженка,— сказал он тихо.

Я почувствовала под пальцами его пустой рукав.

— Не говори глупостей!

— Но это, наверное, очень неприятно.

— Не говори глупостей,— повторила я.— Лучше помолчи.

— Мы и так все время молчим...

Ветер колыхнул поднятую штору, и было слышно, как сзади в комнате зашуршала бумага.

— Как здорово — ветер! — сказал Валя и закрыл глаза.

— Ветра там тоже не было? — спросила я. Я прижалась лицом к его плечу.

— Тебя там не было, — услышала я.

В городе зажглись огни, тучи стали красноватыми и опустились еще ниже. Сразу хлынул дождь и забарабанил по стеклам.

— Хочешь, я закрою балкон?

— Ой, не надо! Сиди! — сказал он и очень больно стиснул мои пальцы.

— Валька! — прикрикнула я.

Он отпустил мою руку.

— Прости, Руженка, я не хотел...

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты стал какой-то железный, — сказала я. — Твердый, как полено. И ужасно сильный.

— Так и должно быть, — усмехнулся он. — Я стал невозможно сильный. Все калеки сильные.

— Какая чепуха! Это не оттого...

— Да, не оттого, — согласился он. — Это от перегрузок.

— Не надо, — попросила я. — Не надо рассказывать. Подожди...

Я снова прижалась лицом к его плечу. Дождь все шел. У балконных дверей скопилась лужица, и струйка черной воды медленно поползла в комнату. Я снизу вверх поглядела на Валю. Он смотрел на черную струйку остановившимися глазами.

— Не надо, — прошептала я. — Не надо вспоминать. Постарайся сегодня ничего не вспоминать. Не будем сегодня вспоминать.

— Очень жалко Сергея, — медленно сказал он.

— Очень. Он был такой славный...

— Он был замечательный, — сказал Валя.

Я вспомнила Сергея, как всего год назад он приходил к нам, и другие межпланетники приходили к нам и ночи напролет кричали друг на друга на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне, говорили о теории тяготения, о тау-механике, о каких-то специальных разделах математики. Я и не пыталась по-

нять что-либо, а ведь они тогда обсуждали планы этого необыкновенного опыта.

Нет, ничего нельзя забыть. Не забыть, как тот отвратительный толстяк сказал: «Петров просто испугался. Это бывает в Пространстве». Как приходил Саня Кудряшов и сидел вечерами, согнувшись у стола, жалкий и страшный. Я знала, что он так любит, что страшно сидеть с ним рядом, и думала, что это судьба. А Саня однажды сказал: «Ведь он мог просто погибнуть, Ружена. Просто погибнуть в самом обычном рейсе». Он сказал так, потому что хотел утешить меня, но я его до сих пор не могу простить. Я все время хотела быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, мои родные люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, с самого начала в глубине души я надеялась, что Валя может совершить невозможное. Разве это можно забыть? И вот он вернулся.

Валя встал, подошел к балкону и закрыл дверь. Я сказала:

— Будем пить чай. Хочешь?

— Угу... Еще как!

Он прошел через комнату и включил свет.

— Ничего не изменилось,— сказал он оглядываясь.— Будто и не было этих семнадцати лет.

— Только сто восемьдесят семь дней,— поправила я.— И семь часов в придачу.

— Да, конечно...

Глаза у него заблестели, и он стал похож на прежнего Валентина Петрова. Он был таким же много лет назад, в Дао-Рао, где мы познакомились во время подводной охоты. Никакой рыбы не было, мы просто постреляли из электрических ружей по водорослям, а потом долго сидели на песке и разговаривали. Он был веселый, стремительный и все время острил. Видно было, что он очень хочет понравиться, но понравился он не сразу. Он понравился, когда перестал острить.

Я принесла чайник, накрыла на стол и налила ему в его любимую чашку черного фарфора. Я села напротив и стала смотреть, как он пьет.

— Замечательный чай,— похвалил он.— Только ты умеешь делать такой.

— Я совершенно не умею делать чай,— сказала я.— Я в этом ничего не понимаю.

— Порта варил удивительный кофе,— сказал Валя.

И он стал рассказывать, как Порта варил кофе и они вшестером пили кофе из маленьких чашечек, которые Порта возил с собой во все свои экспедиции. Кофе был горячий и черный, и было удивительно вкусно отхлебывать его маленькими глотками и заедать сливовым вареньем, и Порта сокрушался, что на корабле нельзя курить. Он говорил, что кофе состоит из кофе, варенья и табачного дыма, но никто ему не сочувствовал, потому что из всех шестерых курил он один. Вахтенный загонял его в ванную и ставил под вентилятор, и Порта сидел там в мрачном одиночестве и злился. Но он ничего не мог поделать — таковы были правила.

— Он ужасно сердился,— повторил Валя.— А потом, когда начались перегрузки...

Он замолчал и уткнулся в чашку.

— Ну? — сказала я.

— Потом он уже не сердился...— проговорил Валя.— Налей мне еще.

— Нет уж,— сказала я,— теперь ты рассказывай. Ты ведь еще ничего не рассказывал. Рассказывай про перегрузки.

Валя уставился на мои руки, пока я наливала ему чай.

— Слушай, ты сто лет не поила меня чаем.

— Рассказывай про перегрузки,— потребовала я.— Очень были большие?

— Перегрузки были ой-ей-ей,— сказал он.— Как об этом расскажешь? Это надо испытать.

— Очень интересная и исчерпывающая информация. Ой-ей-ей — это значит раза в три-четыре?

— Угу,— подтвердил он. Он сидел ссутулившись, глядя в ска-терть.

— Валя! — окликнула я.

Он очнулся не сразу. Вероятно, он глядел на то, что мне никогда не увидеть. В раскрытом ворота рубашки темнела его сухая коричневая грудь с выступающими ключицами.

— Мы большие молодцы,— медленно проговорил он.— Мы настоящие звездолетчики.

— Валя,— сказала я,— как вам удалось вернуться так быстро? Он поднял голову и улыбнулся. У него снова заблестели глаза.

— Я очень хотел этого, Руженка,— сказал он.— Я очень люблю тебя, потому я вернулся так быстро. Ну и, конечно, немного физики.

— Меня интересует как раз физика,— сердито сказала я.

— А как ты сама думаешь?

Я стала вспоминать мою школьную физику. Я никогда после школы не интересовалась физикой, но я добросовестно пыталась вспомнить.

— Ты говорил, что локальное время перелета — семнадцать лет?

— Да.

— Но земное время перелета — шесть месяцев,— нерешительно сказала я.— И вы шли на возлесветовых скоростях. Значит, релятивистские эффекты были велики... Но ведь специальная теория относительности дает обратный эффект. На Земле должно было пройти больше времени, чем на вашем корабле. И потом... Погоди, по-моему, специальная теория относительности здесь вообще неприменима. Вы же шли с перегрузками, все время с ускорением. Поэтому вы все время находились в гравитационном поле. Так?

— Умница,— проговорил он с нежностью.— Нет, ей-ей, умница! Ты схватила самую суть.

Он полез через стол поцеловать мне руку и уронил чашку. Чашка покатилась по скатерти, оставляя коричневую дорожку. Валя поднял чашку и уронил стул.

— А ну его к черту,— закричал он и пнул стул ногой.— Ты схватила самую суть, Руженка, и мне больше нечего тебе объяснять. Все равно ты больше ничего не поймешь, жалкая жрица муз.

Он все-таки поднял стул и уселся на него верхом, положив локоть на спинку.

— Я тебе только вот что скажу. Как ведет себя время в системах, движущихся ускоренно, не знал до нас никто. Были только разные частные случаи. Знаешь, как пишут: «Таким образом, при некоторых частных предположениях относительно силово-

го поля...» и так далее. А мы теперь знаем, доказали на опыте, что при больших ускорениях на возлесветовых скоростях можно управлять временем. Можно сделать так, что звездолет вернется через сто лет, а пилоты состарятся на год. Что-то в этом роде будет с Быковым и Горбовским. Они вернутся молодыми, но Земля состарится. У них очень мало ускорение. А если лететь так, как летели мы, все будет наоборот. Постаревший пилот возвращается к своей по-прежнему юной супруге. Здорово я тебе все объяснил?

— Здорово! — сказала я.

— Велик ли я?

— Велик! — сказала я.

Он снова стал Вале́й Петровым. Он смеялся радостно, весело и очень гордился собой.

— Не я ли глава семьи?

— Ну конечно же! — смиренно согласилась я.

— А ты понимаешь, как все это здорово?

Еще бы! Я понимала. Он никогда больше не уйдет от меня надолго. Он будет возвращаться постаревший и окаменевший от перегрузок, но он будет возвращаться скоро. Мириады миров разделят нас, но никогда больше не разделят нас годы.

— Завтра нагрянут гости, — вдруг вспомнил Валя и потянулся. Было очень странно и непривычно видеть, как он потягивается одной рукой. — И надо лететь в Совет космогации. И надо готовить доклад.

— Вы привезли много материала? — спросила я.

— Массу. Мы привезли фильм «Планета Ружена, на которой не бывает дождей».

— А там правда не бывает дождей? — спросила я. Мне было очень приятно.

Он ответил:

— Один раз мы там увидели облачко. По этому поводу Порта варил кофе. Но во всем другом Ружена — очень богатая планета. И там солнце не в пример нашему — белая звезда. По сравнению с ним наше солнце просто медный таз.

Он вскочил, выбежал из комнаты и вернулся с изумрудной тростью.

— Смотри,— сказал он.— Зеленая древесина. Это белковая растительность. Но Порто нашел там и небелковую жизнь.

Я прислонила трость к столу.

— А что случилось с Порто? — спросила я шепотом.

Валя не ответил, и я вспомнила, что он никогда не отвечал на такие вопросы.

— Мы привезли девятнадцать культур разных микробов,— сказал он.— Штук тридцать гербариев, такое вот зеленое дерево и целую батарею банок с заспиртованными организмами. И мы привезли такую коллекцию минералов! Я могу назвать тебе двадцать человек, которые облизнутся, увидев все это. Хотя бы Константин Робертович Ченчик.

Ченчик был председатель Комитета по внеземным ресурсам.

— Ты снова полетишь туда? — спросила я. Я старалась говорить совсем небрежно, как бы между прочим. Но он понял и засмеялся.

— Конечно, нет. Туда полетят другие. Там будет оборудована база. Ружена — отличное место для базы. С Ружены мы будем стартовать дальше — к системе ВК 902, а оттуда еще дальше — к красному гиганту ВК 1335. Это очень далеко.

Он вдруг вспомнил что-то и наморщил лоб.

— Руженка,— сказал он,— ты не знаешь, что это за блестящая башня стоит на ракетодроме?

Я не знала, о какой башне он говорит.

— Наверное, ее построили за эти полгода,— сказал Валя. Он засмеялся.— Знаешь, когда я понял, что опыт удался? Когда увидел тебя. А то мы глазели на эту башню, и Ларри божился, что это двадцать четвертый век. Теперь я вспоминаю и начальника ракетодрома, но тогда я не узнал его. Просто забыл за семнадцать лет, какой он, и мне показалось, что это новый.

— А ты меня сразу узнал? — спросила я.

— Ну еще бы!

— Я все время думала, что это сон,— сказала я.— Я и сейчас так думаю. Ты просто мираж...

— Твердый, как полено,— добавил он.

Я засмеялась, потом немножко поплакала и рассказала ему, как он год за годом летел один через черную пропасть, полную холодных звезд. Впереди звезды, позади звезды, и больше ничего.

Валя покачал головой.

— Все это так,— протянул он.— Только звезд тоже нет — ни впереди, ни сзади.

— Почему? — спросила я сквозь слезы.

— Допплеровская слепота... При возлесветовых скоростях эффект Допплера смещает излучение звезд в невидимые глазом области. Звезды можно видеть только с помощью специальных преобразователей. А если смотреть в обыкновенные телескопы, то вокруг тьма. Беспросветная тьма. Это очень неприятно, Ру-женка,— смотреть в обыкновенные телескопы. Кажется, что, кроме тебя, никого нет во всем мире...

Мне стало холодно, и я прижалась к нему.

— Пойдем спать,— сказал он.— Завтра будет тяжелый день.

— А вдруг я проснусь, а тебя нет?

— Так, наверное, и будет. Завтра я рано-рано улечу в Москву. Я даже будить тебя не буду.

— Разбуди,— попросила я.

Он быстро уснул, а я еще долго сидела рядом и смотрела на его лицо. Лицо казалось темным, почти черным в полумраке. Он спал спокойно, только один раз вдруг сказал быстро: «Осторожно, Ларри... Это же адская боль». И через минуту: «Выгони вон Артура. Он не привык смотреть на это».

Никогда больше он не уйдет надолго. Он будет возвращаться постаревшим и когда-нибудь вернется совсем старым, но никогда больше не придется ждать годами. Человек, управляющий временем,— мой муж.

3

ЗВЕЗДОЛЕТЧИК ВАЛЕНТИН ПЕТРОВ

Третья звездная началась. «Муромец», неторопливо набирая скорость, пошел прочь от Солнца по перпендикуляру к плоскости эклиптики. Теперь мне предстояло рассказать о своем замысле товарищам. На Земле я думал, что самое сложное — это добиться согласия у Совета космогации. В том, что согласится экипаж, я не сомневался. Я посмотрел на Сережку — он сидел у пульта и

жевал тянучки — и немного успокоился. Сережа согласился еще на Земле, и мы вместе отстаивали эту идею в Совете. Я кивнул ему, и мы вышли в кают-компанию. Там Ларри играл с Сабуро в шахматы, маленький Людвиг Порта копался в фильмотеке, а Артур Лепелье сидел прямой, как манекен, и глаза его были широко раскрыты. У него в глазах была девушка в оранжевом свитере. Я подумал, что он наверняка согласится.

— Вот что,— начал я.— Вы хорошо представляете себе, что такое звездная?

Они посмотрели на меня с изумлением. Конечно, они все хорошо представляли себе. Годы непрерывных будней и отрешение от людей и Земли своего времени, потому что к тому дню, когда мы вернемся, память о нас превратится в легенду. Они молча глядели на меня, затем Порта ответил неторопливо:

— О да, конечно, мы все представляем это хорошо.

Я сказал:

— Я хочу вернуться на Землю раньше чем через двести лет.

— Я тоже,— сказал Сабуро.

— Я тоже,— усмехнулся Ларсен.— Например, сегодня к ужину.

Артур Лепелье заморгал, а Порта с интересом спросил:

— Вы хотите уменьшить скорость?

— Я хочу вернуться домой гораздо раньше чем через двести лет,— повторил я.— Есть возможность проделать всю работу и вернуться домой не через двести лет, а через несколько месяцев.

— Это невозможно,— сказал Сабуро Микими.

— Фантастика,— вздохнул Артур.

Ларри положил подбородок на огромные кулаки и спросил:

— В чем дело? Объясни, капитан.

До выхода в зону АСП (абсолютно свободного полета) оставалось еще около суток. Я сел в кресло между Ларсеном и Артуром и сказал Сергею:

— Объясни.

Известно, что чем ближе скорость звездолета к скорости света, тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения. Но этот закон справедлив только при малых ускорениях звездолета и при коротком времени работы

двигателя. Если же на околосветовых скоростях звездолет идет с двигателями, работающими непрерывно, если ускорения при этом достаточно велики, если у светового барьера создаются перепады ускорений, тогда... Трудно сказать, что получится тогда. Современный математический аппарат бессилен дать общие результаты. Однако при некоторых частных предположениях относительно характера движения звездолета теория тяготения не исключает возможности явлений иного порядка. Не исключено, что время в звездолете ускорит свое течение. Десятки лет пройдут на корабле, и только месяцы на Земле. «Муромец» — первый в истории прямоточный фотонный корабль. На нем можно поставить этот эксперимент. Правда, это невыносимо трудно. Это потребует многих лет полета с чудовищными перегрузками — в пять-шесть раз.

— Фантастика! — вздохнул Артур. В его глазах снова появилась девушка в оранжевом свитере.

Я очень рассчитывал на Порту. Он был биолог, но знал, по моему, все, кроме дескриптивной лингвистики.

— Я слышал об этом, — сказал он. — Но это только теория. И это... — Он неопределенно пошевелил пальцами.

Но нет, это была не только теория. Три года назад я испытывал «Муромца» в зоне АСП. Я сорок дней просидел в амортизаторе, ведя звездолет с ускорением, вчетверо большим, чем ускорение силы тяжести на Земле. Когда я вернулся, оказалось, что бортовой хронометр ушел на четырнадцать секунд вперед. Я провел в Пространстве на четырнадцать секунд дольше, чем это зафиксировали земные часы. Я рассказал об этом Горбовскому накануне старта Второй звездной. Горбовский поднял палец и произнес нараспев:

Сегодня в Космос пущена ракета.

Она летит в двенадцать раз быстрее света.

И долетит до цели в шесть утра —

Вчера.

Сейчас в кают-компании я снова рассказал про свой эксперимент и соврал, что выиграл полторы минуты.

— О! — сказал Порта. — Это хорошо.

— Но это должны быть лютые перегрузки,— предупредил я.

Об этом надо было сказать непременно, хотя в состав экспедиции я отобрал только опытных межпланетников, с безукоризненным здоровьем, хорошо переносящих удвоенную и даже утроенную тяжесть.

— Какие? — спросил Ларсен.

— Раз в семь...

— О! — сказал Порта.— Это плохо.

— Значит, я буду весить полтонны? — сказал Ларсен и захохотал так, что все вздрогнули.

— А Совет знает? — осведомился Сабуро. Он обладал большим чувством ответственности.

— Они не верят, что из этого что-нибудь получится,— ответил Сергей.— Но они разрешили... Если вы согласитесь, конечно...

— Я тоже не верю,— заявил Артур очень громко.— Перегрузки, частные предположения...

Они разом заспорили, и я ушел в рубку. Конечно же, они не испугались перегрузок, хотя все отлично знали, что это такое. Они все согласились, возражал только Артур, которому ужасно хотелось, чтобы его убедили. Через полчаса они все пришли в рубку. Я посмотрел на них.

— Надо действовать, капитан,— сказал Ларри.

— Мы выполним работу и вернемся домой,— сказал Артур.— Домой! Не просто на Землю, но Домой.

— И какой эксперимент! — воскликнул Микими.

— Но семикратные перегрузки?..— Порта пошевелил пальцами.

— Да, семикратные,— подтвердил я.— Или восьмикратные. Или десяти...

— Это тяжело,— спокойно заключил Порта.

Это было так тяжело, что иногда казалось, что мы не выдержим. Первые месяцы я медленно наращивал ускорение. Микими и Завьялов составили программу для кибернетического управления, и ускорение автоматически увеличивалось на один процент в сутки. Я надеялся, что мы сумеем хотя бы немного привыкнуть. Это оказалось невозможным. Кости трещали, мускулы не выдерживали тяжести рук. Мы вынуждены были отказаться от твер-

дой пищи и питались бульонами и соками. Через сто дней наш вес увеличился в три раза, через сто сорок — в четыре. Мы неподвижно лежали в эластичных гамаках и молчали, потому что очень трудно было двигать языком и челюстью. Через сто шестьдесят дней перегрузка превысила силу тяжести на Земле в пять раз. Только Сабуро Микими к тому времени мог пройти от кают-компаний до рубки, не потеряв по дороге сознания. Не помогали амортизаторы, не помогал даже анабиоз. Попытка применить анабиотический сон в условиях такой перегрузки не привела ни к чему. Порта мучился больше всех, но, когда мы уложили его в «саркофаг», он никак не мог заснуть. Он мучился, и мы мучились, глядя на него.

Я весил три с половиной центнера, а Ларри — четыреста кило. На него было страшно смотреть. На любого из нас было страшно смотреть. Лицо отекло, не было сил поднять веки, позвоночник трещал при каждом движении. Мы лежали перед «саркофагом» и глядели на Порту.

— Хватит, Валя, — простонал Сережа.

Мы поползли в рубку. Там стоял — стоял! — Сабуро. Челюсть его отвисла на грудь, с губы тянулась слюна.

— Хватит, Сабуро, — сказал я чужим голосом.

Сережа попробовал встать, улыбнулся и снова припал щекой к полу.

— Хватит, — прохрипел он. — Порта плохо. Он может умереть. Выключай реактор, Сабуро.

— До трехкратного, — приказал я.

Сабуро, еле шевеля пальцами, царапал ногтями по пультам. И вдруг стало легче. Упоительно легко!

— Трехкратное ускорение, — сообщил Сабуро и сел рядом с нами на мягкий пол.

Мы полежали, привыкая, затем поднялись и пошли в кают-компанию. Нам было много легче. Но скоро мы переглянулись и снова стали на четвереньки. Мы весили по двести — двести пятьдесят килограммов. Это было на сто шестьдесят седьмой день полета. «Муромец», пожирая рассеянную материю, несясь со скоростью двести двадцать тысяч километров в секунду.

Потянулись месяцы. Собственная скорость «Муромца» перевалила за световую¹ и продолжала увеличиваться на тридцать два метра в секунду за секунду. Нам было очень тяжело. Я думаю, никто по-настоящему не верил в успех опыта. Зато каждый по-настоящему знал, к каким последствиям может привести успех. Все люди — мечтатели. И мы тоже, поддерживая отвисающие подбородки, мечтали за срок одной только жизни обежать дальние окраины Вселенной и подарить эти окраины людям.

Порта стало лучше, он много читал и усиленно занимался теорией тяготения. Время от времени мы укладывали его на несколько недель в «саркофаг», но ему это не нравилось: он не желал терять время. Ларри и Артур вели астрономические наблюдения, Сергей, Сабуро и я стояли вахты. В промежутках между вахтами мы рассчитывали ход Времени в ускоренно движущихся системах при различных частных предположениях. Ларри заставлял нас заниматься гимнастикой, и к концу года я уже мог без особого труда подтягивать на перекладине свои два центнера.

Между тем Тайя разгоралась все ярче в перекрестии нитей курсового телескопа. Тайя была целью первых трех звездных. Она была одной из ближайших к нашему Солнцу звезд, у которой давно уже были отмечены неравенства в движении. Считалось, что Тайя может иметь планетную систему. Перед нами к Тайе шел Быков на «Луче» и Горбовский на «Таризле». Быков через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц сбрасывал мощные радиобакены. Новая трасса должна была быть отмеченной шестнадцатью такими радиобакенами, но мы уловили сигналы только семи. Может быть, бакены погибли, но скорее всего мы просто обогнали Быкова. Бакены были оборудованы воспринимающим устройством, работающим на определенной частоте. Можно было оставить запись, чтобы ее прочли те, кто пойдет вслед. Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: «Был здесь. Четвер-

¹ «Сверхсветовая скорость» — это скорость, вычисленная по расстояниям, измеренным земным наблюдателем, и по промежуткам времени, измеренным по часам на ракете. Такая скорость, естественно, может превышать скорость света, но с точки зрения наблюдателя на ракете, она, разумеется, все равно останется в пределах 300 тыс. км/сек.

тый локальный год. Горбовский». Совершенно невозможно сказать, за сколько лет до нас он проходил.

Оказалось, что Тайя не имела планетной системы. Это была двойная звезда. Ее невидимый с Земли компонент оказался слабой красной звездой, почти погасшей, истощившей свои источники энергии. Мы были первыми землянами, увидевшими чужие солнца. Тайя была желтая и очень походила на наше Солнце. Спутник ее был очень хорош. Он был малиновым, и по нему ползли вереницы черных пятен. Вдобавок он не был обыкновенной звездой: Ларсен обнаружил медленную и неправильную пульсацию его гравитационного поля. Две недели мы крутились около него, пока Артур и Ларри вели наблюдения. Это были блаженные недели отдыха, нормальной тяжести, временами даже невесомости.

Затем мы пошли к соседней звезде — белой звезде ВК 71016. Этого потребовал Порта, и я не знаю, правильно ли я сделал, уступив ему. Порта был биолог, и его больше всего интересовали проблемы жизни. Он требовал планету — теплую, окутанную атмосферой, полную копошащейся жизни. Мы тоже хотели увидеть Новый Мир. Мы надеялись встретить себе подобных. Каждый из нас тайно мечтал об этом с того момента, как стал межпланетником. А до того, как стал межпланетником, мечтал во весь голос. И мы пошли к ВК 71016.

Мы летели к ней четыре года, и снова свирепые перегрузки прижимали нас к полу, и мы задыхались в амортизаторах, как раздавленные червяки. Но все же нам было гораздо лучше, чем в начале пути. Видимо, мы приспособливались. С нас слезала кожа, выпадали ногти, мы ели восемь раз в сутки и почти совсем не спали, но мы приспособливались. И мы долетели до белой звезды ВК 71016.

Да, она имела планетную систему. Четыре планеты, из которых одна обладала атмосферой и была немножко больше Земли. Это была прекрасная планета, зеленая, как Земля, покрытая океанами и обширными равнинами. Братьев по Разуму на ней не оказалось, но жизнь кишела на ней. Я сказал, что хочу назвать ее именем Ружены. Никто не возразил. Но планета встретила нас так, что мне не хочется вспоминать об этом. Она отвратительно встретила нас. Порта остался там, мы даже не знаем, где его мо-

гила. И там осталась моя рука. А Сережа Завьялов и Сабуро Микими оставили там столько своей жизни, что не сумели дожить до возвращения.

Обратно мы летели шесть лет при максимально возможных перегрузках. Мы торопились попасть в наше время, потому что до самого конца не знали, удался наш опыт или нет. Мы три года шли с семикратной перегрузкой и сбросили ускорение только потому, что Ларсен, неудачно шагнув, проткнул ребром левое легкое. После этого мы год отдыхали на троекратном ускорении. «Муромец» плохо слушался управления, и мне пришлось отказаться от внеземной станции и сесть прямо на Землю. Конечно, это стыдно, но я не хотел рисковать. Мы приземлились удачно. Потом мы с Ларсеном держали Артура, который хотел целовать землю, зараженную фотонным реактором. Потом мы сели в свой вертолет и вылетели к людям. Но только увидев Ружену, я понял, что опыт удался.

Тяжелый, жестокий опыт, но он удался. Мы привезли людям своего времени чужие миры. Может быть, всю Вселенную, как мы мечтали в полете. Это славно — не отдаленным потомкам, не у памятников самим себе, а близким и родным людям своего века подарить ключи от Пространства и Времени. Конечно, мы были всего только исполнителями. Спасибо людям, которые создали теорию тяготения. Спасибо людям, которые создали прямоточную ракету. Спасибо людям, которые создали наш прекрасный мир и создали нас самих такими, какие мы есть.

Вот только Быков и Горбовский... Они вернутся, когда нас уже не будет, но я думаю, они не рассердятся на нас.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

«...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным...»

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной беспокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолет разгрузился — продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, — принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка — жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от Эрбиевой долины.

Теперь, как и всё на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на

ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина — и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный, как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, — в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая, как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрипнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

— Не может быть, — громко и уверенно сказал Виктор Борисович.

Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

— Мама моя, — сказал Виктор Борисович.

Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

— Муха в планетолете, — сказал он и поглядел на кулак с изумлением. — Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало.

В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа — голубой побольше, белый поменьше — Земля и Луна.

— Здравствуй, Тум, — сказал Виктор Борисович.

Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами.

— А ну, угадай, что у меня здесь,— сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

— Дирижабль,— ответил Туммер.

— Нет, не дирижабль,— сказал Виктор Борисович.— Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

— Ферритовый накопитель работает скверно.

— Я сменю,— сказал Виктор Борисович.— Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на поляне.

— Меня бы она не разбудила,— сказал Туммер сквозь зубы.

— Шуршит,— нежно произнес штурман,— шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

— Виктор,— сказал Туммер,— ну что у тебя за лицо?

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

— Я же говорил — не спит,— сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

— С ним что-то случилось,— ядовито сказал Туммер.— Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

— Я поймал муху.

— Ну да? — удивился Лидин.

— Я спать пойду, Константин Ефремович,— сказал Туммер.— Виктор, принимай вахту.

— погоди,— сказал Виктор Борисович.

— А ну, покажи,— потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

— Откуда на корабле муха? — спросил капитан.

— Не знаю,— ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами.— Она жужжит совершенно как шмель,— сообщил он.

— Осторожно, Витя,— с придыханием сказал Лидин,— ты сломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

— Все-таки откуда на корабле муха? — спросил капитан.— Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

— Вот именно,— сказал Туммер.— Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

— Слышу,— сказал штурман.— Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Малышеву. Он тоже давно не видел мух.

Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

— Мухолов,— сказал Туммер презрительно.

Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

— Осторожно,— сердито сказал он.

Малышев извинился. У него был востроенный вид и растерянные глаза.

— Дело в том, что...— начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана.— Можно? — спросил он, протягивая руку.

— Муха,— с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

— У нее восемь ног,— сказал Малышев медленно.

— Ай-яй-яй,— сказал Туммер.— И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

— Это не муха,— сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза.— Я думал, что это траурница — антракс морио. Но это не муха.

— А что же это? — осведомился штурман несколько раздраженно.

— Послушайте,— сказал Малышев.— Какие у вас есть дезинсекторы? И потом, мне нужен микроскоп.

— Да в чем дело? — спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

— Послушайте,— повторил Малышев,— мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

— Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!» Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями.

В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стеклам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя, как шмели.

— З-забавные мухи,— неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

— Дрянь,— сказал он.

— Что случилось? — сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

— Я же сказал: это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

— Мама моя,— проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

— Ах, вот оно что,— сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь.— Пшла! — крикнул он, судорожно отмахиваясь.

— Нужен дезинсектор,— сказал капитан.— Что у нас есть?

— Есть леталь,— сказал штурман.

— Еще?

— Все.

— Хорошо,— сказал капитан.— Я сам это сделаю. Ступайте помойте руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

— Бросьте вы эту гадость,— сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

— Она мне нужна,— ответил Малышев.— Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки,

тер их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал.

Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что — метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек — два пилота и трое ученых, — и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чавкало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам.

Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

— Откуда они берутся? — спросил он сипло. — М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

— Спокойно, — сказал Виктор Борисович. — Спокойно, бортинженер. Ты куда?

— Мыться.

— Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором «Леталь». Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы

убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

— Пять с половиной минут, — сказал Туммер. — Что же ты, голубушка? Пора.

— Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? — спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь: «Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца». Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

— Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене. Станкевич рассеянно кивнул.

— Где Лидин? — спросил он.

— Моется.

— Дезинфицируется, — сказал Туммер.

— Слушать меня, — сказал капитан. — Всем надеть защитные спецкостюмы. Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух подействует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

— Что? — сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: — Да, возможно. Не исключено.

— У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

— Слюни, — тихонько сказал Туммер.

Станкевич холодно взглянул на него.

— Оставьте ваши остроуты при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

— В вашем распоряжении, — быстро сказал Малышев. — Но мне нужен микроскоп.

— Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

— Слушаюсь,— сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха.

Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

— В коридоре мух — не протолкнешься,— сказал он.— Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки — единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

— Как там наши? — спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

— Костя злой как черт,— сказал Туммер.— Этих мух ничего не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

— А он не говорит, откуда они взялись?

— Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

— Блуждающая жизнь,— сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм.— Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

— Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

— А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

— Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудения не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силикетовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

— Эй, кто там? — крикнул Виктор Борисович. — Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

— Чепуха, — сказал он вслух и вернулся к пульту.

В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи висели под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил? — подумал он. Гадость все-таки, ядовитая или нет — все

равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкаррой. Мошкара суетливо ползала по расплюсненному брюху — крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться — она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно поворенная.

Мошкара ползала по пульта, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

— Штурман проветривает рубку, — раздался в наушниках голос Туммера.

В рубку вошли четверо в блестящих силиконовых костюмах и серебристых шлемах.

— Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? — спросил капитан.

— Дверь? — Виктор Борисович оглянулся на дверь. — Я не открывал ее.

— Дверь была открыта, — сообщил капитан.

Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

— Я не открывал дверь,— повторил он.

Он снова оглянулся на дверь. Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове.

Лидин сказал нетерпеливо:

— Давайте решать, что делать дальше.

— Штурман не в курсе дела,— сказал капитан.— Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

— Аппаратура у вас неважная,— сказал он.— Микротом, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно Туммеру: «...взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать...»

— Словом, так,— сказал Малышев.— Состав у них странный — кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

— Пауков бы сюда,— сказал Лидин,— старых матерых крестовиков...

— Совершенно неясно,— продолжал Малышев,— чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

— Я все-таки не понимаю,— сказал Туммер.— Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

— Не ищи,— сказал штурман,— даже не пробуй.

— Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

— Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

— Слушать меня! — сказал он. — Я решил очистить корабль от мух.

— Каким образом? — осведомился Малышев.

— Мы наденем пуголозные костюмы, поднимем в корабле давление — можно использовать запасы жидкого водорода — и откроем люки...

— Мама моя! — пробормотал штурман.

— ...Впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

— Идея, — сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

— Все равно мы так не избавимся от спор, — сказал он.

— Спор, я думаю, на корабле не осталось, — сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление. — Они все развились.

— Мы избавимся от мух, — сказал Лидин. — От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

— Слушайте, — сказал Виктор Борисович, — я, кажется, понял.

Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

— Что ты понял? — спросил Туммер.

— Так, — сказал Станкевич. — Пойдемте за вакуум-скафандрами. Лидин, поможете Малышеву надеть скафандр.

— Мушки повымерзнут, — сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгущались сумерки — кучи мух облепили осветительные трубки.

— Слушайте, — сказал Виктор Борисович. — Вы знаете, почему открывалась дверь?

— Какая дверь, штурман? — нетерпеливо спросил капитан.

— Которая дверь? — спросил Туммер.

— Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

— Ну?

— Вот в чем дело, — торопливо сказал Виктор Борисович. — Дверь отворяется наружу, так? В коридоре падает давление, так?

Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

— Ничего не понимаю, — сказал капитан.

— Мухи, — сказал Виктор Борисович.

— Ну, мухи, — сказал Туммер. — Ну?

— Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

— Расходомеры показывают, — медленно сказал он, — что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

— Великолепно, — проговорил Малышев.

— Ну и твари, — сказал Лидин. — Вот так твари.

— Я же говорил, — сказал Туммер. — Это всего-навсего восьминогие мухи.

— Логически рассуждая, — заметил биолог, — атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

— Что ж, это упрощает, — сказал капитан. — Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан сказал:

— Туммер, циркуляция?

— Выключена.

— Штурман, люки?

— Открыты... За исключением внешних.

— Лидин, состояние вакуум-скафандров?

— Проверено, товарищ капитан.

— Начнем,— сказал капитан.

Виктор Борисович нагнулся к манометру. Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

— Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? — осведомился капитан.

— Пока нет,— сказал Лидин.

Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется, Туммер.

— Будьте здоровы,— вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворочалась. «Ага!» — злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

— Внимание,— сказал капитан.

Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин — за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка — широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек,— раскрылись мгновенно и одновременно.

Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморозь на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

— Как хорошо! — сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

— Внимание,— сказал капитан.— Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморозь на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль был снова подан воздух.

— Вот и все,— сказал Станкевич.— Пока по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

— Может быть, все это нам приснилось? — задумчиво сказал Лидин.

— Сладостное сновидение,— сказал Туммер.

Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

— А это что у вас, товарищ Малышев?

В кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

— Ничего особенного,— сказал он и сразу насупился.

— Товарищ Малышев! — ледяным голосом сказал капитан.

— Что, товарищ Станкевич? — отозвался биолог.

— Дайте сюда эту штуку.

— Мама моя,— сказал Виктор Борисович,— у вас там мухи!

— Ну и что же? — сказал биолог.

Лидин побледнел, затем покраснел.

— Немедленно уничтожьте эту гадость,— сказал он сквозь зубы.— В реактор ее, немедленно!

— Спокойно, бортинженер,— сказал Виктор Борисович.

Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

— Мне стыдно за вас, товарищи,— объявил он.

— Ему стыдно за нас! — Лидин так и взвился.

— Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

— Да вы представляете,— сказал Лидин,— что будет, если хоть одна муха попадет в земную атмосферу?

— Вы знаете, как они размножаются? — спросил штурман.

— Знаю. Видел. Это все чепуха.— Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло.— Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может — не может, понимаете? — угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

— Малейшая ваша неосторожность,— упрямо сказал Лидин,— и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу. Малышев презрительно щелкнул пальцами.

— Вот,— сказал он.— Пусть они даже расплодятся на планете, я берусь в два дня вывести двадцать две расы азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, и споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во-первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, и петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

— Черт знает, что вы говорите,— проворчал Станкевич.

— Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

— Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло? — спросил он.

— Нет,— сказал Станкевич.— Еще нет.

— Нет? Ладно,— сказал Малышев.— Во-первых, в наших руках,— он похлопал себя по карману,— уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и раз-

виваются миллиарды наших мух. Сырье — воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите — в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

— Гудят,— сообщил он.— Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

— Моя улитка,— сказал он и кинулся из рубки.

Межпланетники переглянулись.

— Биология — царица наук, бортинженер,— сказал Туммер.

— Много я знаю о небелковой жизни! — сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

— Все хорошо, что хорошо кончается,— сказал он, не глядя на Туммера.— Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. «Мама моя,— подумал он,— еще не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?»

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над донышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон, и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

— Это был такой экземпляр,— жалобно сказал Малышев,— такой экземпляр!

— Зато у вас теперь есть мухи,— сказал штурман.— А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдемте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.

ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ

ПРОЛОГ

АМАЛЬТЕЯ, «ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ»

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта через каждые тринадцать с половиной часов.

Восход Юпитера — это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна обледенелая равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце — круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными, и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полузабытые ассоциации, и хочется сбегать

на поле и пройти по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево — экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасит звезды на черном небе. И вдруг оно наползает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент. Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и наконец из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, — ровный вишневый диск на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет — это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева на полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошечные белые точки — так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удастся редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать. Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор «Джей-станции» поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника — красноватая Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернеющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода — это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтее представляла собой научный городок в несколько горизонтов, вырубленный в толще льда и залитый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтее почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надут водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами — он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернул в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радиовали о катастрофе с продовольствием. продо-

вольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случилось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи, на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в жилые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное — хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный серый, немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

— Дядя Валнога! — окликнул кто-то. — На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все загорелые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

— В обед вы получите суп, — сказал дядя Валнога.

— Здорово! — сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак — тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять — она имела магнитный ободок вокруг донышка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

— Суп, — сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. — Вы можете себе представить, что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. — Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. — А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

— Вряд ли, — сказал директор рассеянно.

— Ну как же вряд ли! — сказал Валнога. — Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

— Остаток резерва мы уже съели?

— Конечно, съели, — сказал Валнога.

— Значит, и они уже съели, — сказал директор, разгрызая галету. — У них народу вдвое больше, чем у нас.

«Врешь ты, дядя Валнога, — подумал он. — Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего».

Валнога вздохнул и спросил:

— Чай у вас не остыл?

— Нет, спасибо.

— А хлорелла на Каллисто не прививается, — сказал Валнога и опять вздохнул. — Опять они радировали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

— Что ж, надо дать.

— Дать! — сказал дядя Валнога. — Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

— Ничего, — сказал директор. У него вообще не было аппетита.

— Довольно! — сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

— Довольно, слышишь? — сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

— Ты мне подсунула свою галету вчера, — сказал Козлов. — Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

— Не ори на нее, Козел! — гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. — Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя! Дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

— Нет, правда, — сказал Козлов уже спокойнее. — Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

— Неправда, Валя, — сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

— Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

— Эй, Грегор, после работы сыграем?

— Сыграем,— сказал Грегор.

— Снова будешь бит, Вадимчик,— сказал кто-то.

— На моей стороне закон вероятностей! — заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия.

— Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

— Ну! — сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешно поднялись из-за стола.

Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

— Галеты мне захвати, слышишь?

— Если Валнога даст,— сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

— Почему не дать? — сказал дядя Валнога.— Стеценко Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов сказал:

— Товарищ директор, как там с «Тахмасибом»?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

— Пока никак.

Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась «консервная эпидемия». Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе не близко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это голод. Может быть, это гибель.

Глава первая

ФОТОННЫЙ ГРУЗОВИК «ТАХМАСИБ»

1. ПЛАНЕТОЛЕТ ПОДХОДИТ К ЮПИТЕРУ, А КАПИТАН ССОРИТСЯ СО ШТУРМАНОМ И ПРИНИМАЕТ СПОРАМИН

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика «Тахмасиб», вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа — водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался нелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компанию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

«Опять они что-то затеяли,— подумал Быков.— И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе».

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длинные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

— Я тебе говорю, ее здесь нет, — сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

— Ты ищи, — сказал задушенный голос Юрковского. — Взялся, так ищи.

— Что здесь происходит? — сердито осведомился Быков.

— Ага, вот он! — сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юровский, пятясь, выбрался из-под дивана.

— В чем дело? — сказал Быков.

— Где моя Варечка? — спросил Юровский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

— Изверг! — воскликнул Дауге.

— Безздельники, — сказал Быков.

— Это он, — сказал Дауге трагическим голосом. — Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!

— Я говорю совершенно серьезно, Алексей, — сказал Юровский. — Где моя Варечка?

— Знаете что, планетологи, — сказал Быков. — Подите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

— Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок. Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазками и сказал:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо, — сказал Быков.

— Я принял пеленги с Амальтеи, — сказал Михаил Антонович. — Они там уж так ждут, так ждут... — Он покачал головой. — Представляешь, Лешенька, у них норма: двести граммов галет и

пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно!

«Тебя бы туда,— подумал Быков.— То-то похудел бы, толстяк». Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался — улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

— Вот, Лешенька,— сказал он.— Я составил финиш-программу. Проверь, пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

— Потом проверю,— сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью.— Вводи программу в киберштурман.

— Я, Лешенька, уже ввел,— виновато сказал Михаил Антонович.

— Ага,— сказал Быков.— Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

— Через час выходим на финиш,— ответил Михаил Антонович.— Пройдем над северным полюсом Юпитера...— слово «Юпитер» он произнес с видимым удовольствием,— на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом — последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

— Расстояние считаешь от центра Юпитера?

— Да, от центра.

— Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние до экзосферы.

— Слушаюсь, Лешенька,— сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слипающиеся глаза и пошел вдоль пульта аварийной сигнализации. Здесь было все в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. «Молодчина, Жилин,— подумал Быков.— Отлично отрегулировал, малек».

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся. «Мо-

лодчина, малек», — снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену — кожух фотореактора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками в края пульта и едва заметно отплясывал чечетку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

— Здравствуй, Ваня, — сказал Быков.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал Жилин, быстро обернувшись. Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

— Как отражатель? — спросил Быков.

— Отражатель в порядке, — сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель — самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют «сэйл» — парус. В фокусе параболоида ежесекундно взрываются, превращаясь в излучение, миллионы порций дейтериево-третиевой плазмы. Поток бледного лилового пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполинские перепады температур, и мезовещество постепенно — слой за слоем — выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотореактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирующая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

— Так, — сказал Быков, вертя в пальцах ленту. — Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

— Михаил! — окликнул Быков. — Ты знаешь, что первый слой выгорел?

— Знаю, Лешенька, — отозвался штурман. — А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

Оверсан, или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях — как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод. При оверсане между старт-планетой и финиш-планетой находится Солнце — расположение очень невыгодное с точки зрения «прямой космогации». При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и в довершение всего корабль, как правило, подходит к финиш-планете с полюса, что неудобно и осложняет посадку.

— Да,— сказал Быков.— Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

— Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша,— сказал он.

— Одну минутку, Лешенька,— сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустил в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульту и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Что тебе, Лешенька? — спросил штурман, глядя в свои записи.

— Финиш-программу,— сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

— Сейчас,— сказал он торопливо.— Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

— Лешенька,— сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу.— Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

— Кхе-кхм... — откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. — Так. Опять тэта-алгоритм... — Он сонно уставился в записи.

— Принял бы ты, Лешенька, спорамин, — посоветовал штурман.

— Подожди, — сказал Быков. — Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

— Где, где? — спросил он.

— Ты куда летишь? — ядовито спросил Быков. — Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

— Да в чем дело, Леша?

— Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя тритиевый генератор?

— Если ты про горючее, — сказал Михаил Антонович, — то горючего хватит на три таких программы...

Быков проснулся окончательно.

— Мне нужно сесть на Амальтею, — сказал он. — Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

— Подожди, — сказал Михаил Антонович. — Минуточку...

— Ты мне рассчитываешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся. Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

— Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

— Вон! — рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

— Л-лоботрясы, — сказал Быков. — И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

— Не ори, пожалуйста, — возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: — Черт возьми...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшись. Михаил Антонович сказал:

— Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. — Он положил ладошку на кучу листов на столе. — А если ты трусишь, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

— И вовсе незачем так на меня... орать, — сказал Михаил Антонович. Слово «орать» он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал.

Быков тоже остывал.

— Ну хорошо, — сказал он. — Извини, Миша.

Михаил Антонович сразу заулыбался.

— Я был не прав, — добавил Быков.

— Ах, Лешенька, — сказал Михаил Антонович торопливо. — Пустяки. Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, — он стал показывать руками, — в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать-сорок. И очень малы расчетные ошибки.

— Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, — сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатými кулаками.

— Откровенно говоря, — сказал он, — ни черта я не выспался.

— Прими спорамин, Леша, — убеждающе повторил Михаил Антонович. — Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

— Не люблю я этой химии, — сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. — Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

— А в чем дело, Лешенька? — спросил штурман.

— Опять планетологи, — сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотореактора объяснил:

— Куда-то пропала Варечка.

— Ну? — сказал Быков. — Наконец-то. — Он опять прошелся по рубке. — Дети, престарелые дети.

— Ты уж на них не сердись, Лешенька, — сказал штурман.

— Знаете, товарищи, — Быков опустил в кресло, — самое скверное в рейсе — это пассажиры. А самые скверные пассажиры — это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуй, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

— Дай сразу две таблетки, — попросил он.

2. ПЛАНЕТОЛОГИ ИЩУТ ВАРЕЧКУ, А РАДИООПТИК УЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ БЕГЕМОТ

— Он меня выгнал вон, — сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

— Значит, она там, — сказал Юрковский.

Он спрыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

— Варечка, жизнь моя, где ты?

— А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? — спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него, вытянув руки по швам.

— Ты убьешь ее! — закричал Юрковский.

— Ее здесь нет, — сообщил Дауге и устроился поудобнее, заправ ноги на спинку дивана. — Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягком.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

— Нет,— сказал он.— В рейсах она любит забираться на стены и потолки. Надо пройти по кораблю и прощупать потолки.

— Господи! — Дауге вздохнул.— И что только не приходит в голову планетологу, одуревшему от безделья! — Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: — Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

— Да,— продолжал Дауге.— Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

— Дурак ты, Григорий,— сказал Юрковский.— Ты паясничаешь, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он уселся на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий залысый лоб его собрался в морщины, черные брови трагически надломились.

— Ну-ну,— сказал Дауге.— Куда она пропадет с корабля? Она еще найдется.

— Найдется,— сказал Юрковский.— Ей сейчас есть пора. А сама она никогда не попросит, так и умрет с голоду.

— Так уж и умрет! — усомнился Дауге.

— Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

— Лопать захочет — придет,— уверенно сказал Дауге.— Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

— Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький черноволосый Шарль Моллар, радиооптик.

— Войдите? — спросил Моллар.

— Вот именно,— сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

— Mais pop! — воскликнул он, радостно улыбаясь. Он всегда радостно улыбался.— Поп «войдите». Я хотел познать: войтить?

— Конечно,— сказал Юрковский со стула.— Конечно, войтить, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел, задвинул дверь и с любопытством задрал голову.

— Вольдемар,— сказал он, великолепно картавя.— Ви учит-ся ходить по потолку?

— Уи, мадам,— сказал Дауге с ужасным акцентом.— В смысле месье, конечно. Собственно, иль шерш ля Варечка.

— Нет-нет! — вскричал Моллар. Он даже замахал руками.— Только не так. Только по-русску. Я же говорю только по-русску!

Юрковский слез со стула и спросил:

— Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

— Ви мне все шутите,— сказал он, делая произвольные уда-рения.— Ви мне двенадцать дней шутите.— Он сел на диван ря-дом с Дауге.— Что есть Варечка? Я много раз слышáлль «Вареч-ка», сегодня ви ее ищите, но я ее не видéлль ни один раз. А? — Он поглядел на Дауге.— Это птичка? Или это кошка? Или... э...

— Бегемот? — сказал Дауге.

— Что есть бегемот? — осведомился Моллар.

— Сэ такая лирондэй,— ответил Дауге.— Ласточка.

— О, l'hirondelle! — воскликнул Моллар.— Бегемот?

— Йес,— сказал Дауге.— Натюрлихь.

— Non, non! Только по-русску! — Он повернулся к Юрков-скому.— Грегуар говорит верно?

— Ерунду порет Грегуар,— сердито проговорил Юрковский.— Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

— Ви расстроены, Володья,— сказал он.— Я могу помочь?

— Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

— Зачем шупать? — удивился Моллар.— Ви скажите, вид у нее какой есть. Я стану искать.

— Ха,— сказал Юрковский,— хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

— Je ne comprendre pas,— жалобно сказал он.— Я не пони-маю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русску?

— Нет, все правильно, Шарль,— сказал Юрковский.— Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване — как диван...

— А когда на Грегуар, она как Грегуар,— сказал Моллар.— Ви все шутите.

— Он говорит правду,— вступился Дауге.— Варечка все время меняет окраску. Мимикрия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикрия.

— Мимикрия у ласточка? — горько спросил Моллар.

В дверь опять постучали.

— Войтить! — радостно закричал Моллар.

— Войдите,— перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

— Извините, Владимир Сергеевич,— сказал он, несколько наклоняясь вперед.— Меня...

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру.— *Le petit ingénieur!*¹ Как жизнь, хорошѐ-о?

— Хорошо,— сказал Жилин.

— Как девѹшки, хорошѐ-о?

— Хорошо,— сказал Жилин. Он уже привык.— Бон.

— Прекрасный прононс,— сказал Дауге с завистью.— Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как девѹшки?

— Я очень люблю девѹшки,— серьезно сказал Моллар.— И всегда интересуюсь как.

— Бон,— сказал Дауге.— Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

— Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через перииовий, почти в экзосфере.

Юрковский вскочил.

— Наконец-то!

— Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

— Спасибо, Ваня,— сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге.— Ну, Иоганыч, вперед!

¹ Маленький инженер (*фр.*)

— Держись, бурый Джуп,— сказал Дауге.

— Les hirondelles, les hirondelles,— запел Моллар.— А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Ви любите суп, Ванья?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге. Дауге охнул.

— Ого,— сказал Юрковский.— Это метеорит.

— Встань с меня,— сказал Дауге.

3. БОРТИНЖЕНЕР ВОСХИЩАЕТСЯ ГЕРОЯМИ, А ШТУРМАН ОБНАРУЖИВАЕТ ВАРЕЧКУ

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый — прямо с завода — и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились воронеными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик «Тахмасиб» был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин. Юрковский скомандовал:

— Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов.

— Я тоже готов,— сказал Дауге.

— Михаил,— сказал Юрковский в микрофон.— Скоро?

— Еще полчасика,— слышался сиплый голосок штурмана. Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

— Опять метеорит,— сказал Юрковский.— Это уже третий.

— Густо что-то,— сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

— Михаил, микрометеоритов много?

— Много, Володенька,— ответил Михаил Антонович. Голос у него был озабоченный.— Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

— Миша, голубчик,— попросил Юрковский.— Замеряй почаще, а?

— Замеры идут три раза в минуту,— отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ слышался голос Быкова: «Можно».— Володенька,— позвал штурман.— Я переключаю на десять раз в минуту.

— Спасибо, Миша,— сказал Юрковский.

Корабль опять качнуло.

— Слушай, Володя,— позвал негромко Дауге.— А ведь это нетривиально.

Жилин тоже подумал, что это нетривиально. Нигде, ни в каких учебниках и лощах, не говорилось о повышении метеоритной плотности в непосредственной близости к Юпитеру. Впрочем, мало кто бывал в непосредственной близости к Юпитеру.

Жилин присел на станину казенника и поглядел на часы. До перииовия оставалось минут двадцать, не больше. Через двадцать минут Дауге даст первую очередь. Он говорит, что это необычайное зрелище, когда взрывается очередь бомбозондов. В позапрошлом году он исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана. Жилин оглянулся на Дауге. Дауге сидел на корточках перед спектрографом, держась за ручки поворота,— сухой, черный, остроносый, со шрамом на левой щеке. Он то и дело вытягивал длинную шею и заглядывал то левым, то правым глазом в окуляр видоискателя, и каждый раз по его лицу пробежал оранжевый зайчик. Жилин посмотрел на Юрковского. Юрковский стоял, прижавшись лицом к нарамнику перископа, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. На шее у него болталось на тем-

ной ленте рубчатое яйцо микрофона. Известные планетологи Дауге и Юрковский...

Месяц назад заместитель начальника Высшей Школы Космогации Сантор Ян вызвал к себе выпускника Школы Ивана Жилина. Межпланетники звали Сантора Яна «Железный Ян». Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и подбородке — следы давнего лучевого удара. Сантор Ян сказал, что Третий отдел ГКМПС срочно затребовал в свое распоряжение хорошего сменного бортиженера и что Совет Школы остановил свой выбор на выпускнике Жилине (выпускник Жилин похолодел от волнения: все пять лет он боялся, что его пошлют стажером на лунные трассы). Сантор Ян сказал, что это большая честь для выпускника Жилина, потому что первое свое назначение он получает на корабль, который идет оверсаном к Юпитеру (выпускник Жилин чуть не подпрыгнул от радости) с продовольствием для «Джей-станции» на Пятом спутнике Юпитера — Амальтее.

— Амальтее грозит голод, — сказал Сантор Ян. — Вашим командиром будет прославленный межпланетник, тоже выпускник нашей Школы, Алексей Петрович Быков. Вашим старшим штурманом будет весьма опытный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я чрезвычайно рад за вас.

О том, что в рейсе принимают участие Григорий Иоганнович Дауге и Владимир Сергеевич Юрковский, Жилин узнал позже, уже на ракетодроме Мирза-Чарле. Какие имена! Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и Анатолий Ермаков. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полулегенда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном «Хиусе» — фотонной черепахе с одним-единственным слоем мезовещества на отражателе — провалились сквозь бешеную атмосферу Венеры. О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества.

Конечно, Жилин знал и других замечательных людей. Например, межпланетника-испытателя Василия Ляхова. На третьем и

четвертом курсах Ляхов читал в Школе теорию фотонного привода. Он организовал для выпускников трехмесячную практику на Спу-20. Межпланетники называли Спу-20 «Звездочкой». Там было очень интересно. Там испытывались первые прямоточные фотонные двигатели. Оттуда в зону абсолютно свободного полета запускали автоматические лоты-разведчики. Там строился первый межзвездный корабль «Хиус-Молния». Однажды Ляхов привел курсантов в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета. Танкер, огромное неуклюжее сооружение, удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Всех поразил его цвет. Обшивка сделалась бирюзово-зеленой и отваливалась кусками, стоило прикоснуться к ней ладонью. Она просто крошилась, как хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из девятнадцати, запущенных в зону АСП. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем», — сказал Ляхов. И Жилин подумал тогда о пилотах, которые через несколько лет поведут «Хиус-Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем.

«Забавно, — подумал Жилин, — мне уже есть о чем вспоминать. Как на четвертом курсе во время зачетного подъема на геодезической ракете отказал двигатель и я вместе с ракетой свалился в совхозное поле под Новоеисейском. Я несколько часов бродил среди автоматических высокочастотных плугов, пока к вечеру не наткнулся на человека. Это был оператор-телемеханик. Мы всю ночь пролежали в палатке, следя за огоньками плугов,двигающимися в темном поле, и один плуг прошел совсем близко, гудя и оставляя за собой запах озона. Оператор угощал меня местным вином, и мне, кажется, так и не удалось убедить этого веселого дядьку, что межпланетники не пьют ни капли. Утром за ракетой пришел транспортер. Железный Ян устроил мне страшный разнос за то, что я не катапультировался...

Или дипломный перелет Спу-16 Земля — Цифэй Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, кричал ужасным голосом: «Астероид третьей ве-

личины справа по курсу! Скорость сближения двадцать два!» Нас было шестеро дипломантов, и он надоел нам невыносимо — только Ив, староста, все старался нас убедить, что людям следует прощать их маленькие слабости. Мы в принципе не возражали, но слабости прощать не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда корабль вдруг лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы вскарабкались в рубку, где член комиссии делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: «Молодцы, межпланетники», и мы сразу простили ему его слабости, потому что до тех пор никто еще не называл нас серьезно межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек. Но мамы и девушки всегда говорили: «Мой милый межпланетник», и вид у них был при этом такой, словно у них холодеет внутри...»

«Тахмасиб» вдруг трянуло так сильно, что Жилин опрокинулся на спину и стукнулся затылком о стеллаж.

— Черт! — сказал Юрковский. — Все это, конечно, нетривиально, но, если корабль будет так рыскать, мы не сможем работать.

— Да уж, — сказал Дауге. Он прижимал ладонь к правому глазу. — Какая уж тут работа...

По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону.

— Неужели рой? — сказал Юрковский, цепляясь за нарамник перископа. — Бедная Варечка, она плохо переносит тряску.

— Ну и сидела бы дома, — злобно сказал Дауге. Правый глаз у него быстро заплывал, он ощупывал его пальцами и издавал невнятные восклицания по-латышски. Он уже не сидел на корточках, он полулежал на полу, раздвинув для устойчивости ноги.

Жилин держался, упираясь руками в казенник и стеллаж. Пол вдруг провалился под ногами, затем подпрыгнул и больно ударил по пяткам. Дауге охнул, у Жилина подломились ноги. Хриплый бас Быкова проревел в микрофон:

— Бортинженер Жилин, в рубку! Пассажирам укрыться в амортизаторах!

Жилин шатающейся рысцой побежал к двери. За его спиной Дауге сказал:

— Как так в амортизаторы?

— Черта с два! — отозвался Юрковский.

Что-то покатилося по полу с металлическим дребезгом. Жилин выскочил в коридор. Начиналось приключение.

Корабль непрерывно мотало, словно щепку на волнах. Жилин бежал по коридору и думал: этот мимо. И этот мимо. И вот этот тоже мимо, и все они мимо... За спиной вдруг раздалось пронзительное «поук-пш-ш-ш-ш...». Он бросился спиной к стене и обернулся. В пустом коридоре, шагах в десяти от него, стояло плотное облако белого пара: совершенно такое, как бывает, когда лопается баллон с жидким гелием. Шипение быстро смолкло. По коридору потянуло ледяным холодом.

— Попал, гад, — сказал Жилин и оторвался от стены. Белое облако ползло за ним, медленно оседая.

В рубке было очень холодно. Жилин увидел блестящую радугой изморозь на стенах и на полу. Михаил Антонович с багровым затылком сидел за вычислителем и тянул на себя ленту записи. Быкова видно не было. Он был за кожухом реактора.

— Опять попало? — тоненьким голосом крикнул штурман.

— Где, наконец, бортинженер? — прогудел Быков из-за кожуха.

— Я, — отозвался Жилин.

Он побежал через рубку, скользя по инею. Быков выскочил ему навстречу, рыжие волосы его стояли дыбом.

— На контроль отражателя, — сказал он.

— Есть, — сказал Жилин.

— Штурман, есть просвет?

— Нет, Лешенька. Кругом одинаковая плотность. Вот ведь угораздило нас...

— Отключай отражатель. Буду выбираться на аварийных.

Михаил Антонович на вращающемся кресле торопливо повернулся к пульту управления позади себя. Он положил руку на клавиши и сказал:

— Можно было бы...

Он остановился. Лицо его перекосилось ужасом. Панель с клавишами управления изогнулась, снова выпрямилась и бесшумно соскользнула на пол. Жилин услышал вопль Михаила Антоновича и в смятении выскочил из-за кожуха. На стене рубки, вцепившись в мягкую обивку, сидела полутораметровая марсианская ящерица Варечка, любимица Юрковского. Точный рисунок клавиш управления на ее боках уже начал бледнеть, но на страшной треугольной морде все еще медленно мигало красное изображение стоп-лампочки. Михаил Антонович глядел на разлинованную Варечку, всхлипывал и держался за сердце.

— Пшла! — заорал Жилин.

Варечка метнулась куда-то и пропала.

— Убью! — прорычал Быков. — Жилин, на место, черт!

Жилин повернулся, и в этот момент в «Тахмасиб» попало по настоящему.

АМАЛЬТЕЯ, «ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ»

ВОДОВОЗЫ БЕСЕДУЮТ О ГОЛОДЕ, А ИНЖЕНЕР- ГАСТРОНОМ СТЫДИТСЯ СВОЕЙ КУХНИ

После ужина дядя Валнога пришел в зал отдыха и сказал, ни на кого не глядя:

— Мне нужна вода. Добровольцы есть?

— Есть, — сказал Козлов.

Потапов поднял голову от шахматной доски и тоже сказал:

— Есть.

— Конечно, есть, — сказал Костя Стеценко.

— А мне можно? — спросила Зойка Иванова тонким голосом.

— Можно, — сказал Валнога, уставясь в потолок. — Так вы приходите.

— Сколько нужно воды? — спросил Козлов.

— Не много, — ответил дядя Валнога. — Тонн десять.

— Ладно, — сказал Козлов. — Мы сейчас.

Дядя Валнога вышел.

— Я тоже с вами, — сказал Грегор.

— Ты лучше сиди и думай над своим ходом,— посоветовал Потапов.— Ход твой. Ты всегда думаешь по полчаса над каждым ходом.

— Ничего,— сказал Грегор.— Я еще успею подумать.

— Галя, пойдем с нами,— позвал Стеценко.

Галя лежала в кресле перед магнитоаппаратом. Она лениво отозвалась:

— Пожалуй.

Она встала и сладко потянулась. Ей было двадцать восемь лет, она была высокая, смуглая и очень красивая. Самая красивая женщина на станции. Половина ребят на станции были влюблены в нее. Она заведовала астрометрической обсерваторией.

— Пошли,— сказал Козлов. Он застегнул пряжки на магнитных башмаках и пошел к двери.

Они отправились на склад и взяли там меховые куртки, электропилы и самоходную платформу.

Айсгротте — так называлось место, где станция брала воду для технических, гигиенических и продовольственных нужд. Амальтея, сплюснутый шар диаметром в сто тридцать километров, состоит из сплошного льда. Это обыкновенный водяной лед, совершенно такой же, как на Земле. И только на поверхности лед немного присыпан метеоритной пылью и каменными и железными обломками. О происхождении ледяной планетки никто не мог сказать ничего определенного. Одни — мало осведомленные в космогонии — считали, что Юпитер в оные времена содрал водяную оболочку с какой-нибудь неосторожно приблизившейся планеты. Другие были склонны относить образование Пятого спутника за счет конденсации водяных кристаллов. Третьи уверяли, что Амальтея вообще не принадлежала к Солнечной системе, что она вышла из межзвездного пространства и была захвачена Юпитером. Но как бы то ни было, неограниченные запасы водяного льда под ногами — это большое удобство для «Джей-станции» на Амальтее.

Платформа проехала по коридору нижнего горизонта и остановилась перед широкими воротами айсгротте. Грегор соскочил с платформы, подошел к воротам и, близоруко вглядываясь, стал искать кнопку замка.

— Ниже, ниже, — сказал Потапов. — Филин слепой.

Грегор нашел кнопку, и ворота раздвинулись. Платформа въехала в айсгротте. Айсгротте был именно айсгротте — ледяной пещерой, тоннелем, вырубленным в сплошном льду. Три газосветные трубки освещали тоннель, но свет отражался от ледяных стен и потолка, дробился и искрился на неровностях, поэтому казалось, что айсгротте освещен многими люстрами...

Здесь не было магнитного поля, и ходить надо было осторожно. И здесь было необычайно холодно.

— Лед, — сказала Галя, оглядываясь. — Совсем как на Земле.

Зойка зябко поежилась, кутаясь в меховую куртку.

— Как в Антарктике, — пробормотала она.

— Я был в Антарктике, — объявил Грегор.

— И где только ты не был! — сказал Потапов. — Везде ты был!

— Взяли, ребята, — скомандовал Козлов.

Ребята взяли электропилы, подошли к дальней стене и стали выпиливать брусья льда. Пилы шли в лед, как горячие ножи в масло. В воздухе засверкали ледяные опилки. Зойка и Галя подошли ближе.

— Дай мне, — попросила Зойка, глядя в согнутую спину Козлова.

— Не дам, — сказал Козлов, не оборачиваясь. — Глаза повредишь.

— Совсем как снег на Земле, — заметила Галя, подставляя ладонь под струю льдинок.

— Ну, этого добра везде много, — сказал Потапов. — Например, на Ганимеде сколько хочешь снега.

— Я был на Ганимеде, — объявил Грегор.

— С ума сойти можно, — сказал Потапов. Он выключил свою пилу и отвалил от стены огромный ледяной куб. — Вот так.

— Разрежь на части, — посоветовал Стеценко.

— Не режь, — сказал Козлов. Он тоже выключил пилу и отвалил от стены глыбу льда. — Наоборот... — Он с усилием пихнул глыбу, и она медленно поплыла к выходу из тоннеля. — Наоборот, Валное удобнее, когда брусья крупные.

— Лед, — сказала Галя. — Совсем как на Земле. Я теперь буду всегда ходить сюда после работы.

— Вы очень скучаете по Земле? — робко спросила Зойка. Зойка была на десять лет моложе Гали, работала лаборанткой на астрометрической обсерватории и робела перед своей заведующей.

— Очень, — ответила Галя. — И вообще по Земле, Зоенька, и так хочется посидеть на траве, походить вечером по парку, потанцевать... Не наши воздушные танцы, а обыкновенный вальс. И пить из нормальных бокалов, а не из дурацких груш. И носить платье, а не брюки. Я ужасно соскучилась по обыкновенной юбке.

— Я тоже, — сказал Потапов.

— Юбка — это да, — сказал Козлов.

— Трепачи, — возразила Галя. — Мальчишки.

Она подобрала осколок льда и кинула в Потапова. Потапов подпрыгнул, ударился спиной в потолок и отлетел на Стеценко.

— Тише ты, — сердито сказал Стеценко. — Под пилу угодишь.

— Ну, довольно, наверное, — сказал Козлов. Он отвалил от стены третий брус. — Грузи, ребята.

Они погрузили лед на платформу, затем Потапов неожиданно схватил одной рукой Галю, другой рукой Зойку и забросил обеих на штабель ледяных брусьев. Зойка испуганно взвизгнула и ухватилась за Галю. Галя засмеялась.

— Поехали! — заорал Потапов. — Сейчас Валнога даст вам премию — по миске хлорелловой похлебки на нос.

— Я бы не отказался, — проворчал Козлов.

— Ты и раньше не отказывался, — заметил Стеценко. — А уж теперь, когда у нас голод...

Платформа выехала из айсгротте, и Грегор задвинул ворота.

— Разве это голод? — сказала Зойка с вершины ледяной кучи. — Вот я недавно читала книгу о войне с фашистами — вот там был действительно голод. В Ленинграде, во время блокады.

— Я был в Ленинграде, — объявил Грегор.

— Мы едим шоколад, — продолжала Зойка, — а там выдавали по полтораста граммов хлеба на день. И какого хлеба! Наполовину из опилок.

— Так уж и из опилок, — усомнился Стеценко.

— Представь себе, именно из опилок.

— Шоколад шоколадом, — сказал Козлов, — а нам туго будет, если не прибудет «Тахмасиб».

Он нес электропилу на плече, как ружье.

— Прибудет, — уверенно сказал Галя. Она спрыгнула с платформы, и Стеценко торопливо подхватил ее. — Спасибо, Костя. Обязательно прибудет, мальчишки.

— Все-таки я думаю, надо предложить начальнику уменьшить суточные порции, — сказал Козлов. — Хотя бы только для мужчин.

— Чепуха какая, — сказала Зойка. — Я читала, что женщины гораздо лучше переносят голод, чем мужчины.

Они шли по коридору вслед за медленно движущейся платформой.

— Так то женщины, — сказал Потапов. — А то дети.

— Железное остроумие, — сказала Зойка. — Прямо чугунное.

— Нет, правда, ребята, — сказал Козлов. — Если Быков не прибудет завтра, надо собрать всех и спросить согласия на сокращение порций.

— Что ж, — согласился Стеценко. — Я полагаю, никто не будет возражать.

— Я не буду возражать, — объявил Грегор.

— Вот и хорошо, — сказал Потапов. — А я уж думал, как быть, если ты вдруг будешь возражать.

— Привет водовозам! — крикнул астрофизик Никольский, проходя мимо.

Галя сердито заметила:

— Не понимаю, как можно так откровенно заботиться только о своем брюхе, словно «Тахмасиб» — автомат и на нем нет ни одного живого человека.

Даже Потапов покраснел и не нашелся что сказать. Остаток пути до камбуза прошли молча. В камбузе дядя Валнога сидел понурившись возле огромной ионообменной установки для очистки воды. Платформа остановилась у входа в камбуз.

— Сгружайте, — сказал дядя Валнога, глядя в пол. В камбузе было непривычно тихо, прохладно и ничем не пахло. Дядя Валнога мучительно переживал это запустение.

В молчании ледяные брусья были отгружены с платформы и заложены в отверстую пасть водоочистителя.

— Спасибо, — сказал дядя Валнога, не поднимая головы.

— Пожалуйста, дядя Валнога,— сказал Козлов.— Пошли, ребята.

Они молча отправились на склад, затем молча вернулись в зал отдыха. Галя взяла книжку и улеглась в кресло перед магнито-видеофоном. Стеценко нерешительно потоптался возле нее, поглядел на Козлова и Зойку, которые снова уселись за стол для занятий (Зойка училась заочно в энергетическом институте, и Козлов помогал ей), вздохнул и побрел в свою комнату. Потапов сказал Грегору:

— Ходи. Твой ход.

Глава вторая

ЛЮДИ НАД БЕЗДНОЙ

1. КАПИТАН СООБЩАЕТ НЕПРИЯТНУЮ НОВОСТЬ, А БОРТИНЖЕНЕР НЕ БОИТСЯ

Видимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и «Тахмасиб» закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он больно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое его бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Все крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопырив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнул голову к панели управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. «Тахмасиб» выровнялся. Тогда Быков повел

корабль напролом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал — противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурман. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное «поук-пш-ш-ш», и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и пригибался к самому пульта. Один раз что-то лопнуло, разлетаясь, за его спиной. Потом сигналов на экране стало меньше, потом еще меньше и, наконец, не стало совсем. Метеоритная атака кончилась.

Тогда Быков поглядел на курсограф. «Тахмасиб» падал. «Тахмасиб» шел через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. При метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обыденных рейсов Юпитер—Марс или Юпитер—Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, — так было десять лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, — так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевым в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифленую клавишу стартера. Но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был поврежден, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. «Это конец», — подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это было единственное, что он мог сейчас сделать, — сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере. Тридцать секунд он сидел неподвижно, уставясь на свои руки, быстро отекавшие от перегрузки. Потом он уменьшил подачу горючего, и перегрузка пропала. Аварийные двигатели будут понемногу тормозить падение — пока хватит горючего. А горючего немного. Еще никого и никогда аварийные ракеты не

спасали над Юпитером. Над Марсом, над Меркурием, над Землей — может быть, но не над планетой-гигантом.

Быков тяжело поднялся и заглянул через пульт. На полу, среди пластмассовых осколков, лежал животом вверх штурман Михаил Антонович Крутиков.

— Миша,— позвал Быков почему-то шепотом.— Ты жив, Миша?

Послышался скребущий звук, и из-за кожуха реактора выполз на четвереньках Жилин. Жилин тоже плохо выглядел. Он задумчиво поглядел на капитана, на штурмана, на потолок и сел, поджав ноги.

Быков выбрался из-за пульта и опустился рядом со штурманом на корточки, с трудом согнув ноги в коленях. Он потрогал штурмана за плечо и снова позвал:

— Ты жив, Миша?

Лицо Михаила Антоновича сморщилось, и он, не открывая глаз, облизнул губы.

— Лешенька,— сказал он слабым голосом.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил Быков и принялся ощупывать штурмана.

— О! — сказал штурман и широко раскрыл глаза.

— А здесь?

— У! — сказал штурман болезненным голосом.

— А здесь?

— Ой, не надо! — сказал штурман и сел, упираясь руками в пол. Голова его склонилась к плечу.— А где Ванюша? — спросил он.

Быков оглянулся. Жилина не было.

— Ваня,— негромко окликнул Быков.

— Здесь,— отозвался Жилин из-за кожуха. Было слышно, как он уронил что-то и шепотом чертыхается.

— Иван жив,— сообщил Быков штурману.

— Ну и слава богу,— сказал Михаил Антонович и, ухватившись за плечо капитана, поднялся на ноги.

— Ты как, Миша? — спросил Быков.— В состоянии?

— В состоянии,— неуверенно сказал штурман, держась за него.— Кажется, в состоянии.— Он посмотрел на Быкова удив-

ленными глазами и сказал: — До чего же живуч человек, Лешенька... Ох, до чего живуч!

— Н-да,— сказал Быков неопределенно.— Живуч. Слушай, Михаил...— Он помолчал.— Дела наши нехороши. Мы, брат, падаем. Если ты в состоянии, садись и посчитай, как и что. Вычислитель, по-моему, уцелел.— Он посмотрел на вычислитель.— Впрочем, посмотри сам.

Глаза Михаила Антоновича стали совсем круглыми.

— Падаем? — сказал он.— Ах, вот как! Падаем. На Юпитер падаем?

Быков молча кивнул.

— Ай-яй-яй! — сказал Михаил Антонович.— Надо же! Хорошо. Сейчас. Я сейчас.

Он постоял немного, морщась и ворочая шеей, потом отпустил капитана и, ухватившись за край пульта, заковылял к своему месту.

— Сейчас посчитаю,— бормотал он.— Сейчас.

Быков смотрел, как он, держась за бок, усаживается, жалобно кряхтя, в кресло и устраивается поудобнее. Кресло было заметно перекошено. Устроившись, Михаил Антонович вдруг испуганно посмотрел на Быкова и спросил:

— Но ведь ты притормозил, Алеша? Ты затормозил?

Быков кивнул и пошел к Жилину, хрустя осколками на полу. На потолке он увидел небольшое черное пятно и еще одно у самой стены. Это были метеоритные пробоины, затянутые смолопластом. Вокруг пятен дрожали крупные капли осевшей влаги.

Жилин сидел по-турецки перед комбайном контроля отражателя. Кожух комбайна был расколот пополам. Внутренности комбайна выглядели неутешительно.

— Что у тебя? — спросил Быков. Он видел что.

Жилин поднял опухшее лицо.

— Подробностей я еще не знаю,— ответил он.— Но ясно, что вребезги.

Быков сел рядом.

— Одно метеоритное попадание,— сказал Жилин.— И два раза я въехал сюда сам.— Он показал пальцем, куда он въехал, но это было и так видно.— Один раз в самом начале ногами и потом в самом конце головой.

— Да,— сказал Быков.— Этого никакой механизм не выдержит. Ставь запасной комплект. И вот что. Мы падаем.

— Я слышал, Алексей Петрович,— сказал Жилин.

— Собственно,— произнес Быков задумчиво,— что толку в контрольном комбайне, если разбит отражатель?

— А может быть, не разбит? — сказал Жилин.

Быков поглядел на него, усмехаясь.

— Такая карусель,— сказал он,— может объясняться только двумя причинами. Или — или. Или почему-то выскочила из фокуса точка сгорания плазмы, или откололся большой кусок отражателя. Я думаю, что разбит отражатель, потому что бога нет и точку сгорания перемещать некому. Но ты все-таки валяй. Ставь запасной комплект.— Он поднялся и, задрав голову, осмотрел потолок.— Надо еще хорошенько закрепить пробоины. Там внизу большое давление. Смолопласт выдавит. Ну, это я сам.— Он повернулся, чтобы идти, но остановился и спросил негромко: — Не боишься, малек?

В Школе мальками называли первокурсников и вообще младших.

— Нет,— сказал Жилин.

— Хорошо. Работай,— сказал Быков.— Пойду осмотрю корабль. Надо еще пассажиров из амортизаторов вынуть.

Жилин промолчал. Он проводил взглядом широкую сутулую спину капитана и вдруг совсем рядом увидел Варечку. Варечка стояла столбиком и медленно мигала выпуклыми глазами. Она была вся синяя в белую крапинку, и шипы у нее на морде страшно щетинились. Это означало, что Варечка очень раздражена и чувствует себя плохо. Жилин уже видел ее однажды в таком состоянии. Это было на ракетодроме Мирза-Чарле месяц назад, когда Юрковский много говорил об удивительной приспособляемости марсианских ящериц и в доказательство окунал Варечку в ванну с кипятком.

Варечка судорожно разинула и снова закрыла огромную серую пасть.

— Ну что? — негромко спросил Жилин.

С потолка сорвалась крупная капля и — тик! — упала на расколотый кожух комбайна. Жилин посмотрел на потолок. Там, вни-

зу, большое давление. «Да,— подумал он,— там давление в десятки и сотни тысяч атмосфер. Смолопластовые пробки, конечно, выдавит».

Варечка шевельнулась и снова разинула пасть. Жилин пошарил в кармане, нашел галету и бросил ее в разинутую пасть. Варечка медленно глотнула и уставилась на него стеклянными глазами. Жилин вздохнул.

— Эх ты, бедолага,— сказал он тихо.

2. ПЛАНЕТОЛОГИ ВИНОВАТО МОЛЧАТ, А РАДИООПТИК ПОЕТ ПЕСЕНКУ ПРО ЛАСТОЧЕК

Когда «Тахмасиб» перестал кувыркаться, Дауге отцепился от казенника и выволок бесчувственное тело Юрковского из-под обломков аппаратуры. Он не успел заметить, что разбито и что уцелело, заметил только, что разбито многое. Стеллаж с обоями перекошило, и обои вывалились на приборную панель радиотелескопа. В обсерваторном отсеке было жарко и сильно пахло горелым.

Дауге отделался сравнительно легко. Он сразу же мертвой хваткой ухватился за казенник, и у него только кровь выступила под ногтями и сильно болела голова. Юрковский был бледен, и веки у него были сиреневые. Дауге подул ему в лицо, потряс за плечи, похлопал по щекам. Голова Юрковского бессильно болталась, и в себя он не приходил. Тогда Дауге поволок его в медицинский отсек. В коридоре оказалось страшно холодно, на стенах искрился иней. Дауге положил голову Юрковского к себе на колени, наскреб со стены немного инея и приложил холодные мокрые пальцы к его вискам. В этот момент его застала перегрузка — когда Быков начал тормозить «Тахмасиб». Тогда Дауге лег на спину, но ему стало так плохо, что он перевернулся на живот и стал водить лицом по заиндевавшему полу. Когда перегрузка кончилась, Дауге полежал еще немного, затем поднялся и, взяв Юрковского под мышки, пятясь, поволок дальше. Но он сразу понял, что до медотсека ему не добраться, поэтому затащил Юрковского в кают-компанию, взвалил его на диван и сел рядом, сопя и отдуваясь. Юрковский страшно хрипел.

Отдохнув, Дауге поднялся и подошел к буфету. Он взял графин с водой и стал пить прямо из горлышка. Вода побежала по подбородку, по горлу, потекла за воротник, и это было очень приятно. Он вернулся к Юрковскому и побрызгал из графина ему на лицо. Потом он поставил графин на пол и расстегнул на Юрковском куртку. Он увидел странный ветвистый рисунок на коже, бегущий через грудь от плеча до плеча. Рисунок был похож на силуэт каких-то диковинных водорослей — темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем вдруг сообразил, что это след сильного электрического удара. Видимо, Юрковский упал на обнаженные контакты под высоким напряжением. Вся измерительная аппаратура планетологов работала под высоким напряжением. Дауге побегал в медицинский отсек.

Он сделал четыре инъекции, и только тогда Юрковский открыл, наконец, глаза. Глаза были тусклые и смотрели довольно бессмысленно, но Дауге очень обрадовался.

— Фу ты, черт, Владимир, — сказал он с облегчением, — я уж думал, что дело совсем плохо. Ну как ты, встать можешь?

Юрковский пошевелил губами, открыл рот и захрипел. Глаза его приобрели осмысленное выражение, брови сдвинулись.

— Ладно, ладно, лежи, — сказал Дауге. — Тебе надо немного полежать.

Он оглянулся и увидел в дверях Шарля Моллара. Моллар стоял, держась за косяк, и слегка покачивался. Лицо у него было красное, распухшее, и он был весь мокрый и обвешан какими-то белыми сосульками. Дауге даже показалось, что от него идет пар. Несколько минут Моллар молчал, переводя печальный взгляд с Дауге на Юрковского, а планетологи озадаченно глядели на него. Юрковский перестал хрипеть. Потом Моллар сильно качнулся вперед, перешагнул через комингс и, быстро семеня ногами, добрался к ближайшему креслу. У него был мокрый и несчастный вид, и, когда он сел, по каюте прошла волна вкусного запаха вареного мяса. Дауге пошевелил носом.

— Это суп? — осведомился он.

— Oui, monsieur, — печально сказал Моллар. — Вьермишель.

— И как суп? — спросил Дауге. — Хорошѐ-о?

— Хорошѐ-о, — сказал Моллар и стал собирать с себя вермишель.

— Я очень люблю суп, — пояснил Дауге. — И всегда интересуюсь как.

Моллар вздохнул и улыбнулся.

— Больше нет суп, — сказал он. — Это биль очень горячий суп. Но это биль уже не кипятилок.

— Боже мой! — сказал Дауге и все-таки захохотал.

Моллар тоже засмеялся.

— Да! — закричал он. — Это биль очень забавно, но очень неудобно, и суп пропал весь.

Юрковский захрипел. Лицо его перекошилось и налилось кровью. Дауге встревоженно повернулся к нему.

— Вольдемар сильно ушибся? — спросил Моллар. Вытянув шею, он с опасливым любопытством глядел на Юрковского.

— Вольдемара ударило током, — сказал Дауге. Он больше не улыбался.

— Но что произошло? — сказал Моллар. — Было так неудобно...

Юрковский перестал хрипеть, сел и, страшно скалясь, стал копать в нагрудном кармане куртки.

— Что с тобой, Володька? — растерянно спросил Дауге.

— Вольдемар не может говорить, — тихо сказал Моллар.

Юрковский торопливо закивал, вытащил авторучку и блокнот и стал писать, дергая головой.

— Ты успокойся, Володя, — пробормотал Дауге. — Это немедленно пройдет.

— Это пройдет, — подтвердил Моллар. — Со мною тоже было так. Биль очень большой ток, и потом все прошло.

Юрковский отдал блокнот Дауге, снова лег и прикрыл глаза.

— «Говорить не могу», — с трудом разобрал Дауге. — Ты не волнуйся, Володя, это пройдет.

Юрковский нетерпеливо дернулся.

— Так. Сейчас. «Как Алексей и пилоты? Как корабль?» Не знаю, — растерянно сказал Дауге и поглядел на люк в рубку. — Фу, черт, я обо всем забыл.

Юрковский мотнул головой и тоже посмотрел на люк в рубку.

— Я узнаю,— сказал Моллар.— Я все сейчас буду познать.

Он встал с кресла, но люк распахнулся, и в кают-компанию шагнул капитан Быков, огромный, взъерошенный, с ненормально лиловым носом и иссиня-черным синяком над правой бровью. Он оглядел всех свирепыми маленькими глазками, подошел к столу, уперся в стол кулаками и сказал:

— Почему пассажиры не в амортизаторах?

Это было сказано негромко, но так, что Шарль Моллар сразу перестал радостно улыбаться. Наступила короткая тяжелая тишина, и Дауге неловко, кривовато усмехнулся и стал глядеть в сторону, а Юрковский снова прикрыл глаза. «А дела-то неважные»,— подумал Юрковский. Он хорошо знал Быкова.

— Когда на этом корабле будет дисциплина? — сказал Быков.

Пассажиры молчали.

— Мальчишки,— сказал Быков с отвращением и сел.— Бедлам. Что с вами, мсье Моллар? — спросил он устало.

— Это суп,— с готовностью сказал Моллар.— Я немедленно пойду почиститься.

— Подождите, мсье Моллар,— сказал Быков.

— Кх...де мы? — прохрипел Юрковский.

— Падаем,— коротко сказал Быков.

Юрковский вздрогнул и поднялся.

— Кх...уда? — спросил он. Он ждал этого, но все-таки вздрогнул.

— В Юпитер,— сказал Быков. Он не смотрел на планетологов. Он смотрел на Моллара. Ему было очень жалко Моллара. Моллар был в первом своем настоящем космическом рейсе, и его очень ждали на Амальтее. Моллар был замечательным радиооптиком.

— О,— сказал Моллар,— в Юпитер?

— Да.— Быков помолчал, ощупывая синяк на лбу.— Отражатель разбит. Контроль отражателя разбит. В корабле восемнадцать пробойн.

— Гореть будем? — быстро спросил Дауге.

— Пока не знаю. Михаил считает. Может быть, не сгорим.

Он замолчал. Моллар сказал:

— Пойду почиститься.

— Погодите, Шарль,— сказал Быков.— Товарищи, вы хорошо поняли, что я сказал? Мы падаем в Юпитер.

— Поняли,— сказал Дауге.

— Теперь мы будем падать в Юпитер всю нашу жизнь,— сказал Моллар.

Быков искоса глядел на него, не отрываясь.

— Х-хорошо ска-азано,— сказал Юрковский.

— C'est le mot¹,— сказал Моллар. Он улыбался.— Можно... Можно я все-таки пойду чистить себя?

— Да, идите,— медленно сказал Быков.

Моллар повернулся и пошел из кают-компания. Все глядели ему вслед. Они слышали, как в коридоре он запел слабым, но приятным голосом.

— Что он поет? — спросил Быков. Моллар никогда не пел раньше.

Дауге прислушался и стал переводить:

— «Две ласточки целуются за окном моего звездолета. В пустоте-те-те-те. И как их туда занесло. Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля. И какое вам дело до них». Что-то в этом роде.

— Тра-ля-ля,— задумчиво сказал Быков.— Здорово.

— Т-ты п-пе-ереводишь, к-как ЛИАНТО,— сказал Юрковский.— «С-сиганули» — ш-шедевр.

Быков поглядел на него с изумлением.

— Ты что это, Владимир? — спросил он.— Что с тобой?

— З-заика н-на-а всю жизнь,— ответил Юрковский, усмехаясь.

— Его ударило током,— сказал тихо Дауге.

Быков пожевал губами.

— Ничего,— сказал он.— Не мы первые. Бывало и похуже.

Он знал, что хуже еще никогда не бывало. Ни с ним, ни с планетологами.

Из полуоткрытого люка раздался голос Михаила Антоновича:

— Алешенька, готово!

— Поди сюда,— сказал Быков.

¹ Хорошо сказано (фр.).

Михаил Антонович, толстый и исцарапанный, ввалился в кают-компанию. Он был без рубашки и лоснился от пота.

— Ух, как тут у вас холодно! — сказал он, обхватывая толстую грудь короткими пухлыми ручками. — А в рубке ужасно жарко.

— Давай, Михаил, — нетерпеливо сказал Быков.

— А что с Володенькой? — испуганно спросил штурман.

— Давай, давай, — повторил Быков. — Током его ударило.

— А где Шарль? — спросил штурман, усаживаясь.

— Шарль жив и здоров, — ответил Быков, сдерживаясь. — Все живы и здоровы. Начинай.

— Ну и слава богу, — сказал штурман. — Так вот, мальчики. Я здесь немножко посчитал, и получается вот такая картина. «Тах-масиб» падает, и горючего, чтобы вырваться, нам не хватит.

— Ясно даже и ежу, — сказал Юрковский.

— Не хватит. Вырваться можно только на фотореакторе, но у нас, кажется, разбит отражатель. А вот на торможение горючего хватит. Вот я рассчитал программу. Если общепринятая теория строения Юпитера верна, мы не сгорим.

Дауге хотел сказать, что общепринятой теории строения Юпитера не существует и никогда не существовало, но промолчал.

— Мы уже сейчас хорошо тормозимся, — продолжал Михаил Антонович. — Так что, по-моему, провалимся мы благополучно. А больше сделать ничего нельзя, мальчики. — Михаил Антонович виновато улыбнулся. — Если, конечно, мы не исправим отражатель.

— На Юпитере нет ремонтных станций. Это следует из всех теорий Юпитера. — Быкову хотелось, чтобы они все-таки поняли. До конца поняли. Ему все еще казалось, что они не понимают.

— Какую теорию строения ты считаешь общепринятой? — спросил Дауге.

Михаил Антонович пожал плечиком.

— Теорию Кангрена, — сказал он.

Быков выжидающе уставился на планетологов.

— Ну что ж, — сказал Дауге. — Можно и Кангрена.

Юрковский молчал, глядя в потолок.

— Слушайте, планетологи, — не выдержал Быков, — специалисты. Что будет там, внизу? Вы можете нам это сказать?

— Да, конечно, — сказал Дауге. — Это мы тебе скоро скажем.

— Когда? — Быков оживился.

— Когда будем там, внизу, — сказал Дауге. Он засмеялся.

— Планетологи, — сказал Быков. — Спе-ци-а-лис-ты.

— Н-надо рассчитать, — сказал Юрковский, глядя в потолок. Он говорил медленно и почти не заикался. — Пусть М-михаил рассчитает, на какой глубине к-корабль перестанет проваливаться и повиснет.

— Интересно, — сказал Михаил Антонович.

— П-по Кангрону давление в Юпитере р-растет быстро. П-подсчитай, Михаил, и выясни г-глубину погружения, д-давление на этой глубине и силу т-тяжести.

— Да, — сказал Дауге. — Какое будет давление? Может быть, нас просто раздавит.

— Ну, не так это просто, — проворчал Быков. — Двести тысяч атмосфер мы выдержим. А фотонный реактор и корпуса ракет и того больше.

Юрковский сел, согнув ноги.

— Т-теория Кангрена не хуже других, — сказал он. — Она даст порядок величин. — Он посмотрел на штурмана. — М-мы могли бы п-подсчитать сами, но у тебя в-вычислитель.

— Ну, конечно, — сказал Михаил Антонович. — Ну о чем говорить? Конечно, мальчишки.

Быков попросил:

— Михаил, давай сюда программу, я прогляжу, и вводи ее в киберштурман.

— Я уже ввел, Лешенька, — виновато ответил штурман.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. — Он поднялся. — Так. Теперь все ясно. Нас, конечно, не раздавит, но назад мы уже не вернемся — давайте говорить прямо. Ну, не мы первые. Честно жили, честно и умрем. Я с Жилиным попробую что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... — Он сморщился и покрутил распухшим носом. — Что намерены делать вы?

— Н-наблюдать, — жестко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

— Очень хорошо.— Быков поглядел на них исподлобья.— У меня к вам просьба. Присмотрите за Молларом.

— Да-да,— подтвердил Михаил Антонович.

— Он человек новый, и... бывают нехорошие вещи... вы знаете.

— Ладно, Леша,— сказал Дауге, бодро улыбаясь.— Будь спокоен.

— Вот так,— сказал Быков.— Ты, Миша, поди в рубку и сделай все расчеты, а я схожу в медчасть, помассирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

— В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдем чиниться.

— П-пойдем,— сказал Юрковский.

«Ну, меня вы не обманете,— подумал Быков.— Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще не верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге — тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?»

В медицинском отсеке Моллар, дыша носом от боли, мазался жирной таниновой мазью. У него было красное лоснящееся лицо и красные лоснящиеся руки. Увидев Быкова, он приветливо улыбнулся и громко запел про ласточек: он почти успокоился. Если бы он не запел про ласточек, Быков мог бы считать, что он успокоился по-настоящему. Но Моллар пел громко и старательно, время от времени шипя от боли.

3. БОРТИНЖЕНЕР ПРЕДАЕТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМ, А ШТУРМАН СОВЕТУЕТ НЕ ВСПОМИНАТЬ

Жилин ремонтировал комбайн контроля отражателя. В рубке было очень жарко и душно, по-видимому, система кондиционирования по кораблю была совершенно расстроена, но заниматься ею не было ни времени, ни, главное, желания. Сначала Жилин сбросил куртку, затем комбинезон и остался в трусах и сорочке.

Варечка тут же устроилась в складках сброшенного комбинезона и вскоре исчезла — осталась только ее тень да иногда появлялись и сразу же исчезали большие выпуклые глаза.

Жилин одну за другой вытаскивал из исковерканного корпуса комбайна пластметалловые пластины печатных схем, прозванивал уцелевшие, откладывал в сторону расколотые и заменял их запасными. Работал он методически, неторопливо, как на зачетной сборке, потому что спешить было некуда и потому что все это было, по-видимому, ни к чему. Он старался ни о чем не думать и только радовался, что очень хорошо помнит общую схему, что ему почти не приходится заглядывать в руководство, что расшибся он не так уж сильно и ссадины на голове подсохли и совсем не болят. За кожухом фотореактора жужжал вычислитель. Михаил Антонович шуршал бумагой и мурлыкал себе под нос что-то немзыкальное. Михаил Антонович всегда мурлыкал себе под нос, когда работал.

«Интересно, над чем он работает сейчас? — подумал Жилин. — Может быть, просто старается отвлечься. Это очень хорошо — уметь отвлечься в такие минуты. Планетологи, наверное, тоже работают, сбрасывают бомбозонды. Так мне и не удалось увидеть, как взрывается очередь бомбозондов. И еще многого мне не удалось увидеть. Например, говорят, что очень хорош Юпитер с Амальтеи. И мне очень хотелось участвовать в межзвездной экспедиции или в какой-нибудь экспедиции Следопытов — ученых, которые ищут на других планетах следы пришельцев из других миров... Потом говорят, что на «Джей-станциях» есть славные девушки, и хорошо было бы с ними познакомиться, а потом рассказать об этом Пере Хунту, который получил распределение на лунные трассы и был этому рад, чудак. Забавно, Михаил Антонович фальшивит, словно нарочно. У него жена и двое детей... Нет, трое, и старшей дочке уже шестнадцать лет, — он все обещал нас познакомить и каждый раз так залихватски подмигивал, но познакомиться теперь уже не придется. Много теперь уже не придется. Отец будет очень расстроен — ах, как нехорошо! Как это все нескладно получилось — в первом же самостоятельном рейсе! Хорошо, что я тогда поссорился с ней, — подумал вдруг Жилин. — Теперь все проще, а могло бы быть очень слож-

но. Вот Михаилу Антоновичу гораздо хуже, чем мне. И капитану хуже, чем мне. У капитана жена — очень красивая женщина, веселая и, кажется, умница. Она провожала его и ни о чем таком не думала, а может быть, и думала, но это было незаметно, но скорее всего, не думала, потому что уже привыкла. Человек ко всему может привыкнуть. Я, например, привык к перегрузкам, хотя сначала было очень плохо, и я думал даже, что меня переведут на факультет дистанционного управления. В Школе это называлось «отправиться к девочкам»: на факультете было много девушек, обыкновенных хороших девушек, с ними всегда было весело и интересно, но все-таки «отправиться к девочкам» считалось зазорным. Совершенно непонятно почему. Девушки шли работать на разные Спу и на станции и базы на других планетах и работали не хуже ребят. Иногда даже лучше. Все равно, — подумал Жилин, — очень хорошо, что мы тогда поссорились. Каково бы ей сейчас было!» Он вдруг бессмысленно уставился на треснувшую пластину печатной схемы, которую держал в руках.

«...Мы целовались в Большом Парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал ее домой, и мы долго еще целовались в парадном, и по лестнице все время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдет мимо ее мама и спросит: «А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?» Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и все было, как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. У нее были мягкие теплые губы, и я еще тогда сказал ей, что зимой приятнее целоваться, чем летом. Поднимался ветер, нас заносило порошей, мы совершенно закоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там совсем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и проспорил: подошла великолепная приземистая машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это «Золотой Дракон», новый японский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда — и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом

Парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и все время толкала меня в бок, чтобы я не хохотал слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по видеофону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я все не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я еще не знал, что они глупые. А через год я увидел ее в нашем клубе. Она была с какой-то девчонкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что все пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас все вспомнилось. Наверное, потому, что теперь все равно. Я мог бы и не думать об этом, но раз уж все равно...»

Гулко хлопнул люк. Голос Быкова сказал:

— Ну что, Михаил?

— Заканчиваем первый виток, Алешенька. Упали на пятьсот километров.

— Так... — Было слышно, как по полу пнули пластмассовыми осколками. — Так, значит. Связи с Амальтеей, конечно, нет.

— Приемник молчит, — вздохнув, сказал Михаил Антонович. — Передатчик работает, но ведь здесь такие радиобури...

— Что твои расчеты?

— Я уже почти кончил, Алешенька. Получается так, что мы провалимся на шесть-семь мегаметров и там повиснем. Будем плавать, как говорит Володя. Давление огромное, но нас не раздавит, это ясно. Только будет очень тяжело — там сила тяжести два — два с половиной «же».

— Угу, — сказал Быков. Он некоторое время молчал, затем сказал: — У тебя какая-нибудь идея есть?

— Что?

— Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбраться?

— Что ты, Алешенька! — Штурман говорил ласково, почти заискивающе. — Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слышал, чтобы отсюда... выбирались.

Наступило долгое молчание. Жилин снова принялся работать, быстро и бесшумно. Потом Михаил Антонович вдруг сказал:

— Ты не вспоминай о ней, Алешенька. Тут уж лучше не вспоминать, а то так гадко становится, право...

— А я и не вспоминаю,— сказал Быков неприятным голосом.— И тебе, штурман, не советую. Иван! — заорал он.

— Да? — откликнулся Жилин, заторопившись.

— Ты все возишься?

— Сейчас кончаю.

Было слышно, как капитан идет к нему, пиная пластмассовые осколки.

— Мусор,— бормотал он.— Кабак. Бедлам.

Он вышел из-за кожуха и опустился рядом с Жилиным на корточки.

— Сейчас кончаю,— повторил Жилин.

— А ты не торопишься, бортинженер,— сказал Быков сердито.

Он засопел и принялся вытаскивать из футляра запасные блоки. Жилин подвинулся немного, чтобы освободить ему место. Они оба были широкие и громадные, и им было немного тесно перед комбайном. Работали молча и быстро, и было слышно, как Михаил Антонович снова запустил вычислитель и замурлыкал.

Когда сборка окончилась, Быков позвал:

— Михаил, иди сюда.

Он выпрямился и вытер пот со лба. Потом отодвинул ногой грудку битых пластин и включил общий контроль. На экране комбайна вспыхнула трехмерная схема отражателя. Изображение медленно поворачивалось.

— Ой-ёй-ёй,— сказал Михаил Антонович.

Тик-тик-тик — поползла из вывода голубая лента записи.

— А микропробоин мало,— негромко сказал Жилин.

— Что микропробоины,— сказал Быков и нагнулся к самому экрану.— Вот где главная-то сволочь.

Схема отражателя была окрашена в синий цвет. На синем белели рваные пятна. Это были места, где либо пробило слон мезовещества, либо разрушило систему контрольных ячеек. Белых пятен было много, а на краю отражателя они сливались в неровную белую кляксу, занимавшую не менее восьмой части поверхности параболоида.

Михаил Антонович махнул рукой и вернулся к вычислителю.

— Петарды пускать таким отражателем, — пробормотал Жилин.

Он потянулся за комбинезоном, вытряхнул из него Варечку и принялся одеваться: в рубке снова стало холодно. Быков все еще стоял, глядел на экран и грыз ноготь. Потом он подобрал ленту записи и бегло просмотрел ее.

— Жилин, — сказал вдруг он. — Бери два сигма-тестера, проверь питание и ступай в кессон. Я буду тебя там ждать. Михаил, бросай все и займись креплением пробоев. Все бросай, я сказал.

— Куда ты собрался, Лешенька? — спросил Михаил Антонович с удивлением.

— Наружу, — коротко ответил Быков и вышел.

— Зачем? — спросил Михаил Антонович, повернувшись к Жилину.

Жилин пожал плечами. Он не знал зачем. Починить зеркало в Пространстве, в рейсе, без специалистов-мезохимиков, без огромных кристаллизаторов, без реакторных печей просто невозможно. Так же невозможно, как, например, притянуть Луну к Земле голыми руками. А в таком виде, в таком состоянии, как сейчас, с отбитым краем, отражатель мог придать «Тахмасибу» только вращательное движение. Такое же, как в момент катастрофы.

— Чепуха какая-то, — сказал Жилин нерешительно.

Он посмотрел на Михаила Антоновича, а Михаил Антонович посмотрел на него. Они молчали, и вдруг оба страшно заторопились. Михаил Антонович суетливо собрал свои листки и поспешно сказал:

— Ну, иди. Иди, Ванюша, ступай скорее.

В кессоне Быков и Жилин влезли в пустолазные скафандры и с некоторым трудом втиснулись в лифт. Коробка лифта стремительно понеслась вниз вдоль гигантской трубы фотореактора, на которую нанизывались все узлы корабля — от жилой гондолы до параболического отражателя.

— Хорошо, — сказал Быков.

— Что хорошо? — спросил Жилин.

Лифт остановился.

— Хорошо, что лифт работает, — ответил Быков.

— А, — разочарованно вздохнул Жилин.

— Мог бы и не работать,— строго сказал Быков.— Лез бы ты тогда двести метров туда и обратно.

Они вышли из шахты лифта и остановились на верхней площадке параболоида. Вниз покато уходил черный рубчатый купол отражателя. Отражатель был огромен — семьсот пятьдесят метров в длину и полкилометра в растворе. Края его не было видно отсюда. Над головой нависал громадный серебристый диск грузового отсека. По сторонам его, далеко вынесенные на кронштейнах, полыхали бесшумным голубым пламенем жерла водородных ракет. А вокруг странно мерцал необычайный и грозный мир.

Слева тянулась стена рыжего тумана. Далеко внизу, невообразимо глубоко под ногами, туман расслаивался на жирные тугие ряды облаков с темными прогалинами между ними. Еще дальше и еще глубже эти облака сливались в плотную коричневатую гладь. Справа стояло сплошное розовое марево, и Жилин вдруг увидел Солнце — ослепительный ярко-розовый маленький диск.

— Начали,— сказал Быков. Он сунул Жилину моток тонкого троса.— Закрепи в шахте,— сказал он.

На другом конце троса он сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Затем он повесил себе на шею оба тестера и перекинул ногу через перила.

— Вытравливай понемногу,— сказал он.— Я пошел.

Жилин стоял возле самых перил, вцепившись в трос обеими руками, и смотрел, как толстая неуклюжая фигура в блестящем панцире медленно сползает за выпуклость купола. Панцирь отсвечивал розовым, и на черном рубчатом куполе тоже лежали неподвижные розовые блики.

— Живее вытравливай,— сказал в шлемофоне сердитый голос Быкова.

Фигура в панцире скрылась, и на рубчатой поверхности осталась только блестящая тугая нитка троса. Жилин стал смотреть на Солнце. Иногда розовый диск затягивала мгла, тогда он становился еще более резким и совсем красным. Жилин поглядел под ноги и увидел на площадке свою смутную розоватую тень.

— Гляди, Иван,— сказал голос Быкова.— Вниз гляди, вниз!

Жилин поглядел. Глубоко внизу из коричневой глади странным призраком выплыл исполинский белесый бугор, похожий на

чудовищную поганку. Он медленно раздавался вширь, и можно было различить на его поверхности шевелящийся, словно клубок змей, струйчатый узор.

— Экзосферный протуберанец,— сказал Быков.— Большая редкость, кажется. Вот черт, надо бы ребятам показать.

Он имел в виду планетологов. Бугор вдруг засветился изнутри дрожащим сиреневым светом.

— Ух ты!..— невольно сказал Жилин.

— Вытравливай,— сказал Быков.

Жилин вытравил еще немного троса, не спуская глаз с протуберанца. Сначала ему показалось, что «Тахмасиб» летит прямо на протуберанец, но через минуту он понял, что корабль пройдет гораздо левее. Протуберанец оторвался от коричневой глади и поплыл в розовое море, волоча за собой клейкий хвост желтых прозрачных нитей. В нитях опять вспыхнуло сиреневое зарево и быстро погасло. Протуберанец растаял в розовом свете.

Быков работал долго. Несколько раз он поднимался на площадку, немного отдыхал и снова спускался, каждый раз выбирая новое направление. Когда он поднялся в третий раз, у него был только один тестер.

— Уронил,— коротко сказал он.

Жилин терпеливо вытравливал трос, упираясь ногой в перила. В таком положении он чувствовал себя очень устойчиво и мог озиаться по сторонам. Но по сторонам ничего не менялось. Только когда капитан поднялся в шестой раз и буркнул: «Довольно. Пошли», Жилин вдруг подумал, что рыжая туманная стена слева — облачная поверхность Юпитера — стала заметно ближе.

В рубке было чисто. Михаил Антонович вымел осколки и теперь сидел на своем обычном месте, нахохлившись, в меховой куртке поверх комбинезона. Из рта у него шел пар — в рубке было холодно. Быков сел в кресло, упер руки в колени и пристально поглядел сначала на штурмана, потом на Жилина. Штурман и Жилин ждали.

— Ты закрепил пробоины? — спросил Быков штурмана.

Михаил Антонович несколько раз кивнул.

— Есть шанс,— сказал Быков.

Михаил Антонович выпрямился и шумно перевел дух. Жилин глотнул от волнения.

— Есть шанс,— повторил Быков.— Но он очень маленький. И совершенно фантастический.

— Говори, Алешенька,— тихо попросил штурман.

— Сейчас скажу,— сказал Быков и прокашлялся.— Шестнадцать процентов отражателя вышли из строя. Вопрос такой: можем ли мы заставить работать остальные восемьдесят четыре? Даже меньше, чем восемьдесят четыре, потому что процентов десять еще не контролируется — разрушена система контрольных ячеек.

Штурман и Жилин молчали, вытянув шею.

— Можем,— сказал Быков.— Во всяком случае, можем попробовать. Надо сместить точку сгорания плазмы так, чтобы скомпенсировать асимметрию поврежденного отражателя.

— Ясно,— сказал Жилин дрожащим голосом.

Быков поглядел на него.

— Это наш единственный шанс. Мы с Иваном займемся переориентацией магнитных ловушек. Иван вполне может работать. Ты, Миша, рассчитаешь нам новое положение точки сгорания в соответствии со схемой повреждения. Схему ты сейчас получишь. Это сумасшедшая работа, но это наш единственный шанс.

Он смотрел на штурмана, и Михаил Антонович поднял голову и встретился с ним глазами. Они отлично и сразу поняли друг друга. Что можно не успеть. Что там внизу, в условиях чудовищного давления, коррозия начнет разъедать корпус корабля — и корабль может растаять, как рафинад в кипятке, раньше, чем они закончат работу. Что нечего и думать скомпенсировать асимметрию полностью. Что никто и никогда не пытался водить корабли с такой компенсацией, на двигателе, ослабленном по меньшей мере в полтора раза...

— Это наш единственный шанс,— громко сказал Быков.

— Я сделаю, Лешенька,— сказал Михаил Антонович.— Это нетрудно — рассчитать новую точку. Я сделаю.

— Схему мертвых участков я тебе сейчас дам,— повторил Быков.— И нам надо страшно спешить. Скоро начнется перегрузка, и будет очень трудно работать. А если мы провалимся очень глубоко, станет опасно включать двигатель, потому что возмож-

на цепная реакция в сжатом водороде.— Он подумал и добавил: — И мы превратимся в газ.

— Ясно,— сказал Жилин. Ему хотелось начать сию же минуту, немедленно.

Михаил Антонович протянул руку с коротенькими пальцами и сказал тонким голосом:

— Схему, Лешенька, схему.

На панели аварийного пульта замигали три красных огонька.

— Ну вот,— сказал Михаил Антонович.— В аварийных ракетах кончается горючее.

— Наплевать,— сказал Быков и встал.

Глава третья

ЛЮДИ В БЕЗДНЕ

1. ПЛАНЕТОЛОГИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ, А ШТУРМАН УЛИЧЕН В КОНТРАБАНДЕ

— 3-заряжай, — сказал Юрковский.

Он висел у перископа, втиснув лицо в замшевый нарамник. Он висел горизонтально, животом вниз, растопырив ноги и локти, и рядом плавали в воздухе толстый дневник наблюдений и авторучка. Моллар лихо откатил крышку казенника, вытянул из стеллажа обойму бомбозондов и, подталкивая ее сверху и снизу, с трудом загнал в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма медленно и бесшумно скользнула на место. Моллар накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов, Вольдемар.

Моллар прекрасно держался в условиях невесомости. Правда, иногда он делал резкие неосторожные движения и повисал под потолком, и тогда приходилось стаскивать его обратно, и его иногда подташнивало, но для новичка, впервые попавшего в невесомость, он держался очень хорошо.

— Готов, — сказал Дауге от экзосферного спектрографа.

— 3-залп, — скомандовал Юрковский.

Дауге нажал на спуск. Ду-ду-ду-ду — глухо заурчало в казеннике. И сейчас же — тик-тик-тик — затрещал затвор спектрогра-

фа. Юрковский увидел в перископ, как в оранжевом тумане, сквозь который теперь проваливался «Тахмасиб», один за другим вспыхивали и стремительно уносились вверх белые клубки пламени. Двадцать вспышек, двадцать лопнувших бомбозондов, несущих мезонные излучатели.

— С-славно,— сказал Юрковский негромко.

За бортом росло давление. Бомбозонды рвались все ближе. Они слишком быстро тормозились.

Дауге громко говорил в диктофон, заглядывая в отсчетное устройство спектроанализатора:

— Молекулярный водород — восемьдесят один и тридцать пять, гелий — семь и одиннадцать, метан — четыре и шестнадцать, аммиак — один ноль один... Усиливается неотожествленная линия... Говорил я им: поставьте считывающий автомат, неудобно же так...

— П-падаем,— сказал Юрковский.— Как мы п-падаем... М-метана уже только ч-четыре...

Дауге, ловко поворачиваясь, снимал отсчеты с приборов.

— Пока Кангрэн прав,— сказал он.— Ну вот, батиметр уже отказал. Давление триста атмосфер. Больше нам давление не мерять.

— Ладно,— сказал Юрковский.— З-заряжай.

— Стоит ли? — сказал Дауге.— Батиметр отказал. Синхронизация будет нарушена.

— Д-давай попробуем,— сказал Юрковский.— З-заряжай.

Он оглянулся на Моллара. Моллар тихонько раскачивался под потолком, грустно улыбаясь.

— Стащи его, Григорий,— сказал Юрковский.

Дауге привстал, схватил Моллара за ногу и стащил вниз.

— Шарль,— сказал он терпеливо.— Не делайте порывистых движений. Зацепитесь носками вот здесь и держитесь.

Моллар тяжело вздохнул и откатил крышку казенника. Пустая обойма выплыла из зарядной камеры, стукнула его в грудь и медленно полетела к Юрковскому. Юрковский увернулся.

— О, опять! — сказал Моллар виновато.— Простите, Володя. О, этот невесомость!

— З-заряжай, заряжай,— сказал Юрковский.

— Солнце,— сказал вдруг Дауге.

Юрковский припал к перископу. В оранжевом тумане на несколько секунд появился смутный красноватый диск.

— Это последний раз,— сказал Дауге, кашлянув.

— Ви уже три раза говорили «последний раз»,— сказал Моллар, накатывая крышку. Он нагнулся, проверяя замок.— Прощай, Солнце, как говорилль капитан Немо. Но получилось, что не последний раз. Я готов, Вольдемар.

— И я готов,— сказал Дауге.— Может быть, все-таки кончим?

В обсерваторный отсек, лязгая по полу магнитными подковами, вошел Быков.

— Кончайте работу,— сказал он угрюмо.

— П-поч-чему? — спросил Юрковский, обернувшись.

— Большое давление за бортом. Еще полчаса, и ваши бомбы будут рваться в этом отсеке.

— З-залп,— торопливо сказал Юрковский.

Дауге поколебался немного, но все-таки нажал на спуск. Быков дослушал «ду-ду-ду» в казеннике и сказал:

— И хватит. Задраить все тестерные пазы. Эту штуку,— он показал на казенник,— заклинить. И как следует.

— А п-перископ-ические н-наблюдения в-вести нам еще разрешается? — спросил Юрковский.

— Перископические разрешается,— сказал Быков.— Забавляйтесь.

Он повернулся и вышел. Дауге сказал:

— Ну вот, так и знал. Ни черта не получилось. Синхронизации нет.

Он выключил приборы и стал вытаскивать катушку из диктофона.

— Иог-ганыч,— сказал Юрковский.— П-по-моему, Алексей что-то з-задумал, к-как ты думаешь?

— Не знаю,— сказал Дауге и посмотрел на него.— С чего ты взял?

— У н-него т-такая особенная морда,— сказал Юрковский.— Я его з-знаю.

Некоторое время все молчали, только глубоко вздыхал Моллар, которого подташнивало. Потом Дауге сказал:

— Я хочу есть. Где суп, Шарль? Вы разлили суп, мы голодны. А кто сегодня дежурный, Шарль?

— Я,— сказал Шарль. При мысли о еде его затошнило сильнее. Но он сказал: — Я пойду и приготовлю новый суп.

— Солнце! — сказал Юрковский.

Дауге прижался подбитым глазом к окуляру видеоискателя.

— Вот видите,— сказал Моллар.— Опять Солнце.

— Это не Солнце,— сказал Дауге.

— Д-да,— сказал Юрковский.— Это, п-пожалуй, н-не Солнце.

Далекий клубок света в светло-коричневой мгле бледнел, разбухая, расплылся серыми пятнами и исчез. Юрковский смотрел, стиснув зубы так, что трещало в висках. «Прощай, Солнце,— подумал он.— Прощай, Солнце».

— Я есть хочу,— сердито сказал Дауге.— Пойдемте на камбуз, Шарль.

Он ловко оттолкнулся от стены, подплыл к двери и раскрыл ее. Моллар тоже оттолкнулся и ударился головой о карниз. Дауге поймал его за руку с растопыренными пальцами и вытащил в коридор. Юрковский слышал, как Иоганыч спросил: «Ну, как жизнь, хорошѐ-о?» Моллар ответил: «Хорошѐ-о, но очень неудобно». — «Ничего,— сказал Дауге бодрым голосом.— Скоро привыкнете».

«Ничего,— подумал Юрковский,— скоро все кончится». Он заглянул в перископ. Было видно, как вверху, откуда падал планетолет, сгущается коричневый туман, но снизу, из непостижимых глубин, из бездонных глубин водородной пропасти, брезжил странный розовый свет. Тогда Юрковский закрыл глаза. «Жить,— подумал он.— Жить долго. Жить вечно». Он вцепился обеими руками в волосы. Оглохнуть, ослепнуть, онеметь, только жить. Только чувствовать на коже солнце и ветер, а рядом — друга. Боль, бессилие, жалость. Как сейчас. Он с силой рванул себя за волосы. Пусть как сейчас, но всегда. Вдруг он услышал, что громко сопит, и очнулся. Ощущение непереносимого, сумасшедшего ужаса и отчаяния исчезло. Так уже бывало с ним — двенадцать лет назад на Марсе, и десять лет назад на Голконде, и в позапрошлом году тоже на Мар-

се. Приступ сумасшедшего желания просто жить, желания темно-го и древнего, как сама протоплазма. Словно короткий обморок. Но это проходит. Это надо перетерпеть, как боль. И сразу о чем-нибудь позаботиться. Лешка приказал задрать тестерные пазы. Он отнял руки от лица, раскрыл глаза и увидел, что сидит на полу. Падение «Тахмасиба» тормозилось, вещи обретали вес.

Юрковский потянулся к маленькому пульта и задраил тестерные пазы — амбразуры в прочной оболочке жилой гондолы, в которые вставляются рецепторы приборов. Затем он тщательно заклинил казенник бомбосбрасывателя, собрал разбросанные обоймы от бомбозондов и аккуратно сложил их в стеллаж. Он заглянул в перископ, и ему показалось — да так оно, наверное, и было на самом деле, — что тьма вверх стала гуще, а розовое сияние внизу сильнее. Он подумал, что на такую глубину в Юпитер не проникал еще ни один человек, разве что Сережа Петрушевский, светлая ему память, но и он, скорее всего, взорвался раньше. У него тоже был расколот отражатель.

Он вышел в коридор и направился в кают-компанию, заглядывая по пути во все каюты. «Тахмасиб» еще падал, хотя с каждой минутой все медленнее, и Юрковский шел на цыпочках, словно под водой, балансируя руками и время от времени делая произвольные прыжки.

В пустынном коридоре вдруг разнесся приглушенный вопль Моллара, похожий на воинственный клич: «Как жизнь, Грегуар, хорошё-о?» Видимо, Дауге удалось привести радиооптика в обычное настроение. Ответа Грегуара Юрковский не расслышал. «Хорoshё-о», — пробормотал он и не заметил, что не заикается. Все-таки хорошо.

Он заглянул в каюту Михаила Антоновича. В каюте было темно и стоял странный пряный запах. Юрковский вошел и включил свет. Посреди каюты валялся развороченный чемодан. Никогда еще Юрковский не видел чемодана в таком состоянии. Так чемодан мог бы выглядеть, если бы в нем лопнул бомбозонд. Матовый потолок и стены каюты были заляпаны коричневыми, скользкими на вид кляксами. От клякс исходил вкусный пряный аромат. «Мидии со специями», — сразу определил Юрковский. Он очень

любил мидии со специями, но они, к сожалению, были напрочь исключены из рациона межпланетников. Он оглянулся и увидел над самой дверью блестящее черное пятно — метеоритная пробоина. Все отсеки жилой гондолы были герметическими. При попадании метеорита подача воздуха в них автоматически перекрывалась до тех пор, пока смолопласт — вязкая и прочная прокладка корпуса — не затягивал пробоину. На это требуется всего одна, максимум две секунды, но за это время давление в отсеке может сильно упасть. Это не очень опасно для человека, но смертельно для контрабандных консервов. Консервы просто взрываются. Особенно пряные консервы. «Контрабанда,— подумал Юрковский.— Старый чревоугодник. Ну, будет тебе от капитана. Быков не выносит контрабанды».

Юрковский осмотрел каюту еще раз и заметил, что черное пятно пробоины слабо серебрится. «Ага,— подумал он.— Кто-то уже прометаллизировал пробоины. Правильно, иначе под таким давлением смолопластовые пробки просто вдавило бы внутрь». Он выключил свет и вернулся в коридор. И тогда он ощутил усталость и свинцовую тяжесть во всем теле. «О черт, как я раскис»,— подумал он и вдруг почувствовал, что лента, на которой висел микрофон, режет шею. Он понял, в чем дело. Перелет заканчивается. Через несколько минут тяжесть станет двойной и над головой будет десять тысяч километров сжатого водорода, а под ногами шестьдесят тысяч километров очень сжатого, жидкого, твердого водорода. Каждый килограмм тела будет весить два килограмма, а то и больше. «Бедный Шарль,— подумал Юрковский.— Бедный Миша».

— Вольдемар,— позвал сзади Моллар.— Вольдемар, помогите нам везти суп. Очень тяжелый суп.

Юрковский оглянулся. Дауге и Моллар, красные и потные, тащили из дверей камбуза грузно вихляющийся столик на колесах. На столике слабо дымились три кастрюльки. Юрковский пошел навстречу и вдруг почувствовал, как стало тяжело. Моллар слабо ахнул и сел на пол. «Тахмасиб» остановился. «Тахмасиб» с экипажем, с пассажирами и с грузом прибыл на последнюю станцию.

2. ПЛАНЕТОЛОГИ ПЫТАЮТ ШТУРМАНА, А РАДИООПТИК ПЫТАЕТ ПЛАНЕТОЛОГОВ

— Кто готовил этот обед? — спросил Быков.

Он оглядел всех и снова уставился на кастрюльки. Михаил Антонович тяжело, со свистом дышал, навалившись грудью на стол. Лицо у него было багровое, отекавшее.

— Я, — несмело сказал Моллар.

— А в чем дело? — спросил Дауге.

Голоса у всех были сиплые. Все говорили с трудом, едва выталикивая из себя слова. Моллар криво улыбнулся и лег на диван лицом вверх. Ему было плохо. «Тахмасиб» больше не падал, и тяжесть становилась непереносимой. Быков посмотрел на Моллара.

— Этот обед вас убьет, — сказал он. — Съедите этот обед и больше не встанете. Он вас раздавит, вы понимаете?

— О черт, — сказал Дауге с досадой. — Я забыл о тяжести.

Моллар лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Челюсть у него отвисла.

— Съедем бульону, — сказал Быков. — И все. Больше ни кусочка. — Он поглядел на Михаила Антоновича и оскалил зубы в нерадостной усмешке. — Ни кусочка, — повторил он.

Юрковский взял половник и стал разливать бульон по тарелкам.

— Тяжелый обед, — сказал он.

— Вкусно пахнет, — сказал Михаил Антонович. — Может быть, дольешь мне еще чуть-чуть, Володенька?

— Хватит, — жестко сказал Быков. Он медленно хлебал бульон, по-детски зажав ложку в кулаке, измазанном графитовой смазкой.

Все молча стали есть. Моллар с трудом приподнялся и снова лег.

— Не могу, — сказал он. — Простите меня, не могу.

Быков положил ложку и встал.

— Рекомендую всем пассажирам лечь в амортизаторы, — сказал он.

Дауге отрицательно покачал головой.

— Как угодно. Но Моллара уложите в амортизатор непременно.

— Хорошо,— сказал Юрковский.

Дауге взял тарелку, сел на диван рядом с Молларом и принялся кормить его с ложки, как больного. Моллар громко глотал, не открывая глаз.

— А где Иван? — спросил Юрковский.

— На вахте,— ответил Быков. Он взял кастрюлю с остатками супа и пошел к люку, тяжело ступая на прямых ногах. Юрковский, поджав губы, глядел в его согнутую спину.

— Всё, мальчики,— сказал Михаил Антонович жалким голосом.— Начинаю худеть. Так все-таки нельзя. Я сейчас вешу двести с лишним кило — подумать страшно! И будет еще хуже. Мы все еще падаем немножко.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на животе отекающие руки. Затем поворочался немного, положил руки на подлокотники и почти мгновенно заснул.

— Спит толстяк,— сказал Дауге, оглянувшись на него.— Корабль затонул, а штурман заснул. Ну, еще ложечку, Шарль. За папу. Вот так. А теперь за маму.

— Нье могу, простите,— пролепетал Моллар.— Нье могу. Я лягу.— Он лег и начал неразборчиво бормотать по-французски.

Дауге поставил тарелку на стол.

— Михаил,— позвал он негромко.— Миша.

Михаил Антонович раскатисто храпел.

— С-сейчас я его ра-азбужу,— сказал Юрковский.— Михаил,— сказал он вкрадчивым голосом.— М-мидии. М-мидии со специями.

Михаил Антонович вздрогнул и проснулся.

— Что? — пробормотал он.— Что?

— Нечистая с-совесть,— сказал Юрковский.

Дауге поглядел на штурмана в упор.

— Что вы там делаете в рубке? — сказал он.

Михаил Антонович поморгал красными веками, потом заерзал на кресле, едва слышно сказал: «Ах, я совсем забыл...» — и попытался подняться.

— Сиди,— сказал Дауге.

— Т-так что вы там д-делаете?

— И на кой бес?

— Ничего особенного,— сказал Михаил Антонович и оглянулся на люк в рубку.— Право, ничего, мальчики. Так только...

— М-миша,— сказал Юрковский.— М-мы же видим, что он что-то з-задумал.

— Говори, толстяк,— сказал Дауге свирепо.

Штурман снова попытался подняться.

— С-сиди,— сказал Юрковский безжалостно.— Мидии. Со специями. Говори.

Михаил Антонович стал красен как мак.

— Мы не дети,— сказал Дауге.— Нам уже приходилось умирать. Какого беса вы там секретничаете?

— Есть шанс,— едва слышно пробормотал штурман.

— Шанс всегда есть,— возразил Дауге.— Конкретнее.

— Ничтожный шанс,— сказал Михаил Антонович.— Право, мне пора, мальчики.

— Что они делают? — спросил Дауге.— Чем они заняты, Лешка и Иван?

Михаил Антонович с тоской поглядел на люк в рубку.

— Он не хочет вам говорить,— прошептал он.— Он не хочет вас зря обнадеживать. Алексей надеется выбраться. Они там перестраивают систему магнитных ловушек... И отстаньте от меня, пожалуйста! — закричал он тонким пронзительным голосом, кое-как встал и заковылял в рубку.

— Mon dieu,— тихо сказал Моллар и снова лег навзничь.

— А, все это ерунда, барахтанье,— сказал Дауге.— Конечно, Быков не способен сидеть спокойно, когда костлявая берет нас за горло. Пошли. Пойдемте, Шарль, мы уложим вас в амортизатор. Приказ капитана.

Они взяли Моллара под руки с двух сторон, подняли и повели в коридор. Голова Моллара болталась.

— Mon dieu,— бормотал он.— Простите. Я есть весьма плёхой межпланетный. Я есть только всего радиооптик.

Это было очень трудно — идти самим и тащить Моллара, но они все-таки добрались до его каюты и уложили радиооптика в амортизатор. Он лежал в длинном, не по росту, ящике, маленький, жалкий, задыхающийся, с посиневшим лицом.

— Сейчас вам станет хорошо, Шарль,— сказал Дауге.

Юрковский молча кивнул и сейчас же сморщился от боли в позвоночнике.

— П-полежите, отдо-охните,— сказал он.

— Хорошѐ-о,— сказал Моллар.— Спасибо, товарищи.

Дауге задвинул крышку и постучал. Моллар постучал в ответ.

— Ну, хорошо,— сказал Дауге.— Теперь бы нам костюмы для перегрузок...

Юрковский пошел к выходу. На корабле было только три костюма для перегрузок — костюмы экипажа. Пассажирам при перегрузках полагалось лежать в амортизаторах.

Они обошли все каюты и собрали все одеяла и подушки. В обсерваторном отсеке они долго устраивались у перископов, обкладывали себя мягким со всех сторон, а потом легли и некоторое время молчали, отдыхая. Дышать было трудно. Казалось, на грудь давит многопудовая гиря.

— П-помню, на курсах нам давали с-сильные перегрузки,— сказал Юрковский.— П-пришлось сбрасывать в-вес.

— Да,— сказал Дауге.— Я совсем забыл. Что это за чепуха про мидии со специями?

— В-вкусная вещь, правда? — сказал Юрковский.— Наш штурман в-вез тайком от к-капитана н-несколько банок, и они взорвались у него в ч-чемодане.

— Ну? — сказал Дауге.— Опять? Ну и лакомка! Ну и контрабандист! Его счастье, что Быкову сейчас не до этого.

— Б-быков, наверное, еще н-не знает,— сказал Юрковский.

«И никогда не узнает»,— подумал он. Они помолчали, потом Дауге взял дневники наблюдений и стал их просматривать. Они немного посчитали, потом поспорили относительно метеоритной атаки. Дауге сказал, что это был случайный рой. Юрковский объяснил, что это кольцо.

— Кольцо у Юпитера? — презрительно сказал Дауге.

— Да,— сказал Юрковский.— Я давно это подозревал. И теперь вот убедился.

— Нет,— сказал Дауге.— Все-таки это не кольцо. Это полукольцо.

— Ну, пусть полукольцо,— согласился Юрковский.

— Кангрэн большой молодец,— сказал Дауге.— Его расчеты просто замечательно точны.

— Не совсем,— сказал Юрковский.

— Это почему же? — осведомился Дауге.

— Потому что температура растет заметно медленнее,— объяснил Юрковский.

— Это внутреннее свечение неклассического типа,— возразил Дауге.

— Да, неклассического,— сказал Юрковский.

— Кангрэн не мог этого учесть,— сказал Дауге.

— Надо было учесть,— сказал Юрковский.— Об этом уже сто лет спорят, надо было учесть.

— Просто тебе стыдно,— сказал Дауге.— Ты так бранился с Кангреном в Дублине, и теперь тебе стыдно.

— Балда ты,— сказал Юрковский.— Я учитывал неклассические эффекты.

— Знаю,— сказал Дауге.

— А если знаешь,— сказал Юрковский,— то не болтай глупостей.

— Не ори на меня,— сказал Дауге.— Это не глупости. Неклассические эффекты ты учел, а цена этому сам видишь какая.

— Это тебе такая цена,— рассердился Юрковский.— До сих пор не читал моей последней статьи.

— Ладно,— сказал Дауге,— не сердись. У меня спина затекла.

— У меня тоже,— сказал Юрковский. Он перевернулся на живот и встал на четвереньки. Это было нелегко. Он дотянулся до перископа и заглянул.— П-посмотри-ка,— сказал он.

Они стали смотреть в перископы. «Тахмасиб» плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не видно было ни одного предмета, никакого движения, на котором мог бы задержаться взгляд. Только ровный розовый свет. Казалось, что смотришь в упор на фосфоресцирующий экран. После долгого молчания Юрковский сказал:

— Скучно.

Он поправил подушки и снова лег на спину.

— Этого еще никто не видел,— сказал Дауге.— Это свечение металлического водорода.

— Т-таким н-наблюдениям,— сказал Юрковский,— грош цена. Может, пристроим к п-перископу с-спектрограф?

— Глупости,— сказал Дауге, еле шевеля губами. Он сполз на подушки и тоже лег на спину.— Жалко,— сказал он.— Ведь это го еще никто никогда не видел.

— Д-до чего м-мерзко ничего не делать,— сказал Юрковский с тоской.

Дауге вдруг приподнялся на локте и нагнул голову, прислушиваясь.

— Что ты? — спросил Юрковский.

— Тише,— сказал Дауге.— Послушай.

Юрковский прислушался. Низкий, едва слышный гул доносился откуда-то, волнообразно нарастая и снова затихая, словно гудение гигантского шмеля. Гул перешел в жужжание, стал выше и смолк.

— Что это? — спросил Дауге.

— Не знаю,— отозвался Юрковский вполголоса. Он сел.— Может быть, это двигатель?

— Нет, это оттуда.— Дауге махнул рукой в сторону перископов.— Ну-ка...— Он опять прислушался, и снова послышалось нарастающее гудение.

— Надо поглядеть,— сказал Дауге.

Гигантский шмель смолк, но через секунду загудел снова. Дауге поднялся на колени и уткнулся лицом в нарамник перископа.

— Смотри! — закричал он.

Юрковский тоже подполз к перископу.

— Смотри, как здорово! — крикнул Дауге.

Из желто-розовой бездны поднимались огромные радужные шары. Они были похожи на мыльные пузыри и переливались зеленым, синим, красным. Это было очень красиво и совершенно непонятно. Шары поднимались из пропасти с низким нарастающим гулом, быстро проносились и исчезали из поля зрения. Они все были разных размеров, и Дауге судорожно вцепился в рубчатый барабан дальномера. Один шар, особенно громадный и колыхающийся, прошел совсем близко. На несколько мгновений обсерваторный отсек заполнился нестерпимо низким, зудящим гулом, и планетолет слегка качнуло.

— Эй, в обсерватории! — раздался в репродукторе голос Быкова. — Что это за бортом?

— Ф-феномены, — сказал Юрковский, пригнув голову к микрофону.

— Что? — спросил Быков.

— П-пузыри какие-то, — пояснил Юрковский.

— Это я и сам вижу, — проворчал Быков и замолчал.

— Это уже не металлический водород, — сказал Юрковский, почти не заикаясь.

Пузыри исчезли.

— Вот, — сказал Дауге. — Диаметры: пятьсот, девятьсот и три тысячи триста метров. Если, конечно, здесь не искажается перспектива. Больше я не успел. Что это может быть?

В розовой пустоте пронесли еще два пузыря. Вырос и сейчас же смолк густой басовый звук.

— М-машина п-планеты р-работает, — сказал Юрковский. — И мы никогда не узнаем, что там происходит...

— Пузыри в газе, — сказал Дауге. — А впрочем, какой это газ — плотность как у бензина...

Он обернулся. На пороге открытой двери сидел Моллар, прислонившись виском к косяку. Кожа на его лице вся сползла к подбородку от тяжести. У него был белый лоб и темно-вишневая шея.

— Это есть я, — сказал Моллар.

Он перевалился на живот и пополз к своему месту у казенника. Планетологи молча смотрели на него, затем Дауге встал, взял две подушки — у себя и у Юрковского — и помог Моллару устроиться поудобнее. Все молчали.

— Очень тоскливо, — сказал наконец Моллар. — Не могу один. Хочется говорить. — Он делал самые невообразимые ударения.

— Мы очень рады вам, Шарль, — сказал Дауге совершенно искренне. — Нам тоже тоскливо, и мы все время говорим.

Моллар попытался сесть, но раздумал и остался лежать, тяжело дыша и глядя в потолок.

— А к-как жизнь, Шарль? — спросил Юрковский с интересом.

— Жизнь хороше́-о, — сказал Моллар, бледно улыбаясь. — Только мало.

Дауге лег и тоже уставился в потолок. «Мало,— подумал он,— гораздо меньше, чем хочется». Он выругался вполголоса по-латышски.

— Что? — спросил Моллар.

— Он ругается,— объяснил Юрковский.

Моллар вдруг сказал высоким голосом: «Друзья мои!» — и планетологи разом повернулись к нему.

— Друзья мои! — сказал Моллар.— Что мне дьелатть? Ви есть опытные межпланетники! Ви есть большие льюди и геройи. Да, геройи! Моп dieu! Ви смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрелъ в глаза девушки.— Он горестно помотал головой.— И я совсем не есть опытный. Мне страшно, и я хочу много говорить сейчас, но сейчас уже близок конец, и я не знаю как. Да, да, как надо сейчас говорить?

Он смотрел на Дауге и Юрковского блестящими глазами. Дауге неловко пробормотал: «О черт» — и оглянулся на Юрковского. Юрковский лежал, заложив руки за голову, и искоса глядел на Моллара.

— О черт,— сказал Дауге.— Я уже и забыл.

— М-могу рассказать, к-как мне однажды х-хотели ам-ампутировать н-ногу,— предложил Юрковский.

— Верно! — радостно сказал Дауге.— А потом вы, Шарль, тоже расскажете что-нибудь веселенькое...

— Ах, вы все шутите,— сказал Моллар.

— А еще можно спеть,— сказал Дауге.— Я про это читал. Вы нам споете, Шарль?

— Ах,— сказал Моллар.— Я совсем прокис.

— Отнюдь,— сказал Дауге.— Вы замечательно держитесь, Шарль. А это же самое главное. Правда, Шарль замечательно держится, а, Володя?

— К-конечно,— сказал Юрковский.— З-замечательно.

— А капитан не спит,— бодро продолжал Дауге.— Вы заметили, Шарль? Он что-то задумал, наш капитан.

— Да,— сказал Моллар.— Да! Наш капитан — это есть большая надежда.

— Еще бы,— сказал Дауге.— Вы даже не знаете, какая это большая надежда.

— М-метр девяносто пять,— сказал Юрковский.

Моллар засмеялся.

— Вы все шутите,— сказал он.

— А мы пока будем болтать и наблюдать,— сказал Дауге.— Хотите посмотреть в перископ, Шарль? Это красиво. Этого никто никогда не видел.— Он поднялся и приник к перископу.

Юрковский увидел, как у него вдруг выгнулась спина. Дауге обеими руками взялся за нарамник.

— Бог мой! — сказал он.— Планетолет!

В розовой пустоте висел планетолет. Он был виден совершенно отчетливо и во всех подробностях и находился, по-видимому, километрах в трех от «Тахмасиба». Это был фотонный грузовик первого класса с параболическим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с круглой жилой гондолой и дисковидным грузовым отсеком, с тремя сигарами аварийных ракет на далеко вынесенных кронштейнах. Он висел вертикально и совершенно неподвижно. И он был серый, как на экране чер-но-белого кино.

— Кто же это? — пробормотал Дауге.— Неужели Петрушевский?

— П-погляди на отражатель,— сказал Юрковский.

Отражатель серого планетолета был обломан с края.

— Тоже не повезло ребятам,— сказал Дауге.

— О! — сказал Моллар.— А вон еще один.

Второй планетолет — точно такой же — висел дальше и глубже первого.

— И у этого обломан отражатель,— сказал Дауге.

— Я з-знаю,— сказал неожиданно Юрковский.— Это наш «Тахмасиб». М-мираж.

Это был двойной мираж. Несколько радужных пузырей стремительно поднялись из глубины, и призраки «Тахмасиба» исказились, задрожали и растаяли. А правее и выше появились еще три призрака.

— Какие красивые пузыри! — сказал Моллар.— Они поют.

Он снова лег на спину. У него пошла носом кровь, и он сморкался и морщился и все поглядывал на планетологов, не видят ли они. Они, конечно, не видели.

— Вот,— сказал Дауге.— Ты говоришь, что здесь скучно.

— Я н-не говорю,— сказал Юрковский.

— Нет, говоришь,— сказал Дауге.— Ты брюзжишь, что скучно.

Оба старались не глядеть на Моллара. Кровь остановить было нельзя. Она свернется сама. Радиооптика нужно было бы отнести в амортизатор, но... Ничего, она свернется. Моллар тихо сморкался.

— А вон еще мираж,— сказал Дауге.— Но это не корабль.

Юрковский заглянул в перископ. «Не может быть,— подумал он.— Этого не может быть. Не тут, не в Юпитере». Под «Тахмасибом» медленно проплывала вершина громадной серой скалы. Основание ее тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала — голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А еще дальше вырастала целая вереница таких же острых крутых вершин. И тишина в обсерваторном отсеке сменилась скрипами, шорохами, едва слышным гулом, похожим на эхо далеких-далеких горных обвалов.

— Эт-то н-не мираж,— проговорил Юрковский.— Эт-то похоже на ядро.

— Вздор,— сказал Дауге.

— В-возможно, все-таки у Юпитера есть я-ядро.

— Вздор, вздор,— негерпеливо сказал Дауге.

Горная цепь тянулась под «Тахмасибом», и не было ей конца.

— Вон еще,— сказал Дауге.

Выше скалистых зубьев выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же за ним вслед появился другой, третий, а вдали, едва различимая, бледным пятном светилась округлая серая масса. Горный хребет внизу постепенно опускался и исчез из виду. Юрковский, не отрываясь от перископа, поднес к губам микрофон. Было слышно, как у него хрустнули суставы.

— Быков,— позвал он.— Алексей.

— Алеши нет, Володенька,— отозвался голос штурмана. Голос был сиплый и задыхающийся.— Он в машине.

— М-михаил, мы идем н-над с-скалами,— сказал Юрковский.

— Над какими скалами? — испуганно спросил Михаил Антонович.

Вдали прошла поразительно ровная, словно отполированная поверхность — огромная равнина, окаймленная невысокой грядой круглых холмов. Прошла и утонула в розовом.

— М-мы еще не все п-понимаем,— сказал Юрковский.

— Я сейчас посмотрю, Володенька,— сказал Михаил Антонович.

За перископом проплывала еще одна горная страна. Она плыла высоко вверх, и вершины гор были обращены вниз. Это было дикое, фантастическое зрелище, и Юрковский подумал сначала, что это опять мираж, но это был не мираж. Тогда он понял и сказал:

— Это не ядро, Иоганыч. Это кладбище.

Дауге не понял.

— Это кладбище миров,— сказал Юрковский.— Джуп проглотил их.

Дауге долго молчал, а затем пробормотал:

— Какие открытия... Кольцо, розовое излучение, кладбище миров... Жаль. Очень жаль.

Он оглянулся и окликнул Моллара. Моллар не ответил. Он лежал ничком.

Они стащили Моллара в амортизатор, привели его в чувство, а он, измотанный, отекавший, сразу заснул, словно упал в обморок. Потом они вернулись в обсерваторный отсек и снова повисли на перископах. Под «Тахмасибом», и рядом с «Тахмасибом», и временами над «Тахмасибом» медленно проплывали в потоках сжатого водорода несостоявшиеся миры — горы, скалы, чудовищные потрескавшиеся глыбы, прозрачные серые облака пыли. Потом «Тахмасиб» отнесло в сторону, а в перископах остался только пустой, ровный розовый свет.

— Устал как собака,— сказал Дауге. Он перевернулся на бок, и у него затрещали кости.— Слышишь?

— Слышу,— сказал Юрковский.— Давай смотреть.

— Давай,— сказал Дауге.

— Я думал, это ядро,— сказал Юрковский.

— Этого не могло быть,— сказал Дауге.

Юрковский стал тереть лицо ладонями.

— Это ты так говоришь,— сказал он.— Давай смотреть.

Они еще многое увидели и услышали, или им казалось, что они увидели и услышали, потому что оба они страшно устали, и в глазах иногда темнело, и тогда исчезали стены обсерваторного отсека — оставался только ровный розовый свет. Они видели широкие неподвижные зигзаги молний, упиравшиеся в тьму наверху и в розовую бездну внизу, и слышали, как с железным громом пульсируют в них лиловые разряды. Они видели какие-то колышущиеся пленки, проплывавшие с тонким свистом совсем рядом. Они разглядывали причудливые тени во мгле, которые двигались и шевелились, и Дауге спорил, что это объемные тени, а Юрковский доказывал, что Дауге бредит. И они слышали вой, и писк, и грохот, и странные звуки, похожие на голоса, и Дауге предложил зафиксировать эти звуки на диктофоне, но тут заметил, что Юрковский спит лежа на животе. Тогда он повернул Юрковского на спину и снова вернулся к перископу.

В открытую дверь отсека вползла, волоча брюхо по полу, Варечка, синяя в крапинку, подобралась к Юрковскому и взгромодилась к нему на колени. Дауге хотел прогнать ее, но у него уже совсем не было сил. Он даже не мог поднять голову. А Варечка тяжело вздымала бока и медленно мигала. Шипы на ее морде стояли ежом, и полумертвый хвост судорожно подергивался в такт дыханию.

3. НАДО ПРОЩАТЬСЯ, А РАДИООПТИК НЕ ЗНАЕТ КАК

Это было трудно, невообразимо трудно работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавливалось сердце, и все заволакивалось красной мутью. И во рту все время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неумоимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он про-

должал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашел Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку и сказал: «Ешь». Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: «Если мы выберемся, я не пойду в межзвездную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды». Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над Рыжим Пустынником — кстати, откуда взялось такое странное прозвище? — но он никогда не видел, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или ученый старшего поколения. «Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть, как Быков». Когда Жилин терял сознание, Быков молча перешагивал через него и заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на свое место.

Потом Быков сказал: «Пошли» — и они выбрались из камер магнитной системы. У Жилина все плыло перед глазами, хотелось лечь, уткнуться носом во что-нибудь помягче и так лежать, пока не поднимут. Он выбирался вторым и застрял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притопывал. Жилин напрягся и вылез из люка. Он сел на корточки, чтобы как следует задраить крышку. Замок не слушался, и Жилин стал рвать его исцарапанными пальцами. Быков возвышался рядом, как радиомачта, и смотрел не мигая сверху вниз.

— Сейчас, — торопливо сказал Жилин. — Сейчас...

Замок, наконец, встал на место.

— Готово, — сказал Жилин и выпрямился. Ноги тряслись в коленях.

— Пошли, — сказал Быков.

Они вернулись в рубку. Михаил Антонович спал в своем кресле у вычислителя. Он громко всхрапывал. Вычислитель был вклю-

чен. Быков перегнулся через штурмана, взял микрофон селектора и сказал:

— Пассажирам собраться в кают-компанию.

— Что? — спросил Михаил Антонович, встрепенувшись. — Что, уже?

— Уже, — сказал Быков. — Пойдем в кают-компанию.

Но он пошел не сразу — стоял и задумчиво наблюдал, как Михаил Антонович, болезненно морщась и постанывая, выбирается из кресла. Затем он словно очнулся и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в кают-компанию. Михаил Антонович сразу пробрался к дивану и сел, сложив руки на животе. Жилин тоже сел, чтобы не тряслись ноги, и стал смотреть в стол. На столе еще стояли стопкой грязные тарелки. Потом дверь в коридор открылась, и ввалились пассажиры. Планетологи тащили на себе Моллара. Моллар висел, волоча ноги и обхватив планетологов за плечи. В руке у него был зажат носовой платок, весь в темных пятнах.

Дауге и Юрковский молча усадили Моллара на диван и сели по обе стороны от него. Жилин оглядел их. «Вот это да! — подумал он. — Неужели и у меня такая морда?» Он украдкой ошупал лицо. Ему показалось, что щеки у него очень тощие, а подбородок очень толстый, как у Михаила Антоновича. Под кожей бежали мурашки, как в отсиженной ноге. «Отсидел физиономию», — подумал Жилин.

— Так, — сказал Быков. Он сидел на стуле в углу и теперь встал, подошел к столу и тяжело оперся о него.

Моллар неожиданно подмигнул Жилину и закрыл лицо пятнистым платком. Быков холодно посмотрел на него. Затем он стал смотреть в стену.

— Так, — повторил он. — Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ванием «Тахмасиба». Мы закончили пере-о-бо-ру-до-вание. — Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. — Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю: решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

— Короче, Алексей,— сказал Дауге.

— Решение принято,— сказал Быков.— Но я считаю, что вы вправе знать, чем это все может кончиться. Во-первых, включение фотореактора может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда «Тахмасиб» будет разрушен полностью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель — возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-третьих, наконец, «Тахмасиб» может благополучно выбраться из Юпитера и...

— Понятно,— сказал Дауге.

— И продовольствие будет доставлено на Амальтею,— сказал Быков.

— П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова,— сказал Юрковский.

Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно.

Быков смотрел в стену.

— Я намерен стартовать сейчас же,— сказал он.— Предлагаю пассажирам занять места в амортизаторах. Всем занять места в амортизаторах. И давайте без этих ваших штучек.— Он посмотрел на планетологов.— Перегрузка будет восьмикратная, как минимум. Прошу выполнять. Бортинженер Жилин, проследите за выполнением и доложите.

Он оглядел всех исподлобья, повернулся и ушел в рубку на прямых ногах.

— Mon dieu,— сказал Моллар.— Ну и жизнь.

У него опять пошла кровь из носа, и он принялся слабо сморкаться. Дауге повертел головой и сказал:

— Нам нужен счастливчик. Кто-нибудь здесь есть везучий? Нам совершенно необходим счастливчик.

Жилин встал.

— Пора, товарищи,— сказал он. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось. Ему очень хотелось, чтобы все уже было позади. Все остались сидеть.— Пора, товарищи,— растерянно повторил он.

— В-вероятность б-благоп-приятного и-исхода — п-процентов д-десять,— задумчиво сказал Юрковский и принялся растирать щеки.

Михаил Антонович, кряхтя, выбрался из дивана.

— Мальчики,— сказал он.— Надо, кажется, прощаться. На всякий случай, знаете... Всякое может быть. — Он жалостно улыбнулся.

— Прощаться так прощаться,— сказал Дауге.— Давайте прощаться.

— И я опять не знаю как,— сказал Моллар.

Юрковский поднялся.

— В-вот что,— сказал он.— П-пошли по ам-мортизаторам. Сейчас выйдет Б-быков, и т-тогда... Лучше мне сгореть. Р-рука у него тяжелая, д-до сих п-пор помню. Д-десять лет.

— Да-да,— заторопился Михаил Антонович.— Пошли, мальчики, пошли... Дайте я вас поцелую.

Он поцеловал Дауге, потом Юрковского, потом повернулся к Моллару. Моллара он поцеловал в лоб.

— А ты где будешь, Миша? — спросил Дауге.

Михаил Антонович поцеловал Жилина, всхлипнул и сказал:

— В амортизаторе, как все.

— А ты, Ваня?

— Тоже,— сказал Жилин. Он придерживал Моллара за плечи.

— А капитан?

Они вышли в коридор, и снова все остановились. Оставалось несколько шагов.

— Алексей Петрович говорит, что не верит автоматике в Джу-пе,— сказал Жилин.— Он сам поведет корабль.

— Б-быков есть Быков,— сказал Юрковский, криво усмехась.— В-всех н-неможных на своих п-плечах.

Михаил Антонович, всхлипывая, пошел в свою каюту.

— Я вам помогу, мсье Моллар,— сказал Жилин.

— Да,— согласился Моллар и послушно обхватил Жилина за плечи.

— Удачи и спокойной плазмы,— сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и они разошлись по своим каютам. Жилин ввел Моллара в его каюту и уложил в амортизатор.

— Как жизнь, Ванюша-а? — сказал печально Моллар.— Хорошё-о?

— Хорошо, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— А как девүшки?

— Очень хорошо, — сказал Жилин. — На Амальтее чудесные девушки.

Он вежливо улыбнулся, задвинул крышку и сразу перестал улыбаться. «Хоть бы скорее все это кончилось!» — подумал он.

Он шел по коридору, и коридор показался ему очень пустым. Он постучал по крышке каждого амортизатора и прослушал ответный стук. Потом он вернулся в рубку.

Быков сидел на месте старшего пилота. Он был в костюме для перегрузок. Костюм был похож на кокон шелкопряда, из него торчала рыжая растрепанная голова. Быков был совершенно обыкновенный, только очень сердитый и усталый.

— Все готово, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Хорошо, — сказал Быков. Он косо поглядел на Жилина. — Не боишься, малек?

— Нет, — сказал Жилин.

Он не боялся. Он только хотел, чтобы все скорее кончилось. И еще ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из стратоплана, грузный, усатый, со шляпой в руке. И познакомиться отца с Быковым.

— Ступай, Иван, — сказал Быков. — Десять минут в твоём распоряжении.

— Спокойной плазмы, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Спасибо, — сказал Быков. — Ступай.

«Это надо выдержать, — подумал Жилин. — Черт, неужели я не выдержу?» Он подошел к двери своей каюты и вдруг увидел Варечку. Варечка тяжело ползла, прижимаясь к стене, волоча за собой сплюснутый с боков хвост. Увидев Жилина, она подняла треугольную морду и медленно мигнула.

— Эх ты, бедолага! — сказал Жилин.

Он взял Варечку за отставшую на шее кожу, приволок ее в каюту, сдвинул крышку с амортизатора и поглядел на часы. Потом он бросил Варечку в амортизатор — она была очень тяжелая и грузно трепыхалась в руках — и залез сам. Он лежал в полной темноте, слушал, как шумит амортизирующая смесь, а тело ста-

новилося легче и легче. Это было очень приятно, только Варечка все время дергалась под боком и колола руку шипами. «Надо выдержать,— подумал Жилин.— Как он выдерживает».

В рубке Алексей Петрович Быков нажал большим пальцем рифленую клавишу стартера.

Эпилог

АМАЛЬТЕЯ, «ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ»

ДИРЕКТОР «ДЖЕЙ-СТАНЦИИ» НЕ ГЛЯДИТ НА ЗАХОД ЮПИТЕРА, А ВАРЕЧКУ ДЕРГАЮТ ЗА ХВОСТ

Заход Юпитера — это тоже очень красиво. Медленно гаснет желто-зеленое зарево экзосферы, и одна за другой загораются звезды, как алмазные иглы на черном бархате.

Но директор «Джей-станции» не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами. Он смотрел на ледяное поле ракетодома. На поле медленно, едва заметно для глаза, падала исполинская башня «Тахмасиба». «Тахмасиб» был громаден — фотонный грузовик первого класса. Он был так громаден, что его не с чем было сравнить здесь, на голубовато-зеленой равнине, покрытой круглыми черными пятнами. Из спектролитового колпака казалось, что «Тахмасиб» падает сам собой. На самом деле его укладывали. В тени скал и по другую сторону равнины мощные лебедки тянули тросы, и блестящие нити иногда ярко вспыхивали в лучах солнца. Солнце ярко озаряло корабль, и он был виден весь, от огромной чаши отражателя до шаровидной жилой гондолы.

Никогда еще на Амальтею не опускался такой изуродованный планетолет. Край отражателя был расколот, и в огромной чаше лежала густая изломанная тень. Двухсотметровая труба фотореактора казалась пятнистой и была словно изъедена коростой.

Аварийные ракеты на скрученных кронштейнах нелепо торчали во все стороны, грузовой отсек перекосило, и один сектор его был раздавлен. Диск грузового отсека напоминал плоскую круглую консервную банку, на которую наступили свинцовым башмаком. «Часть продовольствия, конечно, погибла, — подумал директор. — Какая чушь лезет в голову! Не все ли равно. Да, «Тахмасибу» теперь не скоро уйти отсюда».

— Дорого нам обошелся куриный суп, — сказал дядя Валнога.

— Да, — пробормотал директор. — Куриный суп. Бросьте, Валнога. Вы же этого не думаете. При чем здесь куриный суп?

— Отчего же, — сказал Валнога. — Ребятам нужна настоящая еда.

Планетолет опустился на равнину и погрузился в тень. Теперь было видно только слабое зеленоватое мерцание на титановых боках, потом там сверкнули огни и мелькнули маленькие черные фигурки. Косматый горб Юпитера ушел за скалы, и скалы почернели и стали выше, и на мгновение ярко загорелась какая-то расщелина, и стали видны решетчатые конструкции антенн.

В кармане директора тоненько запел радиофон. Директор вытащил гладкую коробку и нажал кнопку приема.

— Слушаю, — сказал он.

Тенорок дежурного диспетчера, очень веселый и без всякой почтительности, сказал скороговоркой:

— Товарищ директор, капитан Быков с экипажем и пассажирами прибыл на станцию и ждет вас в вашем кабинете.

— Иду, — сказал директор.

Вместе с дядей Валногой он спустился в лифте и направился в свой кабинет. Дверь была раскрыта настежь. В кабинете было полно народу, и все громко говорили и смеялись. Еще в коридоре директор услышал радостный вопль:

— Как жизнь — хорошё-о? Как мальчúшки — хорошё-о?

Директор не сразу вошел, а некоторое время стоял на пороге, разыскивая глазами прибывших. Валнога громко дышал у него над ухом, и чувствовалось, что он улыбается до ушей. Они увидели Моллара с мокрыми после купания волосами. Моллар отчаянно жестикулировал и хохотал. Вокруг него стояли девушки — Зойка, Галина, Наденька, Джейн, Юрико, все девушки Амаль-

теи, — и тоже хохотали. Моллар всегда ухитрялся собрать вокруг себя всех девушек. Потом директор увидел Юрковского, вернее, его затылок, торчащий над головами, и кошмарное чудище у него на плече. Чудище вертело мордой и время от времени страшно зевало. Варечку дергали за хвост. Дауге видно не было, но зато было слышно не хуже, чем Моллара. Дауге вопил:

— Не наваливайтесь! Пустите, ребяташки! Ой-ой!

В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых. С парнем оживленно разговаривали несколько местных планетолетчиков. Михаил Антонович Крутиков сидел в кресле у стола директора. Он рассказывал, всплескивая короткими ручками, и временами подносил к глазам смятый платочек.

Быкова директор узнал последним. Быков был бледен до синевы, и волосы его казались совсем медными, под глазами висели синие мешки, какие бывают от сильных и длительных перегрузок. Глаза его были красными. Он говорил так тихо, что директор ничего не мог разобрать и видел только, что говорит он медленно, с трудом шевеля губами. Возле Быкова стояли руководители отделов и начальник ракетодома. Это была самая тихая группа в кабинете. Потом Быков поднял глаза и увидел директора. Он встал, и по кабинету прошел шепоток, и все сразу замолчали.

Они пошли навстречу друг другу, гремя магнитными подковами по металлическому полу, и сошлись на середине комнаты. Они пожали друг другу руки и некоторое время стояли молча и неподвижно. Потом Быков отнял руку и сказал:

— Товарищ Кангрэн, планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ

...Стругацкие сумели найти свою тему. Их тема — люди в космосе, обыкновенные советские люди...

Дорога на Венеру во всяком случае в фантастике проторена. Когда идешь по проторенной дорожке, самая большая опасность — шаблон. Так хочется описать митинг перед отлетом, удаляющуюся Землю, чудеса невесомости, встречу с метеоритом. Стругацкие обходят эти приедающиеся детали. Почти у всех авторов растут на Венере растения-кровопийцы. У Стругацких тоже есть чудища. Но они вызывают веселый спор — едят ли друг друга звери с разных планет...

Страшно и трудно людям в чуждой стране багровых туч. Люди работают и устают, но шутят. Люди болеют... в том числе заурядным фурункулезом. Люди гибнут... в том числе по-глупому: ушел человек и не вернулся, искали и не нашли. И все же люди выполняют задание, работают, ищут, идут, ползут, тащутся... И доходят, потому что воля советского человека сильнее багровых туч.

На книжных полках уже немало книг о людях, осматривающих чудеса космоса, книг приключенческих и экскурсионных. Теперь к ним прибавилась книга о людях, работающих в космосе, работающих буднично и героически.

Фантастика многообразна. Это жанр переходный — он граничит с художественной прозой и научно-популярной литературой. Поэтому в фантастике много книг популярного направления, где герои действуют, думают, но не живут. Стругацким удалось изобразить живущих

людей. Может быть, термин не слишком удачен, но смысл его таков: живых, реальных людей изобразили писатели. Им, этим людям, веришь. И в их поступки веришь, и в их слабости, и чувства симпатии вызывают эти простые люди, выполняющие важное задание. Будет ли продолжение у этой удачной повести?

Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание — сила, 1959, № 12.

Особенно удачными считаю я повести «Черные звезды» В. Савченко и «Страна багровых туч» А. и Б. Стругацких. Оба эти произведения, написанные с серьезными знаниями науки и техники, не нуждаются ни в какой «скидке на жанр». Савченко рассказал увлекательную историю создания сверхпрочного металла, а Стругацкие — драматическую повесть об освоении Венеры. В последнее время появилось довольно много произведений о вояжах на эту планету, свидетельствующих о легкомысленном отношении некоторых авторов к данным современной науки и упрощении всей необычной сложности подобного путешествия...

Произведения Савченко и Стругацких не лишены, конечно, недостатков, но в целом удача их несомненна...

Томан Н. Фантазировать и знать! // Литература и жизнь, 1959, 18 декабря.

...Н.Томан поставил на пьедестал научно-фантастическую повесть братьев Стругацких «Страна багровых туч», видимо, оттого, что сам он — автор ряда приключенческих остросюжетных книг — покорен межпланетными приключениями героев «Страны багровых туч»! Анализируя же эту повесть, надо говорить прежде всего о ее недостатках, а не о достоинствах, так как последних куда меньше, чем первых.

«Страна багровых туч» во многом напоминает книги Владко «Аргонавты Вселенной», Волкова «Звезда утренняя», Мартынова «220 дней на звездолете». У Стругацких, как и во всех этих книгах, главный герой — зеленый новичок, которому волей случая (авторского, разумеется) приходится участвовать в сложнейшем межпланетном полете. Новичка же надо познакомить с астрономией и теорией межпланетных полетов. И начинаются бесконечные цитаты из астрономических и прочих справочников.

Н. Томан утверждает, что «Страна багровых туч» написана «с серьезными знаниями науки и техники». Но слова А. М. Горького о том, что «науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции», звучат и сейчас укором авторам повести. Стругацкие лишь упоминают о той борьбе, которую вели противники «практического осуществления фотонного привода». А именно тут и была блестящая возможность показать «арену борьбы», показать, как писал А. М. Горький, «не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода». Тогда ярко раскрылись бы характеры героев «Страны багровых туч», которые живут уже в Союзе Советских Коммунистических Республик! Но накал страстей, борьба мнений, наконец, победа сторонников фотонной ракеты — все происходит за рамками повести...

Каплан Е. Только не схемы! // Литература и жизнь, 1960, 8 января.

...Дети читают, например, «произведение» Б. и А. Стругацких «В стране багровых туч». Она привлекает их все тем же острым сюжетом. А вообще-то — это грубая и неумная книга. В ней есть и драка, и любовная история, и всевозможные препятствия, но нет мысли, большого полета мечты, нет ничего от настоящей науки. Не умея создать характеры, авторы вкладывают в уста своих героев чрезвычайно грубую речь, заставляют их беспрерывно чертыхаться, видимо, считая это признаком мужественности...

Нефедова Г. Выбери мудрого друга // Комсомольская правда, 1960, 29 ноября.

...Фотонная ракета «Хиус» летит на Венеру. В ракете шесть человек. Шесть разных характеров, стремлений, судеб. Венера негостеприимно встречает людей. Экипаж «Хиуса» борется за каждый шаг в Стране багровых туч...

Сразу оговорюсь: я никак не могу согласиться с той чрезмерно резкой оценкой, которая дана повести «Страна багровых туч» в статье «Выбери мудрого друга». Я оцениваю эту книгу иначе.

За приключениями экипажа «Хиуса» трудно следить без волнения. Книгу можно читать и перечитывать. И все-таки, закрывая ее, чувствуешь, что где-то допущен просчет.

Да, местами авторы сбиваются на литературный штамп. Кое-где допущены научно-технические ошибки. Беден язык повести, образы ученых, космонавтов зачем-то огрублены, герои без конца и без повода поминают бога и черта. Но не это главное. Раздумье вызывает основная линия повести. Преодоление трудностей — таков лейтмотив книги, таков ее пафос. Трудности эти не надуманные — и в этом удача. Но здесь же и просчет авторов: в повести явно нарушен второй закон Жюль Верна (Допустимая «доза вымысла» прямо пропорциональна масштабу мысли произведения, масштабу его содержания)... Стругацкие ярко и убедительно показали работу, предшествовавшую старту «Хиуса». Они сумели заинтересовать читателей судьбой своих героев. Но все это — прелюдия. А то, что произошло на Венере, слишком мало в сравнении с прелюдией.

Действительно, каковы трудности, с которыми встретился экипаж «Хиуса» на Венере? Пустыни и болота, внезапные ураганы и подземные взрывы... Но ведь людям на Земле издавна приходилось преодолевать несравненно большие трудности! Достаточно вспомнить историю борьбы за Северный и Южный полюсы. Георгий Седов и капитан Скотт проявили куда больше мужества, чем астронавты Стругацких! Повесть «не дотягивает», ибо события в Стране багровых туч лишь повторяют то, что много раз — и с большей силой! — происходило на Земле...

Журавлева В. Два закона Жюль Верна // Комсомольская правда, 1960, 9 декабря.

...В повести А. и Б. Стругацких человек покоряет Венеру для того, чтобы воспользоваться ее огромными запасами урана, необходимого на Земле. В повести в художественной форме о Венере рассказано все, что сейчас известно об этой планете на основе астрофизических исследований, фантазия авторов хорошо уживается с современной наукой...

Днепров А. Научная фантастика для исследования будущего // Молодой коммунист, 1961, № 8.

...Молодые авторы братья Стругацкие пишут о космосе. Но ведь о космосе можно писать по-разному. Первая книжка Стругацких посвя-

щена путешествию на Венеру. О путешествии на Венеру писал и один из самых солидных участников семинара Г. Мартынов. У него Венера — тема; речь идет о том, как люди в первый раз прилетели туда и что они там открыли. А у Стругацких Венера — место действия, где работают обыкновенные советские люди. И задача в том, чтобы показать не Венеру, а людей.

Живой советский человек побывал в космосе месяц назад. Мы видели его в Доме литераторов — героя и первооткрывателя. Но в литературном космосе уже были сотни первооткрывателей, сотни раз описывалось отбытие с Земли, приближение к планете, изумление открытия. И Стругацкие, вошедшие в фантастику позже других, сделали следующий шаг — начали писать об открытом космосе, куда по стопам героев пришли рядовые труженики. Авторы нашли своего героя, нашли стиль и язык, этому рядовому герою соответствующий. У Стругацких есть литературное лицо. И уже наметилась опасность стилизации, подражания самим себе, найденному стилю...

Гуревич Г. Широкий поток // Московский литератор, 1961, 31 мая.

ИЗВНЕ

...Прилет гостей из Космоса служит темой рассказа А. и Б. Стругацких «Извне» (1958). В отличие от других произведений, в нем описано посещение Земли не непосредственно обитателями иной планетной системы, а посланными ими «разумными» машинами — кибернетическими или телеуправляемыми. Эти паукообразные механизмы отдаленно напоминают марсиан из «Борьбы миров» Уэллса...

Ляпунов Б. Новые достижения техники и советская научно-фантастическая литература // О литературе для детей. Вып. 5. — Л., 1960.

...Не все, конечно, постигнуто людьми будущего. Ведь всегда будет, что исследовать, изучать. Знание безгранично. К этой мысли приводит повесть «Извне».

Искрин М. Здравствуй, товарищ книжка! // Вожатый, 1960, № 12.

...Страшное? Вот этого здесь сколько угодно! И отвратительного тоже.

«Там, наполовину погруженная в зеленовато-розовую слизь, восседала кошмарная тварь, похожая на помесь жабы и черепахи, величинной с корову. (...) В соседнюю камеру, где сидели два больших черных существа, похожих на грибы с глазами, пополз голубой дым, и «грибы» начали корчиться, судорожно и беспомощно скакать по камере»... Писатели-фантасты старательно, с каким-то странным удовольствием населяют Вселенную уродами и химерами: прозрачными недочеловеками, гигантскими бактериями, радиоактивной багровой плесенью.

Если им поверить, то мир неведомого, который откроет нам будущее, — это мир ужасов, мир «грибов с глазами»...

Шитова В. Вымысел без мысли // Юность, 1961, № 8.

...Еще более совершенные кибернетические механизмы изображены в повести «Извне»...

...Задумав эту интересную повесть, А. и Б. Стругацкие, по-видимому, хотели показать не только необыкновенные перспективы кибернетики, но и утвердить идею каких-то общих закономерностей в развитии науки и техники и на Земле и на других мирах...

Брандис Е., Дмитриевский В. Дороги к звездам // Звезда, 1961, № 12.

...В отличие от многих «кибернетических» рассказов, где главным персонажем становится машина, а люди исполняют лишь служебные функции, излагая технические идеи авторов, здесь ведущая роль принадлежит самому человеку. Пытливый ученый Лозовский с риском для жизни проникает в чрево космического корабля, чтобы установить непосредственный контакт с таинственными пришельцами. Но какая досада — это были только роботы!..

Брандис Е., Дмитриевский В. Мечта и наука // В мире фантастики и приключений. — Л., 1963.

...Но молодые фантасты обращаются и к более крупным формам — повести и даже роману. Здесь поиски только начинаются, поэтому-то иногда и дают себя знать пережитки старой, традиционной приклю-

ченческой фантастики, как, например, в повести А. и Б. Стругацких «Извне»...

Черная Н. Через будущее о настоящем // Дружба народов, 1963, № 4.

ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ

...Героика, ставшая будничным делом, преобладает в произведениях братьев Стругацких. Покорители Венеры («Страна багровых туч»), путешественники на спутник Юпитера — Амальтею («Путь на Амальтею») не какие-нибудь супермены, а обыкновенные советские люди. Они скромны, трудолюбивы, порой просто незаметны, но именно они, любящие ненадуманную трудовую жизнь, совершают подвиги, которые изумляют читателя...

Днепров А. Научная фантастика для исследования будущего // Молодой коммунист, 1961, № 8.

Я не раз пытался представить себе Человека Будущего. В воображении возникали образы высококультурных людей — влюбленных в науку и одновременно любящих и знающих искусство.

Счастливый случай помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» и теперь доподлинно знаю, какой он — герой грядущих веков. Уж он-то не будет колебаться на золотой середине между физиками и лириками. Не то время! В кармане у человека XXI века технический справочник и словарь питекантропа. Вот как, например, разговаривает с персоналом звездолета его капитан Алексей Петрович Быков: «Знаете что, планетологи... Подите вы к черту!», «Вон! Лоботрясы!», «Кабак! Бедлам!». И вообще слово «черт» — самое распространенное в будущем. Им пользуются почти все грамотные люди. Смачно чертыхаются бортинженер Жилин и планетолог Дауге. Но обоих их, конечно, перещеголял курсант Высшей Школы Космогации Гургенидзе. «— Ни черта, ребята, — силло сказал Гургенидзе и встал. — Ни черта. — Он страшно зашевелил лицом(!), разминая затекшие мускулы щек. — Ни черта...» В самой школе царят нравы бursы. Старшекурсники именуют младших «мальками» и блистают знанием бранных слов. Правда, и о бoге космонавты не забывают. «Слава богу», — говорит штурман звездолета, «Боже мой!» — восклицает планетолог Дауге, «Слава аллаху», — заключает курсант Высшей Школы Космога-

ции Ермаков и тут же добавляет, обращаясь к товарищу: «Шел бы ты...» Хочется искренне поблагодарить редактора издательства «Молодая гвардия» Б. Ключеву, которая не коснулась своим требовательным пером этих и других самородных слов, позволив авторам донести до нас живое дыхание будущего...

*Щелоков А. Со вкусом! // Литература и жизнь,
1961, 14 мая.*

Познакомясь с научно-фантастическими рассказами и повестью А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» (изд-во «Молодая гвардия», 1960), приходишь к печальному выводу, что люди будущего — это далеко не передовые люди, недостатки которых ни время, ни образование не исправили.

Послушайте, как говорят герои повести: « — Не ори на нее, козел! — гаркнул атмосферный физик Потапов». « — Лопать захочет — придет». « — Ерунду порет Грегуар...» «Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды...» «У него такая особая морда».

Герои называют друг друга «извергами», «бездельниками», «слепыми филинами», «трепачами», «мальками»...

Неужели авторы повести решили, что люди будущего будут так говорить?

*Горбунов Ю. Неужели так будут говорить
люди будущего? // Звезда, 1961, № 8.*

...Братья Стругацкие, сравнительно недавно пришедшие в литературу, последовательно осваивают космическую тему. Их повести «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и некоторые рассказы связаны между собой не только «общими» героями, обстановкой будущей жизни на Земле, научными проблемами, но и близостью своего художественного построения. А последнее определяется той основной идейной установкой, которая красной нитью проходит через большинство произведений Стругацких: путь на другие планеты — это не легкая космическая прогулка, а ежечасное, ежесекундное героическое преодоление трудностей, когда человеку приходится бороться не только с неожиданными коварными и грозными препятствиями, но и покорять собственное земное тело, неприспособленное по самой своей природе ни к «климату» Венеры, ни к «условиям» Юпи-

тера, покорять свою психологию, ежедневно сталкиваясь с необычным, непривычным, непонятным. Вот на преодолении подлинных, огромных (а не мнимых и при ближайшем рассмотрении весьма мизерных) трудностей и строится острый, динамичный, напряженный сюжет большинства произведений Стругацких...

*Ларин С. Литература крылатой
мечты. — М.: Знание, 1961.*

...С теми же персонажами мы снова встречаемся в повести «Путь на Амальтею». Если многие фантасты изображают освоение космоса в виде каких-то увеселительных полетов, то герои А. и Б. Стругацких переживают трудности и испытания, перед которыми меркнет все, что некогда выпало на долю мореплавателям и землепроходцам, открывавшим новые материки...

*Брандис Е., Дмитриевский Вл. Дороги
к звездам // Звезда, 1961, № 12.*

Б. Стругацкий

КОММЕНТАРИИ К ПРОЙДЕННОМУ

*Комментарий начат в 1997 году
(самая ранняя дата файла: 10.03.97)
Черновик закончен 8.03.98.*

Внезапно обнаруживаешь, что забыл, оказывается, то, что, казалось бы, всегда раньше помнил и что должен был бы помнить всегда.

Например: когда мы задумали и начали собирать материал по сказочной повести, названной тогда условно «Маги» и ставшей впоследствии известной под названием «Понедельник начинается в субботу»? В архиве есть разрозненные наброски. Есть заметки. Есть заготовленные впрок смешные имена и хохмочки специального назначения. А вот даты — нет. Нет даты.

Разумеется, сохранился (в значительной степени) архив. Сохранилось большинство писем. Сохранились рабочие дневники. Сохранились кое-какие черновики, заметки и наброски. Брульоны. Но!

Вот, скажем, запись в рабочем дневнике (26.09.1976). Подробный список имен действующих лиц, с указанием возраста и профессии — как бы для пьесы. Подробное расписание событий под названием «вид общий».

(«...7. Симода уводит в горы радиста; через 7 дней придет корабль, а надежда на связь плохая.

8. Смерть повара. Симптомы.

9. Похороны.

10. Расправа с пилотом, лишенным алкоголя...» и т.д.)

Описание событий — с точки зрения каждого из участников (пока он еще жив).

Помню, что все они погибают. Помню, что задумывалось все это как фантастический детектив. Помню, что действие происходит на острове... Но ЧТО ИМЕННО там происходит? Отчего они все умирают, один за другим? Болезнь? Чудища из моря? Пришельцы?

Почему пилот (он же охотник-профессионал Уоллес Уиллер, 50 лет) был «лишен алкоголя»? Кем лишен? С какой целью? И как с ним, черт побери, «расправились»?

В чем исповедался доктор («...18. Исповедь доктора. Истерики Меллера. Самоубийство...»)? Доктор — это, видимо, Махино Симона, 40 лет. Но может быть и Пак Хин, 55 лет, который был врачом некоего миллионера Роберта Монака, 60 лет. Меллер — это Готфрид Меллер, 30 лет, палеобиолог, но что за истерика с ним случилась?..

Ясно, что в те далекие годы, двадцать с лишним лет тому назад, основная ситуация задуманной повести была настолько нам очевидна, что мы даже не потрудились записать ее (не в первый и не в последний раз). А потом замысел был отставлен, и все благополучно позабылось. (Тогда, в ноябре, мы занялись разработкой «Отчета Абалкина», хотя сам Абалкин к тому времени еще не был даже придуман, а разведку на планете Надежда вел Максим Каммерер.)

Примеров такого рода абсолютных и окончательных провалов в памяти я могу привести, может быть, не слишком много, но они имеют место, и это не только раздражает, но и пугает меня. Нельзя. Жалко же! Надо, пока не поздно, заняться такими вот специфическими воспоминаниями, а то, глядишь, через десяток лет и вспоминать будет нечего. Да и некому.

Разумеется, эти мои заметки не могут представлять сколько-нибудь широкого интереса, и вряд ли можно рассматривать их как самостоятельный и самодостаточный текст. Это — всего лишь комментарии к данному собранию сочинений АБС, и вне такового они и рассматриваться-то не должны.

Более того. Далеко не каждому читателю, пусть даже и поклоннику АБС, эти заметки будут интересны. В конце концов, кому какое дело, как именно задумывалась «Улитка на склоне» и какие перипетии претерпевала в процессе написания? Кто был прообразом Горбовского, и откуда взялось название «Понедельник начинается в субботу»? Почему «Гадкие лебеди» существовали изначально как совершенно самостоятельное произведение, а потом, пятнадцать лет спустя, вдруг сделались содержанием «Синей папки», романом в романе?..

Не думаю, чтобы меня самого в возрасте 15–20 лет заинтересовали бы вопросы такого рода применительно к обожаемому Г. Дж. Уэлсу или нежно любимому А. Р. Беляеву. Однако в возрасте 30–40 лет мне уже, помнится, было интересно знать, почему Г. Дж. так круто ушел вдруг от фантастики в суконный реализм, и правда ли, что в творческой жизни А. Р. Беляева роковую роль сыграл ныне уже почти позабытый А. Р. Палей?

Так что определенный круг благосклонных читателей предлагаемых заметок обрисовывается: это, во-первых, фэны, фанаты, которых интересует ВСЁ, а во-вторых, — серьезные читатели, склонные копать глубоко и широко в поисках «золотой жилы смысла».

Ни в коей мере не следует рассматривать эти заметки как «Воспоминания о пережитом» и, тем более, как мемуары типа «Наша жизнь в литературе». Для этого нет никаких оснований. Жизнь моя (да и АН, пожалуй) отнюдь не изобиловала — слава Богу! — ни увлекательными приключениями, ни загадочными событиями, ни социально-значимыми поступками, ни — хотя бы — тесными контактами с великими людьми XX века. Поэтому мемуары мне писать просто не о ком и не о чем, и «Комментарии» эти суть не более чем по возможности систематизированные заметки относительно написанного АБС за тридцать пять лет — то, что показалось мне (лично мне!) любопытным; или заведомо неизвестно широкой публике; или представляет собой ответы на вопросы читателей, накопившиеся за все эти годы.

1955 — 1959 гг.

«СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ»

Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, с т а т ь — никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чем бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел. От кого-то (вполне может быть, что от АН) услышал я в ранней молодости древнюю поговорку: «Лучше идти, чем бежать; лучше стоять, чем идти; лучше сидеть, чем стоять; лучше лежать, чем сидеть; лучше спать, чем лежать...» — и она привела меня в неописуемый восторг. (Правда, пос-

ледного звена этой восхитительной цепочки: «...лучше умереть, чем спать», я, по молодости лет, разумеется, во внимание никак не принимал.) АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и невероятных возможностей.

(Потом все это прошло и переменялось. АН стал равнодушен и инертен, БН же, напротив, выиграл и взорлил, но, во-первых, произошло это лет двадцать спустя, а во-вторых, даже в лучшие свои годы не достигал я того состояния клубка концентрированной энергии, в каком пребывал АН периода 1955–65 гг.)

К 1955 году у нас было:

— «Пепел Бикини» — художественно-публицистическая повесть, написанная АН в соавторстве со своим армейским приятелем Л. Петровым (опубликована в журнале «Юность»);

— фантастическая повесть «Четвертое Царство», написанная АН в одиночку, нигде не опубликованная и (кажется) никуда, ни в какое издательство никогда так и не посланная;

— фантастический рассказ «Виско», написанный БН в одиночку и получивший высокую оценку учительницы литературы (впоследствии уничтожен автором в приступе законного самобичевания);

— фантастический рассказ «Затерянный в толпе», написанный БН в одиночку — вымученная и нежизнеспособная попытка выразить обуревавшую его тогда идею «приобретения памяти» — путешествий сознания по мирам Вселенной;

— «Первые» — чрезвычайно эффектный и энергичный набросок несостоявшейся фантастической повести, задуманной некогда АН (и использованный позже в «Стране багровых туч»);

— «Как погиб Канг» — фантастический рассказ АН, написанный им еще в 1946 году (от руки, черной тушью, с превосходными иллюстрациями автора);

— «Песчаная горячка» — первый опыт работы вдвоем, фантастический рассказ, сделанный в манере такового прозаического буриме: страницу на машинке — один, затем страницу на машинке — другой, и так — до конца (без предварительного плана, не имея никакого представления о том, где происходит действие, кто герои и чем все должно закончиться)...

(Году этак в 54–55 в мамином доме появилась откуда-то старинная пишущая машинка — странной вертикальной конструкции, вся

облупившаяся, пыльная, нелепая, но с удивительно точно отрегулированными мягкими клавишами, нажимая на которые ты испытывал почти физическое наслаждение. Все, что написано было нами — и порознь, и вместе — до 58-го года, написано было на этой машинке. Иногда я совершенно серьезно думаю: а состоялись бы вообще братья Стругацкие, если бы эта машинка не попала к ним, а своевременно обрела бы законный свой покой на какой-нибудь свалке? Воистину, серьезные последствия имеют зачастую в истоке своем самые что ни на есть пустяковые причины.)

В соответствии со сложившейся уже легендой АБС придумали и начали писать «Страну багровых туч» на спор — поспорили в начале 1955 (или в конце 1954) на бутылку шампузы с Ленкой, женой АН, а поспорив, тут же сели, все придумали и принялись писать.

На самом деле «Страна» задумана была давно. Идея повести о трагической экспедиции на беспощадную планету Венеру возникла у АН, видимо, во второй половине 1951 года. Я смутно помню наши разговоры на эту тему и совершенно не способен установить сколько-нибудь точную дату. Подавляющее большинство писем БН того периода утрачено, но большинство писем АН, слава богу, сохранилось, так что некий хронологический пунктир проследить все-таки можно. Вот несколько цитат.

Между 1.11.51 и 12.04.52 (видимо, первое письмо АН с Камчатки): «Обдумываю повесть о Тарзане — новом, другом, настоящем звере — жестоком, хитром, мстительном: назову его Румата — каково? «Берег Горячих Туманов» меня не удовлетворяет, придется много переделывать, вплоть до изменения фабулы».

Это самое первое документальное упоминание повести о Венере. (И самое первое упоминание имени Румата, между прочим.)

10.12.52 — письмо АН. «...меня заинтересовали твои возражения по поводу «БГТ». В связи с этим смею задать пару-другую вопросов. Во-первых: писал ты, что вода на Венере исчезла, когда солнце жарило раз в сто сильнее, чем <нынче>. Любопытен я знать, когда это могло быть, и существовала ли тогда сама Венера. Второе: ежели нет на Венере воды, что же собой представляет облачный покров, ее (Венеру) покрывающий? Третье: ежели (опять же) нет на Венере воды, то лепо ли полагать ее (Венеру) обитаемой даже репейниками и муравьями, ибо известно, что

жизнь вообще-то зиждется на воде и белках? Четвертое: почему надо считать, что небо на Венере должно выглядеть черным при красных сумерках? (Хотя бедному Аиду хватило бы и черных сумерек при белом небе.) Все это мне подробно пропиши, ибо, хотя название «Страна Багровых Туч» очень мне нравится, но изменение моей концепции Венеры влечет за собой весьма сугубые последствия, в частности изменение или даже вообще усекновение мест в моей повести, кои мне дались с трудом и мнятся весьма эффектными.»

Видимо, это самое первое упоминание собственно о «Стране багровых туч». АН активно размышляет на эту тему, а БН помогает, чем может, — дает «научно-техническое обоснование».

23.02.53 — письмо АН: «...План моей литературной деятельности (на 1953 год): 1. «Страна Горячих туч» — повесть 2. «Румата и Юмэ» — повесть... «Страну» начал бы уже давно, но ты не отличаешься внимательностью: где сведения <о дейтериевой и тритиевой воде>? Кроме того, мне нужно знать, намного ли выше была температура в области прото-Венеры температуры в области прото-Земли в критический для <водорода> момент?.. А идея крепнет и развивается. «Хиус versus Линда» все-таки имеет быть. Насчет «Румата» — пока только наброски. Получается что-то похожее на «Сына Тарзана» — но все равно, буду писать...»

Замечу в скобках, что повесть «Румата и Юмэ» так никогда и не была написана. Не видел я и набросков. Надо думать, эта работа у АН не пошла. Что же касается «Страны...», то некое — и существенное! — продвижение имело-таки место.

Вот отрывок из письма АН от 5.03.53: «...хочешь мужского разговора — давай поговорим. Прежде всего — о моих литературных талантах. Очень уж ты их преувеличиваешь. Конечно, теоретически можно представить себе этаким научно-фантастический вариант «Далеко от Москвы», где вместо начальника строительства будет военно-административный диктатор Советских районов Венеры, вместо Адуна — Берег Багровых Туч, вместо Тайсина — нефтеносного острова — «Урановая Голконда», вместо нефтепровода — что-нибудь, добывающее уран и отправляющее его на Землю... Четыре раза пытался я начать та-

кую книгу, написал уже целых полторы главы... И каждый раз спотыкался и в отчаянии бросал перо. Дело не в том, что я не могу себе представить людей в таких условиях, их быт, нравы, выпивки, мелкие ссоры и большие радости — слава богу, хоть в этом ты не ошибся, мне просто было бы достаточно описать людей, окружающих меня сейчас. Дело гораздо глубже и проще — я совершенно неподготовлен технически, не имею ни малейшего представления о возможных формах производства или там добычи урана, о возможных организационных формах не только такого фантастического, но даже и обычного предприятия, о том, чем роль инженера отличается от роли мастера или техника и т. д. и т. п. Моя полная неграмотность в этой области жизни лишила меня способности дать фон всем моим большим и маленьким конфликтам, и они, несчастные, беспомощно повисли в пустоте. Вот почему приходится признать полное поражение на фронте «Б.Б.Т.». Согласись, ну какой тут к черту реализм, когда ничего мало-мальски реального я не могу поставить в основу повести? Поэтому я сузил задачу и написал просто рассказ о гибели одной из первых экспедиций на неведомую планету — Венеры я бегу, ибо там из-за твоих песков и безводья не развернешься. Рассказ типа Лондоновского «Красного божества» — последний кусочек судьбы человека, гибнущего в одиночестве...»

Здесь имеется в виду названный выше рассказик «Первые». Он, помнится, произвел на БН сильнейшее впечатление, и многие эпизоды из него в дальнейшем попали в «Страну...»

Ни одного письма, датированного 1954-м годом, не сохранилось. Существует письмо БН без даты, относящееся, видимо, к весне 1955 года. Судя по этому письму, работа, причем СОВМЕСТНАЯ, над СБТ идет уже полным ходом — во всяком случае, составляются подробные планы и обсуждаются различные сюжетные ходы. В апреле 1955 АН еще в Хабаровске, ждет не дожидается увольнения из армии и заканчивает повесть «Четвертое царство». Но уже в своем июльском 1956 года письме БН рецензирует первую часть СБТ, вчерне законченную АН, и излагает разнообразные соображения по этому поводу. В постскриптуме он обещает: «Начну теперь писать как бешеный — ты меня вдохновил».

Таким образом историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он

с женой приезжал в Ленинград. Мне кажется, что я даже помню, где это было: на Невском, близ Аничкова моста. Мы прогуливались там вдвоем, АН с БНом как обычно костерили современную фантастику за скуку, беззубость и сюжетную заскорузлость, а Ленка слушала, слушала, потом терпение ее иссякло, и она сказала: «Если вы так хорошо знаете, как надо писать, почему же сами не напишете, а только все грозитесь да хвастаетесь. Слабо?» И пари тут же состоялось.

Писалась «Страна...» медленно и трудно. Мы, оба, представления не имели, как следует работать вдвоем. У АН, по крайней мере, был уже определенный опыт работы в одиночку, у БН и того не было. Планы составляли вместе, но главы и части писали порознь, каждый сам по себе. В результате: АН закончил черновик первой части — БН завяз еще в первой главе; АН вовсю пишет вторую часть — БН кое-как закончил первую главу первой части, и она, разумеется, ни в какие ворота не лезет в сравнении с уже сделанным — там другие герои, другие события, и сама стилистика другая...

В июле 1956 года АН пишет отчаянное письмо: «...Единственно приемлемыми, хотя и практически неравноценными являются 2 пути.

1-й — длинный и сложный, сулящий массу осложнений: ты будешь писать свое, не обращая внимания на то, что сделано мною. Синтезировать наши работы будет в таком случае гораздо сложнее.

2-й — наилучший, по моему глубокому убеждению, состоит в следующем: на базе имеющейся теперь в твоём распоряжении схемы создавать новые эпизоды, вычеркивать то, что тебе не нравится, добавлять и убавлять, изменять как угодно в пределах основной идеи и заданных действующих лиц и ситуаций (их, впрочем, тоже — можно изменять). Все эти изменения по мере их накопления пересылать мне на просмотр и оценку, на что я буду отвечать согласием или несогласием... Это очень ускорит нашу работу, и тогда можно надеяться, что к моему отпуску — я приеду в Ленинград в конце декабря — вчерне у нас все будет готово...»

Увы. К декабрю ничего не было готово. АН привез с собою черновик второй части, ознакомился с жалкими плодами деятельности БН и сказал: «Так. Вот машинка, вот бумага, садись и пиши третью часть. А я буду лежать вот на этом диване и читать «Порт-Артур». Я — в отпуске».

Так оно все и произошло.

В апреле 1957 года рукопись «Страны багровых туч», выправленная и распечатанная по всем правилам была уже в Московском Детгизе и ждала внутренней рецензии. (Что касается исправлений и распечаток, то не могу не привести здесь чрезвычайно характерного отрывка из письма АН от 29.04.1957: «...Кстати, о 3-й части. Видно, по грехам моим господь послал мне соавторов-клизмачей: один вообще пальцем не притронулся к рукописи <имеется в виду соавтор АН по повести «Пепел Бикини». — прим. БНС>, другой любезно предоставляет мне всю техническую часть работы, считая для себя зазорным отделать по-человечески оформление. Скажу тебе откровенно, что я, как редактор, на порог не пустил бы автора с рукописью в таком виде — текст подслеповатый, неаккуратный, изобилует грамматическими ошибками. В общем, свинья ты, брат мой...»)

Рукопись пролежала в Детгизе два года (сдана в набор в апреле 1959). Это был довольно обычный срок прохождения, по тем временам. Но нам-то тогда казалось, что идет, бредет, ни в какую не желает окончиться вечная вечность.

Редактор наш, милейший Исаак Маркович Кассель, пребывал в очевидном раздвоении чувств. С одной стороны, рукопись ему явно нравилась — там были приключения, там были подвиги, там воспевались победы человечества над косной природой — и все это на прочном фундаменте нашей советской науки и диалектического материализма. Но с другой стороны, все это было — совершенное, по тем временам, не то. Герои были грубы. Они позволяли себе чертыхаться. Они ссорились и чуть ли не дрались. Косная Природа была беспощадна. Люди сходили с ума и гибли. В советском произведении для детей герои — наши люди, не шпионы какие-нибудь, не враги народа — космонавты! — погибали, окончательно и бесповоротно. И никакого хэппи-энда. Никаких всепримиряющих победных знамен в эпилоге... Это не было принято в те времена. Это было идеологически сомнительно — до такой степени сомнительно, что почти уже непреходимо.

Впрочем, в те времена не принято было писать и даже говорить с автором о подобных вещах. Все это ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ. Иногда на это — намекалось. Очень редко (и только по хорошему знакомству) говорилось прямо. Автор должен был сам (видимо, методом проб и ошибок) дойти до основ правильной идеологии и сообразить, что хорошее (наше, советское, социалистическое) всегда хорошо, а плохое (иное, обреченное, капиталистическое) — всегда плохо. В рецензиях ничего этого не было.

27.05.57 — АНС: «Получил (наконец-то!) рецензию и беседовал с редактором. Изумление мое при чтении рецензии было неопишваемым. Можно ожидать хорошей рецензии, можно ожидать плохой рецензии, можно ожидать кислой рецензии... но мы получили пьяную рецензию. Рецензент не понял ни черта. <...> Держал рукопись он почти пять месяцев, третью часть проглядел для порядка и накатал «по первому впечатлению», причем все перепутал и многого не заметил, и вообще was jumping at the conclusions. Обгадил он нас с головы до ног, но, strange though it may seem, написал, что над повестью следует работать и у нее есть задатки и пр.»

(Как мало тогда мы знали о рецензиях — каковы они бывают и каким именно образом пишутся! Фамилия рецензента была М. Ложечко — я запомнил ее на всю жизнь, ибо прочитав — некоторое время спустя — его труд, был от него в полной и бессильной ярости и бегал по стенам как разозленный гигантский паук-галеод из рассказа Конан Дойла-сына. Сама рецензия, к сожалению, не сохранилась.)

Сохранилось, к счастью, письмо АНС от 29.09.57, содержащее программные, совершенно необычные по тем временам соображения о том, как нам надлежит писать. Сначала он перечисляет произведения НФ последнего времени и делает вывод:

«...все эти вещи (кроме, конечно, «Туманности») объединяют по крайней мере две слабости: а) их пишут не писатели — у них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; их язык дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна — дешевый казенный патриотизм. б) их писали специалисты-недоучки, до изумления ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы. <...> И еще одно — этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они смертельно боятся (если только вообще имеют представление) смешения жанров. А ведь это громадный выигрыш и замечательное оружие в умелых руках. В принципе это всем известно: научная фантастика без авантюры скучна. Голого Пинкертонa могут читать только школьники. Но пользоваться этим законом никто не умеет. Первую серьезную пробу <...> сделали мы в «СБТ», хотя еще не подозревали об этом...»

Далее приводится цитата из предисловия А. Аникста к «Тихому американцу»: «<Это> произведение разностороннее, содержащее и элементы детектива, и черты романа тайн; это и психологическая драма, и военный репортаж, и произведение с откровенно эротическими мотивами, и острый политический памфлет. <...> и читателю только остается удивляться тому, как убедительно звучит это неожиданное сочетание столь разнородных элементов».

И снова АНС: «Понял, браток? Понимаешь теперь, какой громадный козырь упускают наши горе-фантасты! Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее — пусть идея уже десять раз прежде обсасывалась дураками — сколько по а) широте и легкости изложения научного материала; «долгой жульверновщину», надо искать очень точные, короткие умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса; б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев; в) по разумной смелости введения в повествование предположений «на грани возможного» в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев; г) по смелому, смелому и еще раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвертом и т.д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще больший привкус необычайного. А разве необычайное — не наша основная тема?»

Авторы все еще пока — НАУЧНЫЕ фантасты. Они еще далеки от формулы: «настоящая фантастика — это ЧУДО-ТАЙНА-ДОСТОВЕРНОСТЬ». Но интуитивно они уже чувствуют эту формулу. В отечественной же фантастике послевоенных лет чудеса имели характер почти исключительно коммунально-хозяйственный и инженерно-технический, тайны не стоили того, чтобы их разгадывать, а достоверность — то есть сцепление с реальной жизнью — отсутствовала вовсе. Фантастика была сусальна, слюнява, розовата и пресна, как и всякая казенная проповедь. А фантастика того времени была именно казенной идиотической проповедью — проповедью ликующего превосходства советской науки и, главным образом, техники.

Мы инстинктивно отталкивались от такой фантастики, мы ее не хотели, мы хотели ПО-ДРУГОМУ. Мы уже даже догадывались, что это значит — «по-другому». И кое-что нам удалось.

В процессе редакционной подготовки «Страна багровых туч» переписывалась весьма основательно по крайней мере дважды. Нас заставили переменить практически все фамилии. (До сих пор не понимаю, зачем и кому это понадобилось.) Из нас душу вынули, требуя, чтобы мы «не вторгались на всенародный праздник (по поводу запуска очередной ракеты) с предсказаниями о похоронах». «Уберите хотя бы часть трупов!» — требовали детгизовские начальники теперь уже напрямую. Книга зависала над пропастью.

Из писем АН начала 1959 года: «... Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупах, не в деталях, а в тоне и колорите». «... Повторяю: чего они хотят — я не знаю, ты не знаешь, они, он тоже-таки не знают. Они хотят «смягчить», «не выпячивать», «светлее сделать», «не так трагично». Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами...» «...Товарищу Н не нравятся умертвия, тов. НН — колорит, тов. ННН — сумасшествие, и все они не согласны друг с другом, но согласны в одном: надо смягчить, светлее сделать, не так мрачно и пр.»

А когда авторы, стеляя и скрежеща, переписали-таки полкнижки заново, от них по высочайшему повелению потребовали убрать какие-либо упоминания о военных в космосе: «... ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно», — и танкист Быков «двумя-тремя смелыми мазками» был превращен в БЫВШЕГО капитана, а ныне зампотеха при геологах.

За два года, пока шла эта баталия, АБС написали добрую полудюжину различных рассказов и многое поняли о себе, о фантастике, о литературе вообще. Так что эта злосчастная, заредактированная, нелюбимая своими родителями повесть стала по сути неким полигоном для отработки новых представлений. Поэтому, наверное, повесть получилась непривычная и свежая, хорошая даже, пожалуй, по тем временам — хотя и безнадежно дурная, дидактично-назидательная, восторженно казенная, — если смотреть на нее с позиций времен последующих, а тем более — нынешних. По единодушному мнению авторов, она умерла, едва родившись, — уже «Путь на Амальтею» перечеркнул все ее невеликие достоинства.

Здесь я позволю себе повторить то, что писал несколько лет назад в предисловии к 12-му тому «ТЕКСТовского» собрания сочинений. «Страна...» получилась типичной повестью переходного периода, — обремененная суконной назидательностью и идеологическими благоглупостями Фантастики Ближнего Прицела, и, в то же время, не лишенная занимательности, выдумки, подлинной искренности и наивно-го желания немедленно, прямо сейчас, создать мечто, достойное пера Уэллса или хотя бы Беляева.

Она, надо признать, произвела впечатление на тогдашнего читателя. Например, повесть эта понравилась Ивану Антоновичу Ефремову, мэтру отечественной фантастики того времени, и, по слухам, — Мариэтте Сергеевне Шагинян — одному из мэтров тогдашней литературы вообще. Сергей Павлович Королев читывал ее и выписал оттуда на отдельный листок песню про «Детей Тумана»... Она, видимо, понравилась даже чиновникам из Министерства Просвещения РСФСР. Во всяком случае, именно «Страна багровых туч» оказалась единственным произведением АБС всех времен, удостоенным государственной премии, а именно — третьей премии «конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста». (В размере 5000 рублей. Неплохие деньги по тем временам — четыре мамины зарплаты.)

Более того, она понравилась даже читателю зарубежному. В течение первых пяти-шести лет она была переведена и вышла в Польше (дважды), Чехословакии (дважды), ГДР (дважды), Румынии, Западном Берлине, Югославии и Испании. Было время, когда мы даже гордились ею, но это время быстро миновало. Достаточно сказать, что на русском языке мы не переиздавали ее с 1969 года. И в ТЕКСТовское собрание сочинений мы решились вставить ее только, как говорится, под давлением общественности.

Между прочим, нежелание наше имело под собою подоплеку вполне практическую. Во-первых, для того, чтобы подготовить повесть к переизданию, ее, согласитесь, надобно как минимум перечитать, а перечитывать не хотелось решительно. Во-вторых, во весь рост вставал вопрос о необходимости как-то модернизировать текст. Все-таки прошло больше тридцати лет, многое в повести воспринимается сейчас не только как забавный анахронизм, но и как авторская глупость, невежество и вообще бред собачий. Достаточно вспомнить хотя бы то обстоятельство, что действие там у нас разворачивается как раз в девяностых годах нашего века — и ведь практически ничего, ну ничегошеньки в повести не похоже на то, что реально окружает сегодня ее читателя!

И все-таки мы решили модернизированием текста не заниматься. Совсем. Не менять ни строчки, ни буквы. Пусть повесть эта остается в фантастике, как некий уродливый памятник целой эпохе со всеми ее онерами — с ее горячечным энтузиазмом и восторженной глупостью; с ее искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое — добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим Оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злобного добра, жизнеутверждающих убийств, «фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия». И это время не следует вычеркивать из социальной памяти. Самое глупое, что мы можем сделать — это поскорее забыть о нем; самое малое — помнить об этом времени, пока семена его не истлели.

К настоящему изданию повесть подготавливали Людены-добровольцы. Они раскопали множество разночтений в черновиках, обнаружили целые утраченные при давней редактуре страницы, восстановили многочисленные купюры. Не думаю, что от этого повесть стала лучше, но, с точки зрения знатока и ценителя, она безусловно обрела некое дополнительное измерение. Спасибо вам огромное, дорогие Людены, и особенно Вам, Светлана Бондаренко, — ведь именно Вы проделали основную часть этой титанической работы!

«ИЗВНЕ»

Летом 1957 года БН поехал со своим другом-археологом в экспедицию в Таджикистан, в район Пенджикента. Тамашние пейзажи и приключения натолкнули его на идею написать о вторжении на Землю (и как раз в те дикие и прекрасные места) инопланетных пришельцев-исследователей. Так появился на свет рассказ «Пришельцы» — черновик первого опубликованного произведения АБС «Извне» и эмбрион будущей повести того же названия.

Читающая публика Пулковской обсерватории, где в те поры работал БН, благосклонно откликнулась на публикацию следующим замечательным текстом:

Писатель Стругацкий с фантастикой дружен,
Научно подкован вполне —
Блестает мыслями внутри и снаружи
Бессмертная повесть «Извне».

(Братья Стругацкие названы здесь «писателем Стругацким», а короткий рассказ — «повестью», надо понимать, из соображений сугубо эстетических — размер там, рифма, то, сё...)

В «Технике — молодежи» рассказ был опубликован с очень сильными искажениями, авторы впервые тогда напрямую столкнулись с редакторским произволом: первоначальный вариант то сокращался без всякой пощады, то в него требовали вставить что-нибудь новое и совершенно неожиданное (советско-китайскую дружбу, например), то без объяснения причин настаивали на изменении названия «Пришельцы»... Авторы терпеливо и безропотно шли на все. Точнее сказать, терпеливо и безропотно уродовал рассказ АН, — это он принимал на себя все удары, а БН отсиживался в окопах в Питере и ничего этого знать не знал, ведать не ведал. Впрочем, и в первой, авторской, редакции, рассказ представлялся ему суховатым, хороша была только идея: Разуму незачем бродить по космосу лично, достаточно послать туда разумные автоматы. Идея по тем временам была свежая и даже в некотором смысле революционная, если учитывать, что само понятие «кибернетика» и все, этому понятию сопутствующее, было тогда ДСП.

Рассказ еще и в свет не вышел, когда появилась идея создать на его основе повесть, в которой и отыгаться за все унижения. Окончательный план повести созрел в апреле 1958, и работа тут же пошла.

Нетрудно сообразить, что в основе первого рассказа повести лежат личные впечатления АН от восхождения на Авачинскую сопку, за которое (восхождение) он был даже удостоен значка альпиниста какой-то там степени (невысокой). Вообще совершенно равнодушный к спорту, АН очень этим значком гордился и хранил его в специальной коробочке вместе с прочими наградами.

В повести «Извне» герои АБС впервые обретают прототипов. АН описывает своих друзей-однополчан, БН — начальника Пенджикентской археологической экспедиции. Сходство, надо признать, получилось чрезвычайно отдаленным: прототипы себя не узнали. Впрочем, это, видимо, свойство всех (за малым исключением) прототипов: они не способны узнать себя в литературных героях, как редкий человек умеет узнавать свой голос, записанный на магнитофон.

«СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС»

Сильно подозреваю, что рассказ этот начался вот с чего: в конце октября 1957 года АН, дежуря на библиотечной выставке, встретился

с неким симпатичным и весьма на вид интеллигентным человеком, который оказался биологом, беззаветным любителем НФ и потенциальным писателем-фантастом, собирающимся писать не о чем-нибудь, а о кибернетике.

«...Тему, брат, он берет рискованнейшую и интереснейшую, — пишет АН в письме от 20.10.57. — Эрудиция у него огромная — то есть, с моей точки зрения, он специально следит за этой областью и читает все новое, что выходит у нас и за рубежом по «зоомеханизмам» и «машинному анимализму». Думаю, что печатать его не будут, а жаль. Даже независимо от литературных достоинств это будет очень интересно. <...> Для чего я это рассказываю? Тема эта — кибернетика, логические машины, механический мозг — висела в воздухе у нас под носом, но никому из нас она и в голову не приходила — как таковая. Ты понимаешь меня? Может быть, есть еще земные темы, не замеченные нами? Думай, думай, думай!»

Если учесть, что АН еще до войны был приведен в совершеннейший восторг кинофильмом «Гибель сенсации», снятым по мотивам пьесы Карела Чапека «R.U.R.»... Если вспомнить, что уже тогда он заполнил десятки тетрадных и альбомных листов рисунками с изображениями взбунтовавшихся человекообразных машин, управляемых по радио... Если принять во внимание, что интерес его к этой проблеме зашел так далеко, что он построил тогда из картонных коробок модель робота (точнее, верхней его половины), способную по велению творца своего вертеть картонной головой и двигать картонными же руками... Словом, появление рассказа о разумном роботе было, сами понимаете, предопределено.

27.02.58 — АН: «Сегодня высылаю тебе «Спонтанный рефлекс». По моему мнению тему эту необходимо было обработать, ибо по этому вопросу никто еще в нашей литературе ничего не писал...»

Далее АН излагает свои соображения по поводу возможного улучшения текста — сокращение научно-описательной части, «оживляж», добавление юмора и прочее. Ничего этого БН делать не стал — исправил несколько абзацев, переписал концовку, на том весь оживляж и закончился.

Но, может быть, даже этот оживляж оказался излишним: «Техника — молодежи» рассказ отвергла, потому что робот показался им

«слишком живым». Время андроидов в отечественной фантастике еще не наступило. Однако же, когда АН отнес нашего робота в «Знание — сила», дело пошло веселее.

27.05.58 — АН: «...В пятницу с работы позвонил в «Знание — сила». «А-а, товарищ Стругацкий? Приезжайте немедленно. Не можете? А когда можете?» Короче, я поехал к ним вчера. С. Р. им весьма понравился, за исключением конца (твоего конца). Я это предвидел и привез им свой конец. Мой конец им не понравился еще больше. Их собралось надо мной трое здоровенных парней в ковбойках с засученными рукавами и маленький еврей — главный редактор, и все они нетерпеливо понукали меня что-нибудь придумать — «поскорей, пожалуйста, рассказ идет в восьмой номер, его пошлют в США в порядке обмена научной фантастикой <...>» И вдруг главному редактору приходит в голову идея: дать рассказ вообще без конца...»

Сколько эмоций! Какие дискуссии! Впоследствии авторы дружно не любили этот свой рассказ, и интересовал нас в связи с ним только один, совершенно внелитературный, вопрос: «Оказался ли «Спонтанный рефлекс», действительно, ПЕРВЫМ в отечественной фантастике рассказом о разумном роботе, или Анатолий Днепров со своей «Суэмой» нас все-таки опередил?»

Но именно с этого посредственного рассказика начался роман АБС с журналом «Знание — сила», и длился он, этот роман, эта взаимная и горячая любовь-дружба, тридцать лет и три года, во все времена — и в добрые времена Первой оттепели, и в период Нового похолодания, и на протяжении Ледяных Семидесятых, когда никто, кроме «Знания — силы» (да еще ленинградской «Авроры»), со Стругацкими дела иметь не хотел, — и так вплоть до самой перестройки...

«ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАСИФИДЫ»

Второй рассказ АБС. Нелюбимый. Нелюбимый по причинам очевидно-понятым: антиамериканская идеологическая дешевка в манере Казанцева—Тушкана. Включен в это издание под сильнейшим давлением Издателя — во имя вящей полноты издания. Ну и бог с ним. Включен и включен... Спокойно можно было бы и не включать.

«ШЕСТЬ СПИЧЕК»

Этот небольшой и в общем-то довольно средний по своим достоинствам рассказик имеет богатую предысторию и не менее богатую историю.

Все началось еще в школьные годы БН, когда от своей приятельницы (в которую влюблен он был безнадежно и безответно и у которой родители были сотрудниками Института мозга имени Бехтерева) услышал он совершенно фантастическую историю об исследованиях воздействия на человеческое сознание препарата мексиканского кактуса пейотля. Психика испытуемого под действием таинственного препарата получала, якобы, совершенно необыкновенные свойства — в частности, у испытуемого, вроде бы, появлялась способность видеть с закрытыми глазами и вообще — сквозь непрозрачные преграды. Это было — НЕЧТО! С помощью той же приятельницы (она тоже была девочка увлекающаяся и очаровательнейшим образом напоминала Катку из «Двух капитанов») БН раздобыл XVIII том «Трудов института Мозга» и там на странице 55 (ссылка сохранилась) обнаружил статью «К вопросу о психофизиологическом действии “пейотля”».

О «видении сквозь стены» в статье не было ни слова, но и то, что там было, поражало воображение не хуже Беляевского романа. «Калейдоскопическая смена образов...» «Во много раз повышается интенсивность зрительных и слуховых ощущений...» «Долгое сохранение в сознании зрительных образов при закрытых уже глазах...» (Я цитирую сохранившийся чудом конспект статьи.) «Аккорды на рояле вызывают ощущение вспышек света разных цветов...» «Впечатление полета времени...» «Перемещение магнита у затылка вызывало впечатление полета метеорита. Поворачивание его на 180 градусов вызывало поворачивание на 180 градусов зрительного образа...» Это, конечно же, было прикосновение к Невероятному! Невероятное, оказывается, и на самом деле существовало в этом суконно-сучном мире, и оно было рядом, рукой подать — тут же, через Неву, простым глазом видно было здание Бехтеревского института.

С тех пор БН надолго заболел проблемами сознания, фантастическими свойствами человеческой психики и прочей парапсихологией — хотя и не знал в те поры этого термина (а может быть, его тогда, в конце 40-х, и не существовало вовсе). Преобразования сознания. Пересадки сознания. Возникновение «несуществующего» сознания... В августе 1955 БН написал рассказ «Затерянный в толпе», но тут же оказалось, что это

попытка с негодными средствами. Через год-два очередная попытка, рассказ с претенциозным названием «Кто скажет нам, Эвидаттэ?». Здесь уже появляется фамилия Комлин и эксперименты по облучению мозга быстрыми частицами. Однако реакция АН оказалась совершенно недвусмысленной и — увы! — совершенно справедливой.

29.01.58 — АН: «Получил твой вариант и, надо сказать, испытал вовсе не восторг. Знаю и ценю в тебе отвращение к «тривиальности», но здесь ты хватил через край. Собственно, нетривиальность сюжета — единственное достоинство твоей вещи, причем загнута так смачно, что несмотря на явную непригодность вещи я все же некоторое время колебался и раздумывал над тем, как и что в ней можно исправить. Но по зрелом размышлении решил, что такого горбатого не исправит даже наш советский колумбарий...»

1.06.58 — АН: «...Какое-нибудь животное после воздействия абвгдеж-лучами ведет себя очень странно — видит за стенами, за углом и т. д. Короче, оно приобретает свойство «видеть» в четвертом измерении. И человек, чтобы проверить это, подвергает такой обработке и свой собственный мозг. И тоже начинает видеть «за углом». Смелый экспиремент (или эксперимент, фор чууз), героизм советского ученого, руководящая роль и пр. А? И назвать рассказ «За углом». А?...»

Контурсы будущего рассказа обрисовываются все отчетливее.

9.06.58 — АН: «... насколько я знаю по твоим же рассказам, некоторые препараты начинают так влиять на головной мозг, что человек видит все либо в перевернутом виде, либо начинает видеть через непрозрачные преграды и так далее. Так что в проекте «За углом» я только развиваю эту идею. Можно наделить облученного новыми свойствами — отсутствие необходимости во сне, способность работать сразу несколько дел а ля Вагнер и все прочее. Я не настаиваю на 4-м измерении, как это ни заманчиво, но решительно протестую против миражей. Миражи — патентованная моча, и ты сам это хорошо понимаешь. Не стоит облучать, чтобы только увидеть миражи. Для этого достаточно напиться».

Потом, месяц или два спустя, появился, наконец, вариант, близкий к окончательному. Назывался он «Восьмой за полгода» и был при-

нят журналом «Знание — сила» после изменения названия на «Шесть спичек». Забавно, это оказался чуть ли не самый знаменитый наш рассказ! Множество раз и по самым разным поводам переводился он на разные языки и в самых разных странах. У меня нет достоверной статистики, но, по-моему, он и сейчас остается самым «переводным» из всех рассказов АБС.

«ИСПЫТАНИЕ СКИБР»

Этот рассказик был придуман и в черновом варианте написан АН. Замысел его возник, впрочем, из размышлений по поводу «Забытого эксперимента».

Начало января 1959 — АН: «... Я все-таки не оставляю мысли о «Забытом эксперименте». Психология — психологией, а фантастика без смелейшей фантастики — это тоже не дело. Можно сделать небольшую повестушку а ла «Извне» в трех-четыре главы, написанных от лица разных людей. <...> И роботы. И робот-матка, который управляет рабочими роботами. И прочее...»

Никакой повести а ла «Извне» мы из «Забытого эксперимента» делать не стали, а вот о роботах для исследования чужих планет рассказ появился. Первоначально он назывался «Репетиция СРР».

19.03.59 — АН: «...Сейчас я заканчиваю «Репетицию СРР» и полагаю прислать ее тебе еще до конца марта. Возвращай, пожалуйста, поскорее. У меня странное чувство: не то это потрясное говно, не то что-то до странности любопытное, хотя и не в литературном смысле. В общем, посмотришь и исправишь...»

АН ошибался: ничего экстраординарного в этом рассказе не было. После неоднократных авторских доводок и переделок он был опубликован в журнале «Изобретатель и рационализатор». Что характерно.

«ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Кажется, весной 1957 года состоялся расширенный Ученый совет Пулковской обсерватории, на котором доктор физматнаук и профессор Николай Александрович Козырев прочел (впервые) свой доклад на тему «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении». Доклад вызвал взрыв профессиональных и полупрофессио-

нальных (журналистских) эмоций и сразу же стал сенсацией, не столько, впрочем, научной, сколько околonaучной.

Н. А. Козырев был тогда фигурой в советской астрономии значительной, яркой и даже таинственной. Эта фигура сама по себе достойна большой статьи, а может быть и отдельной книги. Он был другом и научным соперником Амбарцумяна и Чандрасекара. Он отсидел десять лет в сталинских лагерях. Он создал теорию, доказывающую существование нетермоядерных источников излучения звезд. Он рассчитал новейшую и для своего времени совершенно парадоксальную модель атмосферы Венеры. Он обнаружил на Венере грозы с молниями длиной в тысячи километров. В начале 60-х ему удалось получить редчайший и сенсационнейший спектр вулкана, извергающегося на Луне, до той поры считавшейся абсолютно мертвым небесным телом... А в 57-м он объявил: «...принципиально возможен двигатель, использующий ход времени для получения работы. Иными словами, время обладает энергией».

АБС раньше уже использовали полученные Н. А. Козыревым результаты, когда создавали, рисовали, выдумывали мир Страны багровых туч. Разумеется, «эффект Козырева», двигатель, вырабатывающий энергию из хода времени, не мог пройти мимо их внимания. Как и все настоящие НАУЧНЫЕ фантасты, они жадно обшаривали все доступные им околonaучные пространства в поисках нетривиальных идей, теорий и, конечно же, сенсаций.

1.06.58 — АН: «...Козырев. Господи, если бы я так представлял себе всю эту механику, как ты, и если бы имел возможность спросить у Козырева, я бы давно уже оформил сюжет, и это было бы как гром с ясного неба для всех фантастов Поднебесной. Ведь на тему «Вечный двигатель» никто никогда не фантазировал, никто себе не мог представить подоплеку научную этого дела. А ты... Эх ты... Заср, одним словом».

Но дело, конечно, было совсем не в том, чтобы «представить себе механику» и проконсультроваться у самого Козырева. Нужна была СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ идея, а не научные детали, тем более что к этому времени уже ясно стало, что сама по себе причинная механика Козырева висит в безвоздушном пространстве, ибо НИ ОДИН из опытов Козырева не казался безукоризненным. (В дальнейшем ВСЕ они были опровергнуты, так что и по сей день теория Козырева остается лишь красивой, но сомнительной гипотезой.)

9.06.58 — АН: «... а через сколько лет начнет излучать энергию маятник весом в сто тонн? Другими словами, нельзя ли передвинуть время действия в двадцать первый век, ну, в худшем случае, в 22-й век? Если можно, то можно что-либо придумать».

Тепло, тепло!.. И вот наконец:

июль 1958 — АН: «...рассказ называется «Забытый эксперимент». Рабочий сюжет: В конце нашего века впервые в истории человечества институт неклассических механик поставил опыт, рассчитанный на столетия, — где-то в Сибири, в подземельях поставлен этот самый маятник и запущен. <...> В середине двадцать первого века научный город над этим маятником уничтожен в результате опытов с мезонными реакциями.<...> Последующие 50 лет человечество занято огромным наступлением на природу: строятся искусственные спутники, сооружаются термоядерные станции и пр. О маятнике все забыли. И вот в конце двадцать второго века начинается в Сибири кутерьма. А это место было блокировано из-за радиации, и на него никто не покушался. Посылается экспедиция и пр. и т. д.

Твоя задача: разработать явления, которые там будут наблюдаться, и степени опасности. А также разработать литературный сюжет. Смачно — покажем людей двадцать второго века. Они освободились от родимых пятен капитализма, но не свободны от печати адамовой — от наследства своих животных предков. Приключения экспедиции, их недоумение, затем их отзывают: в Ак. Наук найдено объяснение. Можно и гибель описать, а главное — отношение к этой гибели. И дать перспективы. Ты напишешь объяснительную часть и дашь отдельные эпизоды. Потом возьмусь я и перешлю тебе...»

По этому плану все и было реализовано, но значительно позже, в апреле 1959, и с тем отличием, что БН не в силах оказался написать «объяснительную часть» и написал ее АН. Рассказ получился неплохим и даже — для своего времени — хорошим, если бы не эта проклятая объяснительная часть, висевшая на всем остальном, вполне приличном, тексте «гниющим трупом альбатроса».

23.05.59 — АН: «...Вчера вечером мне звонил Варшавский. (Один из редакторов журнала «Знание — сила». — прим. БНС) Он сообщил, что «ЗЭ» всем в редакции очень

понравился, в том числе и ему самому по вторичном чтении. Это очень симптоматично: рассказ просто непривычен для этого жанра. Он не традиционен. «Это настоящая художественная литература без скидок. Попробуйте читать Нагибина, если вас в шутку предупредят, что это детектив. Вы будете разочарованы. Вот также и здесь». Одним словом, претензия одна: нужно либо дать больше в научной части, либо меньше. Я думаю, лучше меньше...»

Никак, никак мы еще не умели тогда преодолеть гнет вековых традиций, хотя лучше любого нашего редактора понимали уже, что каждое научное или даже пусть квазинаучное объяснение рвет любую художественную ткань, словно ржавый тесак.

По-моему, именно в этом рассказе впервые у АБС и вообще в фантастике появляется термин «кибер» — для обозначения любой достаточно сложной многофункциональной «разумной» машины. И именно после опубликования «Забытого эксперимента», как бы подводя итог целому этапу творчества АБС, научный сотрудник ГАО АН СССР Лидия Каминко разразилась пародией, которая никогда нигде не публиковалась и которую я не могу удержаться чтобы здесь не привести целиком:

Спонтанный поиск

Бр. С-гацкие

Иван Федотович открыл люк и высунулся. Было темно. Вдали виднелся лес. Он был зубчатый и темный. Пахло мокрым. Вездеходный танк стоял перед гигантской котловиной. Он был похож на блоху странного сиреневого цвета. Суставчатые ноги были поджаты и казалось, что гигантское насекомое дремлет. Что-то гудело и похрустывало, щелкали тумблеры и кенотроны.

— Черт, — сказал Иван Федотович, — не позавтракать ли? Ты как, Термус?

Термус мрачно повертел ручки пульта управления и вытащил откуда-то снизу бутылку коньяка.

— Киберов я послал, — сказал он бесцветным голосом. — Надо ждать.

Он налил по стакану себе и Ивану Федотовичу.

— Дерьмо собачье, — сказал Иван Федотович. — Но как выдержал реактор?

— Мезонная плазма, — сказал Термус. — И не то выдержит.

Они сидели в толстой тени танка.

— Киберы возвращаются, — тускло сказал Термус.

Киберы резво бежали, похожие на поросят на восьми ножках. Они повизгивали, поминутно меняя цвет. Они остановились и сразу стали красными.

— Плохо дело, — сказал Иван Федотович.

А в котловине творилось что-то странное. Края ее заволакивались оранжевым туманом, сквозь который сверкали голубые молнии.

— Быстро в машину, — невыразительно сказал Термус.

Двигатель взревел, машина понеслась. Волны тумана захлестывали ее, рушились скалы, извивались красные кольца. Термус потерял сознание. У Ивана Федотовича онемела голова. Звон стоял в ушах. Трещали счетчики.

— Вот сволочь, — подумал Иван Федотович. — Радиация.

Вездеход мчался вперед. Все по бокам слилось в полосы. Промелькнул комар ростом с козла.

— Дьявол, ОТТУДА, — подумал Иван Федотович.

Вездеход начал взрываться. Ивана Федотовича выбросило на черные и скользкие деревья. Он застонал и потерял сознание.

Очнувшись, он почувствовал, что у него оторван левый бок. Рядом лежал обгоревший Термус. Иван Федотович взвалил Термуса на плечи и пополз вперед. Уцелевший кибер деловито шлепал сзади. Он был нежно-голубого цвета.

*Выдержка из Б. С. Э. ***** г. изд.*

ТУМАН ОРАНЖЕВЫЙ. Открыт в ***** г. Термусом и Пафнутьевым. Продукт реакции мезонов, тиратронов, гиперонов, клистронов, экситонов, мегатронов и позитронов. Выделяющаяся энергия равна ***** электрон-вольт. Применяется в сельском хозяйстве для уничтожения вредителей.

«ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ»

В середине 1958 года БН, изучавший тогда для собственного удовольствия и общего развития книгу академика В. А. Фока «Теория пространства, времени и тяготения», наткнулся там в параграфе «О парадоксе часов» на вполне удобопонятный и замечательный расчет, из коего у академика выводилось, что при длительном космическом полете в условиях равноускоренного движения никакого **ОТСТАВАНИЯ** часов, характерного для знаменитого «парадокса близнецов», не происходит. Более того, получается даже **ОПЕРЕЖЕНИЕ!** Параграф при

этом заканчивался словами: «Не следует, впрочем, забывать, что формула <...> не является общей, а выведена в довольно частных предположениях относительно характера движения».

Идея рассказа напрашивалась сама собою.

21.11.58 — АН: «...Мне очень нравится идея парадокса профессора Фока с растяжением времени. Пусть это не будет строго научно, но надо сделать именно так, как ты предложил: звездолет возвращается из пятнадцатилетнего рейса через сто часов. <...> ...командир звездолета заранее знал, что так получится, и нарочно произвел эксперимент. Пожертвовать для человечества молодостью, научить человечество добегать до звезд быстро — заманчивая идея. Рассказ называть «Букет роз». Кто-то перед стартом дарит пилотам букет, они по рассеянности оставляют его в вестибюле и, возвратившись, видят, что букет только начал осыпаться. А ведь для них прошло полтора десятка лет!»

Рассказ этот многократно переделывался обоими авторами — и поодиночке, и совместно. В последнем варианте от «Букета роз» не осталось даже лепестка.

Это один из первых наших рассказов, написанных в новой, «хемингуэвской», манере — нарочитый лаконизм, многозначительные смысловые подтексты, аскетический отказ от лишних эпитетов и метафор. И самый необходимый минимум научных объяснений — тот минимум, без которого читатель бы ничего вообще не понял, да и сама идея «частных предположений» оказалась бы утраченной.

Кажется, здесь в первый и последний раз у АБС появляется текст, написанный от лица героини, женщины, и, кажется, именно в этом рассказе впервые упоминается звездолетчик Горбовский и его корабль «Тариэль».

«ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ»

Сюжет этого рассказа осенил БН в конце лета 1959 года, когда он, проживая в гостинице-общежитии Пулковской обсерватории, яростно и безуспешно боролся с мухами в своем номере. «Да что же это такое! — воскликнул он, наконец, в полном отчаянии. — Кажется, чем больше я их бью, тем больше их становится!» Идея рассказа тут же выкристаллизовалась.

АН получил черновик (под названием ТЧ (??)) в середине сентября и подверг его вполне нелицеприятной, а равно и справедливой критике:

«...Сюжет скверен. Как только читатель добирается до того места (стр. 7), где становится понятным, что мухи представляют опасность, он, читатель, немедленно представляет себе, что будет дальше: безнадежная борьба экипажа, стремление взорваться, лишь бы не завезти заразу на Землю и, наконец, полная и безусловная дезинсекция на платформе инсектицидов или ультранасадок. Спасти сюжет могла бы только неожиданная, по возможности юмористическая развязка...»

Юмористической развязки не получилось и у АН, но после переделки рассказ (теперь он назывался «Мухи») безусловно стал лучше, хотя по-прежнему не сверкал и всеми цветами радуги отнюдь не переливался. Рассказ как рассказ. В нем не было ничего для нас нового. Свежести не было. Никакой. Нам явно надоедало писать рассказы. Надвигалась эпоха повестей.

«ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ»

Между прочим, изначально эта маленькая повесть называлась «С грузом прибыл». Она и придумана, и исполнена была как «производственная». Самым ценным для авторов была в ней атмосфера обыденности, повседневности, антигероизма, если угодно.

(Задумывалась она под названием «Страшная большая планета» и в самом своем первом воплощении была мало похожа на себя. Я бы сказал — вообще не похожа.

5.06.57 — АНС: «... срочно выясни мне все данные о Юпитере и его спутниках — все возможное, гипотетическое, предположительное и т.д. Расстояния до Юпитера, размеры, период обращения, атмосферы, природу и т. д. О самом Юпитере — все, начиная с расстояния до Солнца и кончая гипотезами внутреннего строения. Затем, нельзя ли взять Юпитер, как наилучший объект для проверки «эффекта Козырева». Эти все данные необходимы мне СРОЧНО».

31.08.57 — АНС: «...Между прочим, «Страшную большую» буду продолжать, душа с тебя вон. Нужно сделать, обязательно. Пусть будет тривиально, но нельзя отдавать Юпитер таким, как <...>»

8.02.58 — АНС: «...Теперь о «Страшной большой». План ты предложил отличный, и он нуждается лишь в некоторых доработках. Преимущества его такие: 1) Первая в

СССР вещь на тему о межпланетном пиратстве; 2) Отличная преемственность с «СБТ»; 3) Снова это не флаги и стяги во всепланетном масштабе, а только эпизод; 4) Энергичный сюжет; 5) И тк дл.»

К сожалению, упоминаемый выше план не сохранился, — а интересно было бы почитать его сейчас! Там были сражения в космическом пространстве, там были таинственные «Симмонсы», — настоящие, без дураков, пираты, жестокие, омерзительные и беспощадные, оседлавшие межпланетные коммуникации и готовящиеся нанести удар из космоса по Советским республикам...

Ничего этого в первом варианте «Страшной большой...» не осталось. Да и не могло остаться.

19.03.59 АН пишет: «... наша идея СБП горит синим огнем. НИКАКИХ боев в межпланетном пространстве. Даже смотреть не будут. Надо придумать что-то другое».

Сама государыня Идеологическая Система была против этого варианта. Обойдясь без пиратов и боев в космическом пространстве, АН, конечно, довел-таки его до конца, но после совместного обсуждения и разбора вариант был отвергнут — уже самими соавторами. В окончательный текст ПнА вошли из него только несколько кусочков.)

Кажется, именно «Путь на Амальтею» была первой нашей повестью, написанной в новой, упомянутой выше, манере «хемингуэевского лаконизма». Кроме того, она впервые работалась и самым новейшим способом: оба соавтора сидят у большого обеденного стола в маминной комнате в Ленинграде напротив друг друга, один за машинкой, другой — с листом бумаги и ручкой (для записи возникающих вариантов) и — слово за словом, абзац за абзацем, страница за страницей — ищут, обсуждают и шлифуют «идеальный окончательный текст».

...Конец октября — начало ноября 1959 года. На улице холодно. Трещат поленья в большой кафельной печи. Мама хлопочет на кухне, иногда заходит к нам на цыпочках — что-нибудь взять из буфета. Все еще живы и даже, в общем, здоровы. И все впереди. И все получается. Найдены новые способы работы, работает удивительно легко, и все идет как по маслу: повесть «С грузом прибыл» и три рассказа — «Странные люди», «Почти такие же», «Скатерть-самобранка» — закончены (или почти закончены) были меньше чем за месяц. Казалось, теперь всегда будет так — легко и как по маслу. Но это нам только казалось.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Стругацкий</i>	
Предисловие плюс	5
<i>Л. Филиппов</i>	
Умный не скажет... ..	7

1955–1959

Страна багровых туч	33
Извне	333
Рассказы	395
Спонтанный рефлекс	397
Человек из Пасифиды	417
Шесть спичек	445
Испытание «СКИБР»	465
Забытый эксперимент	484
Частные предположения	508
Чрезвычайное происшествие	530
Путь на Амальтею	547

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из критики тех лет	629
<i>Б. Стругацкий</i>	
Комментарии к пройденному	638

А. и Б. Стругацкие

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 11-ти ТОМАХ

В собрании сочинений
будут опубликованы следующие произведения:

**ТОМ 1
(1955–1959)**

Страна багровых туч

Извне

Рассказы:

Спонтанный рефлекс

Человек из Пасифиды

Шесть спичек

Испытание СКИБР

Забытый эксперимент

Частные предположения

Чрезвычайное происшествие

Путь на Амальтею

**ТОМ 2
(1960–1962)**

Полдень, XXII век

Стажеры

В наше интересное время

ТОМ 3
(1961–1963)

Попытка к бегству
Далекая Радуга
Трудно быть богом
Рассказы:

Первые люди на первом плоту
Бедные злые люди

ТОМ 4
(1964–1966)

Хищные вещи века
Беспокойство (Улитка на склоне — 1)
Улитка на склоне
Второе нашествие марсиан

ТОМ 5
(1967–1968)

Сказка о Тройке — 1
Сказка о Тройке — 2
Обитаемый остров

ТОМ 6
(1969–1973)

Отель «У Погибшего Альпиниста»
Малыш
Пикник на обочине
Парень из преисподней

ТОМ 7
(1973–1978)

За миллиард лет до конца света
Град обреченный
Повесть о дружбе и недружбе

ТОМ 8
(1979–1984)

Жук в муравейнике
Хромая судьба (+ Гадкие лебеди)
Волны гасят ветер

ТОМ 9
(1985–1990) Киносценарии

Отягощенные Злом, или Сорок лет спустя
Жида города Питера
Киносценарии
 День затмения
 Понедельник начинается в субботу
 Машина желаний
 Сталкер
 Отель «У Погибшего Альпиниста»
 Пять ложек эликсира
 Туча

ТОМ 10
С. Ярославцев.
С. Витицкий

С. Ярославцев
Экспедиция в преисподнюю

Подробности жизни Никиты Воронцова

Дьявол среди людей

С. Витицкий

Поиск предназначения, или 27-я теорема этики

ТОМ 11

Неопубликованное. Варианты. Публицистика

Неопубликованное

Как погиб Канг

Песчаная горячка

Затерянный в толпе

Звездолет «Астра-12»

«Кто скажет нам, Эвидаттэ?...»

Страшная большая планета

Нарцисс

Возвращение

Венера. Архаизмы

Год Тридцать Седьмой

Дни Кракена

Мыслит ли человек?

Адарвинизм

Варианты

В этом разделе будут опубликованы отрывки из черновиков или ранних редакций произведений, по тем или иным причинам не вошедшие в окончательные тексты.

Избранная публицистика

Наиболее значительные и интересные беседы и статьи разных лет.

А. и Б. Стругацкие

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 11-ти ТОМАХ

**В каждом томе читайте комментарии
Бориса Натановича Стругацкого**

Комментарии — это описание долгого творческого пути от дебюта к мастерству, автобиографии, переписка между братьями-соавторами, выдержки из дневников, хроники написания всех произведений А. и Б. Стругацких.

Почему Максим Ростиславский стал Максимом Каммерером? Как пиратская публикация в журнале «Грани» послужила усилению травли писателей? Чем было интересно сотрудничество с Андреем Тарковским и другими режиссерами? Откуда появились имена С. Ярославцев и С. Витицкий? Как цензура и самоцензура изменила произведения писателей до вариантов, которые всем известны? На эти и множество других вопросов почитатели творчества Стругацких смогут узнать ответы, прочитав мемуары Бориса Стругацкого.

**Читайте в 5-м и 6-м томе воспоминания
Н. Берковой и Б. Клюевой**

Две женщины, стоявшие на первом рубеже войны с бюрократами и цензурой за чистоту жанра, два легендарных редактора, чьи детища способствовали формированию вкуса не одного поколения читателей фантастики, рассказывают о дружбе и совместной работе со Стругацкими и о трудностях публикации их произведений.

Нина Матвеевна БЕРКОВА — редактор ежегодных «Миров приключений» и фантастики в популярной серии «в рамочке» издательства «Детская литература» в 50–70-е годы.

Белла Григорьевна КЛЮЕВА — редактор серии «Библиотека советской фантастики» и «Библиотеки современной фантастики» (БСФ) в 25 томах издательства «Молодая гвардия» в 50–70-е годы.

Томы 1–9 включают раздел «Из критики тех лет».

Отрывки из критических статей и обзоров о книгах Стругацких, написанные сразу после первой публикации произведения, позволяют окунуться в атмосферу прошедших лет, узнать (или вспомнить), как реагировала официальная критика на новые произведения Стругацких, за что их ругали или хвалили, сравнить различные мнения о произведениях и, может быть, острее ощутить, насколько же изменились за это время наша жизнь и мы.

Литературно-художественное издание

Аркадий Натанович Стругацкий
Борис Натанович Стругацкий

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в одиннадцати томах

Том 1

В собрании сочинений использованы фотографии из
архивов Б. Стругацкого, Б. Ключевой и
группы «Людены»:

В. Борисова, В. Ефремова, В. Казакова, Ю. Флейшмана.

Ответственный редактор Т. М. Мороз
Редактор Л. И. Филиппов
Технический редактор А. В. Полтьев
Корректор И. Г. Семенова

Подписано в печать 10.11.2000. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать высокая. Гарнитура «Антиква».
Уч.-изд. л. 41,03. Усл. печ. л. 35,28. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 2352.

Издательство «Сталкер»
83048, Украина, г. Донецк, ул. Артема, 147а.

Издательство «Terra Fantastica»
Издательского дома «Corvus»

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 066477 от 30.03.99.

190121, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронный адрес: WWW.TF.RU,
E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

